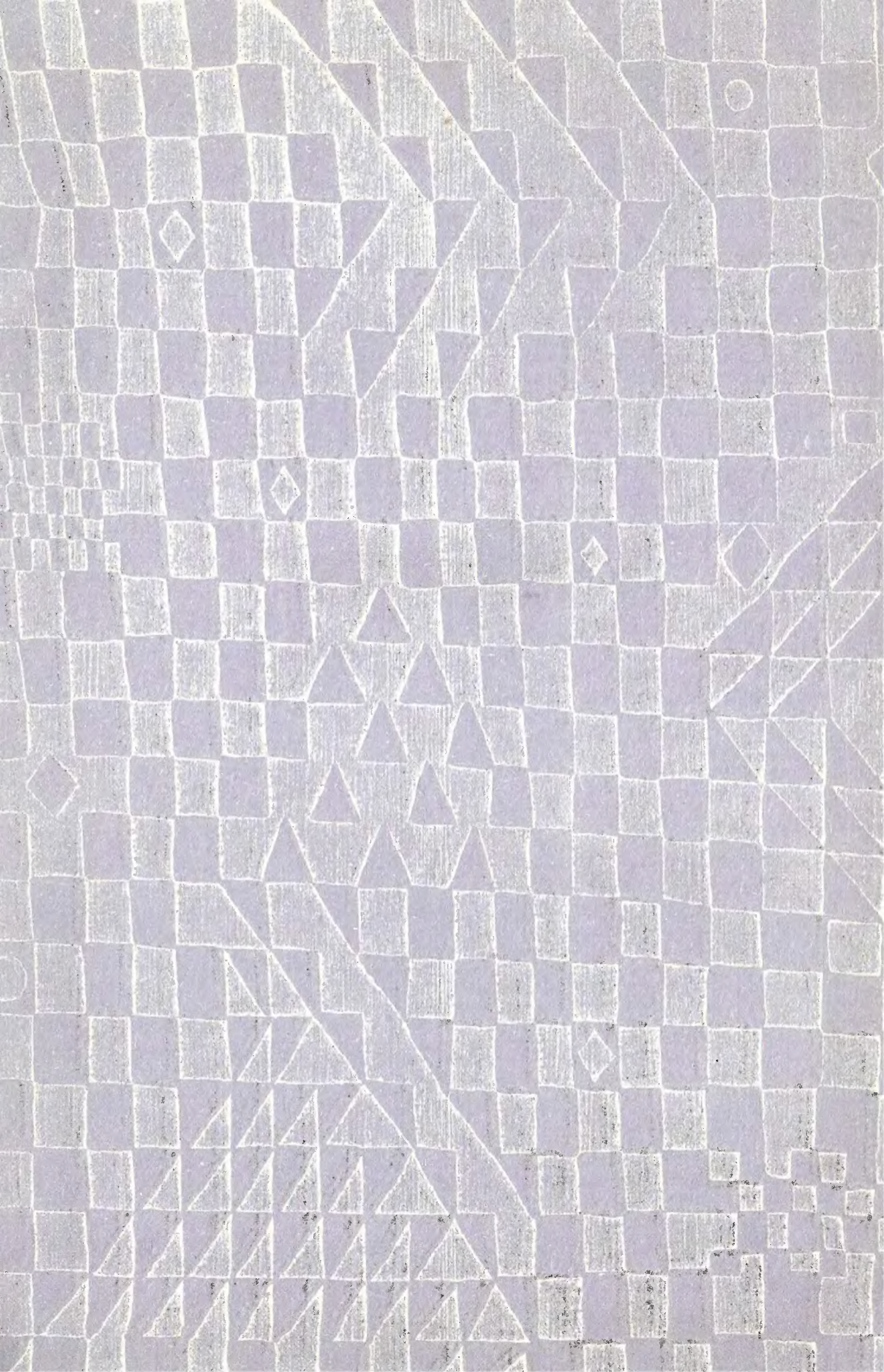

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

АСТРИД ЛИНДГРЕН
ДЖАННИ РОДАРИ
ПАМЕЛА ТРЭВЕРС
АНТУАН де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

БИБЛИОТЕКА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

АСТРИД ЛИНДГРЕН

*М*АЛЫШ И КАРАСОН

•

ДЖАННИ РОДАРИ

*Т*РИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

•

ПАМЕЛА ТРЭВЕРС

*М*ЭРИ ПОППИНС

•

АНТУАН де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

*М*АЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

•

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1983

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
«БИБЛИОТЕКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

Алексеев С. П.	Думбадзе Н. В.	Мотяшов И. П.
Алексин А. Г.	Коржев Г. М.	Мустай Карим
Барабаш Ю. Я.	Леонов Л. М.	Новожилова Э. Г.
Благой Д. Д.	Лихачев Д. С.	Пешеходова Г. К.
Верейский О. Г.	Ломунов К. Н.	Прилежаева М. П.
Виноградов А. А.	Марков Г. М.	Свиридов Н. В.
Гамзатов Расул	Межелайтис Э. Б.	Столетов В. Н.
Гончар Олесь	Миршакар Мирсанд	Стукалин Б. И.
Дехтерев Б. А.	Михалков С. В.	Танк Максим
		Шолохов М. А.

*

Предисловие

Л. З. ЛУНГИНОЙ

Оформление серии

Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Оформление тома и рисунки

Б. А. ДИОДОРОВА

Л 4803020000—237 Подп. изд.
М101(03)83

© Предисловие. Комментарий.
Оформление. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г.

ЖИВОЕ ЧУДО СКАЗКИ

1. «Расскажи мне что-нибудь...»

Когда вы были еще совсем маленькие, вы, наверно, частенько просили маму или папу, бабушку или дедушку:

— Расскажи мне что-нибудь...

И тогда мама или папа, бабушка или дедушка принимались рассказывать вам сказки, которые они в свое время, когда еще сами были детьми, слышали от своих пап и мам, бабушек и дедушек. А тем, в свою очередь, много-много лет назад эти самые сказки, должно быть, сказывали их папы или мамы... Так из поколения в поколение сказки передавались от одного к другому, по цепочке, однако эта цепочка, уводящая нас в далекое прошлое, вдруг сама превращается в некую сказочную цепочку, потому что она, оказывается, не имеет начала. Ведь неизвестно, кто именно первый сочинил сказку, скажем, про братца-Иванушку или про Василису Прекрасную. Да вы, конечно, и сами знаете, что эти русские народные сказки (как и любые другие народные сказки) не имеют автора, вернее, у них великое множество авторов, потому что каждый, кто их рассказывал, вносил что-либо свое, добавляя или убавляя. Так, просеиваясь сквозь сито времени, переходили эти сказки в течение сотен лет из уст в уста... Обратите внимание: из уст в уста! Сказка, народная сказка, будь она русская, французская, английская или африканская, какая хотите, — это прежде всего устное слово, то, что один человек рассказывает другим. И текст ее, закрепленный бесчисленными повторениями, обычно выражает народное представление о добре и зле, народную мечту о справедливости, народную мудрость.

«Какое же это устное слово?» — возразите вы, потому что у большинства из вас на книжной полке стоят пестрые томики сбор-

ников народных сказок. Конечно, теперь таких книжек издано очень много, но это лишь поздние записи того, что многие века существовало только устно. Записывать народные сказки люди начали уже довольно давно, но настоящий интерес к устному народному творчеству — фольклору, как его называют ученые, — возник лет сто пятьдесят тому назад.

Примерно в те же годы широкое признание у читателей всех возрастов получает и литературная сказка, то есть сказка не фольклорная, а написанная определенным автором. Поймите меня правильно: сказки писатели сочиняли во все времена (вспомним хотя бы Шекспира, Вольтера, Бальзака, Гоголя), но к детям литературная сказка повернулась лишь в прошлом веке, когда она вообще утвердилась как вполне самостоятельный вид литературного творчества.

Все вы, я надеюсь, знаете замечательную сказку про Щелкунчика Э. Т. А. Гофмана и сказки, которые английский математик и сказочник Льюис Кэрролл сперва рассказал, а затем записал и подарил маленькой Алисе, а значит, и всем вам: «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Читали вы, конечно, и сказки Перро, и сказки братьев Гримм, и сказки Гауфа...

Много было выдающихся сказочников и у нас, в России (нет возможности их все здесь перечислить, но все же нельзя не упомянуть сказки Пушкина, «Конек-горбунок» Ершова и «Аленький цветочек» Аксакова), и на Западе, но звонче всех, пожалуй, прославил литературную сказку хорошо вам известный датский писатель Ганс-Христиан Андерсен.

Даже если из всего, что написал Г.-Х. Андерсен, сохранились бы только четыре сказки — «Стойкий оловянный солдатик», «Снежная королева», «Огниво», «Новый наряд короля», — то вы все равно знали бы, каким, по Андерсену, должен быть человек: стойким, как оловянный солдатик, простоявший, несмотря на превратности судьбы, всю жизнь на одной ноге, верным, как Герда, обошедшая чуть ли не полсвета в поисках своего друга Кая; бесстрашным, как солдат из сказки «Огниво», не унывавший в самых трудных обстоятельствах, и прямодушным, как маленький мальчик в «Новом наряде короля». И в этом стремлении не просто развлечь, позабавить, но выразить что-то очень существенное литературная сказка продолжает традиции народной. А в чем же еще? Ведь она, как правило, не обращается к классическим сказочным сюжетам, легко обходится без привычных сказочных персонажей вроде бабы-яги, да и без чудес в духе скатерти-самобранки тоже. Ее чудеса совсем иного рода — они главным образом проявляются в полной, чудесной свободе поведения героя и в его поистине сказочных возможностях. И действие литературной сказки разворачивается обычно не в «некоем царстве, некоем государстве», а в самых обыкновенных квартирах самых обыкновенных домов

современного города и, уж во всяком случае, в наши дни. И все же, несмотря на эти, да и многие другие бросающиеся в глаза различия, есть еще нечто, что сближает народную и литературную сказку. И это — только не удивляйтесь — образ героя. Я уже слышу, как вы со смехом спрашиваете: «Что же общего между братцем-Иванушкой и Маленьким принцем или, допустим, Емелей из сказки «По щучьему веленью» и Мэри Поппинс?» Конечно, на первый взгляд может показаться, что сопоставлять этих героев просто нелепо. Ну а если не на первый взгляд?..

Нет ли у вас в классе мальчика или девочки, которые «не как все» — может, меньше и слабее других или, наоборот, толще и неуклюжей, а может, просто робче, незащищенной, — одним словом, таких, которых дразнят, обзывают «чудиками», и не случилось ли вам вместе со всеми над ними смеяться? Если случилось, то, прежде чем снова насмехаться, вспомните, что ребята эти сродни многим героям народных сказок, всем «младшим братьям», бедным, слабым, по молве — глупым, над которыми «люди добрые» без устали потешаются, но которые, однако, в конечном счете оказываются сильнее, смысленнее и удачливее «умных», ведь это именно они, при всей своей неказистости и беспечности, добывают жар-птицу или там волшебное яблоко, отгадывают загадки, разгадать которые, казалось бы, невозможно, выполняют работу, всем непосильную, и получают в награду царскую дочь.

Народная сказка всегда защищала чудака, того, кто «не как все», и в этом выражается народная мудрость — понимание того, что в подобных натурах таятся скрытые возможности, что есть жизненные обстоятельства, когда обывательский «здравый смысл» бессилен. И вместе с тем в такой развязке сказывается народное великодушие, чувство справедливости, потребность защитить смешных и слабых, вознести их на самый верх социальной лестницы, перевернув привычную схему отношений, дать им восторжествовать над благополучной посредственностью.

Вот этот глубокий и вместе с тем гуманный подход к человеку литературная сказка и переняла у народной. Она тоже встала на защиту тех, кто «не как все», ее герои тоже нередко смешны и нелепы (как Карлсон или Пеппи Длинныйчулок) и уж во всяком случае ни на кого не похожи (Маленький принц или Мэри Поппинс), но при этом они — герои в полном смысле слова, то есть они всегда на высоте положения. Короче, литературная сказка типом своего героя утверждает вслед за народной право каждого быть самим собой, идти в жизни не по проторенным дорожкам, а своим собственным путем.

Обманчивость первого впечатления литературная сказка тоже позаимствовала у народной. Точно так же, как Иванушка оказывается самым умным, а лентяй Емеля — самым предприимчивым, Маленький принц, поначалу представляющийся нам всего лишь

наивным ребенком, обнаруживает куда больше мудрости, чем «серьезные деловые люди», а строгая няня Мэри Поппинс вводит своих воспитанников в страну мечты и фантазии. Иначе говоря, литературная сказка, как и народная, предостерегает от чрезмерно поспешных оценок и выводов, показывает, как наружность частенько не соответствует тому, что за ней скрывается.

Как видите, общего между народной и литературной сказкой очень много. Ну а в чем же все-таки состоит их главное различие? Да именно в том, что у литературной сказки есть автор, что она — результат не коллективного народного творчества, а индивидуального творчества того или иного писателя и все в ней определяется его личностью, его восприятием мира, характером его фантазии и юмора. В народной сказке устоявшиеся, закрепленные веками образы героев и типы чудес бесконечно повторяются в разных сочетаниях. А вот в этой книге, переходя от автора к автору (сами в этом убедитесь, когда будете читать), вы всякий раз сталкиваетесь с совершенно новым пониманием сказочного чуда и всякий раз попадаете в некий особый, неповторимый мир: лукавый мир Астрид Линдгрен, где чудо — это прежде всего воплощенная детская мечта, поэтичный мир П. Л. Трэверс, где чудо рождается из самой стихии языка, из буквального понимания образных выражений, условный мир Джанни Родари, который, очеловечивая растения, создает как бы модель социальной структуры итальянского общества, и, наконец, мир Сент-Экзюпери, для которого чудо, подлинное чудо жизни таится в самом обыденном, — чудо глотка воды из колодца, когда мучает жажда, чудо любви и нежности между вчера еще чужими существами... Да, у каждого из названных писателей, как вообще у любого настоящего сказочника, все неповторимо: и отбор жизненного материала, и подход к нему, и сама интонация рассказа, и язык. Из этого и складывается то, что при анализе сказочной повести мы называем ее художественным своеобразием. И часто главное впечатление производит не ее сюжет, не увлекательные приключения героев, а встреча с новым, поразившим нас писателем, который открывает нам что-то неведомое. И еще мне хочется обратить ваше внимание на то, что, в отличие от народной сказки, где добро, как правило, торжествует над злом, у литературной сказки бывает и грустный конец. Но это не мешает полюбившейся в детстве сказке стать потом спутником всей жизни. Так случилось, например, с нашим известным космонавтом Георгием Береговым, который взял с собой в полет «Маленького принца»... «Мне близок летчик и человек Сент-Экзюпери, — писал он, — человек, державший штурвал до конца и видевший землю глазами поэта, мне близки его книги».

II. Трудно жить без Карлсона

Наверное, у вас тоже захватило бы дух от волнения и по спине побежали бы мурашки, как у Малыша, о котором вам рассказывает в своей сказке-повести шведская писательница Астрид Линдгрен, если бы мимо вашего окна пролетел толстый человечек с пропеллером на спине и кнопкой на животе и, сделав несколько кругов, приземлился бы на вашем подоконнике. А тем более, если бы это случилось в тот день — а ведь у всех бывают такие дни, — когда чувствуешь себя одиноким, всеми брошенным и решительно не знаешь, чем заняться. И тут — о чудо! — вдруг с неба, а точнее, с маленького домика на крыше, притаившегося за трубой, к вам сваливается, точнее, прилетает «лучший в мире Карлсон».

Так кто же он, этот Карлсон? «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил», как он сам себя определяет? Или просто невоспитанный, толстый озорной мальчишка, как считает «домомучительница» фрекен Бок, поселившаяся у Малыша на время отъезда родителей? Или спутник-шпион, как пишут в газете, надеясь таким путем увеличить число подписчиков? Или просто выдумка, как считала Гунилла, подруга Малыша, пока не увидела примостившегося на верхней полке шкафа маленького толстого человечка?

Чтобы решать, кто же он на самом деле, этот Карлсон, надо прежде всего попытаться разобраться в том, какой он. А это не так-то просто, и в этом вы сейчас убедитесь.

Что Карлсон самый веселый и забавный в мире, это уж точно. Но вместе с тем самый обидчивый и капризный тоже. Как бы увлеченно Карлсон ни играл с Малышом — в прятки ли, в привидение, в Красную Шапочку и волка, в вечер чудес или в мумию — всего не перечислишь, как бы самозабвенно он ни «низводил» «домомучительницу» фрекен Бок, таская у нее из-под носа свежееиспеченные плюшки, как бы энергично ни «взбадривал» отменным «дураковалянием» дядю Юлиуса, — достаточно было самой малости, чтобы он вдруг надулся и заявил: «Нет, так я не играю! Сейчас улечу домой!» И тогда его надо было немедленно утешить либо маленьким подарком, либо тефтелькой или конфеткой, либо просто ласковым словом, и вмиг он снова становился веселым и придумывал новые шалости. «Я самый милый и добрый в мире», — говорит о себе Карлсон. И правда, он милый и добрый: он лучшая в мире нянька для «чрезвычайно заброшенного младенца» Гюль-фии, он мгновенно прилетает на помощь Малышу, когда «домомучительница» запирает его в комнате, он даже дарит ему свой любимый свисток, он ради Малыша отказывается от славы — просит не печатать его имени в газете... Но при этом, учтите, он лентяй и хитрец. Он так и норовит провести Малыша, перевалить на него все свои дела — например, он заставляет его подметать

у себя пол, весь заваленный ореховой скорлупой и апельсинными корками, и шить новый «привиденческий» костюм, да еще возмущается нерасторопностью друга. А сам в это время полеживает себе на диванчике и распевает... Однако не подумайте, что он будет вот так же валяться, если кому-то угрожает настоящая опасность. Когда Малыш чуть было не свалился с крыши или когда заправские жулики хотели обобрать приехавшего из деревни простофилю Оскара, а потом ограбить квартиру Свантесонов, Карлсон не сидел сложа руки, не надеялся на других, а действовал сам, причем быстро и решительно. Он и в самом деле «лучший в мире спасатель и лучший в мире укротитель воров», тут вы можете ему поверить, хотя вообще-то ему не всегда можно верить, и Малыш это заметил. Ведь Карлсон сказал Малышу, что у него в домике на крыше тысяча паровых машин, а потом оказалось, что там нет ни одной — они будто бы все взорвались. И собак Альбергов, уверял он, у него тысяча, но и их Малыш не увидел — они будто бы все улетели. Летающие собаки Альберг!.. И про жар он придумал, чтобы съесть самому весь «приторный порошок», это лучшее лекарство от всех болезней. Недаром он говорит о себе: «Угадай, кто лучший в мире выдумщик?» И лучший в мире хвастун тоже он — ведь он всегда и во всем «лучший в мире». А значит, и лучший «делильщик». Но я вам не посоветовала бы делить с Карлсоном плюшки, конфеты или даже простые мясные тефтельки, он вас обязательно обделит, да еще обзовет обжорой, как это было не раз с Малышом или, например, с Гуниллой, когда она взяла с блюда кусочек торта. Но если вы сделаете из этого вывод, что Карлсон жадный, то ошибетесь. Его можно, конечно, подразнить, ведь недаром он поет: «Люблю жевать», но по сути он совершенно бескорыстный. Ведь ему не только не захотелось стать мультимиллионером, но он даже не взял в редакции полагающееся ему вознаграждение в десять тысяч крон за раскрытие тайны «неопознанного объекта», а лишь набил себе карманы блестящими пятиэровыми монетками. И вряд ли он когда-нибудь придет с тачкой за остальной суммой, как пообещал, ведь его интересуют только забавы, и проказы, и веселье, а для этого деньги не нужны, а нужно просто быть Карлсоном.

Как видите, двумя словами и в самом деле не скажешь, какой Карлсон, — уж очень много в нем разного. Но тогда вы, может быть, хоть скажете, на кого же он похож. Я не сомневаюсь, что вы не раз подмечали такие вот смешные стороны во многих ваших товарищах. И вы правы, на каждого из них Карлсон действительно похож, но еще больше он похож на них всех, вместе взятых, вообще на вас всех, какими вы становитесь в определенном возрасте, часто вопреки вашим личным качествам и характеру. А потом вы перестаете быть такими. Перестаете, когда начинаете смеяться не только над проказами и шалостями Карлсона, но и над ним

самим — над его беззастенчивым хвастовством, над его наивным враньем, над его безмерным обжорством, над его непоседливостью и обидчивостью... А раз вы над всем этим уже смеетесь, значит, вы растете, взрослеете, начинаете постепенно расставаться с детством, уже понимаете, что вызывает смех. Вы меняетесь, как меняется и взрослеет от книги к книге и Малыш. И тут наступает момент, когда Карлсон, который не меняется, становится для вас как бы зеркалом, может быть, даже кривым зеркалом (ну, как в комнате смеха, когда выпячиваются отдельные черты лица), в котором вы видите ваши собственные слабости и недостатки. И вы вдруг понимаете, что, смеясь над Карлсоном, вы смеетесь немного и над самими собой.

Вот и выходит, что «лучший в мире проказник», проделки которого так пугали некоторых очень серьезных дядей и тетей (плохой, мол, пример детям подает), на деле оказывается еще и «лучшим в мире воспитателем» — он поможет вам впервые в жизни взглянуть на себя критически, «со стороны». А это, может быть, самое трудное из всего, чему вам надо научиться. Да что и говорить, трудно жить без Карлсона.

И не думайте, что, прощаясь с детством, вы проститесь с Карлсоном. Без него так просто не обойдешься. Вы не забудете его смешных фраз вроде: «Спокойствие, только спокойствие», «Отлично, продолжим разговор», «От пирогов не толстеют» и тому подобные, которые, как оказывается, могут пригодиться и во взрослой жизни. И вы будете скучать по Карлсону, как мы все скучаем по детству.

Мы так и не нашли разумного ответа на поставленный вопрос: «Кто же он все-таки, этот Карлсон?» Но по секрету я вам скажу: он — чудо, живое чудо сказки, вырастающей из действительности. Ждите его, тогда он, возможно, и к вам прилетит.

III. Мир, где люди в приподнятом настроении взлетают под потолок и опускаются на землю, только упав духом

У мистера Бэнкса, о котором рассказывает в своей книге «Мэри Поппинс» современная английская писательница П. Л. Трэверс, не было с о с т о я н и я, а значит, он был не в с о с т о я н и и обеспечить своей жене миссис Бэнкс все сразу. Он ей так прямо и заявил: «Выбирай, дорогая, одно из двух: или чистенький, новенький дом, или четверо детей». И миссис Бэнкс выбрала детей. Так у нее появились Джейн и Майкл, а потом еще Близнецы.

Каждое утро мистер Бэнкс отправлялся в Сити «делать деньги», как говорят в Англии. И дети его представляли себе, как их

папа весь день трудится, вырезая шиллинги и пенсы и штампуя монетки в полкроны. А миссис Бэнкс рассылала тем временем во все газеты объявления с просьбой поскорее прислать им «самую лучшую няню», да еще «с самым маленьким жалованьем», потому что, как я вам уже сказала, у мистера Бэнкса не было с о с т о я н и я, и он был не в с о с т о я н и и...

И вот Джейн и Майкл сидели у окна и ждали, кого же им пришлют. Вдруг они увидели, как в садик вошла девушка, поднялась в воздух и полетела прямо к дому.

Так появилась у них няня Мэри Поппинс. У нее были блестящие черные волосы — как у куклы — и пронзительные синие глаза. Дети сразу же догадались, что она что-то вроде волшебницы. И вовсе не потому, что из совершенно пустой сумки, которую принесла с собой, она вынула (к их крайнему изумлению) накрахмаленный белый фартук, кусок туалетного мыла, раскладушку и еще несколько не менее нужных предметов, а, скорее, потому, что невозможно было смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться. «Было в ней что-то странное и необыкновенное, отчего делалось и страшно, и весело!» Строгая была няня, хмурая и малословная, но дети ее сразу полюбили. Так они поняли на своем опыте (а вы — вместе с ними), что внешние проявления не всегда раскрывают суть человека.

С Мэри Поппинс в жизнь детей вошли чудеса. Разные чудеса, и самые будничные, повседневные, вроде большой бутылки, из которой она каждому наливала перед сном то, что он любит (Майклу — клубничное мороженое, Джейн — лимонный сок с сахаром, Близнецам — молоко, а себе — пунш), или расстегивающиеся от одного ее взгляда крючки и пуговицы, и совершенно из ряда вон выходящие, «всамделишные» чудеса: например, празднование дня рождения Мэри Поппинс ночью в зоопарке, (люди сидят в клетках, а звери смотрят на их кормление, и королевская кобра преподносит имениннице в подарок свою кожу). Может быть, детям все это только приснилось? Но как же им обоим мог присниться один и тот же сон? И почему тогда наутро у Мэри Поппинс появился новый пояс из золотистой змеиной кожи? Однако все эти чудеса имеют нечто общее — они как бы мостик в страну мечты и фантазии, причем всегда вашей мечты и вашей фантазии. Кто из вас не мечтал, чтобы рыбий жир или микстура превратились вдруг в мороженое или сок? Или чтобы замысловатые крючки и тугие пуговицы, с которыми вы мучаетесь по утрам и вечерам, сами застегивались и расстегивались? И кто из вас не задумывался над тем, что происходит в зоопарке по ночам, когда нет посетителей, а сторожа спят? И кто не жалел запертых в клетки зверей и не считал, что это несправедливо? Вот они какие, чудеса няни-волшебницы, — это ваши осуществленные желания, представления, предположения.

Впрочем, есть в истории про Мэри Поппинс и другие чудеса — чудеса, рождающиеся из буквального понимания того или иного устойчивого словосочетания. Помните, у Андерсена в «Снежной королеве» маленькая разбойница сидела на шее у своей мамы? В буквальном смысле слова. Точно так же разгуливающая по городу Рыжая Корова, о которой Мэри Поппинс рассказывает детям, искала свою звезду. В буквальном смысле слова. Точно так же мистер Паррик, дядя Мэри Поппинс, бывал в день своего рождения в таком приподнятом настроении, что взлетал под потолок. Тоже в буквальном смысле слова. Взрослые сказали бы про это — «овеществленная метафора» (в старших классах вы узнаете, что это значит), а вы скажете — чудо, и будете тоже правы. Но при этом надо иметь в виду, что это не просто чудо, а такое, которое выражает определенное состояние, настроение... Все вы знаете, что бывает, когда в рот залетает смешинка. А мистер Паррик хохотал так заразительно, что его смешинки попали в рот Джейн и Майклу, и они наполнились весельем, как газом, они стали легкие-легкие, оторвались от пола и взмыли в воздух. Такого, конечно, с вами никогда еще не происходило, но вам наверняка случалось забыть в порыве безудержного и беспричинного смеха про все свои самые неотложные дела и обязанности, на время как бы отгородиться этим смехом от всего, что вокруг. Висящие в воздухе под потолком Джейн и Майкл есть лишь крайнее выражение такого вот знакомого, не раз пережитого вами состояния... И писательница продолжает играть словами и понятиями... Чтобы спуститься на пол, детям надо было пасть духом, то есть подумать о чем-то очень грустном, а это им никак не удавалось, потому что они дышали весельем, как воздухом. И только мысль, что уже пора идти домой — первая печальная мысль за этот замечательный день, — вернула их с небес на землю, точнее, с потолка на пол.

Вот так П. Л. Трэверс и создает, рассказывая о хорошо знакомых вам вещах, о визите к дяде или прогулке в парке, особый мир радужных красок и неповторимых по остроте впечатлений детства, где многое из того, что вы сами чувствовали и пережили, и прежде всего ваше радостное удивление перед миром, выражено в форме чуда. Но вы растете, и чудес в вашей жизни становится все меньше и меньше. Вот взять, к примеру, Близнецов, лежащих в своих кроватках и мирно сосущих пальцы. Оказывается, в первый год своей жизни они еще не понимали — и Сквира, и деревья, и язык солнечных лучей и звезд. Как увлекательно беседовали они с солнечным лучиком и как удивлялись непонятливости взрослых! Узнав от Мэри Поппинс, что и они забудут все, что сейчас понимают, Близнецы горько плачут и клянутся, что с ними этого никогда не случится. Но вот им исполняется год, а с юга как раз прилетает Сквирец. Усевшись, как обычно, на решетку кроватки,

Скворец пытается завязать разговор с Близнецами, но ничего, кроме нечленораздельных «гули-гули» и «ай, ай, ай», в ответ не слышит. «Значит, уже?» — спросил он у Мэри Поппинс и проворно обмахнул крылом глаза.

Этот эпизод, несмотря на его шуточный тон, исполнен подлинной печали и должен служить вам предостережением: подрастая, не забывайте своего детства, в нем спрятан ключ к пониманию единства и гармонии мира, его красоты и поэзии. Кусочек детства надо пронести с собой во взрослую жизнь, если вы не хотите стать такими глухими и слепыми, как мистер и миссис Бэнкс.

Эту главку можно было бы назвать и иначе: «Все мы из страны детства».

IV. Как случилось, что во рту герцога Мандарина оказалась золотая рыбка

Все вы знаете сказку Пушкина «О попе и о работнике его Балде» и не раз смеялись над тем, как ловко Балда одурачивает жадного попа. Таких веселых, озорных сказок, где работник, или бедный крестьянин, или солдат, проявив редкую смекалку, необыкновенную находчивость и подлинное бесстрашие, высмеивает барина, попа, а то и самого царя и всякий раз выходит победителем в борьбе со своими врагами, было много в России. И конечно, не только в России, но и везде, где царило неравенство и где простые труженики терпели нужду и угнетение. Там, где еще есть дворцы и лачуги, богачи и бедняки, угнетатели и угнетенные — как, скажем, в Италии, — сказка и сегодня не утратила своего задорного боевого духа. Вот этот самый задорный боевой дух итальянской народной сказки и перенял писатель Джанни Родари, когда стал сочинять историю про мальчика-луковку Чиполлино.

Жестокий и жадный принц Лимон отбирал у бедняков своей страны каждый заработанный ими грош, а всех недовольных велел своим солдатам-Лимончикам бросать в тюрьму. Народу, как вы понимаете, жилось в той стране не сладко. Да тут и удивляться-то нечему: сами посудите, может ли быть сладко с Лимоном? Вот взять хотя бы Чиполлоне (что по-итальянски значит «лук»), который ютился со своей огромной семьей (ведь у него было восемь сыновей!) в жалкой лачуге чуть побольше ящика для огородной рассады. Дети с раннего детства узнали, что такое нужда и горе, а когда солдаты-Лимончики к тому же схватили их отца, они... Известное дело, где лук, там и слезы (в этом вы сами можете легко убедиться, если разрежете луковицу)... Но только не думайте, что Чиполлино тоже заплакал. И вовсе не потому, что он старший (он был еще достаточно маленьким, чтобы иметь право заплакать по такому серьезному поводу), а лишь потому, что он из тех, кто

никогда не унывает, не падает духом, не теряется. Есть ведь такие ребята. И не только в сказках. Веселый и находчивый Чиполлино за словом в карман не полезет, он неистощим на выдумки, когда надо вызволять друзей из беды. А вызволять друзей из беды ему приходилось постоянно — ведь вы уже знаете, как принц Лимон правил своей страной: мошенников он держал при дворе, а честных граждан сажал в тюрьму. Не будь Чиполлино, у кума Тыквы так и отняли бы его домик, который он с таким трудом себе построил, а мастер Виноградинка, профессор Груша и другие жители деревни, заточенные кавалером Помидором, управляющим богатых помещиц графинь Вишен, в подземелье замка, и по сей день не вышли бы на свободу, и сыщик мистер Моркоу со своей собакой Держи-Хватай понаделал бы немало бед, не попадись они в ловушку, так ловко расставленную... Впрочем, не стоит вам пересказывать уже давно ставшие знаменитыми приключения Чиполлино.

Но обратите внимание вот на что: в сказочной фруктово-ягодно-овощной стране, созданной фантазией Джанни Родари, все то, что растет прямо на земле, так сказать, не отрывается от нее, это — народ. Вот, скажем, Лук, а также Лук Порей, Тыква, Земляничка, Черника... Смотрите, до чего точно писатель определил характеры своих героев в том обществе, которое описывает. Толстяк кавалер Помидор с красными надутыми щеками (казалось, они вот-вот лопнут) уже поднялся над землей и тем самым над народом и угнетает его, а зеленый от злости адвокат Горошек, который за все цепляется своими усиками, лишь бы только забраться повыше, оказывается не только крючкотвором, но и предателем. Что же до графинь Вишен, барона Апельсина и герцога Мандарина — ведь все эти плоды, как вы знаете, растут на деревьях, — то тут и говорить нечего, они вознеслись высоко, совсем оторвались от родной почвы, какое им дело до бед и страданий тех, кто живет там, внизу, на земле. Ну, а кислый-прекислый принц Лимон уже давно всем набил оскомину, но, возможно, он еще долго издевался бы над своими подданными, если бы в один прекрасный день земля не разверзлась у его ног — да, да, представьте себе, разверзлась земля, а как это случилось, вы узнаете, когда прочтете сказку, — и из образовавшегося отверстия не показался бы... ну конечно же, Чиполлино. Мальчик вырвал бич из рук правителя и полоснул его по спине. И это послужило сигналом к восстанию. Герцог увидел на башне замка развевающееся знамя свободы и тут же решил утопиться. Когда же герцога Мандарина вытащили из бассейна, у него во рту оказалась золотая рыбка.

Над похождениями Чиполлино вы будете смеяться, и восхищаться каждой его удачной проделкой, и тревожиться, сумеет ли он одолеть своих врагов, хотя уже знаете, что сумеет. И вы их тоже будете ненавидеть, потому что они и ваши враги — ведь они гра-

бят тружеников и жестоко расправляются с беззащитными. А его друзьям вы будете сочувствовать и всем сердцем радоваться их победе, потому что это торжество справедливости. И от наплыва всех этих чувств вам самим захочется действовать в трудных обстоятельствах — а у кого их не бывает? — так же решительно, так же находчиво, так же бесстрашно, как Чиполлино.

V. «Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил»

Антуан де Сент-Экзюпери не писал для детей. И по профессии он был не писателем, а летчиком, замечательным, отважным летчиком, который прокладывал новые трассы и в самых трудных обстоятельствах героически выполнял свой долг до конца. Однако его прекрасные книги, такие, как «Ночной полет», «Земля людей», «Военный летчик» и, конечно же, «Маленький принц», принадлежат к лучшему, что было написано во Франции в двадцатом веке.

В «Маленьком принце», которого Сент-Экзюпери сочинил незадолго до своей гибели 31 июля 1944 года, он обращается в равной мере и к вам, и к вашим родителям, ко всем — и маленьким и большим, — кто хочет задуматься над жизнью и попытаться понять, что же в ней имеет настоящую ценность. Вот почему эту сказку, в которой писатель возвращается к своим излюбленным мыслям, но выражает их по-новому, принято называть философской. Но пусть вас не пугает это слово. Оказывается, и об очень серьезных и глубоких вещах можно говорить совсем просто и всем понятно. Особенно если обладать чувством юмора. А у Сент-Экзюпери, как вы убедитесь, его было хоть отбавляй.

«Нарисуешь удава, проглотившего слона, а взрослые говорят — шляпа», — сокрушается автор «Маленького принца», рассказывая, почему, вместо того чтобы стать художником, как он хотел, ему пришлось выбрать другую профессию — он научился водить самолеты. «Взрослым всегда все нужно объяснять... Я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах... Я говорил с ними об игре в бридж и гольфе, о политике и о галстуках... Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном: «Какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?..» Вы, конечно, сами понимаете, что, отзываясь так о взрослых, Сент-Экзюпери имеет в виду не всех взрослых (ведь сам-то он тоже был взрослым!), а только тех, кто забыли, что когда-то были детьми, тех, кто называют себя «серьезными людьми», тех, кто, как мистер Бэнкс (помните, папа из «Мэри Поппинс?»), «делают деньги» или все время складывают цифры, как «человек с

багровым лицом», ни разу за всю свою жизнь не понюхавший цветка, ни разу не поглядевший на звезду и никогда никого не любивший. О нем рассказал Маленький принц. Но ведь вы еще не знаете, кто это...

Представьте себе огромную пустыню Сахару. И посреди бескрайних песков, за тысячи миль от человеческого жилья, самолет, сделавший вынужденную посадку из-за поломки мотора. И летчик, который не знает, сумеет ли он справиться с аварией. И вот тут-то он вдруг видит «забавного человечка», прилетевшего, как потом постепенно выясняется, с очень маленькой планетки. Такой маленькой, что, передвигая стул, там можно было в любой час любоваться закатом, а разросшиеся баобабы могли ее разорвать на части своими корнями. Маленький принц, как хороший, разумный хозяин своей планеты, выпалывал баобабы, прочищал вулканы и ухаживал за любимой красавицей розой. Но она обижала его колкостями и капризами, и он страдал, а потом в один прекрасный день решил уйти.

На всех планетах, на которые Маленький принц попадал во время своих странствий, он и в самом деле чувствовал себя как с другой планеты — уже не в буквальном, а в переносном смысле — настолько непонятным, бессмысленным и даже просто скучным казалось ему там все, что он видел. Он побывал у Короля, отдававшего лишь те повеления, которые беспрекословно выполнялись (например, в час заката он приказывал, чтобы солнце зашло), у человека, который хотел, чтобы все его почитали, хвалили, повторяли, что он красивее, наряднее, богаче и умнее всех, хотя он был единственным обитателем этой планеты; у пьяницы, который пил, чтобы забыть, что ему стыдно пить; у делового человека, которому некогда было не только болтать, но и жить, — так он был занят своими подсчетами (это тот самый с багровым лицом, о котором мы уже упоминали); у фонарщика, который только и делал, что гасил и зажигал фонарь, исполняя уговор, давным-давно потерявший всякий смысл; у ученого, который уткнулся в книги, а вокруг себя ничего не видел и видеть не хотел... И Маленький принц не переставал удивляться (и вы, наверное, вместе с ним), какими странными вещами заняты все эти люди! А его простодушные, наивные вопросы еще больше обнажали их слепоту, тщеславие, эгоизм, жадность и скупость, равнодушие... Глядя на мир глазами Маленького принца, вы понимаете, что осуждает Сент-Экзюпери, что он ненавидит, и наверняка разделяете его чувства.

Но ведь в этой сказке главное не ненависть, а любовь, и хотя она написана в шутивно-ироническом тоне, смысл ее не в том, чтобы высмеивать и обличать. В пустыне (в пустыне Сахаре, конечно, но вместе с тем и в пустыне современного мира, среди «серьезных деловых людей») Маленький принц бесконечно одинок. «Я ищу друзей», — говорит он Лису. А Лис отвечает:

«Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня». И поясняет, что это означает: создать узы... Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...» Маленький принц понимает слова мудрого Лиса: «Есть одна роза... наверно, она меня приручила...»

«Приручить» на языке Сент-Экзюпери значит сильно привязаться к кому-то, испытывать к другому существу нежность, любовь, чувство ответственности за его судьбу. Но вместе с тем это значит расширить рамки своего мира, увидеть и почувствовать то, что прежде было недоступно. Прирученный Лис, например, становится совсем другим, чем был до этого, когда для него существовали только охотники и куры, преследователи и преследуемые. Тогда он на все смотрел с точки зрения своей пользы (охотники — плохо, куры — хорошо) и был слеп к красоте. Колосющееся поле, скажем, оставляло его совершенно равнодушным, поскольку хлеб его не интересовал. Но когда его приручил Маленький принц, золотые колосья пшеницы стали ему напоминать золотистую копну волос друга, и он полюбил их шелест на ветру. Точно так же для рассказчика оживают звезды, и он слышит в небе звон серебряных колокольчиков, напоминающий ему смех Маленького принца. Когда мы кого-то приручили, мы чувствуем себя сразу богатыми — столько новых впечатлений и переживаний! — потому что все, решительно все вокруг напоминает о любимом, прирученном нами существе и является «подарком сердца», как та вода из колодца, которая «родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворот, из усилий моих рук», чтобы утолить жажду Маленького принца.

«Серьезные, деловые люди» не получают таких подарков. Да они были бы и не способны их оценить. Поэтому Маленькому принцу становится ясно, что их могущество и богатство лишь кажущиеся, на самом же деле они бессильны и нищи. Ведь он теперь знает, что твоим становится только то, чему ты отдавал всю свою душу. Именно в этом, и только в этом, заключается разница между розой, которую он оставил на своей планете, и теми розами, которые он нашел на земле. «Вы красивые, но пустые,— говорит им Маленький принц.— Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра... Она — моя... Я в ответе за мою розу».

Да, Маленький принц не зря повторял слова Лиса, чтобы их лучше запомнить: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил». Запомните и вы их, ребята.

VI. Можно ли сказать про эти сказки:

«Все это сказки!»

Все вы, конечно, не раз говорили друг другу: «Да что ты мне сказки рассказываешь!», желая этим сказать, что все это, мол, выдумки, небылицы, не имеющие никакого отношения к правде жизни. Можно ли это сказать про сказки, собранные в этом альбоме? Зададим этот же вопрос иначе: толстый человечек с кнопкой на животе и пропеллером на спине, который только и делает, что проказничает, неизвестно откуда прилетевшая и так же неизвестно куда улетевшая няня-волшебница Мэри Поппинс, повседневно творящая чудеса, принц Лимон со своим войском Лимончиков и отважный мальчик-луковка, наконец, Маленький принц, прилетевший на землю с крошечной планеты, потому что поссорился с любимой розой,— все это, конечно, очень забавно, и читать эти истории интересно, слов нет, но связаны ли они хоть как-то с нашей жизнью, отражают ли подобные фантастические персонажи и нагромождение всевозможных чудес хоть в какой-то мере окружающую нас действительность? Впрочем, мне думается, что мы с вами уже достаточно разобрались в каждой из этих сказок, чтобы вы сами могли уверенно ответить на этот вопрос.

И все же мне хочется еще раз сказать, что если вы не смеялись бы от души над проделками Карлсона, не погружались бы в странный мир Мэри Поппинс, не возмущались бы подлостью принца Лимона и синьора Помидора и не сочувствовали всем сердцем борьбе Чиполлино и его друзей, если вы, наконец, не полюбили бы Маленького принца и не глядели бы на звезды, чтобы услышать звон колокольчиков, если вы не поверили бы в истину мудрого Лиса про то, что каждый в ответе за тех, кого приручил,— короче, если бы вы прошли мимо этих сказок, вы были бы другими. Не такими, какими будете, питаясь ими. Вот и выходит, что эти сказки вы читаете не только забавы ради, чтобы «слегка поразвлечься», как говорит Карлсон. Они, оказывается, помогают вам лучше понять и самих себя, и своих товарищей, и те отношения, которые вас связывают с окружающими вас людьми. А значит, есть и их доля в том, что никто из вас не станет «серьезным деловым человеком», как это понимал Сент-Экзюпери, что вы вырастаете честными, верными и сердечными людьми. Такими, которые, повзрослев, не забудут, что были детьми, и во взрослую жизнь возьмут с собой из детства бескорыстие, непосредственность, яркость восприятия и радостное удивление перед красотой мира.

Писатели, сочиняющие сказки, рассказывают их детям всего мира, объединяют их вокруг своих вымыслов, как бы роднят их. И в самом деле, все четыре сказки, которые вы сейчас прочтете, могут служить своего рода паролем, по которому люди будут узнавать друг друга. Ведь те, кто в детстве полюбил Карлсона или

Маленького принца — конечно, не просто прочли о них, а «приручили», — всегда поймут друг друга и сумеют договориться. Именно на это и рассчитывали их авторы, как и многие другие современные сказочники, которые обращаются к вам с надеждой и доверием, как к завтрашним взрослым, к тем, от которых в конечном счете зависит, чтобы не повторились ужасы, пережитые народами во время второй мировой войны. Они убеждены, что добрые, умные и веселые истории, прочитанные в детстве, истории, в которых вам открываются чудеса повседневной жизни и суть людских отношений, выраженная в форме чудес, помогут вам, ребята, вырасти настоящими людьми. Развлекая и забавляя вас, они стремятся научить вас самостоятельно думать и верно чувствовать. Они хотят, чтобы каждый из вас умел отличать честный поступок от бесчестного, благородный от неблагородного, мужественный от трусливого, и не только в крайних обстоятельствах, но и в самых будничных, что куда труднее. Для этого они и рассказывают вам свои сказки, выражающие в свободной фантастической форме правду жизни, ту подчас горькую правду, которую они проверили на своем личном опыте. Как видите, тут уж никак не скажешь: «Все это сказки!»

Л. Лунгина

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Малыш и Карлсон

Сказочные повести

Astrid Lindgren

LILLEBROR OCH KARLSSON PÅ TAKET.

Stockholm. Rabén — Sjögren, 1955.

KARLSSON PÅ TAKET ELYGER IGEN.

Stockholm, Rabén — Sjögren, 1962.

KARLSSON PÅ TAKET SMYGER IGEN.

Stockholm, Rabén — Sjögren, 1968.

Перевод со шведского

Л. Лу н г и н о й

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свántесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трёх самых обыкновенных ребят — Бóссе, Бётан и Малыша.

— Я вовсе не самый обыкновенный малыш, — говорит Малыш.

Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, немытые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш — самый обыкновенный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит — он тоже самый обыкновенный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у неё косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек.

Во всём доме есть только одно не совсем обыкновенное существо — Карлсон, который живёт на крыше. Да, он живёт на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да ещё в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живёт именно там.

Карлсон — это маленький толстенный самоуверенный человек, и к тому же он умеет летать. На самолётах и вертолётах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор, — конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живётся в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звёзды. С крыши, разумеется, звёзды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живёт на крышах. Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой. И вообще, станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

— Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нём не вспоминал.

Малыш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались необычайные приключения. Карлсону, должно быть, тоже было приятно познакомиться с Малышом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да ещё в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: «Привет, Карлсон!», когда ты пролетаешь мимо.

Их знакомство произошло в один из тех неудачных дней, когда быть Малышом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Малышом чудесно. Ведь Малыш — любимец всей семьи, и каждый балует его как только может. Но в тот день всё шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он опять разорвал шта-

ны, Бетан крикнула ему: «Вытри нос!», а папа рассердился, потому что Малыш поздно пришёл из школы.

— По улицам слоняешься! — сказал папа.

«По улицам слоняешься!» Но ведь папа не знал, что по дороге домой Малышу повстречался щенок. Милый, прекрасный щенок, который обнюхал Малыша и приветливо завилял хвостом, словно хотел стать его щенком.

Если бы это зависело от Малыша, то желание щенка осуществилось бы тут же. Но беда заключалась в том, что мама и папа ни за что не хотели держать в доме собаку. А кроме того, из-за угла вдруг появилась какая-то тётка и закричала: «Рики! Рики! Сюда!» — и тогда Малышу стало совершенно ясно, что этот щенок уже никогда не станет его щенком.

— Похоже, что так всю жизнь и проживёшь без собаки, — с горечью сказал Малыш, когда всё обернулось против него. — Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня — у меня никого нет!..

— Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! — сказала мама.

— Не знаю... — с ещё большей горечью произнёс Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете.

Впрочем, у него была своя комната, и он туда отправился.

Стоял ясный весенний вечер, окна были открыты, и белые занавески медленно раскачивались, словно здороваясь с маленькими бледными звёздами, только что появившимися на чистом весеннем небе. Малыш облокотился о подоконник и стал смотреть в окно. Он думал о том прекрасном щенке, который повстречался ему сегодня. Быть может, этот щенок лежит сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик — не Малыш, а другой — сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: «Рики, ты чудесный пёс!»

Малыш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжание. Оно становилось всё громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человечек. Это и был Карлсон, который живёт на крыше. Но ведь в то время Малыш ещё не знал его.

Карлсон окинул Малыша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрав высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернул назад, к окну. Затем он прибавил скорость и пронёсся мимо Малыша, как настоящий маленький самолёт. Потом сделал второй круг. Потом третий.

Малыш стоял не шелохнувшись и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мурашки — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человечек за окном тем временем замедлил ход и сказал:

— Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

— Да, да, пожалуйста,— поспешно ответил Малыш и добавил: — А что, трудно вот так летать?

— Мне — ни капельки,— важно произнёс Карлсон,— потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увальню, похожему на мешок с сеном, подражать мне.

Малыш подумал, что на «мешок с сеном» обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

— Как тебя зовут? — спросил Карлсон.

— Малыш. Хотя по-настоящему меня зовут Св́анте Свантесон.

— А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и всё. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — сказал Малыш.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлсон.

— Семь,— ответил Малыш.

— Отлично. Продолжим разговор,— сказал Карлсон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенькие ножки и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет? — спросил Малыш, решив, что Карлсон ведёт себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

— Сколько мне лет? — переспросил Карлсон.— Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Малыш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только еще не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

— А в каком возрасте бывает расцвет сил?

— В любом! — ответил Карлсон с довольной улыбкой.— В любом, во всяком случае, когда речь идёт обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошёл к книжной полке Малыша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

— Давай запустим её,— предложил Карлсон.

— Без папы нельзя,— сказал Малыш.— Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

— С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живёт на крыше. Лучший в мире специалист по паровым машинам — это Карлсон, который живёт на крыше. Так и передай своему папе! — сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажёл фитиль.

Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности заплясали

весёлые голубые язычки пламени. Малыш испуганно вскрикнул и отскочил.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Малыш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

— Погляди, как испортилась полка! — озабоченно произнёс Малыш. — Что теперь скажет мама?

— Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке — это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустился на колени возле паровой машины, и глаза его заблестели.

— Сейчас она начнёт работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут... — пыхтела она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам её изобрёл.

— Я должен проверить предохранительный клапан, — вдруг произнёс Карлсон и принялся крутить какую-то маленькую ручку. — Когда не проверяешь предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут... — пыхтела машина всё быстрее и быстрее. Футфутфут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась га-лопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Малыш уже перестал горевать по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил ее предохранительный клапан.

— Ну, Малыш, — сказал Карлсон, — вот это действительно «фут-фут-фут»! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе...

Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки ее разлетелись по всей комнате.

— Она взорвалась! — в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус. — Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Как здорово!

Но Малыш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слез.

— Моя паровая машина... — всхлипывал он. — Моя паровая машина развалилась на куски!

— Пустяки, дело житейское! — И Карлсон беспечно махнул

своей маленькой пухлой рукой.— Я тебе дам еще лучшую машину,— успокаивал он Малыша.

— Ты? — удивился Малыш.

— Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

— Где это у тебя там, наверху?

— Наверху, в моем домике на крыше.

— У тебя есть домик на крыше? — переспросил Малыш.— И несколько тысяч паровых машин?

— Ну да. Уж сотни две наверняка.

— Как бы мне хотелось побывать в твоём домике! — воскликнул Малыш.

В это было трудно поверить: маленький домик на крыше, и в нём живет Карлсон...

— Подумать только, дом, набитый паровыми машинами! — воскликнул Малыш.— Две сотни машин!

— Ну, я в точности не считал, сколько их там осталось,— уточнил Карлсон,— но уж никак не меньше нескольких дюжин.

— И ты мне дашь одну машину?

— Ну конечно!

— Прямо сейчас!

— Нет, сначала мне надо их немножко осмотреть, проверить предохранительные клапаны... ну, и тому подобное. Спокойствие, только спокойствие! Ты получишь машину на днях.

Малыш принялся собирать с пола куски того, что раньше было его паровой машиной.

— Представляю, как рассердится папа,— озабоченно пробормотал он.

Карлсон удивленно поднял брови:

— Из-за паровой машины? Да ведь это же пустяки, дело житейское. Стоит ли волноваться по такому поводу! Так и передай своему папе. Я бы ему это сам сказал, но спешу и поэтому не могу здесь задерживаться... Мне не удастся сегодня встретиться с твоим папой. Я должен слетать домой, поглядеть, что там делается.

— Это очень хорошо, что ты попал ко мне,— сказал Малыш.— Хотя, конечно, паровая машина... Ты еще когда-нибудь залетишь сюда?

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и нажал кнопку на своем животе.

Мотор загудел, но Карлсон все стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

— Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я все-таки загляну в мастерскую.

Малыш тоже подумал, что так будет разумнее.

Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстененькая фигурка четко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звездами небе.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

КАРЛСОН СТРОИТ БАШНЮ

— Я ведь вам уже говорил, что его зовут Карлсон и что он живет там, наверху, на крыше, — сказал Малыш. — Что же здесь особенного? Разве люди не могут жить, где им хочется?..

— Не упрямясь, Малыш, — сказала мама. — Если бы ты знал, как ты нас напугал! Настоящий взрыв. Ведь тебя могло убить! Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю, но все равно Карлсон — лучший в мире специалист по паровым машинам, — ответил Малыш и серьезно посмотрел на свою маму.

Ну как она не понимает, что невозможно сказать «нет», когда лучший в мире специалист по паровым машинам предлагает проверить предохранительный клапан!

— Надо отвечать за свои поступки, — строго сказал папа, — а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши, которого вообще не существует.

— Нет, — сказал Малыш, — существует!

— Да еще и летать умеет! — насмешливо подхватил Боссе.

— Представь себе, умеет, — отрезал Малыш. — Я надеюсь, что он залетит к нам, и ты сам увидишь.

— Хорошо бы он залетел завтра, — сказала Бетан. — Я дам тебе крону, Малыш, если увижу своими глазами Карлсона, который живет на крыше.

— Нет, завтра ты его не увидишь — завтра он должен слетать в мастерскую смазать мотор.

— Ну, хватит рассказывать сказки, — сказала мама. — Ты лучше погляди, на что похожа твоя книжная полка.

— Карлсон говорит, что это пустяки, дело житейское! — И Малыш махнул рукой, точь-в-точь как махал Карлсон, давая понять, что вовсе не стоит расстраиваться из-за каких-то там пятен на полке.

Но ни слова Малыша, ни этот жест не произвели на маму никакого впечатления.

— Вот, значит, как говорит Карлсон? — строго сказала она. — Тогда передай ему, что, если он еще раз сунет сюда свой нос, я его так отшлепаю — век будет помнить.

Малыш ничего не ответил. Ему показалось ужасным, что мама

собирается отшлепать лучшего в мире специалиста по паровым машинам. Да, ничего хорошего нельзя было ожидать в такой неудачный день, когда буквально все шло шиворот-навыворот.

И вдруг Малыш почувствовал, что он очень соскучился по Карлсону — бодрому, веселому человечку, который так потешно махал своей маленькой рукой, приговаривая: «Неприятности — это пустяки, дело житейское, и расстраиваться тут нечего». «Неужели Карлсон больше никогда не прилетит?» — с тревогой подумал Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал себе Малыш, подражая Карлсону. — Карлсон ведь обещал, а он такой, что ему можно верить, это сразу видно. Через денек-другой он прилетит, наверняка прилетит.

...Малыш лежал на полу в своей комнате и читал книгу, когда снова услышал за окном какое-то жужжание, и, словно гигантский шмель, в комнату влетел Карлсон. Он сделал несколько кругов под потолком, напевая вполголоса какую-то веселую песенку. Пролетая мимо висящих на стенах картин, он всякий раз сбавлял скорость, чтобы лучше их рассмотреть. При этом он склонял набок голову и прищуривал глазки.

— Красивые картины, — сказал он наконец. — Необычайно красивые картины! Хотя, конечно, не такие красивые, как мои.

Малыш вскочил на ноги и стоял, не помня себя от восторга: так он был рад, что Карлсон вернулся.

— А у тебя там на крыше много картин? — спросил он.

— Несколько тысяч. Ведь я сам рисую в свободное время. Я рисую маленьких петухов и птиц и другие красивые вещи. Я лучший в мире рисовальщик петухов, — сказал Карлсон и, сделав изящный разворот, приземлился на пол рядом с Малышом.

— Что ты говоришь! — удивился Малыш. — А нельзя ли мне подняться с тобой на крышу? Мне так хочется посмотреть твой дом, твои паровые машины и твои картины!..

— Конечно, можно, — ответил Карлсон, — само собой разумеется. Ты будешь дорогим гостем... как-нибудь в другой раз.

— Поскорей бы! — воскликнул Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я должен сначала прибраться у себя в доме. Но на это не уйдет много времени. Ты ведь догадываешься, кто лучший в мире мастер скоростной уборки комнат?

— Наверно, ты, — робко сказал Малыш.

— «Наверно»! — возмутился Карлсон. — Ты еще говоришь «наверно»! Как ты можешь сомневаться! Карлсон, который живет на крыше, — лучший в мире мастер скоростной уборки комнат. Это всем известно.

Малыш не сомневался, что Карлсон во всем «лучший в мире». И уж наверняка он самый лучший в мире товарищ по играм.

В этом Малыш убедился на собственном опыте... Правда, Крїстер и Гунїлла тоже хорошие товарищи, но им далеко до Карлсона, который живет на крыше! Кристер только и делает, что хвалится своей собакой Ёффой, и Малыш ему давно завидует.

«Если он завтра опять будет хвастаться Ёффой, я ему расскажу про Карлсона. Что стоит его Ёффа по сравнению с Карлсоном, который живет на крыше! Так я ему и скажу».

И все же ничего на свете Малыш так страстно не желал иметь, как собаку...

Карлсон прервал размышления Малыша.

— Я бы не прочь сейчас слегка поразвлечься,— сказал он и с любопытством огляделся вокруг.— Тебе не купили новой паровой машины?

Малыш покачал головой. Он вспомнил о своей паровой машине и подумал: «Вот сейчас, когда Карлсон здесь, мама и папа смогут убедиться, что он в самом деле существует». А если Боссе и Бетан дома, то им он тоже покажет Карлсона.

— Хочешь пойти познакомиться с моими мамой и папой? — спросил Малыш.

— Конечно! С восторгом! — ответил Карлсон.— Им будет очень приятно меня увидеть — ведь я такой красивый и умный...— Карлсон с довольным видом прошелся по комнате.— И меру упитанный,— добавил он.— Короче, мужчина в самом расцвете сил. Да, твоим родителям будет очень приятно со мной познакомиться.

По доносившемуся из кухни запаху жарящихся мясных тефтелей Малыш понял, что скоро будут обедать. Подумав, он решил свести Карлсона познакомиться со своими родными после обеда. Во-первых, никогда ничего хорошего не получается, когда маме мешают жарить тефтели. А кроме того, вдруг папа или мама вздумают завести с Карлсоном разговор о паровой машине или о пятнах на книжной полке... А такого разговора ни в коем случае нельзя допускать. Во время обеда Малыш постарается втолковать и папе и маме, как надо относиться к лучшему в мире специалисту по паровым машинам. Вот когда они пообедают и все поймут, Малыш пригласит всю семью к себе в комнату.

«Будьте добры,— скажет Малыш,— пойдите ко мне. У меня в гостях Карлсон, который живет на крыше».

Как они изумятся! Как будет забавно глядеть на их лица!

Карлсон вдруг перестал расхаживать по комнате. Он замер на месте и стал принюхиваться, словно ищейка.

— Мясные тефтели,— сказал он.— Обожаю сочные вкусные тефтели!

Малыш смутился. Собственно говоря, на эти слова Карлсона надо было бы ответить только одно: «Если хочешь, останься и пообедай с нами». Но Малыш не решился произнести такую фра-

зу. Невозможно привести Карлсона к обеду без предварительного объяснения с родителями. Вот Кристера и Гунилу — это другое дело. С ними Малыш может примчаться в последнюю минуту, когда все остальные уже сидят за столом, и сказать: «Милая мама, дай, пожалуйста, Кристеру и Гунилле горохового супа и блинов». Но привести к обеду совершенно незнакомого маленького толстого человечка, который к тому же взорвал паровую машину и прожег книжную полку, — нет, этого так просто сделать нельзя!

Но ведь Карлсон только что заявил, что обожает сочные вкусные мясные тефтели, — значит, надо во чтобы то ни стало угостить его тефтелями, а то он еще обидится на Малыша и больше не захочет с ним играть... Ах, как много теперь зависело от этих вкусных мясных тефтелей!

— Подожди минутку, — сказал Малыш. — Я сбегаю на кухню за тефтелями.

Карлсон одобряюще кивнул головой.

— Неси скорей! — крикнул он вслед Малышу. — Одними картинками сыт не будешь!

Малыш примчался на кухню. Мама в клетчатом переднике стояла у плиты и жарила превосходные тефтели. Время от времени она встряхивала большую сковородку, и плотно уложенные маленькие мясные шарики подскакивали и переворачивались на другую сторону.

— А, это ты, Малыш? — сказала мама. — Скоро будем обедать.

— Мамочка, — произнес Малыш самым вкрадчивым голосом, на который был только способен, — мамочка, положи, пожалуйста, несколько тефтелек на блюдо, и я отнесу их в свою комнату.

— Сейчас, сынок, мы сядем за стол, — ответила мама.

— Я знаю, но все равно мне очень нужно... После обеда я тебе объясню, в чем дело.

— Ну ладно, ладно, — сказала мама и положила на маленькую тарелочку шесть тефтелей. — На, возьми.

О, чудесные маленькие тефтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные — словом, такие, какими и должны быть хорошие мясные тефтели!

Малыш взял тарелку обеими руками и осторожно понес ее в свою комнату.

— Вот и я, Карлсон! — крикнул Малыш, отворяя дверь.

Но Карлсон исчез. Малыш стоял с тарелкой посреди комнаты и оглядывался по сторонам. Никакого Карлсона не было. Это было так грустно, что у Малыша сразу же испортилось настроение.

— Он ушел, — сказал вслух Малыш. — Он ушел!

Но вдруг...

— Пип! — донесся до Малыша какой-то странный писк.

Малыш повернул голову. На кровати, рядом с подушкой, под одеялом, шевелился какой-то маленький комочек и пищал:

— Пип! Пип!

А затем из-под одеяла выглянуло лукавое лицо Карлсона.

— Хи-хи! Ты сказал: «он ушел», «он ушел»... Хи-хи! А «он» вовсе не ушел — «он» только спрятался!.. — пропищал Карлсон.

Но тут он увидел в руках Малыша тарелочку и мигом нажал кнопку на животе. Мотор загудел, Карлсон стремительно спикировал с кровати прямо к тарелке с тефтелями. Он на лету схватил тефтельку, потом взвился к потолку и, сделав небольшой круг под лампой, с довольным видом принялся жевать.

— Восхитительные тефтельки! — воскликнул Карлсон. — На редкость вкусные тефтельки! Можно подумать, что их делал лучший в мире специалист по тефтелям!.. Но ты, конечно, знаешь, что это не так, — добавил он.

Карлсон снова спикировал к тарелке и взял еще одну тефтельку.

В этот момент из кухни послышался мамин голос:

— Малыш, мы садимся обедать, быстро мой руки!

— Мне надо идти, — сказал Малыш Карлсону и поставил тарелочку на пол. — Но я очень скоро вернусь. Обещай, что ты меня дождешься.

— Хорошо, дождусь, — сказал Карлсон. — Но что мне здесь делать без тебя? — Карлсон спланировал на пол и приземлился возле Малыша. — Пока тебя не будет, я хочу заняться чем-нибудь интересным. У тебя правда нет больше паровых машин?

— Нет, — ответил Малыш. — Машин нет, но есть кубики.

— Покажи, — сказал Карлсон.

Малыш достал из шкафа, где лежали игрушки, ящик со строительным набором. Это был и в самом деле великолепный строительный материал — разноцветные детали различной формы. Их можно было соединять друг с другом и строить всевозможные вещи.

— Вот, играй, — сказал Малыш. — Из этого набора можно сделать и автомобиль, и подъемный кран, и все, что хочешь...

— Неужели лучший в мире строитель не знает, — прервал Малыша Карлсон, — что можно построить из этого строительного материала!

Карлсон сунул себе в рот еще одну тефтельку и кинулся к ящику с кубиками.

— Сейчас ты увидишь, — проговорил он и вывалил все кубики на пол. — Сейчас ты увидишь...

Но Малышу надо было идти обедать. Как охотно он остался бы здесь понаблюдать за работой лучшего в мире строителя!

С порога он еще раз оглянулся на Карлсона и увидел, что тот уже сидит на полу возле горы кубиков и радостно напевает себе под нос:

Ура, ура, ура!
Прекрасная игра!
Красив я и умен,
И ловок, и силен!
Люблю играть, люблю... жевать.

Последние слова он пропел, проглотив четвертую тефтельку. Когда Малыш вошел в столовую, мама, папа, Боссе и Бетан уже сидели за столом. Малыш шмыгнул на свое место и повязал вокруг шеи салфетку.

— Обещай мне одну вещь, мама. И ты, папа, тоже, — сказал он.

— Что же мы должны тебе обещать? — спросила мама.

— Нет, ты раньше обещай!

Папа был против того, чтобы обещать вслепую.

— А вдруг ты опять попросишь собаку? — сказал папа.

— Нет, не собаку, — ответил Малыш. — А кстати, собаку ты мне тоже можешь обещать, если хочешь!.. Нет, это совсем другое и нисколько не опасное. Обещайте, что вы обещаете!

— Ну ладно, ладно, — сказала мама.

— Значит, вы обещали, — радостно подхватил Малыш, — ничего не говорить насчет паровой машины Карлсону, который живет на крыше...

— Интересно, — сказал Бетан, — как они могут что-нибудь сказать или не сказать о паровой машине Карлсону, раз они никогда с ним не встретятся?

— Нет, встретятся, — спокойно ответил Малыш, — потому что Карлсон сидит в моей комнате.

— Ой, я сейчас подавлюсь! — воскликнул Боссе. — Карлсон сидит в твоей комнате?

— Да, представь себе, сидит! — И Малыш с торжествующим видом поглядел по сторонам.

Только бы они поскорее пообедали, и тогда они увидят...

— Нам было бы очень приятно познакомиться с Карлсоном, — сказала мама.

— Карлсон тоже так думает! — ответил Малыш.

Наконец доели компот. Мама поднялась из-за стола. Настал решающий миг.

— Пойдемте все, — предложил Малыш.

— Тебе не придется нас упрашивать, — сказала Бетан. — Я не успокоюсь, пока не увижу этого самого Карлсона.

Малыш шел впереди.

— Только исполните, что обещали,— сказал он, подойдя к двери своей комнаты.— Ни слова о паровой машине!

Затем он нажал дверную ручку и открыл дверь.

Карлсона в комнате не было. На этот раз по-настоящему не было. Нигде. Даже в постели Малыша не шевелился маленький комок.

Зато на полу возвышалась башня из кубиков. Очень высокая башня. И хотя Карлсон мог бы, конечно, построить из кубиков подъемные краны и любые другие вещи, на этот раз он просто ставил один кубик на другой, так что в конце концов получилась длинная-предлинная, узкая башня, которая сверху была увенчана чем-то, что явно должно было изображать купол: на самом верхнем кубике лежала маленькая круглая мясная тефтелька.

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПАЛАТКУ

Да, это была для Малыша очень тяжелая минута. Маме, конечно, не понравилось, что ее тефтелями украшают башни из кубиков, и она не сомневалась, что это была работа Малыша.

— Карлсон, который живет на крыше...— начал было Малыш, но папа строго прервал его:

— Вот что, Малыш: мы больше не хотим слушать твои выдумки про Карлсона!

Боссе и Бетан рассмеялись.

— Ну и хитрец же этот Карлсон! — сказала Бетан.— Он скрывается как раз в ту минуту, когда мы приходим.

Огорченный Малыш съел холодную тефтельку и собрал свои кубики. Говорить о Карлсоне сейчас явно не стоило.

Но как нехорошо поступил с ним Карлсон, как нехорошо!

— А теперь мы пойдем пить кофе и забудем про Карлсона,— сказал папа и в утешение потрепал Малыша по щеке.

Кофе пили всегда в столовой у камина. Так было и сегодня вечером, хотя на дворе стояла теплая, ясная весенняя погода и липы на улице уже оделись маленькими клейкими зелеными листочками. Малыш не любил кофе, но зато очень любил сидеть вот так с мамой, и папой, и Боссе, и Бетан перед огнем, горящим в камине...

— Мама, отвернись на минутку,— попросил Малыш, когда мама поставила на маленький столик перед камином поднос с кофейником.

— Зачем?

— Ты же не можешь видеть, как я грызу сахар, а я сейчас возьму кусок,— сказал Малыш.

Малышу надо было чем-то утешиться. Он был очень огорчен, что Карлсон удрал. Ведь действительно нехорошо так посту-

пать — вдруг исчезнуть, ничего не оставив, кроме башни из кубиков, да еще с мясной тефтелькой наверху!

Малыш сидел на своем любимом месте у камина — так близко к огню, как только возможно.

Вот эти минуты, когда вся семья после обеда пила кофе, были, пожалуй, самыми приятными за весь день. Тут можно было спокойно поговорить с папой и с мамой, и они терпеливо выслушивали Малыша, что не всегда случалось в другое время. Забавно было следить за тем, как Боссе и Бетан подтрунивали друг над другом и болтали о «зубрежке». «Зубрежкой», должно быть, назывался другой, более сложный способ приготовления уроков, чем тот, которому учили Малыша в начальной школе. Малышу тоже очень хотелось рассказать о своих школьных делах, но никто, кроме мамы и папы, этим не интересовался. Боссе и Бетан только смеялись над его рассказами, и Малыш замолкал — он боялся говорить то, над чем так обидно смеются. Впрочем, Боссе и Бетан старались не дразнить Малыша, потому что он им отвечал тем же. А дразнить Малыш умел прекрасно, — да и как может быть иначе, когда у тебя такой брат, как Боссе, и такая сестра, как Бетан!

— Ну, Малыш, — спросила мама, — ты уже выучил уроки?

Нельзя сказать, чтобы такие вопросы были Малышу по душе, но раз уж мама так спокойно отнеслась к тому, что он съел кусок сахара, то и Малыш решил мужественно выдержать этот неприятный разговор.

— Конечно, выучил, — хмуро ответил он.

Все это время Малыш думал только о Карлсоне. И как это люди не понимают, что, пока он не узнает, куда исчез Карлсон, ему не до уроков!

— А что вам задали? — спросил папа.

Малыш окончательно рассердился. Видно, этим разговорам сегодня конца не будет. Ведь не затем же они так уютно сидят сейчас у огня, чтобы только и делать, что говорить об уроках!

— Нам задали алфавит, — торопливо ответил он, — целый длиннющий алфавит. И я его знаю: сперва идет «А», а потом все остальные буквы.

Он взял ещё кусок сахара и снова принялся думать о Карлсоне. Пусть себе болтают о чем хотят, а он будет думать только о Карлсоне.

От этих мыслей его оторвала Бетан:

— Ты что, не слышишь, Малыш? Хочешь заработать двадцать пять эре?¹

Малыш не сразу понял, что она ему говорит. Конечно, он был не прочь заработать двадцать пять эре. Но все зависело от того, что для этого надо сделать.

¹ Э р е — мелкая монета в Швеции.

— Двадцать пять эре — это слишком мало, — твердо сказал он. — Сейчас ведь такая дороговизна... Как ты думаешь, сколько стоит, например, пятидесятиэровый стаканчик мороженого?

— Я думаю, пятьдесят эре, — хитро улыбнулась Бетан.

— Вот именно, — сказал Малыш. — И ты сама прекрасно понимаешь, что двадцать пять эре — это очень мало.

— Да ты ведь даже не знаешь, о чем идет речь, — сказала Бетан. — Тебе ничего не придется делать. Тебе нужно будет только кое-чего не делать.

— А что я должен буду не делать?

— Ты должен будешь в течение всего вечера не переступать порога столовой.

— Понимаешь, придет Пелле, новое увлечение Бетан, — сказал Боссе.

Малыш кивнул. Ну ясно, ловко они все рассчитали: мама с папой пойдут в кино, Боссе — на футбольный матч, а Бетан со своим Пелле проворкуют весь вечер в столовой. И лишь он, Малыш, будет изгнан в свою комнату, да еще за такое ничтожное вознаграждение, как двадцать пять эре... Вот как к нему относятся в семье!

— А какие уши у твоего нового увлечения? Он что, такой же лопоухий, как и тот, прежний?

Это было сказано специально для того, чтобы позлить Бетан.

— Вот, слышишь, мама? — сказала она. — Теперь ты сама понимаешь, почему мне нужно убрать отсюда Малыша. Кто бы ко мне ни пришел — он всех отпугивает!

— Он больше не будет так делать, — неуверенно сказала мама: она не любила, когда ее дети ссорились.

— Нет, будет, наверняка будет! — стояла на своем Бетан. — Ты что, не помнишь, как он выгнал Клааса? Он уставился на него и сказал: «Нет, Бетан, такие уши одобрить невозможно». Ясно, что после этого Клаас и носа сюда не кажет.

— Спокойствие, только спокойствие! — проговорил Малыш тем же тоном, что и Карлсон. — Я останусь в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Если вы не хотите меня видеть, то и ваших денег мне не нужно.

— Хорошо, — сказала Бетан. — Тогда поклянись, что я не увижу тебя здесь в течение всего вечера.

— Клянусь! — сказал Малыш. — И поверь, что мне вовсе не нужны все твои Пелле. Я сам готов заплатить двадцать пять эре, только бы их не видеть.

И вот мама с папой отправились в кино, а Боссе умчался на стадион. Малыш сидел в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Когда он приоткрывал дверь, до него доносилось невнятное бормотание из столовой — там Бетан болтала со своим Пелле.

Малыш постарался уловить, о чем они говорят, но это ему не удалось. Тогда он подошел к окну и стал вглядываться в сумерки. Потом посмотрел вниз, на улицу, не играют ли там Кристер и Гунилла. У подъезда возились мальчишки, кроме них, на улице никого не было. Пока они дрались, Малыш с интересом следил за ними, но, к сожалению, драка быстро кончилась, и ему опять стало очень скучно.

И тогда он услышал божественный звук. Он услышал, как жужжит моторчик, и минуту спустя Карлсон влетел в окно.

— Привет, Малыш! — беззаботно произнес он.

— Привет, Карлсон! Откуда ты взялся?

— Что?.. Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Да ведь ты исчез, и как раз в тот момент, когда я собирался тебя познакомить с моими мамой и папой. Почему ты удрал?

Карлсон явно рассердился. Он подбоченился и воскликнул:

— Нет, в жизни не слышал ничего подобного! Может быть, я уже не имею права взглянуть, что делается у меня дома! Хозяин обязан следить за своим домом. Чем я виноват, что твои мама и папа решили познакомиться со мной как раз в тот момент, когда я должен был заняться своим домом?

Карлсон оглядел комнату.

— А где моя башня? Кто разрушил мою прекрасную башню и где моя тефтелька?

Малыш смутился.

— Я не думал, что ты вернешься, — сказал он.

— Ах, так! — закричал Карлсон. — Лучший в мире строитель воздвигает башню, и что же происходит? Кто ставит вокруг нее ограду? Кто следит за тем, чтобы она осталась стоять во веки веков? Никто! Совсем наоборот: башню ломают, уничтожают, да к тому же еще и съедают чужую тефтельку!

Карлсон отошел в сторону, присел на низенькую скамеечку и надулся.

— Пустяки, — сказал Малыш, — дело житейское! — И он махнул рукой точно так же, как это делал Карлсон. — Есть из-за чего расстраиваться!..

— Тебе хорошо рассуждать! — сердито пробурчал Карлсон. — Сломать легче всего. Сломать и сказать, что это, мол, дело житейское и не из-за чего расстраиваться. А каково мне, строителю, который воздвиг башню вот этими бедными маленькими руками!

И Карлсон ткнул свои пухленькие ручки прямо в нос Малышу. Потом он снова сел на скамеечку и надулся пуще прежнего.

— Я просто вне себя, — проворчал он, — ну просто выхожу из себя!

Малыш совершенно растерялся. Он стоял, не зная, что предпринять.

Молчание длилось долго.

В конце концов Карлсон сказал грустным голосом:

— Если я получу какой-нибудь небольшой подарок, то, быть может, опять повеселею. Правда, ручаться я не могу, но, возможно, все же повеселею, если мне что-нибудь подарят...

Малыш подбежал к столу и начал рыться в ящике, где у него хранились самые драгоценные вещи: коллекция марок, разноцветные морские камешки, цветные мелки и оловянные солдатики.

Там же лежал и маленький электрический фонарик. Малыш им очень дорожил.

— Может быть, тебе подарить вот это? — сказал он.

Карлсон метнул быстрый взгляд на фонарик и оживился:

— Вот-вот, что-то в этом роде мне и нужно, чтобы у меня исправилось настроение. Конечно, моя башня была куда лучше, но, если ты мне дашь этот фонарик, я постараюсь хоть немножко повеселеть.

— Он твой, — сказал Малыш.

— А он зажигается? — с сомнением спросил Карлсон, нажимая кнопку. — Ура! Горит! — вскричал он, и глаза его тоже загорелись. — Подумай только, когда темными осенними вечерами мне придется идти к своему маленькому домику, я зажгу этот фонарик. Теперь я уже не буду блуждать в потемках среди труб, — сказал Карлсон и погладил фонарик.

Эти слова доставили Малышу большую радость, и он мечтал только об одном — хоть раз погулять с Карлсоном по крышам и поглядеть, как этот фонарик будет освещать им путь в темноте.

— Ну, Малыш, вот я и снова весел! Зови своих маму и папу, и мы познакомимся.

— Они ушли в кино, — сказал Малыш.

— Пошли в кино, вместо того чтобы встретиться со мной? — изумился Карлсон.

— Да, все ушли. Дома только Бетан и ее новое увлечение. Они сидят в столовой, но мне туда нельзя заходить.

— Что я слышу! — воскликнул Карлсон. — Ты не можешь пойти куда хочешь? Ну, этого мы не потерпим. Вперед!..

— Но ведь я поклялся... — начал было Малыш.

— А я поклялся, — перебил его Карлсон, — что если замечу какую-нибудь несправедливость, то в тот же миг, как ястреб, ки- нусь на нее...

Он подошел и похлопал Малыша по плечу:

— Что же ты обещал?

— Я обещал, что меня весь вечер не увидят в столовой.

— Тебя никто и не увидит, — сказал Карлсон. — А ведь тебе небось хочется посмотреть на новое увлечение Бетан?

— По правде говоря, очень! — с жаром ответил Малыш. —

Прежде она дружила с мальчиком, у которого уши были оттопырены. Мне ужасно хочется поглядеть, какие уши у этого.

— Да и я бы охотно поглядел на его уши, — сказал Карлсон. — Подожди минутку! Я сейчас придумаю какую-нибудь штуку. Лучший в мире мастер на всевозможные проказы — это Карлсон, который живет на крыше. — Карлсон внимательно огляделся по сторонам. — Вот то, что нам нужно! — воскликнул он, указав головой на одеяло. — Именно одеяло нам и нужно. Я не сомневался, что придумаю какую-нибудь штуку...

— Что же ты придумал? — спросил Малыш.

— Ты поклялся, что тебя весь вечер не увидят в столовой? Так? Но, если ты накроешься одеялом, тебя ведь никто и не увидит.

— Да... но... — попытался возразить Малыш.

— Никаких «но»! — резко оборвал его Карлсон. — Если ты будешь накрыт одеялом, увидят одеяло, а не тебя. Я тоже буду накрыт одеялом, поэтому и меня не увидят. Конечно, для Бетан нет худшего наказания. Но поделом ей, раз она такая глупая... Бедная, бедная малютка Бетан, так она меня и не увидит!

Карлсон стащил с кровати одеяло и накинул его себе на голову.

— Иди сюда, иди скорее ко мне, — позвал он Малыша. — Войди в мою палатку.

Малыш юркнул под одеяло к Карлсону, и они оба радостно захихикали.

— Ведь Бетан ничего не говорила о том, что она не хочет видеть в столовой палатку. Все люди радуются, когда видят палатку. Да еще такую, в которой горит огонек! — И Карлсон зажег фонарик.

Малыш не был уверен, что Бетан уж очень обрадуется, увидев палатку. Но зато стоять рядом с Карлсоном в темноте под одеялом и светить фонариком было так здорово, так интересно, что просто дух захватывало.

Малыш считал, что можно с тем же успехом играть в палатку в его комнате, оставив в покое Бетан, но Карлсон никак не соглашался.

— Я не могу мириться с несправедливостью, — сказал он. — Мы пойдем в столовую, чего бы это ни стоило!

И вот палатка начала двигаться к двери. Малыш шел вслед за Карлсоном. Из-под одеяла показалась маленькая пухлая ручка и тихонько отворила дверь. Палатка вышла в прихожую, отделенную от столовой плотной занавесью.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон.

Палатка неслышно пересекла прихожую и остановилась у занавеси. Бормотание Бетан и Пелле слышалось теперь явственнее, но все же слов нельзя было разобрать. Лампа в столовой не горела.

Бетан и Пелле сумерничали — видимо, им было достаточно света, который проникал через окно с улицы.

— Это хорошо,— прошептал Карлсон.— Свет моего фонарика в потемках покажется еще ярче.

Но пока он на всякий случай погасил фонарик.

— Мы появимся, как радостный, долгожданный сюрприз...— И Карлсон хихикнул под одеялом.

Тихо-тихо палатка раздвинула занавесь и вошла в столовую. Бетан и Пелле сидели на маленьком диванчике у противоположной стены. Тихо-тихо приближалась к ним палатка.

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан,— услышал Малыш хриплый мальчишечий голос.

Какой он чудной, этот Пелле!

— Ладно,— сказала Бетан, и снова наступила тишина.

Темное пятно палатки бесшумно скользило по полу; медленно и неумолимо надвигалось оно на диван. До дивана оставалось всего несколько шагов, но Бетан и Пелле ничего не замечали. Они сидели молча.

— А теперь ты меня поцелуй, Бетан,— слышался робкий голос Пелле.

Ответа так и не последовало, потому что в этот момент вспыхнул яркий свет фонарика, который разогнал серые сумеречные тени и ударил Пелле в лицо. Пелле вскочил, Бетан вскрикнула. Но тут раздался взрыв хохота и топот ног, стремительно удаляющихся по направлению к прихожей.

Ослепленные ярким светом, Бетан и Пелле не могли ничего увидеть, зато они слышали смех, дикий, восторженный смех, который доносился из-за занавеси.

— Это мой несносный маленький братишка,— объяснила Бетан.— Ну, сейчас я ему задам!

Малыш надрывался от хохота.

— Конечно, она тебя поцелует! — крикнул он.— Почему бы ей тебя не поцеловать? Бетан всех целует, это уж точно.

Потом раздался грохот, сопровождаемый новым взрывом смеха.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон, когда во время своего стремительного бегства они вдруг споткнулись и упали на пол.

Малыш старался быть как можно более спокойным, хотя смех так и клочкотал в нем: Карлсон свалился прямо на него, и Малыш уже не разбирал, где его ноги, а где ноги Карлсона. Бетан могла их вот-вот настичь, поэтому они поползли на четвереньках. В панике ворвались они в комнату Малыша как раз в тот момент, когда Бетан уже норовила их схватить.

— Спокойствие, только спокойствие! — шептал под одеялом Карлсон, и его коротенькие ножки стучали по полу, словно бара-

банные палочки.— Лучший в мире бегун — это Карлсон, который живет на крыше! — добавил он, едва переводя дух.

Малыш тоже умел очень быстро бегать, и, право, сейчас это было необходимо. Они спаслись, захлопнув дверь перед самым носом Бетан. Карлсон торопливо повернул ключ и весело засмеялся, в то время как Бетан изо всех сил колотила в дверь.

— Подожди, Малыш, я еще доберусь до тебя! — сердито крикнула она.

— Во всяком случае, меня никто не видел! — ответил Малыш из-за двери, и до Бетан снова донесся смех.

Если бы Бетан не так сердилась, она бы услышала, что смеются двое.

КАРЛСОН ДЕРЖИТ ПАРИ

Однажды Малыш вернулся из школы злой, с шишкой на лбу. Мама хлопотала на кухне. Увидев шишку, она, как и следовало ожидать, огорчилась.

— Бедный Малыш, что это у тебя на лбу? — спросила мама и обняла его.

— Кристер швырнул в меня камнем, — хмуро ответил Малыш.

— Камнем? Какой противный мальчишка! — воскликнула мама. — Что же ты сразу мне не сказал?

Малыш пожал плечами:

— Что толку? Ведь ты не умеешь кидаться камнями. Ты даже не сможешь попасть камнем в стену сарая.

— Ах ты глупыш! Неужели ты думаешь, что я стану бросать камни в Кристера?

— А чем же еще ты хочешь в него бросить? Ничего другого тебе не найти, во всяком случае, ничего более подходящего, чем камень.

Мама вздохнула. Было ясно, что не один Кристер при случае швыряется камнями. Ее любимец был ничуть не лучше. Как это получается, что маленький мальчик с такими добрыми голубыми глазами — драчун?

— Скажи, а нельзя ли вообще обойтись без драки? Мирно можно договориться о чем угодно. Знаешь, Малыш, ведь, собственно говоря, на свете нет такой вещи, о которой нельзя было бы договориться, если все как следует обсудить.

— Нет, мама, такие вещи есть. Вот, например, вчера я как раз тоже дрался с Кристером...

— И совершенно напрасно, — сказала мама. — Вы прекрасно могли бы разрешить ваш спор словами, а не кулаками.

Малыш присел к кухонному столу и обхватил руками свою разбитую голову.

— Да? Ты так думаешь? — спросил он и неодобрительно взглянул на маму. — Кристер мне сказал: «Я могу тебя отлупить». Так он и сказал. А я ему ответил: «Нет, не можешь». Ну скажи, могли ли мы разрешить наш спор, как ты говоришь, словами?

Мама не нашлась что ответить, и ей пришлось оборвать свою умиротворяющую проповедь. Ее драчун сын сидел совсем мрачный, и она поспешила поставить перед ним чашку горячего шоколада и свежие плюшки.

Все это Малыш очень любил. Еще на лестнице он уловил сладостный запах только что испеченной сдобы. А от маминых восхитительных плюшек с корицей жизнь делалась куда более терпимой.

Преисполненный благодарности, он откусил кусочек. Пока он жевал, мама залепила ему пластырем шишку на лбу. Затем она тихонько поцеловала больное место и спросила:

— А что вы не поделили с Кристером сегодня?

— Кристер и Гунилла говорят, что я все сочинил про Карлсона, который живет на крыше. Они говорят, что это выдумка.

— А разве это не так? — осторожно спросила мама.

Малыш оторвал глаза от чашки с шоколадом и гневно посмотрел на маму.

— Даже ты не веришь тому, что я говорю! — сказал он. — Я спросил у Карлсона, не выдумка ли он...

— Ну и что же он тебе ответил? — поинтересовалась мама.

— Он сказал, что, если бы он был выдумкой, это была бы самая лучшая выдумка на свете. Но дело в том, что он не выдумка. — И Малыш взял еще одну булочку. — Карлсон считает, что, наоборот, Кристер и Гунилла — выдумка. «На редкость глупая выдумка», — говорит он. И я тоже так думаю.

Мама ничего не ответила — она понимала, что бессмысленно разубеждать Малыша в его фантазиях.

— Я думаю, — сказала она наконец, — что тебе лучше побольше играть с Гуниллой и Кристером и поменьше думать о Карлсоне.

— Карлсон, по крайней мере, не швыряет в меня камнями, — проворчал Малыш и потрогал шишку на лбу. Вдруг он что-то вспомнил и радостно улыбнулся маме. — Да, я чуть было не забыл, что сегодня впервые увижу домик Карлсона!

Но он тут же раскаялся, что сказал это. Как глупо говорить с мамой о таких вещах!

Однако эти слова Малыша не показались маме более опасными и тревожными, чем все остальное, что он обычно рассказывал о Карлсоне, и она беззаботно сказала:

— Ну что ж, это, вероятно, будет очень забавно.

Но вряд ли мама была бы так спокойна, если бы поняла до конца, что именно сказал ей Малыш. Ведь подумать только, где жил Карлсон!

Малыш встал из-за стола сытый, веселый и вполне довольный жизнью. Шишка на лбу уже не болела, во рту был изумительный вкус плюшек с корицей, через кухонное окно светило солнце, и мама выглядела такой милой в своем клетчатом переднике.

Малыш подошел к ней, чмокнул ее полную руку и сказал:

— Как я люблю тебя, мамочка!

— Я очень рада,— сказала мама.

— Да... Я люблю тебя, потому что ты такая милая.

Затем Малыш пошел к себе в комнату и стал ждать Карлсона. Они должны были сегодня вместе отправиться на крышу, и, если бы Карлсон был только выдумкой, как уверяет Кристер, вряд ли Малыш смог бы туда попасть.

«Я прилечу за тобой приблизительно часа в три, или в четыре, или в пять, но ни в коем случае не раньше шести»,— сказал ему Карлсон.

Малыш так толком и не понял, когда же, собственно, Карлсон намеревается прилететь, и переспросил его.

«Уж никак не позже семи, но едва ли раньше восьми... Ожидай меня примерно к девяти, после того как пробьют часы».

Малыш ждал чуть ли не целую вечность, и в конце концов ему начало казаться, что Карлсона и в самом деле не существует. И когда Малыш уже был готов поверить, что Карлсон — всего лишь выдумка, послышалось знакомое жужжание и в комнату влетел Карлсон, веселый и бодрый.

— Я тебя совсем заждался,— сказал Малыш.— В котором часу ты обещал прийти?

— Я сказал приблизительно,— ответил Карлсон.— Так оно и вышло: я пришел приблизительно.

Он направился к аквариуму Малыша, в котором кружились пестрые рыбки, окунул лицо в воду и стал пить большими глотками.

— Осторожно! Мои рыбки! — крикнул Малыш; он испугался, что Карлсон нечаянно проглотит несколько рыбок.

— Когда у человека жар, ему надо много пить,— сказал Карлсон.— И если он даже проглотит две-три или там четыре рыбки, это пустяки, дело житейское.

— У тебя жар? — спросил Малыш.

— Еще бы! Потрогай.— И он положил руку Малыша на свой лоб.

Но Малышу его лоб не показался горячим.

— Какая у тебя температура? — спросил он.

— Тридцать — сорок градусов, не меньше!

Малыш недавно болел корью и хорошо знал, что значит высокая температура. Он с сомнением покачал головой:

— Нет, по-моему, ты не болен.

— Ух, какой ты гадкий! — закричал Карлсон и топнул ногой. — Что, я уж и захворать не могу, как все люди?

— Ты хочешь заболеть?! — изумился Малыш.

— Конечно. Все люди этого хотят! Я хочу лежать в постели с высокой-превысокой температурой. Ты придешь узнать, как я себя чувствую, и я тебе скажу, что я самый тяжелый больной в мире. И ты меня спросишь, не хочу ли я чего-нибудь, и я тебе отвечу, что мне ничего не нужно. Ничего, кроме огромного торта, нескольких коробок печенья, горы шоколада и большого-пребольшого куля конфет!

Карлсон с надеждой посмотрел на Малыша, но тот стоял растерянный, не зная, где он сможет достать все, чего хочет Карлсон.

— Ты должен стать мне родной матерью, — продолжал Карлсон. — Ты будешь меня уговаривать выпить горькое лекарство и обещаешь мне за это пять эре. Ты обернешь мне горло теплым шарфом. Я скажу, что он кусается, и только за пять эре соглашусь лежать с замотанной шеей.

Малышу очень захотелось стать Карлсону родной матерью, а это значило, что ему придется опустошить свою копилку. Она стояла на книжной полке, прекрасная и тяжелая. Малыш сбегал на кухню за ножом и с его помощью начал доставать из копилки пятиэровые монетки. Карлсон помогал ему с необычайным усердием и ликовал по поводу каждой монеты, которая выкатывалась на стол. Попадались монеты в десять и двадцать пять эре, но Карлсона больше всего радовали пятиэровые монетки.

Малыш помчался в соседнюю лавочку и купил на все деньги леденцов, засахаренных орешков и шоколаду. Когда он отдал продавцу весь свой капитал, то вдруг вспомнил, что копил эти деньги на собаку, и тяжело вздохнул. Но он тут же подумал, что тот, кто решил стать Карлсону родной матерью, не может позволить себе роскошь иметь собаку.

Вернувшись домой с карманами, набитыми сладостями, Малыш увидел, что в столовой вся семья — и мама, и папа, и Бетан, и Боссе — пьет послеобеденный кофе. Но у Малыша не было времени посидеть с ними. На мгновение ему в голову пришла мысль пригласить их всех к себе в комнату, чтобы познакомить наконец с Карлсоном. Однако, хорошенько подумав, он решил, что сегодня этого делать не стоит, — ведь они могут помешать ему отправиться с Карлсоном на крышу. Лучше отложить знакомство до другого раза.

Малыш взял из вазочки несколько миндальных печений в форме ракушек — ведь Карлсон сказал, что печенья ему тоже хочется, — и отправился к себе.

— Ты заставляешь меня так долго ждать! Меня, такого больного и несчастного,— с упреком сказал Карлсон.

— Я торопился как только мог,— оправдывался Малыш,— и столько всего накупил...

— И у тебя не осталось ни одной монетки? Я ведь должен получить пять эре за то, что меня будет кусать шарф! — испуганно перебил его Карлсон.

Малыш успокоил его, сказав, что приберег несколько монет.

Глаза Карлсона засияли, и он запрыгал на месте от удовольствия.

— О, я самый тяжелый в мире больной! — закричал он.— Нам надо поскорее уложить меня в постель.

И тут Малыш впервые подумал: как же он попадет на крышу, раз он не умеет летать?

— Спокойствие, только спокойствие! — бодро ответил Карлсон.— Я посажу тебя на спину, и — раз, два, три! — мы полетим ко мне. Но будь осторожен, следи, чтобы пальцы не попали в пропеллер.

— Ты думаешь, у тебя хватит сил долететь со мной до крыши?

— Там видно будет,— сказал Карлсон.— Трудно, конечно, предположить, что я, такой больной и несчастный, смогу пролететь с тобой и половину пути. Но выход из положения всегда найдется: если почувствую, что выбиваюсь из сил, я тебя сброшу...

Малыш не считал, что сбросить его вниз — наилучший выход из положения, и вид у него стал озабоченный.

— Но, пожалуй, все обойдется благополучно. Лишь бы мотор не отказал.

— А вдруг откажет? Ведь тогда мы упадем! — сказал Малыш.

— Безусловно упадем,— подтвердил Карлсон.— Но это пустяки, дело житейское! — добавил он и махнул рукой.

Малыш подумал и тоже решил, что это пустяки, дело житейское.

Он написал на клочке бумаги записку маме и папе и оставил ее на столе:

*Я на верху у Карлсона
который живёт на крыше*

Конечно, лучше всего было бы успеть вернуться домой, прежде чем они найдут эту записку. Но если его случайно хватятся раньше, то пусть знают, где он находится. А то может случиться так, как уже было однажды, когда Малыш гостил за городом у бабушки и вдруг решил сесть в поезд и вернуться домой.

Тогда мама плакала и говорила ему:

«Уж если тебе, Малыш, так захотелось поехать на поезде, почему ты мне не сказал об этом?»

«Потому, что я хотел ехать один», — ответил Малыш.

Вот и теперь то же самое. Он хочет отправиться с Карлсоном на крышу, поэтому лучше всего не просить разрешения. А если обнаружится, что его нет дома, он сможет оправдаться тем, что написал записку.

Карлсон был готов к полету. Он нажал кнопку на животе, и мотор загудел.

— Залезай скорее мне на плечи, — крикнул Карлсон, — мы сейчас взлетим!

И правда, они вылетели из окна и набрали высоту. Сперва Карлсон сделал небольшой круг над ближайшей крышей, чтобы испытать мотор. Мотор тарахтел так ровно и надежно, что Малыш ни капельки не боялся.

Наконец Карлсон приземлился на своей крыше.

— А теперь поглядим, сможешь ли ты найти мой дом. Я тебе не скажу, за какой трубой он находится. Отыщи его сам.

Малышу никогда не случалось бывать на крыше, но он не раз видел, как какой-то мужчина, привязав себя веревкой к трубе, счищал с крыши снег. Малыш всегда завидовал ему, а теперь он сам был таким счастливцем, хотя, конечно, не был обвязан веревкой и внутри у него что-то сжималось, когда он переходил от одной трубы к другой. И вдруг за одной из них он действительно увидел домик. Очень симпатичный домик с зелеными ставенками и маленьким крылечком. Малышу захотелось как можно скорее войти в этот домик и своими глазами увидеть все паровые машины и все картины с изображением петухов, да и вообще все, что там находилось.

К домику была прибита табличка, чтобы все знали, кто в нем живет. Малыш прочел:

Карлсон, который живет на крыше

Карлсон распахнул настежь дверь и с криком: «Добро пожаловать, дорогой Карлсон, и ты, Малыш, тоже!» — первым вбежал в дом.

— Мне нужно немедленно лечь в постель, потому что я самый тяжелый больной в мире! — воскликнул он и бросился на красный деревянный диванчик, который стоял у стены.

Малыш вбежал вслед за ним; он готов был лопнуть от любопытства.

В домике Карлсона было очень уютно — это Малыш сразу

заметил. Кроме деревянного диванчика, в комнате стоял верстак, служивший также и столом, шкаф, два стула и камин с железной решеткой и таганком. На нем Карлсон готовил пищу. Но паровых машин пока что-то не было видно. Малыш долго оглядывал комнату, но не мог их нигде обнаружить и наконец, не выдержав, спросил:

— А где же твои паровые машины?

— Гм...— промычал Карлсон,— мои паровые машины... Они все вдруг взорвались. Виноваты предохранительные клапаны. Только клапаны, ничто другое. Но это пустяки, дело житейское, и огорчаться нечего.

Малыш вновь огляделся по сторонам.

— Ну, а где твои картины с петухами? Они что, тоже взорвались? — язвительно спросил он Карлсона.

— Нет, они не взорвались,— ответил Карлсон.— Вот, гляди.— И он указал на припиленный к стене возле шкафа лист картона.

На большом, совершенно чистом листе в нижнем углу был нарисован крохотный красный петушок.

— Картина называется: «Очень одинокий петух»,— объяснил Карлсон.

Малыш посмотрел на этого крошечного петушка. А ведь Карлсон говорил о тысячах картин, на которых изображены всевозможные петухи, и все это, оказывается, свелось к одной красненькой петухообразной козявке!

— Этот «Очень одинокий петух» создан лучшим в мире рисовальщиком петухов,— продолжал Карлсон, и голос его дрогнул.— Ах, до чего эта картина прекрасна и печальна!.. Но нет, я не стану сейчас плакать, потому что от слез поднимается температура...— Карлсон откинулся на подушку и схватился за голову.— Ты собирался стать мне родной матерью, ну так действуй,— простонал он.

Малыш толком не знал, с чего ему следует начать, и неуверенно спросил:

— У тебя есть какое-нибудь лекарство?

— Да, но я не хочу его принимать... А пятиэровая монетка у тебя есть?

Малыш вынул монетку из кармана штанов.

— Дай сюда.

Малыш протянул ему монетку. Карлсон быстро схватил ее и зажал в кулаке; вид у него был хитрый и довольный.

— Сказать тебе, какое лекарство я бы сейчас принял?

— Какое? — поинтересовался Малыш.

— «Приторный порошок» по рецепту Карлсона, который живет на крыше. Ты возьмешь немного шоколаду, немного конфет, добавишь такую же порцию печенья, все это истолчешь

и хорошенько перемешаешь. Как только ты приготовишь лекарство, я приму его. Это очень помогает от жара.

— Сомневаюсь,— заметил Малыш.

— Давай поспорим. Спорю на шоколадку, что я прав.

Малыш подумал, что, может быть, именно это мама и имела в виду, когда советовала ему разрешать споры словами, а не кулаками.

— Ну, давай держать пари! — настаивал Карлсон.

— Давай,— согласился Малыш.

Он взял одну из шоколадок и положил ее на верстак, чтобы было ясно, на что они спорят, а затем принялся готовить лекарство по рецепту Карлсона. Он бросил в чашку несколько леденцов, несколько засахаренных орешков, добавил кусочек шоколаду, растолок все это и перемешал. Потом раскрошил миндальные ракушки и тоже высыпал их в чашку. Такого лекарства Малыш еще в жизни не видел, но оно выглядело так аппетитно, что он и сам согласился бы слегка поболеть, чтобы принять это лекарство.

Карлсон уже привстал на своем диване и, как птенец, широко разинул рот. Малышу показалось совестным взять у него хоть ложку «приторного порошка».

— Всыпь в меня большую дозу,— попросил Карлсон.

Малыш так и сделал. Потом они сели и молча принялись ждать, когда у Карлсона упадет температура.

Спустя полминуты Карлсон сказал:

— Ты был прав, это лекарство не помогает от жара. Дай-ка мне теперь шоколадку.

— Тебе? — удивился Малыш.— Ведь я выиграл пари!

— Ну да, пари выиграл ты, значит, мне надо получить в утешение шоколадку. Нет справедливости на этом свете! А ты всего-навсего гадкий мальчишка, ты хочешь съесть шоколад только потому, что у меня не упала температура.

Малыш с неохотой протянул шоколадку Карлсону, который мигом откусил половину и, не переставая жевать, сказал:

— Нечего сидеть с кислой миной. В другой раз, когда я выиграю спор, шоколадку получишь ты.

Карлсон продолжал энергично работать челюстями и, проглотив последний кусок, откинулся на подушку и тяжело вздохнул:

— Как несчастны все больные! Как я несчастен! Ну что ж, придется попробовать принять двойную дозу «приторного порошка», хоть я и ни капельки не верю, что он меня вылечит.

— Почему? Я уверен, что двойная доза тебе поможет. Давай поспорим! — предложил Малыш.

Честное слово, теперь и Малышу было не грех немножко схитрить. Он, конечно, совершенно не верил, что у Карлсона упадет температура даже и от тройной порции «приторного

порошка», но ведь ему так хотелось на этот раз проспорить! Осталась ещё одна шоколадка, и он её получит, если Карлсон выиграет спор.

— Что ж, давай поспорим! Приготовь-ка мне поскорее двойную дозу «приторного порошка». Когда нужно сбить температуру, ничем не следует пренебрегать. Нам ничего не остаётся, как испробовать все средства и терпеливо ждать результата.

Малыш смешал двойную дозу порошка и всыпал его в широко раскрытый рот Карлсона.

Затем они снова уселись, замолчали и стали ждать.

Полминуты спустя Карлсон с сияющим видом соскочил с дивана.

— Свершилось чудо! — крикнул он. — У меня упала температура! Ты опять выиграл. Давай сюда шоколад.

Малыш вздохнул и отдал Карлсону последнюю плиточку. Карлсон недовольно взглянул на него:

— Упрямыцы вроде тебя вообще не должны держать пари. Спорить могут только такие, как я. Проиграл ли, выиграл ли Карлсон, он всегда сияет, как начищенный пятак.

Воцарилось молчание, во время которого Карлсон дожевывал свой шоколад. Потом он сказал:

— Но раз ты такой лакомка, такой обжора, лучше всего будет по-братски поделить остатки. У тебя ещё есть конфеты?

Малыш пошарил в карманах.

— Вот, три штуки. — И он вытащил два засахаренных орешка и один леденец.

— Три пополам не делится, — сказал Карлсон, — это знают даже малые дети. — И, быстро схватив с ладони Малыша леденец, проглотил его. — Вот теперь можно делить, — продолжал Карлсон и с жадностью поглядел на оставшиеся два орешка: один из них был чуточку больше другого. — Так как я очень милый и очень скромный, то разрешаю тебе взять первому. Но помни: кто берёт первым, всегда должен брать то, что поменьше, — закончил Карлсон и строго взглянул на Малыша.

Малыш на секунду задумался, но тут же нашёлся:

— Уступаю тебе право взять первым.

— Хорошо, раз ты такой упрямый! — вскрикнул Карлсон и, схватив больший орешек, мигом засунул его себе в рот.

Малыш посмотрел на маленький орешек, одиноко лежавший на его ладони.

— Послушай, — сказал он, — ведь ты же сам говорил, что тот, кто берёт первым, должен взять то, что поменьше.

— Эй ты, маленький лакомка, если бы ты выбирал первым, какой бы орешек ты взял себе?

— Можешь не сомневаться, я взял бы меньший, — твёрдо ответил Малыш.

— Так что ж ты волнуешься? Ведь он тебе и достался!

Малыш вновь подумал о том, что, видимо, это и есть то самое разрешение спора словами, а не кулаками, о котором говорила мама.

Но Малыш не умел долго дуться. К тому же он был очень рад, что у Карлсона упала температура. Карлсон тоже об этом вспомнил.

— Я напишу всем врачам на свете, — сказал он, — и сообщу им, какое лекарство помогает от жара. «Принимайте «приторный порошок», приготовленный по рецепту Карлсона, который живёт на крыше». Так я и напишу: «Лучшее в мире средство против жара».

Малыш ещё не съел свой засахаренный орешек. Он лежал у него на ладони, такой заманчивый, аппетитный и восхитительный, что Малышу захотелось сперва им немного полюбоваться. Ведь стоит только положить в рот конфетку, как её уже нет.

Карлсон тоже смотрел на засахаренный орешек Малыша. Он долго не сводил глаз с этого орешка, потом наклонил голову и сказал:

— Давай поспорим, что я смогу взять этот орешек так, что ты и не заметишь.

— Нет, ты не сможешь, если я буду держать его на ладони и всё время смотреть на него.

— Ну, давай поспорим, — повторил Карлсон.

— Нет, — сказал Малыш. — Я знаю, что выиграю, и тогда ты опять получишь конфету.

Малыш был уверен, что такой способ спора неправильный. Ведь когда он спорил с Боссе или Бетан, награду получал тот, кто выигрывал.

— Я готов спорить, но только по старому, правильному способу, чтобы конфету получил тот, кто выиграет.

— Как хочешь, обжора. Значит, мы спорим, что я смогу взять этот орешек с твоей ладошки так, что ты и не заметишь.

— Идёт! — согласился Малыш.

— Фокус-покус-филипокус! — крикнул Карлсон и схватил засахаренный орешек. — Фокус-покус-филипокус, — повторил он и сунул орешек себе в рот.

— Стоп! — закричал Малыш. — Я видел, как ты его взял.

— Что ты говоришь! — сказал Карлсон и поспешно проглотил орешек. — Ну, значит, ты опять выиграл. Никогда не видел мальчишки, которому бы так везло в споре.

— Да... но конфета... — растерянно пробормотал Малыш. — Ведь её должен был получить тот, кто выиграл.

— Верно, — согласился Карлсон. — но её уже нет, и я готов спорить, что мне уже не удастся её вернуть назад.

Малыш промолчал, но подумал, что слова — никуда не годное

средство для выяснения, кто прав, а кто виноват; и он решил сказать об этом маме, как только ее увидит. Он сунул руку в свой пустой карман. Подумать только! — там лежал ещё один засахаренный орех, которого он раньше не заметил. Большой, липкий, прекрасный орех.

— Спорим, что у меня есть засахаренный орех! Спорим, что я его сейчас съем! — сказал Малыш и быстро засунул орех себе в рот.

Карлсон сел. Вид у него был печальный.

— Ты обещал, что будешь мне родной матерью, а занимаешься тем, что набиваешь себе рот сладостями. Никогда еще не видел такого прожорливого мальчишки!

Минуту он просидел молча и стал еще печальнее.

— Во-первых, я не получил пятиэровой монеты за то, что кусается шарф.

— Ну да. Но ведь тебе не завязывали горло, — сказал Малыш.

— Я же не виноват, что у меня нет шарфа! Но если бы нашёлся шарф, мне бы наверняка завязали им горло, он бы кусался, и я получил бы пять эре... — Карлсон умоляюще посмотрел на Малыша, и его глаза наполнились слезами. — Я должен страдать оттого, что у меня нет шарфа? Ты считаешь, это справедливо?

Нет, Малыш не считал, что это справедливо, и он отдал свою последнюю пятиэровую монетку Карлсону, который живет на крыше.

ПРОДЕЛКИ КАРЛСОНА

— Ну, а теперь я хочу немного поразвлечься, — сказал Карлсон минуту спустя. — Давай побегаем по крышам и там уж сообразим, чем заняться.

Малыш с радостью согласился. Он взял Карлсона за руку, и они вместе вышли на крышу. Начинало смеркаться, и все вокруг выглядело очень красиво: небо было таким синим, каким бывает только весной; дома, как всегда в сумерках, казались какими-то таинственными. Внизу зеленел парк, в котором часто играл Малыш, а от высоких тополей, растущих во дворе, поднимался чудесный, острый запах листвы.

Этот вечер был прямо создан для прогулок по крышам. Из раскрытых окон доносились самые разные звуки и шумы: тихий разговор каких-то людей; детский смех и детский плач; звяканье посуды, которую кто-то мыл на кухне; лай собаки; бреление на пианино. Где-то загрохотал мотоцикл, а когда он промчался и шум затих, донёлся цокот копыт и тархение телеги.

— Если бы люди знали, как приятно ходить по крышам, они

давно бы перестали ходить по улицам,— сказал Малыш.— Как здесь хорошо!

— Да, и очень опасно,— подхватил Карлсон,— потому что легко сорваться вниз. Я тебе покажу несколько мест, где сердце прямо екает от страха.

Домá так тесно прижались друг к другу, что можно было свободно перейти с крыши на крышу. Выступы, мансарды, трубы и углы придавали крышам самые причудливые формы.

И правда, гулять здесь было так опасно, что дух захватывало. В одном месте между домами была широкая щель, и Малыш едва не свалился в нее. Но в последнюю минуту, когда нога Малыша уже соскользнула с карниза, Карлсон схватил его за руку.

— Весело? — крикнул он, втаскивая Малыша на крышу.— Вот как раз такие места я и имел в виду. Что ж, пойдем дальше?

Но Малышу не захотелось идти дальше — сердце у него билось слишком сильно. Они шли по таким трудным и опасным местам, что приходилось цепляться руками и ногами, чтобы не сорваться. А Карлсон, желая позабавить Малыша, нарочно выбирал дорогу потруднее.

— Я думаю, что настало время нам немножко повеселиться,— сказал Карлсон.— Я частенько гуляю по вечерам на крышах и люблю подшутить над людьми, живущими вот в этих мансардах.

— Как подшутить? — спросил Малыш.

— Над разными людьми по-разному. И я никогда не повторяю дважды одну и ту же шутку. Угадай, кто лучший в мире шутник?

Вдруг где-то поблизости раздался громкий плач грудного младенца. Малыш еще раньше слышал, что кто-то плакал, но потом плач прекратился. Видимо, ребенок на время успокоился, а сейчас снова принялся кричать. Крик доносился из ближайшей мансарды и звучал жалостно и одиноко.

— Бедная малютка! — сказал Малыш.— Может быть, у нее болит живот.

— Это мы сейчас выясним,— отозвался Карлсон.

Они поползли вдоль карниза, пока не добрались до окна мансарды. Карлсон поднял голову и осторожно заглянул в комнату.

— Чрезвычайно заброшенный младенец,— сказал он.— Ясное дело, отец с матерью где-то бегают.

Ребенок прямо надрывался от плача.

— Спокойствие, только спокойствие! — Карлсон приподнялся над подоконником и громко произнес: — Идет Карлсон, который живет на крыше,— лучшая в мире нянька.

Малышу не захотелось оставаться одному на крыше, и он тоже перелез через окно вслед за Карлсоном, со страхом думая о том, что будет, если вдруг появятся родители малютки.

Зато Карлсон был совершенно спокоен. Он подошел к кровати, в которой лежал ребенок, и пощекотал его под подбородком своим толстеньким указательным пальцем.

— Плюти-плюти-плют! — сказал он шаловливо, затем, обернувшись к Малышу, объяснил: — Так всегда говорят грудным детям, когда они плачут.

Младенец от изумления на мгновение затих, но тут же разревелся с новой силой.

— Плюти-плюти-плют! — повторил Карлсон и добавил: — А еще с детьми вот как делают...

Он взял ребенка на руки и несколько раз энергично его встряхнул.

Должно быть, малютке это показалось забавным, потому что она вдруг слабо улыбнулась беззубой улыбкой.

Карлсон был очень горд.

— Как легко развеселить крошку! — сказал он. — Лучшая в мире нянька — это...

Но закончить ему не удалось, так как ребенок опять заплакал.

— Плюти-плюти-плют! — раздраженно прорычал Карлсон и стал еще сильнее трясти девочку. — Слышишь, что я тебе говорю? Плюти-плюти-плют! Понятно?

Но девочка орала во всю глотку, и Малыш протянул к ней руки.

— Дай-ка я ее возьму, — сказал он.

Малыш очень любил маленьких детей и много раз просил маму и папу подарить ему маленькую сестренку, раз уж они наотрез отказываются купить собаку.

Он взял из рук Карлсона кричащий сверток и нежно прижал его к себе.

— Не плачь, маленькая! — сказал Малыш. — Ты ведь такая милая...

Девочка затихла, посмотрела на Малыша серьезными блестящими глазами, затем снова улыбнулась своей беззубой улыбкой и что-то тихонько залепетала.

— Это мой «плюти-плюти-плют» подействовал, — произнес Карлсон. — «Плюти-плюти-плют» всегда действует безотказно. Я тысячи раз проверял.

— Интересно, а как ее зовут? — сказал Малыш и легонько провел указательным пальцем по маленькой нежной щеке ребенка.

— Гюль-фия, — ответил Карлсон. — Маленьких девочек чаще всего зовут именно так.

Малыш никогда не слышал, чтобы какую-нибудь девочку звали Гюль-фия, но он подумал, что уж кто-кто, а лучшая в мире нянька знает, как обычно называют таких малюток.

— Малышка Гюль-фия, мне кажется, что ты хочешь есть, —

сказал Малыш, глядя, как ребенок норовит схватить губами его указательный палец.

— Если Гюль-фия голодна, то вот здесь есть колбаса и картошка, — сказал Карлсон, заглянув в буфет. — Ни один младенец в мире не умрет с голоду, пока у Карлсона не переведутся колбаса и картошка.

Но Малыш сомневался, что Гюль-фия станет есть колбасу и картошку.

— Таких маленьких детей кормят, по-моему, молоком, — возразил он.

— Значит, ты думаешь, лучшая в мире нянька не знает, что детям дают и чего не дают? — возмутился Карлсон. — Но если ты так настаиваешь, я могу слетать за коровой... — Тут Карлсон недовольно взглянул на окно и добавил: — Хотя трудно будет протащить корову через такое маленькое окошко.

Гюль-фия тщетно ловила палец Малыша и жалобно хныкала. Действительно, похоже было на то, что она голодна.

Малыш пошарил в буфете, но молока не нашел: там стояла лишь тарелка с тремя кусочками колбасы.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я вспомнил, где можно достать молока... Мне придется кое-куда слетать... Привет, я скоро вернусь!

Он нажал кнопку на животе и, прежде чем Малыш успел опомниться, стремительно вылетел из окна.

Малыш страшно перепугался. Что, если Карлсон, как обычно, пропадет на несколько часов? Что, если родители ребенка вернутся домой и увидят свою Гюль-фию на руках у Малыша?

Но Малышу не пришлось сильно волноваться — на этот раз Карлсон не заставил себя долго ждать. Гордый, как петух, он влетел в окно, держа в руках маленькую бутылочку с соской, такую, из которой обычно поят грудных детей.

— Где ты ее достал? — удивился Малыш.

— Там, где я всегда беру молоко, — ответил Карлсон, — на одном балконе в Остермальме¹.

— Как, ты её просто стащил? — воскликнул Малыш.

— Я её... взял взаймы.

— Взаймы? А когда ты собираешься её вернуть?

— Никогда!

Малыш строго посмотрел на Карлсона. Но Карлсон только махнул рукой:

— Пустяки, дело житейское... Всего-навсего одна крошечная бутылочка молока. Там есть семья, где родилась тройня, и у них на балконе в ведре со льдом полным-полно таких бутылочек.

¹ О с т е р м а л ь м — пригород Стокгольма.

Они будут только рады, что я взял немного молока для Гюль-фии.

Гюль-фия протянула свои маленькие ручки к бутылке и нетерпеливо зачмокала.

— Я сейчас погрею молочко,— сказал Малыш и передал Гюль-фию Карлсону, который снова стал вопить «плюти-плюти-плют» и трясти малютку.

А Малыш тем временем включил плитку и стал греть бутылочку.

Несколько минут спустя Гюль-фия уже лежала в своей кровати и крепко спала. Она была сыта и довольна. Малыш суетился вокруг нее. Карлсон яростно раскачивал кровать и громко распевал:

— Плюти-плюти-плют... Плюти-плюти-плют...

Но, несмотря на весь этот шум, Гюль-фия заснула, потому что она наелась и устала.

— А теперь, прежде чем уйти отсюда, давай попроказничаем,— предложил Карлсон.

Он подошел к буфету и вынул тарелку с нарезанной колбасой. Малыш следил за ним, широко раскрыв глаза от удивления. Карлсон взял с тарелки один кусочек.

— Вот сейчас ты увидишь, что значит проказничать.— И Карлсон нацепил кусочек колбасы на дверную ручку.— Номер первый,— сказал он и с довольным видом кивнул головой.

Затем Карлсон подбежал к шкафчику, на котором стоял красивый белый фарфоровый голубь, и, прежде чем Малыш успел вымолвить слово, у голубя в клюве тоже оказалась колбаса.

— Номер второй,— проговорил Карлсон.— А номер третий получит Гюль-фия.

Он схватил с тарелки последний кусок колбасы и сунул его в ручку спящей Гюль-фии. Это и в самом деле выглядело очень смешно. Можно было подумать, что Гюль-фия сама встала, взяла кусочек колбасы и заснула с ним.

Но Малыш все же сказал:

— Прошу тебя, не делай этого.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон.— Мы отучим ее родителей убегать из дому по вечерам.

— Почему? — удивился Малыш.

— Ребенка, который уже ходит и берет себе колбасу, они не решатся оставить одного. Кто может предвидеть, что она захочет взять в другой раз? Быть может, папин воскресный галстук?

И Карлсон проверил, не выпадет ли колбаса из маленькой ручки Гюль-фии.

— Спокойствие, только спокойствие! — продолжал он.— Я знаю, что делаю. Ведь я — лучшая в мире нянька.

Как раз в этот момент Малыш услышал, что кто-то поднимается по лестнице, и подскочил от испуга.

— Они идут! — прошептал он.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и потащил Малыша к окну.

В замочную скважину уже всунули ключ. Малыш решил, что все пропало. Но, к счастью, они все-таки успели вылезти на крышу. В следующую секунду хлопнула дверь, и до Малыша долетели слова:

— А наша милая маленькая Сусанна спит себе да спит! — сказала женщина.

— Да, дочка спит, — отозвался мужчина.

Но вдруг раздался крик. Должно быть, папа и мама Гюль-фии заметили, что девочка сжимает в ручке кусок колбасы.

Малыш не стал ждать, что скажут родители Гюль-фии о проделках лучшей в мире няньки, которая, едва заслышав их голоса, быстро спряталась за трубу.

— Хочешь увидеть жуликов? — спросил Карлсон Малыша, когда они немного отдышались. — Тут у меня в одной мансарде живут два первоклассных жулика.

Карлсон говорил так, словно эти жулики были его собственностью. Малыш в этом усомнился, но, так или иначе, ему захотелось на них поглядеть.

Из окна мансарды, на которое указал Карлсон, доносился громкий говор, смех и крики.

— О, да здесь царит веселье! — воскликнул Карлсон. — Пойдем взглянем, чем это они так забавляются.

Карлсон и Малыш опять поползли вдоль карниза. Когда они добрались до мансарды, Карлсон поднял голову и посмотрел в окно. Оно было занавешено. Но Карлсон нашел дырку, сквозь которую была видна вся комната.

— У жуликов гость, — прошептал Карлсон.

Малыш тоже посмотрел в дырку. В комнате сидели два субъекта, по виду вполне похожие на жуликов, и славный скромный малый вроде тех парней, которых Малыш видел в деревне, где жила его бабушка.

— Знаешь, что я думаю? — прошептал Карлсон. — Я думаю, что мои жулики затеяли что-то нехорошее. Но мы им помешаем... — Карлсон еще раз поглядел в дырку. — Готов поспорить — они хотят обобрать этого беднягу в красном галстуке!

Жулики и парень в галстуке сидели за маленьким столиком у самого окна. Они ели и пили.

Время от времени жулики дружески похлопывали своего гостя по плечу, приговаривая:

— Как хорошо, что мы тебя встретили, дорогой Оскар!

— Я тоже очень рад нашему знакомству, — отвечал Оскар. —

Когда впервые приезжаешь в город, очень хочется найти добрых друзей, верных и надежных. А то налетишь на каких-нибудь мошенников, и они тебя мигом облапошат.

Жулики одобрительно поддакивали:

— Конечно. Недолго стать жертвой мошенников. Тебе, парень, здорово повезло, что ты встретил Филле и меня.

— Ясное дело, не повстречай ты Рулле и меня, тебе бы худо пришлось. А теперь ешь да пей в свое удовольствие,— сказал тот, которого звали Филле, и вновь хлопнул Оскара по плечу.

Но затем Филле сделал нечто такое, что совершенно изумило Малыша: он как бы случайно сунул свою руку в задний карман брюк Оскара, вынул оттуда бумажник и осторожно засунул его в задний карман своих собственных брюк. Оскар ничего не заметил, потому что как раз в этот момент Рулле стиснул его в своих объятиях. Когда же Рулле наконец разжал объятия, у него в руке оказались часы Оскара. Рулле их также отправил в задний карман своих брюк. И Оскар опять ничего не заметил.

Но вдруг Карлсон, который живет на крыше, осторожно просунул свою пухлую руку под занавеску и вытащил из кармана Филле бумажник Оскара. И Филле тоже ничего не заметил. Затем Карлсон снова просунул под занавеску свою пухлую руку и вытащил из кармана Рулле часы. И тот тоже ничего не заметил. Но несколько минут спустя, когда Рулле, Филле и Оскар еще выпили и закусили, Филле сунул руку в свой карман и обнаружил, что бумажник исчез. Тогда он злобно взглянул на Рулле и сказал:

— Послушай-ка, Рулле, давай выйдем в прихожую. Нам надо кое о чем потолковать.

А тут как раз Рулле полез в свой карман и заметил, что исчезли часы. Он, в свою очередь, злобно поглядел на Филле и произнес:

— Пошли! И у меня есть к тебе разговор.

Филле и Рулле вышли в прихожую, а бедняга Оскар остался совсем один. Ему, должно быть, стало скучно сидеть одному, и он тоже вышел в прихожую, чтобы посмотреть, что там делают его новые друзья.

Тогда Карлсон быстро перемахнул через подоконник и положил бумажник в суповую миску. Так как Филле, Рулле и Оскар уже съели весь суп, то бумажник не намок. Что же касается часов, то их Карлсон прицепил к лампе. Они висели на самом виду, слегка раскачиваясь, и Филле, Рулле и Оскар увидели их, как только вернулись в комнату.

Но Карлсона они не заметили, потому что он залез под стол, накрытый свисающей до пола скатертью. Под столом сидел и Малыш, который, несмотря на свой страх, ни за что не хотел оставить Карлсона одного в таком опасном положении.

— Гляди-ка, на лампе болтаются мои часы! — удивленно воскликнул Оскар. — Как они могли туда попасть?

Он подошел к лампе, снял часы и положил их в карман своей куртки.

— А здесь лежит мой бумажник, честное слово! — еще больше изумился Оскар, заглянув в суповую миску. — Как странно! Рулле и Филле уставились на Оскара.

— А у вас в деревне парни, видно, тоже не промах! — воскликнули они хором.

Затем Оскар, Рулле и Филле опять сели за стол.

— Дорогой Оскар, — сказал Филле, — ешь и пей досыта!

И они снова стали есть и пить и похлопывать друг друга по плечу.

Через несколько минут Филле, приподняв скатерть, бросил бумажник Оскара под стол. Видно, Филле полагал, что на полу бумажник будет в большей сохранности, чем в его кармане. Но вышло иначе: Карлсон, который сидел под столом, поднял бумажник и сунул его в руку Рулле. Тогда Рулле сказал:

— Филле, я был к тебе несправедлив, ты благородный человек.

Через некоторое время Рулле просунул руку под скатерть и положил на пол часы. Карлсон поднял часы и, толкнув Филле ногой, вложил их ему в руку. Тогда и Филле сказал:

— Нет товарища надежнее тебя, Рулле!

Но тут Оскар завопил:

— Где мой бумажник? Где мои часы?

В тот же миг и бумажник и часы вновь оказались на полу под столом, потому что ни Филле, ни Рулле не хотели быть пойманными с поличным, если Оскар поднимет скандал. А Оскар уже начал выходить из себя, громко требуя, чтобы ему вернули его вещи. Тогда Филле закричал:

— Почему я знаю, куда ты дел свой паршивый бумажник!

А Рулле добавил:

— Мы не видели твоих дрянных часов! Ты сам должен следить за своим добром.

Тут Карлсон поднял с пола сперва бумажник, а потом часы и сунул их прямо в руки Оскару. Оскар схватил свои вещи и воскликнул:

— Спасибо тебе, милый Филле, спасибо, Рулле, но в другой раз не надо со мной так шутить!

Тут Карлсон изо всей силы стукнул Филле по ноге.

— Ты у меня за это заплатишься, Рулле! — завопил Филле.

А Карлсон тем временем ударил Рулле по ноге так, что тот прямо завыл от боли.

— Ты что, рехнулся? Чего ты дерешься? — крикнул Рулле.

Рулле и Филле выскочили из-за стола и принялись тузить друг друга так энергично, что все тарелки попадали на пол и разбились, а Оскар, до смерти перепугавшись, сунул в карман бумажник и часы и убрался восвояси.

Больше он сюда никогда не возвращался.

Малыш тоже очень испугался, но он не мог убраться восвояси и поэтому, притаившись, сидел под столом.

Филле был сильнее Рулле, и он вытолкнул Рулле в прихожую, чтобы там окончательно с ним расправиться.

Тогда Карлсон и Малыш быстро вылезли из-под стола. Карлсон, увидев осколки тарелок, разбросанные по полу, сказал:

— Все тарелки разбиты, а суповая миска цела. Как, должно быть, одиноко этой бедной суповой миске!

И он изо всех сил трахнул суповую миску об пол.

Потом они с Малышом кинулись к окну и быстро вылезли на крышу.

Малыш услышал, как Филле и Рулле вернулись в комнату и как Филле спросил:

— А чего ради ты, болван, ни с того ни с сего отдал ему бумажник и часы?

— Ты что, спятил? — ответил Рулле. — Ведь это же ты сделал!

Услышав их ругань, Карлсон расхохотался так, что у него затрясся живот.

— Ну, на сегодня хватит развлечений! — проговорил он сквозь смех.

Малыш тоже был сыт по горло сегодняшними проделками.

Уже совсем стемнело, когда Малыш и Карлсон, взявшись за руки, побрели к маленькому домику, притаившемуся за трубой на крыше того дома, где жил Малыш. Когда они уже почти добрались до места, то слышали, как, сигналя сиреной, по улице мчится пожарная машина.

— Должно быть, где-то пожар, — сказал Малыш. — Слышишь, проехали пожарные.

— А может быть, даже в твоём доме, — с надеждой в голосе проговорил Карлсон. — Ты только сразу же скажи мне. Я им охотно помогу, потому что я лучший в мире пожарный.

С крыши они увидели, как пожарная машина остановилась у подъезда. Вокруг нее собралась толпа, но огня что-то нигде не было заметно. И все же от машины до самой крыши быстро выдвинулась длинная лестница, точь-в-точь такая, какая бывает у пожарных.

— Может, это они за мной? — с тревогой спросил Малыш, вдруг вспомнив о записке, которую он оставил у себя; ведь сейчас уже было так поздно.

— Не понимаю, чего все так переполошились. Неужели

кому-то могло не понравиться, что ты отправился немного погулять по крыше? — возмутился Карлсон.

— Да, — ответил Малыш, — моей маме. Знаешь, у нее нервы...

Когда Малыш подумал об этом, он пожалел маму, и ему очень захотелось поскорее вернуться домой.

— А было бы неплохо слегка поразвлечься с пожарными... — заметил Карлсон.

Но Малыш не хотел больше развлекаться. Он тихо стоял и ждал, когда наконец доберётся до крыши пожарный, который уже лез по лестнице.

— Ну что ж, — сказал Карлсон, — пожалуй, мне тоже пора ложиться спать. Конечно, мы вели себя очень тихо, прямо скажу — примерно. Но не надо забывать, что у меня сегодня утром был сильный жар, не меньше тридцати — сорока градусов.

И Карлсон поскакал к своему домику.

— Привет, Малыш! — крикнул он.

— Привет, Карлсон! — отозвался Малыш, не отводя взгляда от пожарного, который поднимался по лестнице все выше и выше.

— Эй, Малыш, — крикнул Карлсон, прежде чем скрыться за трубой, — не рассказывай пожарным, что я здесь живу! Ведь я лучший в мире пожарный и боюсь, они будут посылать за мной, когда где-нибудь загорится дом.

Пожарный был уже близко.

— Стой на месте и не шевелись! — приказал он Малышу. — Слышишь, не двигайся с места! Я сейчас поднимусь и сниму тебя с крыши.

Малыш подумал, что со стороны пожарного предостерегать его было очень мило, но бессмысленно. Ведь весь вечер он разгуливал по крышам и, уж конечно, мог бы и сейчас сделать несколько шагов, чтобы подойти к лестнице.

— Тебя мама послала? — спросил Малыш пожарного, когда тот, взяв его на руки, стал спускаться.

— Ну да, мама. Конечно. Но... мне показалось, что на крыше было два маленьких мальчика.

Малыш вспомнил просьбу Карлсона и серьезно сказал:

— Нет, здесь не было другого мальчика.

У мамы действительно были «нервы». Она, и папа, и Боссе, и Бетан, и еще много всяких чужих людей стояли на улице и ждали Малыша. Мама кинулась к нему, обняла его; она и плакала и смеялась. Потом папа взял Малыша на руки и понес домой, крепко прижимая к себе.

— Как ты нас напугал! — сказал Боссе.

Бетан тоже заплакала и проговорила сквозь слезы:

— Никогда больше так не делай. Запомни, Малыш, никогда! Малыша тут же уложили в кровать, и вся семья собралась

вокруг него, как будто сегодня был день его рождения. Но папа сказал очень серьезно:

— Неужели ты не понимал, что мы будем волноваться? Неужели ты не знал, что мама будет вне себя от тревоги, будет плакать?

Малыш съежился в своей постели.

— Ну, чего вы беспокоились? — пробормотал он.

Мама очень крепко обняла его.

— Подумай только! — сказала она. — А если бы ты упал с крыши? Если бы мы тебя потеряли?

— Вы бы тогда огорчились?

— А как ты думаешь? — ответила мама. — Ни за какие сокровища в мире мы не согласились бы расстаться с тобой. Ты же и сам это знаешь.

— И даже за сто тысяч миллионов крон? — спросил Малыш.

— И даже за сто тысяч миллионов крон!

— Значит, я так дорого стою? — изумился Малыш.

— Конечно, — сказала мама и обняла его ещё раз.

Малыш стал размышлять: сто тысяч миллионов крон — какая огромная куча денег! Неужели он может стоять так дорого? Ведь щенка, настоящего, прекрасного щенка, можно купить всего за пятьдесят крон...

— Послушай, папа, — сказал вдруг Малыш, — если я действительно стою сто тысяч миллионов, то не могу ли я получить сейчас наличными пятьдесят крон, чтобы купить себе маленького щеночка?

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПРИВИДЕНИЯ

Только на следующий день, во время обеда, родители спросили Малыша, как он всё-таки попал на крышу.

— Ты что ж, пролез через слуховое окно на чердаке? — спросила мама.

— Нет, я полетел с Карлсоном, который живёт на крыше, — ответил Малыш.

Мама и папа переглянулись.

— Так дальше продолжаться не может! — воскликнула мама. — Этот Карлсон сведёт меня с ума!

— Послушай, — сказал папа, — никакого Карлсона, который бы жил на крыше, не существует.

— «Не существует»! — повторил Малыш. — Вчера он, во всяком случае, существовал.

Мама озабоченно покачала головой:

— Хорошо, что скоро начнутся каникулы и ты уедешь к

бабушке. Надеюсь, что там Карлсон не будет тебя преследовать.

Об этой неприятности Малыш ещё не думал. Ведь скоро его на всё лето пошлют в деревню к бабушке! А это значит, что он два месяца не увидит Карлсона. Конечно, летом у бабушки очень хорошо, там всегда бывает весело, но Карлсон... А вдруг Карлсон уже не будет жить на крыше, когда Малыш вернётся в город?

Малыш сидел, опершись локтями о стол и обхватив ладонями голову. Он не мог себе представить жизни без Карлсона.

— Ты разве не знаешь, что нельзя класть локти на стол? — спросила Бетан.

— Следи лучше за собой! — огрызнулся Малыш.

— Малыш, убери локти со стола, — сказала мама. — Положить тебе цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Ох! — вздохнул папа. — Надо сказать: «Нет, спасибо».

«Чего это они так раскомандовались мальчиком, который стоит сто тысяч миллионов», — подумал Малыш, но вслух этого не высказал.

— Вы же сами прекрасно понимаете, что, когда я говорю: «Лучше умереть, чем есть капусту», я хочу сказать: «Нет, спасибо», — пояснил он.

— Так воспитанные люди не говорят, — сказал папа. — А ты ведь хочешь стать воспитанным человеком?

— Нет, папа, я хочу стать таким, как ты, — ответил Малыш.

Мама, Боссе и Бетан расхохотались.

Малыш не понял, над чем они смеются, но решил, что смеются над его папой, а этого он уже никак не мог стерпеть.

— Да, я хочу быть таким, как ты, папа. Ты такой хороший! — произнёс Малыш, глядя на отца.

— Спасибо тебе, мой мальчик, — сказал папа. — Так ты действительно не хочешь цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Но ведь она очень полезна, — вздохнула мама.

— Наверно, — сказал Малыш. — Я давно заметил: чем еда невкусней, тем она полезней. Хотел бы я знать, почему все эти витамины содержатся только в том, что невкусно?

— Витамины, конечно, должны быть в шоколаде и в жевательной резинке, — сострил Боссе.

— Это самое разумное из всего, что ты сказал за последнее время, — огрызнулся Малыш.

После обеда Малыш отправился к себе в комнату. Всем сердцем он желал, чтобы Карлсон прилетел поскорее. Ведь на днях Малыш уедет за город, поэтому теперь они должны встречаться как можно чаще.

Должно быть, Карлсон почувствовал, что Малыш его ждёт: едва Малыш высунул нос в окошко, как Карлсон уже был тут как тут.

— Сегодня у тебя нет жара? — спросил Малыш.

— У меня? Жара?.. У меня никогда не бывает жара! Это было внушение.

— Ты внушил себе, что у тебя жар? — удивился Малыш.

— Нет, это я тебе внушил, что у меня жар, — радостно ответил Карлсон и засмеялся. — Угадай, кто лучший в мире выдумщик?

Карлсон ни минуты не стоял на месте. Разговаривая, он всё время кружил по комнате, трогал всё, что попадалось под руку, с любопытством открывал и закрывал ящики и разглядывал каждую вещь с большим интересом.

— Нет, сегодня у меня нет никакого жара. Сегодня я здоров как бык и расположен слегка поразвлечься.

Малыш тоже был не прочь поразвлечься. Но он хотел, чтобы прежде папа, мама, Боссе и Бетан увидели наконец Карлсона и перестали бы уверять Малыша, что Карлсон не существует.

— Подожди меня минуточку, — поспешно сказал Малыш, — я сейчас вернусь.

И он стремглав побежал в столовую.

Боссе и Бетан дома не оказалось — это, конечно, было очень досадно, — но зато мама и папа сидели у камина. Малыш сказал им, сильно волнуясь:

— Мама и папа, идите скорей в мою комнату!

Он решил пока ничего не говорить им о Карлсоне — будет лучше, если они увидят его без предупреждения.

— А может быть; ты посидишь с нами? — предложила мама.

Но Малыш потянул ее за руку:

— Нет, вы должны пойти ко мне. Там вы увидите одну вещь...

Недолгие переговоры завершились успешно. Папа и мама пошли вместе с ним. Счастливый Малыш с радостью распахнул дверь своей комнаты — наконец-то они увидят Карлсона!

И тут Малыш едва не заплакал, так он был обескуражен. Комната оказалась пустой, как и в тот раз, когда он привел всю семью знакомиться с Карлсоном.

— Ну, что же мы должны здесь увидеть? — спросил папа.

— Ничего особенного... — пробормотал Малыш.

К счастью, в эту минуту раздался телефонный звонок. Папа пошел говорить по телефону, а мама вспомнила, что в духовке у нее сидит сладкий пирог, и поспешила на кухню. Так что на этот раз Малышу не пришлось объясняться.

Оставшись один, Малыш присел у окна. Он очень сердился на Карлсона и решил высказать ему все начистоту, если тот снова прилетит.

Но никто не прилетел. Вместо этого открылась дверца шкафа, и оттуда высунулась лукавая физиономия Карлсона.

Малыш просто остоленел от изумления:

— Что ты делал в моем шкафу?

— Сказать тебе, что я там высиживал цыплят? Но это было бы неправдой. Сказать, что я думал о своих грехах? Это тоже было бы неправдой. Может быть, сказать, что я лежал на полке и отдыхал? Вот это будет правда! — ответил Карлсон.

Малыш тотчас же забыл, что сердился на Карлсона. Он был так рад, что Карлсон нашелся.

— Этот прекрасный шкаф прямо создан для игры в прятки. Давай поиграем? Я опять лягу на полку, а ты будешь меня искать, — сказал Карлсон.

И, не дожидаясь ответа Малыша, Карлсон скрылся в шкафу. Малыш услышал, как он там карабкается, забираясь, видимо, на верхнюю полку.

— Ну, а теперь ищи! — крикнул Карлсон.

Малыш распахнул дверцы шкафа и, конечно, сразу же увидел лежащего на полке Карлсона.

— Фу, какой ты противный! — закричал Карлсон. — Ты что, не мог сначала хоть немножко поискать меня под кроватью, за письменным столом или еще где-нибудь? Ну, раз ты такой, я с тобой больше не играю. Фу, какой ты противный!

В эту минуту раздался звонок у входной двери, и из передней послышался мамин голос:

— Малыш, к тебе пришли Кристер и Гунилла.

Этого сообщения было достаточно, чтобы у Карлсона улучшилось настроение.

— Подожди, мы сейчас с ними сыграем штуку! — прошептал он Малышу. — Притвори-ка за мной поплотнее дверцу шкафа...

Малыш едва успел закрыть шкаф, как в комнату вошли Гунилла и Кристер. Они жили на той же улице, что и Малыш, и учились с ним в одном классе. Малышу очень нравилась Гунилла, и он часто рассказывал своей маме, какая она «ужасно хорошая». Кристера Малыш тоже любил и давно уже простил ему шишку на лбу. Правда, с Кристером они частенько дрались, но всегда тут же мирились. Впрочем, дрался Малыш не только с Кристером, а почти со всеми ребятами с их улицы. Но вот Гунилле он никогда не бил.

— Как это получается, что ты еще ни разу не стукнул Гунилле? — спросила как-то мама.

— Она такая ужасно хорошая, что ее незачем бить,— ответил Малыш.

Но все же и Гунилла могла иногда вывести Малыша из себя. Вчера, например, когда они втроем возвращались из школы и Малыш рассказывал им о Карлсоне, Гунилла расхохоталась и сказала, что все это выдумки. Кристер с ней согласился, и Малыш был вынужден его стукнуть. В ответ на это Кристер и швырнул в него камнем.

Но сейчас они как ни в чем не бывало пришли к Малышу в гости, а Кристер привел даже своего щенка Еффу. Увидев Еффу, Малыш так обрадовался, что совсем забыл про Карлсона, который лежал на полке в шкафу. «Ничего нет на свете лучше собаки»,— подумал Малыш. Еффа прыгал и лаял, а Малыш обнимал его и гладил. Кристер стоял рядом и совершенно спокойно наблюдал, как Малыш ласкает Еффу. Он ведь знал, что Еффа — это его собака, а не чья-нибудь еще, так что пусть себе Малыш играет с ней сколько хочет.

Вдруг, в самый разгар возни Малыша с Еффой, Гунилла, ехидно посмеиваясь, спросила:

— А где же твой друг Карлсон, который живет на крыше? Мы думали, что застанем его у тебя.

И только теперь Малыш вспомнил, что Карлсон лежит на полке в его шкафу. Но так как он не знал, какую проделку на этот раз затеял Карлсон, то ничего не сказал об этом Кристеру и Гунилле.

— Вот ты, Гунилла, думаешь, что я все сочинил про Карлсона, который живет на крыше. Вчера ты говорила, что он — выдумка...

— Конечно, он и есть выдумка,— ответила Гунилла и расхохоталась; на ее щеках появились ямочки.

— Ну, а если он не выдумка? — хитро спросил Малыш.

— Но ведь он в самом деле выдумка! — вмешался в разговор Кристер.

— А вот и нет! — закричал Малыш.

И не успел он обдумать, стоит ли попытаться разрешить этот спор словами, а не кулаками или лучше сразу стукнуть Кристера, как вдруг из шкафа раздалось громко и отчетливо:

— Ку-ка-ре-ку!

— Что это такое? — воскликнула Гунилла, и ее красный, как вишня, ротик широко раскрылся от удивления.

— Ку-ка-ре-ку! — слышалось снова из шкафа, точь-в-точь как кричат настоящие петухи.

— У тебя что, петух живет в гардеробе? — удивился Кристер. Еффа заворчал и покосился на шкаф.

Малыш расхохотался. Он так смеялся, что не мог говорить.

— Ку-ка-ре-ку! — раздалось в третий раз.

— Я сейчас открою шкаф и погляжу, что там,— сказала Гунилла и отворила дверцу.

Кристер подскочил к ней и тоже заглянул в шкаф. Вначале они ничего не заметили, кроме висящей одежды, но потом с верхней полки раздалось хихиканье. Кристер и Гунилла посмотрели вверх и увидели на полке маленького толстого человечка. Удобно примостившись, он лежал, подперев рукой голову, и покачивал правой ножкой. Его веселые голубые глаза сияли.

Кристер и Гунилла молча смотрели на человечка, не в силах вымолвить ни слова, и лишь Еффа продолжал тихонько рычать.

Когда к Гунилле вернулся дар речи, она проговорила:

— Это кто такой?

— Всего лишь маленькая выдумка,— ответил странный человечек и стал еще энергичнее болтать ножкой.— Маленькая фантазия, которая лежит себе да отдыхает. Короче говоря, выдумка!

— Это... это...— проговорил Кристер, запинаясь.

— ...маленькая выдумка, которая лежит себе и кричит по-петушиному,— сказал человечек.

— Это Карлсон, который живет на крыше! — прошептала Гунилла.

— Конечно, а кто же еще! Уж не думаешь ли ты, что старая фру Густавсон, которой девяносто два года, незаметно пробралась сюда и разлеглась на полке?

Малыш просто зашелся от смеха — уж очень глупо выглядели растерянные Кристер и Гунилла.

— Они, наверное, онемели,— едва выговорил Малыш.

Одним прыжком Карлсон соскочил с полки. Он подошел к Гунилле и ущипнул ее за щеку:

— А это что за маленькая выдумка?

— Мы...— пробормотал Кристер.

— Ну, а тебя, наверно, зовут Август? — спросил Карлсон у Кристера.

— Меня зовут вовсе не Август,— ответил Кристер.

— Хорошо. Продолжим!..— сказал Карлсон.

— Их зовут Гунилла и Кристер,— объяснил Малыш.

— Да, просто трудно поверить, до чего иногда не везет людям. Но теперь уж ничего не попишешь. А кроме того, не могут же всех звать Карлсонами!..

Карлсон огляделся, словно что-то ища, и поспешно объяснил:

— А теперь я был бы не прочь немного поразвлечься. Может, пошвыряем стулья из окна? Или затеем еще какую-нибудь игру в этом роде?

Малыш не считал, что это будет очень веселая игра. К тому же он твердо знал, что мама и папа не одобряют такой забавы.

— Ну, я вижу, вы трусы. Если вы будете такими нерешитель-

тельными, у нас ничего не выйдет. Раз вам не нравится мое предложение, придумайте что-нибудь другое, а то я с вами не буду водиться. Я должен чем-нибудь позабавиться,— сказал Карлсон и обиженно надул губы.

— погоди, мы сейчас что-нибудь придумаем! — умоляюще прошептал Малыш.

Но Карлсон, видимо, решил обидеться всерьез.

— Вот возьму и улечу сейчас отсюда... — проворчал он.

Все трое понимали, какая это будет беда, если Карлсон улетит, и хором принялись уговаривать его остаться.

Карлсон с минуту сидел молча, продолжая дуться.

— Это, конечно, не наверняка, но я, пожалуй, смог бы остаться, если вот она, — и Карлсон показал своим пухлым пальчиком на Гунилла, — погладит меня по голове и скажет: «Мой милый Карлсон».

Гунилла с радостью погладила его и ласково попросила:

— Миленький Карлсон, останься! Мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Ну ладно, — сказал Карлсон, — я, пожалуй, останусь.

У детей вырвался вздох облегчения.

Мама и папа Малыша обычно гуляли по вечерам. Вот и теперь мама крикнула из прихожей:

— Малыш! Кристер и Гунилла могут остаться у тебя до восьми часов, потом ты быстро ляжешь в постель. А когда мы вернемся, я зайду к тебе пожелать спокойной ночи.

И дети услышали, как хлопнула входная дверь.

— А почему она не сказала, до какого часа я могу здесь остаться? — спросил Карлсон и выпятил нижнюю губу. — Если все ко мне так несправедливы, то я с вами не буду водиться.

— Ты можешь остаться здесь до скольких хочешь, — ответил Малыш.

Карлсон еще больше выпятил губу.

— А почему меня не выставят отсюда ровно в восемь, как всех? — сказал Карлсон обиженным тоном. — Нет, так я не играю!

— Хорошо, я попрошу маму, чтобы она отправила тебя домой в восемь часов, — пообещал Малыш. — Ну, а ты придумал, во что мы будем играть?

Дурное настроение Карлсона как рукой сняло.

— Мы будем играть в привидения и пугать людей. Вы даже не представляете себе, что я могу сделать с помощью одной небольшой простыни. Если бы все люди, которых я пугал до смерти, давали мне за это по пять эре, я мог бы купить целую гору шоколада. Ведь я лучшее в мире привидение! — сказал Карлсон, и глаза его весело заблестели.

Малыш, Кристер и Гунилла с радостью согласились играть в привидения. Но Малыш сказал:

— Вовсе не обязательно так ужасно пугать людей.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон. — Не тебе учить лучшее в мире привидение, как должны вести себя привидения. Я только слегка попугаю всех до смерти, никто этого даже и не заметит. — Он подошел к кровати Малыша и взял простыню. — Материал подходящий, можно сделать вполне приличную одежду для привидения.

Карлсон достал из ящика письменного стола цветные мелки и нарисовал в одном углу простыни страшную рожу. Потом он взял ножницы и, прежде чем Малыш успел его остановить, быстро прорезал две дырки для глаз.

— Простыня — это пустяки, дело житейское. А привидение должно видеть, что происходит вокруг, иначе оно начнет блуждать и попадет в конце концов невесть куда.

Затем Карлсон закутался с головой в простыню, так что видны были только его маленькие пухлые ручки.

Хотя дети и знали, что это всего-навсего Карлсон, закутанный в простыню, они все же слегка испугались; а что касается Еффы, то он бешено залаял. Когда же Карлсон включил свой моторчик и принялся летать вокруг люстры — простыня на нем так и развевалась, — стало еще страшнее. Это было и вправду жуткое зрелище.

— Я небольшое привидение с мотором! — кричал он. — Дикое, но симпатичное!

Дети притихли и боязливо следили за его полетом. А Еффа просто надрывался от лая.

— Вообще говоря, — продолжал Карлсон, — я люблю, когда во время полета жужжит мотор, но, поскольку я привидение, следует, вероятно, включить глушитель. Вот так!

Он сделал несколько кругов совершенно бесшумно и стал еще больше похож на привидение.

Теперь дело было лишь за тем, чтобы найти, кого пугать.

— Может быть, мы отправимся на лестничную площадку? Кто-нибудь войдет в дом и испугается до смерти!

В это время зазвонил телефон, но Малыш решил не подходить. Пусть себе звонит!

Между тем Карлсон принялся громко вздыхать и стонать на разные лады.

— Грош цена тому привидению, которое не умеет как следует вздыхать и стонать, — пояснил он. — Это первое, чему учат юное привидение в привиденческой школе.

На все эти приготовления ушло немало времени. Когда они уже стояли перед входной дверью и собирались выйти на лестничную площадку, чтобы пугать прохожих, слышалось какое-то

слабое царапанье. Малыш было подумал, что это мама и папа возвращаются домой. Но вдруг он увидел, как в щель ящика для писем кто-то просовывает стальную проволоку. И Малыш сразу понял, что к ним лезут воры. Он вспомнил, что на днях папа читал маме статью из газеты. Там говорилось, что в городе появилось очень много квартирных воров. Они сперва звонят по телефону. Убедившись, что дома никого нет, воры взламывают замок и выносят из квартиры все ценное.

Малыш страшно испугался, когда понял, что происходит. Кристер и Гунилла испугались не меньше. Кристер запер Еффу в комнате Малыша, чтобы он своим лаем не испортил игру в привидения, и теперь очень пожалел об этом. Один только Карлсон ничуть не испугался.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал он. — Для такого случая привидение — незаменимая вещь. Давайте тихонько пойдем в столовую — наверно, там твой отец хранит золотые слитки и бриллианты.

Карлсон, Малыш, Гунилла и Кристер на цыпочках пробрались в столовую и, стараясь не шуметь, спрятались за мебелью, кто где. Карлсон залез в красивый старинный буфет — там у мамы лежали скатерти и салфетки — и кое-как прикрыл за собой дверцу. Плотно закрыть он ее не успел, потому что как раз в этот момент в столовую крадучись вошли воры. Малыш, который лежал под диваном у камина, осторожно высунулся и посмотрел: среди комнаты стояли двое парней весьма мерзкого вида. И представьте себе, это были Филле и Рулле!

— Теперь надо узнать, где у них лежат деньги, — сказал Филле хриплым шепотом.

— Ясное дело, здесь, — отозвался Рулле, указывая на старинный секретер со множеством ящиков.

Малыш знал, что в одном из этих ящиков мама держала деньги на хозяйство, а в другом хранила красивые драгоценные кольца и брошки, которые ей подарила бабушка, и папины золотые медали, полученные им в награду за меткую стрельбу. «Как будет ужасно, если все это унесут воры», — подумал Малыш.

— Пойщи-ка здесь, — сказал Филле, — а я пойду на кухню, посмотрю, нет ли там серебряных ложек и вилок.

Филле исчез, а Рулле начал выдвигать ящики секретера, и вдруг он прямо свистнул от восторга.

«Наверно, нашел деньги», — подумал Малыш.

Рулле выдвинул другой ящик и снова свистнул — он увидел кольца и брошки.

Но больше он уже не свистел, потому что в это мгновение распахнулись дверцы буфета и оттуда, издавая страшные стоны, выпорхнуло привидение. Когда Рулле обернулся и увидел, он хрюкнул от ужаса и уронил на пол деньги, кольца, брошки и все

остальное. Привидение порхало вокруг него, стонало и вздыхало; потом оно вдруг устремилось на кухню. Секунду спустя в столовую ворвался Филле. Он был бледен как полотно.

— Прулле, там ривидение! — завопил он.

Он хотел крикнуть: «Рулле, там привидение!», но от страха у него заплетался язык, и получилось: «Прулле, там ривидение!»

Да и не мудрено было испугаться! Следом за ним в комнату влетело привидение и принялось так жутко вздыхать и стонать, что просто дух захватывало.

Рулле и Филле бросились к двери, а привидение вилось вокруг них. Не помня себя от страха, они выскочили в прихожую, а оттуда на лестничную площадку. Привидение преследовало их по пятам, гнало вниз по лестнице и выкрикивало время от времени глухим, страшным голосом:

— Спокойствие, только спокойствие! Сейчас я вас настигну, и тут-то вам будет весело!

Но потом привидение устало и вернулось в столовую. Малыш собрал с пола деньги, кольца, брошки и положил все это обратно в секретер. А Гунилла и Кристер подобрали все вилки и ложки, которые уронил Филле, когда он метался между кухней и столовой.

— Лучшее в мире привидение — это Карлсон, который живет на крыше, — сказала привидение и сняло с себя простыню.

Дети смеялись; они были счастливы.

А Карлсон добавил:

— Ничто не может сравниться с привидением, когда надо пугать воров. Если бы люди это знали, то непременно привязали бы по маленькому злобному привидению к каждой кассе в городе.

Малыш прыгал от радости, что все обернулось так хорошо.

— Люди настолько глупы, что верят в привидения. Просто смешно! — воскликнул он. — Папа говорит, что вообще ничего сверхъестественного не существует. — И Малыш, как бы в подтверждение этих слов, кивнул головой. — Дураки эти воры — они подумали, что из буфета вылетело привидение! А на самом деле это был просто Карлсон, который живет на крыше. Ничего сверхъестественного!

КАРЛСОН ВЫСТУПАЕТ С УЧЕНОЙ СОБАКОЙ АЛЬБЕРГ

На следующее утро, едва проснувшись, взъерошенный мальчуган в полосатой голубой пижаме прилепал босиком к маме на кухню. Папа уже ушел на службу, а Боссе и Бетан — в школу. У Малыша уроки начинались позже, и это было очень кстати, по-

тому что он любил оставаться вот так по утрам вдвоем с мамой, пусть даже ненадолго. В такие минуты хорошо разговаривать, вместе петь песни или рассказывать друг другу сказки. Хотя Малыш уже большой мальчик и ходит в школу, он с удовольствием сидит у мамы на коленях, но только если этого никто не видит.

Когда Малыш вошел в кухню, мама, примостившись у кухонного стола, читала газету и пила кофе. Малыш молча влез к ней на колени. Мама обняла его и нежно прижала к себе. Так они и сидели, пока Малыш окончательно не проснулся.

Мама и папа вернулись вчера с прогулки позже, чем предполагали. Малыш уже лежал в своей кроватке и спал. Во сне он разметался. Укрывая его, мама заметила дырки, прорезанные в простыне. А сама простыня была такая грязная, словно ее кто-то нарочно исчертил углем. И тогда мама подумала: «Неудивительно, что Малыш поспешил лечь спать». А теперь, когда озорник сидел у нее на коленях, она твердо решила не отпускать его без объяснений.

— Послушай, Малыш, мне бы хотелось знать, кто прорезал дырки в твоей простыне. Только не вздумай, пожалуйста, говорить, что это сделал Карлсон, который живет на крыше.

Малыш молчал и напряженно думал. Как быть? Ведь дырки прорезал именно Карлсон, а мама запретила о нем говорить. Малыш решил также ничего не рассказывать и о ворах, потому что мама все равно этому не поверит.

— Ну, так что же? — настойчиво повторила мама, так и не дождавшись ответа.

— Не могла бы ты спросить об этом Гуниллу? — хитро сказал Малыш и подумал: «Пусть-ка лучше Гунилла расскажет маме, как было дело. Ей мама скорее поверит, чем мне».

«А! Значит, это Гунилла разрежала простыню», — подумала мама. И еще она подумала, что ее Малыш — хороший мальчик, потому что он не желает наговаривать на других, а хочет, чтобы Гунилла сама все рассказала.

Мама обняла Малыша за плечи. Она решила сейчас больше ни о чем его не расспрашивать, но при случае поговорить с Гуниллой.

— Ты очень любишь Гуниллу? — спросила мама.

— Да, очень, — ответил Малыш.

Мама вновь принялась читать газету, а Малыш молча сидел у нее на коленях и думал.

Кого же, собственно говоря, он действительно любит? Прежде всего маму... и папу тоже... Еще он любит Боссе и Бетан... Ну да, чаще всего он их все-таки любит, особенно Боссе. Но иногда он на них так сердится, что вся любовь пропадает. Любит он и Карлсона, который живет на крыше, и Гуниллу тоже любит. Да, быть может, он женится на ней, когда вырастет, потому что

хочешь не хочешь, а жену иметь надо. Конечно, больше всего он хотел бы жениться на маме, но ведь это невозможно.

Вдруг Малышу пришла в голову мысль, которая его встревожила.

— Послушай, мама,— сказал он,— а когда Боссе вырастет большой и умрет, мне нужно будет жениться на его жене?

Мама подвинула к себе чашку и с удивлением взглянула на Малыша.

— Почему ты так думаешь? — спросила она, сдерживая смех.

Малыш, испугавшись, что сморозил глупость, решил не продолжать. Но мама настаивала:

— Скажи, почему ты это подумал?

— Ведь когда Боссе вырос, я получил его старый велосипед и его старые лыжи... И коньки, на которых он катался, когда был таким, как я... Я донашиваю его старые пижамы, его ботинки и все остальное...

— Ну, а от его старой жены я тебя избавляю, это я тебе обещаю,— сказала мама серьезно.

— А нельзя ли мне будет жениться на тебе? — спросил Малыш.

— Пожалуй, это невозможно,— ответила мама.— Ведь я уже замужем за папой.

Да, это было так.

— Какое неудачное совпадение, что и я и папа любим тебя! — недовольно произнес Малыш.

Тут мама рассмеялась и сказала:

— Раз вы оба меня любите, значит, я хорошая.

— Ну, тогда я женюсь на Гунилле,— вздохнул Малыш.— Ведь надо же мне будет на ком-нибудь жениться!

И Малыш вновь задумался. Он думал о том, что ему, наверно, будет не очень приятно жить вместе с Гуниллой, потому что с ней иногда трудно ладить. Да и вообще ему больше всего хотелось жить вместе с мамой, папой, Боссе и Бетан, а не с какой-то там женой.

— Мне бы гораздо больше хотелось иметь собаку, чем жену,— сказал Малыш.— Мама, ты не можешь мне подарить щенка?

Мама вздохнула. Ну вот, опять Малыш заговорил о своей вожаденной собаке! Это было почти так же невыносимо, как и разговоры о Карлсоне, который живет на крыше.

— Знаешь что, Малыш,— сказала мама,— тебе уже пора одеваться, а то ты опоздаешь в школу.

— Ну, ясно,— ответил Малыш.— Стоит мне только заговорить о собаке, как ты заводишь разговор о школе!

...В тот день Малышу было приятно идти в школу, потому что ему многое надо было обсудить с Кристером и Гуниллой.

Домой они шли, как всегда, вместе. И Малыша это особенно

радовало, потому что теперь Кристер и Гунилла тоже были знакомы с Карлсоном.

— Он такой веселый, правда? Как ты думаешь, сегодня он опять прилетит? — спросила Гунилла.

— Не знаю, — ответил Малыш. — Он сказал, что прилетит «приблизительно». А это значит — когда ему вздумается.

— Надеюсь, что он прилетит «приблизительно» сегодня, — сказал Кристер. — Можно, мы с Гуниллой пойдем к тебе?

— Конечно, можно, — сказал Малыш.

Тут появилось еще одно существо, которое тоже захотело пойти вместе с ними. Когда ребята собрались перейти улицу, к Малышу подбежал маленький черный пудель. Он обнюхал колени Малыша и дружески тявкнул.

— Поглядите, какой славный щенок! — радостно воскликнул Малыш. — Он, наверно, испугался уличного движения и просит меня перевести его на ту сторону.

Малыш был бы счастлив переводить щенка через все перекрестки города. Должно быть, щенок это почувствовал: он бежал вприпрыжку по мостовой, норовя прижаться к ноге Малыша.

— Какой он симпатичный, — сказала Гунилла. — Иди сюда, маленький пёсик!

— Нет, он хочет идти рядом со мной, — сказал Малыш и взял щенка за ошейник. — Он меня полюбил.

— Меня он тоже полюбил, — сказала Гунилла.

У маленького щенка был такой вид, будто он готов любить всех на свете, только бы его любили. И Малыш полюбил этого щенка. О, как он его полюбил! Он нагнулся к щенку и принялся его ласкать, и гладить, и тихонько присвистывать, и причмокивать. Все эти нежные звуки должны были означать, что чёрный пудель — самый симпатичный, самый распрекрасный пёс на свете. Щенок вилял хвостом, всячески давая понять, что он тоже так думает. Он радостно прыгал и лаял, а когда дети свернули на свою улицу, побежал вслед за ними.

— Может быть, ему негде жить? — сказал Малыш, цепляясь за последнюю надежду: он ни за что не хотел расставаться со щенком. — И, может быть, у него нет хозяина?

— Ну да, наверно, нет, — согласился с Малышом Кристер.

— Да замолчи ты! — раздражённо оборвал его Малыш. — Ты-то откуда знаешь?

Разве мог понять Кристер, у которого был Ёффа, что значит не иметь собаки — совсем никакой собаки!

— Иди сюда, милый пёсик! — позвал Малыш, всё больше убеждая себя в том, что щенку негде жить.

— Смотри, как бы он не увязался за тобой, — предупредил Кристер.

— Пусть идёт. Я и хочу, чтобы он шёл за мной,— ответил Малыш.

И щенок пошёл за ним. Так он оказался у дверей дома, где жил Малыш. Тут Малыш взял его на руки и понёс по лестнице.

«Сейчас я спрошу у мамы, можно ли мне оставить его у себя».

Но мамы не было дома. В записке, которую Малыш нашёл на кухонном столе, было сказано, что она в прачечной и что он может туда зайти, если ему что-нибудь понадобится.

Тем временем щенок, как ракета, ворвался в комнату Малыша. Ребята помчались за ним.

— Видите, он хочет жить у меня! — закричал Малыш, обезумев от радости.

В эту самую минуту в окно влетел Карлсон, который живёт на крыше.

— Привет! — крикнул он. — Вы что, постирали эту собаку? Ведь у неё вся шерсть села!

— Это же не Ёффа, разве ты не видишь? — сказал Малыш. — Это моя собака!

— Нет, не твоя, — возразил Кристер.

— У тебя нет собаки, — подтвердила Гунилла.

— А вот у меня там, наверху, тысячи собак, — сказал Карлсон. — Лучший в мире собаковод — это...

— Что-то я не видал у тебя никаких собак, — перебил Малыш Карлсона.

— Их просто не было дома — они все разлетелись. Ведь у меня летающие собаки.

Малыш не слушал Карлсона. Тысячи летающих собак ничего не значили для него по сравнению с этим маленьким милым щенком.

— Нет, не думаю, чтобы у него был хозяин, — вновь сказал Малыш.

Гунилла склонилась над собакой.

— Во всяком случае, на ошейнике у него написано «Альберг», — сказала она.

— Ясно, это фамилия его хозяина, — подхватил Кристер.

— Может быть, этот Альберг уже умер! — возразил Малыш и подумал, что даже если Альберг существует, он, конечно, не любит щенка. И вдруг Малышу пришла в голову прекрасная мысль. — А может быть, самого щенка зовут Альберг? — спросил он, умоляюще взглянув на Кристера и Гуниллу.

Но те лишь обидно рассмеялись в ответ.

— У меня есть несколько собак по кличке Альберг, — сказал Карлсон. — Привет, Альберг!

Щенок подскочил к Карлсону и весело залаял.

— Вот видите, — крикнул Малыш, — он знает своё имя!.. Альберг, Альберг, сюда!

Гунилла схватила щенка.

— Тут на ошейнике выгравирован номер телефона,— безжалостно сказала она.

— Конечно, у собаки есть личный телефон,— объяснил Карлсон.— Скажи ей, чтобы она позвонила своей экономке и предупредила, что вернётся поздно. Мои собаки всегда звонят по телефону, когда задерживаются.

Карлсон погладил щенка своей пухлой ручкой.

— Одна из моих собак, которую, кстати, тоже зовут Альберг, как-то на днях задержалась,— продолжал Карлсон.— Она решила позвонить домой, чтобы предупредить меня, но спутала номер телефона и попала к одному старому майору в отставке, проживающему в Кунгсхольме. «Это кто-нибудь из собак Карлсона?» — осведомилась Альберг. Майор обиделся и стал ругаться: «Осёл! Я майор, а не собака!» — «Так чего ж вы меня облаяли?» — вежливо спросила Альберг. Вот какая она умница!

Малыш не слушал Карлсона. Его сейчас ничто не интересовало, кроме маленького щенка. И даже когда Карлсон сказал, что он не прочь слегка поразвлечься, Малыш не обратил на это никакого внимания. Тогда Карлсон выпятил нижнюю губу и заявил:

— Нет, так я не играю! Ты всё время возишься с этой собакой, а я тоже хочу чем-нибудь заняться.

Гунилла и Кристер поддержали Карлсона.

— Давайте устроим «Вечер чудес»,— сказал Карлсон, перестав дуться.— Угадайте, кто лучший в мире фокусник!

— Конечно, Карлсон! — наперебой закричали Малыш, Кристер и Гунилла.

— Значит, мы решили, что устроим представление под названием «Вечер чудес»?

— Да,— сказали дети.

— Мы решили также, что вход на это представление будет стоить одну конфетку?

— Да,— подтвердили дети.

— И ещё мы решили, что собранные конфеты пойдут на благотворительные цели.

— Как? — удивились дети.

— А существует только одна настоящая благотворительная цель — забота о Карлсоне.

Дети с недоумением переглянулись.

— А может быть...— начал было Кристер.

— Нет, мы решили! — перебил его Карлсон.— А то я не играю.

Итак, они решили, что все конфеты получит Карлсон, который живёт на крыше.

Кристер и Гунилла выбежали на улицу и рассказали всем

детям, что наверху у Малыша сейчас начнется большое представление «Вечер чудес». И все, у кого было хотя бы пять эре, побежали в лавку и купили там «входные конфеты».

У двери в комнату Малыша стояла Гунилла; она отбирала у всех зрителей конфеты и клала их в коробку с надписью: «Для благотворительных целей».

Посреди комнаты Кристер расставил стулья для публики. Угол комнаты был отгорожен одеялом, и оттуда доносились шепот и собачий лай.

— Что нам здесь будут показывать? — спросил мальчик по имени Кирре. — Если какую-нибудь чепуху, я потребую назад свою конфетку.

Малыш, Гунилла и Кристер не любили этого Кирре — он вечно был всем недоволен.

Но вот из-за одеяла вышел Малыш. На руках он держал маленького щенка.

— Сейчас вы все увидите лучшего в мире фокусника и ученую собаку Альберг, — торжественно произнес он.

— Как уже было объявлено, выступает лучший в мире фокусник, — слышался голос из-за одеяла, и перед публикой появился Карлсон.

Его голову украшал цилиндр папы Малыша, а на плечи был накинута мамин клетчатый фартук, завязанный под подбородком пышным бантом. Этот фартук заменял Карлсону черный плащ, в котором обычно выступают фокусники.

Все дружно захлопали. Все, кроме Кирре.

Карлсон поклонился. Вид у него был очень самодовольный. Но вот он снял с головы цилиндр и показал всем, что цилиндр пуст, — точь-в-точь как это обычно делают фокусники.

— Будьте добры, господа, убедитесь, что в цилиндре ничего нет. Абсолютно ничего, — сказал он.

«Сейчас он вынет оттуда живого кролика, — подумал Малыш. Он видел однажды в цирке выступление фокусника. — Вот будет забавно, если Карлсон и правда вынет из цилиндра кролика!»

— Как уже было сказано, здесь ничего нет, — мрачно продолжал Карлсон. — И здесь никогда ничего не будет, если вы сюда ничего не положите. Я вижу, передо мной сидят маленькие обжоры и едят конфеты. Сейчас мы пустим этот цилиндр по кругу, и каждый из вас кинет в него по одной конфете. Вы сделаете это в благотворительных целях.

Малыш с цилиндром в руках обошел всех ребят. Конфеты так и сыпались в цилиндр. Затем он передал цилиндр Карлсону.

— Что-то он подозрительно гремит! — сказал Карлсон и потряс цилиндр. — Если бы он был полон, он бы так не гремел.

Карлсон сунул в рот конфетку и принялся жевать.

— Вот это, я понимаю, благотворительность! — воскликнул он и еще энергичнее заработал челюстями.

Один Кирре не положил конфеты в шляпу, хотя в руке у него был целый кулек.

— Так вот, дорогие мои друзья, и ты, Кирре, — сказал Карлсон, — перед вами ученая собака Альберг. Она умеет делать все: звонить по телефону, летать, печь булочки, разговаривать и поднимать ножку. Словом, все.

В этот момент щенок и в самом деле поднял ножку — как раз возле стула Кирре, и на полу образовалась маленькая лужица.

— Теперь вы видите, что я не преувеличиваю: это действительно ученая собака.

— Ерунда! — сказал Кирре и отодвинул свой стул от лужицы. — Любой щенок сделает такой фокус. Пусть этот Альберг немножко поговорит. Это будет потруднее, ха-ха!

Карлсон обратился к щенку:

— Разве тебе трудно говорить, Альберг?

— Нет, — ответил щенок. — Мне трудно говорить, только когда я курю сигару.

Ребята прямо подскочили от изумления. Казалось, говорит сам щенок. Но Малыш все же решил, что за него говорит Карлсон. И он даже обрадовался, потому что хотел иметь обыкновенную собаку, а не какую-то говорящую.

— Милый Альберг, не можешь ли ты рассказать что-нибудь из собачьей жизни нашим друзьям и Кирре? — попросил Карлсон.

— Охотно, — ответил Альберг и начал свой рассказ. — Позавчера вечером я ходил в кино, — сказал он и весело запрыгал вокруг Карлсона.

— Конечно, — подтвердил Карлсон.

— Ну да! И рядом со мной на стуле сидели две блохи, — продолжал Альберг.

— Что ты говоришь! — удивился Карлсон.

— Ну да! — сказал Альберг. — И когда мы вышли потом на улицу, я услышал, как одна блоха сказала другой: «Ну как, пойдем домой пешком или поедем на собаке?»

Все дети считали, что это хорошее представление, хотя и не совсем «Вечер чудес». Один лишь Кирре сидел с недовольным видом.

— Он ведь уверял, что эта собака умеет печь булочки, — насмешливо проговорил Кирре.

— Альберг, ты испечешь булочку? — спросил Карлсон. Альберг зевнул и лег на пол.

— Нет, не могу... — ответил он.

— Ха-ха! Так я и думал! — закричал Кирре.

— ...потому что у меня нет дрожей,— пояснил Альберг. Всем детям Альберг очень понравился, но Кирре продолжал упорствовать.

— Тогда пусть полетает — для этого дрожей не нужно,— сказал он.

— Полетаешь, Альберг? — спросил Карлсон собаку.

Щенок, казалось, спал, но на вопрос Карлсона все же ответил:

— Что ж, пожалуйста, но только если ты полетишь вместе со мной, потому что я обещал маме никогда не летать без взрослых.

— Тогда иди сюда, маленький Альберг,— сказал Карлсон и поднял щенка с пола.

Секунду спустя Карлсон и Альберг уже летели. Сперва они поднялись к потолку и сделали несколько кругов над люстрой, а затем вылетели в окно. Кирре даже побледнел от изумления.

Все дети кинулись к окну и стали смотреть, как Карлсон и Альберг летают над крышей дома.

А Малыш в ужасе крикнул:

— Карлсон, Карлсон, лети назад с моей собакой!

Карлсон послушался. Он тут же вернулся назад и положил Альберга на пол. Альберг встряхнулся. Вид у него был очень удивленный — можно было подумать, что это его первый в жизни полет.

— Ну, на сегодня хватит. Больше нам нечего показывать. А это тебе. Получай! — И Карлсон толкнул Кирре.

Кирре не сразу понял, чего хотел Карлсон.

— Дай конфету! — сердито проговорил Карлсон.

Кирре вытащил свой кулек и отдал его Карлсону, успев, правда, сунуть себе в рот ещё одну конфету.

— Позор жадному мальчишке!..— сказал Карлсон и стал поспешно искать что-то глазами.— А где коробка для благотворительных сборов? — с тревогой спросил он.

Гунилла подала ему коробку, в которую она собирала «входные конфеты». Она думала, что теперь, когда у Карлсона оказалось столько конфет, он угостит всех ребят. Но Карлсон этого не сделал. Он схватил коробку и принялся жадно считать конфеты.

— Пятнадцать штук,— сказал он.— На ужин хватит... Привет! Я отправляюсь домой ужинать.

И он вылетел в окно.

Дети стали расходиться. Гунилла и Кристер тоже ушли. Малыш и Альберг остались вдвоем, чему Малыш был очень рад. Он взял щенка на колени и стал ему что-то нашептывать. Щенок лизнул Малыша в лицо и заснул, сладко посапывая.

Потом пришла мама из прачечной, и сразу все изменилось. Малышу сделалось очень грустно: мама вовсе не считала, что Альбергу негде жить,— она позвонила по номеру, который был

выгравирован на ошейнике Альберга, и рассказала, что ее сын нашел маленького черного щенка-пуделя.

Малыш стоял возле телефона, прижимая Альберга к груди, и шептал:

— Только бы это был не их щенок...

Но, увы, это оказался их щенок!

— Знаешь, сыночек, кто хозяин Бобби? — сказала мама, положив трубку. — Мальчик, которого зовут Стафан Альберг.

— Бобби? — переспросил Малыш.

— Ну да, так зовут щенка. Все это время Стафан проплакал. В семь часов он придет за Бобби.

Малыш ничего не ответил, но сильно побледнел, и глаза его заблестели. Он еще крепче прижал к себе щенка и тихонько, так, чтобы мама не слышала, зашептал ему на ухо:

— Маленький Альберг, как бы я хотел, чтобы ты был моей собакой!

Когда пробило семь, пришел Стафан Альберг и унес щенка.

А Малыш лежал ничком на кровати и плакал так горько, что просто сердце разрывалось.

КАРЛСОН ПРИХОДИТ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Настало лето. Занятия в школе кончились, и Малыша собирались отправить в деревню, к бабушке. Но до отъезда должно было еще произойти одно важное событие — Малышу исполнилось восемь лет. О, как долго ждал Малыш своего дня рождения! Почти с того дня, как ему исполнилось семь.

Удивительно, как много времени проходит между днями рождения — почти столько же, сколько между рождественскими праздниками.

Вечером накануне этого торжественного дня у Малыша был разговор с Карлсоном.

— Завтра день моего рождения, — сказал Малыш. — Ко мне придут Гунилла и Кристер, и нам накроют стол в моей комнате... — Малыш помолчал; вид у него был мрачный. — Мне бы очень хотелось и тебя пригласить, — продолжал он, — но...

Мама так сердилась на Карлсона, что бесполезно было просить у нее разрешения.

Карлсон выпятил нижнюю губу больше, чем всегда:

— Я с тобой не буду водиться, если ты меня не позовешь! Я тоже хочу повеселиться.

— Ладно, ладно, приходи, — торопливо сказал Малыш.

Он решил поговорить с мамой. Будь что будет, но невозможно праздновать день рождения без Карлсона.

— А чем нас будут угощать? — спросил Карлсон, перестав думать.

— Ну конечно, сладким пирогом. У меня будет именинный пирог, украшенный восемью свечами.

— Хорошо! — воскликнул Карлсон. — Знаешь, у меня есть предложение.

— Какое? — спросил Малыш.

— Нельзя ли попросить твою маму приготовить нам вместо одного пирога с восемью свечами восемь пирогов с одной свечой?

Но Малыш не думал, чтобы мама на это согласилась.

— Ты, наверно, получишь хорошие подарки? — спросил Карлсон.

— Не знаю, — ответил Малыш и вздохнул.

Он знал: то, чего он хотел, хотел больше всего на свете, он все равно не получит...

— Собаку мне, видно, не подарят никогда в жизни, — сказал Малыш. — Но я, конечно, получу много других подарков. Поэтому я решил весь день веселиться и совсем не думать о собаке.

— А кроме того, у тебя есть я. Я куда лучше собаки, — сказал Карлсон и взглянул на Малыша, наклонив голову. — Хотелось бы знать, какие ты получишь подарки. Если тебе подарят конфеты, то, по-моему, ты должен их тут же отдать на благотворительные цели.

— Хорошо, если я получу коробку конфет, я тебе ее отдам.

Для Карлсона Малыш был готов на все, особенно теперь, когда предстояла разлука.

— Знаешь, Карлсон, — сказал Малыш, — послезавтра я уезжаю к бабушке на все лето.

Карлсон сперва помрачнел, а потом важно произнес:

— Я тоже еду к бабушке, и моя бабушка гораздо больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живет твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же еще! А ты небось думаешь, что она живет на улице и всю ночь скачет?

Больше им не удалось поговорить ни о бабушке Карлсона, ни о дне рождения Малыша, ни о чем другом, потому что уже стемнело и Малышу нужно было поскорее лечь в постель, чтобы не проспять день своего рождения.

Проснувшись на следующее утро, Малыш лежал в кровати и ждал: он знал — сейчас откроется дверь, и все войдут к нему в комнату и принесут именинный пирог и другие подарки. Минуты тянулись мучительно долго. У Малыша даже живот заболел от ожидания, так ему хотелось скорее увидеть подарки.

Но вот наконец в коридоре раздались шаги и слышались слова: «Да он, наверно, уже проснулся». Дверь распахнулась, и появились все: мама, папа, Боссе и Бетан.

Малыш сел на кровати, и глаза его заблестели.

— Поздравляем тебя, дорогой Малыш! — сказала мама.

И папа, и Боссе, и Бетан тоже сказали: «Поздравляем!» И перед Малышом поставили поднос. На нем был пирог с восемью горящими свечками и другие подарки.

Много подарков — хотя, пожалуй, меньше, чем в прошлые дни рождения: на подносе лежало всего четыре свертка; Малыш их быстро сосчитал.

Но папа сказал:

— Не обязательно все подарки получать утром — может быть, ты получишь еще что-нибудь днем...

Малыш был очень рад четырем сверткам. В них оказались: коробка с красками, игрушечный пистолет, книга и новые синие штанишки. Все это ему очень понравилось. «Какие они милые — мама, и папа, и Боссе, и Бетан! — подумал Малыш. — Ни у кого на свете нет таких милых мамы и папы и брата с сестрой».

Малыш несколько раз стрельнул из пистолета. Выстрелы получались очень громкие. Вся семья сидела у его кровати и слушала, как он стреляет. О, как они все друг друга любили!

— Подумай, восемь лет назад ты появился на свет — вот таким крошкой... — сказал папа.

— Да, — сказала мама, — как быстро идет время! Помнишь, какой дождь хлестал в тот день в Стокгольме?

— Мама, я родился здесь, в Стокгольме? — спросил Малыш.

— Конечно, — ответила мама.

— Но ведь Боссе и Бетан родились в Мalmö?

— Да, в Мalmö.

— А ведь ты, папа, родился в Гётеборге? Ты мне говорил...

— Да, я гетеборгский мальчишка, — сказал папа.

— А ты, мама, где родилась?

— В Эскильстуне, — сказала мама.

Малыш горячо обнял ее.

— Какая удача, что мы все встретились! — проговорил он.

И все с этим согласились.

Потом они пропели Малышу «Многие лета», а Малыш выстрелил, и треск получился оглушительный.

Все утро Малыш то и дело стрелял из пистолета, ждал гостей и все время размышлял о словах папы, что подарки могут появиться и днем. На какой-то счастливый миг он вдруг поверил, что свершится чудо — ему подарят собаку. Но тут же понял, что это невозможно, и даже рассердился на себя за то, что так глупо размышлял. Ведь он твердо решил не думать сегодня о собаке и всему радоваться.

И Малыш действительно всему радовался.

Сразу же после обеда мама стала накрывать на стол у него

в комнате. Она поставила в вазу большой букет цветов и принесла самые красивые розовые чашки. Три штуки.

— Мама,— сказал Малыш,— нужно четыре чашки.

— Почему? — удивилась мама.

Малыш замялся. Теперь ему надо было рассказать, что он пригласил на день рождения Карлсона, хотя мама, конечно, будет этим недовольна.

— Карлсон, который живет на крыше, тоже придет ко мне,— сказал Малыш и смело посмотрел маме в глаза.

— О! — вздохнула мама.— О! Ну что ж, пусть приходит. Ведь сегодня день твоего рождения.

Мама провела ладонью по светлым волосам Малыша:

— Ты все еще носишься со своими детскими фантазиями. Трудно поверить, что тебе исполнилось восемь. Сколько тебе лет, Малыш?

— Я мужчина в самом расцвете сил,— важно ответил Малыш — точь-в-точь как Карлсон.

Медленно катился этот день. Уже давно настало то «днем», о котором говорил папа, но никаких новых подарков никто не приносил.

В конце концов Малыш получил еще один подарок.

Боссе и Бетан, у которых еще не начались летние каникулы, вернулись из школы и тут же заперлись в комнате Боссе.

Малыша они туда не пустили. Стоя в коридоре, он слышал, как за запертой дверью раздавалось хихиканье сестры и шуршание бумаги. Малыш чуть не лопнул от любопытства.

Некоторое время спустя они вышли, и Бетан, смеясь, протянула Малышу сверток. Малыш очень обрадовался и хотел уже разорвать бумажную обертку, но Боссе сказал:

— Нет, сперва прочти стихи, которые здесь наклеены.

Стихи были написаны крупными печатными буквами, чтобы Малыш смог их сам разобрать, и он прочел:

Брат и сестра тебе дарят собаку.
Она не вступает с собаками в драку,
Не лает, не прыгает и не кусается,
Ни на кого никогда не бросается.
И хвостик, и лапы, и морда, и уши
У этой собаки из черного плюша.

Малыш молчал; он словно окаменел.

— Ну, а теперь развяжи сверток,— сказал Боссе.

Но Малыш швырнул сверток в угол, и слезы градом показались по его щекам.

— Ну что ты, Малыш, что ты? — испуганно сказала Бетан.

— Не надо, не плачь, не плачь, Малыш! — растерянно повторял Боссе; видно было, что он очень огорчен.

Бетан обняла Малыша:

— Прости нас! Мы хотели только пошутить. Понимаешь?

Малыш резким движением вырвался из рук Бетан; лицо его было мокрым от слез.

— Вы же знали, — бормотал он, всхлипывая, — вы же знали, что я мечтал о живой собаке! И нечего было меня дразнить...

Малыш побежал в свою комнату и бросился на кровать. Боссе и Бетан кинулись вслед за ним. Прибежала и мама. Но Малыш не обращал на них никакого внимания — он весь трясся от плача.

Теперь день рождения был испорчен. Малыш решил быть целый день веселым, даже если ему и не подарят собаку. Но получить в подарок плюшевого щенка — это уж слишком! Когда он об этом вспоминал, его плач превращался в настоящий стон, и он все глубже зарывался головой в подушку.

Мама, Боссе и Бетан стояли вокруг кровати. Всем им было тоже очень грустно.

— Я сейчас позвоню папе и попрошу его пораньше прийти с работы, — сказала мама.

Малыш плакал... Что толку, если папа придет домой? Все сейчас казалось Малышу безнадежно грустным. День рождения был испорчен, и ничем уже нельзя было тут помочь.

Он слышал, как мама пошла звонить по телефону, но он все плакал и плакал. Слышал, как папа вернулся домой, но все плакал и плакал. Нет, никогда Малыш теперь уже не будет веселым! Лучше всего ему сейчас умереть, и пусть тогда Боссе и Бетан возьмут себе плюшевого щенка, чтобы вечно помнить, как они зло подшутили над своим маленьким братом в тот день рождения, когда он был еще жив...

Вдруг Малыш заметил, что все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — стоят вокруг его постели, но он еще глубже зарылся лицом в подушку.

— Послушай, Малыш, там возле входной двери тебя кто-то ждет... — сказал папа.

Малыш не ответил.

Папа потряс его за плечо:

— Ты что, не слышишь, что тебя у двери ждет один приятель?

— Наверно, Гунилла или, там, Кристер, — ворчливо отозвался Малыш.

— Нет, того, кто тебя ждет, зовут Бимбо, — сказала мама.

— Не знаю я никакого Бимбо! — пробурчал Малыш.

— Возможно, — сказала мама. — Но он очень хочет с тобой познакомиться.

Именно в эту минуту из передней донеслось негромкое тьяканье.

Малыш напруг все свои мускулы и упрямо не отрывался от подушки. Нет, ему и в самом деле пора бросить все эти выдумки...

Но вот опять в прихожей раздалось тьяканье. Резким движением Малыш сел на постели.

— Это что, собака? Живая собака? — спросил он.

— Да, — сказал папа, — это собака. Твоя собака.

Тут Боссе кинулся в прихожую и минуту спустя влетел в комнату Малыша, держа на руках — о, наверно, Малышу это все только снится! — маленькую короткошерстую таксу.

— Это моя живая собака? — прошептал Малыш.

Слезы застилали ему глаза, когда он протянул свои руки к Бимбо. Казалось, Малыш боится, что щенок вдруг превратится в дым и исчезнет.

Но Бимбо не исчез. Малыш держал Бимбо на руках, а тот лизал ему щеки, громко тьякал и обнюхивал уши. Бимбо был совершенно живой.

— Ну, теперь ты счастлив, Малыш? — спросил папа.

Малыш только вздохнул. Как мог папа об этом спрашивать! Малыш был так счастлив, что у него заныло где-то внутри, то ли в душе, то ли в животе. А может быть, так всегда бывает, когда ты счастлив?

— А эта плюшевая собака будет игрушкой для Бимбо. Понимаешь, Малыш? Мы не хотели дразнить тебя... так ужасно, — сказала Бетан.

Малыш все простил. И вообще он почти не слышал, что ему говорят, потому что разговаривал с Бимбо:

— Бимбо, маленький Бимбо, ты — моя собака!

Затем Малыш сказал маме:

— Я думаю, что мой Бимбо гораздо милее Альберга, потому что короткошерстые таксы наверняка самые лучшие собаки в мире.

Но тут Малыш вспомнил, что Гунилла и Кристер должны прийти с минуты на минуту...

О! Он и не представлял себе, что один день может принести с собой столько счастья. Подумать только, ведь они сейчас узнают, что у него есть собака, на этот раз действительно его собственная собака, да к тому же еще самая-самая распрекрасная в мире!

Но вдруг Малыш забеспокоился:

— Мама, а мне можно будет взять с собой Бимбо, когда я поеду к бабушке?

— Ну конечно. Ты повезешь его в этой маленькой корзинке, — ответила мама и показала специальную корзинку для перевозки собак, которую вместе со щенком принес в комнату Боссе.

— О! — сказал Малыш. — О!

Раздался звонок. Это пришли Гунилла и Кристер. Малыш бросился им навстречу, громко крича:

— Мне подарили собаку! У меня теперь есть своя собственная собака!

— Ой, какая она миленькая! — воскликнула Гунилла, но тут же спохватилась и торжественно произнесла: — Поздравляю с днем рождения. Вот тебе подарок от Кристера и от меня. — И она протянула Малышу коробку конфет, а потом снова села на корточки перед Бимбо и повторила: — Ой, до чего же она миленькая!

Малышу это было очень приятно слышать.

— Почти такая же милая, как Еффа, — сказал Кристер.

— Что ты, она куда лучше Еффы и даже куда лучше Альберга! — сказала Гунилла.

— Да, она куда лучше Альберга, — согласился с ней Кристер.

Малыш подумал, что и Гунилла и Кристер очень хорошие друзья, и пригласил их к празднично убранному столу.

Как раз в эту минуту мама принесла блюдо маленьких аппетитных бутербродов с ветчиной и сыром и вазу с целой горой печенья. Посреди стола уже красовался именинный пирог с семью зажженными свечами. Потом мама взяла большой кофейник с горячим шоколадом и стала разливать шоколад в чашки.

— А мы не будем ждать Карлсона? — осторожно спросил Малыш.

Мама покачала головой:

— Нет, я думаю, ждать не стоит. Я уверена, что он сегодня не придет. И вообще, давай поставим на нем крест. Ведь у тебя ж теперь есть Бимбо.

Конечно, теперь у Малыша был Бимбо, но все же он очень хотел, чтобы Карлсон пришел на его праздник.

Гунилла и Кристер сели за стол, и мама стала их угощать бутербродами. Малыш положил Бимбо в корзинку и тоже сел за стол.

Когда мама вышла и оставила детей одних, Боссе сунул свой нос в комнату и крикнул:

— Не съедайте весь пирог — оставьте и нам с Бетан!

— Ладно, оставляю по кусочку, — ответил Малыш. — Хотя, по правде говоря, это несправедливо: ведь вы столько лет ели сладкие пироги, когда меня еще и на свете не было.

— Только смотри, чтобы это были большие куски! — крикнул Боссе, закрывая дверь.

В этот самый момент за окном послышалось знакомое жужжание мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Вы уже сидите за столом? — воскликнул он. — Наверно, все уже съели?

Малыш успокоил его, сказав, что на столе еще полным-полно угощений.

— Превосходно! — сказал Карлсон.

— А ты разве не хочешь поздравить Малыша с днем рождения? — спросила его Гунилла.

— Да-да, конечно, поздравляю! — ответил Карлсон. — Где мне сесть?

Мама так и не поставила на стол четвертой чашки. И когда Карлсон это заметил, он выпятил нижнюю губу и сразу надулся:

— Нет, так я не играю! Это несправедливо. Почему мне не поставили чашку?

Малыш тут же отдал ему свою, а сам тихонько пробрался в кухню и принес себе оттуда другую чашку.

— Карлсон, — сказал Малыш, вернувшись в комнату, — я получил в подарок собаку. Ее зовут Бимбо. Вот она. — И Малыш показал на щенка, который спал в корзинке.

— Это отличный подарок, — сказал Карлсон. — Передай мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, и этот, и этот... Да! — воскликнул вдруг Карлсон. — Я чуть не забыл! Ведь и я принес тебе подарок. Лучший в мире подарок... — Карлсон вынул из кармана брюк свисток и протянул его Малышу: — Теперь ты сможешь свистеть своему Бимбо. Я всегда свищу своим собакам. Хотя моих собак зовут Альбергами и они умеют летать...

— Как, всех собак зовут Альбергами? — удивился Кристер.

— Да, всю тысячу! — ответил Карлсон. — Ну что ж, теперь, я думаю, можно приступить к пирогу.

— Спасибо, милый, милый Карлсон, за свисток! — сказал Малыш. — Мне будет так приятно свистеть Бимбо.

— Имей в виду, — сказал Карлсон, — что я буду часто брать у тебя этот свисток. Очень, очень часто. — И вдруг спросил с тревогой: — Кстати, ты получил в подарок конфеты?

— Конечно, — ответил Малыш. — От Гуниллы и Кристера.

— Все эти конфеты пойдут на благотворительные цели, — сказал Карлсон и сунул коробку себе в карман; затем вновь принялся поглощать бутерброды.

Гунилла, Кристер и Малыш тоже ели очень торопливо, боясь, что им ничего не достанется. Но, к счастью, мама приготовила много бутербродов.

Тем временем мама, папа, Боссе и Бетан сидели в столовой.

— Обратите внимание, как тихо у детей, — сказала мама. — Я просто счастлива, что Малыш получил наконец собаку. Конечно, с ней будет большая возня, но что поделаешь!

— Да, теперь-то уж, я уверен, он забудет свои глупые выдумки про этого Карлсона, который живет на крыше, — сказал папа.

В этот момент из комнаты Малыша донеслись смех и детская болтовня. И тогда мама предложила:

— Давайте пойдем и посмотрим на них. Они такие милые, эти ребята.

— Давайте, давайте пойдем! — подхватила Бетан.

И все они — мама, папа, Боссе и Бетан — отправились поглядеть, как Малыш празднует свой день рождения.

Дверь открыл папа. Но первой вскрикнула мама, потому что она первая увидела маленького толстого человечка, который сидел за столом возле Малыша.

Этот маленький толстый человечек был до ушей вымазан взбитыми сливками.

— Я сейчас упаду в обморок... — сказала мама.

Папа, Боссе и Бетан стояли молча и глядели во все глаза.

— Видишь, мама, Карлсон все-таки пришел ко мне, — сказал Малыш. — Ой, какой у меня чудесный день рождения получился!

Маленький толстый человечек стер пальцами с губ сливки и так энергично принялся махать своей пухлой ручкой маме, папе, Боссе и Бетан, что хлопья сливок полетели во все стороны.

— Привет! — крикнул он. — До сих пор вы еще не имели чести меня знать. Меня зовут Карлсон, который живет на крыше... Эй, Гунилла, Гунилла, ты слишком много накладываешь себе на тарелку! Я ведь тоже хочу пирога...

И он схватил за руку Гуниллу, которая уже взяла с блюда кусочек сладкого пирога, и заставил ее положить все обратно.

— Никогда не видел такой прожорливой девчонки! — сказал Карлсон и положил себе на тарелку куда больший кусок. — Лучший в мире истребитель пирогов — это Карлсон, который живет на крыше! — сказал он и радостно улыбнулся.

— Давайте уйдем отсюда, — прошептала мама.

— Да, пожалуй, уходите, так будет лучше. А то я при вас стесняюсь, — заявил Карлсон.

— Обещай мне одну вещь, — сказал папа, обращаясь к маме, когда они вышли из комнаты Малыша. — Обещайте мне все — и ты, Боссе, и ты, Бетан. Обещайте мне никогда никому не рассказывать о том, что мы сейчас видели.

— Почему? — спросил Боссе.

— Потому, что нам никто не поверит, — сказал папа. — А если кто-нибудь и поверит, то своими расспросами не даст нам покоя до конца наших дней!

Папа, мама, Боссе и Бетан пообещали друг другу, что они не расскажут ни одной живой душе об удивительном товарище, которого нашел себе Малыш.

И они сдержали свое обещание.

Никто никогда не слышал ни слова о Карлсоне. И именно поэтому Карлсон продолжает жить в своем маленьком домике, о котором никто ничего не знает, хотя домик этот стоит на самой обыкновенной крыше самого обыкновенного дома на самой обыкновенной улице в Стокгольме. Поэтому Карлсон до сих пор спокойно гуляет, где ему вздумается, и проказничает сколько хочет. Ведь известно, что он лучший в мире проказник!

Когда с бутербродами, печеньем и пирогом было покончено и Кристер с Гунилой ушли домой, а Бимбо крепко спал в своей корзинке, Малыш стал прощаться с Карлсоном.

Карлсон сидел на подоконнике, готовый к отлету. Ветер раскачивал занавески, но воздух был теплый, потому что уже наступило лето.

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Буду, если только моя бабушка меня отпустит. А это еще неизвестно, потому что она считает меня лучшим в мире внуком.

— А ты и вправду лучший в мире внук?

— Конечно. А кто же еще, если не я? Разве ты можешь назвать кого-нибудь другого? — спросил Карлсон.

Тут он нажал кнопку на животе, и моторчик заработал.

— Когда я прилечу назад, мы съедим еще больше пирогов! — крикнул Карлсон. — От пирогов не толстеют!.. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — крикнул в ответ Малыш.

И Карлсон улетел.

Но в корзинке, рядом с кроваткой Малыша, лежал Бимбо и спал.

Малыш наклонился к щенку и тихонько погладил его по голове своей маленькой обветренной рукой.

— Бимбо, завтра мы поедem к бабушке, — сказал Малыш. — Доброй ночи, Бимбо! Спи спокойно.

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ОПЯТЬ ПРИЛЕТЕЛ

Земля такая огромная, и на ней столько домов! Большие и маленькие. Красивые и уродливые. Новостройки и развалюшки. И есть еще совсем крошечный домик Карлсона, который живет на крыше. Карлсон уверен, что это лучший в мире домик и что живет в нем лучший в мире Карлсон. Малыш тоже в этом уверен.

Что до Малыша, то он живет с мамой и папой, Боссе и Бетан в самом обыкновенном доме, на самой обыкновенной улице в городе Стокгольме, но на крыше этого обыкновенного дома, как раз за трубой, прячется крошечный домик с табличкой над дверью:

Карлсон, который живет на крыше, лучший в мире Карлсон

Наверняка найдутся люди, которым покажется странным, что кто-то живет на крыше, но Малыш говорит:

— Ничего тут странного нет. Каждый живет там, где хочет.

Мама и папа тоже считают, что каждый человек может жить там, где ему заблагорассудится. Но сперва они не верили, что Карлсон на самом деле существует. Боссе и Бетан тоже в это не верили. Они даже представить себе не могли, что на крыше живет маленький толстенький человечек с пропеллером на спине и что он умеет летать.

— Не болтай, Малыш,— говорили Боссе и Бетан,— твой Карлсон — просто выдумка.

Для верности Малыш как-то спросил у Карлсона, не выдумка ли он, на что Карлсон сердито буркнул:

— Сами они — выдумка!

Мама и папа решили, что Малышу бывает тоскливо одному, а одинокие дети часто придумывают себе разных товарищей для игр.

— Бедный Малыш, — сказала мама. — Боссе и Бетан настолько старше его! Ему не с кем играть, вот он и фантазирует.

— Да, — согласился папа. — Во всяком случае, мы должны подарить ему собаку. Он так давно о ней мечтает. Когда Малыш получит собаку, он тотчас забудет про своего Карлсона.

И Малышу подарили Бимбо. Теперь у него была собственная собака, и получил он ее в день своего рождения, когда ему исполнилось восемь лет.

Именно в этот день мама, и папа, и Боссе, и Бетан увидели Карлсона. Да-да, они его увидели. Вот как это случилось.

Малыш праздновал день рождения в своей комнате. У него в гостях были Кристер и Гунилла — они учатся с ним в одном классе. И когда мама, и папа, и Боссе, и Бетан слышали звонкий смех и веселую болтовню, доносившиеся из комнаты Малыша, мама предложила:

— Давайте пойдем и посмотрим на них, они такие милые, эти ребята.

— Пошли! — подхватил папа.

И что же увидели мама, и папа, и Боссе, и Бетан, когда они, приоткрыв дверь, заглянули к Малышу?

Кто сидел во главе праздничного стола, до ушей вымазанный взбитыми сливками, и уплетал так, что любо-дорого было глядеть? Конечно, не кто иной, как маленький толстый человечек, который тут же загорланил что было мочи:

— Привет! Меня зовут Карлсон, который живет на крыше. Вы, кажется, до сих пор еще не имели чести меня знать?

Мама едва не лишилась чувств. И папа тоже разнервничался.

— Только никому об этом не рассказывайте, — сказал он, — слышите, никому ни слова.

— Почему? — спросил Боссе.

И папа объяснил:

— Подумайте сами, во что превратится наша жизнь, если люди узнают про Карлсона. Его, конечно, будут показывать по телевизору и снимать для кинохроники. Поднимаясь по лестнице, мы будем спотыкаться о телевизионный кабель и о провода осветительных приборов, а каждые полчаса к нам будут являться корреспонденты, чтобы сфотографировать Карлсона и Малыша. Бедный Малыш, он превратится в «мальчика, который нашел Карлсона, который живет на крыше...». Одним словом, в нашей жизни больше не будет ни одной спокойной минуты.

Мама, и Боссе, и Бетан поняли, что папа прав, и обещали никому ничего не рассказывать о Карлсоне.

А как раз на следующий день Малыш должен был уехать на все лето к бабушке в деревню. Он был очень этому рад, но беспокоился за Карлсона. Мало ли что тот вздумает выкинуть за это время! А вдруг он исчезнет и больше никогда не прилетит!

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Малыш.

— Как знать? — ответил Карлсон. — Спокойствие, только спокойствие. Я ведь тоже поеду к своей бабушке, и моя бабушка куда больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живет твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же еще! А ты небось думаешь, что она живет на улице и скачет по ночам?

Так Малышу ничего не удалось узнать про бабушку Карлсона. А на следующий день Малыш уехал в деревню. Бимбо он взял с собой. Целые дни он играл с деревенскими ребятами и о Карлсоне почти не вспоминал. Но когда кончились летние каникулы и Малыш вернулся в город, он спросил, едва переступив порог:

— Мама, за это время ты хоть раз видела Карлсона?

Мама покачала головой:

— Ни разу. Он не вернется назад.

— Не говори так! Я хочу, чтобы он жил на нашей крыше. Пусть он опять прилетит!

— Но ведь у тебя теперь есть Бимбо, — сказала мама, пытаясь утешить Малыша. Она считала, что настал момент раз и навсегда покончить с Карлсоном.

Малыш погладил Бимбо.

— Да, конечно, у меня есть Бимбо. Он мировой пес, но у него нет пропеллера, и он не умеет летать, и вообще с Карлсоном играть интересней.

Малыш помчался в свою комнату и распахнул окно.

— Эй, Карлс-о-он! Ты там, наверху? Откликнись! — завопил он во все горло, но ответа не последовало. А на другое утро Малыш отправился в школу. Он теперь учился во втором классе. После обеда он уходил в свою комнату и садился за уроки. Окно он никогда не закрывал, чтобы не пропустить жужжание моторчика Карлсона, но с улицы доносился только рокот автомобилей да иногда гул самолета, пролетающего над крышами. А знакомого жужжания все не было слышно.

— Все ясно, он не вернулся, — печально твердил про себя Малыш. — Он никогда больше не прилетит.

Вечером, ложась спать, Малыш думал о Карлсоне, а иногда, накрывшись с головой одеялом, даже тихо плакал от мысли, что

больше не увидит Карлсона. Шли дни, была школа, были уроки, а Карлсона все не было и не было.

Как-то после обеда Малыш сидел у себя в комнате и возился со своей коллекцией марок. Перед ним лежал альбом и целая куча новых марок, которые он собирался разобрать. Малыш усердно взялся за дело и очень быстро наклеил все марки. Все, кроме одной, самой лучшей, которую нарочно оставил напоследок. Это была немецкая марка с изображением Красной Шапочки и Серого волка, и Малышу она очень-очень нравилась. Он положил ее на стол перед собой и любовался ею.

И вдруг Малыш услышал какое-то слабое жужжание, похожее... — да-да, представьте себе — похожее на жужжание моторчика Карлсона! И в самом деле это был Карлсон. Он влетел в окно и крикнул:

— Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — завопил в ответ Малыш и вскочил с места. Не помня себя от счастья, он глядел на Карлсона, который несколько раз облетел вокруг люстры и неуклюже приземлился. Как только Карлсон выключил моторчик — а для этого ему достаточно было нажать кнопку на животе, — так вот, как только Карлсон выключил моторчик, Малыш кинулся к нему, чтобы его обнять, но Карлсон отпихнул Малыша своей пухленькой ручкой и сказал:

— Спокойствие, только спокойствие! У тебя есть какая-нибудь еда? Может, мясные тефтельки или что-нибудь в этом роде? Сойдет и кусок торта со взбитыми сливками.

Малыш покачал головой:

— Нет, мама сегодня не делала мясных тефтелек. А торт со сливками бывает у нас только по праздникам.

Карлсон надулся:

— Ну и семейка у вас! «Только по праздникам»... А если приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев? Думаю, твоя мама могла бы и постараться ради такого случая.

— Да, конечно, но ведь мы не знали... — оправдывался Малыш.

— «Не знали»! — ворчал Карлсон. — Вы должны были надеяться! Вы всегда должны надеяться, что я навещу вас, и потому твоей маме каждый день надо одной рукой жарить тефтели, а другой сбивать сливки.

— У нас сегодня на обед жареная колбаса, — сказал пристыженный Малыш. — Хочешь колбаски?

— Жареная колбаса, когда в гости приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев! — Карлсон еще больше надулся. — Понятно! Попадешь к вам в дом — научишься набивать брюхо чем попало... Валяй, тащи свою колбасу.

Малыш со всех ног помчался на кухню. Мамы дома не было — она пошла к доктору, — так что он не мог спросить у нее разрешения. Но ведь Карлсон согласился есть колбасу. А на тарелке как раз лежали пять ломтиков, оставшихся от обеда. Карлсон накинулся на них, как ястреб на цыпленка. Он набил рот колбасой и засиял как медный грош.

— Что ж, колбаса так колбаса. А знаешь, она недурна. Конечно, с тефтелями не сравнишь, но от некоторых людей нельзя слишком многого требовать.

Малыш прекрасно понял, что «некоторые люди» — это он, и поэтому поспешил перевести разговор на другую тему.

— Ты весело провел время у бабушки? — спросил он.

— Так весело, что и сказать не могу. Поэтому я говорить об этом не буду, — ответил Карлсон и жадно откусил еще кусок колбасы.

— Мне тоже было весело, — сказал Малыш. И он начал рассказывать Карлсону, как он проводил время у бабушки. — Моя бабушка, она очень, очень хорошая, — сказал Малыш. — Ты себе и представить не можешь, как она мне обрадовалась. Она обнимала меня крепко-крепко.

— Почему? — спросил Карлсон.

— Да потому, что она меня любит. Как ты не понимаешь? — удивился Малыш.

Карлсон перестал жевать:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка любит меня меньше? Уж не думаешь ли ты, что она не кинулась на меня и не стала так крепко-крепко меня обнимать, что я весь посинел? Вот как меня любит моя бабушка. А я должен тебе сказать, что у моей бабушки ручки маленькие, но хватка железная, и если бы она меня любила еще хоть на капельку больше, то я бы не сидел сейчас здесь — она бы просто задушила меня в своих объятиях.

— Вот это да! — изумился Малыш. — Выходит, твоя бабушка чемпионка по обниманию.

Конечно, бабушка Малыша не могла с ней сравниться, она не обнимала его так крепко, но все-таки она тоже любила своего внука и всегда была к нему очень добра. Это Малыш решил еще раз объяснить Карлсону.

— А ведь моя бабушка бывает и самой ворчливой в мире, — добавил Малыш, минуту подумав. — Она всегда ворчит, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

Карлсон отставил пустую тарелку:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка менее ворчливая, чем твоя? Да будет тебе известно, что, ложась спать, она заводит будильник и вскакивает в пять утра только для того, чтобы всласть наворчатся, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

— Как, ты знаешь Лассе Янсона? — с удивлением спросил Малыш.

— К счастью, нет, — ответил Карлсон.

— Но почему же ворчит твоя бабушка?.. — еще больше изумился Малыш.

— Потому, что она самая ворчливая в мире, — отрезал Карлсон. — Пойми же наконец! Раз ты знаешь Лассе Янсона, как же ты можешь утверждать, что твоя бабушка самая ворчливая? Нет, куда ей до моей бабушки, которая может целый день ворчать: «Не дерись с Лассе Янсоном, не дерись с Лассе Янсоном...» — хотя я никогда не видел этого мальчика и нет никакой надежды, что когда-либо увижу.

Малыш погрузился в размышления. Как-то странно получалось... Ему казалось, что, когда бабушка на него ворчит, это очень плохо, а теперь выходит, что он должен доказывать Карлсону, что его бабушка ворчливей, чем на самом деле.

— Стоит мне только чуть-чуть промочить ноги, ну самую капельку, а она уже ворчит и пристаёт ко мне, чтобы я переодел носки, — убеждал Малыш Карлсона.

Карлсон понимающе кивнул:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не требует, чтобы я все время переодевал носки? Знаешь ли ты, что, как только я подхожу к луже, моя бабушка бежит ко мне со всех ног через деревню и ворчит и бубнит одно и то же: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...» Что, не веришь?

Малыш поежился:

— Нет, почему же...

Карлсон пихнул Малыша, потом усадил его на стул, а сам стал перед ним, упершись руками в бока:

— Нет, я вижу, ты мне не веришь. Так послушай, я расскажу тебе все по порядку. Вышел я на улицу и шлепаю себе по лужам... Представляешь? Веселюсь вовсю. Но вдруг, откуда ни возмись, мчится бабушка и орет на всю деревню: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки!..»

— А ты что? — снова спросил Малыш.

— А я говорю: «Не буду переодевать, не буду!..» — потому что я самый непослушный внук в мире, — объяснил Карлсон. — Я ускакал от бабушки и залез на дерево, чтобы она оставила меня в покое.

— А она, наверно, растерялась, — сказал Малыш.

— Сразу видно, что ты не знаешь моей бабушки, — возразил Карлсон. — Ничуть она не растерялась, а полезла за мной.

— Как — на дерево? — изумился Малыш.

Карлсон кивнул.

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не умеет лазить на деревья? Так знай: когда можно поворчать, она хоть куда взбе-

рется, не то что на дерево, но и гораздо выше. Так вот, ползет она по ветке, на которой я сижу, ползет и бубнит: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...»

— А ты что? — снова спросил Малыш.

— Делать было нечего, — сказал Карлсон. — Пришлось переодевать, иначе она нипочем не отвязалась бы. Высоко-высоко на дереве я кое-как примостился на тоненьком сучке и, рискуя жизнью, переодел носки.

— Ха-ха! Врешь ты все, — рассмеялся Малыш. — Откуда же ты взял на дереве носки, чтобы переодеть?

— А ты не дурак, — заметил Карлсон. — Значит, ты утверждаешь, что у меня не было носков?

Карлсон засучил штаны и показал свои маленькие толстенные ножки в полосатых носках:

— А это что такое? Может, не носки? Два, если не ошибаюсь, носочка? А почему это я не мог сидеть на сучке и переодевать их: носок с левой ноги надевать на правую, а с правой — на левую? Что, по-твоему, я не мог это сделать, чтобы угодить бабушке?

— Мог, конечно, но ведь ноги у тебя от этого не стали суше, — сказал Малыш.

— А разве я говорил, что стали? — возмутился Карлсон. — Разве я это говорил?

— Но ведь тогда... — и Малыш даже запнулся от растерянности, — ведь тогда выходит, что ты совсем зря переодевал носки.

Карлсон кивнул.

— Теперь ты понял наконец, у кого самая ворчливая в мире бабушка? Твоя бабушка просто вынуждена ворчать: разве без этого сладишь с таким противным внуком, как ты? А моя бабушка самая ворчливая в мире, потому что она всегда зря на меня ворчит, — как мне это вбить тебе в голову?

Карлсон тут же расхохотался и легонько ткнул Малыша в спину.

— Привет, Малыш! — воскликнул он. — Хватит нам спорить о наших бабушках, теперь самое время немного поразвлечься.

— Привет, Карлсон! — ответил Малыш. — Я тоже так думаю.

— Может, у тебя есть новая паровая машина? — спросил Карлсон. — Помнишь, как нам было весело, когда та, старая, взорвалась? Может, тебе подарили новую и мы снова сможем ее взорвать?

Увы, Малышу не подарили новой машины, и Карлсон тут же надулся. Но вдруг взгляд его упал на пылесос, который мама забыла унести из комнаты, когда кончила убирать. Вскрикнув от радости, Карлсон кинулся к пылесосу и вцепился в него.

— Знаешь, кто лучший пылесосчик в мире? — спросил он и включил пылесос на полную мощность. — Я привык, чтобы вокруг

меня все так и сияло чистотой,— сказал Карлсон.— А ты развел такую грязь! Без уборки не обойтись. Как вам повезло, что вы напали на лучшего в мире пылесосчика.

Малыш знал, что мама только что как следует убрала его комнату, и сказал об этом Карлсону, но тот лишь язвительно рассмеялся в ответ.

— Женщины не умеют обращаться с такой тонкой аппаратурой, это всем известно. Гляди, как надо браться за дело,— сказал Карлсон и направил шланг пылесоса на белые тюлевые занавески, которые с легким шелестом тут же наполовину исчезли в трубе.

— Не надо, не надо,— закричал Малыш,— занавески такие тонкие... Да ты что, не видишь, что пылесос их засосал! Прекрати!..

Карлсон пожал плечами.

— Что ж, если ты хочешь жить в таком хлеву, пожалуйста,— сказал он.

Не выключая пылесоса, Карлсон начал вытаскивать занавески, но тщетно — пылесос решительно не хотел их отдавать.

— Зря упираешься,— сказал Карлсон пылесосу.— Ты имеешь дело с Карлсоном, который живет на крыше, с лучшим в мире вытаскивателем занавесок!

Он потянул еще сильнее, и ему удалось в конце концов выдернуть их из шланга. Занавески стали черными, да к тому же у них появилась бахрома.

— Ой, гляди, на что они похожи! — воскликнул Малыш в ужасе.— Они же совсем черные!

— Вот именно, и ты еще утверждаешь, грязнуля, что их не надо пылесосить? — Карлсон покровительственно похлопал Малыша по щеке и добавил: — Но не унывай, у тебя все впереди, ты еще можешь исправиться и стать отличным парнем, хотя ты и ужасный неряха. Для этого я должен тебя пропылесосить... Тебя сегодня уже пылесосили?

— Нет,— признался Малыш.

Карлсон взял в руки шланг и двинулся на Малыша.

— Ах эти женщины! — воскликнул он.— Часами убирают комнату, а такого грязнулю обработать забывают! Давай начнем с ушей.

Никогда прежде Малыша не обрабатывали пылесосом, и это оказалось так щекотно, что Малыш стонал от смеха.

А Карлсон трудился усердно и методично — начал с ушей и волос Малыша, потом принялся за шею и подмышки, прошелся по спине и животу и напоследок занялся ногами.

— Вот именно это и называется «генеральная уборка», — заявил Карлсон.

— Ой, до чего щекотно! — визжал Малыш.

— По справедливости, моя работа требует вознаграждения, — сказал Карлсон.

Малыш тоже захотел произвести «генеральную уборку» Карлсона.

— Теперь моя очередь, — заявил он. — Иди сюда, для начала я пропылесосу тебе уши.

— В этом нет нужды, — запротестовал Карлсон. — Я мыл их в прошлом году в сентябре. Здесь есть вещи, которые куда больше моих ушей нуждаются в чистке.

Он окинул взглядом комнату и обнаружил лежавшие на столе марки.

— У тебя повсюду разбросаны какие-то разноцветные бумажки, не стол, а помойка! — возмутился он.

И, прежде чем Малыш успел его остановить, он засосал пылесосом марку с Красной Шапочкой и Серым волком.

Малыш был в отчаянии.

— Моя марка! — завопил он. — Ты засосал Красную Шапочку, этого я тебе никогда не прощу!

Карлсон выключил пылесос и скрестил руки на груди.

— Прости, — сказал он, — прости меня за то, что я, такой милый, услужливый и чистоплотный человек, хочу все сделать как лучше. Прости меня за это...

Казалось, он сейчас заплачет.

— Но я зря стараюсь, — сказал Карлсон, и голос его дрогнул. — Никогда я не слышу слов благодарности... одни только попреки...

— О Карлсон! — сказал Малыш. — Не расстраивайся, пойми, это же Красная Шапочка.

— Что еще за Красная Шапочка, из-за которой ты поднял такой шум? — спросил Карлсон и тут же перестал плакать.

— Она была изображена на марке, — объяснил Малыш. — Понимаешь, это была моя лучшая марка.

Карлсон стоял молча — он думал. Вдруг глаза его засияли, и он хитро улыбнулся.

— Угадай, кто лучший в мире выдумщик игр! Угадай, во что мы будем играть!.. В Красную Шапочку и волка! Пылесос будет волком, а я — охотником, который придет, распорет волку брюхо, и оттуда — ап! — выскочит Красная Шапочка.

Карлсон нетерпеливо обвел взглядом комнату.

— У тебя есть топор? Ведь пылесос твердый, как бревно.

Топора у Малыша не было, и он был этому даже рад.

— Но ведь пылесос можно открыть — как будто мы распорили брюхо волку.

— Конечно, если халтурить, то можно и открыть, — пробурчал Карлсон. — Не в моих правилах так поступать, когда случается вспарывать брюхо волкам, но раз в этом жалком доме нет ника-

ких инструментов, придется как-то выходить из положения.

Карлсон навалился животом на пылесос и вцепился в его ручку.

— Болван! — закричал он. — Зачем ты всосал Красную Шапочку?

Малыш удивился, что Карлсон, как маленький, играет в такие детские игры, но смотреть на это было все же забавно.

— Спокойствие, только спокойствие, милая Красная Шапочка! — кричал Карлсон. — Надень скорей свою шапочку и галоши, потому что сейчас я тебя выпущу.

Карлсон открыл пылесос и высыпал все, что в нем было, прямо на ковер. Получилась большая куча серо-черной пыли.

— О, ты должен был высыпать все это на газету! — сказал Малыш.

— На газету?.. Разве так сказано в сказке? — возмутился Карлсон. — Разве там сказано, что охотник подстелил газету, прежде чем распороть волку брюхо и выпустить на свет божий Красную Шапочку? Нет, отвечай!

— Конечно, в сказке так не сказано, — вынужден был признать Малыш.

— Тогда молчи! — сказал Карлсон. — Выдумываешь, чего нет в сказке! Так я не играю!

Больше он уже не смог ничего добавить, потому что в открытое окно ворвался ветер, взметнул пыль, она забила Карлсону в нос, и он чихнул. От его чиханья пыль снова взметнулась, над полом покружил маленький разноцветный квадратик и упал к ногам Малыша.

— Ой, гляди, гляди, вот она, Красная Шапочка! — закричал Малыш и кинулся, чтобы поднять запыленную марку.

Карлсон был явно доволен.

— Видал миндал! — воскликнул он хвастливо. — Стоит мне чихнуть, и вещь найдена... Не будем больше ругаться из-за бедной Красной Шапочки!

Малыш обдул пыль со своей драгоценной марки — он был совершенно счастлив.

Вдруг Карлсон еще раз чихнул, и с пола снова поднялось целое облако пыли.

— Угадай, кто лучший в мире чихальщик? — сказал Карлсон. — Я могу чиханьем разогнать всю пыль по комнате — пусть лежит, где ей положено. Сейчас увидишь!

Но Малыш его не слушал. Он хотел только одного — как можно скорее наклеить Красную Шапочку в альбом.

А Карлсон стоял в облаке пыли и чихал. Он все чихал и чихал до тех пор, пока не «расчихал» пыль по всей комнате.

— Вот видишь, зря ты говорил, что нужно было подстилать газету. Пыль теперь снова лежит на своем месте, как прежде. Во

всем должен быть порядок — мне он, во всяком случае, необходим. Не выношу грязи и всякого свинства — я к этому не привык.

Но Малыш не мог оторваться от своей марки. Он ее уже наклеил и сейчас любовался ею — до чего хороша!

— Вижу, мне снова придется пылесосить тебе уши! — воскликнул Карлсон. — Ты ничего не слышишь!

— Что ты говоришь? — переспросил Малыш.

— Глухая тетеря! Я говорю, что несправедливо, чтобы я один работал до седьмого пота! Гляди, я скоро набью себе мозоли на ладошках! Я из кожи лезу вон, чтобы почище убрать твою комнату. Теперь ты должен полететь со мной и помочь мне убрать мою, а то будет несправедливо.

Малыш отложил альбом. Полететь с Карлсоном на крышу — об этом можно было только мечтать! Лишь однажды довелось ему побывать у Карлсона, в его маленьком домике на крыше. Но в тот раз мама почему-то ужасно испугалась и вызвала пожарников.

Малыш погрузился в размышления. Ведь все это было уже так давно, он теперь стал куда старше и может, конечно, преспокойно лезть на любую крышу. Но поймет ли это мама? Вот в чем вопрос. Ее нет дома, так что спросить ее нельзя. Наверно, правильнее всего было бы отказаться...

— Ну, полетели? — спросил Карлсон.

Малыш еще раз все взвесил.

— А вдруг ты меня уронишь? — сказал он с тревогой.

Это предположение ничуть не смутило Карлсона.

— Велика беда! — воскликнул он. — Ведь на свете столько детей. Одним мальчиком больше, одним меньше — пустяки, дело житейское!

Малыш всерьез рассердился на Карлсона.

— Я — дело житейское? Нет, если я упаду...

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон и похлопал Малыша по плечу. — Ты не упадешь. Я обниму тебя так крепко, как меня обнимает моя бабушка. Ты, конечно, всего-навсего маленький грязнуля, но все же ты мне нравишься.

И он еще раз похлопал Малыша по плечу.

— Да, странно, но все-таки я очень к тебе привязался, глупый мальчишка. Вот подожди, мы доберемся до моего домика на крыше, и я тебя так стисну, что ты посинеешь. Чем я, в конце концов, хуже бабушки?

Карлсон нажал кнопку на животе — моторчик затарахтел. Тогда он обхватил Малыша своими пухленькими ручками, они вылетели в окно и стали набирать высоту.

А тюлевые занавески с черной бахромой раскачивались так, словно махали им на прощание.

ДОМА У КАРЛСОНА

Маленькие домики на крышах всегда очень уютны, а домик Карлсона — особенно. Представьте себе зеленые ставенки и крохотное крылечко, на котором так приятно сидеть по вечерам и глядеть на звезды, а днем пить сок и грызть пряники, конечно, если они есть. Ночью на этом крылечке можно спать, если в домике слишком жарко. А утром, когда проснешься, любоваться, как солнце встает над крышами домов где-то за Остермальмом.

Да, это в самом деле очень уютный домик, и он так удачно примостился за выступом, что обнаружить его трудно. Конечно, если просто так бродишь по крышам, а не ищешь привидений за дымовыми трубами. Но ведь этим никто и не занимается.

— Здесь, наверну, все ни на что не похоже, — сказал Малыш, когда Карлсон приземлился с ним на крылечке своего дома.

— Да, к счастью, — ответил Карлсон.

Малыш посмотрел вокруг.

— Куда ни глянь, крыши! — воскликнул он.

— Несколько километров крыш, где можно гулять и проказничать.

— Мы тоже будем проказничать? Ну, хоть немножко, а? — в восторге спросил Малыш.

Он вспомнил, как захватывающе интересно было на крыше в тот раз, когда они проказничали там вместе с Карлсоном.

Но Карлсон строго посмотрел на него:

— Понятно, лишь бы увильнуть от уборки, да? Я работаю на тебя как каторжный, выбиваюсь из сил, чтобы хоть немного прибрать твой хлев, а ты потом предлагаешь гулять и проказничать. Ловко ты это придумал, ничего не скажешь!

Но Малыш ровным счетом ничего не придумывал.

— Я охотно тебе помогу и тоже буду убирать, если нужно.

— То-то, — сказал Карлсон и отпер дверь.

— Не беспокойся, пожалуйста, — повторил Малыш, — конечно, я помогу, если нужно...

Малыш вошел в дом к лучшему в мире Карлсону и замер. Он долго стоял молча, и глаза его все расширялись.

— Да, это нужно, — вымолвил он наконец.

В домике Карлсона была только одна комната. Там стоял верстак, вещь незаменимая, — и строгать на нем можно, и есть, а главное, вываливать на него что попало. Стоял и диванчик, чтобы спать, прыгать и кидать туда все барахло. Два стула, чтобы сидеть, класть всякую всячину и влезать на них, когда нужно засунуть что-нибудь на верхнюю полку шкафа. Впрочем, обычно это не удавалось, потому что шкаф был до отказа забит тем, что уже не могло валяться просто на полу или висеть на гвоздях вдоль стен: ведь весь пол был заставлен, а стены завешаны несметным

количеством вещей! У Карлсона в комнате был камин, и в нем — таганок, на котором он готовил еду. Каминная полка тоже была заставлена самыми разными предметами. А вот с потолка почти ничего не свисало: только коловорот, да еще кошелка с орехами, и пакет пистонов, и клещи, и пара башмаков, и рубанок, и ночная рубашка Карлсона, и губка для мытья посуды, и кочерга, и небольшой саквояж, мешок сушеных вишен, — а больше ничего.

Малыш молча стоял у порога и растерянно все разглядывал.

— Что, прикусил язык? Да, тут есть на что посмотреть, не чета твоей комнате — у тебя там, внизу, настоящая пустыня.

— Это правда, твоя на пустыню не похожа, — согласился Малыш. — Я понимаю, что ты хочешь убрать свой дом.

Карлсон кинулся на диванчик и удобно улегся.

— Нет, ты меня не так понял, — сказал он. — Я вовсе ничего не хочу убирать. Это ты хочешь убирать... Я уже наубирался там, у тебя. Так или не так?

— Ты что, даже и помогать мне не будешь? — с тревогой спросил Малыш.

Карлсон облокотился о подушку и засопел так, как сопят, только когда очень уютно устроятся.

— Нет, почему же, конечно, я тебе помогу, — успокоил он Малыша, перестав сопеть.

— Вот и хорошо, — обрадовался Малыш. — А то я уж испугался, что ты...

— Нет, конечно, я тебе помогу, — подхватил Карлсон. — Я буду все время петь и подбадривать тебя поощрительными словами. Раз, два, три — и ты закружишься по комнате. Будет очень весело.

Малыш не был в этом уверен. Никогда в жизни ему еще не приходилось так много убирать. Конечно, дома он всегда убирал свои игрушки — только всякий раз маме надо было напомнить об этом раза три, четыре, а то и пять, и он тут же все убирал, хотя считал, что занятие это скучное, а главное, совершенно бессмысленное. Но убирать у Карлсона — совсем другое дело.

— С чего мне начать? — спросил Малыш.

— Эх, ты! Всякий дурак знает, что начинать надо с ореховой скорлупы, — ответил Карлсон. — Генеральной уборки вообще не стоит устраивать, потому что потом я никогда уже не смогу все так хорошо расставить. Ты только немного прибери.

Ореховая скорлупа валялась на полу вперемешку с апельсиновыми корками, вишневыми косточками, колбасными шкурками, скомканными бумажками, обгоревшими спичками и тому подобным мусором, так что самого пола и видно не было.

— У тебя есть пылесос? — спросил Малыш, немного подумав.

Этот вопрос был Карлсону явно не по душе. Он хмуро поглядел на Малыша:

— А среди нас, оказывается, завелись лентяи! Лучшая в мире половая тряпка и лучший в мире совок их почему-то не устраивают. Пылесосы им, видите ли, подавай, только бы от работы отлынивать! — И Карлсон даже фыркнул от возмущения. — Если бы я захотел, у меня могло быть хоть сто пылесосов. Но я не такой бездельник, как некоторые. Я не боюсь физической работы.

— А разве я боюсь? — сказал Малыш, оправдываясь. — Но... да ведь все равно у тебя нет электричества, значит, и пылесоса быть не может.

Малыш вспомнил, что домик Карлсона лишен всех современных удобств. Там не было ни электричества, ни водопровода.

По вечерам Карлсон зажигал керосиновую лампу, а воду брал из кадки, которая стояла у крылечка, под водосточной трубой.

— У тебя и мусоропровода нет, — продолжал Малыш, — хотя тебе он очень нужен.

— У меня нет мусоропровода? — возмутился Карлсон. — Откуда ты взял? Подмети-ка пол, и я покажу тебе лучший в мире мусоропровод.

Малыш вздохнул, взял веник и принялся за дело. А Карлсон вытянулся на диванчике, подложив руки под голову, и наблюдал за ним. Вид у него был очень довольный.

И он запел, чтобы помочь Малышу, — точь-в-точь как обещал:

Долог день для того,
Кто не сделал ничего.
Кончил дело — гуляй смело!

Золотые слова, — сказал Карлсон и зарылся в подушку, чтобы улечься поудобнее.

А Малыш все подметал и подметал. В самый разгар уборки Карлсон прервал свое пение и сказал:

— Ты можешь устроить себе небольшую переменку и сварить мне кофе.

— Сварить кофе? — переспросил Малыш.

— Да, пожалуйста, — подтвердил Карлсон. — Я не хочу тебя особенно утруждать. Тебе придется только развести огонь под таганком, принести воды и приготовить кофе. А уж пить его я буду сам.

Малыш печально посмотрел на пол, на котором почти не было видно следов его усилий:

— Может, ты сам займешься кофе, пока я буду подметать?

Карлсон тяжело вздохнул.

— Как это только можно быть таким ленивым, как ты? — спросил он. — Раз уж ты устраиваешь себе переменку, неужели так трудно сварить кофе?

— Нет, конечно, нетрудно, — ответил Малыш, — но дай мне сказать. Я думаю...

— Не дам,— перебил его Карлсон.— Не трать понапрасну слов! Лучше бы ты постарался хоть чем-то услужить человеку, который в поте лица пылесосил твои уши и вообще из кожи вон лез ради тебя.

Малыш отложил веник, взял ведро и побежал за водой. Потом принес из чулана дрова, сложил их под таганком и попытался развести огонь, но у него ничего не получалось.

— Понимаешь, у меня нет опыта,— начал Малыш смущенно,— не мог бы ты... Только огонь развести, а?

— И не заикайся,— отрезал Карлсон.— Вот если бы я был на ногах, тогда дело другое, тогда бы я тебе показал, как разводить огонь, но ведь я лежу, и ты не можешь требовать, чтобы я плясал вокруг тебя.

Малышу это показалось убедительным. Он еще раз чиркнул спичкой, и вдруг взметнулось пламя, дрова затрещали и загудели.

— Взялись! — радостно воскликнул Малыш.

— Вот видишь! Надо только действовать энергичней и не рассчитывать на чью-то помощь,— сказал Карлсон.— Теперь поставь на огонь кофейник, собери все, что нужно для кофе, на этот вот красивый подносик, да не забудь положить булочки, и продолжай себе подметать; пока кофе закипит, ты как раз успеешь все убрать.

— Скажи, а ты уверен, что сам будешь кофе пить? — спросил Малыш с издевкой.

— О да, кофе пить я буду сам,— уверил его Карлсон.— Но и ты получишь немного, ведь я на редкость гостеприимен.

Когда Малыш все подмел и высыпал ореховую скорлупу, вишневые косточки и грязную бумагу в большое помойное ведро, он присел на край диванчика, на котором лежал Карлсон, и они стали вдвоем пить кофе и есть булочки — много булочек. Малыш блаженствовал — до чего же хорошо у Карлсона, хотя убирать у него очень утомительно!

— А где же твой мусоропровод? — спросил Малыш, проглотив последний кусочек булки.

— Сейчас покажу,— сказал Карлсон.— Возьми помойное ведро и иди за мной.

Они вышли на крыльцо.

— Вот,— сказал Карлсон и указал на крыши.

— Как... что ты хочешь сказать? — растерялся Малыш.

— Сыпь прямо туда,— сказал Карлсон.— Вот тебе и лучший в мире мусоропровод.

— Ведь получится, что я кидаю мусор на улицу,— возразил Малыш.— А этого нельзя делать.

Карлсон решительно придвинул к себе ведро:

— Нельзя, говоришь? Сейчас увидишь. Беги за мной!

Схватив ведро, он помчался вниз по крутому скату крыши.

Малыш испугался, подумав, что Карлсон не сумеет остановиться, когда добежит до края.

— Тормози! — крикнул Малыш. — Тормози!

И Карлсон затормозил. Но только когда очутился на самом-самом краю.

— Чего ты ждешь? — крикнул Карлсон Малышу. — Беги ко мне.

Малыш сел на крышу и осторожно пополз вниз.

— Лучший в мире мусоропровод!.. Высота падения мусора двадцать метров, — сообщил Карлсон и быстро опрокинул ведро.

Ореховая скорлупа, вишневые косточки, скомканная бумага устремились по лучшему в мире «мусоропроводу» могучим потоком на улицу и угодили прямо на голову элегантному господину, который шел по тротуару и курил сигару.

— Ой, — воскликнул Малыш, — ой, ой, гляди, все попало ему на голову!

Карлсон только пожал плечами:

— Кто ему велел гулять под мусоропроводом?

У Малыша был все же озабоченный вид.

— Наверно, у него ореховая скорлупа набилась в ботинки, а в волосах застряли вишневые косточки. Это не так уж приятно!

— Пустяки, дело житейское, — успокоил Малыша Карлсон. — Если человеку мешает жить только ореховая скорлупа, попавшая в ботинок, он может считать себя счастливым.

Но что-то было не похоже, чтобы господин с сигарой чувствовал себя счастливым. С крыши они видели, как он долго и тщательно отряхивается, а потом услышали, что он зовет полицейского.

— Некоторые способны подымать шум по пустякам, — сказал Карлсон. — А ему бы, напротив, благодарить нас надо. Ведь если вишневые косточки прорастут и пустят корни в его волосах, у него на голове вырастет красивое вишневое деревцо, и тогда он сможет день-деньской гулять где захочет, рвать все время вишни и выплевывать косточки.

Но полицейского поблизости не оказалось, и господину с сигарой пришлось отправиться домой, так и не высказав никому своего возмущения по поводу ореховой скорлупы и вишневых косточек.

А Карлсон и Малыш полезли вверх по крыше и благополучно добрались до домика за трубой.

— Я тоже хочу выплевывать вишневые косточки, — заявил Карлсон, едва они переступили порог комнаты. — Раз ты так настаиваешь, лезь за вишнями — они там, в мешке, подвешенном к потолку.

— Думаешь, я достану? — спросил Малыш.

— А ты заберись на верстак.

Малыш так и сделал, а потом они с Карлсоном сидели на кры-

лечке, ели сухие вишни и выплевывали косточки, которые, подсакивая с легким стуком, весело катились вниз по крыше.

Вечерело. Мягкие, теплые осенние сумерки спускались на крыши и дома. Малыш придвинулся поближе к Карлсону. Было так уютно сидеть на крыльце и есть вишни, но становилось все темней и темней. Дома выглядели теперь совсем иначе, чем прежде, — сперва они посерели, сделались какими-то таинственными, а под конец стали казаться уже совсем черными. Словно кто-то вырезал их огромными ножницами из черной бумаги и только кое-где наклеил кусочки золотой фольги, чтобы изобразить светящиеся окна. Этих золотых окошек становилось все больше и больше, потому что люди зажигали свет в своих комнатах. Малыш попытался было пересчитать эти светящиеся прямоугольнички. Сперва было только три, потом оказалось десять, а потом так много, что зарябило в глазах. А в окнах были видны люди — они ходили по комнатам и занимались кто чем, и можно было гадать, что же они делают, какие они и почему они живут именно здесь, а не в другом месте.

Впрочем, гадал только Малыш. Карлсону все было ясно.

— Где-то же им надо жить, беднягам, — сказал он. — Ведь не могут же все жить на крыше и быть лучшими в мире Карлсонами.

КАРЛСОН ШУМИТ

Пока Малыш гостил у Карлсона, мама была у доктора. Она задержалась дольше, чем рассчитывала, а когда вернулась домой, Малыш уже преспокойно сидел в своей комнате и рассматривал марки.

— А ты, Малыш, все возишься с марками?

— Ага, — ответил Малыш, и это была правда.

А о том, что он всего несколько минут назад вернулся с крыши, он просто умолчал. Конечно, мама очень умная и почти все понимает, но поймет ли она, что ему обязательно нужно было лезть на крышу, — в этом Малыш все же не был уверен. Поэтому он решил ничего не говорить о появлении Карлсона. Во всяком случае, не сейчас. Во всяком случае, не раньше, чем соберется вся семья. Он преподнесет этот роскошный сюрприз за обедом. К тому же мама показалась ему какой-то невеселой. На лбу, между бровями, залегла складка, которой там быть не должно, и Малыш долго ломал себе голову, откуда она взялась.

Наконец собралась вся семья, и тогда мама позвала всех обедать; все вместе сели за стол: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Малыш. На обед были голубцы — опять капуста! А Малыш любил только то, что не полезно. Но под столом у его ног лежал

Бимбо, который ел все без разбору. Малыш развернул голубец, скомкал капустный лист и тихонько швырнул его на пол, для Бимбо.

— Мама, скажи ему, что нельзя это делать,— сказала Бетан,— а то Бимбо вырастет таким же невоспитанным, как Малыш.

— Да, да, конечно,— рассеянно сказала мама. Сказала так, словно и не слышала, о чем речь.

— А вот меня, когда я была маленькой, заставляли съесть все до конца,— не унималась Бетан.

Малыш показал ей язык.

— Вот, вот, полюбуйтесь. Что-то я не замечаю, чтобы слово мамы произвело на тебя хоть какое-нибудь впечатление, Малыш.

Глаза у мамы вдруг наполнились слезами.

— Не ругайтесь, прошу вас,— сказала она.— Я не могу этого слышать.

И тут выяснилось, почему у мамы невеселый вид.

— Доктор сказал, что у меня сильное малокровие. От переутомления. Он сказал, что мне необходимо уехать за город и как следует отдохнуть.

За столом воцарилось молчание. Долгое время никто не проронил ни слова. Какая печальная новость! Мама, оказывается, заболела, стряслась настоящая беда — вот что думали все. А Малыш думал еще и о том, что теперь маме надо уехать, и от этого становилось еще ужасней.

— Я хочу, чтобы ты стояла на кухне всякий раз, когда я прихожу из школы, и чтобы на тебе был передник, и чтобы каждый день ты пекла плюшки,— сказал наконец Малыш.

— Ты думаешь только о себе,— строго осадил его Боссе.

Малыш прижался к маме.

— Конечно, ведь без мамы не получишь плюшек,— сказал он.

Но мама этого не слышала. Она разговаривала с папой.

— Постараемся найти домашнюю работницу на время моего отъезда.

И папа и мама были очень озабочены. Обед прошел не так хорошо, как обычно. Малыш понимал, что надо что-то сделать, чтобы хоть немножко всех развеселить, а кто лучше его сможет с этим справиться?

— Послушайте теперь приятную новость,— начал он.— Угадайте-ка, кто сегодня вернулся?

— Кто вернулся?.. Надеюсь, не Карлсон? — с тревогой спросила мама.— Не доставляй нам еще лишних огорчений!

Малыш с укором посмотрел на нее:

— Я думал, появление Карлсона всех обрадует, а не огорчит.

Боссе расхохотался:

— Хорошая у нас теперь будет жизнь! Без мамы, но зато с Карлсоном и домработницей, которая наведет здесь свои порядки.

— Не пугайте меня,— сказала мама.— Подумайте только, что станет с домработницей, если она увидит Карлсона.

Папа строго посмотрел на Малыша.

— Этого не будет,— сказал он.— Домработница никогда не увидит Карлсона и ничего не услышит о нем, обещаю, Малыш.

— Вообще-то Карлсон летает куда хочет,— сказал Малыш.— Но я могу обещать никогда ей о нем не рассказывать.

— И вообще ни одной живой душе ни слова,— сказал папа.— Не забывай наш уговор.

— Если живой душе нельзя, то, значит, нашей школьной учительнице можно.

Но папа покачал головой:

— Нет, ни в коем случае, и ей нельзя.

— Понятно! — воскликнул Малыш.— Значит, мне и о домработнице тоже нельзя никому рассказывать? Потому что с ней наверняка будет не меньше хлопот, чем с Карлсоном.

Мама вздохнула:

— Еще неизвестно, сможем ли мы найти домработницу.

На следующий день они дали объявление в газете. Но позвонила им только одна женщина. Звали ее фрекен Бок. Несколько часов спустя она пришла договариваться о месте. У Малыша как раз разболелось ухо, и ему хотелось быть возле мамы. Лучше всего было бы сесть к ней на колени, хотя, собственно говоря, для этого он уже был слишком большой.

«Когда болят уши, то можно»,— решил он наконец и забрался к маме на колени.

Тут позвонили в дверь. Это пришла фрекен Бок. Малышу пришлось слезть с колен. Но все время, пока она сидела, Малыш не отходил от мамы ни на шаг, висел на спинке ее стула и прижимался больным ухом к ее руке, а когда становилось особенно больно, тихонько хныкал.

Малыш надеялся, что домработница будет молодая, красивая и милая девушка, вроде учительницы в школе. Но все вышло наоборот. Фрекен Бок оказалась суровой пожилой дамой высокого роста, грузной, да к тому же весьма решительной и в мнениях и в действиях. У нее было несколько подбородков и такие злые глаза, что Малыш поначалу даже испугался. Он сразу ясно понял, что никогда не полюбит фрекен Бок. Бимбо это тоже понял и все лаял и лаял, пока не охрип.

— Ах, вот как! У вас, значит, собачка? — сказала фрекен Бок. Мама заметно встревожилась.

— Вы не любите собак, фрекен Бок? — спросила она.

— Нет, отчего же, я их люблю, если они хорошо воспитаны.

— Я не уверена, что Бимбо хорошо воспитан,— смущенно призналась мама.

Фрекен Бок энергично кивнула.

— Он будет хорошо воспитан, если я поступлю к вам. У меня собаки быстро становятся шелковыми.

Малыш молился про себя, чтобы она к ним никогда не поступила. К тому же снова больно кольнуло в ухе, и он тихонько захныкал.

— Что-что, а вышколить собаку, которая лает, и мальчика, который ноет, я сумею,— заявила фрекен Бок и усмехнулась.

Видно, этим она хотела пристыдить его, но он считал, что стыдиться ему нечего, и поэтому сказал тихо, как бы про себя:

— А у меня скрипучие ботинки.

Мама услышала это и густо покраснела.

— Надеюсь, вы любите детей, фрекен Бок, да?

— О да, конечно, если они хорошо воспитаны,— ответила фрекен Бок и уставилась на Малыша.

И снова мама смутилась.

— Я не уверена, что Малыш хорошо воспитан,— пробормотала она.

— Он будет хорошо воспитан,— успокоила маму фрекен Бок.— Не беспокойтесь, у меня и дети быстро становятся шелковыми.

Тут уж Малыш покраснел от волнения: он так жалел детей, которые стали шелковыми у фрекен Бок! А вскоре он и сам будет одним из них. Чего же удивляться, что он так перепугался?

Впрочем, у мамы тоже был несколько обескураженный вид. Она погладила Малыша по голове и сказала:

— Что касается мальчика, то с ним легче всего справиться лаской.

— Опыт подсказывает мне, что ласка не всегда помогает,— решительно возразила фрекен Бок.— Дети должны чувствовать твердую руку.

Затем фрекен Бок сказала, сколько она хочет получать в месяц, и оговорила, что ее надо называть не домработницей, а домоправительницей. На этом переговоры закончились.

Тут папа как раз вернулся с работы, и мама их познакомила.

— Наша домоправительница, фрекен Бок.

— Наша... домомучительница,— прошипел Малыш и со всех ног бросился из комнаты.

На другой день мама уехала к бабушке. Провожая ее, все плакали, а Малыш больше всех.

— Я не хочу оставаться один с этой домомучительницей! — всхлипывал он.

Но делать было нечего, это он и сам понимал. Ведь Боссе и Бетан приходили из школы поздно, а папа не возвращался с работы раньше пяти часов. Каждый день Малышу придется проводить много-много часов с глазу на глаз с домомучительницей. Вот почему он так плакал.

Мама поцеловала его:

— Постарайся быть молодцом... ради меня! И, пожалуйста, не зови ее домохозяйкой.

Неприятности начались со следующего же дня, как только Малыш пришел из школы. На кухне не было ни мамы, ни какао с плюшками — там теперь царила фрекен Бок, и нельзя сказать, что появление Малыша ее обрадовало.

— Все мучное портит аппетит,— заявила она.— Никаких плюшек ты не получишь.

А ведь сама их испекла: целая гора плюшек стыла на блюде перед открытым окном.

— Но...— начал было Малыш.

— Никаких «но»,— перебила его фрекен Бок.— Прежде всего на кухне мальчику делать нечего. Отправляйся-ка в свою комнату и учи уроки. Повесь куртку и помой руки! Ну, поживей!

И Малыш ушел в свою комнату. Он был злой и голодный. Бимбо лежал в корзине и спал. Но едва Малыш переступил порог, как он стрелой вылетел ему навстречу.

«Хоть кто-то рад меня видеть»,— подумал Малыш и обнял песика.

— Она с тобой тоже плохо обошлась? Терпеть ее не могу! «Повесь куртку и помой руки»! Может, я должен еще проветрить шкаф и вымыть ноги? И вообще я вешаю куртку без напоминаний! Да, да!

Он швырнул куртку в корзину Бимбо, и Бимбо удобно улегся на ней, вцепившись зубами в рукав.

Малыш подошел к окну и стал смотреть на улицу. Он стоял и думал о том, как он несчастен и как тоскливо без мамы. И вдруг ему стало весело: он увидел, что над крышей дома, на той стороне улицы, Карлсон отрабатывает сложные фигуры высшего пилотажа. Он кружил между трубами и время от времени делал в воздухе мертвую петлю.

Малыш бешено ему замахал, и Карлсон тут же прилетел, да на таком бреющем полете, что Малышу пришлось отскочить в сторону, иначе Карлсон прямо врезался бы в него.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон.— Уж не обидел ли я тебя чем-нибудь? Почему у тебя такой хмурый вид? Ты себя плохо чувствуешь?

— Да нет, не в этом дело,— ответил Малыш и рассказал Карлсону о своих несчастьях и о том, что мама уехала и что вместо нее появилась какая-то домохозяйка, до того противная, злая и жадная, что даже плюшек у нее не выпросишь, когда приходишь из школы, хотя на окне стоит целое блюдо еще теплых плюшек.

Глаза Карлсона засверкали.

— Тебе повезло,— сказал он.— Угадай, кто лучший в мире укротитель домомучительниц?

Малыш сразу догадался, но никак не мог себе представить, как Карлсон справится с фрекен Бок.

— Я начну с того, что буду ее низводить.

— Ты хочешь сказать «изводить»? — переспросил Малыш. Такие глупые придирки Карлсон не мог стерпеть.

— Если бы я хотел сказать «изводить», я так бы и сказал. А «низводить», как ты мог бы понять по самому слову,— значит делать то же самое, но только гораздо смешнее.

Малыш подумал и вынужден был признать, что Карлсон прав. «Низводить» и в самом деле звучало куда более смешно.

— Я думаю, лучше всего начать с низведения плюшками,— сказал Карлсон.— И ты должен мне помочь.

— Как? — спросил Малыш.

— Отправляйся на кухню и заведи разговор с домомучительницей.

— Да, но...— начал Малыш.

— Никаких «но»,— остановил его Карлсон.— Говори с ней о чем хочешь, но так, чтобы она хоть на миг отвела глаза от окна.

Тут Карлсон захохотал, он прямо кудахтал от смеха, потом нажал кнопку, пропеллер завертелся, и, все еще весело кудахча, Карлсон вылетел в окно.

А Малыш храбро двинулся на кухню. Теперь, когда ему помогал лучший в мире укротитель домомучительниц, ему нечего было бояться.

На этот раз фрекен Бок еще меньше обрадовалась его появлению. Она как раз варила себе кофе, и Малыш прекрасно понимал, что она собиралась провести в тишине несколько приятных минут, заедая кофе свежими плюшками. Должно быть, есть мучное вредно только детям.

Фрекен Бок взглянула на Малыша. Вид у нее был весьма кислый.

— Что тебе надо? — спросила она еще более кислым голосом.

Малыш подумал, что теперь самое время с ней заговорить. Но он решительно не знал, с чего начать.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрекен Бок? — сказал он.

И в это мгновение он услышал знакомое слабое жужжание у окна. Но Карлсона не было видно. Только маленькая пухлая ручка вдруг мелькнула в окне и схватила плюшку с блюда. Малыш захихикал. Фрекен Бок ничего не заметила.

— Так что же ты будешь делать, когда вырастешь большой? — спросила она нетерпеливо. Было ясно, что ее это совершенно не интересует. Она только хотела как можно скорее отделаться от Малыша.

— Нет, сами угадайте! — настаивал Малыш.

И тут он снова увидел, как та же маленькая пухлая ручка взяла еще одну плюшку с блюда. И Малыш снова хихикнул. Он старался сдержаться, но ничего не получалось. Оказывается, в нем скопилось очень много смеха, и этот смех неудержимо рвался наружу. Фрекен Бок с раздражением подумала, что он самый утомительный в мире мальчик. Принесла же его нелегкая именно теперь, когда она собиралась спокойно попить кофейку.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрекен Бок? — повторил Малыш и захихикал пуще прежнего, потому что теперь уже две маленькие пухленькие ручки утащили с блюда несколько оставшихся плюшек.

— Мне некогда стоять здесь с тобой и выслушивать твои глупости,— сказала фрекен Бок.— И я не собираюсь ломать себе голову над тем, что ты будешь делать, когда вырастешь большой. Но пока ты еще маленький, изволь слушаться и поэтому сейчас же уходи из кухни и учи уроки.

— Да, само собой,— сказал Малыш и так расхохотался, что ему пришлось даже прислониться к двери.— Но когда я вырасту такой большой, как вы, фрекен Бок, я буду все время ворчать, уж это точно.

Фрекен Бок изменилась в лице, казалось, она сейчас накинется на Малыша, но тут с улицы донесся какой-то странный звук, похожий на мычание. Она стремительно обернулась и обнаружила, что плюшек на блюде не было.

Фрекен Бок завопила в голос:

— О боже, куда девались мои плюшки?

Она кинулась к подоконнику. Может, она надеялась увидеть, как удирает вор, сжимая в охапке сдобные плюшки. Но ведь семья Свантесон живет на четвертом этаже, а таких длинноногих воров не бывает, этого даже она не могла не знать.

Фрекен Бок опустилась на стул в полной растерянности.

— Неужто голуби? — пробормотала она.

— Судя по мычанию, скорее, корова,— заметил Малыш.— Какая-нибудь летающая коровка, которая очень любит плюшечки. Вот она их увидела и слизала язычком.

— Не болтай глупости,— буркнула фрекен Бок.

Но тут Малыш снова услышал знакомое жужжание у окна, и, чтобы заглушить его и отвлечь фрекен Бок, он запел так громко, как только мог:

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Сушек, плюшек,
Сладеньких ватрушек.

Малыш часто сочинял вместе с мамой стишки и сам понимал, что насчет божьей коровки, сушек и плюшек они удачно придумали. Но фрекен Бок была другого мнения.

— Немедленно замолчи! Мне надоели твои глупости! — кричала она.

Как раз в этот момент у окна что-то так звякнуло, что они оба вздрогнули от испуга. Они обернулись и увидели, что на пустом блюде лежит монетка в пять эре.

Малыш снова захихикал.

— Какая честная коровка, — сказал он сквозь смех. — Она заплатила за плюшки.

Фрекен Бок побагровела от злости.

— Что за идиотская шутка! — заорала она и снова кинулась к окну. — Наверно, это кто-нибудь из верхней квартиры забавляется тем, что крадет у меня плюшки и швыряет сюда пятиэровые монетки.

— Над нами никого нет, — заявил Малыш. — Мы живем на верхнем этаже, над нами только крыша.

Фрекен Бок совсем взбесилась.

— Ничего не понимаю! — вопила она. — Решительно ничего.

— Да это я уже давно заметил, — сказал Малыш. — Но стоит ли огорчаться, не всем же быть понятливыми.

За эти слова Малыш получил пощечину.

— Я тебе покажу, как дерзить! — кричала она.

— Нет-нет, не надо, не показывайте, — взмолился Малыш и заплакал, — а то мама меня не узнает, когда вернется домой.

Глаза у Малыша блестели. Он продолжал плакать. Никогда в жизни он еще не получал пощечин, и ему было очень обидно. Он злобно поглядел на фрекен Бок. Тогда она схватила его за руку и потащила в комнату.

— Сиди здесь, и пусть тебе будет стыдно, — сказала она. — Я запру дверь и выну ключ, теперь тебе не удастся бегать каждую минуту на кухню.

Она посмотрела на свои часы.

— Надеюсь, часа хватит, чтобы сделать тебя шелковым. В три часа я тебя выпущу. А ты тем временем вспомни, что надо сказать, когда просят прощения.

И фрекен Бок ушла. Малыш услышал, как щелкнул замок: он просто заперт и не может выйти. Это было ужасно. Он ненавидел фрекен Бок. Но в то же время совесть у него была не совсем чиста, потому что и он вел себя не безупречно. А теперь его посадили в клетку. Мама решит, что он дразнил домомучительницу, дерзил ей. Он подумал о маме, о том, что еще долго ее не увидит, и еще немножко поплакал.

Но тут он услышал жужжание, и в комнату влетел Карлсон.

КАРЛСОН УСТРАИВАЕТ ПИР

— Как бы ты отнесся к скромному завтраку на моем крыльце? — спросил Карлсон. — Какао и свежие плюшки. Я тебя приглашаю.

Малыш поглядел на него с благодарностью. Лучше Карлсона нет никого на свете! Малышу захотелось его обнять, и он попытался даже это сделать, но Карлсон отпихнул его.

— Спокойствие, только спокойствие. Я не твоя бабушка. Ну, полетели?

— Еще бы! — воскликнул Малыш. — Хотя, собственно говоря, а заперт. Понимаешь, я вроде как в тюрьме.

— Выходки домомучительницы, понятно. Ее воля — ты здесь насиделся бы!

Глаза Карлсона вдруг загорелись, и он запрыгал от радости.

— Знаешь что? Мы будем играть, будто ты в тюрьме и терпишь страшные муки из-за жестокого надзирателя — домомучительницы, понимаешь? А тут вдруг появляется самый смелый в мире, сильный, прекрасный, в меру упитанный герой и спасает тебя.

— А кто он, этот герой? — спросил Малыш.

Карлсон укоризненно посмотрел на Малыша:

— Попробуй угадать! Слабó?

— Наверно, ты, — сказал Малыш. — Но ведь ты можешь спасти меня сию минуту, верно?

Против этого Карлсон не возражал.

— Конечно, могу, потому что герой этот к тому же очень быстрый, — объяснил он. — Быстрый, как ястреб, да, да, честное слово, и смелый, и сильный, и прекрасный, и в меру упитанный, и он вдруг появляется и спасает тебя, потому что он такой необычайно храбрый. Гоп-гоп, вот он!

Карлсон крепко обхватил Малыша и стрелой взмыл с ним ввысь. Что и говорить, бесстрашный герой! Бимбо залаял, когда увидел, как Малыш вдруг исчез в окне, но Малыш крикнул ему:

— Спокойствие, только спокойствие! Я скоро вернусь.

Наверху, на крыльце Карлсона, рядом лежали десять румяных плюшек. Выглядели они очень аппетитно.

— И к тому же я за них честно заплатил, — похвастался Карлсон. — Мы их поделим поровну — семь тебе и семь мне.

— Так не получится, — возразил Малыш. — Семь и семь — четырнадцать, а у нас только десять плюшек.

В ответ Карлсон поспешно сложил семь плюшек в горку.

— Вот мои, я их уже взял, — заявил он и прикрыл своей пухлой ручкой сдобную горку. — Теперь в школах так по-дурацки считают. Но я из-за этого страдать не намерен. Мы возьмем по семь штук, как я сказал, — мои вот.

Малыш миролюбиво кивнул.

— Хорошо, все равно я не смогу съесть больше трех. А где же какао?

— Внизу, у домомучительницы, — ответил Карлсон. — Сейчас мы его принесем.

Малыш посмотрел на него с испугом. У него не было никакой охоты снова увидеть фрекен Бок и получить от нее, чего доброго, еще пощечину. К тому же он не понимал, как они смогут раздобыть банку с какао. Она ведь стоит не у открытого окна, а на полке, возле плиты, на виду у фрекен Бок.

— Как же это можно сделать? — недоумевал Малыш.

Карлсон завизжал от восторга:

— Куда тебе это сообразить, ты всего-навсего глупый мальчишка! Но если за дело берется лучший в мире проказник, то беспокоиться нечего.

— Да, но как... — начал Малыш.

— Скажи, ты знаешь, что в нашем доме есть маленькие балкончики? — спросил Карлсон.

Конечно, Малыш это знал. Мама частенько выбивала на таком балкончике половики. Попасть на эти балкончики можно было только с лестницы черного хода.

— А знаешь ли ты, что от черного хода до балкончика один лестничный пролет, всего десять ступенек? — спросил Карлсон.

Малыш все еще ничего не понимал.

— А зачем мне надо забираться на этот балкончик?

Карлсон вздохнул.

— Ох, до чего же глупый мальчишка, все-то ему нужно разжевать. Раствори-ка пошире уши и слушай, что я придумал.

— Ну, говори, говори! — поторопил Малыш, он явно сгорал от нетерпения.

— Так вот, — не спеша начал Карлсон, — один глупый мальчишка прилетает на вертолете системы «Карлсон» на этот балкончик, затем сбегает вниз всего на десять ступенек и трезвонит во всю мочь у вашей двери. Понимаешь? Злющая домомучительница слышит звонок и твердым шагом идет открывать дверь. Таким образом на несколько минут кухонный плацдарм очищен от врага. А храбрый и в меру упитанный герой влетает в окно и тут же вылетает назад с банкою какао в руках. Глупый мальчишка трезвонит еще разок долго-предолго и убегает назад на балкончик. А злющая домомучительница открывает дверь и становится еще злее, когда обнаруживает, что на площадке никого нет. А она, может, надеялась получить букет красных роз! Выругавшись, она захлопывает дверь. Глупый мальчишка на балкончике смеется, поджидая появления в меру упитанного героя, который переправит его на крышу, а там их ждет роскошное угощение — све-

жие плюшки... Привет, Малыш, угадай, кто лучший в мире проказник? А теперь за дело!

И прежде чем Малыш успел опомниться, Карлсон полетел с ним на балкончик! Они сделали такой резкий вираж, что у Малыша загудело в ушах и засосало под ложечкой еще сильнее, чем на «американских горах». Затем все произошло точь-в-точь так, как сказал Карлсон.

Моторчик Карлсона жужжал у окна кухни, а Малыш трезвонил у двери черного хода что было сил. Он тут же услышал приближающиеся шаги, бросился бежать и очутился на балкончике. Секунду спустя приоткрылась входная дверь, и фрекен Бок высунула голову на лестничную площадку. Малыш осторожно вытянул шею и увидел ее сквозь стекло балконной двери. Он убедился, что Карлсон как в воду глядел: злющая домохозяйка просто позеленела от бешенства, когда увидела, что никого нет. Она стала громко браниться и долго стояла в открытых дверях, словно ожидая, что тот, кто только что потревожил ее звонком, вдруг появится снова. Но тот, кто звонил, притаился на балкончике и беззвучно смеялся до тех пор, пока в меру упитанный герой не прилетел за ним и не доставил его на крыльцо домика за трубой, где их ждал настоящий пир.

Это был лучший в мире пир — на таком Малышу и не снилось побывать.

— До чего здорово! — сказал Малыш, когда он уже сидел на ступеньке крыльца рядом с Карлсоном, жевал плюшку, прихлебывал какао и глядел на сверкающие на солнце крыши и башни Стокгольма.

Плюшки оказались очень вкусными, какао тоже удалось на славу. Малыш сварил его на таганке у Карлсона. Молоко и сахар, без которых какао не сварить, Карлсон прихватил на кухне у фрекен Бок вместе с банкой какао.

— И, как полагается, я за все честно уплатил пятиэровой монеткой, она и сейчас еще лежит на кухонном столе, — с гордостью заявил Карлсон. — Кто честен, тот честен, тут ничего не скажешь.

— Где ты только взял все эти пятиэровые монетки? — удивился Малыш.

— В кошельке, который я нашел на улице, — объяснил Карлсон. — Он битком набит этими монетками, да еще и другими тоже.

— Значит, кто-то потерял кошелек. Вот бедняга! Он, наверно, очень огорчился.

— Еще бы, — подхватил Карлсон. — Но извозчик не должен быть разиней.

— Откуда ты знаешь, что это был извозчик? — изумился Малыш.

— Да я же видел, как он потерял кошелек, — сказал Карл-

сон.— А что это извозчик, я понял по шляпе. Я ведь не дурак.

Малыш укоризненно поглядел на Карлсона. Так себя не ведут, когда на твоих глазах кто-то теряет вещь,— это он должен объяснить Карлсону. Но только не сейчас... как-нибудь в другой раз! Сейчас ему хочется сидеть на ступеньке рядом с Карлсоном и радоваться солнышку и плюшкам с какао.

Карлсон быстро справился со своими семью плюшками. У Малыша дело продвигалось куда медленнее. Он ел еще только вторую, а третья лежала возле него на ступеньке.

— До чего мне хорошо! — сказал Малыш.

Карлсон наклонился к нему и пристально поглядел ему в глаза:

— Что-то, глядя на тебя, этого не скажешь. Выглядишь ты плохо, да, очень плохо, на тебе просто лица нет.

И Карлсон озабоченно пощупал лоб Малыша.

— Так я и думал! Типичный случай плюшечной лихорадки.

Малыш удивился:

— Это что еще за... плюшечная лихорадка?

— Страшная болезнь, она валит с ног, когда объедаешься плюшками.

— Но тогда эта самая плюшечная лихорадка должна быть прежде всего у тебя!

— А вот тут ты как раз ошибаешься. Видишь ли, я ею переболел, когда мне было три года, а она бывает только один раз, ну, как корь или коклюш.

Малыш совсем не чувствовал себя больным, и он попытался сказать это Карлсону.

Но Карлсон все же заставил Малыша лечь на ступеньку и как следует побрызгал ему в лицо какао.

— Чтобы ты не упал в обморок,— объяснил Карлсон и придвинул к себе третью плюшку Малыша.— Тебе больше нельзя съесть ни кусочка, ты можешь тут же умереть. Но подумай, какое счастье для этой бедной маленькой плюшечки, что есть я, не то она лежала бы здесь на ступеньке в полном одиночестве,— сказал Карлсон и мигом проглотил ее.

— Теперь она уже не одинока,— заметил Малыш.

Карлсон удовлетворенно похлопал себя по животу.

— Да, теперь она в обществе своих семи товарок и чувствует себя отлично!

Малыш тоже чувствовал себя отлично. Он лежал на ступеньке, и ему было очень хорошо, несмотря на плюшечную лихорадку. Он был сыт и охотно простил Карлсону его выходку с третьей плюшкой.

Но тут он взглянул на башенные часы. Было без нескольких минут три. Он расхохотался:

— Скоро появится фрекен Бок, чтобы меня выпустить из

комнаты. Мне бы так хотелось посмотреть, какую она скорчит рожу, когда увидит, что меня нет.

Карлсон дружески похлопал Малыша по плечу:

— Всегда обращай со всеми своими желаниями к Карлсону, он все уладит, будь спокоен. Сбегай только в дом и возьми мой бинокль. Он висит, если считать от диванчика, на четырнадцатом гвозде под самым потолком: ты залезай на верстак.

Малыш лукаво улыбнулся.

— Но ведь у меня плюшечная лихорадка, разве при ней не полагается лежать неподвижно?

Карлсон покачал головой.

— «Лежать неподвижно, лежать неподвижно»! И ты думаешь, что это помогает от плюшечной лихорадки? Наоборот, чем больше ты будешь бегать и прыгать, тем быстрее поправишься, это точно, посмотри в любом врачебном справочнике.

А так как Малыш хотел как можно скорее выздороветь, он послушно сбежал в дом, залез на верстак и достал бинокль, который висел на четырнадцатом гвозде, если считать от диванчика. На том же гвозде висела и картина, в нижнем углу которой был изображен маленький красный петух. И Малыш вспомнил, что Карлсон лучший в мире рисовальщик петухов: ведь это он сам написал портрет «очень одинокого петуха», как указывала надпись на картине. И в самом деле, этот петух был куда краснее и куда более одинок, чем все петухи, которых Малышу довелось до сих пор видеть. Но у Малыша не было времени рассмотреть его получше, потому что стрелка подходила к трем и медлить было нельзя.

Когда Малыш вынес на крыльцо бинокль, Карлсон уже стоял готовый к отлету, и прежде чем Малыш успел опомниться, Карлсон полетел с ним через улицу и приземлился на крыше дома напротив.

Тут только Малыш понял, что задумал Карлсон.

— О, какой отличный наблюдательный пост, если есть бинокль и охота следить за тем, что происходит в моей комнате!

— Есть и бинокль и охота,— сказал Карлсон и посмотрел в бинокль. Потом он передал его Малышу.

Малыш увидел свою комнату, увидел, как ему показалось, четче, чем если бы он в ней был. Вот Бимбо — он спит в корзине, а вот его, Малышова, кровать, а вот стол, за которым он делает уроки, а вот часы на стене. Они показывают ровно три. Но фрекен Бок что-то не видно.

— Спокойствие, только спокойствие,— сказал Карлсон.— Она сейчас появится, я это чувствую: у меня дрожат ребра и я весь покрываюсь гусиной кожей.

Он выхватил у Малыша из рук бинокль и поднес к глазам:

— Что я говорил? Вот открывается дверь, вот она входит с милой и приветливой улыбкой людоедки.

Малыш завизжал от смеха.

— Гляди, гляди, она все шире открывает глаза от удивления. Не понимает, где же Малыш. Небось решила, что он удрал через окно.

Видно, и в самом деле фрекен Бок это подумала, потому что она с ужасом подбежала к окну. Малыш даже ее пожалел. Она высунулась чуть ли не по пояс и уставилась на улицу, словно ожидала увидеть там Малыша.

— Нет, там его нет,— сказал Карлсон.— Что, перепугалась?

Но фрекен Бок так легко не теряла спокойствия. Она отошла от окна в глубь комнаты.

— Теперь она ищет,— сказал Карлсон.— Ищет в кровати... и под столом... и под кроватью... Вот здорово!.. Ой, подожди, она подходит к шкафу... Небось думает, что ты там лежишь, свернувшись в клубочек, и плачешь...

Карлсон вновь захохотал.

— Пора нам позабавиться,— сказал он.

— А как? — спросил Малыш.

— А вот как,— сказал Карлсон и, прежде чем Малыш успел опомниться, полетел с ним через улицу и кинул Малыша в его комнату.— Привет, Малыш! — крикнул он, улетаая.— Будь, пожалуйста, поласковой с домохозяйкой.

Малыш не считал, что это лучший способ позабавиться. Но ведь он обещал помогать Карлсону чем сможет. Поэтому он тихонько подкрался к своему столу, сел на стул и открыл задачник. Он слышал, как фрекен Бок обшаривает шкаф. Сейчас она обернется — он ждал этого момента с огромным напряжением.

И в самом деле, она тут же вынырнула из недр шкафа, и первое, что она увидела, был Малыш. Она попятилась назад и прислонилась к дверцам шкафа. Так она простояла довольно долго, не говоря ни слова и не сводя с него глаз. Она только несколько раз опускала веки, словно проверяя себя, не обман ли это зрение.

— Скажи, ради бога, где ты прятался? — выговорила она наконец.

— Я не прятался. Я сидел за столом и решал примеры. Откуда я мог знать, фрекен Бок, что вы хотите поиграть со мной в прятки? Но я готов... Лезьте назад в шкаф, я с удовольствием вас поищу.

Фрекен Бок на это ничего не ответила. Она стояла молча и о чем-то думала.

— Может, я больна,— пробормотала она наконец.— В этом доме происходят такие странные вещи.

Тут Малыш услышал, что кто-то осторожно запер снаружи дверь его комнаты. Малыш расхохотался. Лучший в мире укротитель домохозяйки явно влетел в квартиру через кухонное окно, чтобы помочь домохозяйке понять на собственном опыте, что значит сидеть взаперти.

Фрекен Бок ничего не заметила. Она все еще стояла молча и, видно, что-то обдумывала. Наконец она сказала:

— Странно! Ну ладно, теперь ты можешь пойти поиграть, пока я приготавливаю обед.

— Спасибо, это очень мило с вашей стороны,— сказал Малыш.— Значит, я больше не заперт?

— Нет, я разрешаю тебе выйти,— сказала фрекен Бок и подошла к двери.

Она взялась за ручку, нажала раз, другой, третий. Но дверь не открывалась. Тогда фрекен Бок навалилась на нее всем телом, но и это не помогло.

— Кто запер дверь? — взревела фрекен Бок.

— Наверно, вы сами,— сказал Малыш.

Фрекен Бок даже фыркнула от возмущения:

— Что ты болтаешь! Как я могла запереть дверь снаружи, когда сама нахожусь внутри!

— Этого я не знаю,— сказал Малыш.

— Может, это сделали Боссе или Бетан? — спросила фрекен Бок.

— Нет, они еще в школе,— заверил ее Малыш.

Фрекен Бок тяжело опустилась на стул.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что в доме появилось привидение,— сказала она.

Малыш радостно кивнул.

«Вот здорово получилось! — думал он.— Раз она считает Карлсона привидением, она, наверно, уйдет от нас: вряд ли ей захочется оставаться в доме, где есть привидения».

— А вы, фрекен Бок, боитесь привидений? — осведомился Малыш.

— Наоборот,— ответила она.— Я так давно о них мечтаю! Подумай только, теперь мне, может быть, тоже удастся попасть в телевизионную передачу! Знаешь, есть такая особая передача, когда телезрители выступают и рассказывают о своих встречах с привидениями. А ведь того, что я пережила здесь за один-единственный день, хватило бы на десять телевизионных передач.

Фрекен Бок так и светилась радостью.

— Вот уж я досажу своей сестре Фриде, можешь мне поверить! Ведь Фрида выступала по телевидению и рассказывала о привидениях, которых ей довелось увидеть, и о каких-то потусторонних голосах, которые ей довелось услышать. Но теперь я нанесу ей такой удар, что она не оправится.

— Разве вы слышали потусторонние голоса? — спросил Малыш.

— А ты что, не помнишь, какое мычание раздалось у окна, когда исчезли плюшки? Я постараюсь воспроизвести его по телевидению, чтобы телезрители слышали, как оно звучит.

И фрекен Бок издала такой звук, что Малыш от неожиданности подскочил на стуле.

— Как будто похоже, — с довольным видом сказала фрекен Бок.

Но тут до них донеслось еще более страшное мычание, и фрекен Бок побледнела, как полотно.

— Оно мне отвечает, — прошептала она. — Оно... привидение... оно мне отвечает! Вот что я расскажу по телевидению! О боже, как разозлится Фрида, как она будет завидовать!

И она не стала скрывать от Малыша, как расхвасталась Фрида по телевидению со своим рассказом о привидениях.

— Если ей верить, то весь район Вазастана кишмя кишит привидениями и все они теснятся в нашей квартире, но почему-то только в ее комнате, а в мою и не заглядывают. Подумай только, она уверяла, что однажды вечером увидела у себя в комнате руку на стене, понимаешь, руку привидения, которая написала целых восемь слов! Впрочем, сестра и в самом деле нуждалась в предостережении, — сказала фрекен Бок.

— А что это было за предостережение? — любопытствовал Малыш.

Фрекен Бок напрягла память:

— Как же это... ах да, вот как: «Берегись! Жизнь так коротка, а ты недостаточно серьезна!»

Судя по виду Малыша, он ничего не понял, да так оно и было.

Фрекен Бок решила объяснить ему, что все это значит.

— Понимаешь, это было предостережение Фриде, что, мол, надо измениться, обрести покой, вести более размеренную жизнь.

— И она изменилась? — спросил Малыш.

Фрекен Бок фыркнула:

— Конечно, нет, во всяком случае, я этого не вижу. Только и знает что хвастаться, считает себя звездой телевидения, хотя и выступала там всего один раз. Но теперь-то я уж знаю, как сбить с нее спесь.

Фрекен Бок потирала руки. Она несколько не волновалась из-за того, что сидит взаперти вместе с Малышом, — наконец-то она собьет спесь с Фриды. Она сияла как медный грош и все сравнивала свой опыт общения с привидениями с тем, что рассказывала Фрида по телевидению; этим она с увлечением занималась до тех пор, пока Боссе не пришел из школы.

— Боссе, открой дверь, выпусти нас! Я заперт вместе с домоу... с фрекен Бок.

Боссе отпер дверь — он был очень удивлен таким происшествием.

— Вот те раз! Кто же это вас здесь запер?

— Об этом ты вскоре услышишь по телевидению.

Но пускаться в более подробные объяснения ей было неко-

гда,— она и так не успела вовремя приготовить обед. Торопливым шагом пошла она на кухню.

В следующее мгновение там раздался громкий крик.

Малыш со всех ног кинулся вслед за ней.

Фрекен Бок сидела на стуле, она была еще бледнее прежнего. Молча указала на стену.

Оказывается, привидение сделало предупреждение не только Фриде. Фрекен Бок тоже получила предупреждение.

На стене было написано большими неровными буквами:

«Ну и плюшки! Деньги дерешь, а корицу жалеешь. Берегись!»

КАРЛСОН И ТЕЛЕВИЗОР

Папа пришел домой обедать и рассказал за столом о своем новом огорчении.

— Бедняжки, вам, видно, придется побыть несколько дней совсем одним. Мне надо срочно лететь по делам в Лондон. Я могу надеяться, что все будет в порядке?

— Конечно, в полном,— заверил его Малыш.— Если только ты не станешь под пропеллер.

— Да нет,— рассмеялся папа,— я спрашиваю про дом. Как вы здесь будете жить без меня и без мамы?

Боссе и Бетан тоже заверили его, что все будет в полном порядке. А Бетан сказала, что провести несколько дней без родителей даже забавно.

— Да, но подумайте о Малыше,— сказал папа.

Бетан нежно похлопала Малыша по светлой макушке.

— Я буду ему родной матерью,— заявила она.

Но папа этому не очень поверил, да и Малыш тоже.

— Тебя вечно нет дома, ты все бегаешь со своими мальчишками,— пробормотал он.

Боссе попытался его утешить:

— Зато у тебя есть я.

— Ну да, только ты всегда торчишь на стадионе в Остермальме, там ты у меня есть,— уточнил Малыш.

Боссе расхохотался:

— Итак, остается одна домомучительница. Она не бежит с мальчишками и не торчит на стадионе.

— Да, к сожалению,— сказал Малыш.

Малыш хотел было объяснить, какого он мнения о фрекен Бок. Но тут он вдруг обнаружил, что, оказывается, он на нее уже не сердится. Малыш даже сам изумился: ну ни капельки не сердится! Как это случилось? Выходит, достаточно просидеть с человеком взаперти часа два, и ты готов с ним примириться. Не то чтобы он вдруг полюбил фрекен Бок — о, нет! — но он все же стал отно-

ситься к ней гораздо добрее. Бедняжка, ей приходится жить с этой Фридой! Уж кто-кто, а Малыш хорошо знает, что значит иметь сестру с тяжелым характером. А ведь Бетан еще не хва-стается, как эта Фрида, что выступала по телевидению.

— Я не хотел бы, чтобы вы ночью были одни,— сказал папа.— Придется спросить фрекен Бок, не согласится ли она ночевать здесь, пока меня не будет.

— Теперь мне мучиться с ней не только днем, но и ночью,— сокрушенно заметил Малыш. Но в глубине души он чувствовал, что все же лучше, если кто-нибудь будет жить с ними, пусть даже домомучительница.

Фрекен Бок с радостью согласилась пожить с детьми. Когда они остались вдвоем с Малышом, она объяснила ему, почему она это сделала так охотно.

— Понимаешь, ночью привидений бывает больше всего, и я смогу собрать у вас такой материал для телевизионной передачи, что Фрида упадет со стула, когда увидит меня на экране!

Малыш был всем этим очень встревожен. Его мучила мысль, что фрекен Бок в отсутствие папы приведет в дом массу людей с телевидения и что кто-нибудь из них пронюхает про Карлсона и — ой, подумать страшно! — сделает о нем передачу, потому что ведь никаких привидений в доме нет. И тогда придет конец их мирной жизни, которой мама и папа так дорожат. Малыш понимал, что он должен предостеречь Карлсона и попросить его быть поосторожнее.

Однако ему удалось это сделать только на завтра вечером. Он был дома один. Папа уже улетел в Лондон, Боссе и Бетан ушли каждый по своим делам, а фрекен Бок отправилась к себе домой, на Фрёйгатен, узнать у Фриды, посещали ли ее новые привидения.

— Я скоро вернусь,— сказала она, уходя, Малышу.— А если в мое отсутствие появятся привидения, попроси их меня подождать, да не забудь предложить им сесть, ха-ха-ха!

Фрекен Бок теперь почти не сердилась, она все время смеялась. Правда, иногда она все же ругала Малыша, но он был ей благодарен уже за то, что это случалось лишь изредка. Она и на этот раз ушла в приподнятом настроении. Малыш долго еще слышал ее шаги на лестнице — от них стены дрожали.

Вскоре в окно влетел Карлсон.

— Привет, Малыш! Что мы сегодня будем делать? — спросил он.— Нет ли у тебя паровой машины, чтобы ее взорвать, или домомучительницы, чтобы ее низводить? Мне все равно, что делать, но я хочу позабавиться, а то я не играю!

— Мы можем посмотреть телевизор,— предложил Малыш.

Представьте себе, Карлсон просто понятия не имел, что такое телевидение! Он в жизни не видел телевизора! Малыш повел его

в столовую и с гордостью показал их новый, прекрасный телевизор.

— Погляди!

— Это что еще за коробка? — спросил Карлсон.

— Это не коробка, это телевизор, — объяснил Малыш.

— А что сюда кладут? Плюшки?

Малыш расхохотался.

— Подожди, сейчас увидишь, что это такое.

Он включил аппарат, и тут же на стеклянном экране появился дяденька, который рассказывал, какая погода в Нурланде.

Глаза Карлсона стали круглыми от удивления.

— Как это вы умудрились его засунуть в этот ящик?

Малыш давился от смеха.

— Тебя это удивляет? Он залез сюда, когда был еще маленький, понимаешь?

— А на что он вам нужен? — не унимался Карлсон.

— Ах, ты не понимаешь, что я шучу! Конечно, он не залезал сюда, когда был маленьким, и нам он ни на что не нужен. Просто он появляется здесь и рассказывает, какая завтра будет погода. Он, как старик-лесовик, все знает, ясно?

Карлсон захихикал.

— Вы запихали вот этого дяденьку в ящик только для того, чтобы он вам рассказывал, какая завтра будет погода... С тем же успехом вы можете и меня спросить!.. Будет гром, и дождь, и град, и буря, и землетрясение — теперь ты доволен?

— Вдоль побережья Нурланда завтра ожидается буря с дождем, — сказал «лесовик» в телевизоре.

Карлсон захохотал еще пуще прежнего.

— Ну вот, и я говорю... буря с дождем.

Он подошел вплотную к телевизору и прижался носом к носу «старика-лесовика».

— Не забудь сказать про землетрясение! Бедные нурландцы, ну и погоду он им пророчит, не позавидуешь! Но, с другой стороны, пусть радуются, что у них будет хоть какая-нибудь. Подумай, что было бы, если бы им пришлось обходиться вообще без погоды. — Он дружески похлопал дяденьку на экране. — Какой миленький старичок! — сказал он. — Да он меньше меня. Он мне нравится.

Потом Карлсон опустился на колени и осмотрел низ телевизора:

— А как же он все-таки сюда попал?

Малыш попытался объяснить, что это не живой человек, а только изображение, но Карлсон даже рассердился:

— Ты меня не учи, балда! Не глупей тебя! Сам понимаю, это такой особый человечек. Да и с чего обычные люди стали бы говорить, какая будет погода в Нурланде?

Малыш мало что знал о телевидении, но он всё же очень старался объяснить Карлсону, что это такое. А кроме того, он хотел предостеречь Карлсона от грозящей ему опасности.

— Ты и представить себе не можешь, до чего фрекен Бок хочет попасть в телевизор, — начал он.

Но Карлсон прервал его новым взрывом хохота:

— Домомучительница хочет залезть в такую маленькую коробочку?! Такая громадина! Да ее пришлось бы сложить вчетверо!

Малыш вздохнул. Карлсон явно ничего не понял. Малыш начал объяснять все сначала. Особым успехом эта попытка не увенчалась, но в конце концов ему все же удалось втолковать Карлсону, как удивительно действует эта штуковина.

— Чтобы попасть в телевизор, фрекен Бок вовсе не надо самой лезть в ящик, она может преспокойно сидеть себе в нескольких милях от него, и все же она будет видна на экране как живая, — объяснил Малыш.

— Домомучительница... как живая... вот ужас! — воскликнул Карлсон. — Лучше разбей этот ящик либо сменяй его на другой, полный плюшек, они нам пригодятся.

Как раз в этот момент на экране появилось личико хорошенькой дикторши. Она так приветливо улыбалась, что Карлсон широко открыл глаза.

— Пожалуй, надо еще подумать, — сказал он. — Во всяком случае, уж если менять, то только на очень свежие плюшки. Потому что я вижу, этот ящик ценней, чем сперва кажется.

Дикторша продолжала улыбаться Карлсону, и он улыбался ей в ответ. Потом он оттолкнул Малыша в сторону:

— Погляди только на нее! Я ей нравлюсь, да-да, она ведь видит, что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил.

Вдруг дикторша исчезла. Вместо нее на экране возникли два серьезных полных господина, которые все болтали и болтали. Карлсону это пришлось не по душе. Он начал нажимать на все кнопки и вертеть все ручки.

— Не крути, этого нельзя делать, — сказал Малыш.

— Как так — нельзя? Я хочу выкрутить обратно ту милую девушку, — сказал Карлсон.

Он крутил ручки во все стороны, но дикторша не появлялась. Добился он только того, что полные господа стали на глазах еще больше полнеть, ноги у них сделались короткими-прекороткими, а лбы нелепо вытянулись. Эти изменения очень развеселили Карлсона — он довольно долго забавлялся такой игрой с телевизором.

— Старики во всем слушаются моей команды, — сказал он с довольным видом.

А господа на экране, меняя облик, продолжали без умолку болтать, пока Карлсон им не помешал.

— Я лично считаю...— начал один из них.

— А какое мне дело, что ты считаешь? — перебил его Карлсон.— Отправляйся-ка лучше домой и ложись спать!

Он с треском выключил аппарат и радостно засмеялся.

— Вон он, наверно, разозлился! Так я и не дал ему сказать, что он лично считает!

Телевизор явно надоел Карлсону, он уже жаждал новых развлечений.

— Где домомучительница? Позови ее, я ее разыграю.

— Разыграешь... это как? — с тревогой спросил Малыш.

— Существуют три способа укрощать домомучительниц,— объяснил Карлсон.— Их можно низводить, дразнить и разыгрывать. Собственно говоря, все это одно и то же, но разыгрывать — самый прямой путь борьбы с ними.

Малыш встревожился еще больше. Если Карлсон вступит в прямую борьбу с фрекен Бок, она его непременно увидит, а именно этого не должно случиться. Пока папа и мама в отъезде, Малыш, как бы ему ни было трудно, обязан помешать этой встрече. Надо как-то напугать Карлсона, чтобы он сам старался не попадаться на глаза фрекен Бок. Малыш подумал, а потом сказал не без лукавства:

— Карлсон, ты, видно, хочешь попасть в телевизор?

Карлсон энергично замотал головой.

— В этот вот ящик? Я? Ни за что на свете! Пока я буду в силах защищаться, меня туда не затащат.— Но он тут же задумался и добавил: — Хотя, может быть... Если я там оказался бы рядом с этой милой девчонкой...

Малыш стал уверять его, что на это надеяться нечего. Напротив, если он попадет в телевизор, то не иначе как с домомучительницей. Карлсон вздрогнул.

— Домомучительница и я в такой маленькой коробке?.. Ой, ой! Вот тут-то и произойдет землетрясение в Нурланде! Как только тебе в голову взбрела такая дурацкая мысль?

Тогда Малыш рассказал ему о намерениях фрекен Бок сделать для телевидения передачу о привидениях, да еще такую, чтобы Фрида со стула упала.

— Разве домомучительница видела у вас привидения? — удивился Карлсон.

— Нет, видеть не видела,— сказал Малыш,— но слышала, как оно мычало перед окном. Понимаешь, она решила, что ты — привидение.

И Малыш стал объяснять, какая связь между Фридой, домомучительницей и Карлсоном, но он жестоко ошибся в своих расчетах.

Карлсон опустился на колени и немножко повыл от удовольствия, а кончив выть, хлопнул Малыша по спине:

— Береги домомучительницу! Она самая ценная мебель в вашем доме. Береги как зеницу ока! Потому что теперь мы и в самом деле сумеем позабавиться.

— А как? — с испугом спросил Малыш.

— О! — вопил Карлсон. — Не одна только Фрида упадет со стула. Все телевизионные старики и вообще все на свете бледнеет перед тем, что вы увидите!

Малыш встревожился еще больше.

— Что же мы увидим?

— Маленькое привидение из Вазастана! — провозгласил Карлсон и загорланил: — Гоп, гоп, ура!

И тут Малыш сдался. Он предостерег Карлсона, он честно пытался поступить так, как хотели папа и мама. Но теперь пусть будет так, как хочет Карлсон. Все равно в конце концов всегда все получается по его. Пусть Карлсон выкидывает любые штуки, изображает привидение и разыгрывает фрекен Бок сколько ему будет угодно. Малыш больше не собирается его останавливать. А приняв это решение, он подумал, что они и в самом деле смогут позабавиться на славу. Он вспомнил, как однажды Карлсон уже изображал привидение и прогнал воров, которые хотели украсть мамины деньги на хозяйство и все столовое серебро. Карлсон тоже не забыл этого случая.

— Помнишь, как нам тогда было весело? — спросил он. — Да, кстати, где же мой привиденческий костюм?

Малышу пришлось сказать, что его взяла мама. Она очень сердилась тогда из-за испорченной простыни. Но потом она поставила заплатки и снова превратила привиденческий костюм в простыню. Карлсон фыркнул от возмущения:

— Меня просто бесит эта любовь к порядку! В вашем доме ничего нельзя оставить. — Он сел на стул и надулся. — Нет, так дело не пойдет, так я не играю. Можешь сам стать привидением, если хочешь.

Но он тут же вскочил со стула, подбежал к бельевому шкафу и распахнул дверцы:

— Здесь наверняка найдется еще какая-нибудь простынка.

И он вытащил было одну из лучших маминых льняных простынь, но Малыш остановил его:

— О нет, эту не надо! Положи ее... Вот тут есть и старые, чиненые.

Карлсон скорчил недовольную мину:

— Старые, чиненые простыни! Я думал, маленькое привидение из Вазастана должно щеголять в нарядных воскресных одеждах. Впрочем... раз уж у вас такой дом... давай сюда эти лохмотья.

Малыш вынул две старенькие простыни и дал их Карлсону:
— Если ты их сошьешь, то вполне может получиться одежда для привидения.

Карлсон угрюмо стоял с простынями в руках.

— Если я их сошью? Ты хочешь сказать, если ты их сошьешь... Давай полетим ко мне, чтобы домомучительница не застала нас врасплох!

Около часа Малыш сидел у Карлсона и шил костюм для привидения. В школе на уроках труда он научился шить разными стежками, но никто никогда не учил его, как из двух стареньких простынь сшить приличный костюм для привидения. Это ему пришлось продумать самому.

Он, правда, попытался было обратиться за помощью к Карлсону.

— Ты бы хоть скроил,— попросил Малыш.

Но Карлсон покачал головой.

— Уж если что кроить, то я охотнее всего раскроил бы твою маму! Да, да! Зачем это ей понадобилось загубить мой привиденческий костюм? Теперь ты должен сшить мне новый. Это только справедливо. Ну, живей за дело и, пожалуйста, не ной!

Для пущей убедительности Карлсон добавил, что ему и некогда шить, потому что он намерен срочно нарисовать картину.

— Всегда надо все бросать, если тебя посетило вдохновение, понимаешь, а меня оно сейчас посетило. «Ла, ла, ла»,— поет что-то во мне, и я знаю, что это вдохновение.

Малыш не знал, что это за штука такая — вдохновение. Но Карлсон объяснил ему, что вдохновение охватывает всех художников, и тогда им хочется только рисовать, рисовать и рисовать, вместо того чтобы шить одежды для привидения.

И Малышу ничего не оставалось, как сесть на верстак, согнув спину и поджав ноги, словно заправский портной, и шить, в то время как Карлсон, забившись в угол, рисовал свою картину.

Уже совсем стемнело, но в комнате Карлсона было светло, тепло и уютно — горела керосиновая лампа, а в камине пылал огонь.

— Надеюсь, ты в школе не ленился на уроках труда,— сказал Карлсон.— Потому что я хочу получить красивый костюм для привидения. Учти это. Вокруг шеи можно бы сделать небольшой воротничок или даже оборки.

Малыш ничего не ответил. Он усердно шил, огонь в камине потрескивал, а Карлсон рисовал.

— А что ты, собственно говоря, рисуешь? — спросил Малыш, нарушая воцарившуюся тишину.

— Увидишь, когда все будет готово,— ответил Карлсон.

Наконец Малыш смастерил какую-то одежду.

«Пожалуй, для привидения сойдет», — подумал он. Карлсон померил и остался очень доволен. Он сделал несколько кругов по комнате, чтобы Малыш мог как следует оценить его костюм.

Малыш содрогнулся. Ему показалось, что Карлсон выглядит на редкость таинственно — совсем по-привиденчески.

Бедная фрекен Бок, она увидит такое привидение, которое хоть кого испугает!

— Домомучительница может тут же посылать за дяденьками из телевизора, — заявил Карлсон. — Потому что сейчас внизу появится малютка привидение из Вазастана — моторизованное, дикое, прекрасное и ужасно, ужасно опасное.

Карлсон снова облетел комнату и даже закудахтал от удовольствия. О своей картине он и думать забыл. Малыш подошел к камину поглядеть, что же Карлсон нарисовал. Внизу было написано неровными буквами: «Портрет моего кролика». Но Карлсон нарисовал маленького красного зверька, скорее напоминающего лисицу.

— Разве это не лисица? — спросил Малыш.

Карлсон спланировал на пол и стал рядом с ним. Склонив голову набок, любовался он своей картиной.

— Да, конечно, это лисица. Без всякого сомнения, это лисица, да к тому же сделанная лучшим в мире рисовальщиком лисиц.

— Да, но... Ведь здесь написано: «Портрет моего кролика»... Так где ж он, этот кролик?

— Она его съела? — сказал Карлсон.

ЗВОНОК КАРЛСОНА

На следующее утро Боссе и Бетан проснулись с какой-то странной сыпью по всему телу.

— Скарлатина, — сказала фрекен Бок.

То же самое сказал доктор, которого она вызвала.

— Скарлатина! Их надо немедленно отправить в больницу! Потом доктор показал на Малыша:

— А его придется пока изолировать.

Услышав это, Малыш заплакал. Он вовсе не хотел, чтобы его изолировали. Правда, он не знал, что это такое, но самое слово звучало отвратительно.

— Балда, — сказал Боссе, — ведь это значит только, что ты пока не будешь ходить в школу и встречаться с другими детьми. Чтобы никого не заразить, понятно?

Бетан лежала и тоже плакала.

— Бедный Малыш, — сказала она, глотая слезы. — Как тебе будет тоскливо! Может, позвонить маме?

Но фрекен Бок и слушать об этом не хотела.

— Ни в коем случае,— заявила она.— Фру Свантесон нуждается в покое и отдыхе. Не забывайте, что она тоже больна. Уж как-нибудь я с ним сама справлюсь.

При этом она кивнула зареванному Малышу, который стоял у кровати Бетан.

Но толком поговорить они так и не успели, потому что приехала карета «скорой помощи». Малыш плакал. Конечно, он иногда сердился на брата и сестру, но ведь он их так любил! И ему было очень грустно оттого, что Боссе и Бетан увозят в больницу.

— Привет, Малыш,— сказал Боссе, когда санитары понесли его вниз.

— До свиданья, дорогой братик, не горюй! Ведь мы скоро вернемся,— сказала Бетан.

Малыш разрыдался.

— Ты только так говоришь! А вдруг вы умрете?

Фрекен Бок накинулась на него. Как можно быть таким глупым! Да разве от скарлатины умирают!

Когда «скорая помощь» уехала, Малыш пошел к себе в комнату. Ведь там был Бимбо. И Малыш взял щенка на руки.

— Теперь у меня остался только ты,— сказал Малыш и крепко прижал Бимбо к себе.— Ну и конечно, Карлсон.

Бимбо прекрасно понял, что Малыш чем-то огорчен. Он лизнул его в нос, словно хотел сказать: «Да, я у тебя есть. Это точно. И Карлсон тоже!»

Малыш сидел и думал о том, как чудесно, что у него есть Бимбо. И все же он так скучал по маме. И тут он вспомнил, что обещал ей написать письмо. И решил, не откладывая, сразу же за это взяться.

Дорогая мама,— начал он.— Похоже, что нашей семье пришел конец Боссе и Бетан больны какой-то тиней и их увезли в больницу а меня изолировали это совсем не болно но я конечно заболею этой тиней а папа в Лондоне жив ли он теперь не знаю хотя пока не слышно что он заболел но наверно болен раз все наши больны я скучаю по тебе как ты себя чувствуешь ты очень больна или не очень разговаривать я могу толко с Карлсоном но я стараюсь говорить поменьше потому что ты будешь волноваться а тебе надо покой говорит домомучительница она не болна и Карлсон тоже но и они скоро заболеют прощай мамочка будь здорова.

— Подробно я писать не буду,— объяснил Малыш Бимбо,— потому что не хочу ее пугать.

Он подошел к окну и позвонил Карлсону. Да, да, он в самом деле позвонил. Дело в том, что накануне вечером Карлсон сделал

одну очень замысловатую штуку: он провел звонок между своим домиком на крыше и комнатой Малыша.

— Привидение не должно появляться с бухты-барахты, — сказал Карлсон. — Но теперь Карлсон подарил тебе лучший в мире звонок, и ты всегда сможешь позвонить и заказать привидение как раз в тот момент, когда домомучительница сидит в засаде и высматривает, не видно ли в темноте чего-нибудь ужасного. Вроде меня, например.

Звонок был устроен таким образом: под карнизом своего домика Карлсон прибил колокольчик — из тех, что подвязывают коровам, — а шнур от него протянул к окну Малыша.

— Ты дергаешь за шнур, — объяснил Карлсон, — у меня наверху звякает колокольчик, и тут же к вам прилетает малютка привидение из Вазастана, и домомучительница падает в обморок. Колоссально, да?

Конечно, это было колоссально, Малыш тоже так думал. И не только из-за игры в привидение. Раньше ему подолгу приходилось ждать, пока не появится Карлсон. А теперь достаточно было дернуть за шнурок, и он тут как тут.

И вдруг Малыш почувствовал, что ему во что бы то ни стало надо поговорить с Карлсоном. Он дернул за шнурок раз, другой, третий... С крыши донеслось звяканье колокольчика. Вскоре послышалось жужжание моторчика, и Карлсон влетел в окно. Видно было, что он не выспался и что настроение у него прескверное.

— Ты, наверно, думаешь, что это не колокольчик, а будильник? — проворчал он.

— Прости, — сказал Малыш, — я не знал, что ты спишь.

— Вот и узнал бы прежде, чем будить. Сам небось дрыхнешь, как сурок, и не можешь понять таких, как я, которым за ночь ни на минуту не удастся сомкнуть глаз. И когда человек наконец хоть ненадолго забывается сном, он вправе ожидать, что друг будет оберегать его покой, а не трезвонить почему зря, словно пожарная машина...

— Разве ты плохо спишь? — спросил Малыш.

Карлсон угрюмо кивнул.

— Представь себе, да.

«Как это печально», — подумал Малыш и сказал:

— Мне так жаль... У тебя в самом деле так плохо со сном?

— Хуже быть не может, — ответил Карлсон. — Собственно говоря, ночью я сплю беспробудно и перед обедом тоже, а вот после обеда дело обстоит из рук вон плохо, лежу с открытыми глазами и ворочаюсь с боку на бок.

Карлсон умолк, бессонница, видно, его доконала, но мгновение спустя он с живым интересом принялся оглядывать комнату.

— Правда, если бы я получил небольшой подарочек, то, может, перестал бы огорчаться, что ты меня разбудил.

Малыш не хотел, чтобы Карлсон сердился, и стал искать, что бы ему подарить.

— Вот губная гармошка. Может, хочешь ее?

Карлсон схватил гармошку:

— Я всегда мечтал о музыкальном инструменте, спасибо тебе за этот подарок... Ведь контрабаса у тебя, наверно, все равно нет?

Он приложил гармошку к губам, издал несколько ужасающих трелей и посмотрел на Малыша сияющими глазами:

— Слышишь? Я сейчас сочиню песню под названием «Плач малютки привидения».

Малыш подумал, что для дома, где все больны, подходит печальная мелодия, и рассказал Карлсону про скарлатину.

Но Карлсон возразил, что скарлатина — дело житейское и беспокоиться здесь ровным счетом не о чем. Да и к тому же очень удачно, что болезнь отправила Боссе и Бетан в больницу именно в тот день, когда в доме появится привидение.

Едва он успел все это сказать, как Малыш вздрогнул от испуга, потому что услышал за дверью шаги фрекен Бок. Было ясно, что домомучительница вот-вот окажется в его комнате. Карлсон тоже понял, что надо срочно действовать. Недолго думая он плюхнулся на пол и, словно колобок, покатился под кровать. Малыш в тот же миг сел на кровать и набросил на колени свое купальное полотенце, так что его края, спадая на пол, с грехом пополам скрывали Карлсона.

Тут дверь открылась, и в комнату вошла фрекен Бок с половой щеткой и совком в руках.

— Я хочу убрать твою комнату,— сказала она.— Пойди-ка на кухню.

Малыш так разволновался, что стал пунцовым.

— Не пойду,— заявил он.— Меня ведь изолировали, вот я и буду здесь сидеть.

Фрекен Бок посмотрела на Малыша с раздражением:

— Погляди, что у тебя делается под кроватью,— сказала она.

Малыш разом вспотел... Неужели она уже обнаружила Карлсона?

— Ничего у меня под кроватью нет...— пробормотал он.

— Ошибаешься,— оборвала его фрекен Бок.— Там скопились целые горы пыли. Дай мне подмести. Марш отсюда!

Но Малыш уперся:

— А я все равно буду сидеть на кровати, раз меня изолировали!

Ворча, фрекен Бок начала подметать другой конец комнаты.

— Сиди себе на кровати сколько влезет, пока я не дойду до нее, но потом тебе придется убраться отсюда и изолировать себя где-нибудь еще, упрямый мальчишка!

Малыш грыз ногти и ломал себе голову: что же делать? Но вдруг он заерзал на месте и захихикал, потому что Карлсон стал его щекотать под коленками, а он так боялся щекотки.

Фрекен Бок вытаращила глаза.

— Так-так, смейся, бесстыдник! Мать, брат и сестра тяжело больны, а ему все нипочем. Правду люди говорят: с глаз долой — из сердца вон!

А Карлсон щекотал Малыша все сильнее, и Малыш так хохотал, что даже повалился на кровать.

— Нельзя ли узнать, что тебя так рассмешило? — хмуро спросила фрекен Бок.

— Ха-ха-ха... — Малыш едва мог слово вымолвить. — Я вспомнил одну смешную штуку.

Он весь напрягся, сиюсь вспомнить хоть что-нибудь смешное.

— ...Однажды бык гнался за лошастью, а лошадь так перепугалась, что со страху залезла на дерево... Вы не знаете этого рассказа, фрекен Бок?

Боссе часто рассказывал эту историю, но Малыш никогда не смеялся, потому что ему всегда было очень жалко бедную лошадь, которой пришлось лезть на дерево.

Фрекен Бок тоже не смеялась.

— Не заговаривай мне зубы! Дурацкие рассказы! Виданное ли дело, чтобы лошади лазили по деревьям?

— Конечно, они не умеют, — согласился Малыш, повторяя слово в слово то, что говорил Боссе. — Но ведь за ней гнался разъяренный бык, так что же, черт возьми, ей оставалось делать?

Боссе утверждал, что слово «черт» можно произнести, раз оно есть в рассказе. Но фрекен Бок так не считала. Она с отвращением посмотрела на Малыша:

— Расселся тут, хохочет, сквернословит, в то время как мать, сестра и брат лежат больные и мучаются. Диву даешься, что за...

Малыш так и не узнал, чему она диву дается, потому что в этот миг раздалась песня «Плач малютки привидения» — всего лишь несколько резких трелей, которые зазвучали из-под кровати, но и этого было достаточно, чтобы фрекен Бок подскочила на месте.

— Боже праведный, что это такое?

— Не знаю, — сказал Малыш.

Зато фрекен Бок знала!

— Это звуки потустороннего мира. Ясно как божий день.

— А что это значит «потустороннего мира»? — спросил Малыш.

— Мира привидений, — сказала фрекен Бок. — В этой комнате находимся только мы с тобой, но никто из нас не мог бы издать такие странные звуки. Это звуки не человеческие, это звуки

привидений. Разве ты не слышал?.. Это вопли души, не нашедшей покоя.

Она поглядела на Малыша широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Боже праведный, теперь я просто обязана написать на телевидение.

Фрекен Бок отшвырнула щетку и совок, села за письменный стол Малыша, взяла бумагу, ручку и принялась писать.

Писала она долго и упорно.

— Послушай-ка, что я написала,— сказала она, закончив письмо.— «Шведскому радио и телевидению. Моя сестра Фрида Бок выступала в вашем цикле передач о духах и привидениях. Не думаю, чтобы эта передача была хорошей, потому что Фриде чудится все, что ей хочется. Но, к счастью, все всегда можно исправить, и эту передачу тоже. Потому что теперь я сама живу в доме, битком набитом привидениями. Вот список моих встреч с духами:

1. Из нашего кухонного окна раздалось странное мычание, которое не могла издать корова, поскольку мы живем на четвертом этаже. Значит, этот звук был просто похож на мычание.

2. Таинственным образом исчезают из-под самого носа разные вещи, как-то: сдобные плюшки и маленькие, запертые на замок мальчики.

3. Дверь оказывается запертой снаружи, в то время как я нахожусь в комнате,— ума не приложу, как это происходит!

4. На кухонной стене таинственным образом появляются надписи.

5. Неожиданно раздаются какие-то душераздирающие звуки, от которых хочется плакать.

Приезжайте сюда не откладывая, может получиться такая передача, что все о ней будут говорить.

С глубоким уважением
Х и л ь д у р Б о к.

И как это только вам могла прийти мысль пригласить Фриду выступать по телевидению?»

Фрекен Бок, исполненная рвения, тут же побежала отправить письмо. Малыш заглянул под кровать, чтобы выяснить, что же делает Карлсон. Он преспокойно лежал там, и глаза его сияли. Он выполз веселый и довольный.

— Ого-го! — завопил он.— Дождемся вечера. Когда стемнеет, у домомучительницы и в самом деле появится материальчик для письма на телевидение.

Малыш снова начал смеяться и нежно посмотрел на Карлсона.

— Оказывается, быть изолированным очень весело, если изолирован вместе с тобой,— сказал Малыш.

Тут он вспомнил о Кристере и Гунилле. Собственно говоря,

он должен был бы огорчиться, что некоторое время не сможет с ними играть, как обычно.

«Неважно,— подумал Малыш.— Играть с Карлсоном все равно веселей».

Но Карлсон тут заявил, что больше играть ему некогда. Он сказал, что ему надо срочно лететь домой, приделать к моторчику глушитель.

— Нельзя, чтобы привидение из Вазастана прилетело, громяхая, как железная бочка. Понимаешь? Привидение должно появиться беззвучно и таинственно, как и положено привидению. Тогда у домомучительницы волосы встанут дыбом.

Потом Карлсон и Малыш договорились о тайной системе сигналов, которые будут передаваться с помощью звонков.

— Один звонок — это «Немедленно прилетай!», два звонка — «Ни в коем случае не прилетай!», а три звонка — значит «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человечек, как ты, лучший в мире Карлсон!».

— А зачем мне для этого звонить? — удивился Малыш.

— А затем, что друзьям надо говорить приятные и ободряющие вещи примерно каждые пять минут, а ты сам понимаешь, что я не могу прилетать к тебе так часто.

Малыш задумчиво поглядел на Карлсона:

— Я ведь тоже твой друг, да? Но я не помню, чтобы ты говорил мне что-нибудь в этом роде.

Карлсон рассмеялся:

— Как ты можешь сравнивать? Да кто ты есть?.. Ты всего-навсего глупый мальчишка, и все...

Малыш молчал. Он знал, что Карлсон прав.

— Но ты все-таки любишь меня?

— Конечно, люблю, честное слово! — воскликнул Карлсон. — Сам не знаю за что, хотя и ломал голову над этим, когда лежал после обеда и мучился бессонницей.— Он потрепал Малыша по щеке.— Конечно, я тебя люблю и я даже догадываюсь почему. Потому, что ты так не похож на меня, бедный мальчуган!

Он вылетел в окно и на прощание помахал Малышу.

— А если ты опять начнешь трезвонить, как пожарная машина,— крикнул он,— то это будет означать, что либо и в самом деле пожар, либо: «Я тебя снова разбудил, дорогой Карлсон, лети скорее ко мне да прихвати с собой мешок побольше, чтобы положить в него мои игрушки... Я тебе их дарю!»

На этом Карлсон улетел.

А Бимбо лег на пол перед Малышом и принялся энергично стучать хвостом по ковру. Щенок так делал всегда, когда хотел показать, что он чему-то очень рад и просит уделить ему немного внимания. Малыш улегся на пол рядом с ним. Тогда Бимбо вско-

чил и даже затыкал от удовольствия. Потом он уткнулся в плечо Малыша и закрыл глаза.

— Ты радуешься, что меня изолировали, что я не хожу в школу, а сижу дома? — спросил Малыш. — Ты, Бимбо, наверно, думаешь, что я самый лучший в мире...

МАЛЮТКА ПРИВИДЕНИЕ ИЗ ВАЗАСТАНА

День для Малыша тянулся бесконечно долго, он провел его совсем один и никак не мог дожидаться вечера.

«Похоже на сочельник», — подумал он.

Он играл с Бимбо, возился с марками и даже немного позанимался арифметикой, чтобы не отстать от ребят в классе. А когда Кристер должен был, по его расчетам, вернуться из школы, он позвонил ему по телефону и рассказал о скарлатине.

— Я не могу ходить в школу, потому что меня изолировали, понимаешь?

Это звучало очень заманчиво — так считал сам Малыш, и Кристер, видно, тоже так считал, потому что он даже не сразу нашелся что ответить.

— Расскажи это Гунилле, — добавил Малыш.

— А тебе не скучно? — спросил Кристер, когда к нему вернулся дар речи.

— Ну что ты! У меня ведь есть... — начал Малыш, но тут же осекся.

Он хотел было сказать: «Карлсон», но не сделал этого из-за папы. Правда, прошлой весной Кристер и Гунилла несколько раз видели Карлсона, но это было до того, как папа сказал, что о нем нельзя говорить ни с кем на свете.

«Может быть, Кристер и Гунилла давно о нем забыли, вот бы хорошо! — думал Малыш. — Тогда он стал бы моим личным тайным Карлсоном». И Малыш поторопился попрощаться с Кристером.

— Привет, мне сейчас некогда с тобой разговаривать, — сказал он.

Обедать вдвоем с фрекен Бок было совсем скучно, но зато она приготовила очень вкусные тефтели. Малыш уплетал за двоих. На сладкое он получил яблочную запеканку с ванильным соусом. И он подумал, что фрекен Бок, может быть, не так уж плоха.

«Лучшее, что есть в домомучительнице, — это яблочная запеканка, а лучшее в яблочной запеканке — это ванильный соус, а лучшее в ванильном соусе — это то, что я его ем», — думал Малыш.

И все же это был невеселый обед, потому что столько мест за столом пустовало. Малыш скучал по маме, по папе, по Боссе и по Бетан — по всем вместе и по каждому отдельно. Нет, обед был совсем невеселый, к тому же фрекен Бок без умолку болтала о Фриде, которая уже успела изрядно надоесть Малышу.

Но вот наступил вечер. Была ведь осень, и темнело рано. Малыш стоял у окна своей комнаты, бледный от волнения, и глядел на звезды, мерцавшие над крышами. Он ждал. Это было хуже, чем сочельник. В сочельник тоже устаешь ждать, но разве это может сравниться с ожиданием прилета маленького привидения из Вазастана!.. Куда там! Малыш в нетерпении грыз ногти. Он знал, что там, наверху, Карлсон тоже ждет. Фрекен Бок уже давно сидела на кухне, опустив ноги в таз с водой, — она всегда подолгу принимает ножные ванны. Но потом она придет к Малышу пожелать ему спокойной ночи, это она обещала. Вот тут-то и надо подать сигнал. И тогда — о боже праведный, как всегда говорила фрекен Бок, — о боже праведный, до чего же это было захватывающе!

— Если ее еще долго не будет, я лопну от нетерпения, — пробормотал Малыш.

Но вот она появилась. Прежде всего Малыш увидел в дверях ее большие, чисто вымытые босые ноги. Малыш затрепетал, как пойманная рыбка, так он испугался, хотя ждал ее и знал, что она сейчас придет.

Фрекен Бок мрачно поглядела на него.

— Почему ты стоишь в пижаме у открытого окна? Немедленно марш в постель!

— Я... я глядел на звезды, — пробормотал Малыш. — А вы, фрекен Бок, не хотите на них взглянуть?

Это он так схитрил, чтобы заставить ее подойти к окну, а сам тут же незаметно сунул руку под занавеску, за которой был спрятан шнур, и дернул его изо всех сил. Он услышал, как на крыше зазвенел колокольчик. Фрекен Бок это тоже услышала.

— Где-то там, наверху, звенит колокольчик, — сказала она. — Как странно!

— Да, странно! — согласился Малыш.

Но тут у него прямо дух захватило, потому что от крыши вдруг отделилось и медленно полетело по темному небу небольшое, белое, круглое привидение. Его полет сопровождался тихой и печальной музыкой. Да, ошибки быть не могло, заунывные звуки «Плача малютки привидения» огласили темную осеннюю ночь.

— Вот... О, гляди, гляди... Боже праведный! — воскликнула фрекен Бок.

Она побелела как полотно, ноги у нее подогнулись, и она плюхнулась на стул. А еще уверяла, что не боится привидений!

Малыш попытался ее успокоить.

— Да, теперь я тоже начинаю верить в привидения, — сказал он. — Но ведь это такое маленькое, оно не может быть опасным!

Однако фрекен Бок не слушала Малыша. Ее обезумевший взгляд был прикован к окну — она следила за причудливым полетом привидения.

— Уберите его! Уберите! — шептала она, задыхаясь.

Но маленькое привидение из Вазастана нельзя было убрать. Оно кружило в ночи, удалялось, вновь приближалось, то взмывая ввысь, то спускаясь пониже, и время от времени делало в воздухе небольшой кульбит. А печальные звуки не смолкали ни на мгновение.

«Маленькое белое привидение, темное звездное небо, печальная музыка — до чего все это красиво и интересно!» — думал Малыш.

Но фрекен Бок так не считала. Она вцепилась в Малыша: — Скорее в спальню, мы там спрячемся!

В квартире семьи Свантесон было пять комнат, кухня, ванная и передняя. У Босе, у Бетан и у Малыша были свои комнатки, мама и папа спали в спальне, а кроме того, была столовая, где они собирались все вместе. Теперь, когда мама и папа были в отъезде, фрекен Бок спала в их комнате. Окно ее выходило в сад, а окно комнаты Малыша — на улицу.

— Пошли, — шептала фрекен Бок, все еще задыхаясь, — пошли скорее, мы спрячемся в спальне.

Малыш сопротивлялся: нельзя же допустить, чтобы все сорвалось теперь, после такого удачного начала! Но фрекен Бок упрямо стояла на своем:

— Ну, живей, а то я сейчас упаду в обморок!

И как Малыш ни сопротивлялся, ему пришлось тащиться в спальню. Окно и там было открыто, но фрекен Бок кинулась к нему и с грохотом его запахнула. Потом она опустила шторы, задернула занавески, а дверь попыталась забаррикадировать мебелью. Было ясно, что у нее пропала всякая охота иметь дело с привидением, а ведь еще недавно она ни о чем другом не мечтала.

Малыш никак не мог этого понять, он сел на папину кровать, поглядел на перепуганную фрекен Бок и покачал головой.

— А Фрида, наверно, не такая трусиха, — сказал он наконец.

Но сейчас фрекен Бок и слышать не хотела о Фриде. Она продолжала придвигать всю мебель к двери — за комодом последовали стол, стулья и этажерка. Перед столом образовалась уже настоящая баррикада.

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны, — сказала фрекен Бок с удовлетворением.

Но тут из-под папиной кровати раздался глухой голос, в котором звучало еще больше удовлетворения:

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны! Мы заперты на ночь.

И маленькое привидение стремительно, со свистом вылетело из-под кровати.

— Помогите! — завопила фрекен Бок. — Помогите!

— Что случилось? — спросило привидение. — Мебель сами двигаете, да неужели помочь некому?

И привидение разразилось долгим глухим смехом. Но фрекен Бок было не до смеха. Она кинулась к двери и стала расшвыривать мебель. В мгновение ока разобрав баррикаду, она с громким криком выбежала в переднюю.

Привидение полетело следом, а Малыш побежал за ним. Последним мчался Бимбо и залиvisto лаял. Он узнал привидение по запаху и думал, что началась веселая игра. Привидение, впрочем, тоже так думало.

— Гей, гей! — кричало оно, летая вокруг головы фрекен Бок и едва не касаясь ее ушей.

Но потом оно немного поотстало, чтобы получилась настоящая погоня. Так они носились по всей квартире — впереди скакала фрекен Бок, а за ней мчалось привидение: в кухню и из кухни, в столовую и из столовой, в комнату Малыша и из комнаты Малыша, и снова в кухню, большую комнату, комнату Малыша, и снова, и снова...

Фрекен Бок все время вопила так, что в конце концов привидение даже попыталось ее успокоить:

— Ну, ну, ну, не реви! Теперь-то уж мы повеселимся всласть!

Но все эти утешения не возымели никакого действия. Фрекен Бок продолжала голосить и метаться по кухне. А там все еще стоял на полу таз с водой, в котором она мыла ноги. Привидение преследовало ее по пятам. «Гей, гей», — так и звенело в ушах; в конце концов фрекен Бок споткнулась о таз и с грохотом упала. При этом она издала вопль, похожий на вой сирены, но тут привидение просто возмутилось:

— Как тебе только не стыдно! Орешь как маленькая. Ты насмерть перепугала меня и соседей. Будь осторожней, не то сюда нагрянет полиция!

Весь пол был залит водой, а посреди огромной лужи барахталась фрекен Бок. Не пытаясь даже встать на ноги, она удивительно быстро поползла из кухни.

Привидение не могло отказать себе в удовольствии сделать несколько прыжков в тазу — ведь там уже почти не было воды.

— Подумаешь, стены чуть-чуть забрызгали, — сказало привидение Малышу. — Все люди, как правило, спотыкаются о тазы, так чего же она воет?

Привидение сделало последний прыжок и снова кинулось за фрекен Бок. Но ее что-то нигде не было видно. Зато на паркете в передней темнели отпечатки ступней.

— Домомучительница сбежала! — воскликнуло привидение. — Но вот ее мокрые следы. Сейчас увидим, куда они ведут. Угадай, кто лучший в мире следопыт!

Следы вели в ванную комнату. Фрекен Бок заперлась там, и в прихожую доносился ее торжествующий смех.

Привидение постучало в дверь ванной:

— Открой! Слышишь, немедленно открой!

Но за дверью раздавался только громкий, ликующий хохот.

— Открой! А то я не играю! — крикнуло привидение.

Фрекен Бок замолчала, но двери не открывала. Тогда привидение обернулось к Малышу, который все еще не мог отдышаться.

— Скажи ей, чтоб она открыла! Какой же интерес играть, если она будет так себя вести!

Малыш робко постучал в дверь.

— Это я, — сказал он. — Долго ли вы, фрекен Бок, собираетесь просидеть здесь взаперти?

— Всю ночь, — ответила фрекен Бок. — Я постелю себе в ванне все полотенца, чтобы там спать.

Тут привидение заговорило по-другому:

— Стели! Пожалуйста, стели! Делай все так, чтобы испортить нам удовольствие, чтобы расстроить нашу игру! Но угадай-ка, кто в таком случае немедленно отправится к Фриде, чтобы дать ей материал для новой передачи?

В ванной комнате долго царило молчание. Видно, фрекен Бок обдумывала эту ужасную угрозу. Но в конце концов она сказала жалким, умоляющим тоном:

— Нет-нет, пожалуйста, не делай этого!.. Этого я не вынесу.

— Тогда выходи! — сказала привидение. — Не то привидение тут же улетит на Фрейгатен. И твоя сестра Фрида будет снова сидеть в телевизоре, это уж точно!

Слышно было, как фрекен Бок несколько раз тяжело вздохнула. Наконец она позвала:

— Малыш! Приложи ухо к замочной скважине, я хочу тебе кое-что шепнуть по секрету.

Малыш сделал, как она просила.

Он приложил ухо к замочной скважине, и фрекен Бок прошептала ему:

— Понимаешь, я думала, что не боюсь привидений, а оказалось, что боюсь. Но ты-то храбрый! Может, попросишь, чтобы это привидение сейчас исчезло и явилось в другой раз? Я хочу к нему немного привыкнуть. Но главное, чтобы оно не посетило за это время Фриду! Пусть оно поклянется, что не отправится на Фрейгатен!

— Постараюсь, но не знаю, что получится,— сказал Малыш и обернулся, чтобы начать переговоры с привидением.

Но его и след простыл.

— Его нету! — крикнул Малыш.— Оно улетело к себе домой. Выходите.

Но фрекен Бок не решалась выйти из ванной, пока Малыш не обошел всю квартиру и не убедился, что привидения нигде нет.

Потом фрекен Бок, дрожа от страха, еще долго сидела в комнате Малыша. Но постепенно она пришла в себя и собралась с мыслями.

— О, это было ужасно...— сказала она.— Но подумай, какая передача для телевидения могла бы из этого получиться! Фрида в жизни не видела ничего похожего!

Она радовалась, как ребенок. Но время от времени вспоминала, как за ней по пятам гналось привидение, и содрогалась от ужаса.

— В общем, хватит с меня привидений,— решила она в конце концов.— Я была бы рада, если б судьба избавила меня от подобных встреч.

Едва она успела это сказать, как из шкафа Малыша послышалось что-то вроде мычания. И этого было достаточно, чтобы фрекен Бок вновь завопила:

— Слышишь? Клянусь, привидение притаилось у нас в шкафу! Ой, я, кажется, сейчас умру...

Малышу стало ее очень жаль, но он не знал, что сказать, чтобы ее утешить.

— Да нет...— начал он после некоторого раздумья,— это вовсе не привидение... Это... это... считайте, что это теленок. Да, будем надеяться, что это теленок.

Но тут из шкафа раздался голос:

— Теленок! Этого еще не хватало! Не выйдет! И не надейтесь!

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда выпорхнуло малютка привидение из Вазастана, одетое в белые одежды, которые Малыш сшил своими собственными руками. Глухо и таинственно вздыхая, оно взмыло к потолку и закружилось вокруг люстры.

— Гей, гей, я не теленок, а самое опасное в мире привидение!

Фрекен Бок кричала. Привидение описывало круги, оно порхало все быстрее и быстрее, все ужасней и ужасней вопила фрекен Бок, и все стремительней, в диком вихре, кружилось привидение.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Изощряясь в сложных фигурах, привидение сделало чересчур маленький круг, и его одежды зацепились за люстру.

Хлоп! — старенькие простыни тут же поползли, спали с

Карлсона и повисли на люстре, а вокруг нее летал Карлсон в своих обычных синих штанах, клетчатой рубашке и полосатых носках. Он был до того увлечен игрой, что даже не заметил, что с ним случилось. Он летал себе и летал, вздыхал и стонал по-привиденчески пуще прежнего. Но, завершая очередной круг, он вдруг заметил, что на люстре что-то висит и развевается от колебания воздуха, когда он пролетает мимо.

— Что это за лоскут вы повесили на лампу? — спросил он. — От мух, что ли?

Малыш только жалобно вздохнул:

— Нет, Карлсон, не от мух...

Тогда Карлсон поглядел на свое упитанное тело, увидел синие штанишки и понял, какая случилась беда, понял, что он уже не малютка привидение из Вазастана, а просто Карлсон.

Он неуклюже приземлился возле Малыша; вид у него был несколько сконфуженный.

— Ну да, — сказал он, — неудача может сорвать даже самые лучшие замыслы. Сейчас мы в этом убедились... Ничего не скажешь, это дело житейское!

Фрекен Бок, белая как мел, уставилась на Карлсона. Она судорожно глотала воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Но в конце концов она все же выдавила из себя несколько слов:

— Кто... кто... боже праведный, а это еще кто?

И Малыш сказал, едва сдерживая слезы:

— Это Карлсон, который живет на крыше.

— Кто это? Кто этот Карлсон, который живет на крыше? — задыхаясь, спросила фрекен Бок.

Карлсон поклонился:

— Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Представьте себе, это я.

КАРЛСОН НЕ ПРИВИДЕНИЕ, А ПРОСТО КАРЛСОН

Этот вечер Малыш запомнит на всю жизнь. Фрекен Бок сидела на стуле и плакала, а Карлсон стоял в сторонке, и вид у него был смущенный. Никто ничего не говорил, все чувствовали себя несчастными.

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени», — подумал Малыш, потому что мама часто так говорила. Это бывало, когда Боссе приносил домой сразу три двойки, или когда Бетан ныла, выпрашивая новую кожаную курточку на меху как раз в те дни, когда папа вносил деньги за телевизор, купленный в рассрочку, или когда Малыш разбивал в школе окно и родителям

надо было платить за огромное стекло. Вот в этих случаях мама обычно вздыхала и говорила:

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени!»

Именно такое чувство овладело сейчас Малышом. Ух, до чего же все нескладно вышло! Фрекен Бок безутешно рыдала, слезы катились градом. И из-за чего? Только из-за того, что Карлсон оказался не привидением.

— Подумать только! Эта телевизионная передача была уже у меня в кармане,— всхлипывая, сказала фрекен Бок и злобно поглядела на Карлсона.— А я-то, дура, специально ходила к себе домой и рассказала все Фриде...

Она закрыла лицо руками, громко зарыдала, и никто не слышал, что же она сказала Фриде.

— Но я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил,— сказал Карлсон, пытаюсь хоть чем-то ее утешить.— И меня можно показывать в этом ящике...

Фрекен Бок поглядела на Карлсона и злобно зашипела:

— «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина»! Да таких на телевидении хоть пруд пруди, с этим к ним и соваться нечего.

И она снова поглядела на Карлсона сердито и недоверчиво... А ведь этот маленький толстый мальчишка и впрямь похож на мужчину...

— Кто он, собственно говоря, такой? — спросила она Малыша.

И Малыш ответил истинную правду:

— Мой товарищ, мы с ним играем.

— Это я и без тебя знаю,— отрезала фрекен Бок и снова заплакала.

Малыш был удивлен: ведь папа и мама вообразили, что у них начнется кошмарная жизнь, если только кто-нибудь узнает о существовании Карлсона, что все тут же захотят его увидеть и его будут показывать по телевидению; но вот теперь, когда наконец его увидела посторонняя женщина, она льет слезы и уверяет, что раз Карлсон не привидение, он не представляет никакого интереса. А что на спине у него пропеллер и что он умеет летать — на это ей, видно, наплевать. А тут как раз Карлсон поднялся к потолку и принялся снимать с абажура свои привиденческие одежды, но фрекен Бок посмотрела на него уже совсем свирепым глазом и сказала:

— Подумаешь, пропеллер, кнопка... а что же еще может быть у мальчишки в наше-то время! Скоро они будут летать на Луну, не начав ходить в школу!

Домомучительница по-прежнему сидела на стуле и накалялась все больше и больше. Она вдруг поняла, кто стащил плюшки, кто мычал у окна и кто писал на стене в кухне. Это же надо доду-

маться — дарить детям такие игрушки, чтобы они летали куда им заблагорассудится и так бесстыдно издевались над старыми людьми. А все таинственные истории с привидениями, о которых она писала на шведское телевидение, оказались проказами сорванца. Нет, она не намерена терпеть здесь этого негодного маленького толстяка.

— Немедленно отправляйся домой, слышишь!.. Как тебя звать-то?

— Карлсон! — ответил Карлсон.

— Это я знаю, — сердито сказала фрекен Бок. — Но у тебя, кроме фамилии, надо думать, и имя есть?

— Меня зовут Карлсон, и все!

— Ой, не зли меня, не то я совсем рассержусь, я и так уже на последнем пределе, — буркнула фрекен Бок. — Имя — это то, как тебя зовут дома, понимаешь? Ну, как тебя кличет папа, когда пора идти спать?

— Хулиган, — ответил Карлсон с улыбкой.

Фрекен Бок с удовлетворением кивнула:

— Точно сказано! Лучше и не придумать!

Карлсон с ней согласился:

— Да, да, в детстве мы все ужасно хулиганили. Но это было так давно, а теперь я самый послушный в мире!

Но фрекен Бок больше не слушала его. Она сидела молча, глубоко задумавшись, и, видимо, начинала постепенно успокаиваться.

— Да, — сказала она наконец, — один человек будет от всего этого на седьмом небе.

— Кто? — спросил Малыш.

— Фрида, — горько ответила фрекен Бок. Потом, глубоко вздохнув, она направилась на кухню, чтобы вытереть пол и унести таз.

Карлсон и Малыш были рады, что остались одни.

— И чего это люди волнуются по пустякам? — сказал Карлсон и пожал плечами. — Я ведь ей ничего плохого не сделал.

— Ну да, — неуверенно согласился Малыш. — Только понизводил ее немножко. Зато теперь мы станем самыми послушными.

Карлсон тоже так думал.

— Конечно, станем. Но я хочу немного позабавиться, а то не буду играть!

Малыш напряженно выдумывал какое-нибудь забавное занятие для Карлсона. Но он зря старался, потому что Карлсон все придумал сам и вдруг, ни с того ни с сего, кинулся к шкафу Малыша.

— погоди! — крикнул он. — Когда я был привидением, я видел там одну толковую штуку!

Он вернулся с маленькой мышеловкой. Малыш нашел ее в деревне у бабушки и привез в город.

«Я хочу поймать мышку и приручить ее, чтобы она у меня осталась жить», — объяснил Малыш маме. Но мама сказала, что в городских квартирах мыши, к счастью, не водятся, у них, во всяком случае, мышей точно нет.

Малыш пересказал все это Карлсону, но Карлсон возразил: — Мыши заводятся незаметно. Твоя мама только обрадуется, если вдруг, откуда ни возьмись, в доме появится маленькая нежданная мышка.

Он объяснил Малышу, как было бы хорошо, если бы они поймали эту нежданную мышку. Ведь Карлсон мог бы держать ее у себя наверху, а когда у нее народятся мышата, можно будет устроить настоящую мышиную ферму.

— И тогда я помещу в газете объявление, — заключил Карлсон. — «Кому нужны мыши, обращайтесь в мышиную ферму Карлсона».

— Ага! И тогда можно будет расплодить мышей во всех городских домах! — радостно подхватил Малыш и объяснил Карлсону, как заряжают мышеловку. — Только в нее надо обязательно положить кусочек сыру или шкурку от свиного сала, а то мышь не придет.

Карлсон полез в карман и вытащил оттуда маленький огрызок шпика.

— Как хорошо, что я его сберег. После обеда я все собирался кинуть его в помойное ведро.

Он зарядил мышеловку и поставил ее под кровать Малыша.

— Теперь мышь может прийти когда захочет.

Они совсем забыли про фрекен Бок. Но вдруг услышали какой-то шум на кухне.

— Похоже, что она готовит еду, — сказал Карлсон. — Она грохочет сковородками.

Так оно и было, потому что из кухни донесся слабый, но чарующий запах жарящихся тефтелей.

— Она обжаривает тефтели, оставшиеся от обеда, — объяснил Малыш. — Ой, до чего же есть хочется!

Карлсон со всех ног кинулся к двери.

— Вперед, на кухню! — крикнул он.

Малыш подумал, что Карлсон и в самом деле храбрец, если он отважился на такой шаг. Быть трусом Малышу не хотелось, и он тоже нерешительно поплелся на кухню.

— Гей, гей, мы, я вижу, пришли как раз кстати. Нас ждет скремный ужин, — сказал Карлсон.

Фрекен Бок стояла у плиты и переворачивала тефтели, но, увидев Карлсона, она бросила сковородку и двинулась на него. Вид у нее был угрожающий.

— Убирайся! — крикнула она. — Убирайся отсюда немедленно!

У Карлсона дрогнули губы, и он надулся:

— Так я не играю! Так я не играю! Так себя не ведут! Я тоже хочу съесть несколько тефтелек. Разве ты не понимаешь, что, когда целый вечер играешь в привидение, просыпается зверский аппетит?

Он сделал шаг к плите и взял со сковородки одну тефтельку. Вот этого ему не следовало делать. Фрекен Бок взревела от бешенства и кинулась на Карлсона, схватила его за шиворот и вытолкнула за дверь.

— Убирайся! — кричала она. — Убирайся домой и носа сюда больше не показывай!

Малыш был просто в отчаянии.

— Ну чего вы, фрекен Бок, так злитесь? — сказал он со слезами в голосе. — Карлсон мой товарищ, разве можно его прогонять?

Больше он ничего не успел сказать, потому что дверь кухни распахнулась и ворвался Карлсон, тоже злой как черт.

— Так я не играю! — кричал он. — Нет, так я не играю! Выставляйте меня с черного хода!.. Не выйдет!

Он подлетел к фрекен Бок и топнул ногой об пол.

— Подумать только, с черного хода!.. Я хочу, чтобы меня выставили с парадного, как приличного человека!

Фрекен Бок снова схватила Карлсона за шиворот.

— С парадного? Охотно! — воскликнула она, потащила Карлсона через всю квартиру и вытолкнула его через парадный ход, не обращая никакого внимания на слезы и гневные вопли бегущего за ней Малыша. Так Карлсон добился своего.

— Ну вот, теперь с тобой обошлись достаточно благородно? — осведомилась фрекен Бок.

— Достаточно, — подтвердил Карлсон, и тогда фрекен Бок захлопнула за ним дверь с таким грохотом, что было слышно во всем доме.

— Ну наконец-то, — сказала она и пошла на кухню.

Малыш бежал за ней, он очень сердился:

— Ой! До чего вы, фрекен Бок, злая и несправедливая! Карлсон имеет право быть на кухне!

Он там и был! Он стоял у плиты и ел тефтели.

— Да, да, меня надо было выставить через парадную дверь, чтобы я смог вернуться с черного хода и съесть несколько превосходных тефтелей, — объяснил он.

Тогда фрекен Бок схватила Карлсона за шиворот и в третий раз вытолкнула за дверь, теперь опять с черного хода.

— Просто удивительно, — возмущалась она, — никакого с

ним сладу нет!.. Но я сейчас запру двери, и он все же останется с носом.

— Это мы еще посмотрим,— спокойно сказал Карлсон.

Фрекен Бок захлопнула дверь и проверила, защелкнулся ли замок.

— Тьфу, до чего же вы злая, фрекен Бок,— не унимался Малыш.

Но она не обращала никакого внимания на его слова. Она быстро подошла к плите, на которой так аппетитно румянились тефтели.

— Может, и мне наконец-то удастся съесть хоть одну тефтельку после всего того, что пришлось пережить в этот вечер,— сказала она.

Но тут из открытого окна раздался голос:

— Эй! Хозяева дома? Не найдется ли у вас двух-трех тефтелек?

На подоконнике сидел довольный Карлсон и широко улыбался. Увидев его, Малыш не смог удержаться от смеха.

— Ты прилетел сюда с балкончика?

Карлсон кивнул:

— Точно. И вот я опять с вами! Вы, конечно, мне рады... особенно ты, женщина, стоящая у плиты!

Фрекен Бок держала в руке тефтельку — она как раз собиралась сунуть ее в рот, но при виде Карлсона застыла, уставившись на него.

— Никогда в жизни не видел такой прожорливой особы,— сказал Карлсон и, сделав большой круг над плитой, схватил на лету несколько тефтелей и быстро сунул их в рот. Потом он стремительно взмыл к самому потолку.

Но тут фрекен Бок как с цепи сорвалась. Она заорала не своим голосом, схватила выбивалку для ковров и, размахивая ею, погналась за Карлсоном:

— Ах ты озорник! Да что же это такое! Неужели мне так и не удастся тебя выгнать?

Карлсон, ликуя, кружил вокруг лампы.

— Гей, гей, вот теперь-то мы позабавимся на славу! — крикнул он.— Так весело мне не было с тех пор, как папочка гнался за мной с мухобойкой! Я тогда был маленький, но помню, тогда мы тоже здорово позабавились!

Карлсон метнулся в большую комнату, и снова началась бешеная погоня по всей квартире. Впереди летел Карлсон — он кудахтал и визжал от удовольствия, за ним мчалась фрекен Бок с выбивалкой для ковров, за ней еле поспевал Малыш, а позади всех скакал Бимбо, бешено тявкая.

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

Фрекен Бок не отставала от него, но всякий раз, когда она

уже готова была его схватить, Карлсон взмывал вверх, под самый потолок. А когда фрекен Бок начинала размахивать выбивалкой, ему всегда удавалось пролететь мимо, едва ее не коснувшись.

— Эй, эй, чур, не бить по ногам, так я не играю! — кричал Карлсон.

Фрекен Бок запыхалась, но продолжала подпрыгивать, и ее большие босые ноги шлепали по паркету. Она, бедняжка, так и не успела еще обуться — ведь весь вечер ей пришлось гонять по квартире. Она очень устала, но сдаваться не собиралась.

— Ты у меня дожدهшься! — кричала она, продолжая погоню за Карлсоном.

Время от времени она подпрыгивала, чтобы стукнуть его выбивалкой, но он только смеялся и набирал высоту. Малыш тоже хохотал до слез и никак не мог остановиться. От смеха у него даже заболел живот, и, когда все они в третий раз очутились в его комнате, он кинулся на кровать, чтобы хоть немножко передохнуть. Смеяться у него уже не было сил, но он все же стонал от смеха, глядя, как фрекен Бок мечется вдоль стен, пытаясь поймать Карлсона.

— Гей, гей! — подбадривал ее Карлсон.

— Я тебе всыплю за это «гей, гей»! — кричала, едва переводя дыхание, фрекен Бок. Она с остервенением размахивала выбивалкой, и в конце концов ей удалось загнать Карлсона в угол, где стояла кровать Малыша.

— Ну вот, — воскликнула она с торжеством, — попался, голубчик!

Но вдруг она издала такой вопль, что у Малыша загудело в ушах. Он перестал хохотать.

«Эх, Карлсон попался», — подумал он.

Но попался не Карлсон. Попалась фрекен Бок; большой палец ее правой ноги угодил в мышеловку.

— Ой, ой, ой! — стонала фрекен Бок. — Ой, ой, ой!

Она подняла ногу и в ужасе уставилась на странную вещь, вцепившуюся в ее большой палец.

— Ой, ой, ой! — завопил уже Малыш. — Подождите, я сейчас ее раскрою... Простите, я этого не хотел...

— Ой, ой, ой! — продолжала вопить фрекен Бок, когда Малыш помог ей высвободить палец и к ней вернулся дар речи. — Почему у тебя мышеловка под кроватью?

Малышу было очень жаль мышеловки, и он сказал, запинаясь:

— Потому что... потому что... мы хотели поймать нежданную мышку.

— Но, конечно, не такую большую, — объяснил Карлсон. — Маленькую мышку с длинным хвостиком.

Фрекен Бок покосилась на Карлсона и застонала:

— Опять ты... Когда же ты уберешься отсюда в конце концов?

И она снова погналась за ним с выбивалкой.

— Гей, гей! — закричал Карлсон.

Он вылетел в переднюю, а оттуда в большую комнату, а потом из нее в комнату Малыша, и снова началась погоня по всей квартире: в кухню и из кухни, в спальню и из спальни...

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

— Ты у меня сейчас получишь «гей, гей»! — погрозила фрекен Бок, задыхаясь от быстрого бега.

Она замахнулась выбивалкой и прыгнула что было сил, но, забыв в азарте погони, что сдвинула всю мебель к дверям спальни, споткнулась о книжную полку, стукнулась обо что-то головой и с грохотом рухнула на пол.

— Все! Теперь в Нурланде снова будет землетрясение, — сказал Карлсон.

Но Малыш в испуге кинулся к фрекен Бок.

— Ой, вы не расшиблись? — спросил он. — Бедная, бедная фрекен Бок...

— Помоги мне добраться до кровати... Будь добр... — прошептала фрекен Бок.

И Малыш это сделал, вернее, попытался сделать. Но фрекен Бок была такая грузная, а Малыш такой маленький, что у него ничего не вышло. Но тут к ним подлетел Карлсон.

— Один и не пытайся, — сказал он Малышу. — Я тоже хочу помочь ее тащить. Ведь самый послушный в мире я, а вовсе не ты!

Карлсон и Малыш собрались с силами и в конце концов доволокли фрекен Бок до кровати.

— Бедная фрекен Бок! — вздохнул Малыш. — Как вы себя чувствуете? Вам больно?

Фрекен Бок ответила не сразу, словно собираясь с мыслями.

— Мне кажется, у меня во всём теле нет ни одной целой косточки, — сказала она наконец. — Но болеть, пожалуй, ничего не болит... Вот только, когда смеюсь...

И она так захохотала, что кровать под ней затряслась.

Малыш с испугом глядел на неё — что это с ней такое?

— Как хотите, молодые люди, но такая тренировка, как нынче вечером, не часто выдаётся, — сказала она. — И, боже праведный, до чего же это взбадривает! — Она энергично кивнула: — Мы с Фридой занимаемся гимнастикой по программе «упражнения для домашних хозяек». Теперь Фрида узнает, что значит бегать. Подождите-ка...

— Гей, гей! — завопил Карлсон. — Ты прихвати с собой эту выбивалку и тогда сможешь гонять Фриду по всему гимнастическому залу и так взбодрить её, что она своих не узнает!

Фрекен Бок вытаращила на него глаза.

— Ты ещё со мной разговариваешь? Ты бы лучше помолчал да пошёл бы на кухню и принёс мне несколько тефтелек!

Малыш радостно засмеялся.

— Да, после таких прыжков появляется зверский аппетит,— сказала она.

— Угадай, кто лучший в мире подносчик тефтелей? — сказал Карлсон, убегая на кухню.

Потом Карлсон, Малыш и фрекен Бок, сидя на кровати, уплетали прекрасный ужин с таким аппетитом, что за ушами трещало. Карлсон принёс из кухни полный поднос еды.

— Я обнаружил яблочную запеканку с ванильным соусом. Кроме того, я прихватил ветчины, сыра, колбасы, солёных огурчиков, несколько сардин и кусочек печёночного паштета. Но, скажи на милость, куда ты засунула торт со взбитыми сливками? Его я не нашёл...

— У нас торта нет,— ответила фрекен Бок.

У Карлсона дрогнули губы.

— И ты полагаешь, что можно наесться тефтелями, яблочной запеканкой с ванильным соусом, ветчиной, сыром, колбасой, солёными огурцами да двумя жалкими крохотными сардинками?

Фрекен Бок поглядела на него в упор.

— Нет,— сказала она подчёркнуто спокойным тоном.— Но ведь есть ещё и печёночный паштет.

Никогда ещё Малышу не было так вкусно. Малыш, и Карлсон, и фрекен Бок сидели рядом на кровати и жевали, глотали, и им было так уютно втроём! Но вдруг фрекен Бок вскрикнула:

— Боже праведный, ведь Малыш должен быть изолирован, а мы притащили сюда этого малого.— И она указала пальцем на Карлсона.

— Никто его не тащил,— сказал Малыш,— он сам прилетал.— Но всё же Малыш встревожился.— Подумай, Карлсон, а вдруг ты заболеешь этой самой тиной?

— Угу... угу,— промычал Карлсон, потому что его рот был набит яблочной запеканкой, и он не сразу смог заговорить.— Что мне какая-то тина!.. Эге-гей! Подумаешь! К тому, кто переболел плюшечной лихорадкой, никакая зараза не липнет.

— Нет, всё равно нельзя,— сказала фрекен Бок со вздохом.

Карлсон проглотил последнюю тефтельку, облизал пальцы и сказал:

— Что и говорить, в этом доме живут, конечно, впроголодь, но в остальном мне здесь хорошо. Так что я готов себя здесь тоже изолировать.

— О боже праведный! — воскликнула фрекен Бок. Она поглядела на Карлсона, потом на пустой поднос.— После тебя мало что остаётся,— сказала она.

Карлсон соскочил на пол и похлопал себя по животу.

— После того как я поем, остаётся стол,— сказал он.— Единственное, что остаётся,— это стол.

Потом Карлсон нажал свою кнопку, мотор заработал, и Карлсон полетел к раскрытому окну.

— Привет! — крикнул он.— Теперь вам волей-неволей придётся некоторое время обойтись без меня. Я тороплюсь.

— Привет, Карлсон! — крикнул Малыш.— Тебе в самом деле пора улетать?

— Так скоро? — печально добавила фрекен Бок.

— Да, мне надо поторопиться! — крикнул Карлсон.— А то я опоздаю к ужину. Привет! — И он улетел.

ГОРДАЯ ЮНАЯ ДЕВИЦА УЛЕТАЕТ ДАЛЕКО-ДАЛЕКО!

На следующее утро Малыш долго спал. Его разбудил телефонный звонок, и он побежал в переднюю, чтобы взять трубку.

Звонила мама.

— Бедный сынок... О, как это ужасно...

— Что ужасно? — спросил Малыш спросонюк.

— Всё, что ты пишешь в своём письме. Я так за вас волнуюсь...

— Почему? — спросил Малыш.

— Сам понимаешь,— сказала мама.— Бедный мой мальчик... Завтра утром я приеду домой.

Малыш обрадовался и приободрился, хотя он так и не понял, почему мама назвала его «бедный мой мальчик».

Едва Малыш успел снова лечь и задремать, как опять раздался звонок. Это папа звонил из Лондона.

— Как ты поживаешь? — спросил папа.— Хорошо ли себя ведут Боссе и Бетан?

— Не думаю,— сказал Малыш,— но точно не знаю, потому что они лежат в эпидемии.

Малыш понял, что папа встревожился от его слов.

— Лежат в эпидемии? Что ты хочешь сказать?

А когда Малыш объяснил, что он хочет сказать, папа повторил мамины слова:

— Бедный мой мальчик... Завтра утром я буду дома.

На этом разговор кончился. Но вскоре опять зазвонил телефон. На этот раз это был Боссе.

— Можешь передать домомучительнице и ее старенькому доктору, что, хотя они и воображают себя знатоками, у нас все же не скарлатина. Мы с Бетан завтра вернемся домой.

— У вас не тина? — переспросил Малыш.

— Представь себе, нет. Мы просто чем-то объелись, так сказал здешний доктор. От этого у некоторых тоже бывает сыпь.

— Понятно, типичный случай плюшечной лихорадки, — сказал Малыш.

Но Боссе уже повесил трубку.

Малыш оделся и пошел на кухню, чтобы рассказать фрекен Бок, что его больше не надо изолировать. Она уже готовила завтрак.

В кухне сильно пахло пряностями.

— И я смогу уйти, — сказала фрекен Бок, когда Малыш сообщил ей, что завтра вся семья будет в сборе. — Вот и хорошо, а то у вас я совсем испорчу себе нервы.

Она бешено что-то мешала в кастрюле, стоящей на плите. Оказалось, там варился какой-то густой мясной соус, и она заправляла его солью, перцем и какими-то травами.

— Вот видишь, — сказала она, — его надо посолить, и поперчить как следует, да поварить подольше, только тогда он вкусный. — Потом она с тревогой посмотрела на Малыша. — Как ты думаешь, этот ужасный Карлсон сегодня опять прилетит? Так хотелось бы спокойно провести последние часы в вашем доме.

Прежде чем Малыш успел ответить, за окном послышалась веселая песенка, которую кто-то пел во весь голос:

Солнце, солнце,
Загляни в оконце!

На подоконнике снова сидел Карлсон.

— Привет! Вот оно, ваше солнце, можете больше не волноваться.

Но тут фрекен Бок молитвенно протянула к нему руки:

— Нет, нет, нет, умоляю, что угодно, но сегодня нам нужен покой.

— Покой, а то как же! Но прежде всего нам нужен, конечно, завтрак, — сказал Карлсон и одним прыжком оказался у кухонного стола.

Там фрекен Бок уже положила приборы для себя и Малыша. Карлсон сел перед одним из них и взял в руки нож и вилку.

— Начинаем! Давайте завтракать! — Он приветливо кивнул фрекен Бок. — Ты тоже можешь сесть с нами за стол. Возьми себе тарелку и иди сюда.

Он раздул ноздри и вдохнул пряный запах.

— Что нам дадут? — спросил он, облизываясь.

— Хорошую взбучку, — ответила фрекен Бок и еще яростней принялась мешать соус. — Ее ты, уж во всяком случае, заслужил.

Но у меня так ноет все тело, что, боюсь, я уже не смогу гоняться за тобой сегодня.

Она вылила соус в миску и поставила ее на стол.

— Ешьте,— сказала она.— А я подожду, пока вы кончите, потому что доктор сказал, что мне во время еды нужен полный покой.

Карлсон сочувственно кивнул.

— Ну да, в доме, наверно, найдется несколько завалявшихся сухариков, которые ты сможешь погрызть, когда мы покончим со всем, что на столе... Примостишься на краешке стола и погрызешь, наслаждаясь тишиной и покоем.

И он торопливо наложил себе полную тарелку густого мясного соуса. Но Малыш взял совсем капельку. Он всегда с опаской относился к новым блюдам, а такого соуса он еще никогда не ел.

Карлсон начал строить из мяса башню, а вокруг башни крепостной ров, заполненный соусом. Пока он этим занимался, Малыш осторожно попробовал кусочек. Ой! Он задохнулся, слезы выступили на глазах. Рот горел огнем. Но рядом стояла фрекен Бок и глядела на него с таким видом, что он только глотнул воздух и промолчал.

Тут Карлсон оторвался от своей крепости:

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Я... я вспомнил одну печальную вещь,— запинаясь, пробормотал Малыш.

— Понятно,— сказал Карлсон и отправил в рот огромный кусок своей башни. Но едва он проглотил его, как завопил не своим голосом, и из его глаз тоже брызнули слезы.

— Что случилось? — спросила фрекен Бок.

— На вкус это лисий яд... Впрочем, тебе самой лучше знать, что ты сюда подсыпала,— сказал Карлсон.— Бери скорей большой шланг, у меня в горле огонь! — Он утер слезы.

— О чем ты плачешь? — спросил Малыш.

— Я тоже вспомнил очень печальную вещь,— ответил Карлсон.

— Какую именно? — любопытствовал Малыш.

— Вот этот мясной соус,— сказал Карлсон.

Но весь этот разговор не пришелся по душе фрекен Бок.

— Как вам только не стыдно, мальчики! Десятки тысяч детей на свете были бы просто счастливы получить хоть немного этого соуса.

Карлсон засунул руку в карман и вытащил карандаш и блокнот.

— Пожалуйста, продиктуйте мне имена и адреса хотя бы двоих из этих тысяч,— попросил он.

Но фрекен Бок не желала давать адреса.

— Наверно, речь идет о маленьких дикарях из племени огне-едов, все понятно,— сказал Карлсон.— Они только и делают всю жизнь, что глотают огонь и серу.

Как раз в эту минуту раздался звонок у двери, и фрекен Бок пошла открывать.

— Пойдем посмотрим, кто пришел,— предложил Карлсон.— Быть может, это кто-нибудь из тех тысяч маленьких огнеедов, которые готовы отдать все, что у них есть, за эту пламенную кашу. Нам надо быть начеку, вдруг она продешевит... Ведь она всыпала туда столько лисьего яда, а ему цены нет!

И Карлсон отправился вслед за фрекен Бок, а Малыш не захотел от него отстать. Они стояли в передней за ее спиной и слышали, как чей-то незнакомый голос произнес:

— Моя фамилия Пек. Я сотрудник шведского радио и теле-видения.

Малыш почувствовал, что холодеет. Он осторожно выглянул из-за юбки фрекен Бок и увидел, что в дверях стоит какой-то господин — один из тех красивых, умных и в меру упитанных мужчин в самом расцвете сил, о которых фрекен Бок сказала, что ими на телевидении можно пруд прудить.

— Могу я видеть фрекен Хильдур Бок? — спросил господин Пек.

— Это я,— ответила фрекен Бок.— Но я уплатила и за радио, и за телевидение, так что проверять вам нечего.

Господин Пек любезно улыбнулся.

— Я пришел не в связи с оплатой,— объяснил он.— Нет, меня привела сюда история с привидениями, о которых вы нам писали... Мы хотели бы сделать на этом материале новую программу.

Фрекен Бок густо покраснела; она не могла вымолвить ни слова.

— Что с вами, вам стало нехорошо? — прервал наконец молчание господин Пек.

— Да, да, мне нехорошо,— подхватила фрекен Бок.— Это самая ужасная минута в моей жизни.

Малыш стоял за ней и чувствовал примерно то же, что она. Боже праведный, вот и свершилось! Через несколько секунд этот вот Пек наверняка заметит Карлсона, а когда завтра утром мама и папа вернутся домой, они увидят, что весь дом опутан разными там кабелями, забит телевизионными камерами и такими вот господами, и поймут, что покоя им уже не дожидаться. О боже праведный, надо немедленно убрать Карлсона любым способом.

Тут взгляд Малыша упал на старый деревянный ящик, который стоял в прихожей и в котором Бетан хранила самодельные театральные костюмы, старый реквизит и тому подобный хлам.

Она организовала вместе с ребятами из своего класса какой-то дурацкий клуб: в свободное время они переодевались в странные костюмы и разыгрывали нелепые сцены. Все это, по мнению Малыша, было очень глупо, но у них это называлось играть в театр. Зато сейчас этот ящик с костюмами оказался здесь как нельзя более кстати!.. Малыш приоткрыл его крышку и взволнованно шепнул Карлсону:

— Спрячься!.. Лезь в этот вот ящик! Скорее!

И прежде чем Карлсон успел понять, почему он должен прятаться, он уже сообразил, что это пахнет какой-то проказой. Он хитро поглядел на Малыша и залез в ящик. Малыш быстро прикрыл его крышкой. Потом он испуганно посмотрел на тех двоих, которые все еще стояли в дверях... Успели ли они что-нибудь заметить?

Но они ничего не заметили, так они были поглощены своей беседой. Фрекен Бок как раз объясняла господину Пеку, почему она чувствует себя дурно.

— Это было не привидение,— сказала фрекен Бок, с трудом сдерживая слезы.— Это были всего-навсего отвратительные детские проказы.

— Так, значит, никаких привидений не было? — разочарованно переспросил господин Пек.

Фрекен Бок не могла больше сдерживать слезы — она разрыдалась.

— Нет, привидений не было... И я не смогу выступить по телевидению... никогда, только Фрида!..

Господин Пек похлопывал ее по руке, чтобы успокоить:

— Не принимайте это так близко к сердцу, милая фрекен Бок. Кто знает, может, вам еще и придется выступить.

— Нет, нет, все надежды рухнули...— сказала фрекен Бок и, закрыв лицо руками, опустилась на ящик с костюмами.

Так она долго просидела, безутешно рыдая. Малыш ее очень пожалел, и ему было стыдно, потому что он чувствовал себя во всем виноватым.

И вдруг из ящика раздалось негромкое урчание.

— Ох, простите! — сказала сконфуженная фрекен Бок.— Это у меня, наверно, с голоду.

— Да, с голоду всегда бурчит в животе,— любезно подтвердил господин Пек,— но ваш завтрак, должно быть, уже готов: я слышу такой изумительный аромат. Что у вас сегодня на завтрак? — полюбопытствовал господин Пек.

— Ах, всего лишь мясной соус... Блюдо моего изобретения... «Соус по рецепту Хильдур Бок» — так я его назвала,— скромно, но с достоинством ответила фрекен Бок и вздохнула.

— Пахнет на редкость вкусно,— сказал господин Пек.— Просто возбуждает аппетит.

Фрекен Бок поднялась с ящика.

— Отведайте, прошу вас... А эти глупые карапузы еще нос воротят,— обиженно добавила она.

Господин Пек немного поцеремонился — все твердил, что ему, мол, неловко,— но дело кончилось тем, что они вместе удалились на кухню.

Малыш приподнял крышку и поглядел на Карлсона, который, удобно устроившись на костюмах, негромко урчал.

— Умоляю тебя, лежи тихо, пока он не уйдет,— прошептал Малыш,— не то попадешь в телевизор.

— Ну да, тебе легко говорить,— сказал Карлсон.— Здесь не менее тесно и душно, чем в том ящике, так что мне теперь терять нечего.

Тогда Малыш немного приоткрыл крышку ящика, чтобы туда проникал воздух, и помчался на кухню. Он хотел посмотреть, какой будет вид у господина Пека, когда он отведаст соус фрекен Бок.

Трудно поверить, но господин Пек преспокойно сидел за столом и уплетал за двоих, словно за всю жизнь ему не довелось есть ничего вкуснее. И на глазах у него не было никаких слез. Зато у фрекен Бок они катились градом, но, конечно, не из-за соуса. Нет, нет, просто она продолжала оплакивать провал своей телевизионной передачи. И даже похвалы, которые господин Пек так щедро расточал ее огненному блюду, не могли ее утешить. Она чувствовала себя бесконечно несчастной.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Господин Пек вдруг уставился в потолок и воскликнул:

— Придумал! Придумал! Вы будете выступать завтра вечером!

Фрекен Бок подняла на него заплаканные глаза.

— Где это я буду выступать завтра вечером? — мрачно спросила она.

— Как где? По телевидению! — сказал господин Пек.— В передаче «Искусный кулинар». Вы расскажете всем шведам, как приготовить «Соус Хильдур Бок»...

И тут фрекен Бок потеряла сознание и грохнулась на пол. Но вскоре она пришла в себя и вскочила на ноги. Глаза ее сияли.

— Вы говорите, завтра вечером... По телевидению? Мой соус... Я расскажу о нем по телевидению всему шведскому народу? О господи!.. Подумать только! А Фрида ничего не понимает в готовке, она говорит, что моими кушаньями можно только свиней кормить!

Малыш слушал затаив дыхание, потому что все это было ему очень интересно. Он едва не забыл про Карлсона, спрятанного в ящике. Но тут вдруг, к его великому ужасу, в прихожей раздался

какой-то скрип. Ну да, этого следовало ожидать... Карлсон! Дверь из кухни была приоткрыта, и Малыш увидел, что Карлсон разгуливает по прихожей. Но ни фрекен Бок, ни господин Пек еще ничего не заметили.

Да, это был Карлсон. И в то же время не Карлсон!.. Боже праведный, на кого он был похож в старом маскарадном костюме Бетан! На нем была длинная бархатная юбка, которая путалась в ногах, мешая ходить, и две тюлевые накидки: одна украшала его спереди, другая — сзади! Он казался маленькой кругленькой бойкой девочкой. И эта маленькая бойкая девочка неумолимо приближалась к кухне.

Малыш в отчаянии делал знаки, чтобы Карлсон не шел на кухню, но тот будто не понимал их, только кивал в ответ и подходил все ближе.

— Гордая юная девица входит в парадный зал! — произнес Карлсон и застыл в дверях, играя своими накидками.

Вид у него был такой, что господин Пек широко раскрыл глаза:

— Батюшки, кто же это?.. Что это за милая девочка?

Но тут фрекен Бок как заорет:

— Милая девочка! Нет, извините, это не милая девочка, а самый отвратительный сорванец из всех, которых мне довелось видеть на своем веку! Убирайся немедленно, дрянной мальчишка!

Но Карлсон ее не послушался.

— Гордая юная девица танцует и веселится, — продолжал он свое.

И он пустился в пляс. Такого танца Малыш никогда прежде не видел, да надо думать, что и господин Пек тоже.

Карлсон носился по кухне, высоко поднимая колени. Время от времени он подпрыгивал и взмахивал своими тюлевыми накидками.

«Что за дурацкий танец, — подумал Малыш. — Но это еще куда ни шло, только бы он не вздумал летать. О, только бы он не летал!»

Карлсон завесил себя накидками так, что пропеллера вовсе не было видно, чему Малыш был очень рад. Если он все же вдруг взлетит к потолку, то господин Пек наверняка упадет в обморок, а потом, едва придя в себя, пришлет сюда людей с телевизионными камерами.

Господин Пек смотрел на этот странный танец и смеялся, смеялся все громче и громче. Тогда Карлсон тоже стал хихикать в ответ, да еще подмигивать господину Пеку, когда проносился мимо него, размахивая своими накидками.

— До чего веселый мальчишка! — воскликнул господин Пек. — Он наверняка мог бы участвовать в какой-нибудь детской передаче.

Ничто не могло бы больше рассердить фрекен Бок.

— Он будет выступать по телевидению?! Тогда я попрошу освободить меня от этого дела. Если вы хотите найти кого-нибудь, кто перевернет вверх тормашками телевизионную студию, то лучшего кандидата вам не сыскать.

Малыш кивнул:

— Да, это правда. А когда эта студия перевернется вверх тормашками, он скажет: «Пустяки, дело житейское». Так что лучше остерегайтесь его!

Господин Пек не настаивал.

— Если так, то не надо. Я только предложил... Мальчишек полным-полно!..

И господин Пек вдруг заторопился. У него, оказывается, скоро передача, и ему пора идти.

Но тут Малыш увидел, что Карлсон нащупывает кнопку на животе, и до смерти испугался, что в последнюю минуту все выяснится.

— Нет, Карлсон... нет, не надо,— шептал ему в тревоге Малыш.

Карлсон с невозмутимым видом продолжал искать кнопку, ему трудно было добраться до нее из-за всех этих тюлевых накидок.

Господин Пек уже стоял в дверях, когда вдруг зажужжал моторчик Карлсона.

— Я и не знал, что над Вазастаном проходит маршрут вертолетов,— сказал господин Пек.— Не думаю, чтобы им следовало здесь летать, многим этот шум мешает. Прощайте, фрекен Бок. До завтра!

И господин Пек ушел.

А Карлсон взмыл к потолку, сделал несколько кругов, облетел лампу и на прощание помахал фрекен Бок тюлевыми накидками.

— Гордая юная девица улетает далеко-далеко! — крикнул он.— Привет, гей-гей!

КРАСИВЫЙ, УМНЫЙ И В МЕРУ УПИТАННЫЙ

Время после обеда Малыш провел наверху у Карлсона, в его домике на крыше. Он объяснил Карлсону, почему надо оставить в покое фрекен Бок.

— Понимаешь, она хочет сделать торт со взбитыми сливками, потому что мама, и папа, и Боссе, и Бетан возвращаются завтра домой.

Карлсону это показалось убедительно.

— Да, если она делает торт со взбитыми сливками, ее надо оставить в покое. Опасно низводить домохозяйку, когда она взбивает сливки, а то она скиснет, а вместе с ней и сливки.

Вот почему последние часы в семье Свантесон фрекен Бок провела в полном покое — так, как она хотела. Малыш и Карлсон тоже спокойно сидели у камина в домике на крыше. Им было очень хорошо и уютно. Карлсон быстро слетал на улицу Хетерге и купил там яблок.

— Я за них честно отдал пять эре, — сказал он Малышу. — Не хочу, чтобы меня заподозрили в краже. Ведь я самый честный в мире!

— Разве эти яблоки стоят всего пять эре?

— Видишь ли, я не мог спросить их цену, — объяснил Карлсон, — потому что продавщица как раз пошла пить кофе.

Нанизав яблоки на проволоку, Карлсон пек их над огнем.

— Угадай, кто лучший в мире специалист по печеным яблокам? — спросил Карлсон.

— Ты, Карлсон, — ответил Малыш.

И они ели печеные яблоки, и сидели у огня, а сумерки все сгущались. «Как хорошо, когда трещат поленья! — подумал Малыш. — Дни стали холодными. По всему видно, что пришла осень».

— Я все собираюсь слетать в деревню и купить дров у какого-нибудь крестьянина. Знаешь, какие дорогие эти крестьяне, но, к счастью, они тоже иногда уходят пить кофе, — сказал Карлсон.

Он встал и подбросил в огонь два больших березовых полена.

— Я люблю, чтобы было жарко натоплено, — сказал он. — Остаться зимой без дров — нет, так я не играю. И, не стесняясь, скажу это крестьянину.

Когда камин прогорел, в комнате стало темно, и Карлсон зажег керосиновую лампу, которая висела у самого потолка над верстаком. Она осветила теплым живым светом комнату и все вещи, которые валялись на верстаке.

Малыш спросил, не могут ли они чем-нибудь обменяться, и Карлсон сказал, что он готов.

— Но когда ты захочешь что-нибудь взять, ты должен сперва спросить у меня разрешения. Иногда я буду говорить «да», а иногда — «нет»... Хотя чаще всего я буду говорить «нет», потому что все это мое и я не хочу ни с чем расставаться, а то я не играю.

И тогда Малыш начал спрашивать разрешения подряд на все

вещи, которые лежали на верстаке, а получил всего-навсего на старый разбитый будильник, который Карлсон сам разобрал, а потом снова собрал. Но все равно игра эта была такой интересной, что Малыш даже представить себе не мог ничего более увлекательного.

Но потом Карлсону это наскучило, и он предложил постолярничать.

— Это самое веселое на свете занятие, и можно сделать так много чудесных вещей,— сказал Карлсон.— Во всяком случае, я могу.

Он скинул все, что валялось на верстаке, прямо на пол и вытащил из-под диванчика доски и чурки. И оба они — и Карлсон и Малыш — принялись пилить, и строгать, и сколачивать, так что все загудело вокруг.

Малыш делал пароход. Он сбил две досточки, а сверху приладил круглую чурочку. Пароход и в самом деле получился очень хороший.

Карлсон сказал, что должен сделать скворечник и повесить его возле своего домика, чтобы там жили маленькие птички. Но то, что у него вышло, совсем не походило ни на скворечник, ни, впрочем, на что-либо другое. Весьма трудно было сказать, что за штуку он смастерил.

— Это что? — спросил Малыш.

Карлсон склонил набок голову и поглядел на свое произведение.

— Так, одна вещь,— сказал он.— Отличная маленькая вещица. Угадай, у кого в мире самые золотые руки?

— У тебя, Карлсон.

Наступил вечер. Малышу пора было идти домой и ложиться спать. Приходилось расставаться с Карлсоном, и с его маленьким домиком, где было так уютно, и со всеми его вещами: и с его верстаком, и с его коптящей керосиновой лампой, и с его дровяным сарайчиком, и с его камином, в котором так долго не прогорали головешки, согревая и освещая комнату. Трудно было все это покинуть, но ведь он знал, что скоро снова вернется сюда. О, как чудесно, что домик Карлсона находился на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Они вышли. Над ними сверкало звездное небо. Никогда прежде Малыш не видел столько звезд, да таких ярких, да так близко! Нет, конечно, не близко, до них было много тысяч километров, Малыш это знал, и все же... О, над домиком Карлсона раскинулся звездный шатер, и до него, казалось, рукой подать, и вместе с тем так бесконечно далеко!

— На что ты глазеешь? — нетерпеливо спросил Карлсон.— Мне холодно. Ну, ты летишь или раздумал?

— Лечу,— ответил Малыш.— Спасибо.

...А на следующий день... Что это был за день! Сперва вернулись Боссе и Бетан, потом папа, а последней — но все равно это было самое главное! — мама. Малыш кинулся к ней и крепко ее обнял. Пусть она больше никогда от него не уезжает! Все они — и папа, и Боссе, и Бетан, и Малыш, и фрекен Бок, и Бимбо — окружили маму.

— А твое переутомление уже прошло? — спросил Малыш. — Как это оно могло так быстро пройти?

— Оно прошло, как только я получила твое письмо, — сказала мама. — Когда я узнала, что вы все больны и изолированы, я почувствовала, что тоже всерьез захвораю, если немедленно не вернусь домой.

Фрекен Бок покачала головой.

— Вы поступили неразумно, фру Свантесон. Но я буду время от времени приходить к вам помогать немного по хозяйству, — сказала фрекен Бок. — А теперь я должна немедленно уйти. Сегодня вечером я выступаю по телевидению.

Как все удивились: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан.

— В самом деле? Мы все хотим на вас посмотреть. Обязательно будем смотреть, — сказал папа.

Фрекен Бок гордо вскинула голову.

— Надеюсь. Надеюсь, весь шведский народ будет смотреть на меня.

И она заторопилась.

— Ведь мне надо успеть сделать прическу, и принять ванну, и побывать у массажистки и маникюристи, и купить новые стельки. Необходимо привести себя в порядок перед выступлением по телевидению.

Бетан рассмеялась.

— Новые стельки?.. Да кто их увидит по телевизору?

Фрекен Бок посмотрела на нее неодобрительно.

— А разве я сказала, что их кто-нибудь увидит? Во всяком случае, мне нужны новые стельки... Чувствуешь себя уверенней, когда знаешь, что у тебя все с головы до ног в порядке. Хотя это, может, и не всем понятно. Но мы — те, что всегда выступают по телевидению, — мы-то хорошо это знаем.

Фрекен Бок торопливо попрощалась и ушла.

— Вот и нет больше домомучительницы, — сказал Боссе, когда за ней захлопнулась дверь.

Малыш задумчиво кивнул.

— А я к ней уже привык, — сказал он. — И торт со взбитыми сливками она сделала хороший — такой большой, воздушный — и украсила его кусочками ананаса.

— Мы оставим торт на вечер. Будем пить кофе, есть торт и смотреть по телевизору выступление фрекен Бок.

Так все и было. Когда подошло время передачи, Малыш

позвонил Карлсону. Он дернул шнурок, спрятанный за занавесками, один раз, что означало: «Прилетай скорее». И Карлсон прилетел. Вся семья собралась у телевизора, кофейные чашки и торт со взбитыми сливками стояли на столе.

— Вот и мы с Карлсоном,— сказал Малыш, когда они вошли в столовую.

— Да, вот и я,— повторил Карлсон и развалился в самом мягком кресле.— Наконец-то, я вижу, здесь появился торт со сливками, и, надо сказать, весьма кстати. Могу ли я получить немедленно кусочек... очень большой кусочек?

— Мальчики получают торт в последнюю очередь,— сказала мама.— А кроме того, это мое место. Вы с Малышом можете оба сесть прямо на пол перед телевизором, а потом я дам вам по куску.

Карлсон обратился к Малышу:

— Слыхал? Она что, всегда так с тобой обращается? Бедное дитя!

Потом он улыбнулся, вид у него был довольный.

— Хорошо, что она и со мной так обращается, потому что это справедливо, а иначе я не играю.

И они оба, Малыш и Карлсон, сели на пол перед телевизором и ели торт, ожидая выступления фрекен Бок.

— Сейчас начнется,— сказал папа.

И в самом деле, на экране появилась фрекен Бок. А рядом с ней господин Пек. Он вел программу.

— Домомучительница как живая! — воскликнул Карлсон.— Гей, гей! Вот сейчас-то мы позабавимся!

Фрекен Бок вздрогнула. Казалось, она услышала слова Карлсона. А может, она просто очень волновалась, потому что стояла перед всем шведским народом и должна была ему поведать, как приготовить «Соус Хильдур Бок».

— Скажите, пожалуйста,— начал господин Пек,— как вам пришла мысль сделать именно это блюдо?

— Очень просто,— сказала фрекен Бок.— Когда у тебя есть сестра, которая ничего не смыслит в кулинарии...

Тут она умолкла, потому что Карлсон протянул вперед свою маленькую пухлую ручку и выключил телевизор.

— Домомучительница появляется и исчезает по моему желанию,— сказал он.

Но вмешалась мама.

— Немедленно снова включи,— сказала она.— И больше так не делай, а то тебе придется уйти.

Карлсон толкнул Малыша в бок и прошептал:

— А чего еще нельзя делать в вашем доме?

— Молчи. Посмотрим на фрекен Бок,— сказал Малыш.

— ...а чтобы было вкусно, его надо как следует посолить,

поперчить, и пусть кипит подольше,— договорила фрекен Бок.

И у всех на глазах она солила, и перчила, и кипятила всласть, а когда соус был готов, поглядела с экрана лукавым взглядом и спросила:

— Может, попробуете?

— Спасибо, только не я,— сказал Карлсон.— Но так и быть, если ты мне дашь имена и адреса, я приведу к тебе двух-трех маленьких огнеедов, о которых ты говорила. Они охотно пробуют!

Потом господин Пек поблагодарил фрекен Бок за то, что она согласилась прийти и рассказать, как она готовит этот соус, и на этом передача явно должна была кончиться, но тут фрекен Бок вдруг спросила:

— Скажите, пожалуйста, я могу передать привет сестре?

Господин Пек выглядел растерянным.

— Ну ладно, передавайте, только побыстрее!

И тогда фрекен Бок на экране помахала рукой и сказала:

— Привет, Фрида, ты меня слышишь? Надеюсь, ты не упала со стула?

— Я тоже на это надеюсь,— сказал Карлсон.— А то не миновать землетрясения в Нурланде.

— Ну что ты болтаешь? — спросил Малыш.— Ты ведь не знаешь, какая эта Фрида. Может, она вовсе не такая огромная, как фрекен Бок.

— Представь себе, знаю,— сказал Карлсон.— Я ведь несколько раз был у них дома, на Фрейгатен, и играл там в привидение.

Потом Карлсон и Малыш съели еще по куску торта и смотрели, как жонглер на экране кидает в воздух одновременно пять тарелок и потом ловит все пять на лету. Малышу было скучно смотреть на жонглера, но у Карлсона глаза так и сияли, и поэтому Малыш тоже был счастлив.

Все было очень приятно, и Малыш так радовался, что все сидели вместе с ним — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Бимбо... и даже Карлсон!

Когда с тортом было покончено, Карлсон схватил блюдо, слизал с него крем, потом подкинул вверх, как на экране жонглер тарелки.

— Тот парень в ящике не промах,— сказал Карлсон.— До чего же здорово! Угадай, кто лучший в мире кидальщик блюд?

Он подбросил блюдо так высоко, что оно едва не ударилось о потолок, и Малыш испугался:

— Довольно, Карлсон, не надо... ну, не надо!

Мама и все остальные смотрели телевизор. Там танцевала балерина, и никто не заметил, что вытворяет Карлсон.

А Малыш все шептал: «Брось, Карлсон, не надо», но это не помогало, и Карлсон безмятежно продолжал кидать блюдо.

— Какое у вас красивое блюдо! — воскликнул Карлсон и снова подбросил его к потолку. — Точнее сказать, у вас было красивое блюдо, — поправился он и нагнулся, чтобы собрать осколки. — Ну ничего, это пустяки, дело житейское...

Но мама услышала, как блюдо стукнулось об пол и разбилось. Она как следует отшлепала Карлсона и сказала:

— Это было мое любимое блюдо, а вовсе не пустяки и не дело житейское.

Малыш был недоволен, что так обходятся с лучшим в мире жонглером, но он понимал, что маме жаль блюдо, и попытался ее утешить:

— Я достану из своей копилки деньги и куплю тебе новое блюдо.

Но тут Карлсон сунул руку в карман, вынул пятиэровую монетку и протянул ее маме.

— Я сам плачу за то, что бью. Вот! Пожалуйста! Купи новое блюдо, а сдачу можешь оставить себе.

— Спасибо, милый Карлсон, — сказала мама.

— Знаешь что, купи на оставшиеся деньги несколько дешевых вазочек и швыряй ими в меня, когда снова будешь сердиться.

Малыш прижался к маме:

— Мама, ты не сердишься на Карлсона, скажи?

Мама потрепала по руке сперва Карлсона, потом Малыша и сказала, что больше на них не сердится.

Потом Карлсон стал прощаться:

— Привет, мне пора домой, а то я опоздаю к ужину.

— А что у тебя сегодня на ужин? — спросил Малыш.

— «Соус Карлсона, который живет на крыше», — сказал Карлсон. — Только я не положу в него столько лисьего яда, сколько кладет домохозяйка, можешь мне поверить. Угадай, кто лучший в мире мастер по соусам?

— Ты, Карлсон, — сказал Малыш.

Час спустя Малыш уже лежал в своей кроватке, а рядом стояла корзинка, где спал Бимбо. Все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — пришли к нему в комнату пожелать спокойной ночи. Малыша уже одолевал сон. Но он еще не спал, а думал о Карлсоне. Что он сейчас делает, Карлсон? Может, как раз что-нибудь мастерит... скворечник или еще что...

«Завтра, когда я приду из школы, — думал Малыш, — я позвоню Карлсону и спрошу, нельзя ли мне слетать к нему и тоже еще что-нибудь смастерить».

А потом Малыш подумал: «Как хорошо, что Карлсон провел звонок, я позвоню ему всегда, когда захочу». И вдруг понял, что он уже захотел.

Он вскочил с постели, босиком подбежал к окну и дернул за шнурок. Три раза. Этот сигнал означал: «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человечек, как ты, лучший в мире Карлсон!»

Малыш еще постоял немного у окна, не потому, что ждал ответа, а просто так, и вдруг, представьте себе, прилетел Карлсон.

— Да, ты прав,— сказал он,— это и в самом деле очень хорошо.

Больше Карлсон ничего не сказал и тут же улетел назад, в свой зеленый домик на крыше.

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ПРОКАЗНИЧАЕТ ОПЯТЬ

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО БЫТЬ КАРЛСОНОМ

Однажды утром спросонья Малыш услышал взволнованные голоса, доносившиеся из кухни. Папа и мама явно были чем-то огорчены.

— Ну вот, дождались! — сказал папа. — Ты только погляди, что написано в газете. Н^а, прочти сама.

— Ужасно! — воскликнула мама. — Просто ужас какой-то! Малыш мигом соскочил с постели. Ему не терпелось узнать, что же именно ужасно. И он узнал.

На первой странице газеты огромными буквами был набран заголовок:

«Что это, летающий бочонок или нечто другое?»

А под заголовком — статья:

«Странный неопознанный объект летает над Стокгольмом. Очевидцы сообщают, что за последнее время неоднократно видели в районе Вазастана некий летающий предмет, напоминающий по виду маленький пивной бочонок. Он издает звуки, похожие на гул мотора. Представители Авиакомпании ничего не смогли сообщить нам относительно этих полетов. Поэтому возникло предположение, что это иностранный спутник-шпион, запущенный в воздушное пространство с разведывательными целями. Тайна этих полетов должна быть раскрыта, а неопознанный объект — пойман. Если он действительно окажется шпионом, его необходимо передать для расследования в руки полиции.

Кто раскроет летающую тайну Вазастана?

Редакция газеты назначает вознаграждение в 10 000 крон. Тот, кому посчастливится поймать этот таинственный предмет, получит премию в 10 000 крон. Ловите его, несите в редакцию, получайте деньги!»

— Бедный Карлсон, который живет на крыше, — сказала мама. — Теперь начнется на него охота.

Малыш разом и испугался, и рассердился, и огорчился.

— Почему Карлсона не могут оставить в покое! — закричал он. — Он ведь не делает ничего плохого. Живет себе в своем домике на крыше и летает взад-вперед. Разве Карлсон в чем-то виноват?

— Нет, — сказал папа, — Карлсон ни в чем не виноват. Только он... как бы это сказать... ну, несколько необычен, что ли...

Да, что и говорить, Карлсон несколько необычен, с этим Малыш был вынужден согласиться. Разве обычно, когда в домике на крыше живет маленький толстенький человечек, да еще с пропеллером на спине и с кнопкой на животе?

А ведь Карлсон был как раз таким человечком. И он был лучшим другом Малыша. Да, именно Карлсон, а не Кристер и Гунилла, которых Малыш тоже очень любил и с которыми играл, когда Карлсон вдруг исчезал куда-то или просто был занят.

Карлсон уверял, что Кристер и Гунилла не идут с ним ни в какое сравнение, и всякий раз сердился, когда Малыш о них заговаривал.

— Ставить этих карапузов на одну доску со мной! — возмущался Карлсон. — Со мной, таким красивым и в меру упитанным мужчиной в самом расцвете сил! Многим ли глупым мальчишкам посчастливилось иметь такого лучшего друга, как я? Ну, отвечай!

— Нет, нет, только мне одному, — говорил Малыш, и всякий раз сердце его замирало от радости. Как ему повезло, что Карлсон поселился на крыше именно его дома! Ведь в Вазастане полно таких вот старых некрасивых домов, как тот, в котором жила семья Свантесов! Какая удача, что Карлсон случайно оказался на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Правда, мама и папа Малыша сперва вовсе не были в восторге от того, что в доме появился Карлсон. И Боссе и Бетан поначалу его тоже невзлюбили. Вся семья — за исключением Малыша, конечно, — считала, что Карлсон самый вздорный, самый дерзкий, самый несносный озорник, какой только бывает на свете. Но постепенно все к нему привыкли. Теперь Карлсон, пожалуй, им даже нравился, а главное, они понимали, что он необходим Малышу. Ведь Боссе и Бетан были гораздо старше его, поэтому Малыш никак не мог обойтись без лучшего друга. И хотя у него была собака — изумительный щенок Бимбо, — Карлсон ему был совершенно необходим.

— Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша,— сказала мама.

Но с самого начала мама и папа решили никому не говорить о существовании Карлсона. Они прекрасно понимали, что́ будет твориться в их доме, если о Карлсоне узнают на телевидении, а газеты и журналы захотят печатать о нём статьи, скажем, под заголовком: «Карлсон у себя дома».

— Вот будет смешно,— сказал Боссе,— если мы вдруг увидим в каком-нибудь журнале фотографию Карлсона... Представляешь, он сидит у себя в гостиной, любуется букетом красных роз...

— Заглохни! — оборвал его Малыш.— Ты же знаешь, что у Карлсона никакой гостиной нет, у него всего-навсего одна комнатка, и никаких роз там нет.

Да, все это Боссе знал и сам. Однажды все они — и Боссе, и Бетан, и мама, и папа — правда, только один раз, видели домик Карлсона. Они вылезли на крышу через слуховое окно — обычно так лазают только трубочисты,— и Малыш показал им маленький домик за трубой.

Мама немножко испугалась, когда поглядела с крыши вниз, на улицу. У нее даже закружилась голова, и ей пришлось схватиться рукой за трубу.

— Малыш, обещаю тебе сейчас же, что ты никогда не полезешь на крышу один,— сказала она.

— Ладно,— буркнул Малыш, подумав.— Я никогда не полезу на крышу один... раз я полезу туда с Карлсоном,— добавил он шепотом.

Но мама, видно, не расслышала его последних слов; ну и ладно, пусть она пеняет на себя. Как она может требовать, чтобы Малыш никогда не бывал у Карлсона? Мама ведь и понятия не имеет, как весело сидеть в тесной комнатке Карлсона, битком набитой всякими диковинными и чуждыми вещами.

«А теперь, после этой дурацкой статьи, все, наверное, кончится!» — с горечью думал Малыш.

— Ты должен предупредить Карлсона,— сказал папа,— пусть будет поосторожней. Некоторое время ему лучше не летать по Вазастану. Вы можете играть в твоей комнате, тогда его никто не увидит.

— Но если он начнет безобразничать, я его живо выставлю вон,— добавила мама и протянула Малышу тарелку с кашей.

Бимбо тоже получил свою порцию каши. Папа попрощался и пошел на работу. И маме, как выяснилось, тоже надо было уходить.

— Я иду в бюро путешествий, чтобы узнать, нет ли там для нас какого-нибудь интересного маршрута. Папа на днях уходит в отпуск,— сказала она и поцеловала Малыша.— Я скоро вернусь.

И Малыш остался один. Один с Бимбо, с тарелкой каши и со своими мыслями. И с газетой. Он придвинул ее к себе и стал разглядывать. Под заметкой о Карлсоне была напечатана фотография огромного белого парохода, который прибыл с туристами в Стокгольм и стоял теперь на якоре в Стремене. Малыш долго глядел на снимок — белый пароход был невероятно красив! Как Малышу захотелось подняться на борт этого прекрасного корабля и уплыть куда-нибудь далеко-далеко!

Он старался смотреть только на эту фотографию, но взгляд его то и дело соскальзывал на крупные буквы заголовка:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

Малыш очень разволновался. Необходимо как можно скорее поговорить с Карлсоном, но сделать это надо осторожно, чтобы не испугать его, а то он вдруг улетит и никогда больше не вернется!

Малыш вздохнул. И нехотя сунул в рот ложку каши. Но кашу не проглотил, а держал ее на языке, словно желал получше распробовать. Малыш был маленьким худеньким мальчиком с плохим аппетитом — таких ведь немало. Он мог часами сидеть перед тарелкой с едой и вяло ковырять ложкой или вилкой, но так и не доест до конца.

«Что-то каша невкусная, — подумал Малыш. — Может, будет вкуснее, если добавить сахарку...» Он потянулся за сахарницей, но в эту минуту услышал гул мотора у окна, и тут же в кухню влетел Карлсон.

— Привет, Малыш! — крикнул он. — Ты знаешь, кто лучший в мире друг? А еще угадай, почему этот друг появился здесь именно сейчас!

Малыш поспешно проглотил кашу, которую так долго держал во рту.

— Лучший в мире друг — это ты, Карлсон! Но я не знаю, почему ты прилетел именно сейчас.

— Чур, гадать до трех раз! — сказал Карлсон. — Может, потому, что я соскучился по тебе, глупый мальчишка? Может, я попал сюда по ошибке, а собирался вовсе слетать в Королевский парк? А может, я почуял, что здесь пахнет кашей? Раз, два, три, говори, не задерживайся!..

Малыш засиял.

— Наверное, потому, что ты по мне соскучился, — сказал он смущенно.

— А вот и нет! И в Королевский парк я тоже лететь не собирался. Так что гадать тебе больше нечего.

«Королевский парк! — с ужасом подумал Малыш. — Туда Карлсону никак нельзя лететь. Да и вообще ему нельзя туда, где полным-полно народа, где его увидят. Придется ему это сейчас объяснить».

— Слушай, Карлсон...— начал Малыш и тут же умолк, потому что вдруг заметил, что Карлсон чем-то явно недоволен.

Он угрюмо глядел на Малыша и чмокал губами.

— Приходишь голодный как пес,— ворчал Карлсон,— а этот сидит себе как ни в чем не бывало перед полной тарелкой каши, вокруг шеи у него повязана салфетка, и он бубнит себе под нос, что надо съесть ложку за маму, ложку за папу, ложку за тетю Августу...

— За какую тетю Августу? — спросил Малыш, сгорая от любопытства.

— Понятия не имею,— ответил Карлсон.

— Так зачем же есть кашу за ее здоровье? — рассмеялся Малыш.

Но Карлсону было не до смеха.

— Ах, вот как! Значит, твой друг должен умереть с голоду только потому, что ты не знаешь каких-то там старых теток, которые живут где-то у черта на рогах!

Малыш вскочил, вынул из буфета тарелку и сказал Карлсону, чтобы он сам положил себе сколько хочет. Все еще мрачный как туча, Карлсон взял кастрюлю и принялся накладывать кашу в тарелку. Он накладывал и накладывал, а когда выскреб все до дна, стал водить указательным пальцем по стенке кастрюли, отколупывая и то, что прилипло.

— У тебя не мама, а золото,— сказал Карлсон,— жаль только, что она такая жадная. Никогда не видел, чтобы варили так мало каши.

Только после того как вся каша до последней крупинки оказалась у Карлсона в тарелке, он приступил к еде, да так, что за ушами трещало. На несколько минут все звуки в кухне заглушило громкое чавканье, которое всегда раздается, когда кто-нибудь очень жадно уплетает кашу.

— К сожалению, за здоровье тети Августы уже съесть нечего,— заявил Карлсон и вытер ладонью рот.— Но что я вижу! Здесь есть булочки! Спокойствие, только спокойствие. Милая тетя Августа, все в порядке, живи спокойно-преспокойно в своем далеком городке Тумбе или где хочешь. Я съем за твоё здоровье вместо каши две булочки. А может, даже три... или четыре... или пять!

Пока Карлсон заглатывал одну за другой булочки, Малыш тихо сидел и обдумывал, как ему поумнее предостеречь своего друга. «Может, правильнее всего просто дать Карлсону газету? Пусть сам все прочтет»,— решил он и после некоторого колебания придвинул газету к Карлсону.

— Погляди-ка на первую страницу,— сказал Малыш мрачно. Карлсон поглядел. И надо сказать, с большим интересом, а потом ткнул пухлым пальчиком в фотографию белого парохода.

— Ба-бах! Пароход перевернулся! — воскликнул он. — Катастрофа за катастрофой!

— Да ты же держишь газету вверх ногами, — мягко сказал Малыш.

Он давно подозревал, что Карлсон не умеет читать. Но Малыш был добрым мальчиком, он никого не хотел обижать, и, уж конечно, не хотел обижать Карлсона, поэтому он не стал кричать: «Ха-ха-ха, ты не умеешь читать!», а молча перевернул газету так, что Карлсон тут же увидел, что никакого несчастья не произошло.

— Но здесь написано про другое несчастье, — сказал Малыш. — Послушай только!

И он прочел вслух про летающий бочонок и про спутника-шпиона, которого необходимо было поймать, и про вознаграждение, назначенное газетой, — всю заметку от начала до конца...

— «Доставьте его в редакцию, и вы получите указанную сумму», — закончил он чтение и вздохнул.

Но Карлсон не вздыхал, совсем наоборот, он был в восторге.

— Гоп-гоп! — выкрикивал он и прыгал на месте от радости. — Гоп-гоп, можно считать, что спутник-шпион уже пойман! Звони в редакцию и скажи, что я приду к ним после обеда.

— Что ты задумал? — с испугом спросил Малыш.

— Знаешь, кто лучший в мире охотник за спутниками-шпионами? — И Карлсон с гордым видом ткнул себя пальцем в грудь. — Вот он, грозный Карлсон! Никто не спасется, когда я лечу со своим большим сачком. Раз спутник-шпион кружится где-то здесь, в районе Вазастана, я до вечера наверняка поймаю его сачком... Кстати, у тебя есть чемодан, чтобы нам унести десять тысяч?

Малыш вновь вздохнул. Все оказалось куда сложнее, чем он думал. Карлсон ничего не подозревал.

— Милый Карлсон, неужели ты не догадался, что «летающий бочонок» — это ты, что это они за тобой охотятся? Теперь понял?

Карлсон очередной раз подпрыгнул от радости, и вдруг до него дошёл смысл этих слов. В горле у него что-то заклокотало, словно он поперхнулся, и он окинул Малыша яростным взглядом.

— «Летающий бочонок»! — завопил он. — Ты меня обзываешь летающим бочонком! Ты, мой лучший друг!

Он вскинул руки, чтобы казаться как можно длиннее, и одновременно втянул живот.

— Ты, я вижу, забыл, — начал он свысока, — что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Так или не так?

— Конечно, Карлсон, т-так... — залепетал Малыш, заикаясь от волнения. — Но я не виноват, что они это пишут в газете. А они имеют в виду тебя, это точно.

Карлсон злился всё больше и больше.

— «Кому посчастливится поймать этот таинственный предмет...» — с горечью повторил он снова слова заметки. — «Предмет»! — выкрикнул он, окончательно выходя из себя. — Кто-то смеет обзывать меня предметом! Я этому гаду так врежу по переносице, что у него глаза на лоб полезут!

И Карлсон сделал несколько маленьких, но угрожающих прыжков в сторону Малыша. И зря. Потому что Бимбо тут же вскочил. Уж он-то никому не позволит тронуть Малыша.

— Бимбо, на место, успокойся! — скомандовал Малыш. И Бимбо послушался, только поворчал немного, чтобы Карлсон понял, что он на страже.

А Карлсон сел на скамеечку. Вид у него был мрачный и невыразимо печальный.

— Я так не играю, — сказал он. — Я так не играю, раз ты такой злой, и называешь меня предметом, и натравливаешь на меня своих дурацких собак.

Малыш совсем растерялся. Он не знал, что сказать, что сделать.

— Я не виноват, что так пишут в газете, — пробормотал он снова и умолк.

Карлсон тоже молчал и с печальным видом сидел на скамеечке. В кухне воцарилась тягостная тишина.

И вдруг Карлсон громко расхохотался. Он вскочил со скамеечки и добродушно ткнул Малыша кулачком в живот.

— Уж если я предмет, то, во всяком случае, самый лучший в мире предмет, который стоит десять тысяч крон! Понял? Да?

Малыш тоже стал смеяться — от радости, что Карлсон снова развеселился.

— Да, это верно, — подтвердил он, — ты стоишь десять тысяч крон. Думаю, мало кто стоит так дорого.

— Никто в мире, — твёрдо заявил Карлсон. — Спорим, что такой вот глупый мальчишка, как ты, стоит не больше ста двадцати пяти крон.

От избытка чувств он нажал стартовую кнопку на животе, взмыл к потолку и с радостными воплями сделал несколько кругов вокруг лампы.

— Гей-гоп! — кричал он. — Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон! Гей-гоп!

Малыш решил махнуть на всё рукой. Ведь Карлсон на самом деле вовсе не был шпионом — значит, его могут задержать только за то, что он Карлсон. Малыш вдруг понял, что мама и папа испугались не за Карлсона, а за свой покой. Они просто боялись, что если все будут ловить Карлсона, то скрывать его существование уже не удастся. Малышу показалось, что Карлсону всерьёз ничего не угрожает.

— Тебе нечего бояться, Карлсон,— сказал он, стараясь его успокоить.— Тебе ничего не могут сделать за то, что ты — это ты.

— Конечно, каждый имеет право быть Карлсоном,— подхватил Карлсон.— Хотя до сих пор нашёлся только один такой хороший и в меру упитанный экземпляр.

Они снова стояли рядом посреди комнаты Малыша, и Карлсон с надеждой и нетерпением оглядывался по сторонам.

— Нет ли у тебя новой паровой машины, которую мы могли бы взорвать? Или ещё чего-нибудь интересного? Главное, чтобы загрохотало вовсю. Давай устроим сейчас немыслимый грохот. Я хочу позабавиться, а то я не играю,— сказал он, и в ту же секунду взгляд его упал на пакетик, который лежал на столе у Малыша.

Он кинулся на него, словно коршун на добычу. Мама положила Малышу этот пакетик вчера вечером, а в нём был прекрасный персик. И вот теперь этот персик Карлсон жадно сжимал пухленькими пальцами.

— Мы его разделим, ладно? — торопливо предложил Малыш. Он тоже любил персики и знал, что нельзя зевать, если хочешь его хоть попробовать.

— Хорошо,— согласился Карлсон,— разделим! Я возьму себе персик, а ты — пакетик. Учти, я уступаю тебе лучшую часть: с пакетиком можно знаешь сколько интересных штук придумать!

— Нет, спасибо! — твёрдо сказал Малыш.— Мы сперва разделим персик, а потом я тебе охотно уступаю пакетик.

Карлсон неодобрительно покачал головой.

— Никогда ещё не встречал таких прожорливых мальчишек, как ты! — вздохнул он.— Ну ладно, раз уж ты так настаиваешь...

Чтобы разделить персик, нужен был нож, и Малыш побежал в кухню. А когда он вернулся с ножом, Карлсон исчез. Но Малыш тут же услышал, что из-под стола доносилось чавканье и причмокивание, словно кто-то торопливо ел что-то очень сочное.

— Послушай, что ты там делаешь? — с тревогой спросил Малыш.

Когда Карлсон вылез из-под стола, персиковый сок стекал у него с подбородка. Он протянул свою пухлую ручку и сунул Малышу большую шершавую тёмно-красную косточку.

— Заметь, я всегда отдаю тебе самое лучшее,— заявил он.— Если ты посадишь эту косточку, у тебя вырастет целое персиковое дерево, всё увешанное сочными персиками. Ну, кто самый большой добряк в мире? Я ведь даже не устраиваю никакого скандала, хоть и получил от тебя только один паршивенький персик!

Но Малыш, если бы и захотел, не успел бы ничего ответить, потому что в мгновение ока Карлсон очутился у окна, где на подоконнике стоял горшок с бегонией, и схватил цветок за стебель.

— Я такой добрый, что сам помогу тебе посадить эту косточку,— заявил он.

— Не трогай! — крикнул Малыш.

Но было уже поздно: Карлсон вырвал бегонию с корнем и вышвырнул в окно.

— Ты что, ты что?! — завопил Малыш, но Карлсон его не слушал.

— Целое большое персиковое дерево! Представляешь? На своём пятидесятилетии ты каждому гостю — каждому-каждому, понял! — дашь по персику. Разве это не интересно?

— Но ещё интересней будет, когда мама заметит, что ты выбросил её бегонию, — сказал Малыш. — И подумай, вдруг сейчас мимо дома шёл какой-нибудь старичок и цветок угодил ему как раз по башке. Что он скажет, как ты считаешь?

— «Спасибо, дорогой Карлсон!» — вот что он скажет, — уверял Карлсон Малыша. — «Спасибо, дорогой Карлсон, что ты вырвал с корнем бегонию, а не швырнул её вниз прямо в горшке... как этого хотела бы глупая мама Малыша».

— Вовсе она этого не хотела бы! — запротестовал Малыш. — Почему ты так говоришь?

Карлсон успел тем временем ткнуть косточку в горшок и теперь энергично засыпал её землёй.

— Нет, хотела! — не сдавался Карлсон. — Она, видите ли, не позволяет вытаскивать бегонии из горшка. А что это может стоить жизни ни в чём не повинному старичку, мирно идущему по улице, — это твою маму не волнует. «Одним стариком больше, одним меньше — это пустяки, дело житейское, — говорит она, — только бы никто не трогал мою бегонию».

Карлсон гневно глядел на Малыша.

— И в конце концов, если бы я выкинул бегонию с горшком, куда мы посадили бы персиковую косточку? Подумал ли ты об этом?

Малыш об этом не подумал, поэтому он не знал, что ответить. Спорить с Карлсоном было нелегко, особенно когда он бывал в настроении спорить. Но к счастью, настроение у него менялось каждые пятнадцать минут. Вот и теперь он вдруг издал какой-то странный, но явно радостный звук, похожий на кудахтанье.

— Мы же забыли про пакет! — воскликнул он. — А с пакетом можно отлично позабавиться.

Этого Малыш прежде не знал.

— Ну да? Что же можно сделать с пакетом?

Глаза Карлсона заблестели.

— Издать самый громкий в мире хлюп! — объявил он. — Гей-гоп, какой сейчас будет изумительный хлюп! Вот этим мы и займёмся.

Он схватил пакет и со всех ног побежал в ванную комнату. Малыш, раздираемый любопытством, бросился за ним. Ему очень хотелось узнать, как делают самый громкий в мире хлюп.

Карлсон стоял, наклонившись над ванной, и наполнял пакет водой.

— Ты глупый, да? Разве можно лить воду в бумажный пакет? Неужели ты этого не понимаешь?

— А что такое? — спросил Карлсон и помахал пакетом с водой у Малыша перед носом, чтобы Малыш воочию убедился, что в бумажный пакет можно лить воду, а потом стремглав кинулся назад в комнату Малыша.

Малыш побежал за ним, полный дурных предчувствий. И они оправдались... Карлсон весь высунулся из окна так, что видны были только его толстые, короткие, пухленькие ножки.

— Гей-гоп, — завопил он, — погляди вниз, сейчас я произведу самый сильный в мире хлюп!

— Стой! — крикнул Малыш и тоже лёг на подоконник. — Не надо, Карлсон, не надо! — молил он испуганно.

Но было уже поздно. Мешок полетел вниз, и Малыш увидел, как он разорвался, словно бомба, у ног какой-то тётеньки, которая шла в молочное кафе в соседний дом. И было ясно, что этот самый громкий в мире хлюп ей решительно не понравился.

— Гляди, — сказал Карлсон, — она ахнула, словно мы сбросили горшок с фикусом, а не полтора стакана воды.

Малыш с грохотом захлопнул окно. Он не хотел, чтобы Карлсон продолжал выбрасывать на улицу разные вещи.

— Я думаю, что этого нельзя делать, — сказал Малыш серьёзно, но Карлсон в ответ только расхохотался.

Он несколько раз облетел вокруг лампы и, не переставая хихикать, приземлился возле Малыша.

— «Я думаю, что этого делать нельзя»! — передразнил он Малыша. — А что, по-твоему, можно? Швырнуть вниз пакеты с тухлыми яйцами? Это тоже одна из странных фантазий твоей мамы?

Карлсон снова взлетел и снова грузно шмякнулся на пол как раз перед Малышом.

— Могу сказать, что вообще ты и твоя мама — самые странные люди на свете, но всё же я вас люблю. — Карлсон потрепал Малыша по щеке.

Малыш покраснел, так он был счастлив. Карлсон его любил, это замечательно! Да и маму он любил тоже, это ясно, хотя часто плёл про неё невесть что.

— Да сам удивляюсь, — подтвердил Карлсон, продолжая похлопывать Малыша по щеке.

Он хлопал его долго и всё более и более увлечённо. Последний хлопок походил уже скорее на пощёчину, и тогда Карлсон сказал:

— Ой, до чего же я милый! Я самый милый в мире! И я думаю, что поэтому мы сейчас поиграем во что-нибудь совсем милое, ты согласен?

Малыш был, конечно, согласен, и он тут же стал лихорадочно соображать, во что бы такое милое поиграть с Карлсоном.

— Вот, например,— предложил Карлсон,— мы могли бы играть, что стол — это наш плот, на котором мы спасаемся от наводнения... а оно, кстати, как раз и начинается.

И он показал на струйку воды, которая подтекла под дверь. У Малыша перехватило дыхание.

— Ты что, не закрыл кран в ванной? — спросил он с ужасом. Карлсон наклонил голову и ласково поглядел на Малыша.

— Угадай, закрыл ли я кран или нет! До трёх раз!

Малыш распахнул дверь в прихожую. Карлсон был прав. Великое наводнение началось. Ванная и прихожая были залиты водой, она стояла уже так высоко, что в ней можно было плескаться, если была охота. А Карлсону была охота. Он с восторгом прыгнул прямо в воду.

— Гей-гоп! — кричал он. — Бывают же дни, когда случаются только прекрасные вещи!

Малыш закрыл кран в ванной и выпустил из неё воду, а потом опустился на стул в прихожей и с отчаянием уставился на пол.

— Ой,— сказал он тихо,— ой, что скажет мама?

Карлсон перестал прыгать в воде и с обидой посмотрел на Малыша.

— Ну знаешь, это уж слишком! — возмутился он. — Что же она такая ворчунья, твоя мама! Несколько вёдер самой обыкновенной воды... есть о чём говорить!

Он снова подпрыгнул, да так высоко, что обрызгал Малыша с головы до ног.

— Приятная водичка,— сказал он. — А заодно и ножная ванна. Она что, возражает против мытья ног?

И он еще раз прыгнул, и снова Малыша обдало брызгами.

— Неужели твоя мама никогда не делает ножных ванн? И все дни напролёт швыряет из окон цветочные горшки? Так, что ли?

Малыш ничего не ответил. Он думал. Надо было во что бы то ни стало всё убрать до прихода мамы.

— Карлсон, мы должны поскорее...

Он не договорил, а вскочил со стула и помчался на кухню. И тут же вернулся с половой тряпкой.

— Давай, Карлсон, помогай...— начал он, но вдруг обнаружил, что Карлсона в комнате нет.

Его не было ни в прихожей, ни в ванной — нигде. Но всё время Малыш слышал гул моторчика. Он подбежал к окну и увидел, что ввысь взмыло нечто напоминающее толстенную сардельку.

— Летающий бочонок или нечто другое? — пробормотал Малыш.

Нет, это был не летающий бочонок, а всего-навсего Карлсон, который возвращался в свой зелёный домик на крыше.

Но тут Карлсон заметил Малыша. Он спикировал вниз и промчался мимо окна на такой скорости, что воздух засвистел. Малыш восторженно замахал ему тряпкой, и Карлсон махнул в ответ своей пухленькой ручкой.

— Гей-гоп! — кричал он. — Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон. Гей-гоп!

И он улетел. А Малыш стал собирать тряпкой воду с пола прихожей.

КАРЛСОН ВСПОМИНАЕТ, ЧТО У НЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Карлсону повезло, что его не было, когда мама вернулась из бюро путешествий, потому что она всерьёз рассердилась и из-за исчезнувшей бегонии, и из-за наводнения, хотя Малыш успел кое-как вытереть пол.

Мама сразу поняла, кто всё это натворил, и даже рассказала папе, когда он пришёл обедать.

— Может, это и нехорошо с моей стороны, — сказала мама, — потому что я к Карлсону за последнее время стала понемногу привыкать, но знаете, я сейчас сама готова заплатить десять тысяч крон, только бы от него отделаться.

— Ой, что ты! — воскликнул Малыш.

— Ладно, не будем сейчас больше об этом говорить, — сказала мама, — потому что во время еды надо, чтобы было весело.

Мама часто это повторяла: «Во время еды надо, чтобы было весело». И Малыш тоже так думал. А им, право же, всегда было весело, когда они все вместе сидели за столом и болтали о чём попало. Малыш больше говорил, чем ел, особенно когда на обед была варёная треска, или овощной суп, или селёдочные котлеты. Но сегодня мама подала им телячьи отбивные, а на сладкое — клубнику, потому что начались летние каникулы и Боссе и Бетан уезжали из дома. Боссе — в яхтклуб, учиться парусному спорту, а Бетан — на крестьянский хутор, где много лошадей. Так что это был прощальный обед, и мама постаралась, чтобы он превратился в маленький пир.

— Не огорчайся, Малыш, — сказал папа. — Мы тоже уедем втроём — мама, ты и я.

И он рассказал — великая новость! — что мама была в бюро путешествий и заказала билеты на точно такой же пароход, как тот, что был изображён на фотографии в газете. Через неделю он уйдёт в море, и целых пятнадцать дней они будут плыть на этом огромном белом пароходе и заходить в разные порты.

— Разве это не замечательно? — спросила мама Малыша. И папа его спросил. И Боссе и Бетан тоже.

— Разве это не колоссально, Малыш?

— Ага! — согласился Малыш.

И он в самом деле думал, что это наверняка будет колоссально. Но вместе с тем понимал, что что-то во всем этом есть и не очень колоссальное, даже знал, что именно: Карлсон! Как он может бросить Карлсона одного именно в тот момент, когда он действительно ему нужен! И хотя Карлсон никакой не шпион, а просто Карлсон, опасность ему все равно угрожает, если люди начнут за ним охотиться, чтобы получить десять тысяч крон. Малыш думал об этом все время, пока вытирал пол после великого наводнения. Кто знает, что кому может взбрести в голову. Вдруг они посадят Карлсона в клетку в зоопарке или придумают что-нибудь еще более ужасное. Во всяком случае, они не дадут Карлсону спокойно жить в маленьком домике на крыше. Уж это точно!

И Малыш решил остаться дома и охранять Карлсона. Он тут же, еще сидя за столом и уплетая телячью отбивную, объяснил всем, почему он не может никуда ехать.

Боссе расхохотался.

— Карлсон в клетке, это да!.. Ой, представь себе, Малыш, что ты с классом придешь в зоопарк поглядеть на разных зверей и вы будете читать, что написано на табличках. Вот ты и прочтешь на одной: «Медведь белый», а на другой: «Лось сохатый», или: «Волк степной», или там «Бобер обыкновенный», и вдруг: «Карлсон летающий».

— Не смей! — вскипел Малыш.

Но Боссе продолжал хохотать.

— «Карлсон летающий, просьба этого зверя не кормить». Представляешь, как бы он озверел, если бы это написали на его клетке!

— Дурак, — сказал Малыш. — Просто дурак.

— Но, Малыш, пойми, если ты не поедешь, значит, и мы не сможем поехать, — сказала мама.

— Спокойно сможете, — возразил Малыш. — А мы с Карлсоном будем вместе вести хозяйство.

— Ха-ха! И затопим весь дом, да? И вышвырнем из окон всю мебель на улицу! — захохотала Бетан.

— Дура, — сказал Малыш.

На этот раз сидеть за обеденным столом оказалось не так весело, как обычно. И хотя Малыш был мальчиком милым и добрым, он мог иногда вдруг удивительно заупрямиться. Вот и сейчас он стал тверд как камень и не проявлял никакой склонности вести переговоры.

— Но послушай, Козленок... — начал было папа, но так и не смог закончить, потому что в эту минуту что-то опустили в

почтовый ящик на двери и Бетан выскочила из-за стола, даже не попросив разрешения.

Она ждала письмо от какого-то длинноволосого мальчишки, поэтому пулей вылетела в прихожую. В ящике и в самом деле лежало письмо, но не Бетан от длинноволосого мальчишки, а папе от дяди Юлиуса, который был совершенно лысый.

— Во время еды должно быть весело,— сказал Боссе.— А это значит, что во время еды не должны приходить письма от дяди Юлиуса.

Дядя Юлиус был дальним родственником папы и раз в год приезжал в Стокгольм, чтобы посоветоваться со своим врачом и погостить у Свантесонов. Дядя Юлиус не желал жить в гостинице, он считал, что это слишком дорого. Впрочем, денег у него было очень много, но он не любил их тратить.

Никто у Свантесонов не радовался приезду дяди Юлиуса. И меньше всех папа. Но мама всегда при этом говорила:

«Ты ведь его единственный родственник, у него никого нет, кроме тебя, его просто жаль. Мы должны быть добры к бедному дяде Юлиусу».

Но стоит бедному дяде Юлиусу прожить в доме дня два, мучить детей своими непрерывными замечаниями, привередничать за столом и ныть по всякому поводу, как у мамы на лбу появляется складка и она становится такой же молчаливой и напряженной, каким всегда бывал папа с той самой минуты, как дядя Юлиус переступал порог их дома. А Боссе и Бетан так стараются не попадаться на глаза старику, что почти не бывают дома, когда он у них гостит.

«Только Малыш к нему добр»,— говорила мама.

Но и у Малыша стало иссякать терпение, и, когда дядя Юлиус гостил у них в прошлый раз, он нарисовал его портрет в своем альбоме, а под рисунком написал: «Болван».

Дядя Юлиус случайно увидел этот рисунок и сказал:

«Плохо ты нарисовал лошадь».

Ну конечно, дядя Юлиус считал, что все все делают плохо. Короче, это уж точно был нелегкий гость, и, когда он уложил наконец свои вещи в чемодан и уехал домой, в Вестергетланд, Малышу показалось, что дом вдруг расцвел и в комнатах зазвучала веселая музыка. Все стали оживленны и общительны, словно случилось что-то очень приятное, а ведь на самом-то деле ничего не случилось, просто уехал бедный дядя Юлиус.

И вот теперь, как было написано в письме, он снова собирался приехать и пробыть у них никак не меньше двух недель. Пусть они не беспокоятся, он уверен, что приятно и с пользой проведет это время, тем более что доктор предписал ему курс уколов и массаж: по утрам у него почему-то немеет тело.

— Ну вот, в кои-то веки собрались попутешествовать...—

вздыхнула мама.— А Малыш не хочет с нами ехать, да еще приезжает в гости дядя Юлиус!

Но тут папа стукнул кулаком по столу и сказал, что лично он непременно отправится в путешествие и во что бы то ни стало возьмет с собой маму, даже если ему для этого придется ее похитить. А Малыш может поступать, как ему вздумается: захочет — поедет с ними, нет — останется дома. Пусть сам решает. Что же касается дяди Юлиуса, то он волен приезжать и жить у них в квартире и ходить к докторам столько, сколько его душе угодно, а если ему это не подходит, может с тем же успехом остаться у себя в Вестергетланде, во всяком случае — папа это заявил со всей определенностью — он отправится в положенный день на пристань, сядет на пароход, и даже десять дядей Юлиусов его не остановят.

— Да, конечно,— сказала мама,— но все это надо как следует обдумать.

А когда мама все обдумала, то сказала, что попросит фрекен Бок: может быть, она согласится помогать по хозяйству двум упрямым холостякам — Малышу и дяде Юлиусу.

— Не двум, а трем,— сказал папа.— Третьего упрямого холостяка зовут Карлсон, который живет на крыше. Не забудьте про Карлсона, ведь он будет торчать здесь целыми днями.

Боссе так хохотал, что чуть не свалился со стула.

— Домомучительница, дядя Юлиус и Карлсон — вот какая компания подобралась!

— И плюс Малыш. Не забывайте про него, пожалуйста,— сказала Бетан.

Она обхватила Малыша обеими руками и с неподдельным изумлением поглядела ему в глаза.

— Ведь бывают же на свете такие люди, как мой младший брат! — сказала она.— Он отказывается от замечательного путешествия с мамой и папой ради того, чтобы остаться дома в обществе домомучительницы, дяди Юлиуса и Карлсона, который живет на крыше.

— Раз у тебя есть лучший друг, его нельзя бросать.

Не думайте, что Малыш не понимал, как ему будет трудно! Немыслимо трудно будет с Карлсоном, который начнет летать вокруг дяди Юлиуса и фрекен Бок. Нет, что и говорить, кто-нибудь должен остаться дома и все распутывать.

— И этим «кто-нибудь» буду я, больше никому, понимаешь, Бимбо? — сказал Малыш, когда он уже лежал в постели, а рядом, в корзинке, сопел Бимбо.

Малыш протянул указательный палец и почесал Бимбо под ошейником.

— А теперь нам лучше всего поспать,— сказал он,— утро вечера мудренее.

Но тут послышался шум мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Ну и история со мной приключилась! — воскликнул он. — Решительно все надо самому держать в голове: если что забудешь — конец, рассчитывать не на кого!..

Малыш сел в кровати.

— А что ты забыл?

— Я забыл, что у меня день рождения! Весь длинный сегодняшний день у меня, оказывается, день рождения, я просто об этом совершенно забыл, и никто, никто не сказал: «Поздравляю тебя, дорогой Карлсон».

— Не понимаю, — удивился Малыш, — как у тебя может быть день рождения сегодня, восьмого июня? Я же помню, что у тебя день рождения в апреле.

— Точно, был, — подтвердил Карлсон. — Но почему день рождения должен у меня быть всегда в один и тот же день, когда есть столько других прекрасных дней? Восьмого июня, например, — вполне прекрасный день, почему же мне его не выбрать для дня рождения? Может, ты против?

Малыш рассмеялся.

— Нет, я «за»! Пусть у тебя будет день рождения всегда, когда тебе хочется.

— Тогда, — начал Карлсон и умильно склонил голову набок, — тогда я попрошу дать мне мои подарки.

Малыш вылез из постели в глубокой задумчивости. Не так-то легко было тут же найти для Карлсона подходящий подарок, но он решил все же попробовать.

— Сейчас погляжу у себя в ящиках, — сказал он.

— Хорошо, — согласился Карлсон и приготовился терпеливо ждать. Но тут взгляд его упал на цветочный горшок, в который он посадил персиковую косточку. Недолго думая, Карлсон кинулся к горшку и пальцем быстро выковырял косточку из земли. — Нужно посмотреть, растет она или нет. Ой, гляди, по-моему, она стала намного больше, — отметил он и, снова сунув косточку в землю, обтер грязные пальцы о пижаму Малыша. — Лет через двадцать тебе будет здорово, — сказал он.

— Почему? — удивился Малыш.

— Потому что ты сможешь спать днем в тени персикового дерева! Здорово, правда? Да, кровать тебе, конечно, придется выбросить, мебель вообще как-то не подходит к персиковому дереву... Так, а где мои подарки?

Малыш вытащил одну из своих маленьких машинок, но Карлсон покачал головой. Тогда Малыш показал ему сперва игрушечную головоломку, потом «Конструктор», потом мешочек с разноцветными камушками, но Карлсон всякий раз молча качал головой. И тогда Малыш наконец догадался, что Карлсон хочет получить: пистолет! Он давно уже лежал в верхнем ящике письменного

стола в спичечном коробке. Это был самый маленький в мире пистолет и, конечно, самый прекрасный. Папа привез его Малышу из-за границы, и Кристер и Гунилла в свое время ему очень завидовали, потому что они в жизни не видели таких малюсеньких пистолетов. Он выглядел точь-в-точь как самый настоящий, а стрелял почти так же громко, как большой. Совершенно непонятно, говорил папа, как эта малютка может так громко стрелять.

— Будь осторожен и не стреляй, а то люди вокруг будут пугаться, — сказал папа, когда положил эту крохотульку Малышу на ладонь.

По понятной причине Малыш решил тогда не показывать этот пистолетик Карлсону. Впрочем, Малыш и сам знал, что не очень красиво с его стороны таить от друга игрушку. Да к тому же это оказалось бессмысленным, потому что Карлсон сам обнаружил пистолетик, когда рылся в его ящике.

Карлсону этот пистолетик, конечно, тоже необычайно понравился. «Может, поэтому он и решил устроить себе сегодня день рождения», — подумал Малыш и, глубоко вздохнув, достал коробок из ящика.

— Поздравляю тебя, дорогой Карлсон! — сказал он.

Карлсон издал дикий вопль, бросился к Малышу и поцеловал его в обе щеки, потом открыл коробок и с радостным кудахтаньем вынул пистолетик.

— Ты лучший в мире друг! — сказал он.

И Малыш вдруг почувствовал себя счастливым, таким счастливым, словно у него было еще сто таких пистолетиков.

— Понимаешь, — сказал Карлсон, — он мне в самом деле нужен. Сегодня вечером.

— Зачем? — с тревогой спросил Малыш.

— Чтобы, лежа в постели, считать овец, — объяснил Карлсон.

Тут надо сказать, что Карлсон не раз жаловался Малышу, что плохо спит.

— По ночам, правда, я сплю как убитый, — говорил он. — И по утрам тоже. Но вот после обеда я лежу и ворочаюсь и не могу сомкнуть глаз.

Тогда-то Малыш и научил его, как надо бороться с бессонницей. Если вам не удастся сразу заснуть, то нужно притвориться спящим и представить себе, что видишь стадо овец, которые прыгают через заборчик. И всех овец надо пересчитать одну за одной, как раз в момент, когда они взлетают над заборчиком, и в конце концов сон тебя обязательно одолеет.

— Понимаешь, я никак не мог заснуть сегодня вечером, — сказал Карлсон. — Я лежал и считал овец. И вот среди них была одна паршивая овца, которая никак не хотела прыгать, ну никак.

Малыш рассмеялся.

— Почему она не хотела прыгать?

— Чтобы меня помучить. Стоит себе у заборчика, переминается с ноги на ногу и ни с места. Тогда я подумал, что, если бы у меня был пистолет, я заставил бы ее прыгнуть. И вспомнил, что у тебя, Малыш, в ящике письменного стола лежит маленький пистолетик, и тогда я решил, что сегодня у меня день рождения,— сказал Карлсон и радостно потрогал пистолетик.

Конечно, Карлсон тут же захотел испытать свой подарок.

— Проверка! — сказал он.— Сейчас как бабахну, знаешь, как будет весело! А не то я не играю.

Но Малыш сказал очень твердо:

— Нет! Мы перебудим весь дом.

Карлсон пожал плечами.

— Ну и что ж? Пустяки, дело житейское! Снова заснут. А если у них нет овец, чтобы считать, я им одолжу своих.

Но Малыш уперся и ни за что не соглашался на испытание пистолета. Тогда Карлсон придумал такой выход.

— Мы полетим ко мне,— заявил он.— Все равно ведь надо отпраздновать мой день рождения... Не найдется ли у вас пирога?

Но пирога на этот раз не было, а когда Карлсон стал ворчать, Малыш сказал, что это, мол, пустяки, дело житейское.

— Запомни,— строго оборвал его Карлсон.— «Пустяки, дело житейское» про пироги не говорят. Но делать нечего, попробуем обойтись булочками. Беги и неси все, что найдешь!

Малыш пробрался в кухню и вернулся, нагруженный булочками. Мама разрешила ему в случае необходимости давать Карлсону булочку-другую. А сейчас необходимость в этом была.

Правда, мама не разрешала летать с Карлсоном на крышу, но об этом Малыш совсем забыл и искренне удивился бы, если бы кто-нибудь ему об этом напомнил. Он привык летать с Карлсоном и совсем не боялся, и даже сердце у него не екало, когда он, обхватив Карлсона руками за шею, стремительно взлетал ввысь, прямо к домику на крыше.

Таких июньских вечеров, как в Стокгольме, не бывает нигде. Нигде в мире небо не светится этим особым светом, нигде сумерки не бывают такими ясными, такими прозрачными, такими синими, что город и небо, отраженные в блеклых водах залива, кажутся совсем сказочными.

Такие вечера словно специально созданы для празднования дней рождения Карлсона в его домике на крыше. Малыш любовался сменой красок на небе, а Карлсон не обращал на это никакого внимания. Но когда они сидели вот так рядышком на крылечке, уплетали булочки и запивали их соком, Малыш ясно понимал, что этот вечер совсем не похож на другие вечера. А Карлсон так

же ясно понимал, что эти булочки совсем не похожи на другие булочки, которые печет мама Малыша.

«И домик Карлсона не похож ни на один домик в мире», — думал Малыш. Нигде нет такой уютной комнаты, и такого крылечка, и такого удивительного вида вокруг, и нигде не собрано вместе столько удивительных и на первый взгляд бессмысленных вещей, как здесь: Карлсон, как белка, набивал свой домик бог знает чем. Малыш не имел понятия, где Карлсон раздобыл все эти предметы. Большинство своих сокровищ Карлсон развешивал по стенам, чтобы их легко было найти в нужный момент.

— Видишь, какой у меня порядок. Все-все висит слева, кроме инструментов, а инструменты — справа, — объяснил Карлсон Малышу. — И картины тоже.

Да, на стене у Карлсона висели две прекрасные картины. Малыш очень любил на них смотреть. Их нарисовал сам Карлсон. На одной в самом углу листа была нарисована крошечная крылатая козявка, и картина называлась «Очень одинокий петух». На другой была изображена лисица, но картина при этом называлась «Портрет моих кроликов».

— Кроликов не видно, потому что они все у лисицы в животе, — пояснил Карлсон. Набив рот булочкой, Карлсон сказал: — Когда у меня будет время, я нарисую третью картину: «Портрет маленькой упрямой овцы, которая не хочет прыгать».

Но Малыш слушал его рассеянно, у него кружилась голова от звуков и запахов летнего вечера. Он уловил аромат цветущих лип с их улицы, слышал стук каблучков о плиты тротуара — много людей гуляло в этот ясный вечер. «Какой летний звук!» — подумал Малыш. Вечер был совсем тихий, и каждый шорох из соседних домов доносился до него удивительно отчетливо: люди болтали, и кричали, и пели, и бранились, и смеялись, и плакали — все вперемешку. И никто из них не знал, что на крыше высокого дома сидит мальчишка и вслушивается в это сплетение звуков, как в самую настоящую музыку.

«Нет, они не знают, что я сижу здесь с Карлсоном, и что мне так хорошо, и что я жую булочки и пью сок», — подумал счастливый Малыш.

Вдруг в ближайшей к ним мансарде раздались какие-то вопли.

— Слышал? Это мои хулиганы-сороканы, — объяснил Карлсон.

— Кто?.. Кто? Филле и Рулле?

Малыш тоже знал Филле и Рулле. Это были самые отпетые хулиганы и воры во всем Вазастане. Они тащили все, что плохо лежало.словно сороки. Поэтому Карлсон их звал «хулиганы-сороканы». Год назад они как-то вечером забрались в квартиру Свантесонов, чтобы обокрасть ее, но Карлсон тогда поиграл с

ними в привидения и так их напугал, что они это, верно, и по сей день не забыли. Даже серебряной ложечки им не удалось унести.

Когда Карлсон услышал вопли Филле и Рулле в мансарде, он решил вмешаться.

— Я думаю, сейчас самое время их немного попугать,— сказал он.— А не то мои хулиганы-сороканы отправятся на охоту за чужими вещами.

И они двинулись по скату крыши к мансарде жуликов. Малыш не предполагал, что можно так ловко прыгать на коротких толстых ногах: угнаться за Карлсоном было просто невозможно, тем более Малышу, который не так уж часто прыгал по крышам, но он изо всех сил старался не отстать от своего друга.

— Хулиганы-сороканы отвратительные типы,— сказал Карлсон, перепрыгивая с выступа на выступ.— Когда я себе что-нибудь беру, я всегда плачу за это пять эре, потому что я самый честный на свете. Но скоро у меня кончится запас пятиэровых монеток, и что я тогда буду делать, если мне захочется что-нибудь себе взять?.. Просто не знаю...

Окно мансарды Филле и Рулле было открыто, хоть и завешено занавеской. Крик там стоял невообразимый.

— Давай поглядим, чего это они так развеселились,— сказал Карлсон, отодвинул занавеску и заглянул в комнату.

Потом он пустил на свое место Малыша. И Малыш увидел Филле и Рулле. Они расположились прямо на полу, а перед ними была разложена газета. Видимо, в такое неистовство их приводило то, что они читали.

— Отхватить десять тысяч просто так, за здорово живешь, представляешь! — орал Рулле.

— И к тому же летает он здесь, у нас, в Вазастане! Поздравь меня с праздником, Рулле! — орал Филле и корчился от смеха.

— Послушай, Филле,— сказал Рулле,— я знаю одного парня, которому охота получить десять тысяч крон, ха-ха-ха!

Когда Малыш понял, о чем они говорят, он побледнел от страха, но Карлсон только захихикал.

— А я знаю одного парня, которому охота позабавиться,— сказал он и вытащил пистолетик. Выстрел прогремел по крыше.— Откройте, полиция! — произнес Карлсон строгим голосом.

Рулле и Филле вскочили как вострепанные.

— Нулле, рас нет! — закричал Филле.

Он хотел сказать: «Рулле, нас нет», но, когда он пугался, он всегда путал буквы в словах.

— Кскорее в робгарде! — скомандовал он, и они оба спрятались в гардеробе и притворили за собой створку, словно их и не было вовсе.

— Филле и Рулле нет дома, они просили передать, что их нет, они ушли! — раздался вдруг испуганный голос Филле.

Карлсон и Малыш вернулись назад и снова уселись на крыльцо, но Малышу уже не было так весело, как прежде: он думал о том, как трудно обеспечить безопасность Карлсона, особенно когда рядом живут такие типы, как Рулле и Филле. А тут еще в доме будут фрекен Бок и дядя Юлиус... ах да, он ведь совсем забыл рассказать об этом Карлсону!

— Слушай, Карлсон...— начал Малыш.

Но Карлсон его не слушал. Он вовсю уплетал булочки и запивал их соком из маленького голубенького стаканчика, который прежде принадлежал Малышу,— он подарил его Карлсону три месяца тому назад на его прошлый день рождения. Карлсон держал стаканчик обеими руками, как держат маленькие дети, а когда все выпил, стал его катать по полу, тоже как это делают маленькие дети.

— Ой! — вырвалось у Малыша, потому что это был маленький голубой стаканчик и ему не хотелось, чтобы он разбился.

Но он и не разбился: Карлсон очень ловко придерживал его большими пальцами ног. Дело в том, что Карлсон снял башмаки и из его драных носков в красную полосу торчали большие пальцы.

— Послушай, Карлсон...— снова начал Малыш.

Но Карлсон его тут же перебил:

— Вот ты умеешь считать. Прикинь-ка, сколько стоят мои большие пальцы, если всего меня оценили в десять тысяч крон.

Малыш рассмеялся.

— Не знаю. Ты что, продавать их собираешься?

— Да,— сказал Карлсон.— Тебе. Уступлю по дешевке, потому что они не совсем новые. И, пожалуй...— продолжал он, подумав,— не очень чистые.

— Глупый,— сказал Малыш,— как же ты обойдешься без больших пальцев?

— Да я и не собираюсь обходиться,— ответил Карлсон.— Они останутся у меня, но будут считаться твоими. А я их у тебя вроде как одолжил.— Карлсон положил свои ноги Малышу на колени, чтобы Малыш мог убедиться, насколько хороши его большие пальцы, и убежденно сказал: — Подумай только, всякий раз, как ты их увидишь, ты скажешь самому себе: «Эти милые большие пальцы — мои». Разве это не замечательно?

Но Малыш решительно отказался от такой сделки. Он просто пообещал отдать Карлсону свои пятиэровые монетки — все, что лежали в его копилке. Ему не терпелось рассказать Карлсону то, что он должен был рассказать.

— Послушай, Карлсон,— сказал он,— ты можешь отгадать, кто будет за мной присматривать, когда мама и папа отправятся путешествовать?

— Я думаю, лучший в мире присмотрщик за детьми,— сказал Карлсон.

— Ты что, имеешь в виду себя? — на всякий случай спросил Малыш, хотя и так было ясно, что Карлсон имел в виду именно это.

И Карлсон кивнул в подтверждение.

— Если ты можешь мне указать лучшего присмотрщика, чем я, получишь пять эре.

— Фрекен Бок,— сказал Малыш. Он боялся, что Карлсон рассердится, когда узнает, что мама вызвала фрекен Бок, когда лучший в мире присмотрщик за детьми находился под рукой, но, странным образом, Карлсон, напротив, заметно оживился и про- сиял.

— Гей-гоп! — Вот и все, что он сказал.— Гей-гоп!

— Что ты хочешь сказать этим «гей-гоп»? — с каким-то смутным беспокойством спросил Малыш.

— Когда я говорю «гей-гоп», то я и хочу сказать «гей-гоп»,— заверил Карлсон Малыша, но глаза его подозрительно заблестели.

— И дядя Юлиус тоже приедет,— продолжал Малыш.— Ему нужно посоветоваться с доктором и лечиться, потому что по утрам у него немеет тело.

И Малыш рассказал Карлсону, какой тяжелый характер у дяди Юлиуса и что он проживет у них все время, пока мама и папа будут плавать на белом пароходе, а Боссе и Бетан разъедутся на каникулы кто куда.

— Уж не знаю, как все это получится,— с тревогой сказал Малыш.

— Гей-гоп! Они проведут две незабываемые недели, поверь мне,— сказал Карлсон.

— Ты про кого? Про маму и папу или про Боссе и Бетан? — спросил Малыш.

— Про домохозяйку и дядю Юлиуса,— объяснил Карлсон.

Малыш еще больше встревожился, но Карлсон похлопал его по щеке, чтобы ободрить.

— Спокойствие, только спокойствие! Мы с ними поиграем, очень мило поиграем, потому что мы с тобой самые милые в мире... Я-то во всяком случае.

И он выстрелил над самым ухом Малыша, который от неожиданности даже подпрыгнул на месте.

— И бедному дяде Юлиусу не придется лечиться у доктора,— сказал Карлсон.— Его лечением займусь я.

— Ты? — удивился Малыш.— Да разве ты знаешь, как надо лечить дядю Юлиуса?

— Я не знаю? — возмутился Карлсон.— Обещаю тебе, что

он у меня в два счета забегает, как конь... Для этого есть три процедуры.

— Какие такие процедуры? — недоверчиво спросил Малыш.

— Щекотание, разозление и дуракаваляние, — серьезно сказал Карлсон. — Никакого другого лечения не потребуется, ручаюсь!

А Малыш с тревогой глядел вниз, потому что из многих окон стали высовываться головы — видно, люди хотели выяснить, кто это стреляет. И тут он заметил, что Карлсон снова заряжает пистолетик.

— Не надо, Карлсон, прошу тебя, — взмолился Малыш. — Не стреляй больше!

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон. — Послушай, — продолжил он, помолчав, — я вот сижу и обдумываю одну вещь. А как по-твоему, может ли домохозяйка тоже страдать онемением тела?

Но прежде чем Малыш успел ответить, Карлсон, ликуя, поднял руку с пистолетом над головой и выстрелил.

Резкий звук прокатился по крышам и замер. В соседних домах загудели голоса: то испуганные, то сердитые, а кто-то крикнул, что нужно вызвать полицию. Тут Малыш совсем вышел из себя. Но Карлсон сидел с невозмутимым видом и жевал булочку, уже последнюю.

— Чего это они там расшумелись? — недоумевал он. — Разве они не знают, что у меня сегодня день рождения?

Он проглотил последний кусочек булочки и запел песню, милую песенку, которая так хорошо звучала летним вечером.

Пусть все кругом
Горит огнем,
А мы с тобой споем:
Ут́и, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнем.
Пусть двести булочек несут
На день рожденья к нам,
А мы с тобой устроим тут
Ут́и, боссé, буссé, капут,
Биссé и тарарам.

КАРЛСОН — ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

В тот вечер, когда мама и папа отправились в путешествие, косой дождь барабанил по стеклам и гудел в водосточных трубах. Ровно за десять минут до их отъезда в квартиру ворвалась фрекен Бок, промокшая до нитки и злая как собака.

— Наконец-то! — прошептала мама. — Наконец-то!

Она целый день прождала фрекен Бок и теперь, конечно, нервничала, но фрекен Бок этого не заметила.

— Я не могла прийти раньше. И в этом виновата Фрида, — хмуро сказала она.

Маме надо было о многом поговорить с фрекен Бок. Но времени на это уже не было: у подъезда их ждало такси.

— Главное, заботьтесь о мальчике, — сказала мама со слезами на глазах. — Надеюсь, с ним ничего не случится за время нашего отсутствия.

— При мне никогда ничего не случается, — заверила фрекен Бок, и папа сказал, что он в этом не сомневается.

Он был уверен, что дома все будет в порядке. А потом папа и мама обняли на прощание Малыша, вышли на площадку и исчезли в лифте... И Малыш остался один с фрекен Бок.

Она сидела за кухонным столом, большая, грузная, раздраженная, и приглаживала мокрые волосы своими большими, красными руками. Малыш робко посмотрел на нее и попытался улыбнуться, чтобы показать свое дружелюбие. Он помнил, что, когда фрекен Бок в первый раз жила у них, он боялся ее и относился к ней сперва очень плохо. Но теперь ведь все было иначе, надо было скорее радоваться тому, что она здесь, в доме. И хотя встреча фрекен Бок и Карлсона не предвещала ничего хорошего, Малыш был благодарен домохозяйнице за то, что она согласилась у них пожить. Ведь иначе мама никогда в жизни не разрешила бы ему остаться, чтобы оберегать Карлсона, это уж точно. Поэтому Малышу хотелось с самого начала вести себя с фрекен Бок хорошо, и он вежливо спросил ее:

— Как поживает Фрида?

Фрекен Бок не ответила, она только фыркнула. Фрида была сестрой фрекен Бок. Малыш ее в жизни не видел. Зато много о ней слышал. Даже очень много. От фрекен Бок, которая жила вместе с сестрой Фридой в квартире на Фрейгатен, но они, видно, не очень-то ладили. Малыш понял, что фрекен Бок была недовольна сестрой, считала ее поведение нескромным и странным. Все началось с того, что Фрида выступила по телевидению с рассказом о привидениях, а фрекен Бок никак не могла с этим примириться. Правда, потом ей тоже удалось выступить по телевидению и рассказать всей Швеции свой рецепт приготовления жаркого. Но все же этого оказалось недостаточным, чтобы подчинить себе Фриду: она продолжала вести себя нескромно и странно. Поэтому фрекен Бок только фыркала в ответ на вопрос Малыша: «Как поживает Фрида?»

— Полагаю, что прекрасно, — все же ответила домохозяйница, когда отфыркалась. — Завела себе жениха, несчастная.

Малыш толком не знал, что на это надо сказать, но что-то

обязательно надо было сказать, а ведь ему хотелось быть внимательным. Поэтому он спросил:

— А у вас, фрекен Бок, тоже есть жених?

Но он явно сделал промах, потому что фрекен Бок резко встала и так при этом двинула стол, что все на нем задребезжало.

— Слава богу, нет! — сказала она. — Я и не хочу. Не всем же быть такими кокетками, как Фрида.

Она умолкла и с таким усердием стала мыть посуду, что брызги летели во все стороны. Но вдруг она о чем-то вспомнила, с тревогой поглядела на Малыша и спросила:

— Послушай, я надеюсь, что тот невоспитанный толстый мальчишка, с которым ты в тот раз играл, теперь сюда больше не ходит?

Фрекен Бок никак не могла взять в толк, что Карлсон, который живет на крыше, — красивый, умный, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Она считала, что он — ровесник Малыша, его школьный товарищ, самый обыкновенный озорник. Что этот озорник почему-то умеет летать, ее не удивляло. Она думала, что такой моторчик можно купить в игрушечном магазине, были бы только деньги, и все ворчала по поводу того, что теперь так балуют детей. «Скоро дело дойдет до того, что дошкольники станут на Луну летать», — говорила она. И вот теперь она вспомнила Карлсона и назвала его «этот невоспитанный, толстый мальчишка»... Малышу это совсем не понравилось.

— Карлсон вовсе не такой толстый... — начал он, но тут как раз раздался звонок в дверь.

— О, приехал дядя Юлиус! — сказал Малыш и побежал открывать.

Но в дверях стоял вовсе не дядя Юлиус, а Карлсон. Он был мокрый, как гусь, под ногами у него уже натекла лужа, а в глазах был немой упрек.

— Летать бог весть куда только потому, что кто-то не подумал оставить окно открытым! — возмущался Карлсон.

— Да ведь ты же сказал, что тебе пора спать! — защищался Малыш, потому что Карлсон и в самом деле это сказал. — Я, правда, не думал, что тебя еще можно ждать сегодня.

— А ты мог все же не терять надежду, — не унимался Карлсон. — Ты мог бы подумать: а вдруг он все же придет, милый Карлсончик, ой, как это будет хорошо, да, да, вдруг все же придет, потому что захочет встретиться с домомучительницей. Вот что ты мог бы подумать.

— А ты в самом деле захотел с ней встретиться? — испуганно спросил Малыш.

— Гей-гоп! — крикнул Карлсон. — Еще бы!

Малыш прекрасно понимал, что он не сумеет надолго отсрочить встречу Карлсона с фрекен Бок, но он не был готов к тому,

чтобы это произошло прямо в первый же вечер. Он решил, что поговорит сейчас с Карлсоном, но Карлсон, словно охотничья собака, напавшая на след, неудержимо рвался на кухню. Малыш все же схватил его за рукав.

— Послушай, Карлсон,— сказал он, стараясь придать своему голосу как можно большую убедительность,— она ведь думает, что ты мой товарищ по школе, и, по-моему, хорошо, чтобы она и дальше так думала.

Карлсон вдруг застыл, а потом в нем что-то заклокотало, как всякий раз, когда он приходил в восторг от новой выдумки.

— Она в самом деле верит, что я хожу в школу? — переспросил он, ликуя. И ринулся на кухню.

Фрекен Бок услышала чьи-то приближающиеся шаги. Она ждала дядю Юлиуса и была немало удивлена, что пожилой господин так стремительно скачет по коридору. Исполненная любопытства, глядела она на дверь: ей казалось, что дядя Юлиус должен быть очень представителен и элегантен. Когда же дверь с шумом распахнулась и в кухню ворвался Карлсон, она вскрикнула, словно увидела змею.

Карлсон не заметил ее ужаса. Двумя прыжками он очутился около нее и с рвением заглянул ей в лицо, выражавшее глубокое неодобрение.

— А ты знаешь, кто у нас в классе первый ученик? — спросил Карлсон.— Угадай, кто лучше всех умеет считать, и писать, и... Кто вообще лучше всех?

— Когдаходишь в дом, надо здороваться,— сказала фрекен Бок.— И меня нисколько не интересует, кто у вас первый ученик. Уж во всяком случае не ты, это ясно.

— Спасибо за эти слова,— сказал Карлсон и надулся, но со стороны могло показаться, что он думает.— Уж в арифметике-то я во всяком случае самый сильный,— мрачно сказал он наконец и пожал плечами.— Пустяки, дело житейское,— добавил он и вдруг весело запрыгал по кухне. Он вертелся вокруг фрекен Бок и что-то бормотал, и так постепенно родилось что-то вроде песенки:

Пусть все кругом
Горит огнем,
А мы с тобой споем.

— Не надо, Карлсон, не надо,— пытался унять его Малыш, но без толку.

Ути, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнем,—

все увлеченней пел Карлсон. А когда он дошел до слова «отдохнем», раздался выстрел, а вслед за ним — пронзительный крик.

Выстрелил Карлсон из своего пистолетика, а закричала фрекен Бок. Малыш сперва подумал, что она упала в обморок, потому что она плюхнулась на стул и долго сидела молча, с закрытыми глазами, но когда Карлсон снова запел:

Утí, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнем,—

она открыла глаза и сказала зло:

— Ты у меня сейчас таких боссé и бассé получишь, дрянной мальчишка, что век помнить будешь!

Карлсон на это ничего не ответил, он только подцепил своим пухленьким указательным пальцем фрекен Бок за подбородок, а потом ткнул в красивую брошь, приколотую у ворота.

— Красивая вещь,— сказал он.— Где ты ее стянула?

— Карлсон, перестань, прошу тебя! — в страхе крикнул Малыш, потому что он видел, в каком бешенстве была фрекен Бок.

— Ты всякий... всякий стыд потерял,— проговорила она запинаясь, с трудом находя слова, а потом закричала: — Убирайся вон! Слышишь? Я сказала: вон!

— Успокойся! — сказал Карлсон.— Я ведь только спросил, а когда вежливо задаешь вопрос, то можно надеяться на такой же вежливый ответ.

— Вон! — кричала фрекен Бок.

— Во-первых, мне необходимо выяснить одну вещь,— сказал Карлсон.— Не замечала ли ты, что по утрам у тебя немеет тело? А если замечала, то не хочешь ли ты, чтобы я тебя вылечил?

Фрекен Бок обвела кухню диким взглядом в поисках какого-нибудь тяжелого предмета, чтобы швырнуть им в Карлсона, и Карлсон услужливо подбежал к шкафу, вынул оттуда выбивалку для ковров и сунул ее домохозяйнице в руки.

— Гей-гоп! — кричал он, снова бегая по кухне.— Гей-гоп, вот теперь наконец все начнется!

Но фрекен Бок бросила выбивалку в угол. Она еще помнила, каково ей пришлось в прошлый раз, когда она гналась за ним с такой вот выбивалкой в руке, и не хотела испытать это снова.

Малыш боялся, что все это плохо кончится, и гадал, сколько кругов Карлсон успеет сделать, прежде чем фрекен Бок сойдет с ума. «Не так уж много»,— решил Малыш и понял, что главное — как можно быстрее увести Карлсона из кухни. И когда он в одиннадцатый раз промчался с гиканьем мимо него, Малыш схватил его за шиворот.

— Карлсон,— взмолился он,— прошу тебя, пойдем ко мне в комнату!

Карлсон пошел за ним крайне неохотно.

— Прекратить наши упражнения как раз в тот момент, когда

мне удалось наконец вдохнуть в нее жизнь, какая глупость! — ворчал он. — Еще несколько минут, и она стала бы такой же бодрой, веселой и игривой, как морской лев, в этом нет сомнений!

Первым долгом Карлсон, как всегда, выкопал персиковую косточку, чтобы посмотреть, насколько она выросла. Малыш тоже подошел, чтобы на нее взглянуть, а оказавшись рядом с Карлсоном, положил ему руку на плечо и только тогда заметил, что бедняжка Карлсон промок до нитки — должно быть, он долго летал под проливным дождем.

— Неужели ты не мерзнешь, на тебе же сухого места нет? — спросил Малыш.

Карлсон, видно, до сих пор не обращал на это внимания, но он тут же спохватился.

— Конечно, мерзну, — сказал он. — Но разве это кого-нибудь беспокоит? Разве кто-нибудь пальцем шевельнет, если лучший друг приходит промокший до нитки, и у него зуб на зуб не попадает от холода? Разве кто-нибудь заставит его снять мокрую одежду и наденет пушистый, красивый купальный халат? Разве кто-нибудь, спрашиваю я, побежит на кухню, и сварит для него шоколад, и принесет ему побольше плюшек, и силком уложит в постель, и споет ему красивую, печальную колыбельную песнь, чтобы он скорее заснул?.. Разве кто-нибудь позаботился о друге? — заключил свою тираду Карлсон и с упреком посмотрел на Малыша.

— Нет, никто не позаботился, — признался Малыш, и голос его прозвучал так, что казалось, он вот-вот расплачется.

И Малыш со всех ног кинулся делать все то, что, по мнению Карлсона, надо было сделать в этом случае для своего лучшего друга. Труднее всего было получить у фрекен Бок горячий шоколад и плюшки для Карлсона, но у нее уже не было ни сил, ни времени оказывать дальнейшее сопротивление, потому что она жарила цыпленка по случаю приезда дяди Юлиуса, который мог появиться в любую минуту.

— Сам себе сделай горячий шоколад, если хочешь, — сказала она.

И Малыш прекрасно со всем справился. Несколько минут спустя Карлсон уже сидел в белом купальном халате в постели Малыша, пил обжигающий шоколад и с аппетитом ел плюшки, а в ванной комнате были развешаны для просушки его рубашка, штаны, белье, носки и даже башмаки.

— Вот что, — сказал Карлсон, — прекрасную, печальную колыбельную можешь не петь, лучше посиди у изголовья моей кровати всю ночь, не смыкая глаз.

— Всю ночь? — спросил Малыш.

Карлсон не мог ответить. Он как раз засунул в рот целую плюшку и поэтому только энергично закивал. Бимбо надрывался

от лая. Ему не нравилось, что Карлсон лежал в постели Малыша. Но Малыш взял Бимбо на руки и прошептал ему на ухо:

— Я ведь могу лечь на диванчик, понимаешь? И твою корзинку мы переставим туда.

Фрекен Бок гремела чем-то на кухне, и, когда Карлсон это услышал, он сказал с досадой:

— Она не поверила, что я первый ученик.

— Это неудивительно, — сказал Малыш. Он ведь давно обнаружил, что Карлсон не умеет толком ни читать, ни писать, ни считать, хотя и похвастался фрекен Бок, что все это он отлично умеет.

— Тебе надо упражняться, — сказал Малыш. — Хочешь, я научу тебя хоть немного сложению?

Карлсон фыркнул, и брызги шоколада обдали все вокруг.

— А ты хочешь, я научу тебя хоть немного скромности? Неужели ты думаешь, что я не знаю этого слу... сла... Как это называется?

Впрочем, времени для упражнений в устном счете у них все равно не оказалось, потому что именно в этот момент раздался долгий звонок в дверь. Малыш сообразил, что это может быть только дядя Юлиус, и со всех ног кинулся открывать. Ему очень хотелось встретить дядю Юлиуса одному — он считал, что Карлсон может спокойно полежать это время в постели. Но Карлсон так не считал. Он уже стоял за спиной Малыша, и полы купального халата путались у него в ногах.

Малыш настежь распахнул дверь, и на пороге действительно стоял дядя Юлиус. В обеих руках он держал по чемодану.

— Добро пожаловать, дядя Юлиус... — начал Малыш, но окончить ему так и не удалось, потому что раздался оглушительный выстрел и дядя Юлиус как подкошенный повалился на пол.

— Карлсон! — в отчаянии прошептал Малыш. Как он жалел теперь, что подарил Карлсону этот пистолетик! — Зачем ты это сделал?

— Это был салют! — воскликнул Карлсон. — Когда приезжают почетные гости, ну, всякие там президенты или короли, их всегда встречают салютом.

Малыш чувствовал себя до того несчастным, что готов был заплакать. Бимбо дико лаял, а фрекен Бок, которая тоже, услышав выстрел, прибежала, всплеснула руками и принялась охать и причитать над бедным дядей Юлиусом, который лежал неподвижно на коврикe у входной двери, словно поваленная сосна в лесу. Только Карлсон оставался по-прежнему невозмутим.

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал он. — Сейчас мы его взбодрим.

Он взял лейку, из которой мама Малыша поливала цветы,

и стал из нее поливать дядю Юлиуса. Это действительно помогло, дядя Юлиус медленно открыл глаза.

— Все дождь и дождь,— пробормотал он еще в полузабытьи. Но когда увидел склоненные над ним встревоженные лица, он совсем очнулся.— А что... что, собственно, было? — спросил он в полном недоумении.

— Был дан салют,— объяснил Карлсон,— хотя для многих лиц церемония салюта теперь сочетается с таким вот душем.

А фрекен Бок занялась тем временем дядей Юлиусом. Она насухо вытерла его полотенцем и повела в комнату, где он будет жить. Оттуда доносился ее голос: она объясняла дяде Юлиусу, что этот толстый мальчишка — школьный товарищ Малыша и что всякий раз он придумывает бог знает какие дикие шалости.

— Карлсон! — сказал Малыш.— Обещай, что ты никогда больше не будешь устраивать салютов.

— Можете не беспокоиться,— угрюмо буркнул Карлсон.— Приходишь специально для того, чтобы помочь торжественно и празднично встретить гостей, и никто тебя за это не благодарит, никто не целует в обе щеки и не кричит в восторге, что ты — самый веселый в мире парень. Никто! Все вы слабаки, только и норовите в обморок падать! Плаксы... Вот вы кто!

Малыш ему не ответил. Он стоял и слушал, как дядя Юлиус ворчит в своей комнате. И матрац был жесток, и кровать коротка, и одеяло слишком тонкое... Одним словом, сразу стало заметно, что дядя Юлиус появился в доме.

— Он никогда ничем не бывает доволен,— сказал Малыш Карлсону.— Вот разве что самим собой.

— Да я его в два счета от этого отучу,— сказал Карлсон,— ты только попроси меня как следует.

Но Малыш попросил Карлсона как следует только об одном: оставить дядю Юлиуса в покое.

КАРЛСОН НОЧУЕТ У МАЛЫША

Час спустя дядя Юлиус уже сидел за столом и уплетал цыпленка, а фрекен Бок, Малыш, Карлсон и Бимбо стояли рядом и глядели на него. «Как король»,— подумал Малыш. Им учительница в школе рассказывала, что, когда короли едят, вокруг стоят придворные и смотрят на них.

Дядя Юлиус был толстый, и вид у него был очень высокомерный и самодовольный. «Наверно, такой, какой и должен быть у старых королей»,— решил Малыш.

— Собаку прочь! — сказал дядя Юлиус.— Малыш, ты же знаешь, что я терпеть не могу собак.

— Но Бимбо не делает ничего плохого, — возразил Малыш. — Он не лает, и вообще он такой милый.

Дядя Юлиус придал своему лицу насмешливое выражение, как, впрочем, всегда, когда собирался сказать что-нибудь неприятное.

— Да, теперь настали такие времена, — сказал он. — Маленькие мальчики не только не делают то, что им приказано, но еще и возражают взрослым. Вот как теперь обстоят дела, и мне это решительно не нравится.

До сих пор Карлсон не мог оторвать глаз от цыпленка, но после этих слов он перевел взгляд на дядю Юлиуса и долго смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Дядя Юлиус, — проговорил наконец Карлсон, — скажи, тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил?

Дядя Юлиус никак не ожидал услышать такой комплимент. Он очень обрадовался — это было ясно, хотя и попытался виду не подавать. Он только скромно улыбнулся и сказал:

— Нет, этого мне никто еще не говорил.

— Не говорил, значит? — задумчиво переспросил Карлсон. — Тогда почему ты задаешься?

— Карлсон, перестань... — сказал Малыш с упреком, потому что считал, что Карлсон и в самом деле ведет себя безобразно.

Но тут Карлсон обиделся не на шутку.

— «Карлсон, перестань, Карлсон, перестань, Карлсон, перестань»! Только это я от тебя и слышу! — возмутился он. — Почему ты меня все одергиваешь? Я не делаю ничего плохого.

Дядя Юлиус строго посмотрел на Карлсона. Но потом, видимо, решил, что он не заслуживает внимания, и снова занялся цыпленком. А фрекен Бок все пододвигала ему блюдо и умоляла взять еще кусочек.

— Надеюсь, вам нравится? — спросила она.

Дядя Юлиус впился зубами в цыплячью ножку, а потом сказал с насмешливым видом:

— Да, спасибо! Хотя этому цыпленку уж наверняка сровнялось пять лет, зубы позволяют мне это точно определить.

Фрекен Бок вспыхнула и сморщила лоб от обиды.

— У такого цыпленка вообще нет зубов, — сказала она с горечью.

Дядя Юлиус поглядел на фрекен Бок еще более насмешливо.

— Зато у меня они есть, — сказал он.

— Только не ночью, — уточнил Карлсон.

Малыш стал красный как рак. Ведь это он рассказал Карлсону, что, когда дядя Юлиус спит, его зубы лежат в стакане с водой на тумбочке у кровати.

К счастью, фрекен Бок в этот момент разревелась — от обиды,

что дядя Юлиус нашел цыпленка жестким. Ничто на свете не могло причинить ей такого горя, как непризнание ее кулинарного искусства, и теперь она горько плакала.

Дядя Юлиус, конечно, не думал, что она примет это так близко к сердцу. Он торопливо поблагодарил ее за еду, смущенно встал из-за стола, уселся в качалку, развернул газету и отгородился ею ото всех.

Карлсон в сердцах уставился на него.

— Какие все-таки бывают противные люди! — воскликнул он и, подбежав к фрекен Бок, стал ее похлопывать по плечу. — Ничего, ничего, мое золотце, — говорил он, стараясь ее утешить, — жесткий цыпленок — это пустяки, дело житейское. Разве ты виновата, что так и не научилась жарить цыплят?

Но тут фрекен Бок отпихнула Карлсона от себя с такой силой, что он кубарем пролетел через всю комнату и — раз! — очутился прямо на коленях у дяди Юлиуса.

— Гей-гоп! — завопил Карлсон и, не дав дяде Юлиусу опомниться, удобно расположился: он свернулся калачиком и сказал с довольной улыбкой: — Давай играть в дедушку и внука! Рассказывай мне сказку, но только, смотри, не очень страшную, а то я испугаюсь.

Дядя Юлиус меньше всего на свете хотел быть дедушкой Карлсона, а кроме того, он увидел что-то интересное в газете. Поэтому он недолго думая схватил Карлсона за шиворот и поставил на пол. Повернувшись к фрекен Бок, он громко сказал:

— Знаете, что я сейчас прочёл? — спросил он. — Будто здесь у вас, в районе Вазастана, летает какой-то спутник-шпион. Вы слышали?

Малыш прямо застыл от ужаса. Только этого ещё не хватало! Почему дяде Юлиусу должна была попасть под руку именно эта злосчастная газета! Ведь с тех пор прошло уже больше недели!

Однако, к счастью, дядя Юлиус пока только издевался над тем, что было написано в газете.

— Они думают, что им всё сойдёт с рук, любой бред, — сказал он. — У них только одна задача — распродать побольше номеров. Шпион... неуловим! Знаем мы эти сказки! Разве вы, фрекен Бок, хоть разок видели этот таинственный летающий бочонок?

У Малыша перехватило дыхание. «Если она сейчас расскажет дяде Юлиусу, что этот невоспитанный толстый мальчишка тоже умеет летать, всё пропало, — подумал Малыш, — во всяком случае, тогда у дяди Юлиуса обязательно возникнут подозрения».

Но фрекен Бок, видно, вовсе не считала, что в самом Карлсоне и в его умении летать есть что-то необычное, кроме того, она всё ещё так громко всхлипывала, что едва могла говорить.

— Летающий бочонок? Что-то я ничего об этом не слыхала, —

проговорила она наконец, глотая слёзы.— Наверно, обычная газетная утка.

У Малыша вырвался вздох облегчения. Если бы ему только удалось уговорить Карлсона никогда, никогда, никогда не летать при дяде Юлиусе, то, может, всё как-нибудь ещё обошлось бы.

Малыш обернулся, чтобы тут же попросить об этом Карлсона, но его словно ветром сдуло. Малыш забеспокоился и решил немедленно начать поиски, но дядя Юлиус подозвал его к себе. Он хотел узнать, как у Малыша идут дела в школе, и проверить, силен ли он в устном счёте, хотя сейчас были летние каникулы, а значит, не время говорить о занятиях. Но в конце концов Малышу всё же удалось вырваться, и он помчался к себе в комнату посмотреть, не там ли Карлсон.

— Карлсон! — крикнул он, переступив порог.— Карлсон, где ты?

— В твоих пижамных штанах,— ответил Карлсон.— Если только эти две узкие кишки можно назвать штанами!

Он сидел на краю кровати и пытался натянуть на себя штаны, но, как ни старался, ничего не получалось.

— Я дам тебе пижаму Боссе,— сказал Малыш, метнулся в комнату брата и принёс оттуда большую пижаму. Она налезла и на такого толстяка, как Карлсон.

Правда, штанины и рукава оказались чересчур длинны, но Карлсон тут же нашёл выход — недолго думая он их обрезал. Малыш не успел и слова вымолвить, но он, по правде говоря, даже не очень огорчился. В конце концов, рассуждал он, пижама — это пустяки, дело житейское, и то, что она погибла, не может омрачить его радости: ведь это такое удивительное событие — Карлсон останется у него ночевать!

Малыш постелил себе на диванчике простыни Боссе и поставил рядом с собой корзинку Бимбо. Бимбо уже улёгся в неё и пытался заснуть, но то и дело открывал глаза и недоверчиво косился на Карлсона.

Карлсон вертелся в кроватке Малыша, стараясь устроиться поудобнее.

— Я хочу свить себе тёплое гнёздышко,— сказал он.

«В этой пёстрой пижаме он и в самом деле похож на птицу,— подумал Малыш.— Если со всех сторон подоткнуть одеяло, то он будет лежать, как в гнезде».

Но Карлсон не захотел, чтобы Малыш подоткнул одеяло.

— Пока ещё рано,— сказал он.— Сперва мы позабавимся. Я не согласен скучать, лёжа в постели. Здесь тоже есть чем заняться. Можно есть бутерброды с жирной колбасой, можно играть в «мешок», можно устроить подушечную битву. Мы начнем с бутербродов.

— Но ты же недавно съел целую гору плюшек.

— Если мы будем лежать и скучать, я не играю,— заявил Карлсон.— Неси бутерброды!

И Малыш прокрался в кухню и приготовил бутерброды. Никто ему не помешал: фрекен Бок сидела в гостиной и разговаривала с дядей Юлиусом. Видно, она уже простила ему ту обиду, которую он ей нанес, сказав, что цыпленок жесток. Малыш беспрепятственно вернулся в свою комнату и присел на кровать у ног Карлсона. Он глядел, как Карлсон сосредоточенно уплетает бутерброды, и был счастлив. Как приятно, когда твой лучший друг остается у тебя ночевать. И Карлсон на этот раз тоже был всем, всем доволен.

— Бутерброды хороши, и ты хорош, и домомучительница тоже хороша,— сказал он.— Хотя она и не поверила, что я первый ученик,— добавил он и помрачнел. Это обстоятельство его явно огорчало.

— Ах, не обращай на это внимания! Вот дядя Юлиус тоже хочет, чтобы я был первым учеником, а я вовсе не первый.

— Нет, спасибо, я так не согласен,— сказал Карлсон.— Вот если бы я хоть немного научил тебя этому слу... слу... как это ты называешь?

— Сложение,— сказал Малыш.— Ты собираешься меня учить?

— Да, потому что я лучший в мире специалист по сложению. Малыш рассмеялся.

— Сейчас проверим,— сказал он.— Ты согласен?

Карлсон кивнул.

— Приступай!

И Малыш приступил.

— Вот мама дает тебе, допустим, три яблока...

— Я скажу ей спасибо.

— Не перебивай меня,— сказал Малыш.— Если ты получишь три яблока от мамы, и два от папы, и два от Боссе, и три от Бетан, и одно от меня...

Докончить ему не удалось, потому что Карлсон погрозил ему пальцем.

— Так я и знал! — сказал он.— Я всегда знал, что ты самый жадный в семье, а это что-нибудь да значит!

— Подожди, сейчас не об этом речь,— сказал Малыш, но Карлсон упрямо продолжал:

— Вот если бы ты дал мне большой пакет, я быстро развернул бы его, а там кило яблок, и две груши, и горсть таких мелких желтых слив, знаешь?

— Перестань,— сказал Малыш.— Я же говорю про яблоки для примера, чтобы научить тебя сложению. Так вот, ты получил одно яблоко от мамы...

— Постой,— сердито закричал Карлсон,— я так не играю!

А куда она дела те два яблока, которые собиралась мне дать?
Малыш вздохнул.

— Милый Карлсон, яблоки здесь ни при чем. Они нужны мне только для того, чтобы объяснить тебе, как надо складывать. Теперь ты понял, в чем дело?

Карлсон фыркнул.

— Думаешь, я не понимаю, в чем дело? Мама стащила у меня два яблока, как только я отвернулся.

— Перестань, Карлсон,— снова сказал Малыш.— Итак, если ты получишь три яблока от мамы...

Карлсон довольно кивнул.

— Ну вот видишь! Надо уметь за себя постоять, я всегда это знал. Я люблю порядок: что мое, то мое. Я получил три яблока от твоей мамы, два от папы, два от Боссе, три от Бетан и одно от тебя, потому что ты самый жадный...

— Да, так сколько же у тебя всего яблок? — спросил Малыш.

— А ты как думаешь?

— Я не думаю, я знаю,— твердо сказал Малыш.

— Ну тогда скажи! — попросил Карлсон.

— Нет, это ты должен сказать.

— Больно воображаешь! Скажи! Держу пари, что ты ошибешься.

— Напрасно надеешься! — сказал Малыш.— У тебя будет одиннадцать яблок.

— Ты так думаешь? — переспросил Карлсон.— Вот и попал пальцем в небо. Потому что позавчера вечером я сорвал двадцать шесть яблок в одном саду в Лидингене, но потом я съел три штуки и еще одно надкусил — ну, что ты теперь скажешь?

Малыш молчал, он просто не знал, что сказать. Но потом он вдруг сообразил.

— Ха-ха! Все ты врешь,— сказал он.— Потому что в июне еще нет яблок на деревьях.

— Верно, нет,— согласился Карлсон.— Но тогда где вы-то их взяли, яблочные воришки!

И Малыш решил отказаться от своего намерения научить Карлсона сложению.

— Но теперь ты хоть знаешь, что это за штука — сложение.

— Ты думаешь, я раньше не знал, что это то же самое, что рвать яблоки,— сказал Карлсон.— А этому меня учить не надо, я сам с этим неплохо справлюсь. Я ведь лучший в мире мастер по сложению яблок, и, когда у меня выберется свободный часок, мы полетим с тобой за город, и я покажу тебе, как надо браться за сложение.

Карлсон проглотил последний кусок хлеба с колбасой и решил приступить к подушечному бою. Но стоило ему кинуть Малышу в голову подушку, как Бимбо дико залаял.

«Б-р-р!...» — рычал Бимбо, вцепившись зубами в угол подушки. Но Карлсон схватил ее за другой угол и потянул к себе. Так Бимбо и Карлсон рвали подушку друг у друга, пока она не лопнула. Бимбо разжал челюсти. Карлсон подхватил подушку и кинул к потолку. Перья, красиво кружась, осыпали Малыша, который лежал на кушетке и хохотал.

— Кажется, пошел снег, — сказал Карлсон. — Смотри, какой густой! — восхитился он и снова подбросил подушку к потолку.

Но Малыш сказал, что надо прекратить подушечный бой и что вообще пора спать. Было уже поздно, они слышали, как дядя Юлиус пожелал фрекен Бок спокойной ночи.

— А теперь я пойду и лягу в свою короткую кровать, — сказал он.

И тут Карлсон вдруг очень оживился.

— Гей-гоп! — воскликнул он. — Я, кажется, придумал еще одну забавную штуку.

— Что еще за штуку ты придумал? — удивился Малыш.

— Очень забавную штуку, которую можно выкинуть, если ночуешь не дома, а у кого-нибудь в гостях, — объяснил Карлсон.

— Играть в «мешок»? Подложить что-то в чужую постель, да? Уже поздно. Ты не будешь этого делать, ладно?

— Да, уже поздно, — согласился Карлсон.

— Конечно, уже поздно, — с облегчением сказал Малыш.

— Я теперь уже не буду этого делать, — уверил его Карлсон.

— Вот и хорошо! — обрадовался Малыш.

— Потому что успел это сделать раньше, — закончил Карлсон.

Малыш так и сел.

— Ну да? Неужели дяде Юлиусу?

Карлсон закудаhtал от восторга.

— Хитрый мальчишка, как ты мог догадаться?

Малыш так много смеялся во время подушечного боя, что теперь уже просто застонал от смеха, хотя знал, что Карлсон поступил дурно.

— Ой, как дядя Юлиус рассердится!

— Вот это мы и должны проверить, — сказал Карлсон. — Придется слетать вокруг дома и поглядеть в окно спальни.

Тут Малыш разом перестал визжать от смеха.

— Ни за что на свете! Вдруг он тебя увидит! Он решит, что ты и есть спутник-шпион... Сам можешь сообразить, что тогда будет...

Но Карлсон был упрям.

— Когда подкладываешь кому-нибудь в постель «мешок», обязательно надо увидеть, как жертва сердится, иначе вся затея не имеет смысла, — уверял он. — Не волнуйся, я прикроюсь зонтиком!

И он побежал в прихожую за маминым красным зонтиком, потому что по-прежнему лил дождь.

— Я не хочу мочить пижаму Боссе,— сказал Карлсон.

Он стоял на подоконнике с открытым зонтиком, готовый к отлету. «Это очень опасно»,— подумал Малыш и сказал с мольбой:

— Смотри, будь осторожен! Следи, чтобы никому не попасться на глаза, не то все пропало!

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. И полетел в дождь.

А Малыш остался, и он вовсе не был спокоен, а, наоборот, так волновался, что кусал себе пальцы.

Минуты тянулись мучительно долго. Дождь лил как из ведра. Малыш ждал. И вдруг он услышал душераздирающий крик дяди Юлиуса. И вслед за тем в открытое окно влетел назад Карлсон. Он с довольным видом выключил мотор и пристроил на половике зонтик, чтобы стекала вода.

— Он видел тебя? — с испугом спросил Малыш.— Он лег в постель?

— Пытался, он ведь такой упрямый,— объяснил Карлсон. Тут до них снова донесся крик дяди Юлиуса.

— Я должен пойти посмотреть, что с ним случилось,— сказал Малыш и побежал в спальню.

Дядя Юлиус сидел, завернувшись в простыню; он был смертельно бледен, в глазах светился ужас, а на полу, рядом с ним, лежала подушка и свернутое в валик одеяло.

— Ты мне здесь не нужен,— сказал дядя Юлиус, когда появился Малыш.— Позови фрекен Бок.

Но фрекен Бок, видно, сама услышала его крик, потому что она тоже примчалась из кухни и застыла у двери как вкопанная.

— Боже мой! — воскликнула она.— Неужели вы перестилаете постель?

— Нет, нет,— заверил ее дядя Юлиус,— хотя вообще-то я не могу одобрить, что здесь стелят постель по новой моде... Но сейчас мне не до этого.

Он замолчал и тихо застонал. Фрекен Бок подошла поближе к нему и рукой потрогала его лоб.

— Что случилось? Вы больны, господин Иенсен?

— Да, болен,— с трудом произнес дядя Юлиус.— Надеюсь, что болен... Уходи,— добавил он, обращаясь к Малышу.

И Малыш ушел. Но он задержался за дверью, потому что хотел услышать, что еще скажет дядя Юлиус.

— Я умный и трезвый человек,— продолжал дядя Юлиус.— Таинственные явления, о которых пишут в газетах, разные там глупости не могут мне задурить голову... потому я надеюсь, что я просто болен.

— Что случилось? — повторила фрекен Бок.

— У меня было видение... Наверно, у меня жар, а это — бред, — сказал дядя Юлиус и вдруг понизил голос до шепота, так что Малыш едва расслышал его слова. — Мне не хотелось бы, фрекен Бок, чтобы вы это кому-либо рассказывали, но мне почудилось, что сюда явился летающий гном с красным зонтиком.

КАРЛСОН УСТРАИВАЕТ ТАРАРАМ И БЛИНЫ

На следующее утро, когда Малыш проснулся, Карлсона уже не было. Пижама Боссе валялась скомканной на полу. Окно было распахнуто, так что Малыш сразу решил, что Карлсон полетел к себе домой. Конечно, жаль, но, с другой стороны, может, это даже хорошо. Фрекен Бок не будет ругаться. Ей вовсе не обязательно знать, что Карлсон ночевал у Малыша. Все же удивительно, до чего без Карлсона сразу делалось пусто и скучно, хоть плачь. Правда, навести после него порядок было нелегко. Но стоило ему уйти, как Малыш начинал по нему скучать. Вот и сейчас, увидя, что он исчез, Малышу тут же захотелось послать ему привет. Он подошел к окну и трижды дернул за веревочку, скрытую занавеской. Это была веревочка от звонка, который смастерил Карлсон, чтобы Малыш мог подавать ему сигналы. Дернешь за веревочку, и у Карлсона на крыше звонит колокольчик. Карлсон сам определил, сколько звонков что значит.

— Позвонишь раз — это значит: «Приходи», — сказал Карлсон. — Два раза — значит: «Приходи поскорее», а три раза — значит: «Спасибо, что на свете есть такой красивый, умный и в меру упитанный мужчина, и такой смелый, и во всех отношениях прекрасный, как ты, Карлсон».

Вот именно это и хотел сейчас Малыш сказать Карлсону. Поэтому он три раза дернул за веревочку и услышал, как трижды зазвенел колокольчик на крыше. И представьте себе, он получил ответ. Раздался пистолетный выстрел, а потом Малыш услышал — правда, едва-едва, ведь расстояние было велико, — как Карлсон запел свою песенку: «Боссе, биссе, биссе, бом!»

— Не надо, Карлсон, не надо! — шептал Малыш.

Глупый Карлсон! Расхаживает себе по крыше, стреляет, поет. Как легко его могут услышать Филле и Рулле, подкараулить, поймать, а потом сдать в редакцию, чтобы получить десять тысяч!

— Что ж, сам виноват, — сказал Малыш, обращаясь к Бимбо, который лежал в своей корзинке и глядел так, что казалось, все понимает. Малыш натянул на себя штанишки и рубашку и стал играть с Бимбо, ожидая, пока проснется дом.

Дядя Юлиус, видно, еще спал, во всяком случае, из спальни не доносилось ни звука, но из кухни уже тянуло ароматом свежемолотого кофе, и Малыш пошел посмотреть, что делает фрекен Бок.

Она сидела, тяжело навалившись на стол, и пила свою первую чашку кофе. Очень странно, но она не возразила, когда Малыш присел рядом. Никакой каши, видно, не было, наоборот, фрекен Бок явно встала так рано, чтобы приготовить к завтраку что-то вкусное. И правда, два блюда с теплыми, пахнущими корицей булочками стояли на буфете, а в хлебной корзинке на столе тоже высилась целая гора булочек. Малыш взял булочку и налил себе стакан молока. Так они сидели друг против друга и завтракали в полном молчании. В конце концов фрекен Бок сказала:

— Интересно, как там живет Фрида?

Малыш оторвал глаза от стакана с молоком и изумленно поглядел на домохозяйницу. Они с ней такие разные, а оказывается, ей не хватает Фриды, как ему Карлсона.

— Фрекен Бок, вы скучаете по Фриде? — спросил он дружелюбно.

Но фрекен Бок в ответ горько усмехнулась:

— Ты не знаешь Фриды!

Собственно говоря, Фрида Малыша несколько не интересовала. Но фрекен Бок явно хотелось о ней поговорить, поэтому Малыш спросил:

— А кто Фридин жених?

— Негодяй, — сказала фрекен Бок со вздохом. — Да, я знаю, что он негодяй, он зарится на ее деньги, это я сразу поняла.

Фрекен Бок заскрипела зубами при одной мысли об этом. «Бедняжка, — думал Малыш, — наверно, ей совсем не с кем поговорить, если она даже меня терпит, когда ей хочется рассказать о Фриде». И Малышу пришлось долго сидеть на кухне и слушать нескончаемые истории про Фриду и ее Филиппа, про то, какой глупой стала Фрида с тех пор, как Филипп ей внушил, что у нее красивые глаза и очаровательный носик, «пленительный в любую погоду», как выразился Филипп.

— «Очаровательный носик»! — повторила фрекен Бок и фыркнула. — Конечно, если считать, что картофелина средней величины украшает лицо, то...

— А как выглядит сам Филипп? — спросил Малыш, чтобы как-то проявить интерес.

— Об этом я, слава богу, не имею ни малейшего представления, — сказала фрекен Бок. — Фрида не потрудились мне его представить.

Кем Филипп работал, фрекен Бок тоже не знала. Но Фрида рассказывала, что у него есть товарищ по работе, которого зовут Рудольф.

— И этот Рудольф мне бы вполне подошел, по словам Фриды, но он не захочет водить со мной знакомство, потому что, по мнению Фриды, я совсем не привлекательная. У меня нет очаровательного носика, вообще нет ничего очаровательного,— сказала фрекен Бок, снова фыркнула, встала и направилась за чем-то в прихожую. Как только она вышла, в окно влетел Карлсон.

Малыш не на шутку рассердился.

— Послушай, Карлсон, я же тебя просил, чтобы ты не летал на глазах у фрекен Бок и дяди Юлиуса!

— Потому я и прилетел сейчас, чтобы никто из них меня не видел,— сказал Карлсон.— Я им даже не покажусь,— добавил он и залез под стол.

Когда в кухню вернулась фрекен Бок, надевая на ходу шерстяную кофту, он тихо сидел под столом, скрытый свисающими концами скатерти.

Она налила себе еще чашку кофе, взяла еще булочку и продолжала свой рассказ:

— Я уже говорила, что не могу похвастаться очаровательным носиком-картошкой — это привилегия Фриды.

Тут раздался голос непонятно откуда, этаким искусственным голос, как у чревоушателя:

— Верно, у тебя нос скорее похож на огурец.

Фрекен Бок так подскочила на стуле, что расплескала кофе, и с подозрением поглядела на Малыша.

— Это ты, бесстыдник?

Малыш покраснел, он не знал, что сказать.

— Нет,— пробормотал он.— Это, я думаю, по радио передают про овощи — там про помидоры разные и огурцы.

Малыш нашел довольно хитрое объяснение, потому что в кухне у Свантесонов действительно было слышно радио от соседей — фрекен Бок уже не раз на это жаловалась.

Она поворчала, но недолго, потому что в кухню вошел дядя Юлиус, он тоже хотел выпить кофе. Спотыкаясь, он обошел несколько раз вокруг стола и стонал при каждом шаге.

— Какая кошмарная ночь! — воскликнул он.— Святой Иеремей, что за ночь! Я и до этого страдал онемением тела по утрам, а сейчас, после всего, что было, ой!..

Потом он сел за стол и молча глядел прямо перед собой, словно он погрузился в какие-то серьезные размышления. «Что-то он на себя не похож», — решил наблюдавший за ним Малыш.

— И все же я благодарен судьбе за эту ночь,— сказал он после паузы.— Она сделала меня другим человеком.

— Вот и отлично, потому что старый никуда не годился.

Это снова раздался тот странный искусственный голос, и снова фрекен Бок подпрыгнула на стуле и с недоверием посмотрела на Малыша.

— Это снова радио у Линдбергов... Видно, передача о старых машинах.

Дядя Юлиус ничего не заметил. Он был так поглощен своими мыслями, что ничего не слышал и ничего не говорил. Фрекен Бок подала ему кофе. Он протянул, не глядя, руку, чтобы взять булочку, но сделать этого не сумел, потому что в этот миг из-за стола показалась маленькая пухлая ручка и потянула корзинку к себе. Но дядя Юлиус и этого не заметил. Он по-прежнему был всецело погружен в свои мысли и очнулся, только когда сунул в горячий кофе пальцы вместо булочки и понял, что булочки он так и не взял и макать ему нечего. Он подул на обожженную руку и рассердился. Но тут же снова углубился в свои мысли.

— Между небом и землей существует более тесная связь, чем обычно думают, вот что я понял сегодня ночью,— сказал он серьезно и снова протянул руку, чтобы взять булочку. И снова высунулась пухленькая ручка и отодвинула корзинку с булочками. Но дядя Юлиус опять ничего не заметил, он все думал и думал и очнулся, только когда сунул в рот пальцы и даже впился в них зубами, поскольку никакой булочки у него в руке не было. Тогда он опять рассердился. Но новый дядя Юлиус был явно добрее старого, потому что он быстро успокоился. Больше он не делал попытки взять булочку, а только все в той же глубокой задумчивости допил кофе.

А булочки все же кто-то ел. Во всяком случае, они исчезали одна за другой, но лишь Малыш понимал куда. Он тихо хихикал и даже осторожно отправил под стол стакан молока, чтобы Карлсону не уплетать булочки всухомятку.

Именно это Карлсон называл «курощение булочками». Как это получается на практике, фрекен Бок уже успела узнать за прежние посещения Карлсона.

— Можно прекрасно курощать людей, поглощая все их булочки,— заявил как-то Карлсон. Собственно, он знал, что нужно говорить «укрощать», но «курощать», уверял он, звучит куда более внушительно.

И теперь Карлсон устроил новое дьявольское «булочное курощение», хотя фрекен Бок этого и не поняла. И дядя Юлиус тоже. Он решительно не замечал «булочного курощения», несмотря на всю его дьявольскую силу, а только все думал и думал о чем-то своем. Но вдруг он схватил руку фрекен Бок и крепко сжал, словно прося о помощи.

— Я должен с кем-то об этом поговорить,— сказал он наконец.— Теперь я уже не сомневаюсь, это был не бред, я в здравом уме, но я видел гнома.

Фрекен Бок широко раскрыла глаза.

— Вы видели гнома?

— Да,— ответил дядя Юлиус.— Поэтому я теперь новый че-

ловек в новом для меня мире. В мире сказок. Поймите меня, фрекен Бок, этот мир мне открылся сегодня ночью со всей очевидностью. Ведь раз в самом деле есть гномы, то, значит, могут быть и ведьмы, и духи, и привидения — одним словом, все те существа, которые описаны в сказках.

— А может, и летающие шпионы, — попыталась вставить фрекен Бок, но это не понравилось дяде Юлиусу.

— Глупости, — сказал он, — все это выдумки, которые распространяют газеты, чтобы поднять тираж.

Он наклонился к фрекен Бок и заглянул ей в глаза.

— Но рассудите сами, — продолжал он доверительно. — Ведь наши предки верили в домовых, в ведьм, в духов и во все такое прочее. Как же мы можем внушать себе, что все это не существует? Неужели мы воображаем, что мы умнее наших дедов? Нет, только толстокожие, самовлюбленные люди могут утверждать такую глупость.

Фрекен Бок никак не хотела показаться толстокожей, потому она поспешила подтвердить, что ведьмы встречаются куда чаще, чем предполагаешь. А если как следует подумать, то станет ясно, что бывают и домовые.

Но тут дяде Юлиусу пришлось прервать свои размышления, потому что он заранее условился с доктором и ему уже пора было уходить. Малыш мило проводил его до передней, и фрекен Бок тоже. Малыш подал ему шляпу, а фрекен Бок помогла ему надеть пальто. Вид бедного дяди Юлиуса действительно вызывал сострадание. «Хорошо, что он идет к доктору», — подумал Малыш и робко похлопал его по руке. Фрекен Бок тоже явно была озабочена и спросила с тревогой:

— Как вы себя чувствуете, господин Иенсен?

— Откуда я знаю? Я ведь еще не был у врача, — сказал дядя Юлиус так раздраженно, что Малыш подумал: «Хотя ему и открылся ночью мир сказок и он стал новым человеком, кое-что от старого дяди Юлиуса в нем еще есть».

После ухода дяди Юлиуса Малыш и фрекен Бок возвратились на кухню.

— Теперь мне необходимо выпить еще кофе с булочками и посидеть немного в полном покое и тишине, — сказала фрекен Бок, обернулась к буфету и вскрикнула: на блюдах не было ни единой булочки. Вместо них лежал большой бумажный пакет, на котором странными кривыми буквами было написано:

ВМИРИ ЗКАСОК ТОЖИ ЛЮБИ БУЛОЧКИ

ГНУМ

Фрекен Бок прочла записку и мрачно нахмурила брови.

— Никогда не поверю, — сказала она, — что гном может украсть булочки, даже если он действительно существует. Он слиш-

ком умен и добр, чтобы позволять себе такие выходки. Нет, меня не проведешь, я знаю, кто это сделал.

— Кто же? — спросил Малыш.

— Тот невоспитанный, толстый мальчишка, который к тебе ходит, Карлсон или как его там зовут? Погляди, дверь в кухню открыта! Он стоял здесь, притаившись, и подслушивал, а когда мы выходили в переднюю, пробрался сюда.

Она сердито потрясла головой:

— Гном! Вину сваливает на других, а сам едва умеет писать.

Малыш не был склонен поддерживать разговор о Карлсоне, поэтому в ответ он только сказал:

— Я все же думаю, что это гном. Пошли, Бимбо!

Каждое утро Малыш гулял с Бимбо в парке Вазы, и Бимбо считал, что это самый веселый час за весь день, потому что в парке он встречал много других симпатичных собак, которых можно было обнюхать и с которыми было весело поболтать.

Малыш обычно играл там с Кристером и Гуниллой, но сегодня он их так и не нашел. «Может быть, они уже уехали на каникулы», — подумал Малыш. Ну что ж, пусть, ему на это наплевать, пока у него есть Карлсон. Ну и Бимбо, конечно.

Тут к Бимбо подбежала какая-то большая собака с явным намерением напасть на него; Бимбо хотел было смело ринуться в бой, чтобы показать этой глупой псине, что он о ней думает, но Малыш удержал его.

— Назад! — скомандовал он. — Ты еще мал, чтобы мериться силой с таким теленком.

Он сгреб Бимбо в охапку и поискал глазами скамейку, чтобы посидеть, пока Бимбо успокоится. Но все было занято — люди грелись на солнышке. В поисках свободного местечка Малыш забрел в дальний конец парка. Там он обнаружил скамейку, на которой расположились всего двое парней, причем каждый держал в руке бутылку пива. Малыш их тут же узнал: это были Филле и Рулле. Малыш испугался и хотел было пройти дальше, но вместе с тем что-то притягивало его именно к этой скамейке. Ему ведь надо узнать, продолжают ли Филле и Рулле охотиться за Карлсоном. Возможно, они будут об этом говорить. И чего ему, собственно говоря, бояться? Филле и Рулле никогда его не видели и, следовательно, его не знают. Вот и прекрасно! Значит, он может сидеть с ними рядом сколько ему захочется. Так ведь поступают сыщики в детективных романах, когда выслеживают преступников, — сидят себе молча рядом и слушают чужой разговор.

Итак, Малыш сел на скамейку и весь превратился в слух, но в то же время он иногда обращался к Бимбо, чтобы Филле и Рулле не думали, что он ими интересуется.

Однако было похоже, что ему ничего не удастся выведать. Филле и Рулле молча пили пиво. Наконец пиво было вы-

пито, но они все продолжали молчать. И вдруг Филле сказал:

— Конечно, мы сумеем его поймать, мы ведь знаем, где он живет. Я много раз видел, как он летел домой.

Малыш так испугался, что едва смог дух перевести. Он был просто в отчаянии. Теперь Карлсону придется сматывать удочки. Филле и Рулле заметили его маленький домик на крыше! Да, теперь всему наступит конец!

Малыш сжал кулаки, пытаясь сдержать слезы, и в тот самый момент, когда это перестало ему удаваться, хотя он старался изо всех сил, он услышал, как Рулле сказал:

— Да, я тоже много раз видел, как он влетает в окно, это ведь та самая квартира, куда мы как-то залезли тем летом, сечешь? На четвертом этаже, там на дверях табличка медная, и фамилию помню — Свантесон.

У Малыша глаза округлились от удивления. Может, он услышался? Неужели Филле и Рулле в самом деле думают, что Карлсон живет у Свантесонов? Какое счастье! Это ведь значит, что Карлсон всегда может спрятаться у себя дома и быть там в полной безопасности. Филле и Рулле его не выследили! Да это и не так легко. Ведь никто, кроме трубочиста, не лазает по крышам.

Итак, Филле и Рулле не пронюхали про домик на крыше, и тем не менее все это ужасно. Бедняга Карлсон, каково ему придется, если всерьез начнется за ним охота! Этот дурачок никогда не умел прятаться.

Филле и Рулле снова долго молчали, а потом Рулле сказал шепотом (Малыш едва расслышал):

— Давай сегодня ночью.

Вот тут-то Филле и спохватился, что они сидят не одни на скамейке. Он поглядел на Малыша и сказал очень громко:

— Да, так давай сегодня ночью отправимся копать червей!

Но так легко Малыша не проведешь. Он прекрасно понимал, что именно Филле и Рулле собирались делать сегодня ночью: они попытаются поймать Карлсона, когда он, как они думают, лежит в постели у Свантесонов и мирно спит.

«Надо поговорить об этом с Карлсоном, и как можно скорее!» — решил про себя Малыш.

Но Карлсон появился только к обеду. На этот раз он не влетел в окно, а бешено затрезвонил во входную дверь. Малыш побежал открывать.

— Ой, как здорово, что ты пришел! — начал Малыш, но Карлсон не стал его слушать. Он двинулся прямым ходом на кухню к фрекен Бок.

— Что ты стряпаешь? — спросил он. — Такое же жесткое мясо, как обычно? Или ты учитываешь вставные челюсти?

Фрекен Бок стояла у плиты и пекла блины, чтобы подать дяде Юлиусу что-нибудь более легкое, чем цыпленок, а когда

она услышала голос Карлсона за спиной, то так резко обернулась, что выплеснула на плиту целый половник жидкого теста.

— Послушай, ты! — в гневе закричала она. — Как тебе только не стыдно! Как это у тебя хватает совести приходить сюда! Как ты можешь глядеть мне в лицо, бессовестный булочный воришка!

Карлсон прикрыл лицо двумя пухленькими ручками и лукаво поглядел на нее в щелочку между пальцами.

— Нет, ничего, глядеть можно, но только осторожно, — сказал он. — Конечно, ты не первая в мире красавица, но ведь ко всему можно привыкнуть, так что ничего, сойдет, могу и поглядеть! Ведь главное, что ты милая... Дай мне блинка!

Фрекен Бок окинула Карлсона безумным взглядом, а потом обратилась к Малышу:

— Разве твоя мама предупредила меня, что этот мальчик будет у нас обедать? Неужели она так распорядилась?

Малыш постарался ответить как можно более уклончиво, но дружелюбно:

— Во всяком случае, мама считает... что Карлсон...

— Отвечай, да или нет, — прервала его фрекен Бок. — Твоя мама сказала, что Карлсон должен у нас обедать?

— Во всяком случае, она хотела... — снова попытался уйти от прямого ответа Малыш, но фрекен Бок прервала его жестким окриком:

— Я сказала, отвечай — да или нет! На простой вопрос всегда можно ответить «да» или «нет», по-моему, это не трудно.

— Представь себе, трудно, — вмешался Карлсон. — Я сейчас задам тебе простой вопрос, и ты сама в этом убедишься. Вот, слушай! Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай — да или нет?

У фрекен Бок перехватило дыхание, казалось, она вот-вот упадет без чувств. Она хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

— Ну вот вам, — сказал Карлсон с торжеством. — Повторяю свой вопрос: ты перестала пить коньяк по утрам?

— Да, да, конечно, — убежденно заверил Малыш, которому так хотелось помочь фрекен Бок.

Но тут она совсем озверела.

— Нет! — закричала она, совсем потеряв голову.

Малыш покраснел и подхватил, чтобы ее поддержать:

— Нет, нет, не перестала!

— Жаль, жаль, — сказал Карлсон. — Пьянство к добру не приводит.

Силы окончательно покинули фрекен Бок, и она в изнеможении опустилась на стул. Но Малыш нашел наконец нужный ответ.

— Она не перестала пить, потому что никогда не начинала, понимаешь? — сказал он, обращаясь к Карлсону.

— Я-то понимаю,— сказал Карлсон и добавил, повернувшись к фрекен Бок: — Глупая ты, теперь сама убедилась, что не всегда можно ответить «да» или «нет»... Дай мне блинка!

Но меньше всего на свете фрекен Бок была расположена дать Карлсону блинов. Она с диким воплем вскочила со стула и широко распахнула дверь кухни.

— Вон! — закричала она. — Вон!

И Карлсон пошел к двери. Пошел с высоко поднятой головой.

— Ухожу,— заявил он. — Ухожу с радостью. Не ты одна умеешь печь блины!

После ухода Карлсона фрекен Бок несколько минут сидела молча. Но когда немного отошла, с тревогой поглядела на часы.

— А твоего дяди Юлиуса все нет и нет! — вздохнула она. — Подумай, как давно он ушел! Боюсь, не случилось ли чего. Ведь он, наверное, плохо знает Стокгольм.

Малышу передалась ее тревога.

— Да, он, может, заблудился...

Тут как раз раздался телефонный звонок.

— Наверное, это дядя Юлиус! — воскликнул Малыш. — Звонит, чтобы сказать, что не знает, как попасть домой.

Фрекен Бок метнулась в прихожую, где был телефон, Малыш — за ней.

Но звонил не дядя Юлиус — это Малыш понял, как только услышал, что фрекен Бок говорит обычным ворчливым тоном:

— Да, да! Это ты, Фрида? Ну, как поживаешь? Еще не бросила свои глупости?

Малыш не хотел слушать чужие разговоры, поэтому он пошел к себе в комнату и взял книгу, чтобы почитать, но до него доносилось бормотание из прихожей, и конца этому не было.

Малыш был голоден. Он догадывался, что рано или поздно это раздражающее его бормотание прекратится, и дядя Юлиус придет домой, и они смогут наконец сесть за стол. Но он хотел обедать немедленно, никого не дожидаясь. И как только фрекен Бок положила трубку, он выскочил в прихожую, чтобы ей это сказать.

— Что ж, могу тебя накормить,— сказала она милостиво и повела его на кухню. Но у дверей она остановилась как вкопанная. Ее дородная фигура занимала весь проем двери, поэтому Малыш ничего не увидел. Он услышал только ее гневный вопль, а когда он все же высунул голову из-за ее юбки, потому что ему не терпелось узнать, в чем дело, то увидел Карлсона.

Карлсон сидел за столом и преспокойно ел один блин за другим.

Малыш испугался, что фрекен Бок захочет убить Карлсона — во всяком случае, вид у нее был такой. Но она только ринулась вперед и схватила тарелку с блинами.

— Ты... ты... ты ужасный мальчишка! — кричала она.

Тогда Карлсон стукнул ее легонько по пальцам и сказал:

— Не трогай мои блины! Я их честно купил у Линдбергов за пять эре.

Он широко распахнул свою пасть и отправил туда сразу кипу блинов.

— Я же сказал, что не только ты одна умеешь печь блины. Найти блины очень просто: где чад, там и блины.

Малыш снова пожалел фрекен Бок, потому что она никак не могла прийти в себя.

— А где... где... где же тогда мои блины? — простонала она и поглядела на плиту. Там стояло ее блюдо из-под блинов, но оно было пустым. И домомучительница снова пришла в ярость.— Противный мальчишка! — завопила она.— Ты их тоже съел!

— Вовсе нет! — сказал Карлсон возмущенно.— Поблагодари меня, что я этого не сделал. А ты только и умеешь, что меня обвинять.

В эту минуту на лестнице слышались шаги. Наконец-то идет дядя Юлиус. Малыш был рад, что дядя Юлиус не заблудился в лабиринте улиц. А кроме того, его приход положит конец перебранке.

— Прекрасно! — сказал Малыш.— Он, значит, нашел дорогу домой.

— Это я позаботился о том, чтобы он мог идти по следу, иначе он никогда бы не дошел,— сказал Карлсон.

— По какому такому следу? — удивился Малыш.

— А по такому, какой я оставил,— сказал Карлсон.— Потому что я самый заботливый в мире!

Но тут раздался звонок, фрекен Бок торопливо пошла открывать дверь, и Малыш тоже побежал встречать дядю Юлиуса.

— Добро пожаловать домой,— торжественно сказала фрекен Бок.

— Мы уже думали, что ты заблудился,— сказал Малыш.

Но дядя Юлиус не ответил ни фрекен Бок, ни Малышу, а строго спросил:

— Объясните мне, почему во всем доме на каждой дверной ручке висят блины?

И он с подозрением поглядел на Малыша, а Малыш пробормотал в испуге:

— Может, это гном?

И побежал на кухню спросить Карлсона, что он по этому поводу думает.

Но Карлсона в кухне уже не было. Там стояли два пустых блюда, а на клеенке темнела одинокая лужица варенья.

Дяде Юлиусу, Малышу и фрекен Бок пришлось удовольствоваться пудингом. И он оказался совсем недурен.

Малыш сбегал за ним в молочную. Он не возражал, когда его послали, потому что ему хотелось посмотреть, как выглядят дверные ручки, когда на них висят блины.

Но на дверных ручках никаких блинов уже не было. Он обежал все лестницы и нигде не увидел ни одного блина. Он уже решил, что дядя Юлиус все это выдумал, но вдруг понял, в чем дело... На последней ступеньке сидел Карлсон. Он ел блины.

— Хороши блиночки, но службу свою они уже сослужили, — сказал он. — А дядя Юлиус больше не заблудится, он теперь знает дорогу.

Набив рот, он фыркнул от возмущения.

— Какая она все же несправедливая, ваша домохозяйница! Сказала, что я съел ее блины, а я был невинен как младенец. Из-за нее приходится теперь лопать и вот эти!

Малыш не мог не рассмеяться.

— Ты лучший в мире поедатель блинов, Карлсон, — сказал он, но вдруг что-то вспомнил и сразу стал серьезным. — Вероятно, они попытаются сегодня ночью поймать тебя. Понимаешь ли ты, что это значит?

Карлсон облизал свои жирные пальцы и издал тихое радостное урчание.

— Это значит, что мы проведем веселый вечер, — сказал он. — Гей-гоп! Гей-гоп!

КАРЛСОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ СПЕЦИАЛИСТ ПО ХРАПУ

Медленно сгущались сумерки. Весь день Карлсон отсутствовал. Видно, он хотел, чтобы домохозяйница как следует отошла после «курощения блинами».

Малыш пошел с дядей Юлиусом в железнодорожный музей. Дядя Юлиус очень любил этот музей, и Малыш тоже. А потом они вернулись домой и поужинали вместе с фрекен Бок. Все шло чин чинном — Карлсон не показывался. Но когда Малыш отправился в свою комнату, его там ждал Карлсон.

По правде говоря, Малыш ему даже не обрадовался.

— Ой, до чего же ты неосторожный! — сказал он. — Зачем ты сегодня прилетел?

— Как ты можешь задавать такие глупые вопросы? — удивился Карлсон. — Да потому, что я собираюсь у тебя ночевать, разве это не понятно?

Малыш вздохнул. Весь день он ломал себе голову, как уберечь Карлсона от Филле и Рулле. Может, надо позвонить в полицию? Нет, это не годится, потому что тогда обязательно придется

объяснять, почему Филле и Рулле хотят поймать Карлсона, а это просто опасно.

А вот Карлсон не ломал себе голову и не боялся. Он стоял у окна и с невозмутимым спокойствием выкапывал персиковую косточку, чтобы очередной раз выяснить, насколько она проросла за сутки. Но Малыш был в самом деле очень напуган.

— Я просто не знаю, что нам делать, — сказал он.

— Это ты про Филле и Рулле? — спросил Карлсон. — Зато я знаю. Есть три способа воздействия — курощение, дуракаваляние и озверение, и я собираюсь применить их все.

Малыш считал, что лучше всего притаиться. Он надеялся, что Карлсон просидит эту ночь у себя в домике на крыше, что он притаится, как мышь. Но Карлсон ему сказал, что из всех дурных советов, которые ему давали, это самый худший.

Однако Малыш не сдавался. Дядя Юлиус подарил ему кулек карамелек, и он рассчитывал, что с его помощью ему удастся переубедить Карлсона. Он помахал кульком перед самым носом Карлсона, чтобы его соблазнить, и сказал не без задней мысли:

— Ты получаешь весь этот кулек, если полетишь домой и ляжешь спать.

Но Карлсон отпихнул руку Малыша.

— Фу, до чего же ты противный! — воскликнул он. — Мне не нужны твои паршивые карамельки. Не воображай только, что я хочу их получить!

Он печально скривил рот, отошел, забился в дальний угол и сел на скамеечку.

— Я и не знал, что ты такой противный, — сказал он. — Так я не играю.

Малыш пришел в отчаяние. Ничего более ужасного, чем «так я не играю», быть не могло! Малыш тут же попросил прощения и постарался снова развеселить Карлсона, но ничего не получалось. Карлсон дулся. Он был упрям.

— Ну, я просто не знаю, что еще можно сделать, — сказал в конце концов Малыш в полном отчаянии.

— Я зато знаю, — сказал Карлсон. — Конечно, не наверняка, но вполне возможно, что я буду играть, если ты сделаешь мне что-нибудь приятное... да, пожалуй, сойдет и кулек карамелек.

Малыш сунул ему кулек, и Карлсон согласился с ним играть.

— Гей-гоп! — крикнул он. — Ты и представить себе не можешь, что будет! Сейчас приготовим все, что надо.

«Раз Карлсон останется ночевать, я должен постелить себе на диване», — подумал Малыш и побежал в комнату Боссе, но Карлсон остановил его. Он сказал, что не стоит стелить: сегодня ночью все равно никто не будет спать.

— Никто, кроме домомучительницы и дядюшки, которые,

я надеюсь, будут спать мертвым сном, потому что нам придется и пошуметь,— пояснил Карлсон.

Дядя Юлиус действительно рано отправился в спальню. Он очень устал — он ведь так плохо спал прошлой ночью и провел потом весь день на ногах. И фрекен Бок нуждалась в отдыхе после волнений булочного и блинного «курошения». Она тоже рано удалилась к себе, вернее, к Бетан в комнату: мама решила, что фрекен Бок на время их отъезда будет там спать.

Но прежде чем удалиться на покой, они оба, и дядя Юлиус и фрекен Бок, зашли к Малышу пожелать ему спокойной ночи, а Карлсон, услышав их приближение, спрятался в шкаф. Он сам счел, что так будет умнее.

Дядя Юлиус зевнул и сказал:

— Надеюсь, нас опять посетит гном с красным зонтиком и навеет на всех нас сон.

«Можешь не сомневаться»,— подумал Малыш, но вслух сказал:

— Спокойной ночи, дядя Юлиус, желаю тебе хорошо выспаться! Спокойной ночи, фрекен Бок!

— И ты сейчас же ложись. Спокойной ночи, Малыш!

И они оба удалились.

Малыш быстро надел пижаму — на всякий случай, если фрекен Бок или дядя Юлиус вдруг вздумают встать посреди ночи и посмотреть, спит ли он.

Малыш и Карлсон решили обождать, пока фрекен Бок и дядя Юлиус не заснут, поэтому они сели играть в подкидного дурака. Но Карлсон все время жульничал и хотел только выигрывать — «а то я не играю». И Малыш по возможности давал ему выигрывать, а когда в конце концов тот все же раз проиграл, то быстро смешал карты и сказал:

— Сейчас нам играть некогда, пора приниматься за дело.

За это время дядя Юлиус и фрекен Бок успели уснуть — гном с зонтиком не нарушал их покоя. Карлсон долго ходил от одной двери к другой, прислушиваясь к их храпу.

— Знаешь, кто лучший в мире храпун? А ну-ка, угадай! — скомандовал Карлсон, а потом изобразил для Малыша, как храпит дядя Юлиус и как фрекен Бок.

— «Брр-пс-пс» — это дядя Юлиус, а у фрекен Бок храп звучит совсем по-другому: «Брр-аш, брррр-аш!»

Но тут Карлсону вдруг пришла в голову новая мысль: у него все еще был большой запас карамелек, хотя он и дал одну Малышу и сам съел десяток, значит, необходимо спрятать кулек в какое-нибудь надежное место, чтобы не думать о нем, когда придет время действовать.

— Понимаешь, ведь мы ждем воров,— объяснил он.— У вас нет несгораемого шкафа?

Малыш сказал, что, если бы у них был несгораемый шкаф, он запрятал бы туда прежде всего самого Карлсона, но, к сожалению, несгораемого шкафа у них нет.

Карлсон задумался.

— Я положу кулек к дядюшке, — решил он наконец. — Когда они услышат его храп, то подумают, это рычит тигр, и не решатся войти.

Когда он приоткрыл дверь спальни, «брр-пс-пс, брр-пс-пс» зазвучало куда громче и еще более устрашающе. Карлсон довольно захихикал и исчез с кулечком в темноте. Малыш стоял и ждал.

Вскоре он вернулся, сжимая в руке вставные челюсти дяди Юлиуса.

— Ну что ты, Карлсон! — ужаснулся Малыш. — Зачем ты их взял?

— Неужели ты думаешь, что я могу доверять свои карамельки человеку с зубами! — сказал Карлсон. — Представь себе, что дядюшка проснется ночью и увидит мой кулечек! Если зубы у него под рукой, он их мигом наденет и начнет грызть конфеты одну за другой. Но теперь он, к счастью, не сможет этого сделать.

— Дядя Юлиус и так никогда в жизни бы этого не сделал, — поручился Малыш. — Он ни за что не взял бы ни одной чужой конфетки.

— Дурак, он решил бы, что это его посетила фея из страны сказок и принесла ему гостинцы, — сказал Карлсон.

— Да как он мог бы это подумать, раз он сам купил мне эти карамельки? — возмутился Малыш, но Карлсон не желал ничего слушать.

— Кроме того, мне все равно нужны эти челюсти, — сказал он. — А еще мне нужна крепкая веревка.

Малыш сбегал на кухню и принес веревку для сушки белья.

— А зачем тебе? — спросил Малыш, сгорая от любопытства.

— Хочу сделать капкан для воров, — ответил Карлсон. — Наводящий ужас, устрашающий, смертельно опасный капкан для воров.

И он показал, где он собирается его соорудить: в узеньком тамбуре у входной двери, соединённой аркой с прихожей.

— Вот именно здесь, и только здесь, — сказал Карлсон.

С каждой стороны арки в прихожей стояло по стулу, и теперь, когда Карлсон приступил к сооружению уникального и весьма хитроумного капкана для воров, он протянул на небольшой высоте от пола несколько раз бельевую веревку между этими стульями и хорошенько ее закрепил. Если кто-нибудь в темноте войдет в дверь и захочет пройти в прихожую, то обязательно споткнется об это заграждение и упадет.

Малыш помнил, как в прошлом году к ним забрались Филле и Рулле, чтобы их обокрасть. Они открыли дверь с помощью длинной проволоки, которую просунули в щель почтового ящика, и подцепили ею «собачку» замка. Наверно, и на этот раз они захотят попасть в квартиру таким же образом. Что ж, будет только справедливо, если они запутаются в протянутой веревке.

— И вообще я зря волнуюсь,— сказал он.— Ведь когда Филле и Рулле начнут возиться у дверей, Бимбо так громко залает, что разбудит весь дом, и они бросятся наутек.

Карлсон поглядел на Малыша так, словно не верил своим ушам.

— Ах вот как? — сказал он строго.— Выходит, я зря делал капкан для воров! Нет, так я не играю. Собаку надо немедленно убрать.

Малыш всерьез рассердился:

— Что ты несешь! Куда мне ее деть! Ты об этом подумал?

Тогда Карлсон сказал, что Бимбо может провести ночь в его домике на крыше. Ляжет на его диванчик, будет себе спать и тихо посапывать. А утром, когда Бимбо проснется, Карлсон принесет ему фарш, он обещает. Пусть только Малыш образумится и согласится отправить к нему Бимбо.

Но Малыш не образумился. Он считал, что отсылать Бимбо из дома — безобразие. А кроме того, как здорово, если Филле и Рулле наткнутся на лающую собаку!

— Ты хочешь все испортить...— горько сказал Карлсон.— Никогда не даешь мне повеселиться вволю! На все ты говоришь: «Нет, нет, нельзя». Ты мне только мешаешь. Я не могу уже не курощать, ни низводить, ни валять дурака, ничего не могу! Тебе на все наплевать, лишь бы твой щенок налаялся всласть и поднял бы ночью переполох.

— Да разве ты не понимаешь...— начал было Малыш, но Карлсон его перебил:

— Так я не играю! Низводи сам, как умеешь, а я так не играю.

Бимбо сердито заворчал, когда Малыш вынул его из корзинки, потому что ему хотелось спать, и последнее, что увидел Малыш, когда Карлсон вылетел с собакой в руках, были два больших недоумевающих глаза.

— Не бойся, Бимбо! Я скоро возьму тебя назад! — кричал Малыш, чтобы утешить не то себя, не то Бимбо.

Карлсон вернулся через несколько минут в прекрасном настроении.

— Привет тебе от Бимбо. Угадай, что он сказал? «Как у тебя уютно, Карлсон»,— вот что он сказал. И добавил: — Не могу ли я стать твоей собакой?»

— Ха-ха, не мог он это сказать!

Малыш хохотал. он знал, чей Бимбо, и Бимбо это тоже знал.

— Что ж, теперь все в порядке,— сказал Карлсон. Он был доволен.— Ты же понимаешь, что такие добрые друзья, как мы с тобой, должны уступать друг другу: один всегда поступает так, как хочется другому.

— Да, конечно, но другим почему-то всегда оказываешься ты! — сказал Малыш со смешком. Он был поражен поведением Карлсона.

Ведь любой человек должен был понять, что в таком положении, в каком был Карлсон, лучше всего спокойно лежать себе ночью на диванчике в своем домике на крыше и предоставить Бимбо возможность спугнуть бешеным лаем Филле и Рулле, если они и вправду вздумают лезть в квартиру. Но Карлсон сделал все буквально наоборот, да еще внушил Малышу, что так лучше. И Малыш ему охотно поверил, потому что в Малыше тоже жила жажда приключений и он сгорал от желания узнать, как они будут «курошиться» на этот раз.

Карлсон спешил: он считал, что Филле и Рулле могут явиться в любую минуту.

— Я сейчас устрою нечто такое, что их с самого начала испугает насмерть,— сказал он.— И глупая собака нам здесь совсем не нужна, поверь мне.

Он побежал на кухню и стал рыться в шкафу. Малыш попросил его делать все потише, потому что фрекен Бок спит в комнате Бетан, прямо за стеной. Карлсон об этом не подумал.

— Тогда ты стой на страже! — скомандовал он.— Как перестанешь слышать «брр-ж-ж» или «брр-аш», дай мне как-нибудь незаметно знать.

Он задумался, и вдруг ему пришла мысль.

— Знаешь, что ты сделаешь? Ты сам начнешь храпеть, да как можно громче. Вот так: «Грррр-ах-ах, грррр-ах-ах».

— Зачем? — недоумевал Малыш.

— А вот зачем: если проснется дядюшка, он решит, что это храпит фрекен Бок, а если проснется фрекен Бок, она подумает на дядюшку, и ни у кого не возникнет подозрения. Но я-то буду знать, что «гррр-ах-ах» — это значит, ты мне подаешь сигнал: кто-то из них проснулся, надо быть начеку! И тогда я залезу в шкаф и притаюсь! Ха-ха, угадай, кто лучший в мире проказник?

— А если придут Филле и Рулле, что мне тогда делать? — спросил Малыш испуганно, потому что не так уж приятно стоять одному в прихожей, когда залезут воры, а Карлсон будет находиться в другом конце квартиры, на кухне.

— Также будешь храпеть,— сказал Карлсон,— но иначе. Вот так: «Гррр-о-го, ррр-о-го».

«Запомнить все эти храпы, пожалуй, труднее, чем выучить таблицу умножения»,— подумал Малыш. Как легко спутать все

эти «брр-пс-пс», «грр-ах-ах», «грр-о-го», но он постарается изо всех сил не ошибиться.

Карлсон порылся на полках, где лежало белье, и сгреб в охапку все кухонные полотенца.

— Этих полотенец не хватит, — заявил он. — Но, к счастью, еще есть полотенца в ванной.

— Что ты задумал? — допытывался Малыш.

— Мумию! — ответил Карлсон. — Вселяющую ужас, устрашающую смертоносную мумию. Еще более опасную, чем капкан.

Малыш толком не знал, что такое мумия, но ему помнилось, что это что-то связанное с египетскими пирамидами. Он знал, что в пирамидах хоронили царей и военачальников, они там лежали, словно задубевшие футляры с пустыми глазницами. Папа как-то раз об этом рассказывал. Царей этих и военачальников бальзамировали, как он сказал, чтобы они сохранились точно такими же, какими были при жизни. И их обматывали потом холстинами, как бинтами, сказал папа. «Но Карлсон вряд ли умеет бальзамировать», — подумал Малыш и спросил с удивлением:

— Как ты будешь делать мумию?

— Запеленаю ее в кухонные полотенца как миленькую... Да ты об этом не заботься, — сказал Карлсон. — Стой на страже и выполняй свое дело, а уж со своим я справлюсь.

И Малыш стал на страже. Он прислушивался к звукам, доносящимся из-за дверей: «Брр-пс-пс», «грр-ах-ах». Вроде все как надо. Но потом дяде Юлиусу приснился, видимо, кошмар, потому что его храп стал звучать так жалобно: «Грр-мм, грр-мм», вместо протяжного «пс-пс-пс». Малыш подумал, не надо ли пойти доложить об этом лучшему в мире специалисту по храпу, который орудовал на кухне, но как раз в тот момент, когда он больше всего забеспокоился, что делать, он услышал чьи-то торопливые шаги по лестнице, потом ужасный грохот и поток ругательств. Это явно сработал капкан для воров, значит, Филле и Рулле уже здесь, в квартире. Вместе с этим он обнаружил, к великому своему ужасу, что звуки «грр-ах, грр-ах» совсем смолкли. Ой, что же ему делать? В отчаянии он повторил про себя все звуки, которые ему велел запомнить Карлсон, и в конце концов попытался издать какое-то жалкое «грр-о-го» вперемешку с такими же жалкими «грр-ах», но все это совсем не было похоже на храп.

Он снова попытался:

— Грр-ах, грр-ах...

— Заткнись! — донеслось до него откуда-то со стороны капкана, и в темноте он постепенно разглядел очертания чего-то маленького и толстого, что барахталось в натянутых веревках и отчаянно пыталось выбраться. Это был Карлсон.

Малыш подбежал к нему и, приподняв стулья, помог ему встать. Но Карлсон не сказал ему спасибо. Он был зол как черт.

— Это ты виноват,— пробурчал он.— Ведь я велел тебе принести полотенце из ванной!

На самом-то деле он оставил Малыша на страже, а сам побежал в ванную, совсем забыв, бедняга, что у него на дороге стоит капкан для воров. Но при чем тут Малыш?

Впрочем, у них не оказалось времени выяснять, кто виноват в случившемся, потому что они оба слышали, как фрекен Бок нажимает ручку своей двери. Нельзя было терять ни секунды.

— Исчезни! — зашептал Малыш.

Карлсон помчался на кухню, а сам Малыш скрылся в своей комнате и кинулся на кровать.

Все это он успел проделать в самый последний момент. Он натянул одеяло на голову и робко попробовал издать негромкий храп «грр-ах», но у него снова не получилось, и он лежал молча и слышал, как фрекен Бок вошла к нему в комнату и подошла к его кровати. Он осторожно чуть приоткрыл глаза и увидел, что она стоит над ним в ночной рубашке, белевшей в темноте, стоит и так пристально вглядывается, что у него все тело начинает зудеть.

— Только не делай вид, что ты спишь,— сказала фрекен Бок, но голос ее был не злым.— Тебя тоже разбудил раскат грома?

— Да... наверное...

Фрекен Бок с удовлетворением кивнула.

— Я весь день чувствовала, что ночью разразится гроза. Было так душно, так парило! Но ты не бойся,— сказала она и погладила Малыша по голове.— Пусть себе грохочет, в городе это совсем не опасно.

Потом она вышла. Малыш долго лежал в кровати, не смея пошевелинуться. Но в конце концов он все же тихонько встал. Его очень тревожило, что с Карлсоном, и он неслышно прокрался на кухню.

Первое, что он там увидел, была мумия.

И какая мумия! Она сидела на табуретке, а рядом стоял Карлсон, гордый как лев, и освещал ее карманным фонариком, который нашел в стенном шкафу.

— Разве она не хороша? — спросил он.

«Она» — значит, это мумия не царя, а царицы!» — подумал Малыш. Круглая, толстая царица, потому что поверх кухонных полотенец Карлсон обмотал ее всеми мохнатыми полотенцами, которые нашел в ванной. Голова ее была скручена из салфеток и тоже обмотана полотенцем, в котором он прорезал большие глаза и обвел их черным ободком. Но главное, у мумии были зубы. Настоящие зубы — зубы дяди Юлиуса. Он засунул их в бахрому салфеток, а для верности прикрепил еще с обоих концов пластырем. Наводящая ужас, устрашающая, смертоносная мумия! При виде ее Малыш содрогнулся.

— Почему на ней пластырь? — спросил он.

— Она брилась, — объяснил Карлсон и похлопал мумию по щеке. — Гей-гоп, она так похожа на мою маму, что я думаю назвать ее «Мамочка».

И он схватил мумию в охапку и понес в прихожую.

— Как приятно будет Филле и Рулле встретиться с Мамочкой!

КАРЛСОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ НОЧНОЙ ПРОКАЗНИК

И вот наконец в щель почтового ящика кто-то просунул проволоку. Собственно говоря, Малыш и Карлсон этого не увидели, потому что в тамбуре было темно, хоть глаз выколи, а услышали: раздалось полязгивание и скрежет, так что сомнений быть уже не могло — вот они, долгожданные Филле и Рулле!

Все это время Малыш и Карлсон просидели на корточках под круглым столиком в прихожей и ждали. Так прошло не меньше часа. Малыш даже задремал. Но он разом проснулся, когда в ящике что-то заскрежетало. Ой, вот сейчас все начнется! С него мигом слетел всякий сон, ему было так страшно, что по спине забегали мурашки. Карлсон решил его ободрить.

— Гей-гоп! — прошептал он. — Гей-гоп!

Подумать только, что с помощью простой проволочки можно так легко сдвинуть «собачку»! Потом дверь осторожно приоткрыли, и кто-то проскользнул в нее, кто-то был здесь, в тамбуре! У Малыша перехватило дыхание — это и в самом деле было невероятно. Послышались шепот и тихие шаги... И вдруг раздался грохот — о, что за грохот! — и два приглушенных вскрика. И только тогда Карлсон под столом зажег свой фонарик и тут же его снова потушил, но на краткий миг луч света упал на навещающую ужас, устрашающую, смертоносную мумию, которая стояла, прислоненная к стене, и в злобной улыбке скалила зубы — зубы дяди Юлиуса. И снова крики, на этот раз более громкие.

Все дальнейшее произошло как-то одновременно, и Малыш не смог ни в чем разобраться. Он слышал, как распахнулись двери, — это выскочили из своих комнат дядя Юлиус и фрекен Бок, и тут же он слышал чьи-то шаги в тамбуре. Карлсон потянул Мамочку к себе за поводок, который он надел ей на шею, и она с глухим стуком упала на пол. Потом он услышал, как фрекен Бок несколько раз повернула выключатель, чтобы зажечь свет в прихожей, но он не зажигался, потому что Карлсон выкрутил все пробки на предохранительном щитке на кухне. «Проказничать лучше в

темноте», — сказал он. И вот фрекен Бок и дядя Юлиус беспомощно стояли, не зная, как осветить прихожую.

— Какая ужасная гроза! — сказала фрекен Бок. — Все так и грохочет! Неудивительно, что решили выключить электричество.

— Разве это гром? — спросил дядя Юлиус. — А я считал, что это нечто совсем другое.

Но фрекен Бок стала его уверять, что это наверняка гром, она не может ошибиться.

— Да и что бы это еще могло быть? — спросила она.

— Я думаю, что это опять пришли к нам сказочные существа, нынче ночью у них здесь встреча, — объяснил ей дядя Юлиус.

Собственно говоря, он сказал «шкашошные шушештва», потому что он стал вдруг шепелявить. «Он ведь остался без зубов», — догадался Малыш, но тут же об этом забыл. Он мог думать только о Филле и Рулле. Где они? Убежали? Он не слышал, чтобы хлопнула входная дверь. Вероятнее всего, они стоят где-то в тамбуре, притаившись в темноте, может, спрятались за пальто, висящие на вешалке? О, до чего ж страшно! Малыш придвинулся как можно ближе к Карлсону.

— Спокойствие, только спокойствие, — прошептал Карлсон. — Скоро мы их снова поймаем.

— Да, конечно, што-то иш двух, — глубокомысленно сказал дядя Юлиус. — Но шить в доме штало невошмошно!

Потом они оба, дядя Юлиус и фрекен Бок, исчезли, каждый в своей комнате, и снова воцарилась полная тишина. Карлсон и Малыш сидели под столом и ждали. «Прошла уже целая вечность», — подумал Малыш. Снова послышалось «брр-пс-пс» и «брр-аш», сперва прерывисто и слабо, но потом эти звуки настолько окрепли, что стало ясно — дядя Юлиус и фрекен Бок опять погрузились в глубокий сон.

И вот тогда притаившиеся в темноте Филле и Рулле снова двинулись в путь. Слышно было их дыхание. Ужас охватил Малыша. И тут они зажгли фонарик — да, представьте себе, у них тоже был фонарик, — и луч света запрыгал по прихожей. Края скатерти свисали низко, но всё же Филле и Рулле легко могли обнаружить под столом их троих — его, Карлсона и Мамочку. Малыш зажмурил глаза, словно он думал, что становится от этого невидимым, и затаил дыхание. Шепот Филле и Рулле раздавался совсем рядом.

— Ты тоже видел привидение? — спросил Филле.

— Ещё бы! — подхватил Рулле. — Белый призрак! Он стоял у этой стены, но теперь исчез.

— Ни в одной квартире в Стокгольме нет столько привидений, как здесь, это мы с тобой давно знаем, — сказал Филле.

— Давай смотаемся отсюда, да поскорей, — предложил Рулле.

Но Филле не согласился.

— Ни за что на свете! Ради десяти тысяч я готов сражаться не то что с одним, а с целым десятком привидений, заруби себе это на носу.

Он тихо поднял стулья, к ножкам которых была прикреплена веревка от капкана, и аккуратно поставил их на прежнее место, чтобы они не валялись под ногами, если придется отсюда бежать без оглядки. При этом он обругал живущих здесь детей: что за дурацкие шутки!

— Надо быть поосторожней! Я и так весь в синяках и шишках.

И он снова стал шарить лучом фонарика по всем углам.

— Давай поглядим, где что расположено, и начнем искать, — сказал он.

Луч опять забегал по прихожей, и всякий раз, когда он приближался к столу, Малыш жмурился и весь сжимался в комок. Он ужасно отсидел себе ноги, они стали как деревянные, ему казалось, что они не помещаются под столом и вылезают из-под скатерти — Филле и Рулле могут их увидеть.

К тому же он заметил, что Карлсон снова занялся Мамочкой. Свет фонарика убежал от них, под столом было темно, но все же не настолько, чтобы Малыш не увидел, как Карлсон вытащил Мамочку и поставил спиной к столу. Когда луч карманного фонаря вернулся назад, он упал ей прямо в лицо, осветив ее ужасный оскал.

И тогда снова раздались два вопля ужаса, а потом шаги в сторону входной двери.

Тут Карлсон оживился.

— Пошли, — шепнул он Малышу на ухо и пополз, волоча за собой Мамочку, через всю прихожую и исчез в комнате Малыша.

Малыш едва поспевал за ним.

— Какие гадкие люди! — сказал Карлсон и притворил дверь. — Не умеют даже отличить мумию от привидения — это, по-моему, просто гадость!

Он осторожно выглянул и стал прислушиваться, стараясь понять, что происходит в темной прихожей. Малыш тоже прислушался: он надеялся, что сейчас хлопнет входная дверь, но этого не случилось. Филле и Рулле были здесь, они тихо шептались:

— Десять тысяч крон! Рулле, не забывай об этом! Учти, никакие привидения меня не остановят!

Они довольно долго перешептывались. Карлсон весь превратился в слух.

— Пошли в комнату дядюшки, — сказал он. — Гей-гоп! Сейчас позабавимся.

Он схватил Мамочку на руки и уложил ее в постель Малыша.

— Хайсан, хопсан, Мамочка, ну вот, наконец-то ты можешь поспать, как человек, — сказал он и подоткнул ей одеяло, как мама

подтыкает одеяло, укладывая спать своего ребеночка. Потом шепнул Малышу: — Погляди, разве она не мила?

Он осветил мумию карманным фонариком и одобрительно похлопал ее по щеке.

Потом взял покрывало, которое фрекен Бок сняла с кровати, когда приходила к Малышу, и, аккуратно сложив, повесила на спинку стула, и тоже накинул его на Мамочку. «Чтобы она не замерзла», — подумал Малыш и захихикал. Казалось, под всем этим лежит и безмятежно спит толстый мальчишка, потому что Мамочка была прикрыта с головой.

— Привет, Малыш! — сказал Карлсон. — Теперь, пожалуй, и ты можешь немного поспать.

— Где? — опять удивился Малыш. К тому же при виде Мамочки у него пропал всякий сон. — Не могу же я лечь в кровать рядом с мумией!

— Нет, но под кровать можешь, — сказал Карлсон и полез первым, перекатываясь словно ёжик.

Малыш — за ним.

— А теперь ты услышишь типичный шпионский храп, — сказал Карлсон.

— Разве шпионы храпят как-то особенно? — снова удивился Малыш.

— Да, они храпят коварно и хитро, так что можно с ума сойти. Вот так: «Хоооо, дооо, дооо!»

Шпионский храп походил то на клёкот, то на урчание, и звук этот в самом деле наводил ужас, тем более что он становился всё громче. Малыш испугался.

— Тише! А то сюда придут Филле и Рулле.

— Да ведь для этого и нужен шпионский храп, — объяснил Карлсон.

В этот момент кто-то дотронулся до двери и приоткрыл её. В темноту ворвался луч фонарика, и в его свете Малыш увидел Филле и Рулле, которые осторожно, на цыпочках, прокрались в комнату.

Карлсон храпел громко и зловеще. Малыш пришёл от этого в ужас и подумал: «Зря он так. Они нас обнаружат». Правда, покрывало свисало до самого пола, скрывая его и Карлсона от света фонарика и от любопытных глаз. «И всё же он это здорово придумал», — решил Малыш.

— Хооо, хооо, — пуше прежнего храпел Карлсон.

— Ну, наконец-то мы, кажется, нашли, что искали, — сказал Филле, понизив голос. — Дети так не храпят, это наверняка он. Ты только погляди на этого толстого увальня. Точно, он!

— Хооо! — злобно захрапел Карлсон: ему явно не понравилось, что его называли толстым увальнем, это было слышно по его храпу.

— У тебя наручники наготове? — спросил Рулле. — На него сразу надо надеть наручники, не то он убежит.

Зашуршало покрывало. А потом Малыш услышал, как Филле и Рулле захрипели, словно им не хватало воздуха, и он понял, что они увидели наводящий ужас оскал мумии, которая покоилась на подушке. Однако они не вскрикнули и не бросились наутёк, а только дышали как-то странно.

— Ах, да это просто кукла... — нерешительно сказал Филле.

— Но тогда объясни, — сказал Рулле, — как эта кукла сюда попала! Она ведь только что была в прихожей или это другая?

— Да, странно, — согласился Филле. — А кто же храпит?

Но этого Филле так и не удалось выяснить, потому что слышались приближающиеся шаги. Малыш сразу узнал тяжёлую поступь фрекен Бок и разволновался. Что сейчас будет! Какой поднимется крик! Пострашнее грома!

Но ничего ужасного не произошло.

— Быстрее в дегароб! — прошептал Филле.

Малыш и оглянуться не успел, как оба жулика оказались в его гардеробе.

Тут Карлсон снова оживился. Перекатываясь, как ёжик, он двинулся к гардеробу и запер его на ключ. Потом он так же ловко и быстро приполз назад под кровать. И в ту же секунду в комнату вошла фрекен Бок, сама похожая на привидение в белой рубашке и со свечкой в руке.

— Это ты, Малыш, рыскал только что по моей комнате и освещал все углы фонариком? — строго сказала она.

— Нет, не я, — ответил Малыш, прежде чем успел сообразить, что он делает.

— А тогда почему ты не спишь? — с недоверием спросила фрекен Бок и добавила: — Почему ты накрылся с головой? Я тебя плохо слышу.

Она резко откинула покрывало, думая, что Малыш натянул его себе на голову. И тут раздался ужасный вопль. «Бедная фрекен Бок, она ведь ещё не привыкла, как Филле и Рулле, видеть вселяющие ужас, смертоносные мумии», — подумал Малыш. Он понимал, что настало время выползти из-под кровати. Всё равно она его найдет, а кроме того, нужна ее помощь, чтобы как-то справиться с Филле и Рулле. Не могли же они оставаться в гардеробе!

И Малыш выполз.

— Не пугайтесь, — начал он робко. — Мамочка — существо не опасное, но вот у меня в гардеробе заперты два вора.

Фрекен Бок ещё не пришла в себя после встречи с Мамочкой, но, когда Малыш сказал, что в гардеробе сидят два вора, она просто разозлилась.

— Что ты несешь! Какие глупости! Воры в гардеробе! Не болтай, пожалуйста!

Но для верности она все же подошла к дверце гардероба и крикнула:

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не последовало, и она еще больше разозлилась.

— Отвечайте! Здесь есть кто-нибудь? Если никого нет, то ведь можно это сказать.

Но тут она услышала легкий шорох в недрах гардероба и поняла, что Малыш сказал правду.

— Смелый мальчик! — воскликнула она. — Такой маленький, а сумел справиться с двумя взрослыми ворами! Герой!

Кровать закрипела, и из-под нее вылез Карлсон.

— Это вовсе не он, — сказал Карлсон, — это я все сделал!

Он кинул сердитый взгляд на фрекен Бок и на Малыша.

— Спасибо мне, что я такой смелый и хороший во всех отношениях, — сказал он. — И такой умный и красивый, а вовсе не толстый увалень, вот!

Фрекен Бок чуть с ума не сошла, когда увидела Карлсона.

— Ты... ты!.. — закричала она, но тут же спохватилась, что сейчас не время и не место ругать Карлсона за блины, потому что надо было подумать о серьезных вещах. — Сбегай скорее, разбуди дядю Юлиуса, и мы будем звонить в полицию... Ой, я раздета... пойду накину халат, — сказала она, бросив стыдливый взгляд на свою ночную рубашку.

И она торопливо вышла. Малыш побежал будить дядю Юлиуса. Но прежде взял у Мамочки челюсти. Он понимал, что теперь они нужнее самому дяде Юлиусу.

В спальне мерно звучало «грр-пс-пс». Дядя Юлиус спал, как ребенок.

Начинало светать. В еще совсем густых сумерках Малыш с трудом разглядел на тумбочке стакан с водой. Он опустил туда челюсти, послышался тихий плеск. Рядом со стаканом лежали очки дяди Юлиуса и кулек с карамельками. Малыш взял кулек и сунул его в карман пижамы, чтобы отдать Карлсону. Дяде Юлиусу было ни к чему его видеть, а то начнет еще допытываться, как он сюда попал.

У Малыша возникло смутное ощущение, что на тумбочке должно еще что-то лежать. Ах да, конечно, часы дяди Юлиуса и его бумажник. Ни часов, ни бумажника на месте не было. Но Малыш не обратил на это особого внимания. Ему поручили разбудить дядю Юлиуса, и он приступил к делу.

Дядя Юлиус разом проснулся.

— Что еще случилось?..

Первым делом он схватился за зубы и надел их и только тогда сказал:

— Странно, скоро я вернусь домой, в свой Вестергетланд, там можно спать по шестнадцать часов в сутки, а здесь, здесь ночная жизнь...

«Что ж, он, пожалуй, прав»,— подумал Малыш и стал ему объяснять, почему он должен немедленно встать.

Дядя Юлиус торопливо направился в комнату Малыша, Малыш бежал за ним следом, фрекен Бок, накинув халат, тоже поспешила туда, и все они столкнулись в дверях.

— О, дорогой господин Иенсен, представляете себе, воры! — причитала фрекен Бок.

Малыш сразу заметил, что Карлсона в комнате нет, а окно распахнуто. «Должно быть, он улетел домой. Это хорошо, очень хорошо! Просто счастье, потому что незачем ему встречаться ни с Филле и Рулле, ни с полицией. Это так хорошо, что даже как-то не верится»,— подумал Малыш.

— Они заперты в гардеробе,— объяснила фрекен Бок и засмеялась испуганно и радостно.

Но дядя Юлиус указал на кровать Малыша, где по-прежнему лежала укрытая с головой мумия, и сказал:

— Давайте сперва разбудим Малыша!

И тут же в полной растерянности перевел взгляд на Малыша, который стоял рядом с ним.

— Раз он уже встал, как я вижу,— забормотал дядя Юлиус,— то кто же это спит в его кровати?

Фрекен Бок содрогнулась. Она уже знала, кто, вернее, что лежит в кровати. Это было, пожалуй, даже почище воров.

— Нечто страшное,— сказала она.— Вы себе и представить не можете, до чего страшное! Нечто прямо из мира сказок.

Глаза дяди Юлиуса засияли. Он совершенно не испугался, нет, куда там, он дружески похлопал это «нечто страшное», что покоилось под одеялом.

— Нечто страшное, толстое, нечто из мира сказок. Сказочное чудовище! Нет, это я должен сейчас же увидеть, а ворами займемся потом.

И он быстрым движением откинул покрывало.

— Хи-хи! — пропищал Карлсон и, сияя, приподнялся на кровати.— Как хорошо, что ты нашел здесь не сказочное чудовище, а всего-навсего меня! Вот радость-то, верно?

Фрекен Бок с горьким упреком поглядела на Карлсона.

— И ночью это он нас дурачил? — спросил дядя Юлиус с обиженным видом.

— Наверно. Я ему голову оторву, когда у меня будет время,— сказала фрекен Бок. Потом она что-то вспомнила и испуганно дотронулась до руки дяди Юлиуса: — Дорогой господин Иенсен, нам ведь надо звонить в полицию.

Но тут дело приняло вдруг совсем неожиданный оборот.

Из гардероба раздался низкий голос:

— Откройте именем закона! Мы из полиции.

Фрекен Бок, дядя Юлиус и Малыш совсем растерялись. Один только Карлсон не был ничуть удивлен, зато очень разозлился.

— Из полиции?.. Это вы рассказываете кому-нибудь другому, жалкие воришки!

Но тут Филле закричал из гардероба, что они заплатят большой штраф за то, что задержали полицейских, которые пришли сюда, чтобы поймать опасного шпиона... «Как хитро они все повернули», — подумал Малыш.

— Откройте, пожалуйста, поскорее шкаф, и все будет в порядке! — крикнул Филле.

Дядя Юлиус поверил и выпустил их. Филле и Рулле вышли из гардероба, но у них был такой подозрительный вид, что дядя Юлиус и фрекен Бок по-настоящему испугались.

— Из полиции? — с сомнением в голосе переспросил дядя Юлиус. — А почему вы не в форме?

— Потому что мы секретные сотрудники тайной полиции, — сказал Рулле. — И мы пришли сюда, чтобы его забрать, — добавил Филле и схватил Карлсона. — Это очень опасный шпион.

Но тут фрекен Бок разразилась гомерическим смехом.

— Шпион! Это — шпион! Ха-ха-ха! Ну и потеха! Этот противный мальчишка — школьный товарищ Малыша.

Карлсон соскочил с кровати.

— И я первый ученик в классе! — горячо подхватил он. — Первый ученик, потому что умею шевелить ушами, ну и складывать я тоже умею.

Но Филле ему не поверил. Он вытащил наручники и медленно двинулся прямо на Карлсона. Когда он подошел уже совсем близко, Карлсон засеменил ему навстречу на своих маленьких толстых ножках. Филле пробормотал что-то сердитое и стал от нетерпения прыгать на одной ноге.

— Смотри, еще синяк будет, — предостерег его Карлсон, а Малыш подумал, что у воров всегда бывают синяки. Дело в том, что левый глаз у Филле заплыл и был совсем синий.

«Что ж, это по заслугам», — решил Малыш. Ведь он ворвался к ним в дом и хотел теперь увезти Карлсона, его Карлсона, чтобы продать за десять тысяч крон. Гадкие воры, пусть у них будет побольше синяков!

— Они не полицейские, это ложь, — сказал он. — Они воры, я их знаю.

Дядя Юлиус задумчиво почесал затылок.

— Вот это нам и надо выяснить, — сказал он.

Он предложил всем вместе посидеть в столовой, пока не будет выяснено, кто они — полицейские или воры.

Тем временем стало почти светло. Звезды на небе погасли — это было видно из окна. Начинался новый день, и Малышу ничего так не хотелось, как лечь наконец в постель и заснуть, а не сидеть и слушать, как Филле и Рулле рассказывают всякие небылицы.

— Неужели вы не читали в газете, что у нас в Вазастане появился летающий шпион? — спросил Рулле и вынул из кармана сложенную газету.

Но у дяди Юлиуса эта заметка вызывала сомнение.

— Нельзя верить всей чепухе, которую пишут в газетах, — сказал он. — Хотя я готов еще раз это перечитать. Подождите, я только схожу за очками.

Он ушел к себе, но тут же прибежал назад в страшном гневе.

— Ничего себе полицейские! — кричал он. — Украла у меня бумажник и часы! Извольте немедленно отдать мне эти вещи!

Но тут Филле и Рулле в свою очередь страшно рассердились.

— Опасно, — заявил Рулле, — обвинять полицейских в том, что они украла часы и бумажник.

— Это называется клевета. Разве вы не знаете? — спросил Филле. — А за клевету на полицию недолго и в тюрьму попасть. Может, вы и этого не знаете?

Вдруг Карлсон изменился в лице и закричал точно так же, как дядя Юлиус, которого он оттолкнул. Видно было, что его просто распирает от злобы.

— А мой кулек с карамельками? — вопил он. — Кто его взял?

Филле грозно поглядел на него.

— Ты что, в этом нас обвиняешь?

— Нет, я не сошел с ума, — сказал Карлсон. — Клевета — это серьезно. Но одно я могу сказать: если вы взяли кулек и сейчас же не отдадите его назад, то ты сейчас получишь такой же фонарь на другом глазу.

Малыш поспешно вытащил из своего кармана кулек.

— Вот твои конфеты, — сказал он, протягивая кулек Карлсону. — Я его взял, чтобы передать тебе.

Тогда в разговор вмешался Филле:

— Все понятно! Хотите на нас спихнуть свою вину. Не выйдет!

Фрекен Бок все это время сидела молча, но тут и ей захотелось высказаться.

— Кто украл часы и бумажник, мне ясно. Он только и делает, что ворует то булочки, то блины — вообще все, что ему попадает под руку.

Она указала на Карлсона, а он словно взбесился.

— Эй, ты, послушай! — орал он. — Это же клевета, а за клевету отвечают, разве ты этого не знаешь?

Но фрекен Бок отвернулась от Карлсона. Ей надо было серьезно поговорить с дядей Юлиусом. По ее мнению, вполне вероятно, что эти вот господа из тайной полиции. Поэтому у них такой странный вид и они так плохо одеты. Фрекен Бок всерьез думала, что все воры ходят в лохмотьях, она ведь никогда не видела настоящего взломщика.

Филле и Рулле сразу повеселели. Филле сказал, что он с первой же минуты понял, какая эта дама умная и замечательная, и просто счастлив, что ему довелось с ней познакомиться. И он несколько раз обращался к дяде Юлиусу за поддержкой.

— Не правда ли, она удивительная, редкая? Неужели вы так не думаете?

Неизвестно, что раньше думал по этому поводу дядя Юлиус, но теперь он просто был вынужден соглашаться, а фрекен Бок от всех этих комплиментов опускала глаза и краснела.

— Да, она такая же редкая, как гремучая змея,— проворчал Карлсон.

Он сидел в углу рядом с Малышом и так энергично пожирал карамельки, что хруст был слышен во всей комнате. Когда же кулек оказался пустым, он вскочил и стал прыгать по комнате. Казалось, он просто играет, но с помощью этих нелепых прыжков он постепенно добрался до стульев, на которых сидели Филле и Рулле.

— Такую редкую женщину, как вы, хочется вновь увидеть,— не унимался Филле, а фрекен Бок еще больше залилась краской и еще больше потупила глаза.

— Да, конечно, конечно, фрекен Бок — женщина редкая,— согласился дядя Юлиус,— но мне все же хотелось бы знать, кто взял мои часы и бумажник.

Филле и Рулле, казалось, не слышали, что он сказал. Филле был так увлечен фрекен Бок, что все остальное для него уже не существовало.

— И выглядит она привлекательно, не правда ли, Рулле? — сказал он тихо, но так, чтобы фрекен Бок это тоже услышала.— Красивые глаза... и такой прелестный носик, погляди, такой носик хорош в любую погоду, правда, Рулле?

Тут фрекен Бок подпрыгнула на своем стуле, и глаза у нее прямо на лоб полезли.

— Что? — выкрикнула она.— Что вы сказали?

Филле растерялся.

— Да я только сказал...— залепетал он, но фрекен Бок не дала ему договорить.

— Это вот Филипп, я уверена,— сказала она и вдруг стала, как показалось Малышу, похожа на Мамочку.

Филле был поражен.

— Откуда вы знаете? Вы что, слышали обо мне?

Фрекен Бок кивнула с горькой усмешкой.

— Вы спрашиваете, слышала ли я о вас? О да, не сомневайтесь! А его небось зовут Рудольф, да? — добавила она и показала на Рулле.

— Да. Но откуда вы это знаете? Может, у нас общие знакомые? — спросил Филле, так и сияя от удовольствия.

Фрекен Бок снова кивнула с горькой усмешкой.

— Да, пожалуй, есть. Фрекен Фрида Бок, с Фрейгатен. Вы, кажется, ее знаете? У нее тоже прелестный носик, который хорош в любую погоду, точь-в-точь как у меня, да?

Филле, видно, был не в восторге от сравнения носов, потому что сиять он тут же перестал. Более того, ему явно захотелось поскорее смотаться, и Рулле, видно, тоже не собирался засиживаться. Но за их спиной стоял Карлсон. Неожиданно раздался выстрел, Филле и Рулле подскочили на месте от испуга.

— Не стреляй! — крикнул Филле, потому что Карлсон ткнул ему в спину указательным пальцем, а он подумал, что это дуло пистолета.

— Выкладывайте бумажник и часы! — скомандовал Карлсон. — А не то буду стрелять.

Филле и Рулле стали нервно рыться в своих карманах, и в мгновение ока часы и бумажник оказались на коленях дяди Юлиуса.

— Вот гаденыш! — крикнул Филле, и с быстротой молнии он и Рулле выскочили в прихожую. Никто их не остановил, они хлопнули дверью и скрылись.

Первая опомнилась фрекен Бок и выбежала вслед за ними. Она стояла на площадке и кричала вдогонку, пока они неслись вниз по лестнице:

— Фрида про все это узнает, уж поверь! Вот она обрадуется!

Она даже перепрыгнула через несколько ступенек, словно собиралась догнать их, но потом все же остановилась и только крикнула вслед:

— И не вздумайте появляться у нас на Фрейгатен, не то прольется кровь. Слышите, что я говорю?.. Кровь...

КАРЛСОН ОТКРЫВАЕТ ДЯДЕ ЮЛИУСУ МИР СКАЗОК

После ночи с Филле и Рулле Карлсон стал задаваться еще больше, чем прежде.

«Вот лучший в мире Карлсон!» — этот крик будил Малыша каждое утро. И в комнату влетал Карлсон. И каждое утро он прежде всего выкапывал из горшка косточку персика, чтобы по-

смотреть. насколько она выросла, в потом всегда направлялся к старому зеркалу, которое висело над столом Малыша. Это было небольшое зеркало, но Карлсон долго летал вокруг него, чтобы как можно лучше себя разглядеть. Приходилось это делать по частям — целиком его отражение в нем не умещалось.

Пока он летал, он тихо мурлыкал себе под нос песенку, и в этой песенке воспевал самого себя и все, что с ним случилось. «Лучший в мире Карлсон... хи-ти-ти-хи... стоит десять тысяч крон... И еще он поймал воров и стрелял из пистолета... Какое интересное зеркало... В нем целиком не виден лучший в мире Карлсон... Но то, что видно, красиво... хи-ти-ти-хи... И в меру упитанный, да, да... И хороший во всех отношениях...»

Малыш был с этим согласен. Он тоже считал, что Карлсон хороший во всех отношениях. И самое удивительное было то, что постепенно дядя Юлиус тоже по-настоящему к нему привязался. Ведь это Карлсон вернул ему часы и бумажник. Такое дядя Юлиус скоро забыть не может. Фрекен Бок, напротив, всегда на него сердилась, но на это Карлсон не обращал внимания, лишь бы ему вовремя давали еду, а ее она давала.

«Если меня не кормят, я уже не я» — так он однажды выразился.

Фрекен Бок мечтала, чтобы Карлсон не проводил у них время, но тщетно, потому что Малыш и дядя Юлиус были на его стороне. Фрекен Бок всегда ворчала, если он появлялся как раз в тот момент, когда надо садиться за стол, но сделать она ничего не могла, и Карлсон ел вместе со всеми.

После ночных приключений с Филле и Рулле он прилетал регулярно, словно это было нечто само собой разумеющееся.

Карлсон, видно, немного устал от всех проказ той ночи, потому что на следующий день появился только к обеду. Он влетел в комнату Малыша и сразу стал принюхиваться, чем это пахнет на кухне.

Малыш тоже долго спал в тот день (Бимбо он взял с собой в постель) — оказывается, после целой ночи возни с ворами нужно отдохнуть — и проснулся только незадолго перед тем, как прилетел Карлсон. Вернее, он проснулся не сам, а его разбудил какой-то странный, необычный звук, который доносился из кухни. Фрекен Бок ходила взад-вперед и пела. Пела громко. Прежде Малыш никогда еще не заставлял ее за этим занятием и надеялся, что она и сейчас перестанет, потому что это было ужасно. По какой-то непонятной причине она была сегодня в отличном настроении. Утром она успела съездить домой, к Фриде, может, именно это ее так взбодрило, что она распевала во весь голос. «Ах, Фрида, это было бы для тебя лучше!..» — пела она, но что именно было бы лучше для Фриды, Малышу так и не удалось узнать, потому что Карлсон влетел к ней на кухню и закричал:

— Замолчи! Замолчи! Когда ты так орешь, люди могут подумать, что я тебя бью.

Фрекен Бок умолкла и стала угрюмо жарить эскалопы, а когда пришел дядя Юлиус, все сели за круглый стол обедать. «Все сидят вместе и обсуждают события этой ночи, и всем очень уютно», — подумал Малыш. Карлсон тоже был доволен обедом и всю расхваливал фрекен Бок.

— Сегодня тебе удалось по ошибке прекрасно приготовить эскалопы, — сказал он, чтобы ее ободрить.

На это фрекен Бок ничего не ответила. Она только несколько раз вздохнула и плотно сжала губы.

Шоколадный пудинг, разлитый в маленькие формочки, Карлсон тоже одобрил. Он проглотил всю свою порцию прежде, чем Малыш успел съесть ложечку от своего, и сказал:

— Да, пудинг хорош, но я знаю, что в два раза вкуснее.

— Что? — заинтересовался Малыш.

— Два таких пудинга, — объяснил Карлсон и взял себе новую порцию. А это значило, что фрекен Бок останется без сладкого, потому что она сделала только четыре порции.

Карлсон заметил, что у нее недовольный вид, и поднял пухлый указательный пальчик.

— Пойми, здесь за столом есть толстяки, которым необходимо худеть. И заметь, их не меньше двух. Имен называть не буду, но уж во всяком случае это не я и не этот вот худышка, — сказал он и ткнул пальцем в Малыша.

Фрекен Бок еще плотнее сжала губы и не вымолвила ни слова. Малыш тревожно посмотрел на дядю Юлиуса, но, казалось, он ничего не слышал. Он все ворчал. Какая в городе плохая полиция! Он звонил в участок и сообщил о происшествии, но его слова не вызвали никакого интереса. У них за ночь случилось еще 313 краж, сказали они, которыми необходимо заняться. Они только поинтересовались, что же все-таки пропало.

— Тогда я им объяснил, — в который раз повторял свой рассказ дядя Юлиус, — что благодаря одному смелому и умному мальчику грабителям пришлось уйти домой с пустыми руками.

И дядя Юлиус с восторгом посмотрел на Карлсона, который приосанился, как петух, и бросил на фрекен Бок торжествующий взгляд.

— Ну, что скажешь? Лучший в мире Карлсон пугает воров пистолетом! — воскликнул он.

Дядя Юлиус, по правде сказать, тоже испугался этого пистолета. Он явно был очень рад и благодарен, что получил назад свои вещи, но все же не считал, что мальчики должны ходить с огнестрельным оружием, и, когда Филле и Рулле удрали, Малышу очень долго пришлось объяснять, что это игрушка. Дядя Юлиус никак не мог в это поверить.

После обеда дядя Юлиус отправился в гостиную, чтобы взять сигару. Фрекен Бок стала убирать со стола и мыть посуду, и даже Карлсон не смог ей испортить настроение, потому что она снова начала напевать: «Ах, Фрида, для тебя это лучше!..» Но тут она вдруг обнаружила, что нет ни одного полотенца, и снова рассердилась.

— Ума не приложу, куда делись все полотенца,— сказала она и в растерянности оглядела кухню.

— Вот он, лучший в мире отыскиватель полотенца! — воскликнул Карлсон, тыча себя в грудь.— Ты бы попросила его как надо, чтобы он приложил свой ум, но ты ведь не умеешь ласково!

Карлсон сбегал в комнату Малыша и вернулся с такой огромной охапкой полотенца, что его самого не было видно. Но все эти полотенца были грязные и мятые, и фрекен Бок рассердилась еще больше.

— Где это ты так извозил все полотенца?! — закричала она.

— Они побывали в мире сказок,— заявил Карлсон.

Шли дни. Малыш получил открытку от мамы и папы. Путешествие было прекрасным, писали они, и они надеются, что Малыш тоже весело проводит время и что он хорошо ладит с дядей Юлиусом и фрекен Бок.

О Карлсоне, который живет на крыше, там не было ни слова, и Карлсона это сильно обидело.

— Я бы сам написал им открытку, но у меня нет пяти эре на марку,— сказал он.— «Хотя вам и не интересно, хорошо ли я лажу с домомучительницей,— написал бы я им,— хочу вам сообщить, что хорошо, потому что я стрелял из пистолета, и прогнал воров, и нашел все полотенца, которые потеряла домомучительница».

Малыш был счастлив, что у Карлсона нет пяти эре, чтобы купить почтовую марку. Он понимал, что мама и папа не должны получать такой открытки.

Малыш уже давно открыл свою копилку и отдал Карлсону все, что там было, но все эти деньги он успел истратить и теперь злился.

— Что за глупость,— ворчал Карлсон,— я стою десять тысяч крон, а у меня нет даже монетки, чтобы купить почтовую марку! Как ты думаешь, дядя Юлиус не согласится купить мои большие пальцы на ногах?

Малыш считал, что никогда не согласится.

— А может, все же согласится? Он ведь от меня в таком восторге,— не унимался Карлсон.

Но Малыш упорно стоял на своем. Карлсон разозлился

и улетел в свой домик на крыше и прилетел назад только тогда, когда Малыш дважды ему просигналил «прилетай скорее!», потому что пора было садиться за стол.

«Мама и папа, видно, волнуются, как дядя Юлиус уживется с фрекен Бок, раз они об этом специально пишут,— думал Малыш,— но они напрасно беспокоятся. Дядя Юлиус и фрекен Бок в прекрасных отношениях». И с каждым днем, Малыш это замечал, они все охотнее разговаривали друг с другом. Они часто подолгу засиживались в гостиной, и дядя Юлиус все что-то говорил про мир сказок, а фрекен Бок отвечала ему так мило и ласково, что Малыш ее просто не узнавал.

В конце концов у Карлсона даже возникли какие-то подозрения. С того самого дня, как фрекен Бок стала закрывать дверь в гостиную. Дело в том, что этой раздвижной дверью у Свантесонов никогда не пользовались, а гостиную от прихожей отделяли только занавески. Но вот теперь, когда фрекен Бок и дядя Юлиус по вечерам пили кофе в гостиной, фрекен Бок вдруг стала закрывать эту дверь. А если в комнату забежал Карлсон, дядя Юлиус отсылал его, говоря, что дети должны играть в другом месте, а они хотят спокойно, в тишине выпить кофе.

— Я тоже хочу кофе,— возмущался Карлсон,— налейте мне поскорее кофе и угостите сигарой, я посижу здесь с вами!

Но дядя Юлиус живо выставлял его за дверь, а фрекен Бок смеялась от удовольствия. Наконец-то перевес был на ее стороне.

— Я этого больше не потерплю! — сказал как-то Карлсон.— Я их проучу.

На следующее утро, когда дядя Юлиус был у доктора, а фрекен Бок пошла на рынок за салакой, Карлсон влетел к нему в комнату с большой дрелью в руке. Малыш видел эту дрель и раньше: она висела на стене в домике на крыше, и теперь Малышу не терпелось узнать, зачем Карлсон притащил ее сюда. Но в этот момент что-то опустили в почтовый ящик, и Малыш кинулся в прихожую за почтой. Пришли две открытки, одна от Боссе, другая от Бетан. Малыш был так рад этим открыткам и столько раз их читал и перечитывал, что, когда он с этим покончил, оказалось, что Карлсон тоже покончил со своим делом: он просверлил большую дырку в дверях гостиной.

— Что ты натворил, Карлсон! — крикнул Малыш в испуге.— Разве можно сверлить дырки в дверях?.. Зачем ты это сделал?

— Как зачем? Чтобы поглядеть, что они там делают! — ответил Карлсон.

— Как тебе только не стыдно! Мама говорит, что гадко подглядывать в замочную скважину.

— Твоя мама очень умная. Она совершенно права. Замочная скважина существует для ключа, а не для глаз, но это ведь не

замочная скважина, а глазок. Глазок делают для глаз, это ясно уже по самому слову. Что ты можешь мне возразить?

Малыш не нашел ответа.

А Карлсон тем временем вынул изо рта кусочек жвачки и заткнул ею глазок, чтобы он не был виден.

— Гей-гоп! — воскликнул он. — Мы что-то давно не веселились, зато сегодня вечер не будет скучным, я ручаюсь.

И Карлсон взял дрель и собрался улетать.

— У меня еще есть одно дело, — объяснил он. — Но к салаке я успею вернуться.

— А что за дело у тебя? — спросил Малыш.

— Да одно небольшое дельце, хоть денег на марку раздобуду, — сказал Карлсон. И улетел.

Но как только стали коптить салаку, Карлсон вернулся, и весь день он был в превосходном настроении. Он вынул из кармана пятиэровую монетку и протянул ее фрекен Бок.

— Это тебе в виде небольшого поощрения, — сказал он. — Купи себе какую-нибудь безделушку: бусы или еще что!

Фрекен Бок возмущенно отшвырнула монетку.

— Я тебе покажу безделушку! — закричала она, но тут появился дядя Юлиус, и фрекен Бок сразу же расхотелось шуметь.

— Смотри, какая она становится шелковая, как только приходит любитель мира сказок! — шепнул Карлсон Малышу.

А фрекен Бок и дядя Юлиус отправились в гостиную, чтобы, как обычно, выпить кофе с глазу на глаз.

— Теперь мы посмотрим, что они там делают, — заявил Карлсон. — Я сделал последнюю попытку мирно с ней поладить, но она мне объявила войну. Что ж, придется снова заняться ее низвержением и курощением. Пусть не ждет от меня пощады!

К великому изумлению Малыша, Карлсон вынул из нагрудного кармана сигару. Он зажег спичку, закурил и постучал в дверь гостиной. Никто не сказал «Войдите», но он вошел без всякой церемонии, дымя сигарой.

— Простите, это, кажется, курительная комната, — важно сказал он. — Значит, я могу здесь выкурить сигару.

Дядя Юлиус рассвирепел. Он вырвал у него сигару, разломал ее пополам и заявил, что если он еще хоть раз увидит, что Карлсон курит, он задаст ему такую трепку, что тот вовек не забудет. И играть с Малышом ему он тоже больше не позволит.

Карлсон обиженно выпятил нижнюю губу, глаза его наполнились слезами, и он с досады слегка лягнул дядю Юлиуса ногой.

— А мы все эти дни так хорошо с тобой ладили, противный дядька Юлиус! — буркнул он и так посмотрел на обидчика, что было ясно, какого он о нем мнения.

Но дядя Юлиус в два счета выставил его за дверь, плотно задвинул ее и закрыл на замок. В первый раз.

— Сам видишь, без курощения здесь никак не обойтись, — сказал Карлсон Малышу.

Он снова забарабанил в дверь кулаком и крикнул:

— Надеюсь, ты все же угостишь меня хорошей сигарой!

Потом Карлсон сунул руки в карманы и начал чем-то греметь. Похоже, что это были монетки. Да, в самом деле, его карманы были битком набиты пятиэровыми монетками.

— Вот повезло, стал богатый, — сказал он.

Малыш забеспокоился:

— Откуда у тебя столько денег?

Карлсон в ответ тайнственно подмигнул.

— Это ты узнаешь только завтра, — сказал он.

Малыш еще больше встревожился. Ведь Карлсон куда-то улетал, вдруг он стащил эти деньги! Но это же не лучше, чем то, что делают Филле и Рулле, да, это ничуть не лучше, чем сложение яблок, в котором он, как сам хвастался, силен. Малыш разволновался не на шутку. Но думать об этом ему уже времени не было, потому что Карлсон тихонько, осторожно вынул жвачку из глазка.

— Вот, сами виноваты, — сказал он и припал одним глазом к просверленной дырке. Но он тут же отпрянул, словно увидел что-то ужасное. — Какое безобразие! — возмутился Карлсон.

— Что они делают? — Малыш был заинтересован.

— Я тоже хотел бы это знать, но они исчезли.

Дядя Юлиус и фрекен Бок обычно сидели на маленьком диванчике, который прекрасно было видно в глазок. Там их и застал Карлсон, когда ворвался к ним с сигарой. Но сейчас их там не было. Малыш смог сам в этом убедиться, поглядев в глазок. Видно, они пересели на диван у окна, и это, по мнению Карлсона, было просто подло и даже коварно с их стороны. Те люди, у которых есть хоть капля совести, уверял Карлсон, всегда садятся так, чтобы их было видно в замочную скважину или в глазок.

Бедняга Карлсон! Он опустился на стул в прихожей и безутешно уставился в одну точку. На этот раз он явно проиграл. Его блестящая идея с глазком оказалась бессмысленной; это был тяжелый удар.

— Пошли, — сказал он наконец. — Пойдем поищем у тебя, может, найдем среди твоего барахла какой-нибудь инструмент для курощения.

Карлсон долго шарил в ящиках Малыша, но никак не мог напасть на то, что искал. Но вдруг он свистнул от восторга и вытащил длинную стеклянную трубочку, через которую Малыш стрелял горошинами.

— Прекрасный инструмент для курощения! — завопил Карлсон. — Теперь найти бы еще какой-нибудь предмет, и порядок!

И он нашел еще предмет, отличный предмет — воздушный шар, который можно было надуть до огромных размеров.

— Гей-гоп! — воскликнул Карлсон, и его пухлые ручки дрожали от нетерпения, когда он привязывал шарик к трубочке. Потом он приложил трубку ко рту, надул шар и закудахтал от радости, когда увидел, что лицо, нарисованное черной краской на желтом шаре, постепенно раздувается до невероятных размеров.

— С этим можно изображать старика, — сказал Малыш.

— Да, с этим можно изображать все, что угодно, — уверил его Карлсон и снова выпустил воздух из шарика. — Главное, что с ним прекрасно можно курощать.

И дело пошло на лад. Пошло просто замечательно, хотя Малыш так хохотал, что чуть все не испортил.

— Гей-гоп, — прошептал Карлсон и осторожно просунул воздушный шарик на стеклянной трубочке через глазок. Потом он стал дуть что было сил в трубку, а Малыш стоял рядом и давился от смеха. Он представил себе, как дядя Юлиус и фрекен Бок сидят на диване у окна и вдруг видят, как у них на глазах в полутьме сумрака возникает и растет круглое, как пузырь, похожее на луну лицо старика. Малыш понимал, какое жуткое впечатление это должно произвести.

— Надо повать, как привидение, — сказал Карлсон. — Подуй пока ты, чтобы шарик не спустил!

И Малыш стал дуть, а Карлсон — стонать и вздыхать, не жалея сил. Видно, те двое, что сидели запершись в гостиной, слышали эти стоны и увидели лунного старика, во всяком случае, вдруг раздался крик, которого Карлсон ждал.

— Они кричат, — радостно отметил Карлсон и тут же добавил: — Теперь главное — не останавливаться на достигнутом.

И он снова стал выпускать воздух из шарика. Раздался тихий и таинственный свистящий звук, а когда лунный старик растаял, Карлсон ловко вытащил из глазка трубочку со спущенным резиновым шариком и опять залепил дырку жвачкой, а сам, как ежик, быстро-быстро заполз под круглый столик, покрытый скатертью, — тот самый, где они уже прятались, когда ждали жуликов. Малыш едва успел скрыться следом, как щелкнул замок, раздвинулась дверь, и фрекен Бок просунула голову в прихожую.

— Я все же думаю: дети, — сказала она.

Но за ней стоял дядя Юлиус, и он был другого мнения.

— Сколько раз я тебе уже говорил, что мы живем в мире сказок, в мире таинственного. Сказочные существа беспрепятственно проходят сквозь закрытые двери и стены, а ты не хочешь этого понять!

Фрекен Бок покорилась и послушно сказала, что она, конечно, это тоже способна понять, если как следует подумает. Но она явно не желала, чтобы эти сказочные существа мешали ей пить кофе с дядей Юлиусом, и тут же увлекла его назад в гостиную. И Карлсон и Малыш снова оказались перед закрытой дверью. «И смотреть в глазок было не очень-то весело», — думал Малыш. И Карлсон тоже так думал. Да, представьте себе, что и Карлсон так думал.

Тут, к счастью, позвонил телефон. Малыш подошел. Какой-то женский голос попросил фрекен Бок. Малыш понял, что это Фрида с Фрейгатен, и очень обрадовался. Теперь он имел законное право помешать фрекен Бок, и, хотя вообще-то он был милым мальчиком, он сделал это с радостью.

— Фрекен Бок, вас к телефону! — крикнул он и громко постучал в дверь гостиной.

Но безрезультатно.

— Скажи, что я занята! — крикнула в ответ фрекен Бок из-за закрытой двери. Фрида была так же бессильна нарушить ее уединение с дядей Юлиусом, как и сказочные существа.

Малыш вернулся к телефону и сказал, что фрекен Бок не может подойти. Но Фрида хотела во что бы то ни стало узнать, чем так занята ее сестра, что не может даже подойти к телефону, и засыпала Малыша вопросами. В конце концов он сказал:

— Лучше всего спросите ее завтра сами.

Он положил трубку и поглядел, что делает Карлсон. Но Карлсона нигде не было. Малыш искал его всюду, в конце концов прибежал на кухню. Подошел к открытому окну и увидел на подоконнике странную фигуру. Там стояло верхом на маминой любимой метле таинственное существо, готовое к отлету. По всей вероятности, это и был Карлсон, хотя по виду существо это было похоже на маленькую ведьму: лицо, вымазанное черным, на голове косынка, а на плечах развевался ведьминский плащ — мамин большой цветастый передник.

— Послушай, Карлсон, — сказал Малыш с испугом, — нельзя, чтобы дядя Юлиус видел, что ты летаешь!

— Я не Карлсон, — сказал Карлсон глухим голосом, — я ведьма, самая злая и самая страшная в мире ведьма.

— Ой! — вырвалось у Малыша.

— Да, да, я самое опасное существо из мира сказок, — не унимался Карлсон. — При виде меня у всех волосы становятся дыбом.

В голубых сумерках июньского вечера летела ведьма. Малыш глядел ей вслед, не зная, что предпринять. Потом он бросился в комнату Боссе, потому что ее окна выходили на ту же сторону, что и окна гостиной.

Ведьма увидела Малыша, широко улыбнулась и помахала ему

рукой — очень кстати, а то Малышу стало уже казаться, что это настоящая ведьма, — а потом она заглянула в окно гостиной. Фрекен Бок и дядя Юлиус ее, видно, не заметили, потому что до Малыша по-прежнему доносился ровный гул их голосов. И вдруг тишину вечера прорезал крик. Душераздирающий крик ведьмы (она хотела привлечь к себе внимание) — и гул голосов в гостиной тут же смолк.

А ведьма прилетела назад к Малышу, рывком сорвала с себя косынку и плащ, стерла белой гардиной с лица сажу и разом превратилась снова в Карлсона, который швырнул метлу и ведьминские одежды Боссе под кровать.

— Знаешь что? — сказал Карлсон и, тяжело вздохнув, подошел к Малышу. — Надо законом запретить старикам так себя вести.

— А что они делали? — спросил Малыш.

Карлсон раздраженно покачал головой.

— Он держал ее за руку! Сидел и держал ее за руку! Нет, представляешь, держать за руку домомучительницу! Ну, что ты на это скажешь?

И Карлсон посмотрел на Малыша так, словно он ожидал, что Малыш от удивления упадет в обморок, а когда этого не случилось, крикнул:

— Разве ты не слышишь, что я говорю? Сидят и держат друг друга за руки! Есть же такие дураки на свете!

САМЫЙ БОГАТЫЙ В МИРЕ КАРЛСОН

Этот день Малыш никогда не забудет. Он сам рано проснулся: «лучший в мире Карлсон» не прилетел, чтобы его будить. «Так странно», — подумал Малыш и побежал к почтовому ящику, за газетой. Он хотел успеть прочесть все те небылицы, которые там будут написаны, прежде чем дядя Юлиус отнимет у него газету.

Но никаких детективных серий он там не нашел. Малыш вообще дальше первой страницы никогда не доходил. Но тут он вдруг наткнулся на заголовок, который приковал все его внимание:

ТАЙНА РАСКРЫТА — ЭТО НЕ СПУТНИК-ШПИОН.

А под этим заголовком была помещена фотография с видом Вестерброна и летящим над ним — да, тут ошибки быть не могло, — летящим над ним Карлсоном. Его портрет был тоже помещен в газете. Он стоял и с улыбкой указывал на свой пропеллер и на кнопку на животе.

Малыш стал читать, а когда прочел, заплакал.

«У нас сегодня в редакции побывал странный посетитель.

Этот красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил — так он сам себя определил — пришел и потребовал, чтобы ему вручили обещанное нами вознаграждение в размере десяти тысяч крон. Он сам, а не кто-то другой сумел раскрыть тайну Вазастана, как он нам объяснил, но он никакой не шпион, заявил он нам, и у нас нет оснований ему не верить. «Я шпионю только за такими, как домохозяйка и дядюшка», — заявил он. Все это звучит по-детски и вполне невинно, и, насколько мы понимаем, этот «шпион» оказался обыкновенным толстым школьником — первым учеником в своем классе, как он нас заверил, — но у этого мальчика есть вещь, которую мог бы применить любой ребенок, а именно: моторчик, с помощью которого можно летать, как, впрочем, это видно на картинке. Мотор этот сделан лучшим в мире изобретателем, как утверждает мальчик, но он отказался рассказать об этом более подробно. Мы сказали, что этот изобретатель стал бы мультимиллионером, если бы наладил массовое производство таких моторов, на что мальчик ответил: «Нет уж, спасибо, нельзя загрязнять воздух летающими мальчиками, достаточно нас двоих — меня и Малыша».

В этом месте Малыш улыбнулся — во всяком случае, спасибо, что Карлсон хотел летать только с ним и ни с кем другим, — а потом вздохнул и стал читать дальше.

«Надо, однако, признать, что мальчик все же производит странное впечатление. Он говорит без умолку, как-то странно отвечает на наши вопросы и даже не пожелал назвать своей фамилии. «Моя мамочка — мумия, а отец — гном», — сказал он в конце концов, но большего нам добиться не удалось. Он немного болтает по-английски, возможно, отец его англичанин, во всяком случае, он, видимо, знаменитый летчик, если мы верно поняли болтовню мальчишки. И этот интерес к полетам явно передался сыну по наследству от отца. Мальчик утверждает, что имеет право на обещанное вознаграждение. «Я должен получить эти деньги, а не Филле и Рулле или какой-нибудь другой хулиган», — говорит он. И всю эту сумму он просит выдать ему пятиэровыми монетками, потому что только это, по его утверждению, «настоящие деньги». Он покинул нас, набив свои карманы пятиэровыми монетками. За остальными монетами он собирается зайти, прихватив с собой тачку. Редакция заявляет, что он может получить их в любой день. Разговор с ним был весьма любопытен, хотя и не все, что он говорит, можно понять. «Имейте в виду, что вы заплатили только приблизительно» — это были его последние слова, а потом он вылетел через окно и направился в сторону Вазастана.

Имя свое мальчик нам назвать отказался, боясь, что его имя попадет в газету, «потому что Малыш этого не хочет», сказал он, и вообще создается впечатление, что он очень привязан к своему

младшему брату. Мы не можем открыть имя мальчика, но все же сообщим нашим читателям, что оно начинается слогом «Карл», а завершается слогом «сон». Но если человек не хочет, чтобы его имя было напечатано в газете, то мы обязаны с этим считаться. Вот почему мы на протяжении всей статьи звали его только «мальчик», а не «Карлсон», как его, собственно, и зовут».

— Он очень привязан к своему младшему брату,— пробормотал Малыш и снова вздохнул. А потом подошел к веревочке у окна и резко позвонил, это был сигнал Карлсону: «Прилетай».

И Карлсон прилетел. Он так и сиял.

— В газете есть что-нибудь интересное? — спросил он, выкапывая, как всегда, из горшка персиковую косточку.— Читай вслух, если это действительно интересно.

— Ты всякий стыд потерял,— сказал Малыш.— Разве ты не понимаешь, что ты все испортил. Нас с тобой уже не оставят в покое, никогда.

— А кому нужен покой? — удивился Карлсон, вытирая свои испачканные в земле руки о пижаму Малыша.— Надо, чтобы было весело и забавно, а то я не играю. Ну, а теперь читай!

И пока Карлсон кружил по комнате, стараясь получше разглядеть себя в маленьком зеркальце, Малыш читал ему вслух статью. Он пропустил слова «невероятно толстый» и вообще все, что могло обидеть Карлсона, а остальное он прочел от начала до конца, и Карлсон был счастлив.

— Интересное знакомство — это про меня. Да, в этой газете каждое слово — правда.

— «Он очень привязан к своему младшему брату»,— прочел Малыш и вопрошающе поглядел на Карлсона.— Эти слова тоже правда?

Карлсон перестал летать и задумался.

— Да, вообще-то да,— сказал он неохотно.— Удивительно, что можно привязаться к такому глупому мальчишке, как ты! Это только по моей доброте, потому что я самый добрый и самый милый в мире... Ну, читай дальше!

Но Малыш не смог читать, пока не проглотил комок в горле; значит, правда, что Карлсон привязан к нему! А на все остальное тогда наплевать!

— Хорошо, что я попросил их не называть моего имени в газете, правда? — сказал Карлсон.— Я это сделал только для тебя, ведь ты хочешь держать меня в тайне, в полной тайне.

Потом он схватил газету и долго с любовью разглядывал обе напечатанные там фотографии.

— Здесь, боюсь, не видно, до чего я красив,— сказал он.— И что я в меру упитанный, тоже не видно, гляди!

Он сунул газету Малышу под нос, но тут же рванул ее себе

назад и горячо поцеловал свою фотографию, где он демонстрирует пропеллер.

— Гей-гоп, когда я себя вижу, мне хочется кричать «ура!», — сказал он.

Но Малыш отнял у него газету.

— Фрекен Бок и дядя Юлиус уж во всяком случае не должны ее увидеть, — объяснил он. — Ни за что на свете!

Он сложил газету и засунул как можно дальше себе в ящик. Не прошло и минуты, как дядя Юлиус приоткрыл дверь его комнаты и спросил:

— Газета у тебя, Малыш?

Малыш покачал головой.

— Нет, у меня ее нет.

Ведь она правда была не у него, а лежала в ящике стола, оправдывался он потом перед Карлсоном за свой ответ.

Впрочем, дядя Юлиус странным образом не проявил в тот день обычного интереса к газете. Его мысли были явно заняты чем-то другим, чем-то очень приятным, должно быть, поэтому у него был непривычно счастливый вид. И потом ему надо было идти к доктору. В последний раз. Через несколько часов он уезжает к себе домой, в Вестергетланд.

Фрекен Бок помогала ему укладывать вещи, и Малыш и Карлсон слышали, как она его попутно наставляла: чтобы он не забыл застегнуть верхнюю пуговицу на пальто, а то еще продует, и чтобы он осторожно переходил улицу, и чтобы не курил натошак!

— Какова домомучительница, а? — сказал Карлсон. — Ей, наверное, кажется, что она его жена!

Но этот день странным образом оказался полон сюрпризов. Не успел дядя Юлиус уйти, как фрекен Бок кинулась к телефону. И она говорила так громко, что Малыш и Карлсон невольно слышали весь ее разговор.

— Алло! Это ты, Фрида? — начала она торопливо. — Ну как поживает твой прелестный носик?.. Видишь ли, это я уже слышала, но тебе больше нечего беспокоиться о моем носе, потому что я намерена его прихватить с собой, когда уеду в Вестергетланд... Ах да, я совсем забыла тебе сказать, что я собираюсь переехать в Вестергетланд... Нет, вовсе не в качестве экономки, а просто я выхожу замуж, хотя я и такая толстая... Ну, что ты скажешь?.. Да, конечно, ты имеешь полное право это узнать... За господина Юлиуса Иенсена, именно за него... да, это чистая правда, ты говоришь с госпожой Иенсен, дорогая Фрида... Я вижу, ты растрогалась... ты плачешь... Ну, ну, Фрида, не огорчайся, ты тоже еще можешь встретить хорошего человека... Прости, но мне некогда больше с тобой говорить, мой жених сейчас придет... Я потом еще позвоню, Фридошка.

Карлсон глядел на Малыша широко раскрытыми глазами.

— Скажи, есть лекарства, которые лечат дураков? — спросил он наконец. — Если есть, то надо срочно дать его дяде Юлиусу, да еще самую большую дозу!

Но Малыш ничего не слышал про такое лекарство.

Карлсон сочувственно вздохнул, а когда дядя Юлиус вернулся от доктора, он подошел к нему и молча сунул в руку пятиэровую монетку.

— Это еще зачем? — спросил дядя Юлиус.

— Купи себе что-нибудь приятное, — сказал Карлсон печально, — ты в этом нуждаешься.

Дядя Юлиус поблагодарил Карлсона, но он был так весел и счастлив, что не нуждался в пяти эре для подъема настроения. Дядя Юлиус все повторял, что он счастлив и что никогда не забудет этих дней. А кроме того, здесь ему открылся замечательный мир сказок. Правда, он испугался, когда увидел, что мимо окна пролетает ведьма, это он отрицать не будет, но...

— Не просто ведьма, — уточнил Карлсон, — а самая ведьмистая ведьма на свете!

Но главное, что он снова окунулся в мир своих предков, гнул свое дядя Юлиус, и это его несказанно радует. Эти прекрасные сказочные дни прошли, но он завоевал сердце сказочной принцессы, и вот теперь будет свадьба.

— Сказочная принцесса! — повторил за ним Карлсон, и глаза его заблестели. Он долго смеялся, потом поглядел на дядю Юлиуса, покачал головой и снова принялся хохотать.

Фрекен Бок хлопотала на кухне; такой веселой Малыш ее еще никогда не видел.

— Я тоже очень полюбила ведьм, — сказала она, — потому что, если бы одна ведьма не летала у наших окон и не пугала бы нас, ты, Юлиус, никогда бы, наверное, не кинулся мне на шею и вообще ничего бы не было.

Карлсон подпрыгнул на месте с досады, а потом пожал плечами.

— Что ж, пустяки, дело житейское! — сказал он. — Хотя не думаю, чтоб у нас в Вазастане было много ведьм.

А фрекен Бок говорила уже о свадьбе и с каждой минутой выглядела все счастливей и счастливей.

— Ты, Малыш, будешь у нас на свадьбе, — сказала она. — Тебе сошьют бархатный костюм, ты будешь в нем такой красивый.

Малыш содрогнулся. Черный бархатный костюм... Да Кристер и Гунилла его засмеют!

Зато Карлсону было не до смеха. Он всерьез обиделся.

— Так я не играю, я тоже хочу быть на свадьбе, я тоже хочу.

чтобы мне сшили черный бархатный костюм!.. Нет, так я не играю!..

Тут настала очередь фрекен Бок посмеяться вволю.

— Веселая будет с тобой свадьба, не соскучишься.

— Я тоже так думаю,— горячо подхватил Карлсон,— я буду стоять у тебя за спиной в черном бархатном костюме, и кидать все время пятиэровые монетки, и стрелять из своего пистолета! Что за свадьба без салюта!

Дядя Юлиус был так счастлив, что ему хотелось, чтобы все были счастливы, и он тут же пригласил Карлсона. Но фрекен Бок сказала, что тогда свадьба будет без нее.

И в тот день тоже настал вечер. Малыш сидел у Карлсона на крыльце, сгущались сумерки, и во всем Вазастане зажглись огни, и во всем Стокгольме — море огней, куда ни погляди.

Да, настал вечер, Малыш сидел рядом с Карлсоном, и это было хорошо. Как раз сейчас в Вестергетланде на маленькой станции остановился поезд и из вагона вышел дядя Юлиус. Где-то в море плывет назад, в Стокгольм, белый пароход, а на его палубе стоят мама и папа. Фрекен Бок была у себя дома, на Фрейгатен, чтобы ободрить Фриду. Бимбо спал в своей корзинке. Но здесь, на крыше, Малыш сидел со своим лучшим другом, и они ели свежие плюшки фрекен Бок. Все это было замечательно. И все же Малышу было тревожно.

Нет тебе покоя, если ты дружишь с Карлсоном!

— Я попытался тебе объяснить, как мог,— сказал Малыш.— Я оберегал тебя до сих пор, это верно. Но что теперь будет, я не знаю.

Карлсон запихал себе в рот целую плюшку и проглотил ее.

— Какой ты глупый! Теперь они уже не будут охотиться за мной, потому что не получают пятиэровых монеток. Филле и Рулле теперь не из-за чего за мной гоняться.

Малыш тоже взял плюшку и откусил кусочек.

— Нет, это ты глупый. Теперь весь Вазастан, во всяком случае, целые толпы дураков, будет ходить за тобой по пятам, чтобы поглядеть, как ты летаешь, или украсть твой мотор.

Карлсон оживился.

— Ты думаешь? Если ты прав, то мы можем сегодня хорошо повеселиться, это уж точно.

Малыш всерьез разозлился.

— Как ты справишься,— сказал он гневно,— как ты справишься, я тебя спрашиваю, если тебя будут осаждать толпы народу!

— Ты знаешь, есть три способа: курощение, низведение и дуракаваляние. И я думаю, что придется применить все три сразу.

Карлсон склонил голову набок и посмотрел на него лукаво. Карлсон выглядел так забавно, что Малыш невольно улыбнулся и повеселел. Карлсон сунул руки в карманы и радостно позвонел своими пятиэровыми монетками.

— Гей-гоп, богатый, и красивый, и умный, и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил — это я, лучший в мире Карлсон, лучший во всех отношениях, ты это понимаешь, Малыш?

— Да, — ответил Малыш.

Но в кармане у Карлсона были не только пятиэровые монеты, но и маленький пистолет, и, прежде чем Малыш успел остановить Карлсона, выстрел прокатился по всему Вазастану.

«Ну вот, начинается», — подумал Малыш, когда увидел, что в соседних домах раскрываются окна, и услышал гул взволнованных голосов.

Но Карлсон запел свою песенку, и большими пальцами он отбивал такт:

Пусть все кругом
Горит огнем,
А мы с тобой споем:
Ути, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнем.

Пусть тыщу булочек несут
На день рождение к нам.
А мы с тобой устроим тут
Ути, боссé, буссé, капут,
Биссé и тарарам.

ДЖАННИ РОДАРИ

Приключения
Чиполлино
Сказочная повесть

Gianni Rodari

LE AVVENTURE DI CIPOLLINO

Перевод *Э. Потановой*
под редакцией *С. Я. Маршак*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Чиполлоне отдал ногу
принцу Лимону*

Чиполлино был сыном Чиполлоне. И было у него семь братьев: Чиполлетто, Чиполлотто, Чиполлочча, Чиполлучча и так далее — самые подходящие имена для честной луковой семьи. Люди они были хорошие, надо прямо сказать, да только не везло им в жизни.

Что ж поделаешь: где лук, там и слезы.

Чиполлоне, его жена и сыновья жили в деревянной лачуге чуть побольше ящичка для огородной рассады. Если богачам случалось попадать в эти места, они недовольно морщили носы, ворчали: «Фу, как несет луком!» — и приказывали кучеру ехать быстрее.

Однажды бедную окраину собрался посетить сам правитель страны, принц Лимон. Придворные ужасно беспокоились, не ударит ли луковый запах в нос его высочеству.

— Что скажет принц, когда почувствует этот запах бедности?

— Можно опрыскать бедняков духами! — предложил Старший Камергер.

На окраину немедленно отправили дюжину солдат-Лимончиков, чтобы надушить тех, от кого пахнет луком. На этот раз солдаты оставили в казармах свои сабли и пушки и взвалили на плечи огромные бидоны с опрыскивателями. В бидонах были: цветочный одеколон, фиалковая эссенция и даже самая лучшая розовая вода.

Командир приказал Чиполлоне, его сыновьям и всей родне выйти из домишек. Солдаты построили их в ряды и хорошенько опрыскали с головы до ног одеколоном. От этого душистого дождя у Чиполлино с непривычки сделался сильнейший насморк. Он стал громко чихать и не расслышал, как издали донесся протяжный звук трубы.

Это на окраину прибыл сам правитель со свитой Лимонов, Лимонишек и Лимончиков. Принц Лимон был одет во все желтое с ног до головы, а на желтой шапочке у него побрякивал золотой колокольчик. У придворных Лимонов колокольчики были серебряные, а у солдат-Лимончиков — бронзовые. Все эти колокольчики звенели, не переставая, так что получалась великолепная музыка. Послушать ее сбегалась вся улица. Народ решил, что пришел бродячий оркестр.

Чиполлоне и Чиполлино оказались в первом ряду. Им обоим досталось немало толчков и пинков от тех, кто напирал сзади. Наконец бедный старик Чиполлоне не выдержал и закричал:

— Назад! Осади назад!..

Принц Лимон насторожился. Это что такое?

Он подошел к Чиполлоне, величаво переступая своими короткими, кривыми ножками, и строго посмотрел на старика:

— Чего это ты кричишь «назад»? Мои верноподданные так жаждут увидеть меня, что рвутся вперед, а тебе это не нравится, да?

— Ваше высочество, — прошептал на ухо принцу Старший Камергер, — мне кажется, что этот человек — опасный мятежник. Его нужно взять под особое наблюдение.

Тотчас же один из солдат-Лимончиков направил на Чиполлоне подзорную трубу, которою пользовались для наблюдения за возмутителями спокойствия. У каждого Лимончика была такая труба.

Чиполлоне позеленел от страха.

— Ваше высочество, — пробормотал он, — да ведь они меня затолкают!

— И прекрасно сделают, — прогремел принц Лимон. — Так тебе и надо!

Тут Старший Камергер обратился к толпе с речью.

— Возлюбленные наши подданные,— сказал он,— его высочество благодарит вас за выражение преданности и за усердные пинки, которыми вы потчуете друг друга. Толкайтесь посильнее, напирайте вовсю!

— Но ведь они и вас самих, чего доброго, с ног сшибут,— попытался возразить Чиполлино.

Но сейчас же другой Лимончик направил на мальчика подзорную трубу, и Чиполлино счел за лучшее скрыться в толпе.

Сначала задние ряды напирали на передние не слишком сильно. Но Старший Камергер так свирепо поглядывал на нерадивых, что в конце концов толпа заволновалась, как вода в кастрюшке. Не выдержав напора, старый Чиполлоне завертелся кубарем и нечаянно наступил на ногу самому принцу Лимону. Его высочество, на ногах у которого были изрядные мозоли, сразу увидел все звезды небесные без помощи придворного астронома. Десять солдат-Лимончиков кинулись со всех сторон на несчастного Чиполлоне и надели на него наручники.

— Чиполлино, Чиполлино, сынок! — звал, растерянно оглядываясь по сторонам, бедный старик, когда его уводили солдаты.

Чиполлино в эту минуту находился очень далеко от места происшествия и ничего не подозревал, но зеваки, сновавшие вокруг, уже все знали и, как бывает в подобных случаях, знали даже больше того, что было на самом деле.

— Хорошо, что его вовремя схватили,— говорили досужие болтуны.— Вы только подумайте, он хотел заколоть его высочество кинжалом!

— Ничего подобного: у злодея пулемет в кармане!

— Пулемет? В кармане? Быть этого не может!

— А разве вы не слышите стрельбы?

На самом деле это была вовсе не стрельба, а треск праздничного фейерверка, устроенного в честь принца Лимона. Но толпа так перепугалась, что шарахнулась во все стороны от солдат-Лимончиков.

Чиполлино хотел было крикнуть всем этим людям, что в кармане у его отца не пулемет, а только небольшой окурочек сигары, но, подумав, решил, что болтунов все равно не переспоришь, и благоразумно промолчал.

Бедный Чиполлино! Ему вдруг показалось, что он стал плохо видеть,— это потому, что у него на глаза навернулась большущая слезища.

— Назад, глупая! — прикрикнул на нее Чиполлино и стиснул зубы, чтобы не зареветь.

Слеза испугалась, попятилась и больше уже не показывалась.

Короче говоря, старого Чиполлоне приговорили к тюремному заключению не только на всю жизнь, но и на много-много лет после смерти, потому что при тюрьмах принца Лимона были и кладбища.

Чиполлино добился свидания со стариком и крепко обнял его:

— Бедный ты мой отец! Тебя засадили в каталажку, как преступника, вместе с ворами и бандитами!..

— Что ты, что ты, сынок, — ласково перебил его отец, — да ведь в тюрьме полным-полно честных людей!

— А за что же они сидят? Что плохого они сделали?

— Ровно ничего, сынок. Вот за это-то их и засадили. Принцу Лимону порядочные люди не по нутру.

Чиполлино призадумался.

— Значит, попасть в тюрьму — это большая честь? — спросил он.

— Выходит, что так. Тюрьмы построены для тех, кто ворует и убивает, но у принца Лимона все наоборот: воры и убийцы у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане.

— Я тоже хочу быть честным гражданином, — заявил Чиполлино, — но только в тюрьму попадать не желаю. Потерпи немного, я вернусь сюда и всех вас освобожу!

— Не слишком ли ты на себя надеешься? — улыбнулся старик. — Это дело нелегкое!

— А вот увидишь. Я своего добьюсь.

Тут явился какой-то Лимонишка из стражи и объявил, что свидание окончено.

— Чиполлино, — сказал на прощание отец, — теперь ты уже большой и можешь сам о себе подумать. О твоей маме и братишках позаботится дядя Чиполла, а ты отправляйся странствовать по белу свету, поучись уму-разуму.

— Как же мне учиться? Книжек у меня нет, да и купить их не на что.

— Не беда, жизнь научит. Только гляди в оба — старайся видеть насквозь всяких плутов и мошенников, особенно тех, которые имеют власть.

— А потом? Что мне потом делать?

— Сам поймешь, когда придет время.

— Ну пошел, пошел, — прикрикнул Лимонишка, — довольно болтать! А ты, оборвыш, держись подальше отсюда, ежели не хочешь сам попасть за решетку.

Чиполлино ответил бы Лимонишке насмешливой песенкой, да подумал, что не стоит попадать за решетку, пока не успеешь как следует взяться за дело.

Он крепко поцеловал отца и убежал.

На следующий день он поручил свою мать и семерых братьев заботам доброго дяди Чиполлы, которому повезло в жизни чуть-чуть больше, чем остальным родственникам,— он служил где-то привратником.

Попрощавшись с дядей, матерью и братьями, Чиполлино завязал свои вещи в узелок и, нацепив его на палку, пустился в путь. Он пошел куда глаза глядят и, должно быть, выбрал верную дорогу.

Через несколько часов добрался он до маленькой деревушки — такой маленькой, что никто даже не потрудился написать ее название на столбе или на первом доме. Да и дом-то этот был, собственно говоря, не дом, а какая-то крохотная конурка, которая годилась разве что для таксы. У окошечка сидел старик с рыжеватой бородкой; он грустно поглядывал на улицу и, казалось, был чем-то очень озабочен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как Чиполлино заставил кавалера Помидора заплакать в первый раз

— Дяденька,— спросил Чиполлино,— что это вам взбрело в голову забраться в этот ящик? Хотел бы я знать, как вы из него вылезете!

— О, это довольно легко! — отвечал старичок. — Вот войти гораздо труднее. Я бы с удовольствием пригласил вас к себе, мальчик, и даже угостил бы стаканчиком холодного пива, но здесь вдвоем не поместишься. Да, правду сказать, у меня и пива-то нет.

— Ничего,— сказал Чиполлино,— я пить не хочу... Так это, значит, ваш дом?

— Да,— ответил старик, которого звали кум Тыква. — Домик, правда, тесноват, но когда нет ветра, тут неплохо.

Надо сказать, что кум Тыква только накануне этого дня закончил постройку своего дома. Чуть ли не с самого детства мечтал он о том, что у него будет когда-нибудь собственный домик, и каждый год покупал по одному кирпичу для будущей постройки.

Но только, к сожалению, кум Тыква не знал арифметики и должен был время от времени просить сапожника, мастера Виноградинку, посчитать за него кирпичи.

— Посмотрим,— говорил мастер Виноградинка, почесывая затылок шилом. — Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя семнадцать кирпичей.

— А как ты думаешь, хватит этого на дом?

— Я бы сказал, что нет.

— Как же быть?

— Это уж твое дело. Не хватает на дом — сложи из кирпичей скамеечку.

— Да на что же мне скамеечка! Скамеечек и без того в парке много, а когда они заняты, я и постоять могу.

Мастер Виноградинка молча почесывал шилом сначала за правым ухом, потом за левым и уходил в свою мастерскую.

А кум Тыква думал-думал и в конце концов решил работать побольше, а есть поменьше. Так он и сделал.

Теперь ему удавалось покупать по три, по четыре кирпича в год.

Он стал худым, как спичка, зато груды кирпичей росла.

Народ говорил:

«Посмотрите-ка на кума Тыкву! Можно подумать, что он вытаскивает кирпичи из собственного брюха. Каждый раз, как у него прибавляется кирпичик, сам он худеет на килограмм».

Так шел год за годом. Наконец наступил день, когда кум Тыква почувствовал, что становится стар и не может больше работать. Он снова пошел к мастеру Виноградинке и сказал ему:

— Будь так добр, посчитай мои кирпичи.

Мастер Виноградинка, захватив с собой шило, вышел из мастерской, посмотрел на груды кирпичей и начал:

— Шестью семь — сорок два... девять долой... Словом, всего у тебя теперь сто восемнадцать штук.

— Хватит на дом?

— По-моему, нет.

— Как же быть?

— Не знаю, право, что тебе сказать... Построй курятник.

— Да у меня ни одной курицы нет!

— Ну так посели в курятнике кошку. Знаешь, кошка — зверь полезный. Она мышей ловит.

— Это-то верно, но ведь кошки у меня тоже нет, а правду сказать, и мыши еще не завелись. Не с чего, да и негде...

— Чего же ты от меня хочешь? — засопел мастер Виноградинка, ожесточенно почесывая затылок шилом. — Сто восемнадцать — это сто восемнадцать, ни больше ни меньше. Так ведь?

— Тебе виднее — ты арифметике учился.

Кум Тыква вздохнул разок-другой, но, видя, что от его вздохов кирпичей не прибавляется, решил без лишних слов начать постройку.

«Я сложу из кирпичей совсем-совсем маленький домик, — думал он, работая. — Мне ведь дворца не нужно, я и сам невелик. А если кирпичей не хватит, пушу в ход бумагу».

Кум Тыква работал медленно и осторожно, боясь слишком быстро израсходовать все свои драгоценные кирпичи.

Он клал их один на другой так бережно, будто они были стеклянные. Он-то хорошо знал, чего стоит каждый кирпичик!

— Вот это,— приговаривал он, взяв один из кирпичей и поглаживая его, словно котенка,— это тот самый кирпич, что я раздобыл десять лет тому назад к рождеству. Я купил его на те деньги, что припас на курицу к празднику. Ну, курятиной я полакомлюсь потом, когда кончу свою постройку, а пока обойдусь и без нее.

Над каждым кирпичом он выпускал глубокий-преглубокий вздох. И все же, когда кирпичи кончились, у него осталось в запасе еще очень много вздохов, а домик вышел крохотный, как голубятня.

«Кабы я был голубем,— думал бедный Тыква,— мне было бы здесь очень, очень уютно!»

И вот домик был совсем готов.

Кум Тыква попытался было в него войти, но угодил коленом в потолок и чуть не обрушил все сооружение.

«Стар я становлюсь и неуклюж. Надо быть поосторожнее!»

Он стал на колени перед входом и, вздыхая, вполз внутрь на четвереньках. Но тут обнаружились новые затруднения: нельзя встать без того, чтобы не пробить головой крышу; нельзя растянуться на полу, потому что пол слишком короток, а повернуться на бок невозможно из-за тесноты. Но главное, как быть с ногами? Если ты залез в домик, то надо втянуть внутрь и ноги, а то они, чего доброго, промокнут под дождем.

«Вижу,— подумал кум Тыква,— что мне остается только жить в этом доме сидя».

Так он и сделал. Он уселся на пол, осторожно переводя дух, и на лице его, показавшемся в окошечке, было выражение самого мрачного отчаяния.

— Ну, как ты себя чувствуешь, сосед? — полюбопытствовал мастер Виноградинка, высунувшись из окна своей мастерской.

— Спасибо, недурно!..— со вздохом ответил кум Тыква.

— А тебе не узко в плечах?

— Нет, нет. Ведь я строил дом как раз по своей мерке.

Мастер Виноградинка почесал, как всегда, шилом затылок и пробормотал что-то непонятное. А между тем со всех сторон собирался народ, чтобы поглазеть на домик кума Тыквы. Примчалась и целая орава мальчишек. Самый маленький вспрыгнул на крышу домика и стал приплясывать, распевая:

Как у Тыквы-старика
В кухне правая рука,
В спальне левая рука.
Если ноги
На пороге,
Нос — в окошке чердака!

— Осторожней, мальчики! — взмолился кум Тыква. — Эдак вы мне дом обрушите — он ведь еще такой молоденький, новенький, ему и двух дней нет!

Чтобы задобрить ребят, кум Тыква вытащил из кармана горсть красных и зеленых леденцов, которые завалялись у него уж и не знаю с каких времен, и роздал их мальчикам. Те с радостным визгом схватили леденцы и сейчас же передрались между собой, деля добычу.

С этого дня кум Тыква, как только у него заводилось несколько сольдо, покупал конфеты и клал их на подоконник для ребят, словно хлебные крошки для воробьев.

Так они и подружились.

Иной раз Тыква разрешал мальчикам по очереди влезать в домик, а сам зорко поглядывал снаружи, как бы они не наделали беды.

* * *

Вот обо всем этом кум Тыква и рассказывал юному Чиполлино как раз в ту минуту, когда на краю деревни показалось густое облако пыли. Тотчас же, словно по команде, все окна, двери и ворота стали со стуком и скрипом закрываться. Жена мастера Виноградинки тоже поспешила запереть свою калитку.

Народ попрятался по домам, словно перед бурей. Даже куры, кошки и собаки и те кинулись искать себе надежное убежище.

Чиполлино еще не успел расспросить, что такое здесь творится, как облако пыли с треском и грохотом прокатилось по деревне и остановилось у самого домика кума Тыквы.

В середине облака оказалась карета, которую тянула четверка лошадей. Собственно говоря, это были не совсем лошади, а, скорее, огурцы, потому что в стране, о которой идет речь, все люди и животные были сродни каким-нибудь овощам или фруктам.

Из кареты, пыхтя и отдуваясь, вылез толстяк, одетый во все зеленое. Его красные, пухлые, надутые щеки, казалось, вот-вот лопнут, как перезрелый помидор.

Это и был кавалер Помидор, управитель и эконо́м богатых помещиц — графинь Вишен. Чиполлино сразу понял, что от этой особы нельзя ждать ничего хорошего, если все удирают при первом же ее появлении, и сам счел за лучшее держаться в стороне.

Сначала кавалер Помидор не делал никому ничего дурного. Он только смотрел на кума Тыкву. Смотрел долго и пристально, зловеще покачивая головой и не говоря ни слова.

А бедный кум Тыква рад был в эту минуту провалиться сквозь землю вместе со своим крошечным домиком. Пот ручьями струился у него со лба и попадал в рот, но кум Тыква не осмели-

вался даже поднять руку, чтобы вытереть лицо, и покорно глотал эти соленые и горькие капли.

Наконец он закрыл глаза и стал думать так: «Никакого синьора Помидора тут больше нет. Я сижу в своем домике и плыву, как моряк в лодочке, по Тихому океану. Вокруг вода — синяя-синяя, спокойная-спокойная... Как мягко она колышет мою лодочку!..»

Конечно, никакого моря вокруг не было и в помине, но домик кума Тыквы и в самом деле покачивался то вправо, то влево. Это происходило оттого, что кавалер Помидор ухватился за край крыши обеими руками и стал трясти домик изо всех сил. Крыша ходила ходуном, и аккуратно уложенная черепица разлеталась во все стороны.

Кум Тыква поневоле открыл глаза, когда синьор Помидор издал такое грозное рычание, что двери и окна в соседних домах закрылись еще плотнее, а тот, кто запер дверь только на один оборот ключа, поспешил повернуть ключ в замочной скважине еще разок или два.

— Злодей! — кричал синьор Помидор. — Разбойник! Вор! Мятежник! Бунтовщик! Ты построил этот дворец на земле, которая принадлежит графиням Вишням, и собираешься провести остаток своих дней в безделье, нарушая священные права двух бедных, престарелых синьор — вдов и круглых сирот. Вот я тебе покажу!

— Ваша милость, — взмолился кум Тыква, — уверяю вас, что у меня было разрешение на постройку домика! Мне его дал когда-то сам синьор граф Вишня!

— Граф Вишня умер тридцать лет тому назад — мир его праху! — а теперь земля принадлежит двум благополучно здравствующим графиням. Поэтому убирайся отсюда вон без всяких разговоров! Остальное тебе разъяснит адвокат... Эй, Горошек, где вы тут? Живо!

Синьор Зеленый Горошек, деревенский адвокат, очевидно, был наготове, потому что немедленно выскочил откуда-то, словно горошинка из стручка. Каждый раз, когда Помидор являлся в деревню, он звал этого расторопного малого, чтобы тот подтвердил его распоряжения подходящими статьями закона.

— Я здесь, ваша милость, к вашим услугам... — пролепетал синьор Горошек, низко кланяясь и зеленея от страха.

Но он был такой маленький и юркий, что его поклона никто не заметил. Боясь показаться недостаточно вежливым, синьор Горошек подпрыгнул повыше и задрогал ногами в воздухе.

— Эй, как вас там, скажите-ка этому бездельнику Тыкве, что, по законам королевства, он должен немедленно убираться отсюда прочь. И объявите всем здешним жителям, что графини Вишни намерены посадить в эту конуру самую злую собаку, для

того чтобы стеречь графские владения от мальчишек, которые с некоторого времени стали вести себя крайне непочтительно.

— Да-да, действительно непочтительно... то есть... — бормотал Горошек, еще пуще зеленея от страха. — То есть недействительно почтительно!

— Что там — «действительно» или «недействительно»? Адвокат вы или нет?

— О да, ваша милость, специалист по гражданскому, уголовному, а также и каноническому праву. Окончил университет в Саламанке. С дипломом и званием...

— Ну, ежели с дипломом и званием, так, стало быть, вы подтвердите, что я прав. А затем можете убираться восвояси.

— Да-да, синьор кавалер, как вам будет угодно!.. — И синьор адвокат, не заставляя себя просить дважды, ускользнул прочь быстро и незаметно, как мышиный хвост.

— Ну что, ты слышал, что сказал адвокат? — спросил Помидор кума Тыкву.

— Да ведь он ровно ничего не сказал! — слышался чей-то голос.

— Как? Ты осмеливаешься еще спорить со мною, несчастный?

— Ваша милость, я и рта не открывал... — пролепетал кум Тыква.

— А кто же, если не ты? — И кавалер Помидор с угрожающим видом осмотрелся вокруг.

— Мошенник! Плут! — снова слышался тот же голос.

— Кто это говорит? Кто? Наверно, этот старый мятежник, мастер Виноградинка! — решил кавалер Помидор. Он подошел к мастерской сапожника и, ударив дубинкой в дверь, прорычал: — Я прекрасно знаю, мастер Виноградинка, что в вашей мастерской часто произносятся дерзкие, мятежные речи против меня и благородных графинь Вишен! Вы не питаете никакого почтения к этим престарелым знатым синьорам — вдовам и круглым сиротам. Но погодите: придет и ваш черед. Посмотрим, кто будет смеяться последним!

— А еще раньше придет твой черед, синьор Помидор! Ох, лопнешь ты скоро, непременно лопнешь!

Слова эти произнес не кто иной, как Чиполлино. Засунув руки в карманы, он так спокойно и уверенно подошел к грозному кавалеру Помидору, что тому и в голову не пришло, что правду в глаза осмелился ему высказать этот жалкий мальчуган, этот маленький бродяга.

— А ты откуда взялся? Почему не на работе?

— Я еще не работаю, — ответил Чиполлино. — Я только учусь.

— А что ты изучаешь? Где твои книги?

— Я изучаю мошенников, ваша милость. Как раз сейчас

передо мной стоит один из них, и я ни за что не упущу случая изучить его как следует.

— Ах, ты изучаешь мошенников? Это любопытно. Впрочем, в этой деревне все мошенники. Если ты нашел нового, покажи-ка мне его.

— С удовольствием, ваша милость,— ответил Чиполлино, лукаво подмигнув.

Тут он поглубже засунул руку в левый карман и вытащил оттуда маленькое зеркальце, которым он обычно пускал солнечных зайчиков. Подойдя совсем близко к синьору Помидору, Чиполлино повертел зеркальцем перед самым его носом:

— Вот он, этот мошенник, ваша милость. Если вам угодно, посмотрите-ка на него хорошенько. Узнаете?

Кавалер Помидор не удержался от искушения и одним глазом посмотрел в зеркальце. Неизвестно, что он надеялся там увидеть, но, конечно, увидел только свою собственную красную, как огонь, физиономию со злыми маленькими глазками и широким ртом, похожим на прорезь копилки.

Тут-то синьор Помидор наконец понял, что Чиполлино попросту издевается над ним. Ну и взбесился же он! Весь побагровев, он обеими руками вцепился Чиполлино в волосы.

— Ой-ой-ой! — закричал Чиполлино, не теряя присущей ему веселости.— Ах, как силен этот мошенник, которого вы увидели в моем зеркальце! Уверяю вас, он один стоит целой шайки разбойников!

— Я покажу тебе, плут!..— заорал кавалер Помидор и так сильно дернул Чиполлино за волосы, что одна прядь осталась у него в руках.

Но тут случилось то, что и должно было случиться.

Вырвав у Чиполлино прядь луковых волос, грозный кавалер Помидор вдруг почувствовал едкую горечь в глазах и в носу. Он чихнул разок-другой, а потом слезы брызнули у него из глаз, как фонтан. Даже как два фонтана. Струйки, ручьи, реки слез текли по обеим его щекам так обильно, что залили всю улицу, словно по ней прошелся дворник со шлангом.

«Этого еще со мной никогда не бывало!» — думал перепуганный синьор Помидор.

И в самом деле, он был такой бессердечный и жестокий человек (если только можно назвать помидор человеком), что никогда не плакал, а так как он был к тому же богат, ему ни разу в жизни не приходилось самому чистить лук. То, что с ним произошло, так напугало его, что он вскочил в карету, хлестнул лошадей и умчался прочь. Однако, удирая, обернулся и прокричал:

— Эй, Тыква, смотри же, я тебя предупредил!.. А ты, подлый мальчишка, оборванец, дорого заплатишь мне за эти слезы!

Чиполлино покатывался со смеху, а кум Тыква только утирал

пот со лба. Двери и окна начали понемножку открываться во всех домах, кроме дома, в котором жил синьор Горошек.

Мастер Виноградинка распахнул настежь свою калитку и выскочил на улицу, ожесточенно почесывая затылок шилом.

— Клянусь всей дратвой в мире, — воскликнул он, — наконец-то нашелся парнишка, который заставил плакать кавалера Помидора!.. Откуда ты взялся, мальчик?

И Чиполлино рассказал мастеру Виноградинке и его соседям свою историю, которую вы уже знаете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой рассказывается о профессоре Груше,
о Луке Порее и о Тысяченокках*

С этого самого дня Чиполлино начал работать в мастерской Виноградинки и скоро достиг больших успехов в сапожном деле: натирал воском дратву, подбивал подметки, ставил набойки, снимал мерку с ног заказчиков и при этом не переставал шутить.

Мастер Виноградинка был доволен им, и дела у них шли отлично не только потому, что они усердно работали, но и потому, что многие заходили в мастерскую, чтобы посмотреть на смелого мальчишку, который заставил плакать самого кавалера Помидора. За короткое время Чиполлино приобрел много новых знакомых.

Первым пришел профессор Груша, учитель музыки, со скрипкой под мышкой. За ним влетело целое облако мух и ос, потому что скрипка профессора Груши была сделана из половинки ароматной, сочной груши, а мухи, как известно, большие охотницы до всего сладкого.

Очень часто, когда профессор Груша давал концерт, слушатели кричали ему из зала:

— Профессор, обратите внимание — на вашей скрипке сидит большая муха! Вы из-за нее фальшивите!

Тут профессор прерывал игру и гонялся за мухой до тех пор, пока ему не удавалось прихлопнуть ее смычком.

А иногда в его скрипку залезал червяк и проделывал в ней длинные извилистые коридоры. Инструмент от этого портился, и профессору приходилось обзаводиться новым, чтобы играть как следует, а не фальшивить.

Вслед за профессором Грушей явился огородник Лук Порей. У него был густой чуб, спадающий на лоб, и длинные-предлинные усы.

— Из-за этих усов, — жаловался Лук Порей Чиполлино, — у меня немало неприятностей. Когда моя жена собирается сушить белье, она сажает меня на балкон, привязывает мои усы за

кончики к двум гвоздям и вешает на них свои простыни, рубашки и чулки. А я должен сидеть на солнце до тех пор, пока белье не высохнет. Вот видишь, какие у меня следы на усах!

Действительно, на усах Лука Порей виднелись следы от деревянных зашипок.

Однажды в мастерскую пришло семейство Тысяченожек: отец и двое сыновей — Тысяченожка и Тысячелапка. Сыновья ни одной минуты не могли спокойно постоять на месте.

— Они у вас всегда такие непоседы? — спросил Чиполлино.

— Что вы! — вздохнул Тысяченожка-отец. — Сейчас-то они еще спокойны, как ангелы, а вот вы бы посмотрели, что с ними делается, когда моя жена их купает! Пока она моет им переднюю сотню ног, они успевают загрязнить задние; вымоет задние — глядь, а передние снова чернее черного. Она возится с ними без конца и каждый раз изводит целый ящик мыла.

Мастер Виноградинка почесал затылок и спросил:

— Ну что, снимать с ваших малышей мерку?

— Да что вы, бог с вами, разве я могу заказать столько башмаков! Мне пришлось бы работать всю жизнь, чтобы заплатить за тысячу пар ботинок.

— Верно, — согласился мастер Виноградинка. — Да у меня на них и кожи в мастерской не наберется.

— Ну, так вы посмотрите, какие из ботинок больше всего износились. Сменим хотя бы несколько пар.

Пока мастер Виноградинка и Чиполлино осматривали у ребят подметки и набойки, Тысяченожка и Тысячелапка изо всех сил старались стоять спокойно, но это у них не очень-то выходило.

— Ну вот, — сказал сапожник, — этому мальцу нужно переменить первые две пары и еще трехсотую пару.

— Нет, трехсотая пока еще годится, — торопливо возразил отец Тысяченожка. — Подбейте ему только каблуки.

— А другому мальчугану надо сменить десять башмаков подряд на правой стороне.

— Сколько я им твержу, чтобы они не шаркали ногами! Да разве эти ребята умеют ходить? Они скачут, приплясывают, прыгают на одной ноге. И что же получается в конце концов: все правые башмаки стоптались раньше левых. Вот как туго приходится нам, Тысяченожкам!

Мастер Виноградинка только рукой махнул:

— Эх, все дети одинаковы! Две у них ноги или тысяча — это, в сущности, все равно. Они способны изорвать тысячу пар ботинок на одной-единственной ноге.

Наконец семья Тысяченожек засеменила прочь. Тысяченожка и Тысячелапка умчались, как на колесах. Папа Тысяченожка не умел так быстро передвигаться — он немного прихрамывал. Со всем чуть-чуть, всего только на сто восемнадцать ног.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

о том, как Чиполлино одурачил пса Мастино,
которому очень хотелось пить

А что же стало с домиком кума Тыквы? В один далеко не прекрасный день кавалер Помидор снова прикатил в своей карете, в которую были запряжены четыре огурца, но на этот раз его сопровождала дюжина Лимончиков. Без долгих разговоров кума Тыкву выгнали из домика и вместо него поселили там здорового сторожевого пса по имени Мастино.

— Вот вам! — заявил Помидор, угрожающе поглядывая вокруг. — Теперь все ваши мальчишки научатся уважать меня, а прежде всего — тот пришлый оборванец, которого мастер Виноградинка взял к себе в дом.

— Правильно! Правильно! — глухо пролаял Мастино.

— Что же касается старого дурака Тыквы, — продолжал синьор Помидор, — то это научит его повиноваться моим приказаниям. А если ему очень хочется иметь крышу над головой, то для него всегда найдется уютное, удобное местечко в тюрьме. Там на всех хватит места.

— Правильно! Правильно! — снова подтвердил Мастино.

Мастер Виноградинка и Чиполлино, стоя на пороге мастерской, видели и слышали все, что происходит, но не могли ничем помочь старику.

Кум Тыква печально сидел на тумбе и щипал себя за бороду. Каждый раз при этом у него в руке оставался клочок волос. В конце концов он решил бросить это занятие, чтобы не остаться совсем без бороды, и начал тихонько вздыхать — ведь вы помните, что у кума Тыквы был большой запас вздохов!

Наконец синьор Помидор влез в свою карету. Мастино сделал стойку и отдал хозяину честь хвостом.

— Смотри сторожи хорошенько! — приказал ему кавалер на прощание, хлестнул по огурцам, и карета умчалась в облаке пыли.

Был чудесный, жаркий летний день. После отъезда хозяина Мастино немножко погулял перед домиком взад и вперед, высунув от жары язык и обмахиваясь хвостом, как веером. Но это не помогало. Мастино изнемог от жажды и решил, что ему не повредил бы добрый стаканчик холодного пива.

Он огляделся по сторонам, высматривая какого-нибудь мальчишку, чтобы послать его за пивом в ближайший трактир, но на улице, как назло, никого не было.

Правда, в сапожной мастерской перед открытой дверью сидел Чиполлино и усердно вошил дратву, но от него шел такой горький луковый запах, что Мастино не решался позвать его.

Однако Чиполлино сам увидел, что пес изнывает от жары.

«Будь я не Чиполлино, если я не сыграю с ним шутку!» — подумал он.

А зной становился все сильнее, потому что солнце поднималось все выше. Бедному Мастино так хотелось пить!

«Чего это я наелся сегодня утром? — припоминал он. — Может быть, мой суп пересолили? Во рту горит, а язык тяжелый, будто на него налипло фунтов двадцать замазки».

Тут Чиполлино выглянул из двери.

— Эй! Эй! — окликнул его Мастино слабым голосом.

— Вы ко мне обращаетесь, синьор?

— К вам, к вам, юноша! Сбегайте и принесите мне, пожалуйста, холодного лимонаду.

— Ах, я бы с великой радостью сбегал, синьор Мастино, но, видите ли, мой хозяин только что дал мне починить этот ботинок, так что я никак не могу отлучиться. Очень жалею.

И Чиполлино без лишних слов вернулся к себе в мастерскую.

— Лентяй! Невежа! — буркнул пес, проклиная цепь, которая мешала ему самому сбежать в трактир.

Через некоторое время Чиполлино появился снова.

— Синьорино, — проскулил пес, — может быть, вы принесете мне хоть стакан простой воды?

— Да я бы с большим удовольствием, — отозвался Чиполлино, — но только сейчас мой хозяин приказал мне починить каблуки на туфлях синьора священника.

По правде сказать, Чиполлино от души жалел бедного пса, который томился от жажды, но ему было очень не по душе дело, которым занимался Мастино, а кроме того, ему хотелось еще разок проучить синьора Помидора.

К трем часам дня солнце стало припекать так, что даже камни на улице вспотели. Мастино чуть ли не взбесился от жары и жажды. Наконец Чиполлино поднялся со своей скамеечки, налил в бутылку воды и подсыпал туда белого порошку, который жена мастера Виноградинки принимала на ночь от бессонницы.

Заткнув пальцем горлышко бутылки и поднеся ее к губам, он сделал вид, что пьет.

— Ах, — сказал он, поглаживая себя по животу, — какая чудесная, холодная, свежая вода!

У Мастино потекли слюнки, так что ему на минутку стало даже легче.

— Синьор Чиполлино, — сказал он, — а эта вода чистая?

— Еще бы! Она прозрачнее слезы!

— А в ней нет микробов?

— Помилуйте! Эту воду очистили и процедили два знаменитых профессора. Микробы они оставили себе, а воду дали мне за то, что я починил им туфли.

И Чиполлино снова поднес бутылку ко рту, притворяясь, будто пьет.

— Синьор Чиполлино, — спросил удивленный Мастино, — как это у вас получается, что бутылка все время остается полной?

— Дело в том, — ответил Чиполлино, — что эта бутылка — подарок моего покойного дедушки. Она волшебная и никогда не бывает пустой.

— А вы мне не позволяйте отхлебнуть немного — хоть глоточек? Один глоточек!

— Глоточек? Да пейте сколько хотите! — ответил Чиполлино. — Я же сказал вам, что моя бутылка никогда не пустеет!

Можете себе представить, как обрадовался Мастино. Он без конца благодарил доброго синьора Чиполлино, лизал ему ноги и вилял перед ним хвостом. Даже со своими хозяйками — графинями Вишнями он никогда не бывал так обходителен.

Чиполлино охотно протянул Мастино бутылку. Пес схватил ее и с жадностью осушил до дна одним глотком. Посмотрев на пустую бутылку, он удивился:

— Как, уже все? А вы же мне сказали, что бутыл...

Не успел он договорить это слово, как свалился и заснул.

Чиполлино снял с него цепь, взвалил пса на плечи и понес к замку, где жили графини Вишни и кавалер Помидор. Обернувшись назад, он увидел, что кум Тыква уже вновь завладел своим домиком. Лицо старика, высунувшего из окошечка растрепанную рыжую бородку, выражало неописуемую радость.

«Бедный пес! — думал Чиполлино, идя к замку. — Ты уж прости меня, пожалуйста, но я должен был сделать это. Неизвестно только, как ты отблаговаришь меня за свежую воду, когда проснешься!»

Ворота замка были открыты. Чиполлино положил собаку на траву в парке, ласково погладил ее и сказал:

— Передай от меня привет кавалеру Помидору. И обеим графиням тоже.

Мастино ответил блаженным ворчанием. Ему снилось, будто он купается в горном озере, в приятной, прохладной воде. Плавая, он пьет вволю и сам постепенно превращается в воду: у него сделался водяной хвост, водяные уши и четыре лапы, легкие и длинные, как струи фонтана.

— Спи спокойно! — добавил Чиполлино и пошел обратно в деревню.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Кум Черника вешает над дверью колокольчик
для воров*

Возвратившись в деревню, Чиполлино увидел, что у домика Тыквы собралось много народу. Люди тревожно, вполголоса спорили между собой. Видно было, что они не на шутку напуганы.

— Что-то еще выкинет кавалер Помидор? — спрашивал профессор Груша печально и озабоченно.

— Я думаю, что эта история плохо кончится. Как ни верти, они здесь хозяева — вот они и делают что хотят, — говорила кума Тыквочка.

Жена Лука Пороя сразу же согласилась с ней и, ухватив мужа за усы, как за вожжи, крикнула:

— А ну-ка, заворачивай домой, пока не случилось чего похуже!

Даже мастер Виноградинка в тревоге покачивал головой:

— Кавалер Помидор остался в дураках уже два раза. Он непременно захочет отомстить!

Не беспокоился только кум Тыква. У него опять нашлись в кармане леденцы, и он угощал ими всех присутствующих, чтобы отпраздновать радостное событие.

Чиполлино взял одну конфетку, пососал ее в раздумье и сказал:

— Я тоже думаю, что Помидор так легко не сдастся.

— Но тогда... — испуганно вздохнул Тыква.

Счастливая улыбка сразу сошла с его лица, будто солнце скрылось за тучей.

— Я думаю, нам остается одно: спрятать домик.

— Как это так — спрятать?

— Да очень просто. Если б это был дворец, нам бы, конечно, спрятать его не удалось. Но ведь домик такой маленький, что его можно увезти на тележке тряпичника.

Фасолинка, сын тряпичника, сбегал домой и тотчас же вернулся с тележкой.

— Вы хотите погрузить домик на тележку? — озабоченно спросил кум Тыква.

Он боялся, как бы его драгоценный домик не рассыпался на куски.

— Не беспокойся, ничего с твоим домиком не сделается! — засмеялся Чиполлино.

— А куда мы его повезем? — снова спросил кум Тыква.

— Можно пока затащить его ко мне в погреб, — предложил мастер Виноградинка, — а там посмотрим.

— А если синьор Помидор как-нибудь об этом узнает?

Тут все разом посмотрели на адвоката Горошка, который словно ненароком проходил мимо, делая вид, будто это вовсе не он.

Адвокат покраснел и стал клясться и божиться:

— От меня кавалер Помидор никогда ничего не узнает. Я не доносчик, я честный адвокат!

— В погребе домик отсыреет и может рассыпаться,— робко возразил кум Тыква.— Почему бы не спрятать его в лесу?

— А кто за ним там присмотрит? — спросил Чиполлино.

— В лесу живет мой знакомый, кум Черника,— сказал профессор Груша.— Можно поручить домик ему. А там видно будет.

На том и порешили.

В несколько минут домик был погружен на тележку. Кум Тыква со вздохом попрощался с ним и отправился к своей внучке, куме Тыквочке, отдохнуть после всех пережитых волнений.

А Чиполлино, Фасолинка и Груша повезли домик в лес. Везти его было нетрудно: он весил не больше, чем птичья клетка.

Кум Черника проживал в прошлогодней каштановой скорлупе, толстой, с шипами. Это была очень тесная квартира, но кум Черника удобно устроился в ней со всем своим имуществом, которое состояло из одной половинки ножниц, заржавленной бритвы, иголки с ниткой и корочки сыра.

Когда кум Черника услышал, о чем его просят, он сначала страшно встревожился:

— Жить в таком большом доме? Нет, я на это никогда не соглашусь. Это невозможно! Что я буду делать один в огромном и пустом дворце? Мне хорошо и в моей каштановой скорлупке. Знаете пословицу: в своем доме и стены помогают.

Однако когда кум Черника узнал, что нужно оказать услугу куму Тыкве, он сразу согласился:

— Я всегда сочувствовал старику. Однажды я предупредил его, что к нему за шиворот заползла гусеница. Ведь я этим, можно сказать, спас его от гибели!

Домик поставили у подножия большого дуба. Чиполлино, Фасолинка и Груша помогли куму Чернике перенести в новую квартиру все его богатства и распрощались, но обещали скоро вернуться с хорошими вестями.

Оставшись один, кум Черника не на шутку обеспокоился: а вдруг к нему нагрянут воры?

«Теперь, когда у меня такой большой дом,— думал он,— меня, конечно, попытаются обокрасть. Кто знает, может быть, меня убьют во сне, вообразив, что у меня спрятаны невесты какие сокровища!»

Он подумал-подумал и решил повесить над дверью колокольчик, а под ним записку, на которой было выведено печатными буквами:

«Покорнейшая просьба к синьорам ворам позвонить в этот

колокольчик. Их сейчас же впустят, и они своими глазами убедятся, что здесь красть нечего».

Написав записку, он успокоился и после заката солнца мирно улегся спать.

В полночь его разбудил звонок.

— Кто там? — спросил кум Черника, выглянув в окно.

— Воры! — ответил грубый голос.

— Иду, иду! Подождите, пожалуйста, я только халат накину, — сказал кум Черника, вставая.

Он надел халат, отпер дверь и пригласил воров осмотреть весь дом. Воры оказались двумя здоровенными, высокими парнями с черными бородами. Они по очереди, осторожно, чтобы не набить шишку, всунули головы в домик и очень скоро удостоверились, что тут действительно нечем поживиться.

— Видите, синьоры? Убедились? — радовался кум Черника, потирая руки.

— Хм, да... — пробурчали разочарованные воры.

— Поверьте, мне очень неприятно отпускать вас с пустыми руками, — продолжал Черника. — Не могу ли я чем-нибудь услужить вам? Хотите побриться? У меня здесь есть бритва — правда, старенькая: это наследство моего прадедушки. Но мне кажется, что она еще кое-как бреет.

Воры согласились. Они с грехом пополам побрились ржавой бритвой и ушли, несколько раз поблагодарив хозяина. В общем, они оказались славными ребятами.

Кто знает, отчего им пришлось заняться таким нехорошим ремеслом! Кум Черника вновь улегся в постель и заснул.

В два часа ночи его разбудил второй звонок. Пришли еще двое воров.

— Войдите! — сказал кум Черника. — Но, разумеется, поодиночке, чтобы дом не обрушился.

У этих воров бород не было, но у одного из них не оказалось и пуговиц на куртке.

Ни единой пуговицы! Кум Черника подарил ему иголку с ниткой и посоветовал повнимательнее смотреть под ноги во время прогулок.

— Знаете, на дороге всегда валяется очень много пуговиц, — объяснил он вору.

Эти воры тоже ушли по своим делам.

Словом, каждую ночь кума Чернику будили воры, которые звонили в колокольчик, заглядывали в домик и уходили хоть и без добычи, но очень довольные знакомством с этим добрым и вежливым маленьким хозяином.

Итак, домик кума Тыквы был, как видите, в хороших руках. Давайте пока расстанемся с ним и посмотрим, что происходит в других местах.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как много хлопот и неприятностей доставили графиням их родственники — барон Апельсин и герцог Мандарин

Теперь нам нужно заглянуть в замок графинь Вишен, которые, как вы уже, вероятно, поняли, были владелицами всей деревни, ее домов, земель и даже церкви с колокольней.

В тот день, когда Чиполлино увез в лес домик кума Тыквы, в замке царило необычное оживление: к хозяевам приехали родственники.

Родственников было двое: барон Апельсин и герцог Мандарин. Барон Апельсин был двоюродным братом покойного мужа синьоры графини Старшей. А герцог Мандарин приходился двоюродным братом покойному мужу синьоры графини Младшей. У барона Апельсина был необыкновенно толстый живот. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, потому что он только и делал, что ел, давая челюстям отдых всего лишь на часок-другой во время сна.

Когда барон Апельсин был еще молод, он спал с вечера до утра, чтобы успеть переварить все, что съел за день. Но потом он сказал себе: «Спать — это только время терять: ведь когда я сплю, я не могу есть!»

Поэтому он решил питаться и ночью, оставив для пищеварения часа два в сутки. Чтобы утолить голод барона Апельсина, из его многочисленных владений, раскинувшихся по всей области, к нему ежедневно направлялись обозы с самой разнообразной снедью. Бедные крестьяне уж и не знали, чего бы ему еще послать.

Он пожирал яйца, кур, свиней, коз, коров, кроликов, фрукты, овощи, хлеб, сухари, пироги... Двое слуг запихивали ему в рот все, что привозилось. Когда они уставали, их сменяли двое других.

В конце концов крестьяне послали сказать ему, что у них больше не осталось ничего съестного. Весь скот съеден, все плоды с деревьев обобраны.

— Ну так пришлите мне деревья! — приказал барон.

Крестьяне послали ему деревья, и он сожрал их, обмакивая листья и корни в оливковое масло и посыпая солью.

Когда наконец все садовые деревья были уничтожены, барон начал продавать свои земли и на вырученные деньги покупать еду. Продав все поместья, он написал письмо синьоре графине Старшей и напросился к ней в гости.

По правде сказать, синьора графиня Младшая была не очень-то довольна:

— Барон проест все наше состояние. Он проглотит наш замок, точно блюдо макарон!

Синьора графиня Старшая заплакала:

— Ты не хочешь принимать моих родственников. Ах, ты никогда не любила моего толстого, бедного барона!

— Хорошо,— сказала графиня Младшая,— зови своего барона. Но тогда я приглашу герцога Мандарина, двоюродного брата моего бедного покойного мужа.

— Сделай одолжение! — презрительно ответила графиня Старшая.— Уж этот-то ест меньше, чем цыпленок. У твоего бедного мужа — мир его праху! — родственники такие маленькие и тощие, что их и от земли не видно. А у моего бедного покойного мужа — мир его праху! — родственники все как на подбор: высокие, толстые, видные.

И в самом деле, барон Апельсин был очень видной особой — он даже за версту казался целой горой. Пришлось сразу же нанять для него слугу, который возил бы его живот,— сам барон уже не в состоянии был таскать свое внушительное брюхо.

Помидор послал за тряпичником Фасолью, чтоб тот доставил в замок свою тележку. Но Фасоль не нашел тележки — ведь, как вы знаете, ее взял его сынишка, Фасолинка. Поэтому он прикатил тачку вроде той, в какой каменщики возят известку.

Синьор Помидор помог барону Апельсину уложить в тачку его толстое брюхо и крикнул:

— Ну, пошел!

Фасоль изо всех сил налег на ручки старой, расшатанной тачки, но не сдвинул ее и на сантиметр: барон только что очень сытно позавтракал.

Позвали еще двух слуг. С их помощью барону удалось наконец совершить небольшую прогулку по аллеям парка. При этом колесо тачки то и дело насакивало на самые большие и острые камни. Эти толчки так отдавались в животе у бедного барона, что он обливался холодным потом.

— Будьте поосторожнее, тут булыжники! — кричал он.

Фасоль и слуги стали заботливо объезжать все камни на дороге. Но из-за этого тачка угодила в яму.

— Эй вы, ротозеи, ради самого неба, объезжайте ямы! — взмолился барон.

Однако, несмотря на толчки и ушибы, он не прерывал своего излюбленного занятия и по дороге старательно обгладывал жареного индюка, приготовленного синьорой графиней Старшей ему на закуску.

Герцог Мандарин тоже причинял хозяйкам и слугам немало хлопот. Служанка синьоры графини Младшей, бедная Земляничка, с утра до вечера гладила Мандарину рубашки. Когда же она приносила выглаженное белье, герцог делал недовольную

гримасу, фыркал, всхлипывал, а потом залезал на шкаф и кричал на весь дом:

— Помогите, умираю!

Синьора графиня Младшая прибежала сломя голову:

— Милый Мандарино, что с тобой?

— Ах, у вас так плохо погладили мои рубашки, что мне остается только умереть! Видно, я никому, никому на свете больше не нужен!

Чтобы уговорить его остаться в живых, синьора графиня Младшая дарила Мандарину одну за другой шелковые рубашки своего покойного мужа.

Герцог осторожно слезал со шкафа и начинал примерять рубашки.

Через некоторое время из его комнаты опять слышались крики:

— О небо, я умираю!

Синьора графиня Младшая снова мчалась к нему, хватаясь за сердце:

— Мой дорогой Мандарино, что случилось?

Герцог кричал с верхушки зеркала:

— О, я потерял самую лучшую запонку от воротничка и не хочу больше жить на свете! Это такая тяжелая утрата!

Чтобы утихомирить герцога, графиня Младшая в конце концов подарила ему все запонки своего покойного мужа, а запонки эти были из золота, серебра и драгоценных камней.

Словом, не успело закатиться солнце, как у синьоры графини Младшей не осталось больше никаких драгоценностей, а герцог Мандарин набрал полные чемоданы подарков и самодовольно потирал руки.

Непомерная жадность обоих родственников не на шутку беспокоила и огорчала графинь, и они срывали гнев на своем племяннике, бедном Вишенке, у которого не было ни отца, ни матери.

— Дармоед! — кричала на него синьора графиня Старшая. — Сейчас же иди решать задачи!

— Да я уже все решил...

— Решай другие! — сурово приказывала синьора графиня Младшая.

Вишенка послушно отправлялся решать другие задачи. Каждый день он решал столько задач, что исписывал несколько тетрадей, и за неделю у него накапливалась их целая гора.

В день приезда родственников графини то и дело накидывались на Вишенку:

— Что ты тут вертишься, лентяй?

— Я только хотел немножко погулять по парку...

— В парке гуляет барон Апельсин — там не место таким бездельникам, как ты. Сейчас же убирайся учить уроки!

— Да ведь я их уже выучил...

— Учи завтрашние!

Послушный Вишенка учил завтрашние уроки. Каждый день он учил столько уроков, что давно уже вызубрил на память все свои учебники и прочёл все книги из библиотеки замка. Но когда графини видели в руках у Вишенки книгу, они сердились еще больше:

— Сейчас же положи книгу на место, озорник! Ты ее порвешь.

— Но как же мне учить уроки без книг?

— Учи наизусть!

Вишенка уходил в свою комнату и учился, учился, учился — уже без книг, разумеется. От непрерывного ученья у него начинала болеть голова, и тогда графини снова кричали на него:

— Ты вечно болеешь, потому что слишком много думаешь! Перестань думать — меньше будет расходов на лекарства.

Словом, что бы ни делал Вишенка, графини были им недовольны.

Вишенка не знал, как и ступить, чтоб не получить новой взбучки, и чувствовал себя ужасно несчастным.

Во всем замке у него был только один друг — служанка Земляничка. Она жалела этого бледного маленького мальчика в очках, которого никто не любил. Земляничка была ласкова с Вишенкой и по вечерам, когда он ложился спать, тайком приносила ему кусочек чего-нибудь вкусного.

Но в этот вечер все вкусное съел за обедом барон Апельсин.

Герцогу Мандарину тоже хотелось сладкого. Он бросил на пол салфетку, взобрался на буфет и завопил:

— Держите меня, а не то я брошусь вниз!

Однако на этот раз вопли ему не помогли: барон преспокойно доел сладкое, не обращая никакого внимания на Мандарина.

Синьора графиня Младшая стала перед буфетом на колени и со слезами на глазах умоляла своего дорогого родственника не умирать во цвете лет. Конечно, нужно было бы пообещать ему какой-нибудь подарок, чтобы он согласился слезть, но у графини уже ничего не осталось.

В конце концов герцог Мандарин понял, что поживиться ему больше нечем, и после долгих уговоров решил спуститься вниз с помощью кавалера Помидора, который от волнения и натуги был весь в поту.

В эту самую минуту синьору Помидору и принесли весть о таинственном исчезновении домика кума Тыквы.

Кавалер не стал долго думать: он немедленно послал жалобу принцу Лимону и попросил его отрядить в деревню десятка два Лимончиков-полицейских.

Лимончики прибыли на следующий день и сразу же навели в деревне порядок: обошли все дома и арестовали тех, кто попался им под руку.

Одним из первых был арестован мастер Виноградинка. Сапожник захватил с собой шило, чтобы почесывать на досуге затылок, и, ворча, последовал за полицейскими. Но Лимончики отобрали у него шило.

— Ты не имеешь права брать с собой в тюрьму оружие! — сказали они мастеру Виноградинке.

— А чем же мне чесать затылок?

— Когда захочешь почесаться, скажи кому-нибудь из начальства. Уж мы тебе почешем голову!

И Лимончик пощекотал сапожнику затылок своей острой саблей.

Арестовали и профессора Грушу.

Тот попросил разрешения захватить с собой скрипку и свечку.

— А зачем тебе свечка?

— Жена говорит, что в подземелье замка очень темно, а мне надо разучить новые ноты.

Словом, были арестованы все жители деревни.

Остались на свободе только синьор Горошек, потому что он был адвокат, и Лук Порей, потому что его попросту не нашли.

А Лук Порей вовсе и не прятался: он преспокойно сидел у себя на балконе. Усы его были натянуты вместо веревок, и на них сушилось белье. Увидев простыни, рубашки и чулки, Лимончики прошли мимо, не заметив хозяина, завешенного бельем.

Кум Тыква шел за Лимончиком, по своему обыкновению глубоко вздыхая.

— Чего это ты так часто вздыхаешь? — сурово спросил его офицер.

— Как же мне не вздыхать. Весь век свой я работал и только вздохи копил. Каждый день по вздоху... Сейчас у меня их набралось несколько тысяч. Нужно же их как-нибудь в дело пустить!

Из женщин арестовали только одну куму Тыквочку, а так как идти в тюрьму она отказалась, полицейские сшибли ее с ног и докатили до самых ворот замка. Ведь она была такая кругленькая!

Но как ни хитры были Лимончики, а все-таки им не удалось арестовать Чиполлино, хоть все это время он сидел на заборе вместе с одной девочкой, которую звали Редиской, и задорно поглядывал на полицейских.

Проходя мимо, Лимончики даже спросили у него и Редиски, не видели ли они где-нибудь поблизости опасного мятежника по имени Чиполлино.

— Видели, видели! — закричали в ответ оба. — Он только что залез под треуголку вашему офицеру!

И, хохоча во все горло, ребята удрали прочь.

В тот же день Чиполлино и Редиска отправились к замку на разведку. Чиполлино решил во что бы то ни стало освободить пленников, и Редиска, разумеется, обещала помогать ему во всем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой Вишенка не обращает внимания
на объявления синьора Петрушки*

Замок графинь Вишен стоял на вершине холма. Его окружал огромный парк. У ворот парка висело объявление, на одной стороне которого было написано: «Вход воспрещён», а на другой: «Выход воспрещён».

Лицевая сторона объявления была предназначена для деревенских ребят, чтоб отбить у них охоту перелезть через железную ограду. А другая — оборотная — сторона была предостережением для Вишенки, чтоб ему не вздумалось как-нибудь выйти из парка и отправиться в деревню к ребятам.

Вишенка гулял по парку один-одинешенек. Он осторожно ходил по ровным дорожкам, все время думая о том, как бы не наступить ненароком на клумбу и не растоптать грядки. Его наставник, синьор Петрушка, развесил по всему парку объявления, в которых было указано, что Вишенке разрешается и что ему запрещается. Так, у бассейна с золотыми рыбками висела надпись:

«Запрещается Вишенке окунать руки в воду!»

Было тут и другое объявление:

«Запрещается разговаривать с рыбами!»

В самой середине цветущей клумбы красовалась надпись:

«Запрещается трогать цветы! Нарушитель будет оставлен без сладкого».

Было здесь даже такое предостережение:

«Тот, кто помнёт траву, должен будет написать две тысячи раз слова: «Я — неблаговоспитанный мальчик».

Все эти надписи придумал синьор Петрушка, домашний учитель и воспитатель Вишенки.

Мальчик попросил как-то у своих высокородных тёток разрешения ходить в деревенскую школу вместе с теми ребятами, которые так весело пробегали мимо замка, размахивая ранцами, словно флагами. Но синьора графиня Старшая пришла в ужас:

— Как может граф Вишня сидеть на одной парте с каким-нибудь простым крестьянином! Это немыслимо!

Синьора графиня Младшая подтвердила:

— Вишни никогда не сидели на жесткой школьной скамье! Этого не было и никогда не будет!

В конце концов Вишенке наняли домашнего учителя, синьора Петрушку, который обладал удивительным свойством высказывать неизвестно откуда и всегда некстати. Например, если Вишенка, готовя уроки, обратит внимание на муху, которая забралась в чернильницу, чтобы тоже поучиться писать, — сейчас же, откуда ни возмись, появится синьор Петрушка. Он развернет свой огромный платок с красными и синими клетками, громко высморкается и начнет отчитывать бедного Вишенку:

— Несдобровать тем мальчикам, которые отрываются от своих занятий и смотрят на мух! С этого начинаются все несчастья. За одной мухой — другая, за ней — третья, четвертая, пятая... Потом эти мальчишки пялят глаза на пауков, кошек, на всех прочих животных и, конечно, забывают готовить уроки. Но ведь тот, кто не учит уроков, не может стать благонравным мальчиком. Неблагонравному мальчику не бывать благонадежным человеком. А неблагонадежные люди рано или поздно попадают в тюрьму. Итак, Вишенка, если ты не хочешь окончить свои дни в тюрьме, не смотри больше на мух!

А если Вишенка возьмет после уроков альбом, чтобы порисовать немножко, — глядь, синьор Петрушка опять тут как тут. Он медленно разворачивает клетчатый платок и снова заводит свое:

— Несдобровать тем мальчикам, которые теряют время на бумагомарание! Кем они станут, когда вырастут? В лучшем случае — малярами, теми грязными, плохо одетыми бедняками, которые по целым дням малюют узоры на стенах, а потом попадают в тюрьму, как того и заслуживают! Вишенка, разве ты хочешь угодить в тюрьму? Подумай, Вишенка!

Боясь тюрьмы, Вишенка прямо не знал, за что ему приняться.

К счастью, иной раз синьору Петрушке случалось немного поспать или посидеть в свое удовольствие за бутылочкой виноградной водки. В эти редкие минуты Вишенка был свободен. Однако синьор Петрушка и тут ухитрялся напомнить Вишенке о себе: повсюду были развешаны его поучительные надписи. Это давало ему возможность подремать лишний часок. Отдыхая под тенистым деревом, он был уверен, что его воспитанник не теряет времени даром и, гуляя по парку, усваивает полезные наставления.

Но когда Вишенка проходил мимо этих объявлений, он обычно снимал очки. Таким образом, он не видел того, что было написано на дощечках, и мог спокойно думать о чем хотел.

Итак, Вишенка гулял по парку, предаваясь своим мыслям. Как вдруг он услышал, что кто-то зовет его тоненьким голоском:

— Синьор Вишенка! Синьор Вишенка!

Вишенка обернулся и увидел за оградой мальчика примерно одних с ним лет, бедно одетого, с веселым и смышленным лицом. За мальчиком шла девочка лет десяти. Волосы у нее были заплетены в косичку, которая была похожа на хвостик редиски.

Вишенка вежливо поклонился и сказал:

— Здравствуйте, синьоры! Я не имею чести знать вас, но знакомство с вами будет мне весьма приятно.

— Так почему же вы не подойдете поближе?

— К сожалению, не могу: тут у нас вывешено объявление о том, что мне запрещено разговаривать с детьми из деревни.

— Да мы и есть дети из деревни, а ведь вы с нами уже разговариваете!

— А, в таком случае я сейчас к вам подойду!

Вишенка был очень благовоспитанный и застенчивый мальчик, но в решительные минуты умел действовать смело, без оглядки. Он двинулся напрямик по траве, позабыв, что топтать ее запрещается, и подошел к самой решетке ограды.

— Меня зовут Редиска,— представилась девочка.— А вот это Чиполлино.

— Очень приятно, синьорина. Весьма рад, синьор Чиполлино. Я о вас уже слышал.

— От кого же это?

— От кавалера Помидора.

— Ну, так, наверно, он ничего хорошего обо мне не сказал.

— Конечно, нет. Но именно потому я и подумал, что вы, должно быть, замечательный мальчик. И вижу, что не ошибся.

Чиполлино улыбнулся:

— Ну и чудесно! Так почему же мы так церемонимся и говорим на «вы», словно старые придворные? Давай на «ты»!

Вишенка сразу вспомнил надпись на дверях кухни, которая гласила: «Никому не говорить «ты»!» Это объявление учитель вывесил после того, как застал однажды Вишенку и Земляничку за дружеской беседой. Тем не менее Вишенка решил нарушить теперь и это правило. Он весело ответил:

— Согласен. Будем на «ты».

Редиска была ужасно довольна:

— А что я тебе говорила, Чиполлино? Видишь, Вишенка очень славный мальчик!

— Благодарю вас, синьорина,— сказал Вишенка с поклоном. Но тут же, покраснев, добавил просто: — Спасибо, Редисочка!

Все трое весело засмеялись. Сначала Вишенка улыбался лишь уголком рта, не забывая наставлений синьора Петрушки, который не раз говорил, что благовоспитанным мальчикам смеяться вслух не подобает. Но потом, услышав, как громко хохочут Чиполлино и Редиска, он тоже начал смеяться от всего сердца.

Такого звонкого и веселого хохота никогда еще не слыхивали в замке.

Обе благородные графини в эту минуту сидели на веранде и пили чай.

Синьора графиня Старшая услышала взрывы смеха и промолвила:

— Я слышу какой-то страшный шум!

Синьора графиня Младшая кивнула головой:

— Я тоже слышу какие-то звуки. Должно быть, это дождь.

— Осмелюсь заметить вам, сестрица, что никакого дождя нет,— поучительно изрекла синьора графиня Старшая.

— Нет, так будет! — решительно возразила синьора графиня Младшая и посмотрела на небо, чтобы найти там подтверждение своим словам.

Однако небо было таким чистым, словно его подмели и обмыли пять минут назад. На нем не виднелось ни одного облачка.

— Я думаю, что это шумит фонтан,— снова начала синьора графиня Старшая.

— Наш фонтан не может шуметь. Вам же известно, что в нем нет воды.

— Очевидно, садовник его починил.

Помидор тоже услышал страшный шум и взволновался.

«В подземелье замка,— подумал он,— сидит много арестованных. Надо быть настороже, а то как бы чего не вышло!»

Он решил обойти парк и вдруг позади замка, там, где проходила дорога на деревню, наткнулся на всех троих ребят, которые весело болтали между собой.

Если бы разверзлось небо и оттуда на землю посыпались ангелы, кавалер Помидор не был бы так поражен.

Вишенка топчет траву! Вишенка по-приятельски беседует с двумя оборванцами!.. Да мало того: в одном из этих двух оборванцев синьор Помидор сразу же узнал мальчишку, который заставил его недавно проливать горькие слезы!

Кавалер Помидор пришел в бешенство. Лицо его так запылало, что если бы поблизости оказались пожарные, они бы немедленно подняли тревогу.

— Синьор граф! — завопил Помидор не своим голосом.

Вишенка обернулся, побледнел и прижался к решетке.

— Друзья мои,— прошептал он,— бегите, пока Помидор еще далеко. Мне-то он ничего не посмеет сделать, а вам не сдобровать! До свидания!

Чиполлино и Редиска помчались со всех ног, но долго ещё слышали за собой неистовые крики кавалера.

— На этот раз,— со вздохом сказала Редиска,— наш поход не удался!

Но Чиполлино только улыбнулся:

— А по-моему, сегодня очень удачный день. У нас появился новый друг, а это уже немало!

Оставшись один, этот новый друг, то есть Вишенка, ждал неминуемой головомойки, самого сурового возмездия от синьора Помидора, от синьора Петрушки, от синьоры графини Старшей, от синьоры графини Младшей, от барона Апельсина и герцога Мандарина.

Оба знатных родственника давно уже поняли, что всякий, кто изводит Вишенку, доставляет этим удовольствие его тёткам графиням, и не упускали случая кольнуть беззащитного мальчика. Ко всему этому он давно уже привык.

Но на этот раз у Вишенки стоял комок в горле, и он с трудом сдерживал слезы. Его ничуть не пугали все эти крики, укоры, угрозы. Какое дело было ему до пронзительных визгов обеих графинь, до скучных нравоучений синьора Петрушки и беззубых насмешек герцога Мандарина! И все-таки он чувствовал себя очень несчастным. В первый раз в жизни он нашел друзей, впервые вдоволь наговорился и посмеялся от всего сердца — и вот теперь он снова один...

С той минуты, как Чиполлино и Редиска сбежали вниз с холма, они пропали для него навсегда. Увидит ли он их когда-нибудь? Чего бы только Вишенка не отдал, чтобы опять быть вместе с ребятами там, на свободе, где нет объявлений и запрещений, где можно бегать по траве и рвать цветы!

В первый раз в жизни Вишенка ощутил в сердце ту странную нестерпимую боль, которая называется страданием. Это было слишком много для него, и Вишенка почувствовал, что не может вынести такой муки.

Он бросился на землю и отчаянно зарыдал.

Кавалер Помидор поднял его, сунул под мышку, словно узелок, и пошел по аллее в замок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Как прогнали из замка доктора Каштана

Вишенка проплакал целый вечер. Герцог Мандарин только и делал, что поддразнивал его.

— Наш юный граф весь изойдет слезами, — говорил он. — От Вишенки разве только косточка останется!

У барона Апельсина, как это бывает у некоторых очень толстых людей, еще сохранилось немного добродушия. Чтобы утешить Вишенку, он предложил ему кусочек своего торта. Правда, очень маленький кусочек, всего одну крошку. Но, принимая во внимание прожорливость барона, следует оценить его щед-

рость. Зато обе графини не только не пытались утешить Вишенку, а даже издевались над его слезами.

— Наш племянник может заменить собой испорченный фонтан в парке! — говорила синьора графиня Старшая.

— Фонтан слез! — смеялась синьора графиня Младшая.

— Завтра, — пригрозил Вишенке синьор Петрушка, — я заставляю тебя написать три тысячи раз: «Я не должен плакать за столом, ибо я мешаю пищеварению взрослых».

Когда наконец стало ясно, что Вишенка не собирается перестать плакать, его отправили в постель.

Земляничка пыталась, как умела, успокоить бедного мальчика, но ничто не помогало. Девушка так огорчилась, что и сама стала плакать вместе с ним.

— Сейчас же перестань реветь, негодная девчонка, — пригрозила синьора графиня Старшая, — не то я тебя выгоню!

От горя Вишенка даже заболел. У него начался такой озноб, что под ним тряслась кровать, а от его кашля дрожали в окнах стекла.

В бреду он все время звал:

— Чиполлино! Чиполлино! Редиска! Редиска!

Синьор Помидор заявил, что ребенок, видимо, заболел оттого, что его до смерти напугал опасный преступник, который бродит в окрестностях замка.

— Завтра же я прикажу его арестовать, — сказал он, чтобы успокоить больного.

— О нет, нет, пожалуйста, не надо! — всхлипывал Вишенка. — Арестуйте лучше меня, бросьте меня в самое темное и глубокое подземелье, но не трогайте Чиполлино. Чиполлино такой хороший мальчик, Чиполлино — мой единственный, мой настоящий друг!

Синьор Петрушка испуганно высморкался:

— Ребенок бредит. Очень тяжелый случай!..

Послали за самыми знаменитыми врачами.

Сначала пришел доктор синьор Мухомор и прописал микстуру из сушеных мух. Но микстура ничуть не помогла. Тогда явился доктор Черемуха и заявил, что сушеные мухи очень опасны при заболеваниях такого рода и что гораздо полезнее было бы обернуть больного в простыню, пропитанную соком японской черемухи.

Дюжину простынь перепачкали соком черемухи, но Вишенке лучше не стало.

— По-моему, — предложил доктор Артишок, — нужно обложить его сырыми артишоками!

— С колючками? — испуганно спросила Земляничка.

— Обязательно, иначе лекарство не принесет пользы.

Стали лечить Вишенку сырыми артишоками прямо с грядки:

бедный мальчик кричал и подскакивал от уколов, словно с него сдирали кожу.

— Видите, видите? — говорил, потирая руки, доктор Артишок. — У юного графа сильная реакция. Продолжайте лечение!

— Все это вздор и чепуха! — воскликнул известный профессор, синьор Салато-Шпинато. — Какой это осел прописал артишоки? Попробуйте лечить его свежим салатом.

Земляничка потихоньку послала за доктором Каштаном, который жил в лесу под большим каштаном. Его называли доктором бедняков, потому что он прописывал больным очень мало лекарств и платил за лекарства из собственного кармана.

Когда доктор Каштан подошел к воротам замка, слуги не хотели его впустить, потому что он прибыл не в карете, а пешком.

— Доктор без кареты — наверняка шарлатан и проходимец, — сказали слуги и собирались уже захлопнуть дверь перед носом у доктора, когда появился синьор Петрушка.

Петрушка, как вы помните, всегда выскакивал неизвестно откуда. Но на этот раз он подвернулся кстати и приказал впустить врача. Доктор Каштан внимательно осмотрел больного, велел показать язык, пощупал пульс, тихо задал Вишенке несколько вопросов, а потом вымыл руки и сказал очень печально и серьезно:

Ничего не болит у больного:
Пульс в порядке, и сердце здорово,
Не больна у него селезенка...
Одиночество губит ребенка!

— На что вы намекаете? — грубо оборвал его Помидор.

— Я не намекаю, а говорю правду. Этот мальчик ничем не болен — у него просто меланхолия.

— Что это за болезнь? — спросила синьора графиня Старшая.

Она очень любила лечиться, и стоило ей услышать название какой-нибудь новой, неизвестной болезни, как она сейчас же находила ее у себя. Ведь графиня была так богата, что расходы на докторов и лекарства ее ничуть не пугали.

— Это не болезнь, синьора графиня, — это тоска, печаль. Ребенку нужна компания, нужны товарищи. Почему вы не пошлете его играть с другими детьми?

Ох, лучше бы уж он не говорил этого! На бедного доктора со всех сторон посыпался град упреков и оскорблений.

— Немедленно убирайтесь вон, — приказал синьор Помидор, — не то я велю слугам вытолкать вас в шею!

— Стыдитесь! — добавила синьора графиня Младшая. — Стыдитесь, что так гнусно злоупотребили нашим гостеприимством и доверием. Вы обманом проникли в наш дом. Если б

я только захотела, я могла бы подать на вас в суд за насильственное вторжение в частные владения. Не правда ли, синьор адвокат?

И она повернулась к синьору Горошку, который всегда оказывался поблизости, когда требовалась его помощь.

— Разумеется, синьора графиня! Это тягчайшее уголовное преступление!

И адвокат сейчас же пометил в своей записной книжке: «За консультацию графиням Вишням по делу о насильственном вторжении доктора Каштана в частные владения — десять тысяч лир».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*Мышиный главнокомандующий вынужден
дать сигнал к отступлению*

Вы, конечно, хотите знать, что поделывают арестованные, то есть кум Тыква, профессор Груша, мастер Виноградинка, кума Тыквочка и другие жители деревни, которых кавалер Помидор приказал арестовать и бросить в подземелье замка.

К счастью, профессор Груша захватил с собой огарок свечи, зная, что в подземельях бывает очень темно и полным-полно мышей. Чтобы отогнать мышей, профессор начал играть на скрипке: мыши не любят серьезной музыки. Услышав пронзительные звуки скрипки, они пустились наутек, проклиная противный инструмент, голос которого так напоминал им кошачье мяуканье.

Однако в конце концов музыка вывела из себя не только мышей, но и мастера Виноградинку. Профессор Груша был особой меланхолического темперамента и всегда играл только грустные мелодии, от которых хотелось плакать.

Поэтому все арестованные попросили скрипача прекратить игру.

Но едва только наступила тишина, мыши, как вы сами понимаете, сейчас же пошли в атаку. Двигались они тремя колоннами. Главнокомандующий — генерал Мышь-Долгохвост руководил наступлением:

— Первая колонна заходит слева и прежде всего должна захватить свечку. Но горе тому, кто посмеет ее съесть! Я — ваш генерал, и мне надлежит первому вонзить в нее зубы. Вторая колонна зайдет справа и бросится на скрипку. Эта скрипка сделана из половинки сочной груши и, должно быть, превосходна на вкус. Третья колонна ударит в лоб и должна истребить врага.

Командиры колонн объяснили задачу рядовым мышам. Ге-

нерал Мышь-Долгохвост выехал в танке. Собственно говоря, это был не танк, а глиняный черепок, привязанный к хвостам десяти здоровенных мышей.

Трубачи протрубили атаку, и в несколько минут битва была окончена.

Однако сожрать скрипку мышам не удалось, так как профессор поднял ее высоко над головой. Но свеча исчезла, как будто ее ветром сдуло, и наши друзья остались в темноте.

Исчезла и еще одна вещь, но вы узнаете потом, какая именно.

Кум Тыква был безутешен:

— Ох, и все это из-за меня!

— Почему из-за тебя? — буркнул мастер Виноградинка.

— Кабы я не вбил себе в голову, что мне нужно иметь свой домик, с нами не стряслась бы эта беда!

— Да успокойтесь, пожалуйста! — воскликнула кума Тыквочка. — Ведь не вы же посадили нас в тюрьму!

— Я уже старик, зачем мне дом?.. — продолжал сокрушаться кум Тыква. — Я мог бы ночевать под скамейкой в парке — там я бы никому не помешал. Друзья, пожалуйста, позовите тюремщиков и скажите им, что я подарю домик кавалеру Помидору и укажу место, где мы его спрятали.

— Ты не скажешь им ни одного словечка! — рассердился мастер Виноградинка.

Профессор Груша печально пощипал струны своей скрипки и прошептал:

— Если ты откроешь тюремщикам, где спрятан твой домик, ты впутаешь в это дело и кума Чернику и...

— Ш-ш-ш! — зашипела кума Тыквочка. — Не называйте имен: здесь и у стен есть уши!

Все притихли и стали испуганно озираться по сторонам, но без свечки было так темно, что они никак не могли увидеть, есть ли у стен уши.

А уши у стен и в самом деле были. Вернее, одно ухо: круглая дырка, от которой шла труба — нечто вроде секретного телефона, передававшего все, что говорилось в подземелье, прямехонько в комнату кавалера Помидора. К счастью, в эту минуту синьор Помидор не подслушивал, потому что суетился у постели больного Вишенки.

В наступившей тишине снова слышались протяжные звуки трубы: мыши готовились повторить атаку. Они были полны решимости захватить скрипку профессора Груши.

Чтобы напугать их, профессор приготовился дать концерт: он приложил скрипку к подбородку, вдохновенно взмахнул смычком, и все затаили дыхание.

Ожидание длилось довольно долго; в конце концов арестованные перевели дух, а инструмент так и не издал ни звука.

— Что, не получается? — осведомился мастер Виноградинка.

— Ах, мыши отъели у меня половину смычка! — воскликнул Груша со слезами в голосе.

Действительно, смычок был весь обглодан, так что от него осталось всего несколько сантиметров. Без смычка играть, конечно, нельзя было, а мыши уже перешли в наступление, испуская грозные, воинственные клики.

— Ох, и все это из-за меня! — вздыхал кум Тыква.

— Перестань вздыхать и помоги нам, — сказал мастер Виноградинка. — Если уж ты так хорошо умеешь вздыхать и стонать, то, наверно, умеешь и мяукать.

— Мяукать? — обиделся кум Тыква. — Удивляюсь я тебе: кажется, серьезный ты человек, а в такую минуту шутики шутишь!

Мастер Виноградинка не стал ему и отвечать, а так мастерски замаякал, что армия мышей остановилась.

— Мя-а-у! Мяу! — тянул сапожник.

— Мяу! Мяу! — жалобно вторил ему профессор, не переставая оплакивать бесславную гибель своего смычка.

— Клянусь памятью моего покойного деда, Мыша Третьего, короля всех погребов и кладовых, что они привели сюда кота! — воскликнул генерал Мышь-Долгохвост, разом затормозив свой танк.

— Генерал, нас предали! — завопил один из командиров колонн, подбежав к нему. — Моя колонна столкнулась с целой дивизией чердачных котов и кошек, вооруженных до зубов!

На самом-то деле его войска не встретили ни одного кота — они только очень испугались. А у страха, как известно, глаза велики.

Генерал Мышь-Долгохвост потерял лапкой свой хвост. Когда он бывал озабочен, то всегда тер лапкой хвост, и от частого трения эта часть его тела так пострадала, что мыши-солдаты втихомолку называли своего командира генералом Бесхвостым.

— Памятью моего покойного предка, Мыша-Долгохвоста Первого, императора всех амбаров, клянусь, что предатели заплатят за свое коварство! А сейчас дайте сигнал к отступлению.

Командиры не заставили его повторять приказание. Трубы заиграли отбой, и вся армия немедленно удалилась во главе с генералом Бесхвостым, который немилосердно нахлестывал мышей, тащивших его танк.

Таким образом наши друзья мужественно отразили нападение противника.

Поздравляя друг друга с одержанной победой, они вдруг услышали, что кто-то зовет тоненьким голоском:

— Кум Тыква! Кум Тыква!

— Это вы зовете меня, профессор?

— Нет, — сказал Груша, — не я.

— А мне слышалось, что меня кто-то кличет.

— Кума Тыквочка, а кума Тыквочка! — снова раздался тот же голосок.

Тыквочка обернулась к мастеру Виноградинке:

— Мастер Виноградинка, это вы так пищите?

— Да что с тобой? Я вовсе не думаю пищать! Я только почесываю затылок, потому что у меня в голове так и зудит одна мысль.

— Кума Тыквочка, да отзовитесь же! — снова слышался голос.— Это я, Земляничка!

— Да где же ты?

— Я в комнате кавалера Помидора и говорю с вами по его секретному телефону. Вы слышите меня?

— Да, слышим.

— И я вас прекрасно слышу. Помидор скоро придет сюда. Меня просили вам кое-что передать.

— Кто просил?

— Ваш приятель Чиполлино. Он говорит, чтобы вы не тревожились. Положитесь на него. Он уж постарается освободить вас из тюрьмы. Только не говорите синьору Помидору, где находится домик Тыквы. Не сдавайтесь! Чиполлино все устроит.

— Мы ничего никому не скажем и будем ждать! — ответил за всех мастер Виноградинка.— Но передай Чиполлино, чтобы он поторопился, потому что нас тут осаждают мыши и мы не знаем, сколько времени продержимся. Не можешь ли ты как-нибудь доставить нам свечу и спички? У нас был огарок, но его съели мыши.

— Подождите немного, я сейчас вернусь.

— Конечно, подождем. Куда нам деваться!

Через некоторое время снова слышался голос Землянички:

— Ловите, я бросаю свечку!

Слышался шорох, и что-то стукнуло кума Тыкву по носу.

— Тут, тут она! — радостно закричал старик.

В пакетике была целая сальная свечка и коробка спичек.

— Спасибо, Земляничка! — закричали все хором.

— До свидания, мне надо удирать: Помидор идет!

Действительно, в этот самый миг синьор Помидор вошел в свою комнату. Увидев Земляничку, которая возилась около его секретного телефона, кавалер страшно обеспокоился:

— Ты что тут делаешь?

— Чищу вот эту ловушку.

— Какую ловушку?

— Вот эту... Разве это не мышеловка?

Помидор вздохнул с облегчением. «Слава богу,— подумал он,— служанка так глупа, что приняла мой секретный телефон за мышеловку!»

Он повеселел и даже подарил Земляничке бумажку от конфеты.

— Вот держи,— сказал он великодушно,— можешь облизать эту бумажку. Она сладкая, год назад в нее была завернута карамелька с ромом.

Земляничка поклонилась и поблагодарила кавалера:

— За семь лет службы вы дарите мне уже третью бумажку от конфет, ваша милость.

— Вот видишь! — пропыхтел Помидор.— Значит, я добрый хозяин. Веди себя хорошо, и ты будешь довольна.

— Кто волен, тот и доволен,— ответила Земляничка посплывшей и, еще раз поклонившись, убежала по своим делам.

Кавалер Помидор потер руки, думая про себя: «Вот теперь я посижу у моего секретного телефона и послушаю, о чем болтают арестованные. Узнаю, наверно, много интересных вещей. Может быть, мне даже удастся открыть, где они прячут этот проклятый домик».

Однако заключенные, которых вовремя предупредила Земляничка, услышали, что синьор Помидор подходит к слуховому отверстию, и, решив доставить ему несколько приятных минут, принялись ругать его на все корки.

Помидора так и подмывало крикнуть: «Вот я вас!» — но в то же время ему не хотелось себя обнаружить.

Поэтому, чтобы не слышать больше обидных слов, он счел за лучшее убраться на покой. Перед сном он плотно заткнул тряпкой свой самодельный телефон, у которого вместо трубки была самая обыкновенная воронка, какую употребляют для розлива вина в бутылки.

А в подземелье мастер Виноградинка зажег новую свечу.

Все посмотрели вверх и, обнаружив в углу потолка дырку от секретного телефона, всласть посмеялись над синьором Помидором, который, должно быть, лопался от злости, подслушав разговоры заключенных.

Однако веселье длилось в тюрьме недолго. Мышь-разведчик, увидев в камере свет, разнюхала, как обстоят дела, и, не тратя времени даром, помчалась с докладом к генералу Бесхвостому.

— Ваше превосходительство,— отрапортовала она весело,— коты ушли, а у людей новая свечка!

— Что? Свечка?

У Бесхвостого потекли слюнки, и он облизал усы, еще сохранявшие запах и вкус первого огарка.

— Трубите сбор! — приказал он в ту же минуту.

Когда войско было построено, генерал Долгохвост — то есть генерал Бесхвостый — произнес пламенную речь:

— Храбрецы! Наше подземелье в опасности. Атакуйте врага и добудьте с бою сальную свечку. Съем ее, конечно, я сам, но

перед этим позволю каждому из вас по очереди облизать ее. Вперед, грызуны!

Мыши запищали от восторга, подняли хвосты и снова ринулись в бой.

Но на этот раз мастер Виноградинка предусмотрительно поставил свечку в маленькое углубление в стене, между двумя кирпичами, высоко от пола. Напрасно мыши пытались вскарабкаться по гладкой, скользкой стене — им так и не удалось добраться до свечи. Самые ловкие поглодали немножко скрипку профессора Груши. Но и этим смельчакам пришлось убраться восвояси, потому что генерал Бесхвостый, разъяренный неудачей, решил прибегнуть к строгости.

Без долгих разговоров он выстроил свое войско в шеренгу и приказал казнить каждого десятого за трусость и мародерство.

В эту же ночь произошло неожиданное событие.

Чиполлино, Земляничка и Редиска встретились в саду у изгороди, чтобы обсудить положение, и обсуждали его с таким жаром, что ничего не замечали вокруг.

Не заметили они и пса Мастино, который совершал в это время свой сторожевой обход.

Пес обнаружил ребят и накинулся на них как бешеный.

С девчонками-то он связываться не стал, но зато сшиб с ног Чиполлино и, навалившись ему на грудь, лаял до тех пор, пока не явился синьор Помидор и не арестовал мальчика.

Можете себе представить, как был доволен кавалер!

— Чтобы доказать тебе мое особое расположение, — говорил он, издеваясь над Чиполлино, — я засажу тебя в особую, темную камеру. Простая тюрьма недостойна такого негодяя, как ты.

— Сделайте одолжение! — отвечал Чиполлино не смущаясь.

Да и мог ли он ответить иначе? Или, может быть, вы полагаете, что ему следовало заплакать и попросить пощады?

Нет, Чиполлино был из такой честной луковой семьи, которая кого угодно может заставить плакать, а сама не заплачет ни при каких обстоятельствах!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Путешествие Чиполлино и Крога из одной тюрьмы в другую

Ночью Чиполлино проснулся. Ему почудилось, будто кто-то постучал в дверь. «Кто бы это мог быть? — подумал он. — Может быть, этот стук мне только приснился?»

Пока Чиполлино раздумывал, что же именно могло его раз-

будить, шум слышался снова. Это был какой-то глухой равномерный гул, словно кто-то неподалеку работал киркой.

«Кто-то роет подземный ход»,— решил Чиполлино, приложив ухо к той стене, откуда доносился шум.

Едва успел он прийти к такому выводу, как вдруг со стенки посыпалась земля, потом отвалился кирпич и вслед за кирпичом кто-то впрыгнул в подземелье.

— Куда это, черт возьми, я попал? — раздался глухой голос.

— В мою камеру,— отвечал Чиполлино,— то есть в самое темное подземелье замка графинь Вишен. Извините, что в этой проклятой тьме я не могу рассмотреть вас и поздороваться с вами как следует.

— А вы кто такой? Извините, но я привык к темноте, а здесь для меня слишком светло. Я при свете ничего не вижу.

— Вот как? Значит, вы — Крот?

— Совершенно верно,— ответил Крот.— Я уж давно хотел прорыть ход в этом направлении, но никак не мог улучшить для этого свободную минутку. Ведь мои галереи тянутся на десятки километров под землей. Их надо осматривать, ремонтировать, чистить. То и дело просачивается вода — из-за этого у меня постоянный насморк. А тут еще эти несносные червяки, которые лезут куда попало и не умеют уважать чужой труд! Вот я и откладывал это дело с недели на неделю. Но сегодня утром я сказал себе: «Синьор Крот, если вы и в самом деле любознательны и хотите увидеть мир, то настало время прорыть новый коридор». Ну, я и пустился в путь...

Но тут Чиполлино прервал рассказ синьора Крота и счел необходимым представиться ему:

— Меня зовут Чиполлино, что значит «луковка». Я пленник кавалера Помидора.

— Не утруждайте себя объяснениями,— сказал Крот.— Я вас сразу же узнал по запаху. Мне вас искренне жаль. Вы принуждены днем и ночью оставаться в таком чертовски светлом месте, а ведь это, должно быть, настоящая пытка!

— Я-то нахожу это место довольно-таки темным...

— Вы шутите! Но мне вас чрезвычайно жаль. Да, люди злы. Я так считаю: уж если вы хотите заключить кого-нибудь в темницу, так пусть это будет и в самом деле темное место, где глаза могут по-настоящему отдохнуть.

Чиполлино понял, что нет никакого смысла заводить спор по поводу света и тьмы с Кротом, который, привыкнув к мраку своих галерей, естественно, имел по этому вопросу совершенно особое мнение.

— Да, я должен признаться, что свет и мне очень досажает,— притворно вздохнул Чиполлино.

— Вот видите! А что я вам говорил!

Крота очень растрогали слова Чиполлино.

— Если бы вы были поменьше...— начал он.

— Я? Да разве я большой? Уверяю вас, что я вполне пролезу в любую кротовую дырку, то есть норку.

— Может быть, может быть, юноша. Только сделайте милость, не называйте мои галереи норками или дырками. Так вот, может быть, мне удастся вывести вас отсюда.

— Я легко могу пролезть в ту галерею, которую вы только что выкопали,— сказал Чиполлино.— Только, пожалуйста, идите первым, потому что я боюсь заблудиться. Я слышал, что ваши галереи очень запутанные.

— Возможно,— ответил Крот.— Мне надоедает ходить всегда одной и той же дорогой. Хотите, выроем новый ход?

— А в какую сторону? — спросил Чиполлино.

— Да в какую хотите,— ответил Крот.— Только бы добраться до темного места и не угодить в такую же ослепительно светлую пещеру, как эта, будь она проклята!

Чиполлино сразу же подумал о темнице, в которой томились Тыква, Виноградинка и прочие. Вот удивятся они, если он проберется к ним подземным ходом!

— Я думаю, нужно рыть вправо,— предложил он Кроту.

— Вправо или влево — мне все равно. Если вы так предпочитаете, пойдем направо.

И недолго думая Крот уткнулся головой в стенку и принялся так быстро рыть нору, что осыпал Чиполлино сырой землей с головы до ног.

Мальчик поперхнулся и закашлялся на добрые четверть часа. Перестав наконец кашлять и чихать, он услышал голос Крота, который нетерпеливо звал его:

— Что же, молодой человек, идете вы за мной или нет?

Чиполлино протиснулся в прорытую Кротом галерею, которая оказалась достаточно широкой, чтобы он мог без особых усилий двигаться вперед. Крот уже прорыл несколько метров, работая с молниеносной быстротой.

— Я здесь, я здесь, синьор Крот! — бормотал Чиполлино, отплевываясь и заслоняясь руками от комьев земли, которые все время летели ему в рот из-под лап Крота.

Однако, прежде чем пойти за Кротом, Чиполлино успел заделать дырку в стене своей тюрьмы.

«Когда Помидор обнаружит мой побег,— подумал он,— пускай он не знает, в какую сторону я удрал».

— Как вы себя чувствуете? — спросил Крот, продолжая работать.

— Спасибо, великолепно,— отвечал Чиполлино.— Здесь такая непроглядная, беспросветная тьма!

— Я же вам говорил, что вы сразу почувствуете себя лучше!

Хотите, остановимся на минуточку? Впрочем, я бы предпочел продолжать путь, потому что немного тороплюсь. Но, может быть, с непривычки вам трудно так быстро передвигаться по моим галереям!

— Нет, нет, пойдем дальше! — ответил Чиполлино, рассчитывая, что при такой скорости они раньше доберутся до подземелья, где находятся его друзья.

— Прекрасно! — И Крот стал быстро пробираться вперед. Чиполлино с трудом поспевал за ним.

А через четверть часа после побега Чиполлино дверь его камеры открылась. В темницу, насвистывая веселую песенку, вошел синьор Помидор.

С каким злорадством предвкушал эту минуту храбрый кавалер! Когда он спускался в подземелье, ему казалось, что он стал легче по крайней мере килограммов на двадцать.

«Чиполлино в моих руках, — самодовольно думал он. — Я заставляю его во всем признаться, а потом повешу. Да, да, повешу! После этого я выпущу мастера Виноградинку и остальных дурней — их-то мне бояться нечего. А вот и дверь камеры, где сидит мой арестант... Ах, как мне приятно думать об этом маленьком негодяе, который, должно быть, уже все глаза выплакал за это время! Он, конечно, бросится к моим ногам и будет умолять о прощении. Я готов поклясться, что он будет лизать мне башмаки. Что ж, я позволю ему поваляться у меня в ногах и даже подам ему некоторую надежду на спасение, а потом объявлю приговор: смерть через повешение!»

Однако когда кавалер Помидор отпер большим ключом дверь и зажег карманный фонарик, то не нашел и следа преступника. Камера была пуста, совершенно пуста!

Помидор не верил своим глазам. Тюремщики, стоявшие рядом с ним, увидели, что он покраснел, пожелтел, позеленел, посинел и, наконец, почернел от злости.

— Куда же этот мальчишка мог скрыться? Чиполлино, где ты, негодяй этакий, прячешься?

Вопрос был праздный. В самом деле: куда бы мог спрятаться Чиполлино в тесной камере, где были только голые, гладкие стены, скамейка и кувшин с водой?

Кавалер Помидор заглянул под скамейку, посмотрел в кувшин с водой, на потолок, исследовал пол и стены сантиметр за сантиметром, но все было напрасно: пленник исчез, словно испарился.

— Кто выпустил его? — грозно спросил Помидор, повернувшись к Лимончикам.

— Не знаем, синьор кавалер! Ведь ключ-то у вас, — осмелился заметить начальник стражи.

Помидор почесал затылок: действительно, ключ был у него.

Чтобы разгадать тайну, он решил сесть на скамейку.

Сидя легче думать, чем стоя. Но и в сидячем положении он ничего не мог придумать. Вдруг порыв ветра захлопнул дверь.

— Откройте, бездельники! — завизжал Помидор.

— Ваша милость, это невозможно. Вы слышали, как щелкнул замок?

Кавалер Помидор попробовал открыть дверь ключом. Но замок был так устроен, что отпирался только снаружи.

В конце концов синьор Помидор убедился, что посадил самого себя в тюрьму, и едва не лопнул от бешенства.

Он опять почернел, посинел, позеленел, покраснел, пожелтел и стал грозить, что расстреляет немедленно всех тюремщиков, если они в два счета не освободят его.

Короче говоря, для того чтобы открыть дверь, надо было взорвать ее динамитом. Так и сделали. От сотрясения синьор Помидор полетел вверх тормашками, и его засыпало землей с головы до ног. Лимончики кинулись откапывать кавалера и после долгих усилий вытащили его, облепленного грязью, словно картофелину из борозды. Потом его понесли наверх, отряхнули и стали осматривать, целы ли у него голова, нос, ноги, руки.

Голова у Помидора была цела, зато нос и в самом деле изрядно пострадал. Ссадину залепили пластырем, и кавалер тотчас же улегся в постель. Ему было стыдно показаться на глаза людям с этой нашлапкой на носу.

Чиполлино и Крот были уже очень далеко, когда услышали отголосок взрыва.

— Что бы это могло быть?.. — спросил мальчик.

— О, не беспокойтесь, — объяснил ему Крот, — это, наверно, военные маневры! Принц Лимон считает себя великим полководцем и не успокоится до тех пор, пока не затеет какую-нибудь войну, хотя бы и не всамделишную.

Усердно роя подземный коридор, Крот не переставал расхваливать темноту и бранить свет, который он ненавидел от всей души.

— Однажды, — сказал он, — мне довелось взглянуть одним глазом на свечку... Клянусь, я убежал со всех ног, когда узнал, что это за штука!

— Еще бы! — вздохнул Чиполлино. — Иные свечи горят очень ярко.

— Да нет, — ответил Крот, — эта свечка не горела! К счастью, она была потушена. Но что бы со мной было, если бы ее зажгли!

Чиполлино удивился, как это может повредить зрению потушенная свеча, но в этот миг Крот внезапно остановился.

— Я слышу голоса! — сказал он.

Чиполлино насторожился: до него донесся отдаленный говор, хоть он и не мог еще различить отдельные голоса.

— Слышите? — сказал Крот. — Где человечески голоса, там, конечно, и люди. А где люди, там и свет. Лучше пойдем в другую сторону!

Чиполлино снова прислушался и на этот раз отчетливо услышал знакомый голос мастера Виноградинки. Он только не мог разобрать, что именно сапожник говорит.

Мальчику захотелось закричать во все горло, чтоб его услышали, узнали, но он тут же подумал: «Нет, пускай Крот пока еще не знает, что это мои друзья. Сначала надо убедить его прорыть ход в подземелье — иначе он может заупрямиться и все мои планы рухнуть».

— Синьор Крот, — осторожно начал Чиполлино, — я слышал об одной очень-очень темной пещере, которая, по моим расчетам, должна находиться именно здесь, в этих местах.

— Темней, чем моя галерея? — спросил Крот с явным сомнением.

— Гораздо темнее! — решительно сказал Чиполлино. — Вероятно, люди, голоса которых мы с вами слышим, пришли в эту пещеру для того, чтобы дать отдых своим усталым глазам.

— Хм... — пробурчал Крот. — Тут что-то не так... Но уж если вам очень хочется побывать в этой пещере, пусть будет по-вашему. На ваш страх и риск, разумеется!

— Пожалуйста, синьор Крот! Я буду вам чрезвычайно признателен! — попросил Чиполлино. — А вы познакомьтесь с новой пещерой. Век живи — век учись, не так ли?

— Ну ладно, — согласился Крот. — Но если у меня заболят глаза от слишком яркого света, вам же будет хуже!

Через несколько минут голоса прозвучали уже совсем близко.

Чиполлино ясно расслышал, как тяжело вздыхает кум Тыква:

— Ох, это я во всем виноват!.. Я... Ах, если бы пришел Чиполлино и выручил нас из беды!

— Если я не ошибаюсь, — сказал Крот, — там называли ваше имя!

— Мое имя? — переспросил Чиполлино, будто бы ничего не понимая. — Не может быть! Я не слышу, о чем там говорят.

Но тут раздался голос мастера Виноградинки:

— Чиполлино дал слово, что придет освободить нас, — значит, он непременно придет. Я ничуть в этом не сомневаюсь.

Крот стоял на своем:

— Слышите? Про вас говорят, про вас! Нет, нет, не уверяйте меня, что вы не расслышали! Скажите лучше, с какими намерениями вы заставили меня прийти сюда?

— Синьор Крот, — признался Чиполлино, — может быть, и в самом деле было бы лучше, если бы я с самого начала сказал вам всю правду! Но позвольте мне хоть сейчас рассказать вам,

в чем дело. Голоса, которые вы слышите, доносятся из темницы замка графинь Вишен. Там томятся в неволе мои друзья, которых я обещал освободить.

— И вы решили сделать это с моей помощью?

— Вот именно. Синьор Крот, вы были настолько добры, что уже прорыли такой длинный коридор! Не согласитесь ли вы поработать еще немножко, чтоб освободить моих друзей?

Крот подумал немного и сказал:

— Хорошо, я согласен. Мне, в сущности, все равно, в каком направлении рыть землю. Так и быть, я вырою галерею и для ваших друзей.

Чиполлино с удовольствием расцеловал бы старого Крота, но все лицо у мальчика было так залеплено землей, что он и сам не знал, где у него, собственно говоря, рот.

— От всего сердца благодарю вас, синьор Крот! До самой смерти буду вам признателен!

— Ладно уж... — пробормотал растроганный Крот. — Не будем терять времени на болтовню и поскорее доберемся до ваших друзей.

Он снова принялся за работу и через несколько секунд пробуравил стену подземелья. Однако, к несчастью, в тот самый миг, когда Крот пролез в камеру, мастер Виноградинка зажег спичку, чтобы посмотреть, который час.

Вспышка света произвела такое впечатление на бедного Крота, что он тут же попятился к выходу и пропал во мраке.

— До свидания, синьор Чиполлино! — прокричал он на прощание. — Вы хороший паренек, и я искренне хотел помочь вам. Но вы обязаны были предупредить меня, что нас встретят таким ослепительным светом. Вы не должны были обманывать меня на этот счет!

Он удрал так быстро и стремительно, что своды только что прорытой галереи обрушились за ним, стены ее осели и весь коридор засыпало землей.

Вскоре Чиполлино перестал слышать голос Крота. Он печально попрощался с ним, пробормотав про себя: «До свидания, старый, добрый Крот! Мир тесен — может быть, мы еще встретимся когда-нибудь и я попрошу прощения за то, что обманул вас!»

Расставшись таким образом со своим товарищем по путешествию, Чиполлино вытер, насколько это было возможно, лицо платком и вбежал к своим приятелям, веселый и беспечный, словно пришел на праздник.

— Добрый день, друзья мои! — закричал он звонким голосом, который прозвучал в подземелье, как труба.

Вообразите себе радость заключенных! Они бросились к Чиполлино в объятия и стали осыпать его поцелуями. В один

миг очистили они его от всей грязи, которая на него насела.

Кто обнимал его, кто дружески щипал, кто хлопал по плечу.

— Тише, тише,— уговаривал их Чиполлино,— вы меня на куски разорвете!

Не сразу успокоились друзья. Но их радость перешла в отчаяние, когда Чиполлино рассказал им о своих злоключениях.

— Значит, и ты, брат, в плену, как мы? — спросил мастер Виноградинка.

— Выходит, что так! — ответил Чиполлино.

— Но ведь когда явится стража, она тебя найдет?

— Ну, это не обязательно,— сказал Чиполлино.— Я всегда могу забраться в скрипку профессора Груши. Ведь я, к счастью, невелик ростом.

— Ой, но кто же нас отсюда выведет! — прошептала кума Тыквочка.

— И все это по моей вине! — тяжело вздохнул кум Тыква.— Все из-за меня!..

Чиполлино хотел было приободрить приунывшую компанию, но все его усилия ни к чему не привели. Да и у самого у него, как говорится, на сердце кошки скребли в эту минуту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*из которой видно, что кавалер Помидор
имеет обыкновение спать в чулках*

Разумеется, синьор Помидор скрыл от всех, что Чиполлино сбежал. Лимончикам, которые побывали с ним в подземелье, он велел помалкивать. Если же кто-нибудь спросит — отвечать, что преступника перевели в общую камеру. А чтобы никто не увидел нашлепки у него на носу, кавалер не вставал с постели и никого не принимал. Земляничка во все глаза следила за ним, но ей никак не удавалось узнать, где же прячет он ключи от подземелья.

Наконец она решилась посоветоваться с Вишенкой, который, как вы знаете, все еще болел и безутешно плакал. Но едва только Земляничка рассказала ему, что произошло, Вишенка вытер слезы и вскочил на ноги.

— Чиполлино в тюрьме? Он не должен оставаться в тюрьме ни одной минуты!.. Дай-ка мне поскорей мои очки!

— Что ты хочешь делать?

— Я освобожу его,— решительно заявил Вишенка.— Его и всех остальных!

— Но как же ты достанешь ключи у Помидора?

— Утащу. Ты только приготовь хороший шоколадный торт и подсыпь в него немного сонного порошка, который найдешь у моих теток. Синьор Помидор очень любит шоколад, и, когда он заснет, ты мне дай знать. А пока я побегу и поразведаю, как идут дела.

Земляничка не верила своим глазам: откуда взялась у хрупкого и нежного Вишенки такая смелость и решительность!

— Как он изменился! Батюшки мои, как он изменился! — шептала она.

То же самое сказали все, кто встретил Вишенку в этот день. Обе графини, синьор Петрушка и герцог Мандарин с удивлением смотрели на мальчика.

— Но он совсем выздоровел! — воскликнула графиня Старшая, увидев, как блестят у него глаза и горят щеки.

— Я же вам говорил, что он вовсе не был болен! — заявил герцог. — Он попросту притворялся.

Графиня Младшая поспешила согласиться со своим капризным кузенком, а то бы он, чего доброго, опять взобрался на шкаф и пригрозил покончить с собой, если его не умилоостивят каким-нибудь подношением.

Между тем Вишенка выведал у одного из Лимончиков, что Чиполлино бежал из тюрьмы. Это его очень порадовало. Однако он решил не успокаиваться до тех пор, пока не освободит остальных пленников.

— Друзья Чиполлино — и мои друзья! — сказал он и сейчас же приступил к делу.

Разговорившись с тюремщиками, он выпытал у них, что синьор Помидор носит ключи от подземелья в особом кармашке, подшитом к изнанке чулка.

«Ну, дело плохо, — подумал Вишенка. — Ведь всем известно, что Помидор всегда ложится спать в чулках. Значит, нужно усыпить его до бесчувствия, чтобы можно было вытащить из чулка ключ, не разбудив кавалера».

И он попросил Земляничку подсыпать в торт двойную порцию сонного порошка.

Когда наступила ночь, служанка принесла кавалеру чудесный мармеладно-шоколадный торт. Синьор Помидор обрадовался и проглотил его в один миг.

— Тебе не придется жаловаться на твоего хозяина, — обещал он ей. — Когда я поправлюсь, я непременно подарю тебе бумажку от шоколадки, которую я съел в прошлом году. Она очень ароматная и сладкая, эта бумажка!

Земляничка в знак благодарности низко поклонилась кавалеру, а когда она выпрямилась, Помидор уже храпел, как целый оркестр, состоящий из контрабасов и флейт.

Земляничка сбегала за Вишенкой. Держась за руки, они на цыпочках пустились в путь по коридорам замка, направляясь к спальне кавалера. Они прошли мимо комнаты герцога Мандарина, который до поздней ночи упражнялся в прыжках. Для того чтобы совершать головокружительные прыжки, когда нужно выклянчить что-нибудь у синьоры графини Младшей, требовалась хорошая тренировка.

Посмотрев по очереди в замочную скважину, Земляничка и Вишенка увидели, что герцог, как ошалевшая кошка, прыгает со шкафа на люстру, со спинки кровати на зеркало и необыкновенно быстро карабкается вверх по портьерам. За короткое время он стал настоящим акробатом.

В комнате синьора Помидора было светло: Земляничка предусмотрительно оставила ставни открытыми, так что в окно лился яркий свет луны.

Кавалер по-прежнему громко храпел. В эту минуту ему снилось, будто Земляничка принесла ему еще один шоколадный торт величиной с велосипедное колесо.

Но только хотел он приняться за еду, как в комнату ворвался барон Апельсин и потребовал, чтобы синьор Помидор отдал ему половину торта. Защищая свои права, кавалер вытащил шпагу. В конце концов барон отступил, нещадно нахлестывая бедного тряпичника, который обливался потом под тяжестью тачки. Синьор Помидор снова принялся было за торт, но на смену барону Апельсину явился герцог Мандарин, который взобрался на верхушку очень высокого тополя и завопил: «Дайте, дайте мне половину торта — или я брошусь отсюда на землю вниз головой!»

Словом, сон Помидора был очень тревожен: знакомые и незнакомые люди хотели во что бы то ни стало отнять у него несчастный торт, а потом и сам этот проклятый торт принес кавалеру одно только горькое разочарование: из шоколадного он почему-то превратился вдруг в картонный. Синьор Помидор вонзил в него зубы, ничего не подозревая, и рот у него наполнился картоном — жестким, клейким и безвкусным.

В то время как синьора Помидора одолевали эти тревожные сновидения, Земляничка осторожно сняла с его ноги чулок, а Вишенка вытащил из чулка связку ключей.

— Дело сделано! — прошептал он на ухо Земляничке.

Девочка посмотрела на своего спящего хозяина.

— Ох и обозлится же синьор Помидор, когда проснется и узнает, что с ним проделали!

— Бежим, пока он не проснулся!

— Да нет, этого опасаться нечего. Я насыпала столько сонного порошка, что его хватило бы по крайней мере на десять человек!

Они потихоньку вышли из комнаты, закрыли за собой дверь и бросились бежать вниз по лестнице, едва переводя дух.

Вдруг Вишенка остановился и прошептал:

— А стража?

В самом деле, об этом они не подумали.

Земляничка засунула палец в рот: это ей всегда помогало в трудные минуты. Пососешь палец — и в голову тебе придет дельная мысль.

— Придумала! — сказала она наконец. — Я зайду за угол дома и начну изо всех сил звать на помощь, будто на меня напали разбойники. А ты вызови тюремную стражу и пошли ее ко мне на выручку. Ну, а как только останешься один, поверни вот этот ключ два раза, и дверь камеры откроется.

Так они и сделали. Обман удался на славу. Земляничка кричала «караул» так отчаянно, что, кажется, и деревья готовы были вырвать из земли свои корни, чтобы кинуться ей на помощь. Тюремщики переполошились и помчались на шум, как борзые за зверем.

— Скорее, скорее, ради самого бога! Там бандиты, бандиты! — кричал им вслед Вишенка.

Оставшись один, он сунул ключ в скважину, отпер тяжелую дверь и проник в подземелье. Каково же было его удивление, когда среди заключенных он увидел своего приятеля Чиполлино!

— Ты здесь, Чиполлино! Так ты, значит, не бежал?

— Я тебе потом все расскажу, Вишенка, а сейчас нам нельзя терять время.

И правда, беглецам надо было торопиться.

— Сюда, сюда! — задыхаясь, говорил Вишенка, указывая друзьям тропинку, которая вела прямо в лес. — Не беспокойтесь, тюремщики вас не увидят — они побежали в противоположную сторону.

Куму Тыквочку, которая была слишком толста, чтобы бежать быстро, покатали по дорожке, как настоящую тыкву.

Чиполлино на минуту отстал от товарищей и горячо поблагодарил Вишенку, у которого глаза блестели от слез.

— Ты молодец! — сказал ему Чиполлино. — Я не верил, что ты в самом деле болен, и не раз хотел пробраться к тебе, пока был на свободе.

— Беги, беги скорей, а то они тебя схватят!

— Ладно, бегу, но мы скоро с тобой опять увидимся. Обещаю тебе, что мы еще доставим Помидору немало приятных минут!

В два прыжка догнал он своих приятелей и помог им катить вперед куму Тыквочку. А Вишенка поспешил в замок, чтобы положить ключи на место, — в правый чулок синьора Помидора.

Но что же было в это время с тюремной стражей, которая побежала спасать Земляничку от бандитов?

Тюремщики застали Земляничку в слезах. До их прихода она разорвала на себе передник и расцарапала лицо, чтобы они поверили, будто на нее и в самом деле напали бандиты.

— В какую сторону они удрали? — спросили Лимончики, задыхаясь от быстрого бега.

— Вон туда! — отвечала Земляничка, указывая на дорогу, ведущую в деревню.

Тюремщики помчались по этой дороге. Два или три раза обежали они всю деревню и, не найдя никого на улице, в конце концов арестовали одного деревенского Кота, несмотря на его решительные протесты.

— Не понимаю! — мяукал Кот, негодуя. — Кажется, мы живем в свободной стране, и вы не имели никакого права арестовывать меня. Да, кроме того, вы явились в тот момент, когда мыш, которую я сторожу уже два часа подряд, наконец-таки решилась выйти из своей норки.

— В тюрьме вы найдете сколько угодно мышей, — ответил начальник стражи.

Через полчаса Лимончики вернулись в замок. Можете себе представить, что с ними сделалось, когда они нашли тюрьму пустой!

Они поскорее заперли Кота в камеру, побросали сабли и ружья и разбежались кто куда, опасаясь гнева кавалера Помидора.

Кавалер проснулся утром и первым делом посмотрел в зеркало.

«Нос в порядке, — сказал он самому себе. — Можно снять пластырь и отправиться в подземелье допрашивать пленных».

По дороге он захватил с собой синьора Горошка, как знатока уголовных законов королевства, и синьора Петрушку, чтобы тот записывал показания арестованных.

Все трое с важным видом, какой подобает представителям закона, гуськом спустились в подземелье. Помидор вытащил из правого чулка ключи, открыл тяжелую дверь, но с такой поспешностью отскочил назад, что сшиб с ног синьора Петрушку, который стоял у него за спиной. Из камеры неслись жалобные стоны. «Мяу! Мяу!» — пронзительно мяукал деревенский Кот, корчась от невыносимых страданий.

— Что вы тут делаете? — спросил синьор Помидор у Кота, все еще дрожа от испуга.

— Ах, у меня живот болит! — горько жаловался Кот. — Пожалуйста, отнесите меня в амбулаторию или пришлите ко мне доктора!

Оказалось, что Кот всю ночь охотился на мышей и так объелся, что изо рта у него торчало не менее двухсот мышинных хвостов.

Кавалер выпустил Кота на свободу и дал ему разрешение

в любое время возвращаться в тюрьму для охоты за мышами. На прощание он сказал Коту:

— Если вы будете так любезны и сохраните хвосты съеденных вами мышей как вещественное доказательство вашей полезной деятельности, то администрация замка назначит вам небольшую пенсию.

После этого Помидор немедленно послал правителю королевства принцу Лимону телеграмму, в которой говорилось:

«В замке графинь Вишен беспорядки, соблаговолите командировать батальон Лимончиков. Желательно личное присутствие вашего высочества. Помидор».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Лук Порей был награжден и наказан

На следующее же утро принц Лимон вступил в деревню во главе сорока придворных Лимонов и целого батальона Лимончиков. Как вы уже знаете, при дворе принца Лимона все носили на шапочках колокольчики. Когда придворные и войска двигались по дороге, слышалась такая музыка, что коровы переставали жевать траву, полагая, что пригнали новое стадо коров.

Услышав звон, Лук Порей, который как раз в эту минуту расчесывал усы перед зеркалом, прервал свое дело на середине и высунулся из окна. Тут-то его и заприметили. Лимончики ворвались к нему в дом, арестовали его и повели в тюрьму с одним усом, торчащим вверх, и другим, поникшим вниз.

— Позвольте мне, по крайней мере, причесать и левый ус! — просил Лук Порей у стражи, пока она вела его в тюрьму.

— Молчать! Не то мы отрежем тебе сначала левый, а потом и правый ус и избавим тебя от необходимости их причесывать.

Лук Порей умолк, боясь потерять свое единственное достоинство.

Был арестован также и адвокат Горошек. Он долго визжал, отбивался и сыпал слова, как горох:

— Это ошибка! Я здешний адвокат и служу у кавалера Помидора. Это простое недоразумение! Немедленно выпустите меня на свободу!

Но всё было напрасно — как об стенку горох.

Солдаты-Лимончики расположились в парке. Некоторое время они развлекались тем, что читали объявления синьора Петрушки, а затем, чтобы не скучать, стали топтать траву и цветы, удить золотых рыбок, стрелять в цель по стеклам оранжереи и придумывать другие забавы в том же роде.

Графини бегали от одного начальника к другому и рвали на себе волосы:

— Умоляем вас, синьоры, прикажите вашим людям угодиться! Они нам разорят весь парк!

Но начальники и слушать их не хотели.

— Нашим храбрецам,— заявили они,— нужны развлечения после военных подвигов. Вы должны быть благодарны им за то, что они охраняют ваш покой.

Графини заикнулись было, что арест Лука Порей и синьора Горошка — не такой уж большой подвиг.

Тогда офицер пригрозил:

— Прекрасно! В таком случае мы велим арестовать также и вас. За то они и получают жалованье, чтобы сажать в тюрьму всех недовольных!

Графиням осталось убраться прочь и обратиться с жалобой к самому принцу Лимону. Принц расположился в замке со всеми своими сорока придворными, заняв, разумеется, самые лучшие комнаты и бесцеремонно вытеснив оттуда кавалера Помидора, барона, герцога, синьора Петрушку и даже самих графинь.

Барон Апельсин был очень озабочен.

— Вот увидите,— говорил он шепотом,— эти Лимоны и Лимончики съедят у нас всю провизию, и мы умрём с голоду. Они пробудут здесь, пока в замке еще есть припасы, а потом уйдут, оставив нас на произвол судьбы. Ах, это такое несчастье! Это настоящая катастрофа!

Правитель велел привести Лука Порей и учинить ему допрос.

Синьор Петрушка, хорошенько высморкавшись в свой клетчатый платок, принялся записывать ответы подсудимого, а кавалер Помидор уселся рядом с правителем, чтобы подсказывать ему на ухо, как вести допрос.

Дело в том, что принц Лимон, хоть и носил на голове золотой колокольчик, был не очень-то смышлен, а кроме того, отличался рассеянностью. Вот и теперь, едва пленника ввели в комнату, он воскликнул:

— Ах, какие у него великолепные усы! Клянусь, что во всех подвластных мне землях я никогда не видел таких красивых, длинных и хорошо расчёсанных усов!

Надо сказать, что Лук Порей только и делал в тюрьме, что приглаживал да расчесывал свои усы.

— Благодарю вас, ваше высочество! — сказал он скромно и вежливо.

— Посему,— продолжал правитель,— мне угодно наградить его орденом Серебряного Уса. Сюда, мои Лимоны!

Придворные немедленно явились на зов.

— Принесите-ка мне корону кавалера ордена Серебряного Уса!

Принесли корону, которая представляла собою пышный ус, обвивающийся, как венок, вокруг головы. Разумеется, ус был сделан из чистого серебра.

Лук Порей растерялся: он думал, что его позвали на допрос, а вместо этого удостоили такой высокой почести.

Почтительно склонился он перед правителем, и принц собственноручно надел ему на голову корону, обнял его и поцеловал в оба уса — сначала в правый, а потом в левый. Затем принц встал и собрался уходить, потому что был очень рассеян и полагал, что сделал свое дело.

Тогда кавалер Помидор наклонился и пробормотал ему на ухо:

— Ваше высочество, почтительнейше напоминаю вам, что вы пожаловали кавалерское звание отъявленному преступнику.

— С того момента, как я произвел его в кавалеры, — спесиво ответил принц Лимон, — он более не преступник. Тем не менее давайте допросим его.

И, вернувшись к Луку Порею, принц спросил, известно ли ему, куда бежали пленные. Лук Порей сказал, что ничего не знает. Потом его спросили, знает ли он, где спрятан домик кума Тыквы, и Лук Порей снова ответил, что ему ничего не известно.

Синьор Помидор пришел в ярость:

— Ваше высочество, этот человек лжет! Я предлагаю подвергнуть его пытке и не отпускать до тех пор, пока он не откроет нам истину — всю истину и только истину!

— Прекрасно, прекрасно! — поддакнул принц Лимон, потирая руки.

Он уже забыл, что за несколько минут до того наградил Луку Порей орденом, и обрадовался случаю подвергнуть человека пытке, потому что очень любил присутствовать при самых жестоких истязаниях.

— С какой же пытки мы начнём? — спросил палач, явившийся к принцу со всеми своими орудиями: топором, щипцами, а также с коробкой спичек.

Спички для того, чтобы разжечь костер.

— Вырвите у него усы! — приказал правитель. — Вероятно, он дорожит ими больше всего на свете.

Палач принялся тянуть Луку Порей за усы, но они были так прочны, так закалились от тяжести белья, что палач только напрасну трудился и обливался потом: усы не отрывались, а Лук Порей не чувствовал ни малейшей боли.

В конце концов палач до того устал, что упал без памяти. Луку Порей отвели в потайную камеру и забыли о его существовании. Ему пришлось питаться сырыми мышами, и усы у него так отросли, что стали завиваться кольцами.

После Луку Порей вызвали на допрос синьора Горошка.

Адвокат бросился к ногам правителя и стал целовать их, униженно умоляя:

— Простите меня, ваше высочество, я невиновен!

— Плохо, очень плохо, синьор адвокат! Если бы вы были виновны, я бы вас сейчас же освободил. Но если вы ни в чем не виноваты, то ваше дело принимает весьма дурной оборот. Постойте, постойте... А вы можете сказать нам, куда бежали пленные?

— Нет, ваше высочество,— ответил синьор Горошек, весь дрожа; он и в самом деле этого не знал.

— Вот видите! — воскликнул принц Лимон.— Как же вас освободить, если вы ничего не знаете?

Синьор Горошек бросил умоляющий взгляд на синьора Помидора. Но кавалер притворился, будто очень занят своими мыслями, и устремил взор в потолок.

Синьор Горошек понял, что все пропало. Но отчаяние его сменилось настоящим бешенством, когда он увидел, что хозяин и покровитель, которому он ревностно служил, так подло отступился от него.

— А можете ли вы, по крайней мере, сказать мне,— спросил принц Лимон,— где спрятан домик злодея Тыквы?

Адвокат знал это, потому что в свое время подслушал разговор Чиполлино с его односельчанами.

«Если я открою тайну,— подумал он,— то меня освободят. А что толку? Я вижу теперь, каковы мои бывшие друзья и покровители! Когда нужно было использовать мои знания и способности, чтобы обманывать других, они приглашали меня к обеду и к ужину, а теперь покинули в беде. Нет, я не хочу больше помогать им. Будь что будет, а от меня они ничего не узнают!»

И он громко заявил:

— Нет, принц, я ничего не знаю.

— Ты лжешь! — завопил синьор Помидор.— Ты прекрасно знаешь, но не хочешь сказать!

Тут синьор Горошек дал волю своему гневу. Он привстал на цыпочки, чтобы казаться выше, бросил на Помидора негодующий взгляд и прокричал:

— Да, я знаю, я прекрасно знаю, где спрятан домик, но я никогда вам этого не скажу!

Принц Лимон нахмурился.

— Подумайте хорошенько! — сказал он.— Если вы не откроете тайны, я буду вынужден вас повесить.

У синьора Горошка затряслись коленки от страха. Он обхватил себя обеими руками за шею, будто хотел избавиться от петли, но остался непоколебим.

— Вешайте меня,— сказал он гордо.— Вешайте немедленно! — Проговорив эти слова, он весь побелел, хоть и был Зеленым Горошком, и упал как подкошенный на землю.

Синьор Петрушка записал в протокол:

«Обвиняемый лишился чувств от стыда и угрызений совести».

Потом он снова высморкался в клетчатый платок и закрыл книгу. Допрос был окончен.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

о том, как синьор Горошек спас жизнь кавалеру, сам того не желая

Когда синьор Горошек пришел в себя, кругом царил непроглядный мрак. Адвокат решил, что его уже повесили.

«Я умер,— подумал он,— и, конечно, нахожусь в аду. Меня удивляет только одно: почему здесь так мало огня? Собственно говоря, его здесь совсем нет. Очень странно: ад без адского пламени!»

В этот миг он услышал, как скрипит ключ в замке камеры. Горошек забился в угол, потому что бежать ему было некуда, и с испугом смотрел на открывающуюся дверь. Он ожидал, что увидит стражей-Лимончиков и палача.

Лимончики действительно явились, но вместе с ними пожаловал... Кто бы вы думали? Кавалер Помидор своей собственной персоной, связанный по рукам и ногам.

Синьор Горошек кинулся было на него со сжатыми кулаками, но потом опомнился: «Что же это я делаю? Ведь он такой же узник, как и я».

И хотя Горошек не испытывал никакого сочувствия к своему бывшему хозяину, он все же вежливо спросил у кавалера:

— Так, значит, вас тоже арестовали?

— Арестовали?! Скажите лучше, что я приговорен к смерти. Меня повесят завтра на заре, сейчас же после вас. Вы, верно, и не знаете, что мы находимся в камере для висельников!

Адвокат не мог прийти в себя от изумления. Он знал, что ему грозит смертная казнь, но никак не думал, что за компанию с ним повесят и кавалера.

— Принц Лимон,— продолжал синьор Помидор,— очень разгневался на то, что ему так и не удалось найти виноватых. И знаете, что он в конце концов придумал? В присутствии графинь, гостей и слуг он обвинил меня в том, что я, кавалер Помидор,— главный зачинщик заговора. За это он и приговорил меня к повешению. Да, да, к повешению!

Синьор Горошек не знал, радоваться ли, что кавалера постигнет такая суровая кара, или пожалеть его. Наконец он сказал:

— Ну что ж, мужайтесь, кавалер. Умрем вместе.

— Плохое утешение! — заметил синьор Помидор.— Позвольте мне все же извиниться перед вами за то, что при вашем допросе

я не очень вами интересовался. Вы понимаете, в это время решалась и моя собственная участь.

— Ну, теперь это дело прошлое... Не будем больше говорить о том, что было,— любезно предложил синьор Горошек.— Мы — товарищи по несчастью. Постараемся помочь друг другу.

— Я того же мнения,— согласился синьор Помидор, немножко приободрившись.— Очень рад, что вы не злопамятны.

Он вытащил из кармана кусок торта и по-братски разделил его с адвокатом. Адвокат не верил своим глазам: он не ожидал от кавалера такой доброты и щедрости.

— К сожалению, это все, что они мне оставили,— сказал синьор Помидор, печально качая головой.

— Да, таков наш грешный мир! Еще вчера вы были почти полновластным хозяином замка, а сегодня — только пленник.

Кавалер Помидор продолжал молча есть торт.

— Вы знаете,— сказал он наконец,— мне отчасти даже нравится то, что проделал со мной этот проказник Чиполлино. Собственно говоря, он очень ловкий мальчишка, и все его проделки внушены ему добрым сердцем, желанием помочь беднякам.

— Пожалуй,— согласился синьор Горошек.

— Кто знает,— продолжал Помидор,— где находятся они сейчас — эти люди, бежавшие из тюрьмы! Поверьте, я бы с удовольствием сделал для них что-нибудь хорошее.

— Да что же вы можете сделать для них в вашем положении?

— Ах, вы правы, сейчас я бессилен помочь им. Да, кроме того, я даже не знаю, где они.

— Я тоже не знаю,— откровенно сказал синьор Горошек, польщенный любезным обхождением синьора Помидора.— Мне известно только, где спрятан домик кума Тыквы.

Услышав это, кавалер затаил дыхание.

«Помидор,— сказал он самому себе,— слушай внимательно, что скажет тебе этот дурень: может быть, у тебя еще есть надежда на спасение!»

— Вы и в самом деле это знаете? — спросил он адвоката.

— Конечно, знаю, но никогда никому не скажу. Я не намерен больше вредить этим бедным людям.

— Такие чувства, несомненно, делают вам честь, синьор адвокат! Я бы тоже не выдал тайны: я не хотел бы, чтобы по моей вине на бедняков свалились какие-нибудь новые беды.

— Если так,— сказал синьор Горошек,— я рад пожать вам руку!

Синьор Помидор протянул ему руку, и синьор Горошек крепко пожал ее. В конце концов адвокат так расчувствовался, что ему пришла охота поболтать по душам со своим товарищем по несчастью.

— Вы только подумайте,— сказал он таинственным шепо-

том,— они спрятали домик в двух шагах от замка, а мы были так глупы, что нам это и в голову не пришло!

— Где же именно они его спрятали! — небрежно спросил синьор Помидор.

— Теперь-то я могу вам это сказать,— горько улыбнулся синьор Горошек.— Ведь завтра мы оба умрем и унесем нашу тайну в могилу.

— Ну конечно. Вы же прекрасно знаете, что нас казнят на заре и наш прах будет развеян по ветру!

Тут адвокат Горошек еще ближе подсел к своему собеседнику и тихонько прошептал ему на ухо, что домик кума Тыквы находится в лесу, а присматривает за ним кум Черника.

Кавалер выслушал все это, горячо обнял адвоката и воскликнул:

— Мой дорогой друг, я так благодарен вам за то, что вы сообщили мне это важное известие! Вы спасаете мне жизнь!

— Я спасаю вам жизнь? Вы шутите, что ли?

— Вовсе нет,— сказал Помидор, вскакивая.

Он бросился к двери и стал изо всех сил колотить в нее кулаками, пока ему не открыли Лимончики, сторожившие тюрьму.

— Ведите меня сию же минуту к его высочеству принцу Лимону! — приказал синьор Помидор своим обычным, не допускающим возражений тоном.— Я должен сделать ему одно очень важное сообщение.

Кавалера немедленно доставили в замок. Он рассказал принцу все, что узнал от синьора Горошка, и добился прощения. Принц Лимон был очень доволен и приказал своим Лимончикам на следующее утро — сейчас же после казни синьора Горошка — отправиться в лес и привезти оттуда домик кума Тыквы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой рассказывается, как синьор Горошек взошел на эшафот

На деревенской площади воздвигли виселицу. Приговоренный должен был подняться на помост. В этом помосте под самой виселицей открывался люк, куда и предстояло провалиться синьору Горошку с петлей на шее.

Когда за осужденным пришли, чтобы вести его на площадь, синьор Горошек, как опытный адвокат, сделал все, чтобы оттянуть время. Ссылаясь на различные статьи закона, он потребовал, чтобы ему разрешили сначала побриться, потом он захотел вымыть голову, а затем обнаружилось, что у него слишком отросли ногти на руках и ногах и он желает перед казнью остричь их.

Палач, не желая терять время, стал было спорить, но в конце

концов уступил. По старинному обычаю, последнее желание приговоренного к смерти должно быть исполнено. Поэтому в тюрьму принесли кувшин с горячей водой, таз, ножницы и бритву. Не торопясь адвокат Горошек принялся за свой предсмертный туалет. Долго приводил он себя в порядок: брился, мылся и чуть ли не целых два часа стриг ногти. Однако рано или поздно ему пришлось все-таки отправиться на место казни.

Когда он поднимался на помост, его охватил ужас. Тут только, на ступенях эшафота, он впервые ясно представил себе, что должен умереть. Такой маленький, такой толстенный, такой зелененький, с чисто вымытой головой и подстриженными ногтями, он все-таки должен умереть!

Зловеще забили барабаны. Палач надел адвокату на шею петлю, сосчитал до тринадцати, а затем нажал кнопку. Люк открылся, и синьор Горошек полетел во тьму с затянутой петлей на шее. Перед этим он успел подумать: «На этот раз я, кажется, и в самом деле умер!»

Вдруг он услышал над собой глухой голос:

— Режьте, режьте скорей, синьор Чиполлино! Тут так светло, что я ровно ничего не вижу.

Кто-то разрезал веревку, которая стягивала шею адвоката, и тот же голос заговорил снова:

— Дайте ему глоток нашего замечательного картофельного сока. Мы, кроты, никогда не расстаемся с этим чудесным лекарством!

Что же произошло? Какой удивительный случай спас жизнь адвокату Горошку?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

объясняющая предшествующую главу

А случилось вот что: Земляничка, которая знала все, что делается в замке, сбегала в лес и рассказала Редиске об опасности, угрожающей синьору Горошку, а Редиска сейчас же сообщила об этом своему другу Чиполлино. Она нашла его неподалеку от домика кума Тыквы, в пещере, где он скрывался вместе с остальными беглецами.

Чиполлино внимательно выслушал ее, а потом попросил у мастера Виноградинки шило, чтобы поскрести затылок, ибо положение было затруднительное и нужно было хорошенько почесаться, чтобы найти какой-нибудь выход.

Подумав немного, Чиполлино вернул шило мастеру Виноградинке и сказал коротко:

— Спасибо, я знаю, что делать.

И он тут же убежал куда-то. Никто даже не успел спросить его, что же именно пришло ему в голову.

Кум Тыква отозвался с глубоким вздохом:

— Ах, ежели Чиполлино говорит, что он придумал что-то, так будьте спокойны: он скоро все уладит!

Однако Чиполлино очень долго бродил по полям и лугам, прежде чем нашел то, что искал. Наконец он забрел на луг, весь усеянный бугорками взрытой земли. Каждую минуту здесь возникал, словно гриб, новый бугорок: Крот был за работой.

Чиполлино решил ждать. И вот, когда один из бугорков вспух чуть ли не под его ногами, он стал на колени и позвал:

— Синьор Крот! Синьор Крот! Это я, Чиполлино.

— А, это вы? — сухо ответил Крот. — Признаться, я только наполовину ослеп после нашей первой встречи. Очевидно, теперь вы намерены снова предложить мне какое-нибудь подземное путешествие, которое окончательно лишит меня зрения.

— Не говорите так, синьор Крот. Я никогда не забуду вашей услуги: благодаря вам я встретился с моими друзьями. Нам удалось выйти на свободу, и мы нашли временное убежище в пещере неподалеку.

— Спасибо за сообщение, но это меня вовсе не интересует. До свидания!

— Синьор Крот! Синьор Крот! — закричал Чиполлино. — Выслушайте меня!

— Что ж, говорите, но только, пожалуйста, не воображайте, что я готов по-прежнему помогать вам в ваших делах.

— Дело касается не меня, а нашего деревенского адвоката, которого зовут Горошком. Его должны повесить завтра утром.

— И прекрасно сделают! — сердито ответил Крот. — Я бы с удовольствием помог затянуть на нем петлю. Терпеть не могу адвокатов, да и горошек мне не по вкусу.

Бедному Чиполлино пришлось немало потрудиться, чтобы переубедить упрямого Крота, но мальчик был уверен в том, что, несмотря на грубоватые повадки, у Крота золотое сердце и он никогда не откажется помочь правому делу.

Так и вышло — в конце концов Крот немного смягчился и сказал коротко и отрывисто:

— Довольно болтовни, синьор Чиполлино. У вас, как видно, язык без костей. Покажите-ка мне лучше, в какую сторону рыть.

— В направлении на северо-северо-восток, — быстро ответил Чиполлино, чуть не подпрыгнув от радости.

В два счета Крот прорыл широкую, длинную галерею прямо под эшафот. Здесь он и Чиполлино притаились и стали ждать, что будет. Когда люк над ними наконец открылся и синьор Горошек полетел вниз с веревкой на шее, Чиполлино мгновенно перерезал веревку и дал адвокату глотнуть целебного картофельного

сока, который синьор Крот всегда носил с собой. Вдобавок Чиполлино легонько похлопал адвоката по щекам. Картофельный сок и несколько пощечин привели адвоката в чувство. Синьор Горошек открыл глаза, но он, как вы и сами понимаете, был так ошеломлен, что не поверил в свое спасение.

— О синьор Чиполлино! — воскликнул он. — Значит, вы тоже умерли, как и я? Какое счастье, что нам довелось встретиться с вами в раю!

— Очнись, адвокат! — вмешался Крот. — Здесь тебе не рай и не ад. Да и я не святой Петр и не дьявол, а старый Крот и тороплюсь по своим делам. Поэтому давайте побыстрее выбираться отсюда, и постарайтесь пореже попадаться мне на дороге. Каждый раз, как я встречаю Чиполлино, у меня делается солнечный удар.

На самом деле подэшафотом царила полная тьма, но синьору Кроту и это подземелье показалось настолько светлым, что у него заболели глаза и голова.

В конце концов синьор Горошек уразумел, что благодаря Чиполлино и Кроту он избавился от смерти. Адвокат без конца благодарил своих спасителей. Сначала он обнимал их по очереди, потом захотел обнять обоих сразу, но это ему не удалось, потому что руки у него были слишком коротки.

Когда Горошек наконец успокоился, все трое отправились в путь по готовому подземному ходу. Дойдя до его конца, Крот вырыл еще один коридор — до той пещеры, где скрывались мастер Виноградинка, кум Тыква, профессор Груша и прочие беглецы.

Адвоката и его избавителей встретили радостными криками. Все забыли, что еще недавно синьор Горошек был их врагом.

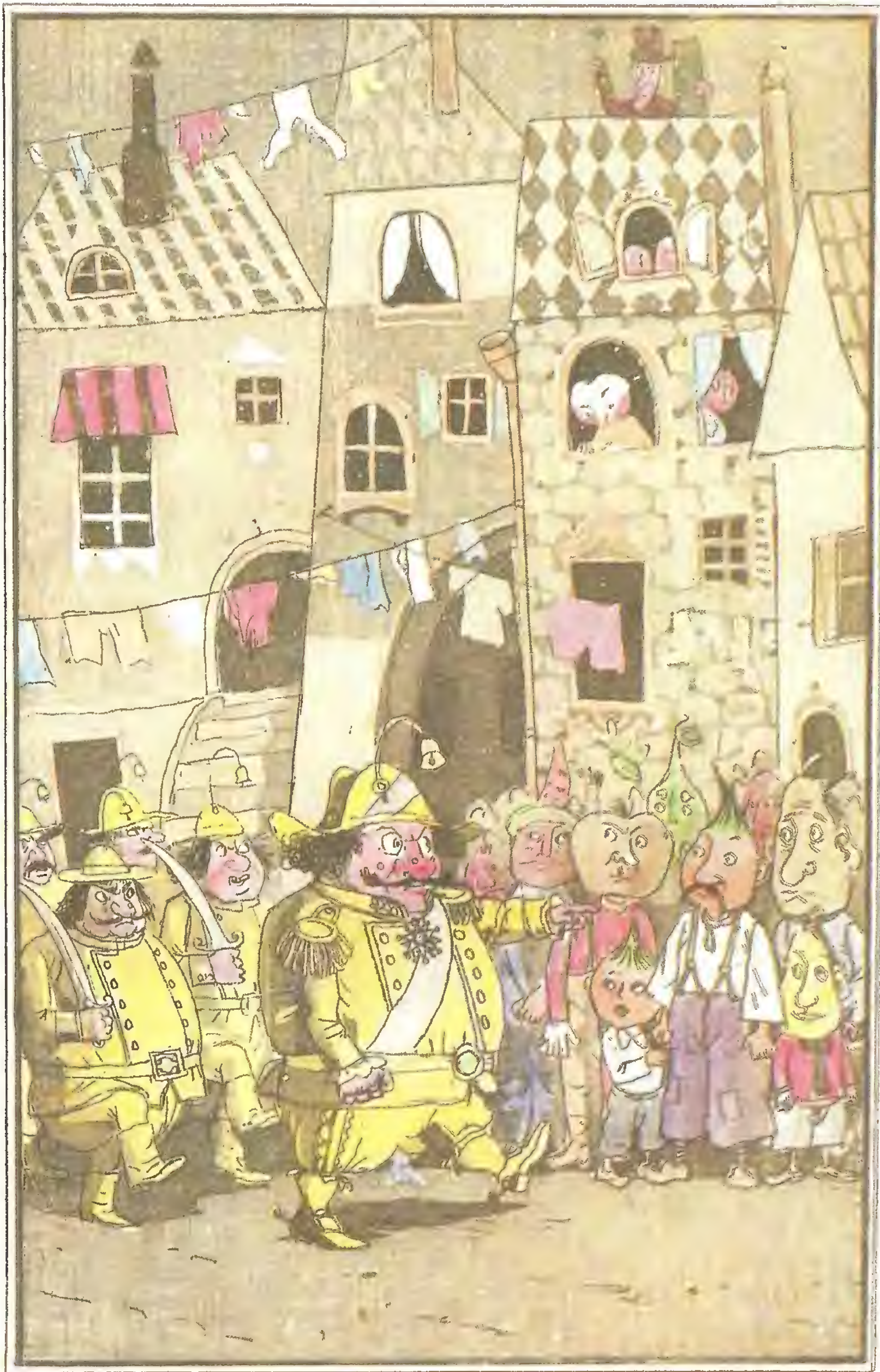
Прощаясь со своими новыми друзьями, Крот не мог удержаться от слез.

— Синьоры, — сказал он, — если бы у вас была хоть капля здравого смысла, вы поселились бы вместе со мной под землей. Там нет ни виселиц, ни кавалеров Помидоров, ни принцев Лимонов, ни его Лимончиков. Покой и темнота — вот что важнее всего на свете. Во всяком случае, если я вам понадобится, бросьте в это отверстие записочку. Я время от времени буду наведываться сюда, чтобы узнать, как идут у вас дела. А пока — всего хорошего!

Друзья тепло простились со старым Кротом и едва успели обменяться с ним последними приветствиями, как синьор Горошек так хлопнул себя по лбу, что не удержался на ногах и полетел вверх тормашками:

— Ах я растяпа! Ах ротозей! Моя рассеянность меня в конце концов погубит!

— Вы что-нибудь забыли? — вежливо спросила кума Тыковочка, поднимая адвоката с земли и стряхивая пыль с его одежды.

Тут только синьор Горошек рассказал беглецам о своем разговоре с Помидором и о новом предательстве кавалера.

Свою речь он закончил словами:

— Синьоры, знайте, что в эту самую минуту, когда мы с вами здесь разговариваем, стража рыщет по всему лесу. Ей приказано разыскать ваш домик и доставить его к воротам замка.

Не говоря ни слова, Чиполлино бросился в чащу и в два прыжка очутился под дубом, у кума Черники. Но домика там уже не было...

Кум Черника, притаившись между корнями дуба, безутешно плакал:

— Ах, мой милый домик! Мой славный, уютный домик!

— Здесь побывали Лимончики? — спросил Чиполлино.

— Да, да, они все унесли: и домик, и половинку ножниц, и бритву, и объявление, и даже ко-ло-коль-чик!

Чиполлино почесал затылок. На этот раз ему потребовалось бы два шила, чтобы придумать что-нибудь, а у него не было ни одного. Он ласково потрепал кума Чернику по плечу и отвел его в пещеру, к своим друзьям.

Никто не задал им ни одного вопроса. И без слов все поняли, что домик исчез и что это дело рук их заклятого врага — кавалера Помидора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Приключения мистера Моркоу и собаки Держи-Хватай

Мистер Моркоу...

Минуточку: кто такой мистер Моркоу? Об этой особе у нас еще разговора не было. Откуда же он взялся? Что ему нужно? Большой он или маленький, толстый или тощий?

Сейчас я вам все объясню.

Убедившись, что беглецов и след простыл, принц Лимон велел прочесать все окрестности. Лимончики вооружились граблями и старательно прочесали поля и луга, леса и рощи, чтобы найти наших друзей. Солдаты работали день и ночь и нагребли целую кучу бумажек, хворосту и сухой змеиной кожи, но они не поймали даже тени Чиполлино и его друзей.

— Бездельники! — бушевал правитель. — Только грабли поломали, все зубья в лесу оставили. За это вам самим следовало бы все зубы выбить!

Солдаты дрожали и стучали зубами от страха. Несколько минут только и слышалось: «тук-тук-тук» — словно шел град.

Один из придворных Лимонов посоветовал:

— Я полагаю, что следовало бы обратиться к специалисту по делам розыска.

— Это еще что за птица?

— Попросту говоря, сыщик. Вот ежели, например, вы, ваше высочество, потеряли пуговицу, извольте обратиться в сыскное бюро, и сыщик найдет ее вам в два счета. То же самое будет, если у вашего высочества пропадет батальон солдат или убегут из-под стражи заключенные. Сыщику стоит только надеть специальные очки, и он мгновенно обнаружит то, что у вас пропало.

— Ну, если так, пошлите за сыщиком!

— Я знаю очень подходящего иностранного специалиста по этой части,— предложил придворный.— Его зовут мистер Моркоу.

Мистер Моркоу... Так вот кто он такой, мистер Моркоу! Пока он еще не успел прибыть в замок, я расскажу вам, как он одет и какого цвета у него усы. Впрочем, про усы я ничего вам сказать не могу по той простой причине, что у тощего рыжего мистера Моркоу усов нет. Зато у него есть собака-ищейка, которую зовут Держи-Хватай. Она помогает ему носить инструменты. Мистер Моркоу никогда не пускается в путь, не захватив с собой дюжины подзорных труб и биноклей, сотни компасов и десятка фотоаппаратов. Кроме того, он повсюду возит с собой микроскоп, сетку для бабочек и мешочек с солью.

— А для чего вам соль? — спросил у него правитель.

— С позволения вашего высочества, я насыпаю соли на хвост преследуемой дичи, а потом ловлю ее этим прибором, похожим на огромную сетку для бабочек.

Принц Лимон вздохнул:

— Боюсь, что на этот раз соль вам не понадобится: насколько мне известно, у сбежавших заключенных хвостов не было...

— Случай очень серьезный,— строго заметил мистер Моркоу.— Если у них нет хвостов, как же их поймать за хвост? Куда им насыпать соли? С позволения вашего высочества, вы вообще не должны были допускать бегства заключенных из тюрьмы. Или, по крайней мере, нужно было перед их побегом приладить им хвосты, чтобы моя собака могла их поймать.

— Я видел в кино,— снова вмешался тот вельможа, который посоветовал обратиться к сыщику,— что иногда беглецов ловят без помощи соли.

— Это устаревшая система,— возразил мистер Моркоу с презрительным видом.

— Факт, факт! О-очень, о-очень устаревшая система,— повторила собака.

У этой собаки была одна особенность: она часто повторяла слова своего хозяина, прибавляя к ним свои личные соображения, которые обычно сводились к словам: «О-очень, о-очень», «весьма, весьма» или «факт, факт».

— Впрочем, у меня есть еще и другой способ ловли беглецов,— сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! У нас о-очень, о-очень много способов,— подтвердила собака, важно виляя хвостом.

— Можно пустить в ход перец вместо соли.

— Правильно, правильно! — с восторгом одобрил принц Лимон.— Насыпьте им перцу в глаза, и они сейчас же сдадутся, я в этом не сомневаюсь.

— Я тоже так думаю,— осторожно заметил кавалер Помидор.— Но прежде чем пустить в дело перец, вероятно, надо сначала найти беглецов. Не так ли?

— Это несколько труднее,— сказал мистер Моркоу,— но с помощью моих приборов я, пожалуй, попробую.

Мистер Моркоу был ученый сыщик, он ничего не делал без помощи своих инструментов. Даже отправляясь спать, он вооружался тремя компасами: одним, самым большим,— чтобы отыскать лестницу, другим, поменьше,— чтобы определить, где находится дверь спальни, и третьим, еще меньше,— чтобы найти в спальне кровать.

Вишенка, словно невзначай, прошелся по коридору, желая поглядеть на знаменитого сыщика и его собаку. Каково же было его удивление, когда он увидел, что мистер Моркоу и собака растянулись на полу, разглядывая лежащий перед ними компас!

— Простите, почтенные синьоры,— полюбопытствовал Вишенка,— я хотел бы узнать: что вы делаете, лежа на полу? Может быть, вы пытаетесь найти на ковре следы беглецов и определить по компасу, в какую сторону они бежали?

— Нет, я просто ищу свою кровать, синьор. Найти кровать невооруженным глазом может каждый, но сыщик-специалист должен производить розыски научно, при помощи соответствующей техники. Как вам известно, намагниченная стрелка компаса всегда показывает на север. Это ее свойство дает мне возможность безошибочно найти местоположение моей кровати.

Однако, следуя указаниям своего компаса, сыщик неожиданно стукнулся головой о зеркало, а так как он был из породы твердолобых, то раздробил стекло на тысячу кусков.

При этом больше всего пострадала его собака. Один из осколков отсек ей добрую половину хвоста, оставив только жалкий обрубок.

— Наши расчеты, очевидно, были ошибочны,— сказал мистер Моркоу.

— Факт, факт! О-очень, о-очень ошибочны,— согласилась собака, зализывая обрубок хвоста.

— Значит,— сказал сыщик,— надо поискать другую дорогу.

— Факт, факт! Надо поискать другую дорогу,— пролаяла собака.— Может быть, другие дороги не кончаются зеркалами.

Отложив в сторону компас, мистер Моркоу вооружился одной из своих мощных морских подзорных труб.

Он приложил ее к глазу и начал поворачивать налево и направо.

— Что вы видите, хозяин? — спросила собака.

— Вижу окно: оно закрыто, на нем красные занавески, и в каждой раме по четырнадцать разноцветных стекол.

— Очень, очень важное открытие! — воскликнула собака. — Четырнадцать и четырнадцать будет двадцать восемь. Если мы пойдем в этом направлении, нам на голову посыплется по крайней мере пятьдесят шесть осколков, а что касается меня, то я уж и не знаю, что останется от моего хвоста!

Мистер Моркоу направил подзорную трубу в другую сторону.

— Что вы теперь видите, хозяин? — спросила собака озабоченно.

— Вижу какое-то металлическое сооружение. Очень интересная конструкция. Представь себе: три ножки, соединенные наверху металлическим кольцом, а на вершине сооружения — белая крыша, по-видимому эмалированная.

Собака была потрясена открытиями своего хозяина.

— Синьор, — сказала она, — если я не ошибаюсь, то до нас еще никто нигде не находил эмалированных крыш. Не так ли?

— Да, — ответил мистер Моркоу не без гордости. — Настоящий сыщик может обнаружить необыкновенные вещи даже в самой обыкновенной обстановке.

Хозяин и собака ползком двинулись к металлическому сооружению с белой крышей. Преодолев расстояние в десять шагов, они приблизились к таинственной конструкции и подползли под нее так неловко, что эмалированная крыша опрокинулась.

Едва успели они опомниться и понять, что произошло, как их внезапно обдало холодным дождем.

Сыщик и собака застыли на месте, опасаясь новых неожиданностей. Они боялись пошевелиться, а между тем струйки холодной воды текли у мистера Моркоу по лицу, у его собаки — по морде и у обоих — по спине, животу и бокам.

— Я полагаю, — пробурчал недовольно мистер Моркоу, — что мы попросту опрокинули эмалированный таз, стоявший на умывальнике.

— Я думаю, — добавила собака, — что в этом тазу было о-очень, о-очень много воды для утреннего умывания.

Тут мистер Моркоу наконец встал и отряхнулся после неожиданного душа. Верная спутница последовала его примеру. После этого сыщик без труда нашел кровать, от которой находился в двух шагах, и торжественно проследовал к ней, продолжая изрекать глубокомысленные замечания:

— Что поделаешь! Наша профессия сопряжена с риском.

Правда, нам на голову обрушились целые потоки холодной воды, но зато мы нашли то, что искали: кровать.

— Факт, факт! Много воды утекло! — со своей стороны заметила собака.

Ей в этот вечер как-то особенно не везло: мокрая, озябшая, с обрубленным хвостом, она уснула на полу, положив голову на влажные туфли своего хозяина. Мистер Моркоу прохрапел всю ночь и проснулся с первыми лучами солнца.

— Держи-Хватай, за работу! — позвал он.

— Хозяин, я готова, — ответила собака, вскочив и усевшись на обрубок хвоста.

Умыться мистер Моркоу в это утро не мог, потому что пролил всю воду, предназначенную для умывания. Собака удовольствовалась тем, что вылизала себе усы, а потом лизнула в лицо и своего хозяина. Освежившись таким образом, они вышли в парк и принялись за розыски.

Знаменитый сыщик начал с того, что достал из сумки мешочек, в котором было девяносто крошечных бочонков с номерами, какие употребляются при игре в лото.

Он попросил собаку вытащить какой-нибудь номер. Собака сунула лапу в мешочек и вытянула номер семь.

— Значит, нам нужно отмерить семь шагов вправо, — решил мистер Моркоу.

Они отмерили семь шагов вправо и попали в крапиву.

У собаки словно огнем обожгло обрубок хвоста, а у мистера Моркоу так покраснел нос, что стал похож на стручок турецкого перца.

— Должно быть, у нас опять вышла ошибка, — предположил ученый сыщик.

— Факт, факт! — печально подтвердила собака.

— Попробуем другой номер.

— Попробуем! — согласилась собака.

На этот раз вышел двадцать восьмой номер, и мистер Моркоу решил, что нужно отойти на двадцать восемь шагов влево.

Отошли на двадцать восемь шагов влево и свалились в бассейн, где плавали золотые рыбки.

— Помогите! Тону! — завопил мистер Моркоу, барахтаясь в воде и пугая золотых рыбок.

Может быть, он и в самом деле бы утонул, но верная собака вовремя ухватила его зубами за воротник и выволокла на сушу.

Они уселись на краю бассейна. Один из них сушил одежду, другой — шерсть.

— Я сделал в бассейне очень важное открытие, — сказал мистер Моркоу, нисколько не смущаясь.

— О-очень, о-очень важное! — поддакнула собака. — Мы с вами открыли, что вода о-очень, о-очень мокрая.

— Нет, не то. Я пришел к выводу, что пленники, которых мы ищем, нырнули на дно этого бассейна, вырыли здесь подземный ход и таким образом ускользнули от своих преследователей.

Мистер Моркоу позвал кавалера Помидора и предложил ему выпустить воду из бассейна, а затем перекопать дно, чтобы найти подземный ход. Но синьор Помидор решительно отказался от этого предложения. Он заявил, что, по его личному мнению, беглецы выбрали более простой и легкий путь, и попросил мистера Моркоу направить свои розыски в другую сторону.

Знаменитый сыщик вздохнул и поник головой.

— Вот вам людская благодарность! — сказал он. — Я тружусь в поте лица своего, принимаю одну холодную ванну за другой, а местные власти, вместо того чтобы помочь моей работе, чинят мне препятствия на каждом шагу.

К счастью, мимо бассейна, будто случайно, проходил в это время Вишенка. Сыщик остановил его и спросил, не знает ли он другого выхода из парка, кроме тайной подземной галереи, вырытой беглецами под бассейном с золотыми рыбками.

— Ну, конечно, знаю, — ответил Вишенка. — Это калитка.

Мистер Моркоу горячо поблагодарил мальчика и в сопровождении собаки, которая все еще фыркала и отряхивалась после холодной ванны, пошел искать калитку по компасу, с которым никогда не расставался.

Вишенка последовал за ним, будто бы из пустого любопытства.

Когда же сыщик вышел наконец из парка и направился к лесу, мальчик вложил в рот два пальца и громко свистнул.

Мистер Моркоу живо обернулся к нему:

— Кого это вы зовете, молодой человек? Вероятно, мою собаку?

— Нет, нет, мистер Моркоу, я только дал знать одному знакомому воробью, что для него приготовлены на подоконнике хлебные крошки.

— У вас добрая душа, синьорино. — С этими словами мистер Моркоу поклонился Вишенке и пошел своей дорогой.

Как вы легко можете догадаться, на свист Вишенки кто-то вскоре тоже ответил свистом, но не таким громким, а слегка приглушенным. Вслед за этим на опушке леса, справа от сыщика, закачались ветви кустарника. Вишенка улыбнулся: его друзья были начеку — он вовремя предупредил их о появлении мистера Моркоу и его собаки.

Но и сыщик тоже заметил, как шевелятся кусты. Он бросился на землю и застыл. Собака последовала его примеру.

— Нас окружили! — прошептал сыщик, отплевываясь от пыли, набившейся ему в нос и рот.

— Факт, факт! — протянула собака. — Нас окружили!

— Наша задача, — продолжал шепотом мистер Моркоу, —

становится с каждой минутой все труднее и опаснее. Но мы должны во что бы то ни стало поймать беглецов.

— Поймать, поймать! — тихонько отозвалась собака.

Сыщик навел на кусты свой горный бинокль и стал внимательно их осматривать.

— Кажется, в кустарнике больше никого нет, — сказал он. — Злодеи отступили.

— Какие злодеи? — спросила собака.

— Те, что скрывались в зарослях и шевелили ветвями. Нам остается только пойти по их следам, а следы эти, безусловно, приведут нас в их притон.

Собака не переставала восхищаться догадливостью хозяина.

Тем временем люди, скрывавшиеся в кустах, и в самом деле отступали, довольно энергично пробираясь сквозь заросли. Собственно говоря, никого не было видно, и только ветви кустарника еще слегка колыхались в тех местах, где они прошли. Но мистер Моркоу теперь уже не сомневался, что в кустах прячутся беглецы, и твердо решил их выследить.

Через сотню метров тропинка привела сыщика и собаку в лес. Мистер Моркоу и Держи-Хватай прошли несколько шагов и остановились под тенью дуба, чтобы отдохнуть и оценить положение.

Сыщик вытащил из мешка микроскоп и начал внимательно рассматривать пыль на дорожке.

— Никаких следов, хозяин? — с нетерпением спросила собака.

— Ни малейших.

В этот миг снова послышался продолжительный свист, а потом раздались приглушенные крики:

— О-го-го-го-го!

Мистер Моркоу и собака опять бросились на землю.

Крик повторился два или три раза. Вне всякого сомнения, таинственные люди подавали друг другу сигналы.

— Мы в опасности, — спокойно произнес мистер Моркоу, доставая прибор, похожий на сетку для бабочек.

— Факт, факт! — как эхо откликнулась собака.

— Преступники отрезали нам путь к отступлению и начали обходный маневр, чтобы напасть на нас сзади. Держи наготове перечницу. Как только они появятся, мы пустим им перец в глаза и накроем их сеткой.

— План очень смелый, — пролаяла собака, — но я слышала, что у злодеев иногда бывают ружья... А что, если они, попав в плен, начнут стрелять?

— Проклятье! — сказал мистер Моркоу. — Признаться, об этом я не подумал.

В этот миг в нескольких шагах от сыщика и собаки, все еще простертых на земле, раздался придушенный голос:

— Мистер Моркоу! Мистер Моркоу!

— Женский голос... — сказал сыщик, оглядываясь по сторонам.

— Сюда, мистер Моркоу! Ко мне! — продолжал звать тот же голос.

Собака осмелилась высказать свое предположение.

— По-моему, — пролаяла она, — тут происходит нечто очень загадочное. Женщине угрожает серьезная опасность. Может быть, она находится в руках бандитов, которые хотят сделать ее своей заложницей. Я думаю, нам нужно во что бы то ни стало освободить ее.

— Мы не можем заниматься посторонними делами, — сказал мистер Моркоу, рассерженный неуместным вмешательством своего ретивого помощника. — Мы пришли сюда для того, чтобы задержать, арестовать, а не освободить кого-то. У нас точная и ясная цель. Мы не можем делать как раз противоположное тому, за что нам платят. Помните, что вас зовут Держи-Хватай, и делайте свое дело!

В эту минуту из-за кустов снова раздался жалобный, умоляющий крик:

— Мистер Моркоу! Да помогите же! Ради бога, помогите!

В этом голосе слышалось такое отчаяние, что знаменитый сыщик не устоял.

«Женщина просит моей помощи, — подумал он, — и я откажусь помочь ей? Сердца у меня нет, что ли?»

Он озабоченно ощупал левую сторону своей груди под жакетом и вздохнул с облегчением: сердце у него оказалось на месте и билось даже чаще, чем всегда.

Между тем голос постепенно удалялся на север. В той стороне, откуда он доносился, тревожно колыхались кусты, слышался шорох шагов и заглушенный шум борьбы.

Мистер Моркоу вскочил на ноги и в сопровождении собаки бросился бежать на север, не сводя глаз с компаса.

Вдруг сзади него послышался сдержанный смех.

Сыщик в гневě остановился и стал искать глазами неизвестную особу, которая позволила себе так дерзко смеяться за его спиной. Не найдя никого среди кустов, мистер Моркоу сверкнул глазами и закричал, весь дрожа от благородного негодования:

— Смейся, смейся, подлый преступник! Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

«Преступник» снова фыркнул, а потом задохнулся от внезапного приступа кашля.

Дело в том, что Редиска сильно хлопнула его в эту минуту по спине, чтобы он перестал смеяться. Этот смешливый парнишка был не кто иной, как маленький Фасолинка, сын тряпичника

Фасоли. Откашлявшись, он запихал себе платок в рот и продолжал смеяться в свое удовольствие, не нарушая тишины.

— Ты хочешь испортить все, что нам удалось сделать! — сердито зашептала Редиска. — Сейчас же перестань фыркать!

— Да как же над ним не смеяться! — еле выговорил Фасолинка, сдерживая смех.

— Успеешь еще посмеяться, — прошептала Редиска, — а пока пойдем и постараемся не терять сыщика из виду.

Мистер Моркоу и его собака по-прежнему бежали на север — в ту сторону, откуда доносился шорох удаляющихся шагов и шум борьбы. Они думали, что преследуют целую шайку злодеев, крадущихся через кустарник. А на самом деле они гнались за двумя ребятами — Картошечкой и Томатиком, которые делали вид, что дерутся друг с другом. Время от времени девочка останавливалась и тоненьким голосом кричала:

— Помогите! Помогите, синьор сыщик! Меня похитили бандиты! Умоляю вас, освободите меня!

Вы, вероятно, догадались, что у ребят, пробиравшихся через кустарник, была одна задача: отвлечь сыщика и его собаку как можно дальше от пещеры, в которой прятались Чиполлино и его друзья. Но это было ещё не все, что ребята задумали.

В ту минуту, когда собака сыщика уже готовилась настичь убегающих и схватить одного из них за икры, с ней произошло нечто весьма странное.

— О небо, я лечу! Прощайте, дорогой хозяин! — только и успела она пролаять.

И она в самом деле стремительно взлетела вверх. Веревоочная петля подняла перепуганную собаку до самой макушки дуба и крепко притянула к толстому суку.

Когда сыщик, отставший от нее всего только на несколько шагов, вышел из-за куста, собаки и след простыл.

— Держи-Хватай! — позвал он. — Держи-Хватай!

Никакого ответа.

— Наверно, подлая собака опять погналась за каким-нибудь зайцем. За десять лет я так и не мог отучить ее от старой привычки!

Не слыша в ответ ни звука, он снова позвал:

— Держи-Хватай!

— Я здесь, хозяин! Здесь! — жалобно ответил ему придуренный голос откуда-то сверху.

Сыщик поднял голову и сквозь листья дуба увидел свою собаку где-то между верхних ветвей дерева.

— Что ты там делаешь? — строго спросил он. — Нечего сказать, нашла время лазить по деревьям! Ты что думаешь, мы с тобой в игрушки играем? Слезай немедленно! Бандиты не ждут. Если мы потеряем их след, кто же освободит пленницу?

— Хозяин, не сердитесь! Сейчас я вам все объясню...— провизжала собака, тщетно пытаясь освободиться из западни.

— Нечего тут объяснять! — продолжал возмущенный мистер Моркоу.— Я и без твоего вранья прекрасно понимаю, что тебе не хочется преследовать бандитов и ты предпочитаешь гоняться за белками на ветвях деревьев. Только тебе это даром не пройдет! Я, самый знаменитый в Европе и в Америке сыщик, не могу держать у себя на службе бездельницу, которая не пропустит ни одного дерева, не поддавшись искушению взобраться на него. Что и говорить, подходящее местечко для моего помощника!.. Прощай! Ты уволена.

— Хозяин, хозяин, дайте же мне хоть слово сказать!

— Говори что хочешь, но я не намерен тебя слушать. У меня есть дела поважнее. Я обязан выполнить свой долг, и ничто не остановит меня на этом пути. А ты гоняйся за белками, сколько твоей душе угодно. Желаю тебе найти более веселую должность и менее строгого хозяина. А себе я подыщу помощника посерьезнее. Еще вчера я приглядел в парке славного пса по имени Мастино. Он как раз по мне: честный, скромный и достойный пес. Ему то небось никогда не придет в голову охотиться за гусеницами на дубах... Итак, прощай, легкомысленная и неверная собака! Больше мы не увидимся.

Слыша такие оскорбления и упреки, бедная собака залилась горькими слезами.

— Хозяин, хозяин, будьте осторожнее в пути, не то с вами случится то же, что и со мной!

— Брось эти глупые шутки, старая пустолайка! Я еще никогда в жизни не лазил ни на какие деревья. И, уж конечно, не собираюсь следовать твоему примеру, забывая свои прямые обязанности...

Но в тот самый миг, когда мистер Моркоу произносил эту негодующую речь, он почувствовал, как что-то схватило его поперек туловища с такой силой, что у него прервалось дыхание.

Он услышал, как щелкнула пружина, и почувствовал, что летит вверх, раздвигая листву того самого дуба, на верхушке которого находилась его собака. Когда этот короткий полет был окончен, сыщик увидел перед собой ее хвост. Так же как собака, мистер Моркоу был крепко притянут к стволу прочной веревкой.

— Я же говорила, говорила вам! — жалобно повторяла собака, виляя обрубком хвоста.— А вы не захотели меня выслушать...

Мистер Моркоу делал необыкновенные усилия, чтобы сохранить свое достоинство в столь неудобной позе.

— Ты мне ничего, ровно ничего не сказала! — процедил он сквозь зубы.— Твой долг был предупредить меня о ловушке, вместо того чтобы тратить время на пустую болтовню!

Собака прикусила язык, чтобы не ответить на несправедливый упрек. Она отлично понимала душевное состояние своего хозяина и не желала вступать с ним в спор.

— Итак, мы в западне,— сказал задумчиво мистер Моркоу.— Теперь мы должны сообразить, как нам из нее выбраться.

— Это вам будет не так-то легко! — слышался тонкий голосок откуда-то снизу.

«Какой знакомый голос! — подумал мистер Моркоу.— Ах да, это она — пленница, которая звала меня на помощь!»

Он посмотрел вниз, ожидая увидеть страшных бандитов с ножами в зубах и среди них пленную принцессу, но вместо этого увидел компанию ребят, которые катались по земле от смеха.

Это были Редиска, Картошечка, Фасолинка и Томатик. Они хохотали, обнимались и плясали под ветвями дуба, напевая песенку, которую тут же придумали:

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду!
Радость и веселье!
Две собаки на дубу
Рядышком висели...

— Синьоры,— сказал, нахмутив брови, знаменитый сыщик,— будьте добры объяснить, кто вы такие и чему вы радуетесь.

— Мы не синьоры,— ответила Фасолинка,— мы бандиты!

— А я — бедная пленница!

— Сейчас же помогите мне спуститься на землю, иначе я буду вынужден принять самые суровые меры. Слышите?

— Факт, факт! О-очень суровые меры,— пролаяла собака, яростно размахивая обрубком хвоста.

— Я думаю, вам вряд ли удастся принять суровые меры, пока вы будете оставаться в этом положении,— сказала Редиска.

— А уж мы постараемся, чтобы вы провисели как можно дольше,— добавил Томатик.

Мистер Моркоу замолчал, не зная, что ответить. Он понял, что дело принимает серьезный оборот.

— Положение ясное, но довольно безвыходное,— прошептал он своей собаке на ухо.

— Факт, факт! О-очень ясное, но совершенно безвыходное! — печально подтвердила собака.

— Мы в плену у банды ребят,— продолжал сыщик.— Какой позор для меня! К тому же, по-видимому, эти ребята сговорились с беглецами поймать нас в ловушку, чтобы мы потеряли их следы.

— Факт, факт! Сговорились! — подтвердила собака.— Я только удивляюсь, как ловко они построили эту западню!

Верная помощница сыщика удивилась бы, конечно, еще

больше, если бы знала, что западню устроил Вишенка собственными руками. Он прочел много книг с приключениями и знал всяческие охотничьи уловки.

Вот он и придумал, как поймать в ловушку сыщика, не прибегая на этот раз к помощи Чиполлино.

Как видите, затея ему великолепно удалась. Из-за куста украдкой поглядывал он теперь на двух попавших в западню хищников и был очень доволен своей выдумкой.

«Вот мы и вывели из строя на время двух опасных врагов», — подумал он и пошел домой, радостно потирая руки.

А Редиска и остальные ребята отправились в пещеру, чтобы рассказать обо всем Чиполлино. Но в пещере они никого не нашли — она была пуста, пепел костра остыл. Очевидно, огонь не разводили уже по крайней мере два дня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Чиполлино заводит дружбу с очень
симпатичным Медведем*

Вернемся, как говорится в книгах, немного назад — точнее, на два дня назад. Иначе нам не удастся узнать, что же случилось в пещере.

Кум Тыква и кум Черника никак не могли примириться с утратой домика. Они так привязались к этим ста восемнадцати кирпичам, что им казалось, будто они потеряли сто восемнадцать сыновей. Несчастье сблизило их, и они стали закадычными друзьями. В конце концов кум Тыква пообещал куму Чернике:

— Если только нам удастся освободить наш домик, мы будем жить в нем вместе!

Кум Черника даже прослезился при этих словах. Как видите, кум Тыква уж не говорил «мой» домик, а называл его «нашим» домиком. Так же стал его называть и кум Черника, хотя из-за этого домика он потерял свою драгоценную половинку ножниц, ржавую бритву, полученную в наследство от прадеда, и другие сокровища.

Один раз друзья чуть не поссорились, заспорив о том, кто же из них двоих больше любит домик. Кум Тыква считал, что кум Черника не может любить его так, как он.

— Я работал всю жизнь, чтобы его построить. Я собирал по кирпичику!

— Да, но вы в нем так мало жили, а я прожил почти целую неделю!

Однако такие споры быстро кончались. Наступал вечер, а

вечером было гораздо важнее защищать пещеру от нападения волков, чем ссориться.

В этом лесу жили волки, медведи и другие дикие звери. Поэтому каждую ночь нужно было разводить около пещеры большой костер, чтобы держать зверей в отдалении. Конечно, существовала опасность, что огонь заметят и в замке. Но что же делать! Нельзя же отдавать себя на съедение волкам.

Волки подбирались очень близко к пещере и бросали жадные взгляды на круглую и толстенькую куму Тыквочку. Должно быть, она казалась им особенно вкусной.

— Нечего на меня так смотреть! — кричала волкам кума Тыквочка. — Вы от меня никогда и полпальца не получите!

Волки были так голодны, что начинали жалобно выть.

— Кума Тыквочка, — говорили они, далеко обходя костер, чтобы не обжечься, — ну дайте нам хоть пальчик! Что вам стоит? У вас ведь их десять на руках и десять на ногах, а всего, значит, целых двадцать пальцев!

— Для диких зверей вы неплохо знаете арифметику, — отвечала кума Тыквочка, — но и это вам не поможет!

Волки немного ворчали, а потом убирались прочь. Чтобы утешиться, они растерзали всех зайцев в окрестностях.

Позже явился Медведь и тоже стал заглядываться на куму Тыквочку.

— Вы мне очень нравитесь, синьора Тыквочка! — сказал он.

— Вы мне тоже, синьор Медведь, но мне бы еще больше понравился ваш окорок.

— Что такое вы говорите, синьора Тыквочка! А вот я с удовольствием съел бы вас целиком.

Чиполлино кинул в непрошенного гостя сырую картофелину:

— Попробуйте удовольствоваться вот этим!

— Я всегда ненавижу всё ваше семейство, Чиполлино, — ответил Медведь, разозлившись. — От вас только слезы льются. Не понимаю, как это некоторые могут любить лук!

— Послушайте-ка, синьор Медведь, — предложил Чиполлино, — напрасно вы подстерегаете нас каждый вечер. Вы же прекрасно знаете, что это бесполезно: у нас в запасе так много спичек, а в лесу так много хвороста, что мы можем разводить каждую ночь костер и держать вас подальше от нашего жилища. Чем быть врагами, не попытаться ли нам стать друзьями?

— Видано ли когда-нибудь, — буркнул Медведь, — чтобы Медведь дружил с Чиполлино, с луковицей!

— А почему бы и нет? — возразил Чиполлино. — На этом свете вполне можно жить в мире. Для всех на земле есть место — и для медведей, и для луковиц.

— Места-то хватит для всех, это верно. Но зачем же тогда люди ловят нас и сажают в клетку? Должен вам сказать, что мои

отец и мать находятся в плену в зоологическом саду при дворце правителя.

— Значит, мы с вами товарищи по несчастью: мой отец тоже в плену у правителя.

Услышав, что отец Чиполлино находится в заключении, Медведь смягчился:

— И давно он там сидит?

— Уже много месяцев. Он приговорен к пожизненному заключению, но ему не выйти оттуда и после смерти, потому что при тюрьмах правителя имеются кладбища.

— Вот и моим родителям суждено просидеть в клетке всю жизнь. И пожалуй, они тоже не выйдут из заключения после смерти, потому что будут похоронены в саду правителя...— Медведь глубоко вздохнул.— Что ж, если хотите,— предложил он,— будем и в самом деле друзьями. Собственно говоря, у нас нет никаких причин враждовать друг с другом. Мой прадед, знаменитый бурый Медведь, рассказывал, что он слышал от стариков, будто когда-то, в незапамятные времена, в лесу все жили в мире. Люди и медведи были друзьями, и никто не делал зла другому.

— Эти времена могут вернуться,— сказал Чиполлино.— Когда-нибудь мы все станем друзьями. Люди и медведи будут вежливо обращаться друг с другом и при встречах снимать шляпы.

Медведь, казалось, был в затруднении.

— Так, значит,— сказал он,— мне придется купить шляпу — у меня ведь ее нет.

Чиполлино засмеялся:

— Ну, это ведь только так говорится! Вы можете здороваться на свой лад — кланяться или приветливо махать лапой.

Медведь поклонился и помахал лапой.

Мастер Виноградинка так удивился этому, что схватил шило и почесал затылок.

— Никогда в жизни не видал я такого учтивого медведя! — произнес он растерянно.

Синьор Горошек по своей адвокатской привычке отнесся ко всему этому крайне недоверчиво.

— Я не очень-то полагаюсь на медвежью дружбу,— предостерег он.— Медведь умеет и притворяться. Это очень лукавое животное.

Но Чиполлино не согласился с адвокатом. Он сделал в костре проход и дал Медведю возможность добраться до пещеры, не опалив шкуры. Медведь еще раз помахал лапой, а Чиполлино представил его всей компании, как своего доброго знакомого.

Профессор Груша, который как раз к этому времени закончил починку своего инструмента, устроил в честь Медведя скрипичный концерт.

Медведь любезно согласился потанцевать ради своих новых друзей, и таким образом обитатели пещеры и лесной гость провели очень приятный вечер.

Когда Медведь наконец распростился с хозяевами, чтобы отправиться спать, Чиполлино вызвался проводить его немного.

Видите ли, Чиполлино не любил говорить о своих горестях, но на душе у него было тяжело. В этот вечер он снова вспомнил старика отца, томящегося в тюрьме, и ему захотелось поделиться своим горем с Медведем.

— Что-то поделывают сейчас наши родители! — сказал Чиполлино своему мохнатому спутнику, когда они вышли из пещеры.

— О моих родителях я кое-что слышал, — ответил Медведь. — Я никогда не был в городе, но мой приятель Зяблик часто приносит мне весточку об отце и матери. Он говорит, что они никогда глаз не смыкают: и днем и ночью мечтают о свободе. А я и не знаю толком, что такое свобода. Я бы предпочел, чтобы они думали обо мне. Ведь я, в конце концов, их сын!

— Быть свободным — это значит не быть рабом своего хозяина, — ответил Чиполлино.

— Но правитель — не такой уж плохой хозяин. Зяблик рассказывал мне, что отца и мать в клетке сытно кормят и они даже иногда развлекаются, глядя, как люди ходят мимо их решетки. Правитель любезно посадил их в такое место, где по праздникам гуляет много народу. И все-таки они очень хотят вернуться в лес. Только Зяблик говорит, что это невозможно, потому что клетка железная и решетка очень крепкая.

Чиполлино вздохнул в свою очередь:

— Да, выбраться из неволи не так-то легко! Когда я навещал моего отца в тюрьме, я очень внимательно осмотрел и ощупал стены. Сломать их или проделать в них дыру невозможно. Но, несмотря на это, я все же обещал отцу освободить его и когда-нибудь сдержу свое слово.

— Ты, видно, храбрый паренек, — сказал Медведь. — Я бы тоже хотел освободить своих родителей, но я не знаю дороги в город и боюсь заблудиться.

— Послушай-ка, — внезапно сказал Чиполлино, — у нас с тобой вся ночь впереди. Посади-ка меня к себе на плечо — и мы еще до полуночи будем в городе.

— Что ты собираешься делать? — спросил Медведь дрожащим голосом.

— Пойдем навестим твоих родителей. Их легче увидеть, чем моего отца.

Медведь не заставил себя просить дважды: он слегка наклонился, Чиполлино живо вскарабкался к нему на спину, и они помчались в город. Чиполлино показывал дорогу.

— Направо! — командовал он Медведю. — Налево! Прямо! Опять налево!.. Ну вот мы и у ворот города. Зоологический сад вон в той стороне. Пойдем побыстрее, чтобы нас не заметили случайные прохожие. И постарайся не рычать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*Тюлень, у которого был слишком
длинный язык*

В зоологическом саду царила глубокая тишина.

Сторож спал в слоновнике, подложив под голову, как подушку, хобот Слона. Он спал очень крепко и не проснулся, когда Чиполлино с Медведем тихонько постучались в дверь слоновника.

Слон осторожно переложил голову сторожа на солому, вытянул хобот и, не сходя с места, открыл дверь, пробормотав:

— Войдите.

Наши двое друзей вошли, озираясь.

— Добрый вечер, синьор Слон! — сказал Чиполлино. — Извините, пожалуйста, что мы потревожили вас в такой поздний час.

— О, ничего, ничего! — отвечал Слон. — Я еще не спал. Я пытался отгадать, что может сниться моему сторожу. По снам можно узнать, хорош человек или дурен.

Слон был старым индийским философом, и ему всегда приходили в голову очень странные мысли.

— Мы просим вашей помощи, — продолжал Чиполлино, — потому что знаем, как вы мудры. Не можете ли вы посоветовать нам, каким образом освободить из плена родителей вот этого Медведя, моего друга?

— Что ж, — задумчиво пробормотал старый Слон, — пожалуй, я и мог бы дать вам совет, но только к чему это? В лесу не лучше, чем в клетке, а в клетке не хуже, чем в лесу... Не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что каждый должен оставаться на своем месте... Впрочем, если вы уж очень этого хотите, — добавил он неожиданно, — я могу вам сказать, что ключ от клетки с медведями находится в кармане у этого спящего человека, моего сторожа. Я попытаюсь вытащить ключ, не разбудив его. Сон у него крепкий. Надеюсь, он ничего не почувствует.

По правде сказать, Чиполлино и Медведь сильно сомневались в успехе этой сложной операции, однако Слон так ловко и осторожно действовал своим послушным и гибким орудием — хоботом, что сторож и в самом деле ровно ничего не почувствовал.

— Вот вам ключи,— сказал Слон, вытаскивая кончик хобота с ключами из кармана сторожа.— Только не забудьте, пожалуйста, принести мне их потом обратно.

— Будьте спокойны,— сказал Чиполлино,— и примите нашу искреннюю благодарность. А вы не хотели бы бежать вместе с нами?

— Если бы у меня когда-нибудь было намерение бежать, то я, разумеется, не стал бы ждать вашего прибытия и вашей помощи. Желаю успеха!

И, вновь положив голову сторожа на хобот, Слон стал нежно покачивать ее, чтобы покрепче усыпить своего тюремщика и не дать ему проснуться раньше времени.

Чиполлино и Медведь выскользнули из слоновника и направились к той клетке, где жили медведи. Они старались ступать как можно тише, но не прошли и нескольких шагов, как их кто-то окликнул:

— Эй, эй, синьор!

— Ш-ш-ш...— испуганно прошептал Чиполлино.— Кто это меня зовет?

— Ш-ш-ш...— повторил хриплый голос.— Кто это меня зовет?

— Да не поднимай шума, сторож проснется!

Голос подхватил:

— Не поднимай сторожа, шум проснется!.. Ах я дуррак, дуррак! — добавил он тут же.— Я все перепутал!

— Да это же Попугай! — прошептал Чиполлино Медведю.— Он повторяет все, что слышит. Но так как он ничего не понимает из того, что слышит, то часто говорит все наизусть. Впрочем, он добрый малый и никому не желает зла.

Медведь вежливо поклонился Попугаю и спросил его:

— Не скажете ли, синьор Попугай, где здесь клетка с медведями?

Попугай повторил:

— Не скажете ли, синьор Медведь, где здесь клетка с попугаями? Ах я дуррак, дуррак, я опять сбился!

Видя, что от Попугая толку не добьешься, друзья тихонько пошли дальше. Из-за решетки их окликнула Обезьяна:

— Послушайте, синьоры, послушайте!..

— У нас нет времени,— ответил Медведь.— Мы очень спешим.

— Уделите мне только одну минутку: вот уже два дня, как я пытаюсь разгрызть орех, и мне это никак не удается. Помогите мне, пожалуйста!

— Подождите немного. На обратном пути мы вам поможем,— сказал Чиполлино.

— Эх, это вы только так говорите! — сказала Обезьяна, по-

качав головой.— Да ведь, впрочем, и я только так, для разговора. На что мне этот орех, да и все орехи в мире! Я бы хотела снова быть в моем родном лесу, прыгать с ветки на ветку и швырять кокосовые орехи прямо в голову какому-нибудь путешественнику. Для чего ж тогда и растут кокосовые орехи, если в лесу нет обезьян, которые бы могли запустить орехом в чью-нибудь голову? Нет, я спрашиваю вас, для чего же нужны путешественники, если некому стукать их кокосовыми орехами по голове? Я уже и не помню, когда это я в последний раз попала орехом в бритую красную голову приезжего незнакомца... Так приятно было целиться в эту голую макушку! Я помню, как...

Но Чиполлино и Медведь были уже далеко и не слышали больше ее болтовни.

— Обезьяны,— сказал Чиполлино Медведю,— очень легкомысленные и вздорные особы. Они начинают говорить об одном, потом о другом, и никогда нельзя сказать, чем кончится их болтовня. Однако я от души жалею эту бедняжку. Почему ей не спится? Думаешь, потому, что не может разгрызть орех? Нет, она не спит потому, что тоскует о своем далеком юге, о горячем солнце, о кокосовых пальмах и бананах.

Лев тоже не спал. Он посмотрел на проходящих уголком глаза, но даже не повернул головы, чтобы узнать, куда они идут.

Это был благородный и гордый зверь, и его ничуть не интересовало, кто проходит мимо его решетки и по каким делам.

Наконец Чиполлино и Медведь добрались до медвежьей клетки.

Бедные старики сразу узнали своего мохнатого сына. Они протянули к нему лапы и стали целовать его сквозь решетку.

Пока они целовались, Чиполлино открыл дверцу клетки и сказал:

— Да перестаньте же вы плакать! Клетка ваша открыта, и, если вы этим не воспользуетесь, пока не проснется сторож, не мечтайте больше о свободе!

Когда в конце концов оба пленника вышли из клетки, они бросились обнимать своего косолапого сына, от которого их больше не отделяли железные прутья решетки. Крупные слезы текли по их мохнатым щекам.

Чиполлино был растроган до глубины души.

«Бедный мой отец! — думал он. — Я тоже буду без конца целовать тебя в тот день, когда мне удастся распахнуть двери твоей тюрьмы!»

— Пора, пора уходить! — сказал он медведям негромко, но внятно. — Нам нельзя медлить.

Но старики захотели сначала попрощаться с семьей белых

медведей, живших около пруда, потом пожелали заглянуть к жирафу, который, однако, в это время крепко спал.

Спали и другие животные, но весть об уходе медведей вскоре облетела все уголки зоологического сада и разбудила его обитателей. Медведей здесь очень любили. Впрочем, и у них нашлись враги. Так, например, их терпеть не мог Тюлень, который считал их ближайшими родичами белых медведей.

Узнав, что медведи убежали из клетки, Тюлень начал так громко реветь, что разбудил сторожа, все еще спавшего сладким сном.

— Что случилось? — спросил он у Слона, зевая.

— Право, не знаю... — задумчиво ответил старый мудрец. — Да и что может случиться? В мире больше не случается ничего нового, значит, ничего нового не произошло и сегодня ночью. Это только в кино каждые десять минут происходят какие-нибудь приключения.

— Может быть, ты и прав, — согласился сторож, — но все-таки надо поглядеть.

Едва он вышел из слоновника, как наткнулся на беглецов.

— Караул! — закричал он. — На помощь!

Проснулись все его помощники и в несколько минут оцепили зоологический сад. Бегство стало невозможным.

Чиполлино и трое медведей бросились в пруд и притаились, высунув из воды только головы. К несчастью, они попали в тот самый пруд, где жил Тюлень.

— Хе-хе-хе! — злорадно засмеялся кто-то за их спиной.

Это и был Тюлень собственной персоной.

— Надеюсь, синьоры позволят мне посмеяться немного, — сказал он. — У меня сегодня очень хорошее настроение.

— Синьор Тюлень, — попросил его Чиполлино, дрожа от холода, — я понимаю ваше веселье. Но неужели вы находите возможным смеяться над нами в ту минуту, когда нас разыскивают?

— Вот это-то меня и радует! Я сейчас позову сторожа и попрошу его выудить вас из пруда. Ведь вы же не водоплавающие!

И Тюлень в самом деле направился к другому берегу звать сторожа и его помощников. Медведей мгновенно выудили, и не двух, а целых трех. Это очень удивило сторожа. Но еще больше он удивился, обнаружив среди медведей какое-то существо неизвестной породы, которое, однако, заговорило человеческим языком:

— Синьор сторож, как видите, это явное недоразумение. Я не медведь!

— Я и сам это вижу. Но что же ты делал в пруду?

— Я купался.

— Тогда я прежде всего тебя оштрафую, потому что в общественных местах купаться строжайше воспрещено.

— У меня нет при себе денег, но если вы будете так любезны...

— Я вовсе не любезен, и, пока не получу с тебя штрафа, ты посидишь у меня в клетке с обезьянами. Ты там проведешь ночь, а утром мы посмотрим, что с тобой делать.

Обезьяна радушно встретила гостя и, не дав ему опомниться, принялась болтать так же бессвязно и путано, как и раньше.

— Я рассказывала вам,— говорила она, раскачиваясь на хвосте,— о путешественнике с красной и бритой головой. Если я говорю, что у него голова была красная и бритая, значит, так оно и было. Я никогда не вру, то есть вру только в случае крайней необходимости. Однако я люблю приврать. Да-да... У вранья какой-то особый приятный вкус... Иной раз...

— Послушайте,— попросил ее Чиполлино,— не могли бы вы отложить свои признания до завтрашнего утра? Мне очень хочется спать.

— Может быть, спеть вам колыбельную? — предложила Обезьяна.— Баюшки-баю...

— Нет, спасибо. Я и так засну.

— Прикрыть вас одеялом?

— Но ведь здесь нет одеял!

— Конечно, нет,— пробурчала Обезьяна.— Я это предложила из вежливости, но если вы хотите, чтобы я была невежливой, то пожалуйста!

Сказав это, обиженная Обезьяна повернулась к нему спиной и замолчала.

Чиполлино, конечно, воспользовался наступившей тишиной, чтобы немедленно заснуть. Напрасно Обезьяна ожидала, что Чиполлино попросит ее обернуться. Не дождавшись его просьбы, она решила сменить гнев на милость и снова заговорить с ним. Однако, повернувшись к мальчику, она увидела, что он крепко спит.

Еще больше разобидевшись, Обезьяна ушла в уголок, свернулась в клубочек и принялась наблюдать за спящим.

Чиполлино пробыл в обезьяньей клетке целых два дня. Дети, которых приводили в зоологический сад их мамы и няньки, смотрели на него с восхищением: они никогда еще не видели обезьяны, одетой так же, как и они сами.

Только на третий день бедному Чиполлино, которого вконец извела соседка-обезьяна, удалось послать записочку Вишенке. Тот приехал в город с первым же поездом, заплатил за Чиполлино штраф и освободил его из плена.

Пересчитав деньги, сторож сердечно попрощался со своим пленником и даже попросил его почаще заглядывать в зоологический сад.

— Ладно, ладно! — ответил Чиполлино, торопясь на поезд.

По дороге он прежде всего справился у Вишенки о своих друзьях, оставшихся в пещере, и очень встревожился, узнав, что они бесследно исчезли.

— Не понимаю,— сказал он, пожимая плечами.— В этом убежище они были в полной безопасности. Что же заставило их покинуть пещеру?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Путешествие в веселом поезде

Выйдя из зоологического сада, Чиполлино с Вишенкой сели в поезд.

Об этом поезде я вам еще ничего не рассказывал. Это был удивительный поезд: он состоял только из одного вагона, и все места в нем были у окон, так что отовсюду были очень хорошо видны поля, леса, горы, станции и встречные поезда. Вы понимаете, как это важно для ребят, едущих в поезде! Сиди себе у окна и смотри, сколько твоей душе угодно.

В поезде были устроены особые приспособления для толстых пассажиров: углубления с полками, на которые толстяки клали свои животы. Так им было очень удобно ехать, и они никому не мешали.

Когда Чиполлино с Вишенкой садились в поезд, они вдруг слышали голос тряпичника Фасоли:

— Смелее, смелее, синьор барон! Еще одно усилие — и мы с вами будем в вагоне!

Оказалось, что в поезд садился барон Апельсин. Понятно, из-за толстого живота посадка была для него очень трудным делом. Бедный тряпичник никак не мог втолкнуть барона в вагон. К нему на помощь явились двое носильщиков, но и втроем им не удалось протиснуть пассажира в дверь вагона. В конце концов прибежал начальник станции и тоже уперся обеими руками в спину барона. К несчастью, начальник станции совсем позабыл, что во рту у него свисток, и нечаянно свистнул.

Машинист решил, что это сигнал к отправлению, и повернул рычаг. Поезд тронулся.

— Стой, стой! — закричал начальник не своим голосом.

— Помогите! — завопил барон Апельсин, багровея от страха.

Однако ему повезло: когда поезд тронулся, произошел такой сильный толчок, что барон втиснулся наконец в вагон. Толстяк вздохнул с облегчением, положил свой живот на полку в углублении вагона и сейчас же развернул свёрток, в котором был целый жареный барашек.

Благодаря всей этой кутерьме Вишенка и Чиполлино проскользнули в вагон незамеченными.

Во время путешествия барон был слишком занят едой, чтобы обратить внимание на мальчиков. Правда, Фасоль сразу же заметил их, но Вишенка приложил палец к губам, призывая его к молчанию, и тряпичник знаками показал, что он все понял и не раскроет рта.

Но расстанемся пока с нашими двумя друзьями, которые удобно устроились в вагоне под самым носом у барона Апельсина, опьяненного ароматом жареного барашка, и посмотрим, что делается в других местах.

В те самые минуты, когда поезд проходил мимо знакомого нам леса, какой-то дровосек пришел на помощь сыщику и его собаке и снял их с дуба, на котором они провисели почти два дня.

Сыщик и его собака размяли ноги и помчались продолжать свои поиски.

Проводив их удивленным взглядом, дровосек принялся было рубить дуб, как вдруг перед ним появился целый взвод Лимончиков с офицером Лимоном во главе.

— Смирно! — скомандовал офицер. — Руки по швам!

Дровосек уронил топор и вытянул руки по швам.

— Не видел ли ты здесь собаку и ее хозяина?

Дело в том, что в замке были очень обеспокоены таинственным исчезновением мистера Моркоу и его собаки и решили послать целый взвод полицейских на розыски. Дровосек, как и все бедняки, не очень-то доверял полиции. Человек и собака, которых он нашел привязанными к дубу, вели себя очень странно: едва он их освободил, они легли на землю, прислушались к отдаленным звукам и бросились бежать как сумасшедшие. Дровосеку они и в самом деле показались сумасшедшими. Ни за что в мире не хотел бы он выдать их полицейским, которые, очевидно, собирались арестовать тех, кого искали.

— Человек и собака только что были здесь и пошли вон туда, — сказал он, показывая в противоположную сторону.

— Вот и прекрасно! — воскликнул офицер Лимон. — Значит, мы сейчас их догоним... Смирно!

Дровосек снова вытянул руки по швам, а потом вытер со лба пот и стал рубить свой дуб, глядя вслед Лимону и Лимончикам, которые с каждым шагом удалялись от тех, кого искали.

Не прошло и четверти часа, как дровосек опять услышал быстрые шаги, и перед ним появились запыхавшиеся и усталые мастер Виноградинка, кум Тыква, кум Черника, адвокат Горошек, скрипач Груша и кума Тыквочка. Они перевели дух и спросили, не видал ли дровосек паренька по имени Чиполлино.

— Я не знаю вашего Чиполлино, — сказал дровосек растерянно, — но здесь не было никакого паренька.

— Если Чиполлино забредет сюда, передайте ему, пожалуйста, что мы его уже два дня ищем, — сказал мастер Виноградинка, который, по-видимому, был начальником экспедиции.

Вся эта компания умчалась так же поспешно, как и предыдущая.

Прошло около часа, и подрубленное дерево уже готово было повалиться на землю, когда из чащи вышли Чиполлино и Вишенка. Вишенка решил не возвращаться домой, пока он не поможет Чиполлино найти пропавших друзей. Узнав, что одного из мальчиков зовут Чиполлино, дровосек в точности передал ему слова мастера Виноградинки. Тут только оба мальчика поняли, что беглецы покинули пещеру для того, чтобы искать пропавшего Чиполлино.

Так разъяснилась тайна их исчезновения.

Мальчики простились с дровосеком, и он опять остался один. Но до наступления вечера его ожидало еще очень много встреч и приключений.

Сначала к нему явились Редиска и другие ребята, которые тоже искали Чиполлино, потом притащился не кто иной, как синьор Помидор в сопровождении синьора Петрушки. Они разыскивали Вишенку и были совершенно уверены, что его похитили беглецы, скрывающиеся в лесу.

Наконец, перед самым заходом солнца, дровосек услышал целый оркестр колокольчиков. Сначала он подумал, что это возвращаются полицейские, которые допрашивали его утром. Однако на этот раз в лес пожаловал сам принц Лимон собственной персоной.

Озабоченный тем, что его верная стража так долго не возвращается, он сам пустился в путь ей навстречу. В одной карете с ним ехали графини Вишни. Польщенные тем, что им довелось сопровождать принца, они весело болтали, будто ехали не по делу, а на охоту.

Дровосек попытался было спрятаться за деревьями: он знал, что бедняки не должны показываться на глаза принцу, потому что это вредно для желудка и печени его высочества. Но один из придворных, старый, сморщенный Лимон, сидевший в карете справа от его высочества, заметил дровосека и окликнул его:

— Эй ты, оборванец!

— Что угодно вашей милости? — пролепетал дровосек.

— Не видел ли ты тут взвода полицейских?

Дровосек, как вы знаете, повидал за этот день не только взвод полицейских, но и много самого разнообразного народа. Однако, когда разговариваешь с принцем Лимоном, всегда лучше сказать, что ничего и никого не видел.

Так дровосек и ответил: знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю. Если бы он сказал: «Да, я их видел», ему бы, конечно,

задали много других вопросов и, может быть, в конце концов ни за что ни про что засадили бы в тюрьму. А на нет, как говорится, и суда нет.

Принц и его свита направились в ту же сторону, что и взвод полицейских.

Вечер наступил быстро. Ради краткости и занимательности нашей истории скажем, что сразу настала темнота. В темноте приключения всегда интереснее — особенно в тех случаях, когда речь идет о побегах, поисках, погоне.

А ведь в ту минуту, когда на лес спускается ночная тьма, все действующие лица нашей повести заняты именно поисками и погоней. Сыщик и его собака ищут беглецов; полицейские ищут сыщика; принц ищет полицейских; мастер Виноградинка и его друзья отправились на поиски Чиполлино; Чиполлино и Вишенка разыскивают мастера Виноградинку; Редиска ищет Чиполлино; кавалер Помидор и синьор Петрушка ищут Вишенку.

А под землей — вы, наверно, об этом и не подумали — старый Крот ищет всех сразу. Накануне он наведлся в пещеру, в которой жили пленники, и нашел там записку: «Чиполлино исчез. Идем его разыскивать. Если что-нибудь узнаете, сообщите нам».

Как только Крот прочел эти слова, он начал усердно рыть ходы во все стороны. Работая, он слышал, как по лесу над его головой все время ходили люди поодиночке или целыми отрядами. Но все они пробегали так быстро, что, вылезая на поверхность, Крот уже никого не находил. Одних только волков не слышно было в этот вечер. Волки думали, что на них идет облава, и спрятались в самой глубине леса.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Герцог Мандарин и желтая бутылка

После того как графини с принцем уехали в карете, барон Апельсин и герцог Мандарин остались полными хозяевами замка. Кроме этих двух весьма почтенных особ, в комнатах не было ни души. Прислуга, конечно, в счет не шла.

Герцог первый обнаружил, что все обитатели замка их покинули. По своему обыкновению, он взобрался на подоконник и стал угрожать, что бросится вниз и разобьется вдребезги, если... Но никому было слушать его угрозы.

«Странно! — раздумывал герцог, приставив палец ко лбу. — Обе кухни должны были бы уж давно услышать мои крики и примчаться ко мне на помощь. Почему же никто не отзывается? Может быть, я недостаточно громко кричу?»

Герцог взвизгнул еще несколько раз, а затем осторожно спустился с подоконника и пошел к барону.

— Дорогой кузен...— сказал он, входя.

— М-м-м...— промычал барон, выплевывая крылышко цыпленка, которое стало ему поперек горла.

— Знаете новость?

— Привезли кур в курятник? — спросил барон Апельсин, который только в этот день убедился, что истребил всех пернатых в замке и в деревне, и теперь доедал последнего тощего цыпленка.

— Да что там куры! — ответил герцог. — Мы остались одни, одни! Нас бросили... Замок покинут...

Барон встревожился:

— Так кто же приготовит нам ужин?

— Вы только и беспокоитесь, что об ужине! А что, если бы нам с вами воспользоваться отсутствием наших дорогих хозяек и осмотреть погреб замка? Я слышал, что там много вин самых дорогих сортов.

— Не может быть! — воскликнул барон. — За столом нам подают только дрянное вино, от которого у меня надолго остается изжога и отрыжка.

— Вот именно, — сказал герцог. — Нам-то они дают плохое вино, а у себя в погребе прячут хорошее. Его будут подавать на стол, когда вы уедете отсюда.

По правде сказать, герцогу не так уж важно было вино — ему хотелось на свободе обследовать подвалы, потому что он слышал, будто в одной из стен графини замуровали сокровища, доставшиеся им в наследство от старого графа Вишни.

— Если дела обстоят так, как вы говорите, — решил разгневанный барон, — то нам следует спуститься в погреб и удостовериться собственными глазами. Наши кузины совершают тяжкий грех, если они в самом деле прячут от нас хорошие вина. Нужно откупорить их винные бочки и спасти их души! По-моему, это наш долг.

— Однако же, — продолжал герцог, наклоняясь к уху барона, — лучше было бы отпустить на сегодня этого вашего... как его зовут? Фасоль, что ли? Пойдем в погреб без него. Я сам повезу вашу тачку.

Барон сейчас же согласился, и Фасоль получил отпуск на весь вечер.

Но почему же, спросите вы, герцог не пошел в погреб один, если уж он хотел найти спрятанные там сокровища? Да потому, что, если бы их застали врасплох, он мог бы свалить всю вину на барона Апельсина. У него уже был заранее заготовлен ответ: «Мне пришлось сопровождать барона помимо моей воли. Он искал бутылку вина, чтобы утолить жажду».

Все это герцог хорошо обдумал, но спуститься в погреб оказалось нелегким делом и для него и для барона. Барон тяжело переводил дух, а герцог обливался потом, толкая тачку, на которой лежал живот барона. Тачка оказалась тяжелехонькой — хорошо еще, что везти ее пришлось не вверх, а вниз и ступенек было не так уж много. О возвращении из погреба герцог пока не думал. «Как-нибудь выберусь», — говорил он себе.

Под тяжестью живота барона тачка покатила вниз по ступенькам с такой скоростью, что, если бы окованная медью дверь погреба была закрыта, герцог и барон неминуемо расшиблись бы в лепешку. Однако, к счастью для них, внутренняя дверь оказалась открытой. Увлекаемые тачкой, герцог и барон так и слетели со ступенек и, не останавливаясь, помчались дальше по широкому коридору между двух рядов огромных бочек, на которых стояли тысячи бутылок с запыленными ярлыками.

— Стойте, стойте! — кричал барон. — Посмотрите, сколько здесь этой божьей милости!

— Дальше, дальше! — отвечал герцог. — Там впереди вино еще лучше.

Барон, видя, как проносятся мимо него целые армии бочек, целые батальоны бочонков, бочоночков, бутылок и флажек, сокрушенно вздыхал.

— Прощайте, прощайте, бедняжки! — говорил он бутылкам, провожая их глазами. — Прощайте, не мне суждено откупорить вас!

В конце концов герцог почувствовал, что тачка катится все медленнее и можно наконец остановиться. Как раз в этом самом месте, в левом ряду бочек, он увидел узкий проход, а в глубине прохода — маленькую дверцу.

Барон, удобно усевшись на земле, протягивал руки то направо, то налево и, не тратя даром ни минуты, хватал по две, по три бутылки, вытаскивал пробки зубами, которые у него давно уже стали крепче железа от постоянного упражнения, и опрокидывал содержимое бутылок себе в рот. Он прерывал это занятие только для того, чтобы испустить вздох удовлетворения. Герцог долго глядел на него, а потом махнул рукой и углубился в проход.

— Куда это вы идете, любезный кузен? Почему бы и вам не воспользоваться этим божьим даром?

— Я ищу бутылку очень редкой марки. Кажется, я вижу ее там, в глубине.

— Небо вознаградит вас за такую заботливость! — пробурчал барон в перерыве между глотками. — Вы напоили жаждущего и поэтому сами никогда не умрете от жажды.

Но герцог не слышал его слов — он был очень озабочен.

У дверцы не оказалось ни задвижки, ни замка, ни скважины для ключа.

— Странно... — пробормотал сквозь зубы герцог. — Может быть, здесь есть какая-нибудь секретная пружина?

Он начал ощупывать дверцу сантиметр за сантиметром, ища секретный замок. Но сколько он ни щупал ее, сколько ни нажимал на малейшие выступы, дверца оставалась запертой.

Тем временем барон, покончив с бутылками, стоявшими поблизости от него, в свою очередь пробрался в проход между бочками и очутился рядом с герцогом, который то царапал дверцу ногтями, то стучал по ней кулаком, все более раздражаясь.

— Что вы делаете, дражайший кузен?

— Да вот хочу открыть эту дверцу. Мне кажется, что за ней находятся самые ценные вина. Вы останетесь довольны, если стведаете их.

— Стоит ли беспокоиться! — ответил захмелевший барон. — Лучше протяните-ка мне вон ту бутылку с желтой этикеткой. Это, наверно, китайское вино, а я его никогда не пробовал.

Герцог стал озиаться по сторонам в поисках бутылки, на которую ему указывал барон. Наконец он ее увидел.

Это была бутылка обычных размеров, в точности такая же, как и другие. Она отличалась от них только цветом своей наклейки. У всех остальных бутылок были красные ярлыки, а у этой — желтый. Герцог, проклиная в душе ненасытность барона, рассеянно протянул руку, чтобы взять бутылку.

Странно! Бутылка словно приросла к полке. Герцог никак не мог сдвинуть ее с места.

— Она как будто свинцом налита, — заметил он с удивлением и дернул за горлышко изо всех сил.

Но едва он оторвал бутылку от полки, как таинственная дверца стала медленно и бесшумно поворачиваться на петлях. Барон с изумлением смотрел на нее.

— Мой кузен! Дорогой кузен! — кричал он. — Это не бутылка — это ключ! Смотрите: вы открыли дверцу!

«Так вот в чем был секрет этого замка, а я и не догадался», — укорял себя герцог.

Но не успел он подумать это, как дверца распахнулась настежь и на пороге появился мальчик, который вежливо поклонился герцогу и барону и воскликнул тоненьким, серебристым голосом:

— Добрый день, синьоры! Я очень благодарен вам за то, что вы оказали мне эту любезность. Я уже три часа тщетно пытаюсь открыть дверь. Как это вы догадались, что я приду именно отсюда?

— Вишенка! — в один голос закричали герцог и барон.

— Мой дорогой Вишенка... — прибавил барон, который от

хмеля сделался очень добродушным и ласковым.— Дорогой Вишенка, иди ко мне, я тебя поцелую!

Герцог не выказывал ни малейшего восторга.

«Что делает здесь этот маленький шалопай?» — думал он с досадой. Но, не желая показать, что он недоволен встречей, сказал громко:

— Дорогой Вишенка, для нас большая радость предупредить все твои желания!

Но Вишенка вдруг нахмурился и заговорил холодно и резко:

— Так как я не сообщал вам, кузены, что вернусь в замок через этот потайной ход, а в замке, кроме вас, никого сейчас нет, то я думаю, что вы проникли сюда не с добрыми намерениями. Говоря попросту, вы затеяли какую-то мошенническую проделку. Но об этом мы будем судить позже... А сейчас разрешите мне представить вам моих друзей.

И, посторонившись, Вишенка пропустил вперед одного за другим всех своих приятелей: Чиполлино, Редиску, мастера Виноградинку, кума Тыкву, адвоката и всех прочих.

— Да это же настоящее вторжение! — воскликнул ошеломленный герцог.

Это и вправду было вторжение, и затеял его Вишенка.

Бродя по лесу, Чиполлино и Вишенка в конце концов встретились со своими друзьями и вскоре узнали, что все их противники, за исключением герцога и барона, покинули замок. Вишенке было известно, где находится потайной ход, ведущий из леса в погреб, и он предложил спутникам захватить вражескую крепость.

Как вы видели, захват удался блестяще. Герцога заперли в его комнате, а сторожить его поручили тряпичнику Фасоли.

Барона же оставили в погребе, потому что ни у кого не было охоты тащить эту тяжелую тушу вверх по лестнице.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*Мистер Моркоу назначен иностранным
военным советником*

Когда наступил вечер и замок погрузился во тьму, кое-кто из друзей начал проявлять беспокойство.

— Что мы будем делать дальше? — спрашивала кума Тыковочка.— Не можем же мы остаться здесь навсегда! Это ведь не наш дом. У нас — свои дома, свои заботы и своя работа.

— Да мы вовсе и не собираемся оставаться здесь, — ответил Чиполлино.— Мы вступим с врагами в переговоры и потребуем только свободы для всех нас. Когда мы будем совершенно уверены

в том, что никому из нас не причинят зла, мы немедленно уйдем из замка.

— Но как же мы будем защищаться? — вмешался синьор Горошек. — Ведь оборона замка — довольно сложная военная операция. Нужно знать стратегию, тактику и баллистику.

— Что такое баллистика? — спросила кума Тыквочка. — Не пугайте нас, пожалуйста, непонятными словами, синьор адвокат.

— Я только хочу напомнить, — пояснил Горошек, краснея, — что среди нас нет ни одного генерала. А как воевать, если во главе армии нет генерала?

— Там в лесу сейчас находится по крайней мере сорок генералов, — сказал Чиполлино, — а все-таки они не сумели поймать нас.

— Поживем — увидим, — буркнул Горошек и тяжело вздохнул.

Он не хотел больше спорить, но не верил, что можно выдержать долгую осаду без генерала, который знал бы стратегию, тактику и баллистику.

— У нас нет пушек, — робко вмешался кум Тыква.

— У нас нет пулеметов, — пробормотал Лук Порей.

— У нас нет ружей, — добавил мастер Виноградинка.

— У нас будет все, что нужно, — сказал Чиполлино. — Не беспокойтесь. А сейчас нам пора спать.

Все отправились на ночлег.

На широкую кровать барона Апельсина легло семеро, и на ней еще осталось место для восьмого. А кум Черника и кум Тыква ушли в свой домик, стоявший в парке.

Мастино, которого незадолго перед тем снова поселили в домике, принял их не очень-то дружелюбно. Но, к счастью, этот свирепый пес всегда уважал закон: посмотрев на предъявленные документы, он вынужден был признать, что домик ему не принадлежит, и согласился уйти в свою старую конуру.

Кум Тыква поудобнее уселся в домике и высунулся в окошечко, а кум Черника улегся у его ног.

— Какая чудная ночь, — говорил кум Черника, — какое ясное небо! Смотрите, что это там взлетает ввысь... Неужели ракеты?

Действительно, принц Лимон устроил в лесу фейерверк, чтобы развлечь графинь.

Фейерверк у него был особенный. Он связывал своих солдат-Лимончиков попарно и стрелял ими из пушки вместо ракет. Ему казалось это очень забавным зрелищем.

В конце концов синьор Помидор подошел к принцу и прошептал ему на ухо:

— Ваше высочество, простите меня, но этак вы истребите всю свою армию!

Только тогда принц велел прекратить развлечение, но при этом сказал со вздохом:

— Ах, какая жалость!

— Ага,— сказал кум Тыква, выглядывая из окна,— фейерверк кончился.

Принц принялся считать уцелевших солдат, чтобы выяснить, можно ли продолжать погоню за беглецами. Оказалось, что для этой цели солдат еще достаточно. Тем не менее погоню решено было отложить до утра.

А пока принц приказал раскинуть в лесу роскошную палатку для графинь. Их уложили на очень мягкую постель, но от волнения и любопытства они еще долго не могли уснуть.

Около полуночи кавалер Помидор пошел погулять по лесу, чтобы успокоить нервы. (Ах да, я ведь не сказал вам, что от досады и злости у него после фейерверка начались судороги.)

«Какая глупость,— думал кавалер,— извести на ракеты столько здоровых солдат!»

Он поднялся на высокий холм, надеясь за приметить где-нибудь костер, который беглецы разожгут на привале.

Но вместо этого, к своему удивлению, он увидел, что окна замка ярко освещены.

«Должно быть, барон и герцог развлекаются без нас в замке,— подумал он раздраженно.— Ладно же! Когда мы поймаем беглецов и покончим с Чиполлино, непременно нужно будет развязаться и с этими двумя дармоедами».

Он продолжал смотреть на замок, и злость его возрастала с каждой минутой.

«Бездельники,— думал он гневно.— Бандиты с большой дороги! Они разорят этих старых дур-графинь, а мне останутся только пустые бутылки да груды телячьих и цыплячьих костей!»

Постепенно во всех окнах замка свет погас, и только одно окно продолжало светиться.

— Скажите пожалуйста, герцог Мандарин не может спать без света! — шипел синьор Помидор сквозь зубы.— Ему, изволите ли видеть, страшно оставаться в темноте. Но что же это он делает? Совсем из ума выжил! Он забавляется тем, что тушит и зажигает свет. В конце концов он испортит выключатель, устроит короткое замыкание, и замок сгорит. Брось! Брось сейчас же! Слышишь, что я тебе говорю!

Синьор Помидор и сам не заметил, что кричит во весь голос. На мгновение он умолк и призадумался.

«А что, если это какие-нибудь тайные сигналы? — вдруг подумал он, обнаружив, что эта дурацкая забава настойчиво повторяется.— Сигналы? Но какие? С какой целью? К кому они обращены? Я бы дал золотой, чтобы узнать, что они означают. Три коротких вспышки... три длинных... снова три коротких.

Темнота. А вот всё начинается снова: три коротких вспышки... три длинных... опять три коротких. Герцог, наверно, слушает радио и аккомпанирует музыке, выключая и зажигая свет. Держу пари, что это именно так. Вот чем развлекается бездельник!»

Синьор Помидор вернулся в лагерь и, встретив одного из придворных, который казался ему человеком сведущим, спросил у него, не знает ли он сигнальной азбуки.

— Разумеется,— ответил Лимон.— Я доктор и профессор сигнализации и даже окончил специальный факультет.

— Ну, так не скажете ли вы мне, что значит вот такой сигнал? — И синьор Помидор сообщил профессору, какие сигналы подавал из окошка замка герцог.

— С... О... С... Да это же сигнал бедствия! Мольба о помощи!

«О помощи? — с тревогой подумал синьор Помидор.— Так, значит, это не игра! Герцог пытается известить нас о чём-то при помощи сигналов. Значит, он в опасности, если передает такой сигнал».

И, не раздумывая долго, кавалер поспешно направился к замку.

Войдя в парк, он посвистел, чтобы подзвать к себе Мастино. Синьор Помидор ждал, что пес выскочит из уютного домика, но с удивлением увидел, что Мастино, прижав уши, выполз из своей старой конуры.

— Что случилось? — спросил кавалер Помидор.

— Я уважаю закон,— с неудовольствием ответил пес.— Законные владельцы предъявили мне бесспорные документы, и мне пришлось уступить им домик.

— Какие такие законные владельцы?

— Некий Тыква и некий Черника.

— А где они сейчас?

— Спят в своем домике. По крайней мере, я так предполагаю, хоть и не могу понять, как это можно спать в таком неудобном положении. Но, очевидно, в замке для них не хватило места.

— А кто же ночует в замке?

— О, много пришлого народу! Публика самого низкого разбора, как, например, сапожники, музыканты, редиски, луковицы и всякий прочий сброд.

— Значит, там и Чиполлино?

— Да, мне кажется, что одного из них именно так зовут. Насколько я мог понять, герцога очень оскорбило присутствие такой компании в замке: он заперся в своих комнатах и не показывался целый вечер.

«Значит, он в плену,— решил Помидор.— Час от часу не легче!»

— Что же касается барона Апельсина,— продолжал пёс,— то он тоже заперся, но не у себя в комнате, а почему-то в погребе.

Вот уже несколько часов я только и слышу, как хлопают в погребе пробки.

— У, проклятый пьяница! — проворчал про себя синьор Помидор.

— Но я не могу понять, — сказал Мастино, — как это наш Вишенка, забыв о своем графском титуле, общается с людьми столь низкого происхождения!

Синьор Помидор сейчас же помчался в лес, разбудил принца и обеих графинь и рассказал им ужасные новости. Графини хотели было сейчас же вернуться в замок, но принц посоветовал им не торопиться.

— После наших вечерних развлечений, — сказал он, — у нас нет достаточного количества солдат для ночного штурма. Подождем рассвета. Это благоразумнее.

Он позвал синьора Петрушку, который был силен в арифметике, и велел ему снова подсчитать силы, оставшиеся в распоряжении его высочества.

Синьор Петрушка вооружился куском мела, а также грифельной доской и обошел все палатки, отмечая крестиком каждого солдата и двойным крестиком каждого генерала. Оказалось, что у принца остается еще восемнадцать Лимончиков-солдат и сорок Лимонов-генералов — всего пятьдесят восемь человек, если не считать синьора Помидора, синьора Петрушки, самого принца Лимона, двух графинь, сыщика, его собаки и нескольких лошадей.

Кавалер Помидор не видел толку в лошадях, но синьор Петрушка стал горячо доказывать, что при штурмах крепостей кавалерия бывает очень полезна, а иной раз даже необходима.

Завязался долгий стратегический спор, и в конце концов принц Лимон, согласившись с доводами синьора Петрушки, поручил ему командование кавалерийским отрядом.

План сражения был разработан при участии мистера Моркоу, которого по этому случаю спешно возвели в ранг иностранного военного советника.

Военный советник сразу же приступил к исполнению своих обязанностей.

Первым делом он посоветовал всем генералам и солдатам вымазать себе лица углем или сажей, чтобы напугать осаждённых. Принцу эта затея очень понравилась. Он приказал откупорить несколько бутылок вина и, выстроив своих генералов в ряд, принялся собственноручно раскрашивать им лица жженой пробкой.

Генералы, удостоившиеся этой высокой чести, были очень польщены.

К восходу солнца у всех генералов и солдат почернели лица. Но принц этим не удовольствовался. У него осталось еще много

неизрасходованной жженой пробки, и он потребовал, чтобы обе графини и синьор Помидор тоже вымазали себе лица сажей.

Графини не осмелились возражать принцу и подчинились его приказу со слезами на глазах.

Наступление началось ровно в семь часов утра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*о том, как барон погубил двадцать
генералов, сам того не желая*

Первая часть стратегического плана состояла в следующем: собака сыщика, пользуясь естественной дружбой, связывавшей ее с графским псом Мастино, должна была уговорить его открыть ворота парка. Отсюда в парк должен был проникнуть кавалерийский эскадрон под командой синьора Петрушки. Однако эта часть плана рухнула, потому что ворота парка не были закрыты. Напротив, они оказались распахнутыми настежь. У ворот стоял на-вытяжку Мастино и отдавал честь хвостом.

Собака сыщика в испуге вернулась обратно и сообщила об этом странном обстоятельстве.

— Здесь-то и зарыта собака,— сказал мистер Моркоу, употребляя выражение, весьма распространенное у иностранных военных советников.

— Факт, факт! Именно здесь она зарыта! — поддержала хозяина собака.

— Что за собака и где она зарыта? — спросил принц.

— Ваше высочество, тут дело не в собаке. Если мятежники оставили ворота открытыми, значит, тут приготовлена для нас ловушка.

— Тогда давайте войдем в парк через заднюю калитку,— предложил принц.

— Но и задняя калитка тоже открыта!

Генералы Лимонной армии серьезно призадумались — вернее, они не знали, что и думать. Самому же принцу эта война стала уже надоедать.

— Она что-то слишком долго длится,— пожаловался он кавалеру Помидору.— Такая затяжная и трудная война! Если бы я предвидел это заранее, я бы ее и не начинал.

Чтобы ускорить дело, принц решил принять личное участие в операциях. Он выстроил своих сорок генералов и скомандовал:

— Смир-р-но!

Сорок генералов так и застыли на месте.

— Вперед, мар-р-ш! Раз-два, раз-два...

Героический отряд вошел в ворота парка и зашагал к замку, который, как вы знаете, находился на вершине небольшого холма. Подъем показался принцу утомительным. Он стал задыхаться, вспотел и решил вернуться обратно, передав командование Лимону первого класса.

— Продолжайте наступать, — сказал он, — а я иду разрабатывать план общего штурма. Благодаря моему личному вмешательству первая линия обороны уже взята. Вам же я поручаю захватить замок.

Лимон первого класса отдал принцу честь и принял командование. Пройдя пять метров, он объявил пятиминутный привал. Отсюда до замка оставалось всего лишь около ста шагов, и командующий уже готовился отдать приказ о последнем натиске, как вдруг послышался страшный грохот, и с вершины холма навстречу генералам устремился какой-то снаряд поистине невиданных размеров. Все сорок генералов, не ожидая команды Лимона первого класса, разом повернулись спиной и ринулись вниз со всей поспешностью, на какую были способны. Однако они не могли сравниться в скорости с таинственным снарядом, который через несколько секунд обрушился на них, раздавил десятка два генералов, словно спелые сливы, а затем покатился дальше, за ворота. По пути он разметал кавалерию синьора Петрушки, готовившуюся к атаке, и опрокинул карету графинь Вишен. Когда же он остановился, все увидели, что это не магнитная мина и не бочка с динамитом, а попросту несчастный барон Апельсин.

— Дорогой кузен, это вы? — закричала графиня Старшая, вылезая из лежащей на боку кареты.

Графиня была вся в пыли, ее растрепанные волосы развевались по ветру, а лицо было густо вымазано сажей.

— Я не имею чести знать вас, синьора. Я никогда не бывал в Африке, — пробормотал барон.

— Да ведь это я, я, графиня Старшая!

— О небо, как же это вам пришло в голову так измазаться?

— Это было сделано по стратегическим соображениям, барон... Но скажите лучше, как это вы обрушились на нас?

— Я прибыл к вам на помощь. Правда, немного странным способом, но у меня не было другого выхода. Я всю ночь выбирался из винного погреба, где меня заперли эти разбойники. Можете себе представить, мне пришлось прогрызть дверь погреба зубами!

— О да, вы способны прогрызть днища полудюжины бочек! — проворчал синьор Помидор, все еще дрожа от страха.

— Выбравшись из погреба, я просто покатился с горы и, кажется, по дороге раздавил целый отряд негров, который, вне всякого сомнения, шел на помощь этим разбойникам, захватившим ваш замок.

Когда графиня Старшая объяснила кузену, что это были вовсе не негры, а сорок лимонных генералов, бедный барон очень огорчился, но в глубине души все-таки был горд своим весом и силой.

Принц Лимон в эту минуту принимал ванну у себя в палатке. Узнав о гибели своих передовых частей, он сначала подумал, что враг предпринял вылазку и неожиданной атакой рассеял его отряд. Когда же его высочеству доложили, что виновником несчастья был его союзник, полный самых благих намерений, принц пришел в ярость.

— У меня нет никаких союзников — я веду свои войны сам за себя и сам по себе! — сказал он с негодованием. И, собрав оставшиеся войска — генералов, солдат и вспомогательный состав, общим счетом тридцать человек, — он произнес речь, которую заключил словами: — Спаси меня, боже, от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сам избавлюсь!

Принц Лимон был, в сущности, прав. Дружья у принцев всегда бывают опаснее врагов, и принцам остается только находить утешение в старых, избитых и довольно нескладных пословицах.

Ровно через четверть часа принц Лимон пришел в себя и приказал начать новую атаку. Десять человек бегом помчались вверх на холм, испуская дикие крики, чтобы напугать хотя бы детей и женщин, находившихся среди осажденных. Атакующих встретили очень любезно. Я бы сказал, даже слишком любезно. Чиполлино приспособил пожарные насосы к самым пузатым бочкам винного погреба. Когда Лимончики подошли на расстояние выстрела, Чиполлино приказал:

— Вином — по врагу, пли!

(Он должен был бы скомандовать «Огонь!», но ведь в его распоряжении были только насосы — орудия для тушения огня, а не для разжигания его.)

Осаждающих окатили мощными потоками ароматной, опьяняющей красной жидкости. Вино заливало им глаза, попадало в рот, в нос и в уши. Лимончики неминуемо захлебнулись бы или опьянели бы до бесчувствия, если бы вовремя не отступили. Кто бегом, кто ползком, пустились они в обратный путь, преследуемые струями из насосов.

Когда они добрались до подножия холма, то, к великому возмущению обеих графинь, среди них не оказалось ни одного трезвого Лимончика.

Можете себе вообразить, как разгневался принц Лимон:

— Позор! Вас нужно всех отколотить палками! Разве можно пить красное вино натошак? Так порядочные люди не поступают. Видите, вот еще десять человек вышло из строя!

И в самом деле, десять воинов из армии принца один за другим улеглись у ног его высочества и разом, как по команде, захрапели.

Положение становилось с каждой минутой все тревожнее и опаснее.

Синьор Помидор рвал на себе волосы и умолял мистера Моркоу:

— Да посоветуйте же что-нибудь! Ведь вы же иностранный военный советник, черт вас побери!

А в замке, как вы сами понимаете, царило в это время ликование. Добрая половина врагов была выведена из строя. Скоро, скоро белый флаг взвьется там, внизу, между двумя красными столбами ворот!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чиполлино знакомится с пауком-почтальоном

Нет, я не буду обманывать вас: не взвился белый флаг между столбами ворот. Вместо этого на поле боя прибыла целая дивизия Лимончиков, спешно присланная из столицы, и нашим друзьям осталось или сдаться, или бежать.

Чиполлино попытался бежать через погреб, но подземный ход, который вел в лес, был захвачен войсками принца. Кто же открыл Лимончикам потайной ход, о существовании которого они и не подозревали?

Этого я тоже от вас не скрою: предателем оказался синьор Горошек.

Когда дела у Чиполлино и его компании приняли дурной оборот, адвокат сразу же перешел на сторону врагов, боясь, как бы его не повесили во второй раз.

Синьор Помидор так обрадовался, захватив Чиполлино, что отпустил всех остальных пленников по домам. Только Вишенку в наказание заперли на чердаке. А Чиполлино отправили в тюрьму в сопровождении целой роты Лимончиков и засадили в подземную камеру.

Два раза в день тюремщик Лимонишка приносил ему похлёбку из хлеба и воды в щербатой миске. Чиполлино съедал похлёбку не глядя — во-первых, потому, что был очень голоден, а во-вторых, потому, что в его камере никогда не было света.

Все остальное время Чиполлино лежал на койке и думал: «Только бы увидеться с отцом! Или хоть, по крайней мере, дать ему знать, что я тоже тут, в одной с ним тюрьме».

Днем и ночью патруль Лимончиков ходил мимо двери камеры, громко стуча каблуками.

— Подбейте, по крайней мере, каблуки резиной! — кричал Чиполлино, которому эти шаги не давали спать.

Но тюремщики не обращивались на его крик.

Через неделю за ним пришли.

— Куда вы меня ведете? — спросил Чиполлино.

Он решил, что его тащат на виселицу. Но его всего-навсего вывели во двор на прогулку. Направляясь к дверям по длинному тюремному коридору, Чиполлино сердился на свои ноги, которые отвыкли ходить, на глаза, которые отвыкли от света и слезились.

Двор был круглый. Заключенные, одетые в одинаковую арестантскую одежду, с чёрными и белыми полосами, гуськом ходили один за другим по кругу.

Говорить было строжайше запрещено. В центре круга стоял Лимонишка и выбивал дробь на барабане:

— Раз-два, раз-два...

Чиполлино вступил в круг. Впереди него шагал старый арестант со сгорбленной спиной и седыми волосами. Время от времени он глухо кашлял, и его плечи судорожно вздрагивали.

«Бедный старик, — подумал Чиполлино. — Если бы он не был так стар, он был бы похож на моего отца!»

Пройдя еще немного, старик так закашлялся, что принужден был выйти из строя и прислониться к стене, чтобы не упасть. Чиполлино бросился к нему на помощь и тут только увидел его лицо, изборожденное глубокими морщинами. Заключенный посмотрел на мальчика потухшими глазами и вдруг схватил его за плечи:

— Чиполлино, мой мальчик!

— Отец! Как же ты постарел!..

Отец и сын, плача, обнялись.

— Не плачь, милый, — бормотал старик. — Будь молодцом, Чиполлино!

— Я не плачу, отец. Мне только больно видеть тебя таким слабым и больным. А я-то обещал освободить тебя!

— Не горюй, придут и для нас счастливые дни.

В эту минуту Лимонишка, отбивавший дробь, сильно стукнул по своему барабану:

— Эй вы, двое! Разве не видите, что вы мне сбили весь строй? Марш вперед!

Старый Чиполлоне поспешно оторвался от сына и занял свое место в цепочке арестантов, шагавших по двору. Они еще два раза обошли двор, а затем в том же порядке двинулись обратно в коридор, ведущий в камеры.

— Я пришлю тебе весточку, — прошептал на прощание старый Чиполлоне.

— Но каким образом?

— Увидишь. Бодрись, Чиполлино!

— Будь здоров, отец!

Старик скрылся в своей камере. Камера Чиполлино была двумя этажами ниже, в подzemелье. Теперь, когда Чиполлино по-

видался наконец с отцом, камера уже не казалась ему такой темной. В конце концов, немножко света все же проникало сюда через окошечко, выходившее в коридор. Однако света было так мало, что можно было видеть только слегка поблескивавшие штыки Лимончиков, шагавших взад и вперед по коридору.

На следующий день, когда Чиполлино, чтобы убить время, считал, сколько раз промелькнут за окошечком штыки часовых, он вдруг услышал, как его зовет какой-то странный, едва уловимый голосок, идущий неизвестно откуда.

— Кто меня зовет? — спросил он удивленно.

— Посмотри-ка на стенку.

— Смотрю во все глаза, но и стены-то не вижу.

— А я вот здесь, у окошечка.

— А, теперь вижу! Ты паук. Да что ты тут делаешь? Ведь здесь и мух-то нет.

— Я паук Хромоног. Моя паутина в камере верхнего этажа. Когда я хочу есть, то заглядываю в свои сети и всегда нахожу там что-нибудь съедобное.

Какой-то Лимонишка грубо стукнул в дверь:

— Эй, замолчи! С кем ты там разговариваешь?

— Я читаю молитвы, которым меня научила моя мать, — ответил Чиполлино.

— Молись потише, — приказал тюремщик. — Ты нас с ноги сбиваешь!

Лимончики были такие тупицы, что при малейшем шуме не могли идти в ногу.

Паук Хромоног спустился пониже и прошептал своим тонким, как паутинка, голоском:

— Я принес тебе письмецо от отца.

И действительно, он опустил опутанную паутиной записочку. Чиполлино схватил ее и сейчас же прочел. В записочке говорилось:

«Дорогой Чиполлино, я знаю все твои приключения. Не огорчайся, что дела твои идут хуже, чем ты ожидал. На твоём месте я вел бы себя так же, как ты. Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил. Тот, кто принесет тебе это письмо, — наш тюремный почтальон. Доверься ему во всем и пошли мне через него весточку. Горячо обнимаю тебя. Твой отец Чиполлоне».

— Прочел до конца? — спросил Хромоног.

— Да, прочел.

— Ладно. Теперь положи письмецо в рот, разжуй и проглоти. Стража не должна его видеть.

— Сделано, — сказал Чиполлино, разжевывая записку.

— А пока, — сказал Хромоног, — до свидания.

— Куда ты идешь?

— Почту разносить.

Тут только Чиполлино разглядел, что у паука висит на шее сплетенная из паутинок сумка — вроде той, какую носят почтальоны. Сумка была полна записочек.

— Ты разносишь эти письма по камерам?

— Уже пять лет, как я этим занимаюсь: каждое утро обхожу камеры и собираю письма, а потом их разношу. Охрана еще ни разу меня не поймала и не нашла ни одной записочки. Таким образом заключенные могут поддерживать связь друг с другом, не боясь, что их письма перехватят.

— А откуда они берут бумагу?

— Они пишут вовсе не на бумаге, а на обрывках рубашек.

— Теперь я понимаю, почему у этой записочки был такой странный вкус,— сказал Чиполлино.

— А чернила,— продолжал паук,— делаются из арестантской похлебки с примесью толченого кирпича.

— А кирпич откуда?

— Да ведь стены-то в тюрьме кирпичные!

— Понятно,— сказал Чиполлино.— Заходи, пожалуйста, завтра в мою камеру. Я тебе дам письмецо.

— Обязательно зайду,— обещал почтальон и отправился своим путем, чуть-чуть прихрамывая.

— Ты что, ушиб ногу? — спросил Чиполлино.

— Да нет, это ревматизм. Понимаешь ли, мне вредно жить в сырости. Я уже старик, мне бы нужно переселиться в деревню. Там у меня есть брат, который живет на кукурузном поле. Каждое утро он раскидывает меж стеблей свою паутину и целый день наслаждается солнцем и чистым воздухом. Он много раз приглашал меня к себе, но ведь я не могу бросить свою работу. Когда берешься за что-нибудь, так уж надо выполнять дело до конца. А кроме того, у меня свои счета с принцем Лимоном. Его придворный лакей убил моего отца: прихлопнул бедного старика на кухне. Там на стенке до сих пор еще осталось чуть заметное пятнышко. Иногда я захожу поглядеть на этот след и говорю себе: «Когда-нибудь и принца Лимона прихлопнут, да так, что даже и следа не останется». Правильно я говорю?

— Никогда я еще не видел такого благородного паука! — с восхищением сказал Чиполлино.

— Каждый делает что может,— скромно ответил маленький почтальон.

Прихрамывая, он добрался до окошка и пролез в коридор под самым носом у какого-то Лимонишки, который в эту минуту заглянул в глазок, чтобы удостовериться, все ли в порядке.

Выбравшись из камеры, Хромоног спустился по паутинке и отправился дальше по своим делам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чиполлино теряет всякую надежду

В тот же день Чиполлино оторвал клочок от своей рубашки и разделил его на несколько кусков.

«Вот и почтовая бумага,— подумал он с удовлетворением.— Теперь подождем, пока принесут чернила».

Когда Лимонишка принес ему похлебку на ужин, Чиполлино не стал ее есть. Ложкой он наскреб со стены немного кирпича, насыпал его в воду и хорошенько размешал, а затем черенком той же ложки написал несколько писем.

«Дорогой отец! — говорилось в первом письме.— Ты помнишь, что я тебе обещал? Так вот, эта минута приближается. Я все хорошо обдумал. Целую тебя. Твой сын Чиполлино».

В письме, адресованном Кроту, говорилось:

«Милый старый Крот, не думай, что я тебя забыл. В неволе мне делать нечего, и я все время думаю о старых друзьях. Я думал, думал и придумал, что ты, наверно, можешь помочь мне и моему отцу. Я знаю, что это нелегко. Но если тебе удастся собрать сотню кротов, то общими усилиями вы преодолете все трудности. Жду твоего скорого ответа, то есть жду тебя в своей камере. Итак, до свидания. Твой старый друг Чиполлино».

Постскрипtum: «Здесь у тебя глаза не заболят. В моем подземелье темнее, чем в чернильнице».

Третье письмо гласило:

«Дорогой Вишенка! Я о тебе ничего не знаю, но уверен, что ты не приуныл после нашей неудачи. Даю тебе слово, что скоро мы рассчитаемся с кавалером Помидором сполна. Здесь я подумал о многом, о чем не было времени думать на воле. Жду твоей помощи. Посылаю тебе письмо для Крота. Положи его в условленном месте. Скоро напишу еще. Привет всем. Чиполлино».

Он запрятал письма под подушку, вылил оставшиеся чернила в ямку под кроватью, отдал пустую миску Лимонишке и лег спать.

На следующее утро тот же почтальон принес ему новое письмо от отца. Старый Чиполлоне писал, что он будет очень рад весточкам от сына, но советует ему расчетливо тратить свою рубашку. Чиполлино оторвал почти половину рубашки, разостлал ее на земле, окунул палец в чернила и начал писать.

— Что ты делаешь! — остановил его почтальон.— Если ты будешь тратить на каждое письмо такой большой лист, то через неделю тебе не на чем будет писать.

— Не беспокойся,— ответил Чиполлино,— через неделю меня уже здесь не будет!

— Сынок, боюсь, что ты заблуждаешься!

— Возможно. Но вместо того чтобы делать мне замечания, не можешь ли ты протянуть мне руку помощи?

— Все восемь моих ног в твоём распоряжении. Что ты задумал?

— Я хочу нарисовать план тюрьмы, точно отметить на нём все этажи, наружную стену, двор и прочее.

— Ну, это не трудно: я знаю в тюрьме каждый квадратный сантиметр.

С помощью паука Хромонога Чиполлино начертил план тюрьмы и крестиком отметил двор.

— Почему ты здесь поставил крестик? — спросил паук.

— Это я тебе объясню в другой раз, — ответил Чиполлино уклончиво. — А пока я дам тебе три письма: одно из них — к отцу, а вот эти два письма и план надо отнести моему другу.

— За тюремные ворота?

— Да. Молодому графу Вишенке.

— А далеко он живет?

— В графском замке, на холме.

— Ах, я знаю, где это! Мой двоюродный брат служит на чердаке в этом замке. Он много раз приглашал меня к себе, но у меня все не было свободного времени. А говорят, что там очень красиво. Что ж, я, пожалуй, отправлюсь туда, но кто же будет разносить за меня почту?

— На дорогу туда и обратно у тебя уйдёт только два дня, хоть ты и хромаешь на одну ногу. Я полагаю, что два дня можно обойтись и без писем.

— Я бы не стал отлучаться и на один день, — сказал усердный почтальон, — но если эти письма надо доставить срочно...

— Очень срочно! — перебил его Чиполлино. — Речь идет о чрезвычайно важном деле, от которого зависит освобождение заключенных.

— Всех заключенных?

— Да, всех, — сказал Чиполлино.

— В таком случае я отправлюсь в путь, как только разнесу сегодняшнюю почту.

— Мой дорогой друг, я не знаю, как и отблагодарить тебя!

— Я делаю это не ради благодарности, — ответил хромой почтальон. — Если тюрьма опустеет, я смогу наконец поселиться в деревне.

Он положил письма в сумку, надел ее на шею и, хромая, отправился к окошечку.

— До свидания, — прошептал Чиполлино, провожая взглядом почтальона, который на этот раз вскарабкался на потолок для большей безопасности. — Счастливого пути!

С того мгновения, как паук исчез за окошком, Чиполлино стал считать часы и минуты. Время тянулось очень медленно: час, два, три, четыре...

Когда миновали сутки, Чиполлино подумал: «Сейчас он уже где-то поблизости от замка. Только найдет ли он дорогу? Ну конечно, найдет. В окрестностях замка много пауков, и если они узнают, что он приходится двоюродным братом известному пауку с графского чердака, кто-нибудь его и проводит».

И Чиполлино представил себе, как старый, седой паучок, прихрамывая, карабкается на чердак, как он узнает у своего двоюродного брата, где комната Вишенки, а потом спускается вниз по стене к постели мальчика и, тихонько разбудив его, передает письма.

Чиполлино места себе не находил. С часу на час, с минуты на минуту ожидал он возвращения почтальона. Но прошел второй, третий день, а Хромоног все еще не показывался. Заключенные были очень встревожены отсутствием писем. Перед уходом почтальон никому из них не сообщил о своем тайном поручении, а сказал, что берет на два дня отпуск. Почему же он не возвращается? Уж не решил ли он навсегда покинуть тюрьму и отправиться в деревню, о чем так давно мечтал? Заключенные не знали, что и подумать. Но больше всех беспокоился Чиполлино.

На четвертый день арестантов вывели на прогулку. Чиполлино стал искать глазами отца, но его на дворе не было, и никто не мог сказать, что с ним. Обойдя несколько раз тюремный двор, Чиполлино вернулся в свою камеру и в отчаянии бросился на койку. Он почти утратил всякую надежду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Приключения паука Хромонога и паука

Семь с половиной

Что же случилось с пауком-почтальоном?

Сейчас я вам все расскажу.

Выйдя из тюрьмы, он пошел по улице, держась поближе к тротуару, чтобы его не раздавили телеги, коляски и кареты. Но тут он чуть было не угодил под колесо велосипеда и был бы раздавлен, если бы не успел отскочить в сторону.

«Батюшки мои! — подумал он испуганно. — Мое путешествие чуть не кончилось прежде, чем началось».

К счастью, он увидел неподалеку открытый люк и спустился в сточную трубу. Едва он туда залез, кто-то окликнул его по имени. Паук оглянулся и увидел своего дальнего родственника.

Родственник этот жил раньше на кухне графского замка. Звали его Семь с половиной, потому что у него было семь с половиной ног: половину восьмой ноги он потерял из-за несчастного случая — после неудачного столкновения с половой щеткой.

Хромоног вежливо поздоровался со старым знакомым, и Семь с половиной пошел с ним рядом, болтая о том о сем, а больше всего — о том, как он потерял половину восьмой ноги. Семь с половиной то и дело останавливался, чтобы рассказать поподробнее о своей роковой встрече со злополучной щеткой, но Хромоног тащил его дальше, не поддаваясь искушению поболтать по душам со своим спутником.

— Куда же ты так спешишь? — спросил наконец Семь с половиной.

— К двоюродному брату, — уклончиво ответил Хромоног. В тюрьме он научился хранить тайны и поэтому умолчал о том, что несет письма от Чиполлино к Вишенке и Кроту.

— К двоюродному брату? — переспросил Семь с половиной. — К тому, что живет в замке? Он меня давно зовет пожить недельку у него на чердаке. Так знаешь что, я пойду с тобой вместе — сейчас у меня нет никаких срочных дел.

Хромоног не знал, радоваться ли ему компании или нет. Но потом он решил, что вдвоем идти веселее, да к тому же этот неожиданный спутник может оказать ему помощь, если с ним случится какая-нибудь беда.

— Что ж, пойдем, — приветливо ответил он. — Но только не можешь ли ты идти немного быстрее? Дело в том, что у меня есть важное поручение, и я не хотел бы запаздывать.

— Ты все еще служишь почтальоном в тюрьме? — спросил Семь с половиной.

— Нет, я уволился, — ответил Хромоног.

Хотя Семь с половиной был его приятелем и даже родственником, но о некоторых вещах не следует говорить даже самым закадычным друзьям.

Мирно беседуя, они вышли за пределы города и позволили себе наконец вылезти из сточной трубы. Хромоног вздохнул с облегчением, потому что в трубе был такой спертый воздух, что у него кружилась голова.

Вскоре оба спутника оказались в поле. Был чудесный день, ветер слегка шевелил душистую траву. Семь с половиной так жадно разевал рот, будто хотел разом вдохнуть в себя весь воздух.

— Как тут прекрасно! — восклицал он. — Вот уже три года, как я носа не высовывал из моей душной сточной трубы. А теперь, кажется, я ни за что не вернусь обратно. Не поселиться ли мне здесь, в этой тихой и пустынной сельской местности?

— Кажется, местность эта довольно густо заселена, — возра-

зил Хромоног, указывая своему товарищу на длинную вереницу муравьев, которые тащили гусеницу в муравейник.

— Городским синьорам, по-видимому, не нравится наше деревенское общество,— ехидно заметил кузнечик, сидевший на пороге своей норки.

Семь с половиной захотел во что бы то ни стало остановиться и объяснил кузнечику, что именно думает он о деревенском обществе. Кузнечик ответил. Семь с половиной возразил. Кузнечик протрещал что-то. Семь с половиной не согласился с ним.

В общем, разговор затянулся, а время шло, не останавливаясь ни на минуту.

Вокруг спорящих собралось много всякого народа: кузнечики, жуки, божьи коровки и — на значительном расстоянии — даже несколько отважных мошек. Воробей, который до этого делал вид, будто регулирует уличное движение, обратил внимание на это сборище и подлетел, чтобы рассеять его. Тут он сразу же заметил Семь с половиной.

— Чиқ-чирик! Недурной кусочек для моих воробышков! — прочирикал он.

Хорошо еще, что какая-то мошка вовремя подняла тревогу: — Спасайтесь! Спасайтесь! Полиция!

В один миг все жуки, божьи коровки исчезли, словно их поглотила земля. Семь с половиной и Хромоног укрылись в норке кузнечика, который поспешно закрыл входную дверь и стал у порога на страже.

Семь с половиной весь дрожал от страха, а Хромоног начал уже раскаиваться в том, что взял с собой такого болтливого спутника, который затеял спор с первым встречным и привлек внимание полиции.

«Ну вот, меня уже взяли на заметку,— думал старый почтальон.— Воробей, конечно, записал меня в свою книжечку. А уж раз попадешь в эту книжечку — добра не жди!»

Он повернулся к Семи с половиной и сказал ему:

— Послушай, кум, видишь ли, путешествие наше становится очень опасным. Может быть, нам следует расстаться?

— Ты меня, право, удивляешь! — воскликнул Семь с половиной.— Сначала ты сам уговаривал меня идти с тобой, а теперь хочешь оставить меня в беде. Хороший же ты друг, нечего сказать!

— Да ведь это же ты предложил идти со мной вместе! Ну да ладно, дело не в этом. Я иду в замок с важным поручением и не намерен сидеть в этой норке целый день, хоть я и очень благодарен кузнечику за его гостеприимство.

— Хорошо, я пойду с тобой,— согласился Семь с половиной.— Я обещал твоему двоюродному брату навестить его и хочу сдержать слово.

— Так пойдем же! — сказал Хромоног.

— Подождите минутку, синьоры: я выгляну за дверь и узнаю, где полиция, — предложил осторожный кузнечик.

Оказалось, что Воробей был все еще на своем посту. Он летал низко над землей и внимательно осматривал траву.

Семь с половиной озабоченно вздохнул и сказал, что при таких обстоятельствах он не сделает ни шагу.

— Ну, если так, я пойду один! — решительно заявил Хромоног.

— Что ты, я ни за что не позволю тебе рисковать жизнью! — возмутился Семь с половиной. — Я знал твоего покойного отца и ради его памяти должен помешать тебе идти навстречу верной гибели!

Оставалось сидеть и ждать. А так как Воробей был неугомонным и не желал убираться на покой, то весь день прошел в томительном ожидании. Только на закате полиция наконец удалилась в свои казармы — на кипарисы у кладбища, — и наши путешественники решились снова пуститься в путь.

Хромоног был очень огорчен тем, что потерял целый день.

За ночь они могли бы наверстать потерянное время и уйти довольно далеко, но внезапно Семь с половиной объявил, что он очень устал и хочет отдохнуть.

— Это невозможно, — запротестовал Хромоног. — Совершенно невозможно! Я не могу больше останавливаться в пути.

— Значит, ты хочешь бросить меня на полдороге ночью? Так-то ты обходишься со старым другом твоего отца! Хотел бы я, чтобы этот бедный старик был жив и хорошенько пробрал тебя за бессердечное отношение к родственникам!

Хромоногу пришлось и на этот раз покориться. Путники отыскали удобное местечко за водосточной трубой какой-то церкви и устроились на отдых.

Нет нужды говорить, что Хромоног всю ночь не мог сомкнуть глаза и с яростью смотрел на своего товарища по путешествию, который блаженно похрапывал.

«Если бы не этот трус и болтун, я бы сейчас был уже на месте, а может быть, и на обратном пути!» — думал он.

Едва небо просветлело на востоке, он без лишних проволочек разбудил Семь с половиной.

— В путь! — приказал он.

Но ему еще пришлось подождать, пока Семь с половиной приведет себя в порядок. Старый бездельник аккуратно почистил все свои семь с половиной ног и только после этого заявил, что готов двинуться дальше.

Утро прошло без особых приключений.

Около полудня путники оказались на широкой, гладко утоптанной площадке, испещренной множеством непонятных следов.

— Странное место! — сказал Семь с половиной. — Можно подумать, что здесь прошла целая армия.

В конце площадки виднелась низкая постройка, из которой доносились какие-то громкие, тревожные голоса.

— Я не любопытен, — забормотал снова Семь с половиной, — но я бы отдал вторую половину своей восьмой лапки, чтобы узнать, где мы находимся и кто там живет!

Но Хромоног быстро шел вперед, не оглядываясь по сторонам. Он смертельно устал, потому что не спал всю ночь, и у него болела голова от жары. Ему казалось, что он никогда не доберется до замка, словно по мере их пути замок не приближался, а отдалялся. Кто знает, не сбились ли они с дороги: ведь сейчас уже должны были показаться вдали высокие башни замка... Да, конечно, они заблудились в пути. Ведь оба они стары и не носят очков (потому что никто еще никогда не видел паука в очках). Могло случиться, что они прошли мимо замка, не заметив его.

Хромоног был весь погружен в свои печальные размышления, когда маленькая зеленая гусеница стрелой промчалась мимо него с криком:

— Спасайся кто может! Куры!

— Мы пропали! — прошептал в ужасе Семь с половиной, который слышал не раз об этих огромных и прожорливых птицах.

Не помня себя, пустился он бежать, быстро перебирая своими семью длинными и тонкими ногами и припрыгивая на культяпке восьмой.

Его хромой спутник не был так проворен — во-первых, потому, что был слишком занят своими мыслями, а во-вторых, ему никогда еще не приходилось встречаться с курами и даже слышать о них. Но когда одна из этих незнакомых страшных птиц занесла над ним свой клюв, у него хватило присутствия духа швырнуть сумку с письмами товарищу и крикнуть ему на прощание:

— Отнеси...

Но у него уже не осталось времени сказать, кому предназначались эти письма. Курица проглотила его в один миг.

Бедный хромой почтальон! Ему уже не придется больше разносить почту из камеры в камеру и болтать с заключенными. Никто не увидит больше, как он, ковыляя, карабкается по сырým мрачным стенам тюрьмы...

Гибель товарища была спасением для Семи с половиной. Он успел ускользнуть за сетку, которой были огорожены курятник и площадка, и оказался в безопасности прежде, чем курица обернулась в его сторону. После этого он надолго потерял сознание.

Когда Семь с половиной пришел в себя, то никак не мог сообразить, где он находится. Солнце уже заходило — значит, он пролежал в обмороке несколько часов.

В двух шагах от себя он увидел страшный профиль курицы,

которая все это время не теряла его из виду и тщетно старалась просунуть клюв через дырочки частой проволочной сетки.

Этот ужасный клюв сразу напомнил ему о печальной кончине Хромонога. Семь с половиной вздохнул об участии погибшего друга и попытался сдвинуться с места. Тут только он обнаружил, что его искалеченная восьмая нога придавлена какой-то тяжестью. Это была почтовая сумка, которую Хромоног бросил ему перед смертью.

«Мой храбрый друг завещал мне отнести письма кому-то, — подумал Семь с половиной. — Но кому, куда?.. Не лучше ли бросить эту сумку с письмами в первую же канаву и вернуться в сточную трубу? Там нет ни воробьев, ни кур. Правда, в трубе очень душно, но зато вполне безопасно. Впрочем, пожалуй, я загляну в сумку, но только из любопытства».

Он начал читать письма и не мог удержаться от слез. Ему пришлось смахнуть не одну слезу, чтобы иметь возможность продолжать чтение.

— И он не сказал мне ни слова о своем поручении! А я-то ничего не знал и задерживал его своей болтовней в то время, как ему нужно было так спешить! Нет, нет, теперь мне все ясно: по моей вине погиб Хромоног, и я обязан выполнить его последнюю волю. Пусть мне суждено умереть, зато, по крайней мере, я сделаю что-нибудь, чтобы почтить память верного друга.

Семь с половиной пустился в путь, даже не дав себе времени поспать, и на заре благополучно прибыл в замок. Он легко нашел дорогу на чердак и был радостно встречен своим родственником пауком. После краткой беседы обо всем, что случилось, оба они передали письма Вишенке, который все еще сидел на чердаке, наказанный за участие в мятеже. Потом паук, проживавший в замке, предложил Семи с половиной провести у него все лето, и старый болтун охотно согласился: обратный путь казался ему слишком страшным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

*в которой рассказывается о Лимонишке,
не знавшем арифметики*

Однажды утром Лимонишка, который носил Чиполлино похлебку, поставил на землю миску, строго посмотрел на Чиполлино и пробурчал:

— Твоему старику плохо. Он очень болен.

Чиполлино хотел узнать об отце побольше, но Лимонишка, уклонившись от разговора, сказал только, что старый Чиполлоне так слаб, что не может выйти из камеры.

— Смотри никому не проболтайся о том, что я тебе сказал! — добавил Лимонишка. — Я могу потерять место, а мне ведь семью кормить надо.

Чиполлино обещал молчать. Да и без всякого обещания он не захотел бы подвести этого пожилого семейного человека, одетого в лимонную форму. Ясно было, что он служил тюремщиком только потому, что не мог найти лучшего ремесла, чтобы прокормить своих детей.

В этот день полагалась прогулка. Заключенные вышли во двор и начали ходить по кругу. Лимонишка отбивал такт на барабане:

— Раз-два, раз-два!

«Раз-два! — повторял про себя Чиполлино. — Мой почтальон пропал бесследно, словно в воду канул. Десять дней прошло с тех пор, как он ушел, и на возвращение нет никакой надежды. Он никому не передал моих писем, иначе Крот был бы уже здесь. Раз-два!.. Отец болен — значит, и думать сейчас о бегстве нечего. Как унести больного из тюрьмы? Как лечить его? Ведь кто знает, сколько времени придется нам скрываться в лесу или на болоте, без крыши над головой, без врачей и лекарств... Эх, Чиполлино, перестань и думать о свободе и приготовься прожить в тюрьме многие годы, а может быть, и всю жизнь... И остаться тут после смерти», — прибавил он мысленно, поглядев на тюремное кладбище, которое виднелось за окошечком в стене, окружавшей тюремный двор.

В этот день прогулка была еще более унылой, чем обычно. Заключенные в своих полосатых арестантских куртках и штанах брели по двору, сгорбившись. Никто даже не пытался на этот раз обменяться несколькими словами с товарищем, как это бывало обычно.

Все мечтали о свободе, но в этот день свобода казалась такой далекой! Дальше, чем солнце, прячущееся за тучами в дождливый день. А тут еще, будто нарочно, начал накрапывать мелкий, холодный дождь, и заключенные, зябко подергивая плечами, продолжали свою прогулку, которая, по тюремным правилам, полагалась в любую погоду.

Вдруг Чиполлино услышал — или, может быть, ему только показалось? — будто его кто-то зовет.

— Чиполлино, — повторил еще более внятно знакомый глухой голос, — задержись немного на следующем кругу.

«Крот, — подумал Чиполлино, и вся кровь бросилась ему в лицо от радости. — Он пришел! Он здесь!»

Но только как же быть с отцом, запертым в камере?

Чиполлино так спешил поскорее добраться до того места, откуда он слышал голос Крота, что наступил на пятки шедшему впереди арестанту. Тот обернулся и проворчал:

— Ты гляди, куда ноги ставишь!

— Не сердись,— прошептал Чиполлино.— Передай по кругу, что через четверть часа мы все выйдем из тюрьмы.

— Да ты с ума сошел! — изумился заключенный.

— Делай, что я тебе говорю. Передай, чтобы все были наготове. Мы убежим еще до конца прогулки.

Заключенный решил, что если он передаст это, то большой беды не случится.

Прежде чем люди успели обойти круг, их походка стала тверже и бодрее. Спины выпрямились. Даже Лимонишка, который бил в барабан, почувствовал это и решил похвалить арестантов.

— Вот и хорошо! — закричал он.— Так, так! Грудь вперед, живот убрать. Плечи назад... Раз-два, раз-два!..

Это уже было похоже не на прогулку заключенных, а на военную маршировку.

Когда Чиполлино дошел до того места, откуда его окликнул Крот, он замедлил шаг и прислушался.

— Подземный ход готов,— донеслись до него слова из-под земли.— Тебе нужно только прыгнуть на один шаг влево, и земля провалится у тебя под ногами. Мы оставили сверху только самый тонкий слой...

— Хорошо, но давай подождем до следующего круга,— тихо ответил Чиполлино.

Крот сказал еще что-то, но Чиполлино уже прошел мимо.

Он снова наступил на пятки переднему арестанту и шепнул:

— В следующий обход, когда я тебя толкну ногой, сделай шаг влево и подпрыгни. Только посильнее топни при этом!

Заключенный хотел спросить еще что-то, но в этот миг барабанщик посмотрел в их сторону.

Нужно было как-нибудь отвлечь его внимание. По всему кругу быстро пробежал приглушенный шепот, а потом один из заключенных громко вскрикнул:

— Ай!

— Что там случилось? — рявкнул Лимонишка, обернувшись к нему.

— Мне на мозоль наступили! — жалобно ответил арестант.

В то время как Лимонишка угрожающе смотрел в противоположную сторону, Чиполлино приблизился к месту, где был ход в подземную галерею, выкопанную кротами. Он толкнул ногой товарища, шедшего впереди. Тот отскочил влево, подпрыгнул и сейчас же исчез. В земле осталось отверстие, достаточно широкое, чтобы в него мог провалиться человек. Чиполлино пустил по кругу распоряжение:

— С каждым обходом будет исчезать тот, кого я толкну ногой.

Так и пошло. В каждый обход кто-нибудь прыгал влево, в дырку, и пропадал бесследно. Чтобы Лимонишка не заметил этого, кто-нибудь на противоположной стороне круга поднимал крик:

— Ай-ай!

— Что там такое? — спрашивал Лимонишка грозно.

— Мне отдавили мозоль! — слышался один и тот же ответ.

— Сегодня вы только и делаете, что наступаете друг другу на ноги. Будьте повнимательнее!

После пяти-шести кругов Лимонишка стал озабоченно посматривать на кольцо арестантов, ходивших вокруг него.

«Странно! — думал он. — Я могу поклясться, что людей стало меньше».

Но потом он решил, что это ему только показалось. Куда же они денутся! Ворота закрыты, стены высокие.

— И все-таки, — бормотал он, — мне сдается, что их стало меньше.

Желая убедиться, что он ошибся, Лимонишка начал считать арестантов, но так как они ходили по кругу, то он никак не мог запомнить, с кого же он начал, и некоторых сосчитал по два раза. Счет никак не сходился: получалось, что заключенных не убавилось, а прибавилось.

«Как это может быть? Не могут же они делиться на части. Какая глупая штука — арифметика!»

Вы, наверно, уже поняли, что Лимонишка не был силен в этой науке. Он снова начал счет, но число заключенных то уменьшалось, то увеличивалось. Наконец он решил бросить это дело, чтобы не запутаться окончательно. И тут, посмотрев на круг, он в ужасе протер глаза: возможно ли это? Арестантов стало чуть ли не вдвое меньше!

Он поднял глаза к небу, пытаясь разглядеть, не улетел ли кто-нибудь из них за облака, и как раз в это самое время еще один человек прыгнул в подземелье и мгновенно исчез.

Теперь их осталось всего двадцать восемь. Среди них был и Чиполлино, который не переставал думать о своем отце. Каждый раз, когда какой-нибудь арестант впереди него исчезал под землей, у мальчика сжималось сердце: «Ах, если бы это был мой отец!»

Но старый Чиполлоне был заперт в своей камере, — нечего было и думать о его освобождении.

В конце концов Чиполлино решил, что он поможет бежать всем заключенным, а сам останется в тюрьме с отцом. Не нужна была ему свобода, если ею не мог воспользоваться вместе с ним и старый Чиполлоне. Теперь оставалось всего пятнадцать заключенных... десять, девять, восемь, семь...

Ошеломленный Лимонишка машинально продолжал бить в барабан.

«Какой черт шутит со мной! — думал он тревожно. — С каждым обходом по одному человеку пропадает. Что же мне делать? До окончания прогулки осталось еще семь минут, — правило есть правило. А что, если до конца прогулки они все исчезнут?.. Сколько их там осталось? Один, два, три, четыре, пять, шесть... Да что я говорю: их уже только пятеро!»

Чиполлино был очень огорчен. Он попытался было окликнуть Крота, но не получил ответа. А ему так хотелось объяснить своему доброму другу, почему сам он не может бежать...

Как раз в эту минуту Лимонишка опомнился и решил положить конец этому колдовству, из-за которого у него так таинственно исчезли все арестанты. Он завопил:

— Стой! Ни с места!

Чиполлино и еще четверо заключенных остановились и посмотрели друг на друга.

— Скорее бегите, — закричал Чиполлино, — пока Лимонишка не поднял тревогу!

Заключенные не заставили себя просить дважды и один за другим попрыгали в яму. Чиполлино печально посмотрел им вслед, но вдруг почувствовал, что его хватают за ноги. Товарищи угадали, что он решил остаться, и без долгих разговоров затащили его в подземную галерею.

— Не будь дураком, — сказали они. — Если будешь на свободе, ты скорее поможешь своему отцу. Бежим, бежим, пока не поздно!

— Подождите и меня! — неожиданно закричал Лимонишка, который наконец понял, в чем дело. — И я с вами! Не оставляйте меня здесь: ведь принц повесит меня за ваш побег!

— Ладно, возьмем его с собой, — согласился Чиполлино. — Ведь этому Лимонишке мы тоже немного обязаны тем, что нам так легко удалось бежать.

— Поторопитесь, — слышался глухой голос за его спиной. — Здесь невыносимо светло, а я совсем не желаю ослепнуть или погибнуть от солнечного удара!

— Мой добрый, старый Крот, — сказал Чиполлино, — подумай сам, разве я могу бежать? Отец болен и заперт в своей камере!

Крот почесал затылок.

— Я знаю, где его камера, — сказал он. — Я хорошо изучил план тюрьмы, который ты мне прислал. Но есть ли у нас время? Тебе нужно было предупредить меня заранее.

Он испустил призывный клич, и в то же мгновение появилось около сотни кротов.

— Ребята, нам нужно вырыть еще один ход — вон до того угла тюрьмы, — сказал старый Крот. — Ну что, выроем?

— Что за вопрос! В четверть часа все будет сделано.

Кроты, не задумываясь, принялись за работу. В несколько минут они добрались до тесной клетки, где находился старый Чиполлоне. Чиполлино первым проник в камеру. Его отец лежал на койке и бредил. Едва они унесли старика через подземный ход, как в камеру ворвались Лимонишки, которые метались по всей тюрьме в поисках заключенных, не понимая, каким образом они исчезли.

Когда наконец тюремщики сообразили, что произошло, они так испугались наказания, которому их неизбежно подвергнет принц Лимон, что все разом побросали оружие и, в свою очередь, ринулись в коридор, вырытый кротами.

Выйдя в поле, они попрятались по домам у крестьян, сбросили свою лимонную форму и надели рабочее платье.

Говорят, они побросали также и колокольчики, которые были у них на шапках. Давайте-ка соберем эти колокольчики и отдадим ребятишкам — пускай звонят во всю мочь!

Ну, а Чиполлино? Что с ним случилось дальше?

Старый Крот и Чиполлино, полагая, что бежавшие из тюрьмы Лимонишки гонятся за ними, вырыли для себя другой ход. Вот почему Лимонишки так их и не догнали.

Где же они сейчас находятся?

Потерпите — узнаете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гонки с препятствиями

Принц устроил большой праздник.

— Моим подданным необходимы развлечения, — решил принц Лимон, — тогда им некогда будет думать о своих бедах и нуждах.

Он придумал конные состязания, в которых должны были участвовать все придворные Лимоны первого, второго и третьего классов. Разумеется, в качестве наездников, а не лошадей.

Эти состязания были особенные: лошади должны были тянуть колесницы с тормозами.

Сам принц перед состязаниями осмотрел эти тормоза, чтобы удостовериться, действуют ли они.

Они так хорошо действовали, что колеса совсем не вертелись. Поэтому лошадям было во сто раз труднее тянуть колесницу.

Когда принц подал сигнал, лошади ударили копытами о землю и напрягли все мускулы, роняя пену с удила. Но колесницы даже не сдвинулись с места. Тогда Лимоны-наездники пустили в ход длинные бичи. Это помогло. Колесницы сдвинулись на несколько сантиметров, и принц Лимон весело захопал в ла-

доши. Потом он сам вышел на арену и начал хлестать лошадей одну за другой. Очевидно, это занятие доставляло ему огромное удовольствие.

— Соблаговолите, ваше высочество, подхлестнуть и моих! — кричали Лимоны, чтобы сделать ему приятное.

Принц Лимон щелкал бичом изо всех сил. Наездники, стоя в колесницах, тоже осыпали лошадей ударами. Каждый удар бича оставлял на спине у лошади длинную белую полосу, но принца это не смущало — он был очень горд придуманной им забавой.

— Любая лошадь способна бежать, если ей ничто не мешает, — говорил он. — А я хочу посмотреть, могут ли они бежать, если их удерживаешь.

У бедных лошадей, обезумевших от боли и напряжения, подгибались ноги.

Зрители возмущались, но вынуждены были смотреть на это дикое состязание — или, вернее сказать, истязание, ибо если уж принц решил, что люди должны развлекаться, то их развлекали насильно.

Но вдруг принц замер на месте с поднятым бичом и так вытаращил глаза, что они чуть было не выскочили у него из орбит. Ноги у него задрожали, лицо еще больше пожелтело, и волосы под желтой шапочкой стали дыбом, так что золотой колокольчик затрясся и отчаянно задребезжал.

Принц увидел, как земля разверзлась у самых его ног. Да, да, разверзлась земля!

Сначала появилась трещина, потом другая, потом на арене вырос небольшой бугорок, похожий на тот, какие оставляют кроты на полях. Затем на верхушке бугорка образовалось отверстие. Оно расширилось, из него показалась голова, плечи, и какое-то живое существо быстро вылезло из-под земли, помогая себе локтями и коленями. Это был Чиполлино.

Из норки послышался тревожный голос старого Крота:

— Вернись назад, Чиполлино, мы ошиблись дорогой! Вернись!

Но Чиполлино уже ничего не слышал. Увидев прямо перед собой бледное, покрытое испариной лицо принца, который так и застыл с бичом в руке, словно превратившись в соляной столб, Чиполлино весь затрясся от ярости.

Не задумываясь над тем, что он делает, мальчик бросился к правителю и вырвал у него из руки бич. Принц и опомниться не успел, как Чиполлино щелкнул бичом в воздухе, как бы испытывая его, а затем размахнулся и полоснул по спине принца. Правитель был так ошеломлен, что и не подумал уклониться от удара, обрушившегося на него.

— О-о-о! — завопил принц.

Чиполлино опять взмахнул бичом и нанес ему новый удар, посильнее прежнего.

Тогда правитель повернулся и бросился наутек.

Это было сигналом. Вслед за Чиполлино из-под земли появились и остальные заключенные, бежавшие из тюрьмы. Народ приветствовал их радостными криками. Отцы увидели сыновей, жены узнали мужей.

В одно мгновение цепь полицейских была прорвана, толпа хлынула на арену и понесла на руках освобожденных пленников.

Придворные гонщики хотели было умчаться на своих колесницах прочь, но как они ни хлестали коней, колеса не могли сдвинуться с места. Придворных схватили и связали по рукам и ногам.

Однако сам принц все же успел вскочить в свою карету, которая не участвовала в гонках и поэтому была без тормозов. Принцу удалось вовремя удрать. Но он не решился укрыться в своем дворце, а помчался в поля, подгоняя лошадей неистовым криком. Послушные лошади понеслись таким галопом, что карета в конце концов опрокинулась, и правитель угодил головой прямо в рыхлую кучу, предназначенную для удобрения полей.

«Самое подходящее для него место!» — сказал бы Чиполлино, если бы увидел, что случилось с принцем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Синьор Помидор устанавливает налог на погоду

В то самое время, когда в городе происходили эти события, в зале замка графинь Вишен, который от времени до времени превращался в зал суда, синьор Помидор собрал всех жителей деревни, чтобы объявить им весьма важное решение.

Председателем суда, конечно, был все тот же кавалер Помидор, адвокатом — синьор Горошек, а секретарем — синьор Петрушка. Левой рукой он записывал в протокол речи сторон и решения суда, а в правой держал свой клетчатый носовой платок, которым пользовался чуть ли не каждую минуту.

Народ был не на шутку встревожен, потому что всякое заседание судебного трибунала сулило ему одни неприятности.

На прошлом заседании трибунал постановил, что не только земля, но и воздух в деревне является собственностью графинь Вишен, и поэтому все, кто дышит, должны платить деньги за аренду воздуха. Раз в месяц кавалер Помидор обходил деревенские дома и заставлял крестьян глубоко дышать в его присутствии. По очереди он измерял у них объем груди после вдоха и выдоха, затем производил подсчет и устанавливал, какая сумма причитается с каждого потребителя воздуха. Кум Тыква, ко-

торый, как известно, очень часто вздыхал, платил, конечно, больше всех. Чего же еще потребуют от крестьян владелицы замка?

Кавалер Помидор взял слово первым и в глубокой тишине произнес:

— За последнее время доходы замка заметно уменьшились. А ведь вы знаете, что наши бедные графини — вдовы и круглые сироты — живут только доходами с принадлежащей им земли и, кроме себя самих, вынуждены содержать еще и своих родственников, герцога Мандарина и барона Апельсина, чтобы не дать им умереть с голоду...

Мастер Виноградинка украдкой поглядел на барона, который сидел в уголке, скромно опустив глаза, и утолял свой голод жареным зайцем с гарниром из воробышков.

— Нечего оглядываться по сторонам! — сурово прикрикнул синьор Помидор. — Если вы будете вертеть головой, я прикажу очистить помещение!

Мастер Виноградинка поспешил устремить взор на кончики собственных башмаков.

— Благородные графини, наши высокочтимые хозяйки, представили в суд прошение, написанное, как этого требует закон, на гербовой бумаге, дабы добиться признания одного из своих неотъемлемых прав... Адвокат, прочтите документ!

Синьор Горошек встал, откашлялся, набрал в легкие побольше воздуха и начал читать документ медленно и внушительно:

— «Нижеподписавшиеся, графиня Старшая и графиня Младшая из почтенного рода Вишен, утверждают, что, будучи владелицами воздуха в своем имении, они должны быть признаны также и владелицами всех осадков, выпадающих в течение года. Посему они просят суд подтвердить, что каждый житель деревни повинен уплачивать им арендную плату в сумме ста лир за простой дождь, двухсот лир за ливень с громом и молнией, трехсот лир за снег и четырехсот лир за град». Следуют подписи: «Графиня Вишня Старшая. Графиня Вишня Младшая».

Синьор Горошек сел.

Председатель спросил:

— Вы говорите, что прошение написано на гербовой бумаге?

— Да, синьор председатель, — ответил синьор Горошек, снова вскакивая на ноги, — на гербовой.

— Подлинность подписей обеих графинь установлена?

— Установлена.

— Прекрасно, — заявил синьор Помидор. — Если прошение написано на гербовой бумаге и подписи действительны, то все ясно. Суд удаляется на совещание.

Кавалер встал, завернулся в черную мантию, которая то и дело

сползала у него с плеч, и вышел в соседнюю комнату, чтобы принять решение.

Скрипач Груша подтолкнул своего соседа Лука Порей и спросил у него шепотом:

— По-твоему, это справедливо, что мы должны платить за град? Ну, я понимаю еще — за дождик и за снег, которые приносят пользу посевам. Но ведь град и сам по себе большое несчастье, а за него требуют самую большую плату!

Лук Порей не ответил — он задумчиво поглаживал свои длинные усы.

Мастер Виноградинка растерянно шарил в карманах. Он искал шило, чтобы почесать затылок, но вдруг вспомнил, что, прежде чем войти в зал, жители деревни должны были сдать оружие, холодное и огнестрельное. Огнестрельного у них не оказалось, а шило было признано холодным оружием.

В ожидании приговора суда синьор Петрушка не сводил глаз с присутствующих и записывал у себя в книжечке:

«Груша шептался. Лук Порей приглаживал усы. Кума Тыковочка ерзала на месте. Кум Тыква глубоко вздохнул два раза».

Так записывает на доске имена своих товарищей школьник, которому учительница поручила наблюдать за классом, пока сама она беседует с кем-нибудь в коридоре.

В графе «примерных» синьор Петрушка записал:

«Герцог М. ведет себя отлично. Барон А. — очень хорошо. Он не встает с места, соблюдает тишину и ест тридцать четвертого воробышка».

«Эх, — думал мастер Виноградинка, почесывая затылок ногтями за неимением шила, — если бы наш Чиполлино был здесь, не было бы всего этого безобразия! С тех пор как Чиполлино в тюрьме, с нами обращаются, как с рабами. Мы не можем пошевелиться без того, чтобы синьор Петрушка не записал нас в свою проклятую книжку».

Дело в том, что все те, кого синьор Петрушка записывал в графу «провинившихся», должны были платить штраф. Мастер Виноградинка почти ежедневно платил штраф, а иной раз и по два штрафа в день. Наконец суд, то есть кавалер Помидор, вернулся в зал заседаний.

— Встать! — скомандовал синьор Петрушка, но сам, однако, остался сидеть.

— Внимание! Сейчас я оглашу решение суда, — сказал кавалер. — «Заслушав прошение графинь Вишен, суд постановил: признать, что вышеупомянутые графини имеют право взимать арендную плату за дождь, снег, град, а также за всякую погоду и непогоду, посылаемую небом. Посему суд устанавливает нижеследующее: каждый житель деревни, принадлежащей графиням

Вишням, повинен вносить за погоду плату, вдвое превышающую сумму, требуемую графинями...»

В зале послышался ропот.

— Молчать! — закричал кавалер Помидор. — Иначе я сейчас же прикажу очистить помещение. Я еще не кончил: «Суд постановил, что вышеупомянутые граждане повинны также вносить арендную плату за росу, иней, туман и другие виды сырости. Постановление входит в силу с нынешнего дня».

Все испуганно посмотрели в окно, надеясь увидеть чистое небо. Оказалось, что надвигается черная грозовая туча. В стекло ударило несколько градин.

«Батюшки мои! — подумал мастер Виноградинка, почесывая затылок. — Вот и плати теперь восемьсот лир. Проклятые тучи!»

Синьор Помидор также посмотрел в окно, и его красное, широкое лицо засияло от радости.

— Ваша милость, — сказал ему синьор Горошек, — поздравляю вас! Вам везет: барометр падает, будет ливень.

Все посмотрели на адвоката с ненавистью. Синьор Петрушка быстро оглядел присутствующих и записал в книжечку каждого, в чьих глазах можно было прочесть укор.

Когда и в самом деле разразилась гроза с громом, молнией, дождем и градом, синьор Горошек весело подмигнул синьору Петрушке, а мастер Виноградинка, едва дыша от бешенства, вынужден был еще пристальнее рассматривать свои ботинки, чтобы снова не подвергнуться штрафу.

Жители деревни смотрели на ливень за окном, как на сущее бедствие. Гром казался им страшнее пушечной стрельбы, а молнии словно попадали им в самое сердце.

Синьор Петрушка помусолил чернильный карандаш и начал быстро подсчитывать, сколько заработают на этой божьей милости владелицы замка. Получилась внушительная цифра, а вместе со штрафами — еще более внушительная.

Кума Тыквочка расплакалась. Жена Лука Порей последовала ее примеру, припав к плечу своего мужа и вытирая слезы его длинными усами.

Кавалер Помидор страшно обозлился, затопал ногами и выгнал их всех из зала.

Крестьяне вышли под дождь, смешанный с градом, и побрели в деревню. Они даже не торопились. Град бил им в лицо, струи дождя пробирались под одежду, но они будто и не чувствовали этого. Когда у тебя большое горе, мелких неприятностей уже не замечаешь.

Чтобы попасть в деревню, нужно было перейти через железную дорогу. Крестьяне остановились у шлагбаума, который был закрыт, так как через минуту должен был пройти поезд. Смотреть на поезд у шлагбаума всегда интересно. Видишь, как, пыхтя и

дымя, подходит огромный черный паровоз с машинистом в будке. В окна вагонов смотрят пассажиры, которые возвращаются с ярмарки,— крестьяне в плащах, их жены, дети...

Вот крестьянка с черным платком на голове. А в последнем вагоне...

— Праведное небо,— воскликнула кума Тыквочка,— посмотри-ка на последний вагон!

— Кажется...— робко произнес кум Тыква,— кажется, там медведи...

Действительно, у окна вагона стояли три медведя и с любопытством осматривали окрестности.

— Невиданное дело! — протянул Лук Порей.

Усы у него взъерошились от удивления.

Вдруг один из трех медведей закивал головой и замахал лапой, будто приветствуя людей, которые мокли под дождем у шлагбаума.

— Чего это он зубы скалит? — проворчал мастер Виноградинка.— Ишь ты, медведь и тот позволяет себе издеваться над нами!

Но медведь все еще продолжал кланяться, и когда поезд уже прошел, он высунулся из окошка и так махнул лапой, что чуть не вывалился. Хорошо, что два других медведя вовремя удержали его и втащили обратно.

Наши друзья дошли до станции как раз в ту минуту, когда поезд остановился. Медведи неторопливо вылезли из вагона, и самый старый из трех предъявил контролеру билеты.

— Это, должно быть, медведи-акробаты из цирка,— сказал мастер Виноградинка.— Наверно, представлять будут. Сейчас явится сюда и укротитель — старик с деревянной дудкой.

Укротитель и в самом деле вскоре явился, но оказался не стариком, а мальчиком в зеленом беретике и синих штанах с пестрой заплатой на коленке. Лицо у него было живое, веселое и будто очень знакомое каждому из жителей деревни.

— Чиполлино! — закричал Виноградинка, бросившись к нему.

Да, это действительно был Чиполлино. Перед возвращением в деревню он забежал в зоологический сад и освободил медведей. Сторож на этот раз так крепко спал, что можно было бы увести не только медведей, но и Слона, если бы только тот согласился бежать из зоологического сада.

Но старый Слон не поверил, что пришла свобода, и остался в слоновнике писать свои воспоминания...

Сколько тут было объятий, поцелуев, расспросов и рассказов! И все это под проливным дождем. Ведь когда радуешься, не замечаешь мелких неприятностей, не боишься даже схватить простуду.

Скрипач Груша не переставая пожимал лапу молодому медведю.

— Помните, как вы танцевали под мою скрипку? — спрашивал он, весело подмигивая.

Медведь прекрасно помнил это и тотчас же снова пустился в пляс, не дожидаясь музыки. Ребята весело хлопали в ладоши.

Разумеется, Вишенке тут же дали знать о возвращении Чиполлино. Можете себе представить, как горячо они обнялись при встрече!

— Ну, а теперь поговорим о деле, — сказал Чиполлино. — Я должен сообщить вам, что я задумал.

Пока Чиполлино рассказывает друзьям, что он задумал, пойдем да узнаем, как поживает принц Лимон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Гроза, которая никак не может кончиться

Мы продержали принца в навозной куче так долго, потому что в этом убежище он чувствовал себя в большей безопасности, чем в своей столице.

«Здесь тихо, тепло и спокойно, — думал он, то и дело отплевываясь. — Я останусь здесь до тех пор, пока моя стража не восстановит в городе порядок».

Ведь этот надменный, жестокий, но трусливый принц удрал с арены, не оглядываясь назад, и поэтому не знал, что его стража перешла на сторону народа, его придворные попали в тюрьму и в стране провозглашена свободная республика.

Но когда хлынул дождь и холодные струи проникли в навозную кучу, правитель изменил свое намерение.

«Становится сыро, — решил он, — надо поискать местечко посуше!»

Он заворочался, задрогал ногами и в конце концов выбрался из кучи.

Тут только он увидел, что находится в двух шагах от замка графинь Вишен.

«Ну и дурак же я! — подумал он, протирая глаза, залепленные грязью. — Лежу в этой проклятой навозной куче и не подозреваю, что отсюда рукой подать до графского замка, где так тепло и уютно».

Принц отряхнулся и направился к воротам, но вдруг услышал громкие голоса. Он спрятался за стог сена и пропустил мимо себя какую-то шумную компанию. (Вы знаете, из кого она состояла.) Затем принц поднялся по ступенькам замка и позвонил. Отперла ему дверь Земляничка.

— Простите, сударь, наши хозяйки нищим не подают! — сказала девушка и захлопнула дверь перед самым его носом.

Принц забарабанил в дверь кулаками:

— Отвори! Какой я нищий? Я — правитель, принц Лимон!

Земляничка снова приоткрыла дверь и участливо посмотрела на него.

— Бедняжка, — сказала она со вздохом, — ты, видно, от нужды с ума спятил!

— Какая там еще нужда? Я богат, я очень богат!

— Если посмотреть на тебя, так этого ни за что не скажешь, — ответила Земляничка, качая головой.

— Нечего тут разговаривать! Пойди доложи обо мне графиням.

— Что тут происходит? — спросил синьор Петрушка, проходя мимо и ожесточенно сморкаясь в свой клетчатый платок.

— Да вот этот нищий уверяет, будто он принц. Должно быть, сумасшедший.

Синьор Петрушка мгновенно узнал правителя, хотя узнать его было довольно мудрено.

— Я нарочно переоделся, чтобы поближе познакомиться с моим народом, — сказал принц Лимон, желая, видимо, оправдать свой несколько необычный вид.

— Пожалуйста, пожалуйста, ваше высочество, мы так счастливы вас видеть! — воскликнул синьор Петрушка, пытаясь поцеловать грязную руку принца.

Правитель вошел в дверь, бросив мимоходом грозный взгляд на Земляничку. Графини так и ахнули, увидев странного гостя, но, узнав, кто он такой, принялись наперебой расхваливать его заботу о подданных.

— О ваше высочество, вы промокли насквозь! Ни один принц на свете не вышел бы на улицу в такую ужасную погоду.

— Я хотел узнать, как живет мой народ, — ответил правитель и при этом ничуть не покраснел: ведь лимоны никогда не краснеют!

— Ваше высочество, каковы же ваши впечатления? — спросила графиня Старшая.

— Мой народ вполне счастлив и доволен, — заявил принц. — Нет народа счастливее, чем мой. Вот только сейчас мимо меня прошла очень веселая компания... Ей даже дождь нипочем.

Принц и не знал, что говорит сущую правду: в этот день его народ был и в самом деле счастлив, потому что избавился от своего правителя!

— Не угодно ли вашему высочеству потребовать лошадей, чтобы вернуться во дворец? — спросил синьор Помидор.

— Нет, нет, ни за что! — с тревогой ответил принц. — Я подожду' здесь, пока не кончится эта страшная гроза...

— Я позволю себе почтительнейше заметить, — сказал несколько озадаченный синьор Помидор, — что гроза уже давно прошла и на дворе снова сияет солнце.

— Солнце? Сияет? — гневно переспросил принц. — Вы, кажется, осмеливаетесь противоречить мне!

— Я просто не понимаю вашей дерзости, синьор, — вмешался барон Апельсин. — Если его высочество находит, что на дворе гроза, значит, так оно и есть. Разве вы не слышите, как шумит дождь?

Все поспешили согласиться с бароном.

— Ах, эта гроза никогда не кончится! — сказала графиня Старшая, глядя в окно, за которым после недавнего дождя сверкали на чашечках цветов крупные капли.

— Ужасный ливень! Посмотрите, так и хлещет, — поддакнула графиня Младшая, следя за тем, как весело играет с золотыми рыбками в бассейне солнечный луч, прокраившийся из-за облачка.

— Слышите, как оглушительно гремит гром? — вставил словечко и герцог Мандарин, затыкая уши и закрывая глаза в притворном ужасе.

— Земляничка, Земляничка, где ты? — позвала графиня Старшая слабым голосом. — Сейчас же прикрой все ставни! Все!

Земляничка прикрыла ставни, и в комнате стало темно, как в погребе.

Вскоре зажгли свечи, и большие тени запрыгали по стенам. Синьора графиня Старшая вздохнула:

— Ах, какая ужасная ночная гроза!

Принцу Лимону и в самом деле стало страшно.

— Жуткая ночь! — сказал он, стуча зубами.

Все остальные из вежливости тоже задрожали как в лихорадке.

Синьор Помидор подошел крадучись к окну и, чуть-чуть приоткрыв ставню, рискнул доложить:

— Прошу прощения у вашего высочества, но мне кажется, что гроза кончается.

— Нет-нет, что вы! — закричал принц, заметив косой солнечный луч, который попытался было проникнуть в комнату.

Кавалер Помидор поспешил захлопнуть ставню и подтвердил, что дождь по-прежнему льет как из ведра.

— Ваше высочество, — робко предложил барон Апельсин, которому очень хотелось сесть поскорее за стол, — не хотите ли пообедать... то есть, виноват, поужинать?

Но его высочеству не угодно было ни обедать, ни ужинать.

— В такую погоду,— сказал он,— у меня не бывает аппетита.

Барон не мог понять, какое отношение имеет погода к аппетиту, но, поскольку все согласились с принцем, он тоже согласился:

— Я ведь только предложил, ваше высочество. Какая уж тут еда! У меня у самого от молнии и грома так сдавило горло, что я не смог бы проглотить и цыпленка!

На самом же деле он был до того голоден, что с удовольствием сгрыз бы пару стульев, если бы не боялся противоречить его высочеству.

В конце концов принц, утомленный волнениями, пережитыми за день, крепко заснул, сидя на стуле. Его прикрыли одеялом и потихоньку отправились в столовую ужинать. К этому времени и в самом деле стемнело.

За ужином синьор Помидор ел очень мало, а потом попросил у графинь разрешения встать из-за стола, так как его клонит ко сну.

На самом же деле синьор Помидор прокрался в сад и пошел в деревню.

«Что такое случилось? — думал он, шагая по дороге.— Принц чем-то встревожен. Это очень подозрительно. Я не удивлюсь, если окажется, что произошла революция».

От этого слова у него забежали по спине мурашки. Он отогнал тревожную мысль, но она возвращалась снова и снова. Грозное слово так и прыгало у него перед глазами, пугая его каждой своей буквой: Р е в о л ю ц и я!!! Р-Рим, Е-Европа, В-Венеция и так далее... Революция...

Вдруг ему показалось, что кто-то идет за ним следом. Он притаился за изгородью и стал ждать. Через минуту издали показался синьор Горошек, который двигался так осторожно, словно шагал по сырым яйцам.

Адвокату еще в столовой поведение кавалера Помидора показалось подозрительным. Увидев, что кавалер выходит из комнаты, синьор Горошек поспешил отправиться за ним.

«Здесь что-нибудь да кроется,— думал он.— Не будем терять кавалера из виду!»

Синьор Помидор собирался уже выйти из своего убежища, как вдруг в отдалении мелькнула другая тень.

Кавалер еще ниже пригнулся за изгородью, чтобы дать и этому пройти.

Человек, который шел за синьором Горошком, был синьор Петрушка. Он заметил, как ускользнул из столовой адвокат, и решил последить за ним. Своим непомерно большим и чутким носом воспитатель Вишенки почуял, что случилось что-то серьезное, и не хотел оставаться в неизвестности.

Однако синьор Петрушка и не подозревал, что за ним тоже следят. По его пятам крался герцог Мандарин.

— Я нисколько не удивлюсь, если сейчас появится и барон Апельсин,— пробормотал синьор Помидор и затаил дыхание, чтобы не выдать себя.

Действительно, вскоре затарахтела тачка и показался барон. Увидев, что герцог куда-то ушел, барон предположил, что его знатный родич отправился на какой-нибудь званый ужин, и, конечно, решил составить ему компанию. Бедняга тряпичник тяжело отдувался, толкая тачку и не замечая в темноте ни ухабов, ни камней на дороге. Скрипучая тачка, на которой покоилось брюхо барона, то взлетала вверх, то падала в пропасть. При каждом таком взлете и падении у барона захватывало дух, но он только стискивал зубы, чтобы не выдать себя нечаянным криком или стоном.

Барон оказался в этой странной процессии последним.

«Любопытно узнать, куда это они все направляются»,— подумал синьор Помидор и вышел из-за изгороди.

Так они и ходили всю ночь друг за другом: синьор Горошек тщетно вглядывался в темноту, пытаясь найти синьора Помидора, который на самом деле шел позади всех; синьор Петрушка неотступно крался за адвокатом; герцог следовал за синьором Петрушкой; барон не терял из виду герцога, а Помидор двигался по следам барона. Каждый внимательно следил за движениями переднего, не подозревая, что за ним самим шпионят.

Несколько раз Горошек и Петрушка менялись местами: то синьор Петрушка при помощи ловкого обходного маневра оказывался впереди синьора Горошка, то Горошек обгонял Петрушку. Так, наблюдая друг за другом, они кружили всю ночь и, разумеется, ничего не узнали, а только выбились из сил.

Под утро все эти господа решили вернуться в замок. Встретившись в аллее парка, они вежливо раскланялись и осведомились о здоровье друг друга. О своих ночных похождениях они сочли нужным умолчать и наврали один другому с три короба.

— Где это вы были? — спросил у синьора Горошка синьор Помидор.

— Я был на крестинах у моего брата.

— Вот удивительно! Разве крестины бывают ночью?

— Днем у брата дела поважнее! — отвечал адвокат.

Кавалер Помидор усмехнулся: дело в том, что у синьора Горошка никаких братьев никогда не было.

Петрушка сказал, что ходил на почту отправлять письмо своим давно уже не существующим родителям. Герцог и барон, не сговорившись, объяснили, что ходили удить рыбу, хоть ни у того, ни у другого не было при себе удочки.

— Как же это мы не встретились на берегу? — спросил барон.

— Странно! — сказал герцог.

Все так устали, что шли с закрытыми глазами, и поэтому только один из них разглядел, что на башне замка развевается знамя Свободы.

Его вывесили ночью Вишенка и Чиполлино. Оба они сидели теперь наверху, на башне, и ждали, что будет дальше.

ЭПИЛОГ,

в котором Помидор плачет второй раз

Тот, кто первым увидел на башне знамя Свободы, подумал было, что это новая проделка Вишенки.

Он пришел в ярость и решил немедленно сорвать это страшное знамя, а затем хорошенько отшлепать юного графа, который на этот раз «перешел все границы».

И вот этот синьор, задыхаясь от гнева, бежит вверх по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки. Он пыхтит, еле переводит дух и с каждым шагом все больше краснеет и раздувается от злости.

Я опасаюсь, что, добравшись доверху, он уже не сможет пролезть в дверцу, которая ведет на площадку.

Я слышу топот его шагов, которые раздаются в тишине, словно удары молота. Скоро он будет уже на самом верху. Пролезет или не пролезет? Как вы думаете?

Вот он и добрался до площадки... Ну, кто из вас угадал?

Ладно, я скажу вам: угадали те из вас, кто думал, что ему не пролезть.

И в самом деле, кавалер Помидор (ведь это он бежал по лестнице, разве вы не узнали его?) так разбух от злости, что дверца оказалась вдвое уже его туловища.

И вот он стоит там, наверху, в двух шагах от страшного знамени, которое развевается по ветру, но не может сорвать его, не может даже дотянуться до него рукой. А у древка знамени, рядом с Вишенкой, который в это время торопливо протирает очки, находится еще кто-то...

Да кто же это, если не Чиполлино, заклятый, ненавистный враг кавалера, тот самый Чиполлино, который однажды уже заставил его, синьора Помидора, плакать!

— Добрый день, синьор кавалер! — говорит Чиполлино, вежливо кланяясь.

Осторожней, Чиполлино! Из-за этой неуместной вежливости ты подвергаешь свою голову опасности. В ту минуту, когда ты кланяешься кавалеру Помидору, ему довольно протянуть руку,

чтобы схватить тебя за волосы, как это уже случилось когда-то в деревне...

Синьор Помидор так взбешен, что не помнит, чем это ему грозит.

Вот он ухватил Чиполлино за вихор и дернул с такой силой, что прядь луковых волос снова осталась у него в руке. Он и опомниться не успел, как у него зашипало в глазах, и слезы, крупные, как орехи, градом посыпались из глаз, падая со щелканьем на каменный пол.

Но на этот раз Помидор плакал не только оттого, что вырвал пучок луковых волос у Чиполлино. Он ревел от бешенства, потому что почувствовал все свое бессилие...

«Что же это — конец? Конец?» — думал он, задыхаясь от ярости и давясь собственными слезами.

Я бы с удовольствием позволил ему захлебнуться слезами или кубарем скатиться с лестницы от первого толчка, но Чиполлино был так великодушен, что пощадил его, и перепуганный насмерть синьор Помидор сам удрал с башни. Он бежал вниз по лестнице, перескакивая не через четыре, а через шесть ступенек, и, добравшись донизу, юркнул в свою комнату, где ему никто не мешает поплакать вволю.

А что было дальше, ребята! Ах, что тут было!..

Принц наконец проснулся, побродил по комнатам замка и вышел за дверь, чтобы подышать свежим воздухом.

И вдруг он тоже увидел знамя на башне. Закрыв глаза от ужаса, он бросился бежать со всех ног, повернул направо, налево, выбежал за ворота и снова забрался в свое надежное убежище — рыхлую навозную кучу, надеясь, что его там не найдут.

Проснулся и барон Апельсин. Он тоже захотел подышать свежим воздухом и растолкал своего слугу, дремавшего у тачки, на которой покоилось брюхо барона.

Спросонок, не открывая глаз, Фасоль выкатил тяжелую тачку за порог.

На дворе замка его разбудил ослепительный луч солнца.

Но дело было не только в этом ослепительном солнечном луче. Фасоль поднял глаза и увидел знамя, развевавшееся над замком. Словно электрический ток пробежал по его пальцам...

— Держи тачку! Держи! — закричал перепуганный барон Апельсин.

Но куда там! Фасоль разжал пальцы, выпустил ручки своей старой тележки, и барон, опрокинувшись на спину, покатился вниз по аллее так же стремительно, как в тот раз, когда он свалил с ног десятка два генералов.

В конце концов он плюхнулся в бассейн с золотыми рыбками и погрузился в воду по шею. Немалого труда стоило выудить его оттуда.

Услышав со двора неистовые вопли барона, герцог Мандарин бросился к бассейну, вскочил на мраморного ангелочка, изо рта которого бил фонтан, и закричал не своим голосом:

— Эй, вы, сейчас же уберите знамя с башни, или я утоплюсь!

— Посмотрим! — сказал Фасоль и толкнул его в воду.

Когда герцога вытащили наконец из бассейна, у него во рту оказалась золотая рыбка. Бедная рыбка, — она думала, что забралась в подводный грот, а попала в голодный рот... Мир ее золотым плавничкам!

С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой — одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-нибудь разглядеть.

Так иногда бывает в кино: механик пустит картину слишком быстро: дома, люди, машины, лошади так и замелькают перед вашими глазами, а когда лента наконец успокоится и пойдет с обычной скоростью, то, оказывается, многое уже позади и все на экране изменилось.

Принц и графини покинули свои прежние владения. Что касается принца, то это вполне понятно, но почему уехали графини? Ведь никто не собирался обижать старых женщин, лишать их куска хлеба или брать с них плату за воздух. Но в конце концов раз они сами убрались, то тем лучше. Скатертью дорога!

Барон стал худым, как тот хлыстик, которым он погонял прежде своего слугу.

На первых порах ему пришлось порядком поголодать.

Он не трогался с места, так как некому было возить его тачку. Поэтому ему пришлось питаться собственными запасами жира. Барон таял с каждым днем, как воск.

В две недели он потерял половину своего веса, а эта половина была втрое больше веса обычного человека.

Когда барон оказался в состоянии передвигаться сам, без помощи слуги, то начал просить милостыню на улицах. Но прохожие ничего не подавали ему.

— Эх, ты! — говорили они. — Такой здоровенный малый, а попрошайничаешь. Шел бы работать!

— Да я же ничего не умею делать!

— Иди на вокзал чемоданы таскать.

Так барон и сделал, и от переноски тяжестей стал стройным, как спица.

Из одного своего старого костюма он сделал себе полдюжины новых. Однако одну пару он все же оставил в сохранности. Если вы навестите его, он по секрету покажет вам этот костюм.

— Посмотрите, — скажет он, вздыхая, — еще недавно я был такой толстый!

— Не может быть! — удивитесь вы.

— Что, не верится? А? — горько усмехнется барон.— Так спросите у людей, они вам скажут! Ах, какие были замечательные времена!.. В один день я съедал столько, сколько теперь мне хватает на три месяца. Полюбуйтесь, какой у меня был живот, какая грудь, какой зад!

А герцог? Он и пальцем не шевелит для того, чтобы добыть себе кусок хлеба, а живет на счет барона.

Каждый раз, когда родственник отказывает ему в чем-нибудь, герцог взбирается на фонарь и просит сообщить графиням, что он покончил с собой. И барон, который еще сохранил немного доброты в сердце с той поры, когда был толстяком, вздыхая, делит с ним обед или ужин.

А вот кум Тыква больше не вздыхает: он стал главным садовником замка, и бывший кавалер Помидор работает у него подручным.

Вам не нравится, что синьора Помидора оставили на свободе? Он отсидел, сколько ему было положено, а потом его из тюрьмы выпустили.

Теперь Помидор сажает капусту и подстригает траву.

Изредка он жалуется потихоньку на свою судьбу, но только тогда, когда встречается с Петрушкой, который служит в замке сторожем.

Замок уже больше не замок, а Дворец детей. Там есть и комната для рисования, и театр кукол с Буратино, и кино, и пинг-понг, и множество всяких игр. Разумеется, там есть и самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра — школа. Чиполлино и Вишенка сидят рядом на одной парте и учат арифметику, грамматику, географию, историю и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать, чтобы защищаться от всяких плутов и угнетателей и держать их подальше от родной страны.

— Не забывай, дружок,— часто говорит старый Чиполлоне своему сыну Чиполлино,— негодяев на свете много, и те, кого мы выгнали, могут еще вернуться.

Но я-то уверен, что они никогда больше не вернутся. Не вернется и адвокат синьор Горошек, который поспешил скрыться, потому что у него было слишком много грехов на совести.

Говорят, он занимается своим ремеслом где-то в чужой стране. Конечно, и там ему не место, но хорошо, по крайней мере, что он убрался из нашей повести, прежде чем она кончилась. По правде сказать, мне до смерти надоело возиться с этим цепким и вертявым пройдохой.

Да, я забыл вам сказать, что старостой деревни стал мастер Виноградинка. Чтобы не ронять своего достоинства, он совершенно избавился от прежней привычки чесывать затылок шилом.

Только иногда, в самых серьезных случаях жизни, он пускает в ход вместо шила остро отточенный карандаш, но это случается чрезвычайно редко.

Однажды утром жители деревни увидели на стенах своих домов надпись: «Да здравствует наш староста!»

Кума Тыквочка пустила по деревне слух, будто бы эти крупные буквы на стенах вывел ваксой сам мастер Виноградинка.

— Хорош староста! — говорила ворчливая кума. — Ходит по ночам и сам себе приветствия пишет.

Но это была напраслина. Все надписи на домах сделал Лук Порей, и не руками, а усами, которые он обмакнул в чернила. Да, да, Лук Порей. Я не боюсь открыть вам правду, потому что у вас усов нет и вы не станете по его примеру писать усами.

Ну вот, теперь наша история и в самом деле кончилась. Правда, есть еще на свете другие замки и другие дармоеды, кроме принца Лимона и синьора Помидора, но и этих господ когда-нибудь выгонят, и в их парках будут играть дети.

Да будет так!

ПАМЕЛА ТРЭВЕРС

Мэри Поппинс

Сказочная повесть

P. L. Travers

„MARY POPPINS“ AND OTHER BOOKS

*Перевод с английского
Бориса Заходера*

ЧИТАТЕЛЮ

Вы знакомы с Мэри Поппинс?

Нет?

Очень, очень странно!

Ведь она н е о б ы ч а й н о знаменита! Про нее написаны не одна, не две и даже не три, а целых ЧЕТЫРЕ книжки!

А вспомните — даже про такие знаменитости, как Робинзон Крузо или Буратино, написано всего по одной книжке!

О Мэри Поппинс надо прежде всего сказать, что...

Впрочем, здесь, в предисловии, рассказывать о ней не стоит. Перед вами — книга, а того, что не сказано в целой книге, уж никак не расскажешь на одной страничке. Замечу только, что, если Мэри Поппинс покажется вам сначала слишком строгой и даже суровой, не пугайтесь. Легко понять, что, если бы она была т о л ь к о строгой, ее вряд ли бы так полюбили эти озорники Джейн и Майкл Бэнкс, а за ними и все без исключения ребята, которым удалось познакомиться с Мэри.

Остается добавить еще вот что.

Во-первых, все книжки о ее приключениях написала английская писательница П. Л. Трэверс, за что ей большое спасибо.

И, во-вторых, здесь только половина рассказов о Мэри Поппинс (из первой и второй книжек). Если вам будет **ОЧЕНЬ жалко расставаться с Мэри, то, может быть (не обещаю, но надеюсь!), может быть, мы с вами сумеем уговорить ее снова вернуться к нам и рассказать обо всем остальном...**

Борис Заходер

Часть первая

ДОМ № 17

Глава первая

ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

Если ты хочешь отыскать Вишневый переулок, просто-напросто спроси у полисмена на перекрестке. Он слегка сдвинет каску набок, задумчиво почешет в затылке, а потом вытянет палец своей руки в белой перчатке:

— Направо, потом налево, потом опять сразу направо — вот ты и там! Счастливый путь!

И будь уверен, если ты ничего не перепутаешь, ты окажешься там — в самой середине Вишневого переулочка: по одной стороне идут дома, по другой — тянется парк, а посередине ведут свой хоровод вишневые деревья.

А если ты ищешь Дом Номер Семнадцать — а скорее всего, так и будет, потому что ведь эта книжка как раз про этот дом, —

ты его сразу найдешь. Во-первых, это самый маленький домик во всем переулке. Кроме того, это единственный дом, который порядком облез и явно нуждается в покраске. Дело в том, что его нынешний хозяин, мистер Бэнкс, сказал своей жене, миссис Бэнкс:

— Выбирай, дорогая, одно из двух: или чистенький, хорошенький, новенький домик, или четверо детей. Обеспечить тебе и то и другое я не могу. Не в состоянии.

И, хорошенько обдумав его предложение, миссис Бэнкс пришла к выводу, что пусть уж лучше у нее будет Джейн (старшая) и Майкл (младший) и Джон с Барбарой (они близнецы и самые-самые младшие).

Вот так все и решилось, и вот почему семейство Бэнксов поселилось в Доме Номер Семнадцать, а с ними — миссис Брилл, которая для них готовила, и Элин, которая накрывала на стол, и Робертсон Эй, который стриг газон и чистил ножи и ботинки и — как не уставал повторять мистер Бэнкс — «зря тратил свое время и мои деньги».

И, конечно, там была еще няня Кэти, которая, по правде говоря, не заслуживает того, чтобы о ней писали в этой книжке, потому что в то время, когда начался наш рассказ, она уже ушла из Дома Номер Семнадцать.

— Не сказав ни здравствуйте, ни до свиданья! — как выразилась миссис Бэнкс. — Без предупреждения! А что мне делать?

— Дать объявление, дорогая, — ответил мистер Бэнкс, натягивая ботинок. — И я бы не возражал, если бы Робертсон Эй тоже ушел, потому что он опять почистил один ботинок, а к другому не прикоснулся. Люди могут подумать, что я очень односторонний человек!

— Это совершенно неважно, — сказала миссис Бэнкс. — Ты так и не сказал, что мне делать с няней Кэти.

— Не знаю, что ты с ней можешь делать, поскольку ее здесь нет, — возразил мистер Бэнкс. — Но на ее месте — я хочу сказать, на твоём месте — я послал бы кого-нибудь в «Утреннюю газету» дать объявление, что **ДЖЕЙН, И МАЙКЛ, И ДЖОН, И БАРБАРА БЭНКС (НЕ ГОВОРЯ УЖЕ ОБ ИХ МАМЕ) НУЖДАЮТСЯ В САМОЙ ЛУЧШЕЙ НЯНЬКЕ С САМЫМ МАЛЕНЬКИМ ЖАЛОВАНЬЕМ, И НЕМЕДЛЕННО!** А потом я бы сидел и любовался, как няньки выстраиваются в очередь у нашей калитки, и я бы очень рассердился на них за то, что они задерживают уличное движение и создают пробку, так что мне приходится дать полисмену шиллинг за труды. А теперь мне пора бежать. Бр-р, как холодно! Как на Северном полюсе! Откуда ветер дует?

С этими словами мистер Бэнкс высунул голову в окно и посмотрел в сторону дома Адмирала Бума. Адмиральский дом стоял на углу. Это был самый большой дом в переулке, и весь переулок

очень гордился им, потому что он выглядел точь-в-точь как корабль. Даже в палисаднике стояла мачта с флагом, а на крыше был позолоченный флюгер в виде подзорной трубы.

— Ага! — сказал мистер Бэнкс, поспешно убрав голову. — Адмиральский телескоп говорит, что ветер восточный. Я так и думал. То-то у меня кости ноют. Надо бы надеть два пальто.

И он рассеянно поцеловал жену в нос, помахал рукой детям и отправился в Сити.

Сити — это было такое место, куда мистер Бэнкс ходил каждый день — понятно, кроме воскресений и праздников, — и там он сидел с утра до вечера в большом кресле за большим столом и работал, или, как говорят у нас в Англии, делал деньги. И дети твердо знали, что папа весь день без передышки трудится, вырезая шиллинги и пенсы и штампуя монетки в полкроны и трехпенсовики. А по вечерам он приносил их домой в своем черном портфельчике. Иногда он давал монетку-другую Джейн и Майклу (в копилку), а уж если он не мог, то говорил: «Банк лопнул», и ребята понимали, что ничего не попишешь — значит, папа сегодня сделал слишком мало денег.

Ну вот, значит, мистер Бэнкс ушел со своим черным портфелем, а миссис Бэнкс ушла в гостиную и сидела там весь день и писала в газеты просьбы прислать ей поскорей несколько няnek; а наверху, в детской, Джейн и Майкл глядели в окошко и старались угадать, кого же им пришлют. Они были рады, что няня Кэти ушла, потому что они ее не очень любили. Она была старая и толстая, и от нее всегда неприятно пахло лекарствами. Кто бы ни пришел, думали ребята, все равно это будет лучше, чем няня Кэти, а может быть — и гораздо лучше.

Когда солнце уже собиралось закатиться за парк, пришли миссис Брилл и Элин — накормить старших ужином и выкупать Близнецов. А после ужина Джейн и Майкл опять уселись у окна, ожидая возвращения папы и слушая, как восточный ветер свистит в голых ветках вишен в переулке. Деревья так гнулись и вертелись под его порывами, что в сумерках могло показаться, будто они сошли с ума и стараются вырвать свои корни из земли.

— Вот он идет! — вдруг сказал Майкл, показывая на темный силуэт, внезапно выросший перед калиткой.

Джейн вгляделась в темноту.

— Это не папа, — сказала она. — Это кто-то другой.

Тут силуэт, сгибаясь и пошатываясь под ударами ветра, открыл калитку, и дети увидели, что он принадлежит женщине. Одной рукой она придерживала шляпку, в другой тащила большую сумку.

И вдруг — Майкл и Джейн не поверили своим глазам, — едва женщина вошла в садик, она поднялась в воздух и полетела прямо к дому! Да, было похоже на то, что ветер сперва донес ее до калит-

ки, подождал, пока она откроет, а потом принес ее прямо к парадной двери.

Весь дом так и задрожал, когда она приземлилась!

— Вот это да! — сказал Майкл.

— Пошли посмотрим, кто это! — сказала Джейн и, схватив Майкла за руку, потащила его через всю детскую на лестничную площадку — их любимый наблюдательный пункт, откуда было прекрасно видно все, что происходит в прихожей.

И вот ребята увидели, что их мама выходит из гостиной, а незнакомка идет за ней. Сверху были видны ее гладкие, блестящие черные волосы. «Как у деревянной куклы», — шепнула Джейн. Незнакомка была худая, с большими руками и ногами и довольно маленькими, пронзительными синими глазами.

— Вы увидите, они очень послушные ребятки, — говорила ей миссис Бэнкс.

Майкл сильно двинул Джейн локтем под ребро.

— С ними не будет никаких хлопот, — продолжала миссис Бэнкс не очень уверенно, поскольку она сама не слишком верила в то, что говорила.

Ребятам показалось, что гостья фыркнула, словно и она не очень поверила.

— Ну, а рекомендации? — продолжала миссис Бэнкс.

— У меня правило: никаких рекомендаций, — сказала незнакомка твердо.

Миссис Бэнкс остолбенела.

— Но, мне кажется, это принято, — сказала она. — Я имею в виду... Я хочу сказать — все люди так делают.

— Весьма старомодный обычай, по-моему! — отвечал суровый голос. — Весьма! Совершенно устарелый и несовременный!

Надо вам сказать, что миссис Бэнкс больше всего на свете боялась показаться старомодной и несовременной. Ужасно боялась. Поэтому она поспешно сказала:

— Тогда очень хорошо. Не будем говорить об этом. Я просто спросила на тот случай, если бы... ммм... если бы вы сами захотели. Детская наверху.

И она пошла вперед, ни на минуту не переставая говорить. Потому-то она и не заметила того, что происходило за ее спиной. Зато Джейн и Майкл, наблюдавшие с верхней площадки, превосходно видели, какую необыкновенную вещь сделала гостья.

Она поднялась следом за миссис Бэнкс, указывающей ей дорогу. Но как! Не выпуская из рук свою большую сумку, она просто-напросто села на перила... и... преспокойно въехала по ним на верхнюю площадку!

Джейн и Майкл прекрасно знали, что никто на свете этого сделать не может. Съехать по перилам вниз — пожалуйста, они

сколько раз сами в этом упражнялись. Но в ъ е х а т ь наверх?! Так не бывает!

Пораженные ребята уставились на посетительницу...

— Ну, значит, все улажено,— сказала мама со вздохом облегчения.

— Почти. Если, конечно, меня это устроит,— ответила незнакомка, вытерев нос большим платком в крупный красный горошек.

— Вы здесь, дети? — сказала миссис Бэнкс, наконец заметившая ребят.— Что вы тут делаете? Это ваша новая няня, Мэри Поппинс. Джейн, Майкл, поздоровайтесь. А вот это,— она показала рукой на колыбельку, где спали малыши,— наши Близнецы.

Мэри Поппинс внимательно разглядывала ребят, всех по очереди, и как будто бы решала про себя, нравятся они ей или нет.

— Мы вам подходим? — сказал Майкл.

— Майкл, води себя прилично! — сказала мама.

Мэри Поппинс невозмутимо продолжала испытующим взором разглядывать ребят. Наконец она громко засопела, что, как видно, свидетельствовало о том, что она приняла решение, и сказала:

— Я принимаю ваше предложение.

«И клянусь тебе всем на свете,— рассказывала потом миссис Бэнкс своему супругу,— можно было подумать, что она оказала нам особую честь!»

«А почему бы и нет?» — откликнулся мистер Бэнкс, на мгновение высунув нос из-за газеты и тут же спрятав его обратно.

Когда мать ушла, Джейн и Майкл бочком двинулись к Мэри Поппинс, которая продолжала стоять неподвижно, как столб, сложив руки на животе.

— Как вы пришли? — спросила Джейн.— Нам показалось, что вас принесло ветром.

— Так и есть,— ответила Мэри Поппинс. И она размотала шарф, сняла шляпу и повесила ее на спинку кровати.

Казалось, Мэри Поппинс не собирается больше ни о чем говорить, поэтому и Джейн тоже помалкивала. Но, когда Мэри Поппинс наклонилась, собираясь распаковать свою сумку, Майкл не выдержал.

— Какая смешная сумка! — сказал он, потрогав ее пальцем.

— Ковер! — сказала Мэри Поппинс, вставляя ключ в замочек.

— Внутри ковер?

— Нет! Снаружи!

— А-а! — сказал Майкл.— Понятно! — Хотя, по правде говоря, ему далеко не все было понятно.

Тем временем ковровая сумка была открыта и, к величайшему удивлению Майкла и Джейн, оказалась совершенно пустой.

— Вот так так! — сказала Джейн.— Там совсем ничего нет!

— Что значит — ничего нет? — спросила Мэри Поппинс,

выпрямляясь с таким видом, словно ее кровно обидели.— Ты сказала — ничего нет?

И с этими словами она достала из совершенно пустой сумки накрахмаленный белый фартук и надела его. Затем она вынула оттуда большой кусок туалетного мыла, зубную щетку, пакетик шпилек, флакон духов, складной стул и коробочку таблеток от кашля.

Джейн и Майкл вытаращили глаза.

— Я же сам видел! — прошептал Майкл.— Там совсем-совсем ничего не было!

— Ш-ш! — шепнула Джейн.

Мэри Поппинс достала из сумки большую бутылку с ярлыком: «Принимать по чайной ложке перед сном!»

— Это ваше лекарство? — спросил Майкл встревоженно.

— Нет, твое,— сказала Мэри Поппинс, сунув ему ложку под самый нос.

Майкл, как он ни был ошеломлен, сморщился и начал протестовать:

— Я не хочу! Мне не нужно! Я не буду!

Но Мэри Поппинс не сводила с него взгляда, и вдруг Майкл почувствовал, что невозможно смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться. Было в ней что-то странное и необыкновенное, от чего делалось и страшно, и весело!

Ложка придвинулась еще ближе. Майкл сделал глубокий вздох, закрыл глаза и глотнул.

Блаженная улыбка расплылась по всей его мордашке. Восхитительно! Он проглотил лекарство и чмокнул языком.

— Клубничное мороженое! — сказал он в восторге.— Вот это да! Еще, еще, еще!

Но Мэри Поппинс все с тем же строгим выражением уже наливала новую порцию — для Джейн. Серебристая желтовато-зеленая жидкость наполнила ложку. Джейн снадобье тоже понравилось.

— Лимонный сок с сахаром,— сказала она и облизала губы. Но, увидев, что Мэри Поппинс направляется с бутылкой к Близнацам, она попыталась ее остановить: — Пожалуйста, не надо! Они еще маленькие! Им это вредно!

Однако на Мэри Поппинс это не произвело ни малейшего впечатления. Бросив предостерегающий, свирепый взгляд на Джейн, она поднесла ложку к губам Джона.

Он с жадностью проглотил питье, пролив несколько капель на свой нагрудник, и Джейн и Майкл увидели, что на этот раз в ложке было молоко. Потом получила свою порцию Барбара; она почмокала губами и облизала ложку два раза.

А затем Мэри Поппинс налила новую дозу и торжественно приняла ее сама.

— Пунш с ромом,— сказала она, причмокнув, и заткнула бутылку пробкой.

У Майкла и Джейн глаза прямо-таки вылезли на лоб от изумления, но только им не пришлось долго удивляться, потому что Мэри Поппинс, поставив чудесную бутылку на каминную полку, обернулась к ним.

— А теперь,— сказала она,— марш в кровать!

И она помогла им раздеться, причем они заметили, что те же самые крючки и пуговицы, которые доставляли няне Кэти столько хлопот, у Мэри Поппинс расстегивались сами, стоило ей на них взглянуть.

Не прошло и минуты, как ребята оказались в кроватях. При слабом свете ночника они продолжали наблюдать, как Мэри Поппинс разбирает остальные свои вещи.

Из ковровой сумки она достала:

семь фланелевых ночных рубашек,

четыре полотняных,

пару туфель,

коробку домино,

две купальные шапочки,

альбом с открытками и

зонтик — зонтик с ручкой в виде головы попугая!

Наконец она вытащила из сумки кровать-раскладушку — уже застеленную, даже с покрывалом и пуховым одеялом — и поставила ее между колыбельками Джона и Барбары.

Джейн и Майкл сидели в кроватях, обхватив колени руками, и только таращили глаза. Сказать они ничего не могли — оба были слишком потрясены. Но, конечно, оба они понимали, что в Доме Номер Семнадцать по Вишневому переулку происходит нечто поразительное и непостижимое.

А Мэри Поппинс, накинув на голову фланелевую ночную рубашку словно палатку, начала под ней раздеваться.

И тут Майкл, совершенно очарованный всем происшедшим, нарушил молчание.

— Мэри Поппинс! — воскликнул он. — Вы никогда от нас не уйдете, правда?

Ответа из-под фланелевой палатки не последовало.

Встревоженный Майкл снова не выдержал.

— Вы от нас не уйдете, правда? — повторил он.

Над ночной рубашкой вынырнула голова Мэри Поппинс. Вид у нее был очень свирепый.

— Еще одно слово из этого района,— угрожающе проговорила она,— и я позову полисмена!

— Я же только хотел сказать,— начал Майкл растерянно,— что мы надеемся, что вы долго-долго будете с нами...

Он запнулся и замолчал, весь красный и сконфуженный.

Мэри Поппинс молча переводила взгляд с него на Джейн и обратно. Потом она презрительно фыркнула.

— Останусь, пока ветер не переменится, — коротко сказала она, задула свечу и легла в постель.

— Тогда все в порядке, — сказал Майкл наполовину про себя, наполовину обращаясь к Джейн.

Но Джейн его не слышала. Она думала обо всем, что произошло, и о том, что еще теперь будет...

*

Вот так Мэри Поппинс поселилась в Доме Номер Семнадцать в Вишневом переулке. И хотя порой кое-кто вздыхал о тех, более обычных и спокойных днях, когда домом правила няня Кэти, все же, в общем, все были рады появлению Мэри Поппинс. Мистер Бэнкс был рад потому, что она пришла сама и не задержала уличного движения и ему не пришлось давать шиллинг полисмену. Миссис Бэнкс была рада потому, что она теперь могла всем рассказывать, что у ее детей няня настолько современная, что даже не признает рекомендаций. Миссис Брилл и Элин были рады, что они могут теперь распивать целыми днями в кухне крепкий чай и не обязаны возглавлять ужины в детской. Робертсон Эй был рад потому, что у Мэри Поппинс была только одна пара ботинок и она чистила ее сама...

Но никто не знал, что думала об этом сама Мэри Поппинс, потому что Мэри Поппинс никогда никому ничего не рассказывала...

Глава вторая

СМЕШИНКА

— А он обязательно будет дома? — спросила Джейн, когда все трое — она сама, Майкл и Мэри Поппинс — вышли из автобуса.

— По-твоему, мой дядя пригласил бы нас к чаю, если бы сам собирался уходить? Интересно! — сказала Мэри Поппинс, явно оскорбленная этим предположением.

На ней было синее пальто с серебряными пуговицами и синяя шляпка в тон, а в те дни, когда она была так одета, обидеть ее ничего не стоило.

Все трое направлялись в гости к дяде Мэри Поппинс, мистеру Паррику, и Джейн и Майкл так долго ждали этого дня, что они в душе дрожали — вдруг они не застанут мистера Паррика дома.

— А почему его зовут мистер Паррик — он ходит в парике? — спросил Майкл, поспевая вприпрыжку за Мэри Поппинс.

— Его зовут мистер Паррик потому, что его фамилия Паррик. Он не носит парика. Он лысый,— сказала Мэри Поппинс.— И если я услышу еще один вопрос, мы сразу пойдем домой. И она фыркнула. Она всегда фыркала, когда раздражалась. Джейн и Майкл сердито переглянулись. Эти сердитые взгляды означали:

«Не смей ее ни о чем спрашивать, а то мы никогда туда не попадем!»

Возле табачного магазина на углу Мэри Поппинс поправила свою шляпу. Бывают такие странные витрины: если в нее посмотришься, то из тебя почему-то получаются сразу три человека, а если ты смотришься в нее долго, тебе начинает казаться, что ты — это не ты, а целая толпа каких-то незнакомых людей. И в этом магазине как раз была такая. Но Мэри Поппинс даже вздохнула от удовольствия, увидев сразу трех Мэри Поппинс, каждая — в синем пальто с серебряными пуговицами и в синей шляпке в тон пальто. Видно было, что она в восторге от этого зрелища и вовсе бы не возражала, если бы там было двенадцать, а то и тридцать Мэри Поппинс. Чем больше, тем лучше!

— Идемте же,— наконец сказала она ребятам строго, как будто это они ее задерживали.

Они повернули за угол и позвонили в дом номер три на улице Робертсона. Джейн и Майкл с замиранием сердца прислушивались к замирающему звонку. Неужели через минуту, в крайнем случае через две, они действительно будут впервые в жизни пить чай с дядей Мэри Поппинс, мистером Парриком?

— Конечно, если он дома,— шепнула Джейн Майклу.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге с довольно кислым видом появилась тощая женщина.

— Он дома? — выпалил Майкл.

— Будь так добр,— сказала Мэри Поппинс, бросив на него уничтожающий взгляд,— помолчи! Дай поговорить старшим!

— Здравствуйте, миссис Паррик,— сказала Джейн вежливо.

— Миссис Паррик! — воскликнула тощая дама голосом, который был еще тоньше, чем она сама.— Как вы осмеливаетесь называть меня миссис Паррик?! Нет уж, большое спасибо! Я просто мисс Персиммон и горжусь этим! Придумают тоже! Миссис Паррик!

Она, по-видимому, очень обиделась, и ребята невольно подумали, что мистер Паррик, видно, довольно-таки странный человек, если мисс Персиммон так рада, что она не миссис Паррик.

— Второй этаж, первая дверь на площадке,— сказала мисс Персиммон и умчалась по коридору, не переставая с возмущением восклицать тоненьким голоском: — Миссис Паррик! Еще чего не хватало!

Джейн и Майкл поднялись за Мэри Поппинс по лестнице, Мэри Поппинс постучала в первую дверь.

— Входите! Входите! Милости просим! — откликнулся из-за двери веселый громкий голос.

Сердце Джейн так и затрепыхалось от волнения.

«Он дома!» — взглядом крикнула она Майклу.

Мэри Поппинс открыла дверь и подтолкнула ребят вперед. Они оказались в большой, светлой комнате, где ярко пылал камин и стоял огромный стол, накрытый к чаю: четыре чашки, молочники, горы бутербродов, печенье, плюшки и большой сливовый торт с розовой глазурью.

— Очень, очень рад вас видеть! — приветствовал их все тот же громовой голос, и Джейн с Майклом оглянулись в поисках хозяина.

Его нигде не было видно. Комната была совсем пустой.

Тут Мэри Поппинс недовольным тоном сказала:

— Дядя Альберт, неужели вы опять? Сегодня же не ваш день рождения, кажется!

Говоря это, она глядела на потолок. Джейн и Майкл тоже взглянули вверх и, к своему великому удивлению, увидели круглого, толстого лысого человечка, который висел в воздухе, ни за что не держась. Вернее, он как будто бы сидел на воздухе, положив ногу на ногу. Он только что выпустил из рук газету, которую, видимо, читал, когда гости вошли.

— Дорогая моя, — сказал мистер Паррик, улыбаясь ребятам сверху и виновато глядя на Мэри Поппинс, — я очень сожалею, но сегодня, увы, действительно мой день рождения.

— Ай-ай-ай! — сказала Мэри Поппинс, неодобрительно покачивая головой.

— Я вспомнил об этом только вчера вечером, и было уже поздно посылать вам открытку с просьбой прийти как-нибудь в другой раз. Ужасно неловко, правда? — сказал он, плутовато глядя на Джейн и Майкла. — Я вижу, вы чем-то удивлены, — продолжал мистер Паррик.

И действительно, ребята так разинули рты от изумления, что мистеру Паррику, будь он чуть-чуть поменьше, угрожала бы опасность быть проглоченным.

— Вероятно, мне лучше вам сразу все объяснить, — продолжал мистер Паррик невозмутимо. — Дело в следующем. Я — человек очень веселый и люблю посмеяться. Вы просто не поверите, сколько вещей на свете кажутся мне смешными. Я могу смеяться от чего и над чем угодно! Честное слово!

И тут мистер Паррик заколыхался в воздухе, от души расхохотавшись при мысли о собственной смешливости.

— Дядя Альберт! — сказала Мэри Поппинс, и мистер Паррик, вздрогнув, прекратил свой смех.

— Ой, извини, дорогая! Так на чем я остановился? Ах, да. Так вот, самое смешное то... хорошо, хорошо, Мэри, я постараюсь не смеяться... что, когда мой день рождения приходится на пятницу, я бываю в таком приподнятом настроении, что взлетаю. В буквальном смысле слова! — сказал мистер Паррик.

— Почему?.. — начал Майкл.

— Как?.. — начала Джейн.

— Понимаете ли, стоит мне в этот день засмеяться — мне обязательно попадает в рот смешинка, и я так наполняюсь веселящим газом, что просто не могу удержаться на земле. Не только засмеяться — мне достаточно просто улыбнуться. Подумаю о чем-нибудь смешном — и взлетаю, как воздушный шар. И, пока не подумаю о чем-нибудь очень, очень грустном, никак не могу опуститься!

При мысли об этом мистер Паррик опять захихикал, но, заметив выражение лица Мэри Поппинс, он подавил смех и продолжал:

— Признаюсь, это не совсем обычное свойство, но я не жалею. С вами этого, наверно, никогда не случалось?

Джейн и Майкл замотали головами.

— Так я и думал. Кажется, только у меня такая привычка. Забавно, правда? И надо же было, чтобы вы с Мэри пришли ко мне в гости именно в такой день! Пятница и день рождения! О господи, господи, не смешите меня, умоляю вас!..

Но, хотя Джейн и Майкл не делали ничего смешного — только смотрели на него в изумлении, — дядя Альберт опять громко захохотал. Он так раскачивался и подпрыгивал в воздухе, что ежеминутно рисковал потерять очки.

И у него был такой смешной вид, когда он кувыркался, словно воздушный шар в человеческом облике, хватаясь то за потолок, то за газовый рожок, что Джейн с Майклом, хотя они очень старались соблюсти приличие, просто ничего не могли с собой поделать. Они расхохотались. И еще как! Напрасно ребята изо всех сил сжимали губы, чтобы не выпустить смех наружу. Это ничуть не помогало. И наконец они покатались по полу, стенам и визжа от смеха.

— Это еще что такое? — сказала Мэри Поппинс. — Что это за поведение?

— Ой, не могу, не могу! — заливался Майкл — он уже подкатился к камину. — Ой, как смешно! Джейн, как смешно-о!

Джейн не успела ответить, как с ней произошла очень странная вещь. Она вдруг почувствовала, что от смеха она становится все легче и легче, словно ее накачивают воздухом. Это было и странно, и приятно. И ее все больше разбирал смех. И вдруг — гоп! — она сильно подпрыгнула и взлетела.

Онемев от изумления, Майкл глядел, как она пролетает над ним... Вот она взлетела еще выше и, слегка стукнувшись о потолок головой, оказалась возле дяди Альберта.

— Ну и ну! — сказал дядя Альберт с очень удивленным видом. — Неужели у тебя сегодня тоже день рождения?

Джейн отрицательно покачала головой.

— Нет? Тогда, значит, и тебе попала в рот смешинка... Эй! Осторожнее! Фарфор! Фарфор!

Последние слова относились к Майклу, который тем временем тоже взлетел и понесся по воздуху, заливаясь смехом. Он ловко миновал фарфоровые статуэтки на каминной полке и с размаху приземлился на правое колено дяди Альберта.

— Здравствуй! — сказал мистер Паррик, сердечно пожав Майклу руку. — Очень мило с твоей стороны, очень мило, клянусь! Ты решил подняться ко мне, раз уж я не могу спуститься, так?

Они с Майклом поглядели друг на друга и, откинув головы назад, расхохотались до слез.

— Боюсь, — сказал мистер Паррик Джейн, вытерев глаза, — вы подумаете, что я совсем невоспитанный человек. Я сижу, а моя гостья стоит. Такая милая барышня — стоит! Увы, я не могу предложить вам стул, но надеюсь, вы, как и я, найдете, что на воздухе очень удобно сидеть. Уверяю вас!

Джейн попробовала — и оказалось, что у нее это прекрасно получается. Она села, сняла шапочку, положила ее рядом с собой — и шляпка повисла в воздухе без всякой опоры!

— Отлично! — сказал дядя Альберт.

Потом он повернулся и взглянул вниз, на Мэри Поппинс.

— Ну, Мэри, мы устроились. А что же ты? Ну, не хмурься, дорогая. Я вижу, ты не одобряешь... м-м-м-м... все это. Но честное слово, милая, я никак не мог предполагать, что смешинки так заразительны. Честное слово, Мэри! Ты сердишься? Не надо! Я так рад, что ты пришла!

— Возмутительно! — строго сказала Мэри Поппинс. — Неслыханно! Тем более в вашем возрасте, дядя!

— Мэри Поппинс, Мэри Поппинс, идите к нам сюда! — перебил ее Майкл. — Подумайте о чем-нибудь смешном, и вы увидите, как это просто!

— И в самом деле, Мэри, пожалуйста! — настойчиво сказал мистер Паррик.

— Нам тут скучно без вас, — сказала Джейн и протянула руки к Мэри Поппинс. — Подумайте, пожалуйста, о чем-нибудь веселом!

— Ах, ей это ни к чему! — сказал дядя Альберт со вздохом. — Она может взлететь, когда хочет, даже не засмеявшись, и она это прекрасно знает!

И он обменялся с Мэри, стоявшей на ковре, таинственным, загадочным взглядом...

— Ну,— сказала Мэри Поппинс,— все это очень глупо и неприлично, но раз уж вы все оказались там и, по-видимому, неспособны опуститься, придется мне, пожалуй, подняться к вам.

С этими словами, к великому удивлению Майкла и Джейн, она вытянула руки по бокам и, не засмеявшись — даже без тени улыбки на лице! — стрелой взлетела в воздух и уселась рядом с Джейн.

— Сколько раз,— сказала она ворчливо,— сколько раз, интересно, я тебе говорила, что надо снимать пальто, когдаходишь в теплую комнату?

И она сняла с Джейн пальто и аккуратно положила его на воздух рядом со шляпой.

— Отлично, Мэри, отлично! — добродушно сказал мистер Паррик, нагибаясь и укладывая очки на каминную полку.— Ну вот, мы все уютно устроились.

— Уютно! — фыркнула Мэри Поппинс.

— И можем попить чайку,— продолжал мистер Паррик, видимо не слышавший ее замечания. И вдруг на его лице появилось испуганное выражение.— Боже мой! — сказал он.— Какой ужас! Я только сейчас понял: ведь стол внизу, а мы наверху. Что же нам делать?! Мы тут, а он там! Это страшная трагедия, страшнейшая! Но, господи, до чего же это смешно!

И он, закрыв лицо платком, расхохотался во все горло.

Джейн и Майкл, хотя им вовсе не улыбалась перспектива остаться без торта и печенья, тоже не могли не рассмеяться: такой заразительный смех был у дяди Альберта.

Мистер Паррик вытер глаза.

— Есть только одно средство помочь горю,— сказал он.— Надо упасть духом. Подумать о чем-нибудь печальном, грустном. И тогда мы сможем спуститься. Ну — раз, два, три! Что-нибудь очень-очень грустное, пожалуйста!

И они принялись думать, положив голову на руки.

Майкл думал про школу — думал о том, что ведь и ему когда-нибудь придется туда пойти. Но даже и это его сегодня нисколько не пугало, а, наоборот, веселило.

Джейн думала:

«Пройдет каких-нибудь четырнадцать лет, и я вырасту!» Но это было совсем не грустно, а, пожалуй, очень интересно и забавно. Она не могла не улыбнуться, представив себя взрослой, в длинном платье и с сумочкой.

— Взять, к примеру, мою бедную старую тетюшку Эмили,— размышлял вслух дядя Альберт.— Она попала под автобус. Грустно. Очень грустно. Невыносимо грустно. Бедная старушка! Но зато ее зонтик остался совершенно цел! Потешно, правда?

И, сам того не замечая, он уже трясся от смеха. Он фыркал и задыхался, вспоминая зонтик тетушки Эмили.

— Ничего не выйдет, — сказал он наконец, высморкавшись. — Я сдаюсь. И, кажется, моим юным друзьям тоже не удастся упасть духом. Мэри, может быть, ты что-нибудь сделаешь? Мы все очень хотим чаю!

До сего дня Джейн и Майкл не узнали, что и как сделала Мэри Поппинс. Но в одном они совершенно уверены: едва только дядя Альберт обратился к Мэри, стол покачнулся, потом он накрепчился, так что чашки и блюда забренчали, а печенье съехало с блюда на скатерть. И тут стол взмыл в воздух, пролетел через всю комнату и, сделав изящный поворот, встал так, что мистер Паррик оказался на председательском месте!

— Умница! — сказал дядя Альберт, с гордостью улыбаясь Мэри. — Я знал, что ты что-нибудь придумаешь! Ну, может быть, теперь ты займешь место хозяйки и будешь разливать чай, Мэри? А гости пусть сядут поближе ко мне!

И вот наконец они все устроились в воздухе за аппетитно накрытым столом.

Мистер Паррик удовлетворенно улыбнулся.

— Принято, кажется, начинать с бутербродов, — сказал он Джейн и Майклу. — Но, поскольку сегодня мой день рождения, мы начнем не по правилам, и, по-моему, это будет правильно: мы начнем с торта!

И он отрезал каждому по большому куску.

Некоторое время все молчали.

— Еще чаю? — спросил хозяин у Джейн.

Но, прежде чем она успела ответить, кто-то забарабанил в дверь.

— Войдите! — отозвался мистер Паррик.

Дверь отворилась, и появилась мисс Персиммон с кувшином горячей воды на подносе.

— Я подумала, мистер Паррик, — начала она, обводя комнату взглядом, — я подумала, что, может быть, вам понадобится еще кипятка. О боже, я в жизни... в жизни... — залепетала она, увидев, как вся компания мирно распивает чай в воздухе. — В жизни я ничего подобного не видела! Мистер Паррик, извините, я всегда знала, что вы немного странный! Но я всегда закрывала на это глаза, раз вы аккуратно платили за квартиру. Но такое поведение — пить чай с гостями в воздухе, — мистер Паррик, я поражена вашим поступком, сэр! Это так неприлично, и для джентльмена в вашем возрасте, я никогда, никогда...

— Ну, а вдруг, мисс Персиммон? — спросил Майкл.

— Что — вдруг? — высокомерно спросила мисс Персиммон.

— Вдруг и вы проглотите смешинку, как мы? — объяснил Майкл.

Мисс Персиммон гордо вздернула голову.

— Надеюсь, молодой человек,— возразила она,— я еще не забыла, что такое самоуважение! Нет, сэр, я не стану болтаться в воздухе, как воздушный шар на веревочке! Я предпочитаю стоять на собственных ногах, или я уже не Эми Персиммон... о боже мой, господи, м а м а! Что же это? Я не могу идти, я... я... Помогите, помогите!

Увы, ноги мисс Персиммон, совершенно против ее воли, оторвались от пола, и она заковыляла по воздуху, переваливаясь с боку на бок, словно очень тоненький бочонок, с трудом балансируя своим подносом. Когда наконец она прибыла к столу и поставила на него кувшин с кипятком, бедняжка чуть не плакала.

— Благодарю вас,— сказала Мэри Поппинс спокойно и очень вежливо.

И мисс Персиммон повернулась и, пошатываясь, побрела по воздуху вниз, не переставая бормотать:

— Какой позор! Это я, такая воспитанная, степенная женщина! Надо пойти к доктору!

Едва коснувшись пола, она, ломая руки, опрометью кинулась бежать из комнаты и даже ни разу не оглянулась.

— Какой позор! — услышали они ее стон, когда дверь за ней захлопнулась.

— Значит, теперь она не Эми Персиммон, раз она не устояла на своих ногах! — шепнула Джейн Майклу.

Мистер Паррик смотрел на Мэри Поппинс странным взглядом: наполовину укоризненно, наполовину одобчительно.

— Мэри, Мэри, ну зачем ты? Честное слово, напрасно! Бедняжка этого не переживет! Но, господи, до чего же потешный был у нее вид, когда она ковыляла по воздуху! Боже милостивый!

И все трое — старый джентльмен, а с ним Джейн и Майкл — снова покатались со смеху. Они хватались за бока и задыхались от хохота при мысли о том, как потешно выглядела мисс Персиммон.

— Ой, батюшки! — кричал Майкл. — Не смешите меня больше! Я не выдержу! Я лопну!

— Ой, ой, ой! — заливалась Джейн, хватаясь за сердце.

— О господи боже ты мой милостивый! — стонал мистер Паррик, вытирая слезы полкой пиджака, потому что он был не в состоянии найти свой носовой платок.

— Пора идти домой.

Голос Мэри Поппинс, словно трубный глас, заглушил общий хохот.

И в ту же секунду Джейн, и Майкл, и мистер Паррик внезапно спустились с небес на землю. Проще говоря, они шлепнулись на пол — все трое. Да, мысль о том, что пора идти домой, — это была первая грустная мысль за весь день, и, как только она появилась, смешинка пропала...

Джейн и Майкл вздохнули, глядя, как Мэри Поппинс медленно спускается по воздуху с пальто и шляпой Джейн в руках. Мистер Паррик тоже вздохнул. Это был тяжелый, долгий, грустный вздох.

— Как жалко! — сказал он печально. — Ужасно жалко, что вы должны идти домой. Я никогда еще так не веселился, а вы?

— Никогда! — уныло ответил Майкл. Ему было очень странно и грустно стоять опять на земле и не чувствовать внутри себя Волшебной Смешинки.

— Никогда-никогда! — как эхо, повторила Джейн, встав на цыпочки, чтобы поцеловать сморщенную, как печеное яблоко, щеку мистера Паррика. — Никогда-никогда-никогда!

*

Они ехали домой в автобусе. Мэри Поппинс сидела посередине, ребята по бокам, оба очень тихие и задумчивые — они вспоминали этот чудесный день. Майкл спросил сонным голосом:

— А часто ваш дядя так?

— Что значит «так»? — сердито переспросила Мэри Поппинс.

— Ну, часто он летает по воздуху? — пояснил Майкл.

— Летает? — Мэри Поппинс повысила голос. — Л е т а е т ? Будь любезен, объясни, что ты хочешь этим сказать?

Джейн попыталась помочь:

— Майкл хочет сказать: часто ваш дядя глотает смешинки и кувыркается под потолком, когда веселящий газ...

— Кувыркается? Что это тебе пришло в голову! Кувыркается под потолком? Мне просто стыдно за тебя!

Мэри Поппинс явно была очень оскорблена.

— Но ведь это правда! — сказал Майкл. — Мы сами видели!

— Что-о? Видели, как он кувыркался? Как ты смеешь! Да будет тебе известно, мой дядя — серьезный, честный, порядочный человек, труженик, и будь любезен говорить о нем с уважением! И перестань жевать автобусный билет! Кувыркается! Надо же выдумать!

Майкл и Джейн удивленно переглянулись.

Но они ничего не сказали.

Они уже усвоили, что, какие бы ни творились кругом чудеса, с Мэри Поппинс лучше не спорить.

Поэтому они только переглянулись.

И взгляд, которым они обменялись, означал:

«Было это или не было? Кто прав — Мэри Поппинс или мы?»

Увы, никто не мог им ответить на этот вопрос...

Автобус неся вперед, ревя мотором и покачиваясь.

Мэри Поппинс сидела между ними надувшись и молчала; и вдруг — ведь ребята очень устали — они подвинулись к ней поближе, прижались к ней и задремали, продолжая недоумевать.

Глава третья

МИСС ЛАРК И ЕЕ ЭДУАРД

Мисс Ларк жила в соседнем доме.

Но, прежде чем мы пойдем дальше, надо обязательно рассказать тебе, что это был за дом — соседний дом. Это был очень большой дом, самый-самый большой во всем Вишневом переулке. Даже Адмирал Бум не мог скрыть, что он завидует мисс Ларк, хотя в его собственном доме — ты помнишь? — трубы были как на настоящем пароходе, а в палисаднике стояла мачта с флагом. И все-таки соседи то и дело слышали, как он, проходя мимо дома мисс Ларк, ворчит:

— Лопни моя селезенка! И зачем ей такие хоромы?

А завидовал Адмирал Бум тому, что в доме у мисс Ларк было два входа. Один парадный — для друзей и родственников мисс Ларк, а второй черный — для молочника, мясника и булочника.

Однажды булочник по ошибке вошел через парадную дверь, и мисс Ларк так рассердилась, что сказала, что больше никогда в жизни не будет есть булочек!

В конце концов ей, правда, пришлось простить булочника, потому что только он один во всей округе умел печь булочки с хрустящей корочкой. И все-таки она с тех пор недолюбливала его, и, приходя с булками, он натягивал шляпу на самые глаза, чтобы мисс Ларк могла подумать, что это не он, а кто-нибудь другой. Но этого никогда не случалось...

Джейн и Майкл всегда знали, когда мисс Ларк находится в саду или идет по переулку, потому что она носила столько ожерелий и серег, что вся звенела и гремела, как полковой оркестр.

И, когда бы она ни встретила детей, она всегда говорила одно и то же:

— Добрый день (или «доброе утро», если это было утром). Ну, как мы себя чувствуем?

Ни Джейн, ни Майкл так никогда и не могли до конца понять, о чем мисс Ларк спрашивает: как чувствуют себя Джейн и Майкл или как чувствуют себя они сами — мисс Ларк и Эдуард.

Так что они просто отвечали:

— Доброе утро (или, естественно, «добрый день», если время было послеобеденное).

День-деньской ребята, где бы они ни находились, слышали,

как мисс Ларк кричит (очень громким голосом) что-нибудь вроде:

— Эдуард, где ты?

— Эдуард, не выходи без пальто!

— Эдик, иди к мамочке!

Посторонний человек, конечно, решил бы, что Эдуард — это мальчик. Между прочим, Джейн была уверена, что мисс Ларк и считает Эдуарда маленьким мальчиком. Но Эдуард — это был не мальчик. Это был песик — маленький, шелковистый, пушистый песик, из тех, которых вполне можно принять за меховую муфту, пока они не начинают лаять. Но, конечно, когда они залают, тут уж не ошибешься и поймешь, что это собачка. Никогда в жизни ни одна муфта не поднимала такого шума!

Так вот, этот Эдуард вел такую роскошную жизнь, что вы могли подумать, будто он — Шах Персидский инкогнито. Он спал на шелковой подушке в комнате мисс Ларк; он два раза в неделю ездил на машине к парикмахеру — мыться шампунем; к обеду, завтраку и ужину ему подавали сливки, а иногда — устриц; и у него было четыре пальто, в полоску и в клеточку, и все разных цветов! Словом, в будни у него было полным-полно таких вещей, которые у простых смертных бывают только в день рождения; а когда у Эдуарда был день рождения, на его праздничный пирог ставили по две свечи за каждый прожитый им год вместо одной, как делают обычно.

Результат всего этого был тот, что Эдуарда терпеть не могли во всей округе. Все соседи покатывались со смеху, когда Эдуард в своем шикарном пальто проезжал мимо них на заднем сиденье машины мисс Ларк, направляясь к парикмахеру, укрытый меховой попонкой.

А в тот день, когда мисс Ларк купила ему две пары кожаных ботиночек, чтобы он мог гулять по парку в сырую погоду, весь переулок высыпал к ограде — посмотреть на Эдуарда и похихикать в кулачок.

— Фу! — сказал как-то раз Майкл, когда они с Джейн наблюдали за Эдуардом сквозь изгородь, отделявшую Дом Номер Семнадцать от соседнего дома. — Фу! Он просто ничтожество!

— Откуда ты знаешь? — спросила Джейн, очень заинтересованная.

— Я знаю, потому что папа так его назвал сегодня утром.

— Он вовсе не ничтожество! — сказала Мэри Поппинс. — И точка!

И Мэри Поппинс была права. Эдуард вовсе не был ничтожеством, как вы очень скоро увидите.

Не нужно думать, что он не уважал мисс Ларк. Он ее уважал. Он даже по-своему любил ее. Разве мог он плохо относиться к той, которая была так добра к нему всю жизнь — с тех пор, когда он

был еще щеночком, — даже если она и целовала его слишком уж часто. Но не было никакого сомнения в том, что жизнь, которую вел Эдуард, надоела ему хуже горькой редьки. Он с радостью отдал бы половину своего состояния — если бы оно у него было — за честный кусок простого сырого мяса вместо куриной грудки или омлета со спаржей, которыми его обычно потчевали.

Потому что в глубине своей собачьей души Эдуард мечтал стать дворняжкой — обыкновенной дворняжкой. Когда он проходил мимо своей родословной (висевшей на почетном месте в гостиной мисс Ларк), его бросало в дрожь. От стыда. Сколько раз он мечтал о том, чтобы у него не было ни отца, ни дедушки, ни прадедушки и мисс Ларк не могла поднимать из-за них столько шуму!

Недаром он и дружил только с одними дворняжками. Едва ему удавалось вырваться, он мчался к калитке и сидел там, поджидая какую-нибудь дворнягу, с которой он мог бы потолковать о жизни — о нормальной собачьей жизни. Но как только мисс Ларк замечала это, она непременно поднимала крик:

— Эдик! Эди, домой, маленький! Не подходи к этим ужасным уличным собакам!

Увы, Эдуарду приходилось идти домой, потому что иначе мисс Ларк не постеснялась бы понести его домой и тем самым опозорить навеки. И несчастный песик краснел и мчался опрометью по лестнице, чтобы друзья не слышали, как она называет его Золотком, Радостью, Сахарочком.

Самый закадычный друг Эдуарда был не просто дворнягой — он был Притчей во Языцах. Он был наполовину эрделем, наполовину легавой, причем обе половины были худшие. Где бы на улице ни происходила драка, он непременно оказывался в самой гуще; он постоянно имел неприятности с почтальоном и полисменом; и больше всего на свете он любил рыться в помойках и сточных канавах. Словом, это была действительно Притча во Языцах всего переулка, и многие вслух выражали свою радость, что он — не их собака...

Но Эдуард любил его и постоянно с нетерпением ждал встречи со своим другом. По большей части им, правда, удавалось лишь на ходу обнюхаться в парке, но иногда, если им везло (что бывало очень-очень редко), они вели длинные беседы через забор. Тогда-то Эдуард узнавал от своего друга все городские новости и сплетни, причем грубый смех дворняги явно говорил о том, что она не очень стесняется в выражениях...

И тут вдруг приятную беседу прерывал визгливый голос мисс Ларк, звавшей Эдуарда из окна; гость, показав ей язык, подмигивал Эдуарду и неторопливо удалялся, повиливая своей задней частью, с видом полнейшего презрения.

Эдуарду, конечно, никогда не разрешалось выходить за ворота

одному: он мог выйти либо с мисс Ларк — на прогулку в парк, либо с одной из ее служанок — к парикмахеру или маникюрше.

Представьте же себе удивление Джейн и Майкла, когда они увидели, что Эдуард мчится мимо них по парку, один-одинешенек, прижав уши и подняв хвост, словно он напал на след тигра. Мэри Поппинс рывком приподняла коляску — чтобы Эдуард не налетел на нее и не опрокинул вместе с Близнецами. А Джейн и Майкл радостно завопили.

— Эй, Эдуард! Где твоё пальто? — крикнул Майкл, стараясь передразнить высокий, визгливый голос мисс Ларк.

— Эдуард! Ах ты нехороший мальчик! — крикнула Джейн, и, конечно, так как она была девочка, голос мисс Ларк получился у нее гораздо лучше.

Но Эдуард только презрительно покосился на них и громко пролаял что-то Мэри Поппинс.

— Гав-гав! Ррр-гав-гав-гав! — повторил он несколько раз.

— Сейчас, дай подумать. Ага! По-моему, первый поворот направо, а там — второй дом на левой стороне, — сказала Мэри Поппинс.

— Гав? — сказал Эдуард.

— Нет, там нет садика. Просто задний двор. Ворота почти всегда открыты.

Эдуард опять залаял.

— Точно не знаю, — сказала Мэри Поппинс, — но думаю, что да. Он обычно дома в это время.

И Эдуард, кивнув головой, понесся галопом дальше.

От удивления глаза у Джейн и Майкла были круглые, как блюдечки.

— Что он говорил? — спросили ребята хором.

— Да просто так, разные пустяки... — ответила Мэри Поппинс и сжала губы так плотно, словно твердо решила не выпустить изо рта больше ни одного слова. Слышно было только, как Джон и Барбара ворковали в коляске.

— Нет, не пустяки! — выпалил Майкл.

— Не просто так! — поддержала Джейн.

— Ну конечно, вы лучше знаете! Как всегда! — презрительно сказала Мэри Поппинс.

— Он, наверно, спрашивал вас, где кто-то живет, — начал Майкл.

— Что ж, если ты сам знаешь, зачем приставать ко мне с вопросами? — фыркнула Мэри Поппинс. — Я не энциклопедия!

— Майкл, — шепнула Джейн, — она нам ничего не скажет, если ты будешь так разговаривать. Пожалуйста, Мэри Поппинс, скажите нам, что Эдуард вам говорил, пожалуйста!

— Спроси вот у него! Он знает — мистер Всезнайка! — сказала Мэри Поппинс, сердито кивнув в сторону Майкла.

— Ой, нет, я не знаю! Честное слово, не знаю! Скажите!

— Половина четвертого. Пора пить чай,— сказала Мэри Поппинс.

Она круто развернула коляску и покатила ее домой, сжав губы еще крепче, словно заперла рот на замок. И всю дорогу она не проронила ни слова.

Джейн с Майклом немного отстали.

— Это ты виноват,— сказала Джейн— Теперь мы никогда ничего не узнаем!

— Ну и ладно,— сказал Майкл и изо всех сил разогнал свой самокат.— Я и не хочу знать!

Но он, конечно, ужасно хотел знать. И случилось так, что и он, и Джейн, и все остальные все узнали еще до чая.

Они были уже напротив своего дома и собирались перейти улицу, как вдруг они услышали громкие крики в соседнем доме и увидели удивительную картину. Обе горничные мисс Ларк носились как безумные по саду, то заглядывая под кусты, то на верхушки деревьев, как будто они разыскивали потерянное сокровище. Там же был и Робертсон Эй из Дома Номер Семнадцать, с деловым видом разметавший гравий на дорожке сада мисс Ларк, словно он надеялся найти пропажу под камушком. Сама мисс Ларк бегала по саду, ломая руки и крича:

— Эдуард! Эдуард! О боже, он пропал! Мой дорогой мальчик пропал! Надо послать за полицией! Я поеду к премьер-министру! Эдуард пропал! О боже! О боже!

— Бедная мисс Ларк! — воскликнула Джейн и кинулась через дорогу. Ей было все-таки очень жалко мисс Ларк.

Но утешение принес — и очень быстро — не кто иной, как Майкл. Как раз подходя к своей калитке, он оглянулся и вдруг что-то увидел в конце переулка.

— Эй, вон Эдуард, мисс Ларк! Посмотрите, вон там — на углу возле дома Адмирала Бума! — закричал Майкл.

— Где, где он? Покажи мне! — задыхающимся голосом молила мисс Ларк. Наконец она поняла, куда он показывает, и впиалась туда глазами.

И там действительно был Эдуард. Он шел не спеша, с невозмутимым видом, словно ему все трын-трава, а рядом с ним семенил огромный пес, казавшийся наполовину эрделем, наполовину легавой (причем обе половины были, как ты помнишь, худшие)...

— О боже, какое счастье! — возопила мисс Ларк, громко вздыхая.— Какой камень свалился с моей души!

Мэри Поппинс и ребята приостановились у калитки; мисс Ларк и обе ее горничные перевесились через забор; Робертсон Эй, отдыхая от трудов праведных, оперся на щетку, и все в молчании созерцали возвращение Эдуарда.

А Эдуард и его друг важно шествовали по направлению к дому, небрежно повиливая хвостами и насторожив уши, и по выражению глаз Эдуарда вы могли понять: какие бы у него намерения ни были — это были серьезные намерения.

— Боже! Эта ужасная собака! — пролепетала мисс Ларк, разглядев спутника Эдуарда. — Пшел! Пшла! Марш отсюда! — закричала она.

Но пес вместо ответа просто-напросто уселся на тротуар, почесал правой ногой левое ухо и зевнул.

— Пшел! Вон! Пшел, говорят тебе! — сердито замахала на него руками мисс Ларк. — А ты, Эдуард, — продолжала она, — иди домой сию минуту! Как ты мог так уйти — совершенно один и без пальто! Я тобой очень недовольна!

Эдуард лениво тьякнул, но не двинулся с места.

— Что это значит, Эд? Иди немедленно домой! — настаивала мисс Ларк.

Эдуард опять тьякнул.

— Он говорит, — вмешалась Мэри Поппинс, — что не собирается возвращаться домой.

Мисс Ларк обернулась и смерила Мэри Поппинс надменным взглядом:

— Откуда вы знаете, что говорит моя собака, позвольте спросить? Конечно, он сейчас же пойдет домой!

Однако Эдуард только энергично затряс головой и что-то проворчал.

— Он не пойдет, — сказала Мэри Поппинс. — Не пойдет без своего друга.

— Какие глупости! — сердито сказала мисс Ларк. — Он совсем не это говорит! Неужели я впущу эту безобразную дворнягу в свой сад!

Эдуард пролаял три или четыре раза.

— Он говорит, что так решил, — сказала Мэри Поппинс. — И более того — он уйдет и будет жить со своим другом, если его другу не позволят жить здесь с ним.

— Эдуард, как ты можешь так говорить, после всего, что я для тебя сделала! — Мисс Ларк чуть не плакала.

Эдуард тьякнул и отвернулся. Большой пес встал.

— О боже, он уходит! Я вижу, он хочет уйти! — рыдала мисс Ларк.

Она минутку поплакала в платочек, потом высморкалась и сказала:

— Что ж, хорошо, Эдуард! Я сдаюсь. Пусть эта... эта дворняжка останется у нас. Но с одним условием — она будет спать в угольном погребе.

— Он заявляет, мэм, что это невозможно. Его друг тоже должен спать на шелковой подушке в вашей комнате, как и он.

Иначе он будет спать в погребке со своим другом,— сказала Мэри Поппинс.

— Эдуард, как тебе не совестно! — простонала мисс Ларк.— Я никогда на это не соглашусь!

Эдуард ясно дал понять, что он собирается уходить. То же сделал и большой пес.

— О боже, он покидает меня! — взвизгнула мисс Ларк.— Эдик, я согласна! Пусть будет так, как ты хочешь. Он будет спать в моей комнате, хорошо! Но моя жизнь теперь навсегда разбита, навсегда! Такая ужасная дворняжка!

Она вытерла свои мокрые глаза и продолжала:

— Я никак этого от тебя не ожидала, Эдуард. Больше я ничего не скажу! Пусть все, что я думаю, останется у меня в груди. А это... м-м-м... животное я буду звать Шариком, или Бобиком, или...

Тут большой пес взглянул на мисс Ларк с величайшим презрением, а Эдуард громко залаял.

— Они говорят, вы должны звать его Варфоломеем и никак иначе,— сказала Мэри Поппинс.— Его имя — Варфоломей!

— Варфоломей! Что за имя! Этого еще не хватало! — в отчаянии пролепетала мисс Ларк.— Что он еще говорит?

Эдуард опять залаял.

— Он говорит, что вернется только при условии, что вы никогда не будете его заставлять носить пальто и не станете посылать к парикмахеру. Это его последнее слово! — сказала Мэри Поппинс.

Наступило молчание.

— Что ж, очень хорошо,— сказала мисс Ларк наконец.— Но я тебя предупреждаю, Эдуард: если ты простудишься и умрешь, пеняй на себя!

С этими словами она повернулась и величественно зашагала в дом, по дороге глотая слезы и шмыгая носом.

Эдуард наклонил голову к Варфоломею, словно говоря: «Пошли!»

И обе собаки бок о бок не спеша проследовали по садовой дорожке, подняв хвосты, как флаги, и вошли в дом следом за мисс Ларк.

— Да, как видишь, он оказался не таким уж ничтожеством,— сказала Джейн, когда ребята поднимались в детскую.

— Нет! — согласился Майкл.— Но как ты думаешь, откуда Мэри Поппинс это знала?

— Не знаю,— сказала Джейн.— А она нам никогда-никогда не скажет. Никогда...

ТАНЦУЮЩАЯ КОРОВА

У Джейн болело ухо. Она лежала в постели, и голова у нее была повязана цветным платком Мэри Поппинс.

— А что ты чувствуешь? — поинтересовался Майкл.

— Как будто у меня в голове пушки стреляют, — ответила Джейн.

— Настоящие пушки?

— Нет, хлопушки!

— Ого! — завистливо сказал Майкл. И ему почти захотелось, чтобы у него тоже заболело ухо. — Хочешь, я тебе почитаю вслух? — сказал он, подходя к книжной полке.

— Нет, мне очень больно, — ответила Джейн, хватаясь за ухо.

— Тогда хочешь, я сяду у окошка и буду тебе говорить, что делается на улице?

— Да, валий, — сказала Джейн.

И вот Майкл сел на подоконник и стал рассказывать Джейн обо всем, что происходило в переулке. Иногда это было совсем неинтересно, а иногда — чрезвычайно интересно.

— Вот Адмирал Бум! — говорил он. — Он вышел из дома и куда-то спешит. Подходит, подходит... Нос у него сегодня красный-красный. Ой, на нем цилиндр! Вот он проходит мимо нашего дома.

— А говорит он: «Лопни моя селезенка»? — спросила Джейн.

— Мне не слышно. Но, наверно, говорит... Вторая горничная мисс Ларк вышла в сад. А в нашем саду Робертсон Эй подметает листья и смотрит на нее через забор. А теперь он сел отдохнуть.

— У него больное сердце, — сказала Джейн.

— Откуда ты знаешь?

— Он мне сам сказал. Он сказал, доктор велел ему работать как можно меньше. А папа сказал, если Робертсон Эй послушается доктора, он его уволит... Ой, как трещит и стреляет! — крикнула она, снова хватаясь за ухо.

— Ого-го! — завопил вдруг Майкл в величайшем возбуждении.

— Что случилось? — закричала Джейн, садясь в постели. — Скажи скорей!

— Потрясающая вещь! По нашему переулку идет корова! — ответил Майкл, прыгая по подоконнику.

— Корова? В городе? Настоящая корова? Вот чудеса! Мэри Поппинс! Майкл говорит, у нас в переулке — корова!

— Да-да! Идет тихо-тихо, заглядывает во все ворота и все осматривает. Как будто что-то потеряла и ищет!

— Ой, как жалко, что я не могу посмотреть! — грустно сказала Джейн.

Мэри Поппинс подошла к окну.

— Глядите! — сказал Майкл, показывая вниз. — Корова! Вот странно, правда?

Мэри Поппинс бросила вниз быстрый, пронзительный взгляд и вздрогнула от удивления.

— Тут нет ничего странного, — сказала она, обернувшись к Джейн и Майклу. — Ровно ничего! Я знаю эту корову. Она была большой приятельницей моей матери, и я буду вам очень обязана, если вы будете разговаривать с ней вежливо.

Разгладив фартук, она строго посмотрела на ребят.

— А вы давно ее знаете? — спросил Майкл, стараясь говорить как можно вежливее в надежде услышать еще что-нибудь про корову.

— Еще до того, как она побывала у Короля, — сказала Мэри Поппинс.

— А давно это было? — спросила Джейн самым нежным голосом, каким умела.

Мэри Поппинс смотрела куда-то вдаль. Глаза ее видели что-то, чего никто не мог рассмотреть. Джейн и Майкл затаили дыхание и ждали.

— Давным-давно, — начала Мэри Поппинс задумчивым тоном сказочника. Она сделала паузу, словно вспоминая события, случившиеся много-много веков назад. Потом продолжала, мечтательно глядя невидящими глазами прямо перед собой.

— Рыжая Корова — вот как ее звали. И была она очень важной и богатой коровой, рассказывала моя мать. Она жила на самом лучшем лугу во всей округе — на большом лугу, который весь зарос лютиками размером с блюдечко и одуванчиками, стоявшими ровными рядами, как солдаты. И, когда она съедала голову одного солдатика, на его месте сразу вырастал другой, в зеленом военном мундире и в желтом кивере.

Она жила там всегда — она сама часто говорила моей матери, что не может даже припомнить тех времен, когда бы она не жила на этом лугу. Зеленые ограды да небо — это и был ее мир, и она ничего не знала о том, что лежит за его пределами.

Рыжая Корова была очень почтенной дамой, она всегда вела себя как Истинная Леди и отлично знала Все, Что Полагается. Белое было для нее белым, черное — черным, без всяких тонкостей и оттенков. Одуванчики бывают сладкие или кислые, середины нет, говаривала она.

И она была всегда очень занята. По утрам она давала уроки своей дочери, Рыжей Телке, и после обеда она обучала дочурку хорошим манерам, и мычанию, и вообще всему, что полагается знать приличному, воспитанному теленку. А потом они вместе

ужинали, и Рыжая Корова учила Рыжую Телку, как отличать хорошую травинку от плохой; а когда дочка укладывалась спать, она стояла на лугу и жевала жвачку, и в голове у нее текли важные, спокойные мысли...

Каждый день походил на другой. Одна Рыжая Телка вырастала и уходила, и ее сменяла другая. И вполне понятно, что Рыжая Корова воображала, что жизнь ее всегда будет неизменна, всегда одна и та же. Да она и не хотела никаких перемен, потому что была твердо уверена, что лучшей жизни, чем у нее, быть не может.

И вот, как раз когда она думала об этом, приключение — как она сама потом рассказывала моей матери, — приключение уже подстерегало ее. Случилось это ночью — тихой ночью, когда звезды сами были похожи на одуванчики в небесах, а луна среди них казалась большой маргариткой.

В эту самую ночь — Рыжая Телка давно уже спала — Корова вдруг вскочила и пустилась в пляс. Она танцевала с увлечением; танцевала просто замечательно, строго выдерживая такт, хотя никакой музыки не было.

То она танцевала польку, то шотландскую джигу, то переходила на какой-то новый танец, который тут же сама выдумывала из головы. А в промежутках между танцами она делала реверансы, и кланялась, и приседала перед одуванчиками.

«Боже мой! — подумала Рыжая Корова, начиная отплясывать матросский танец. — Как странно! Я всегда считала, что танцевать неприлично, но выходит, это не так — ведь я сама танцую, а я всегда была образцовой Коровой!»

Она танцевала и танцевала в свое удовольствие, но в конце концов устала и решила, что танцевать хватит — пора бы поспать. Однако, к ее крайнему изумлению, оказалось, что она *не может перестать танцевать*. Она попыталась улечься рядом с Рыжей Телкой, но собственные ноги ее не послушались! Ноги продолжали танцевать, выделять всевозможные па и выписывать кренделя и вензеля, и, понятно, ей пришлось танцевать вместе с ними! И она понеслась в бешеном вальсе...

— О боже! — восклицала она в промежутках между танцами. — Ах, как все это странно! Ах, как странно!

Но, хотя она говорила тоном истинной леди, остановиться она все-таки не могла.

Наступило утро, настал день, а она все еще танцевала — носилась по лугу то кругами, то вдоль, то поперек, а по пятам за ней бегала Рыжая Телка и жалобно мычала. Когда же пришел новый вечер и Корова все еще не могла остановиться, она очень огорчилась. А к концу недели она совсем расстроилась.

— Я должна пожаловаться Королю, — решила она и затрясла головой.

И, поцеловав Рыжую Телку, она велела ей хорошо себя вести и отправилась во дворец.

Всю дорогу Корова протанцевала, и лишь изредка ей удавалось перехватить травинку-другую, и все, кто видел ее, таращили глаза от удивления. Но больше всех удивлялась она сама...

Наконец она пришла во дворец и, танцуя, поднялась по широкой лестнице к самому королевскому трону.

А на троне сидел Король. Он был очень занят — он сочинял новые законы. Его секретарь записывал их большим гусиным пером в маленький красный блокнотик.

Кругом стояли придворные и фрейлины; все они были разодеты в пух и прах и говорили все сразу.

— Сколько законов я сочинил сегодня? — спросил Король у секретаря.

Секретарь быстро сосчитал, перелистав блокнотик.

— Семьдесят два, ваше величество! — с низким поклоном отвечал он, стараясь не споткнуться о свое гусиное перо (такое оно было большое).

— Ём! Неплохо. И всего за час работы! — сказал Король, очень довольный собой.

Он встал и красиво задрапировался в свою горностаевую мантию.

— Карету! Я еду к цирюльнику, — сказал он величественно.

И тут он заметил Рыжую Корову. Он снова уселся и схватил свой скипетр.

— Что это такое, а? — крикнул он, увидав, что Рыжая Корова подтанцевала уже к самому подножию трона.

— Корова, ваше величество, — просто отвечала Корова.

— Это я вижу, — сказал Король. — Я еще не лишился зрения. Но что вам тут нужно? Выкладывайте! И живо, потому что в десять я должен быть у цирюльника, а он не будет ждать! А мне необходимо подстричься. И, ради всего святого, перестаньте скакать и вертеться! — раздраженно добавил он. — У меня просто голова кружится!

— Просто голова кружится! — как эхо, подхватили придворные.

— В этом-то и есть моя беда, ваше величество, — жалобно сказала Корова. — Я не могу перестать!

— Не можете перестать? Глупости! — рявкнул Король. — Немедленно перестаньте! Таков королевский приказ!

— Немедленно перестать! Таков королевский приказ! — повторили все придворные.

Корова изо всех сил постаралась выполнить королевский приказ. Все кости и мускулы заходили у нее ходуном. Но напрасно. Она все равно продолжала танцевать у самого подножия трона.

— Я старалась, ваше величество. Ничего не выходит. Я тан-

щую вот уже седьмой день. И не сплю. И почти ничего не ем — листок-другой чертополоха, и все. Вот я и пришла попросить у вашего величества совета — как мне быть?

— Гм! Очень странно! — сказал Король, сдвинув корону набок и почесывая затылок.

— Очень странно! — отозвались придворные, тоже почесав в затылках.

— А какое при этом ощущение? — спросил Король.

— Странное, — отвечала Корова. — И, пожалуй, — сказала она, тщательно выбирая слова, — пожалуй, приятное. Словно... словно внутри у меня взад-вперед бегают смешинки.

— *Поразительно!* — сказал Король.

Он подпер голову руками и уставился на Корову, погружившись в размышления. Вдруг он вскочил и закричал:

— Господи боже ты мой!

— Что случилось? — закричали придворные.

— Вы разве сами не видите! — завопил Король. От волнения он уронил свой скипетр. — Какой же я идиот, что сразу этого не заметил! И какие вы все идиоты! — гневно обернулся он к придворным. — Разве вы не видите, что она подхватила на рога Падучую звезду?

— Вот в чем дело! — закричали придворные, которые вдруг тоже все впервые заметили звезду и уставились на нее. И казалось, чем больше на нее смотрели, тем ярче она разгоралась.

— В этом-то и беда! — сказал Король. — Итак, господа придворные, снимите эту звезду, чтобы названная... мmmm... леди могла перестать танцевать и прилично позавтракала. Это звезда, сударыня, заставляет вас плясать, — обратился он к Корове. — Ну-ка, поживей!

И сделал знак главному придворному, который, изящно поклонившись Рыжей Корове, потащил звезду. Но звезда не поддавалась. За старшего придворного ухватился другой, за другого — третий, и так далее, и так далее; образовалась длинная-предлинная цепь, словно все придворные собирались тянуть репку.

— Не оторвите мне голову! — жалобно попросила Корова.

— Тяните сильнее! — загремел Король.

Придворные повиновались. Они стали тянуть изо всех сил. Тянули так, что лица у всех стали красные, как малина. Они тянули до тех пор, пока у них уже не стало сил тянуть, и тогда они все повалились друг на друга.

А звезда и не шевельнулась. Она твердо держалась на коровьем роге.

— Тц-тц-тц! — сокрушенно щелкал языком Король. — Секретарь! Посмотрите, что говорится о коровах со звездами на рогах в Энциклопедии!

Секретарь стал на колени и залез под трон. Потом он выныр-

нул оттуда с огромной зеленой книгой, которая всегда находилась там на тот случай, если Король пожелает о чем-нибудь осведомиться.

Секретарь поспешно перелистал Энциклопедию.

— Ничего нет, ваше величество,— сокрушенно сказал он наконец.— Есть только про Корову, Которая Подпрыгнула Выше Луны, но это вы и так знаете.

И — просто на всякий случай — он прочитал стихи, которые и так знает каждый ребенок:

Послушайте сказочку
Вы, шалуны:
Корова подпрыгнула
Выше Луны!
Боюсь, что не скоро
Появится снова
Такая прыгучая
Чудо-корова!

Король потер подбородок — это помогало ему думать.

Потом он сердито вздохнул и поглядел на Корову.

— Вот все, что я могу вам посоветовать,— сказал он.— Попробуйте сделать то же самое.

— Что попробовать? — спросила Рыжая Корова.

— Подпрыгнуть выше Луны. Может быть, это поможет. В общем, стоит попытаться.

— Мне? — спросила Рыжая Корова с возмущением.

— Да, вам, вам, кому же еще? — нетерпеливо сказал Король. Он очень торопился к цирюльнику.

— Государь,— сказала Корова,— позволю себе напомнить вам, что я приличная, воспитанная скотина и мне с детства внушали, что прыжки — неподходящее занятие для дамы!

Король встал и махнул на нее скипетром.

— Сударыня,— сказал он,— вы просили у меня совета, и я вам его дал. Вы хотите танцевать вечно? Вы хотите вечно голодать? Хотите вечно не спать?

Рыжая Корова подумала о сочных, свежих, сладких одуванчиках. О том, как приятно лежать на мягкой луговой траве. О своих усталых ногах. И она сказала себе: «Ну, может быть, один разок ничего? А к тому же никто, кроме Короля, и не узнает!»

— А это очень высоко? — спросила она, не переставая танцевать

— Не меньше мили, по-моему,— сказал Король.

Рыжая Корова кивнула. Она была того же мнения. Она подумала еще минутку и наконец решилась.

— Никогда не думала, что дойду до этого, ваше величество! Прыгать, да еще выше Луны! Но — я попытаюсь! — сказала она и сделала Королю грациозный реверанс.

— Отлично,— сказал Король весело. Он сообразил, что, пожалуй, все же успеет к цирюльнику вовремя.— Следуйте за мной.

Он направился в сад, и Корова и все придворные пошли за ним.

— Итак,— сказал Король, когда они вышли на широкую лужайку,— когда я свистну, прыгайте.

Он достал большой золотой свисток из жилетного кармана и слегка подул в него, чтобы убедиться, что он не засорился.

Рыжая Корова танцевала в положении «смирно».

— Ну,— сказал Король.— Раз!.. Два!.. Три! — И он свистнул.

Рыжая Корова набрала воздуха — и прыгнула. Вот это был прыжок! Земля сразу оказалась далеко-далеко внизу, фигуры Короля и придворных становились все меньше и меньше и наконец совсем исчезли. А Корова взлетала в небо все выше и выше; звезды проносились мимо нее, словно большие золотые тарелки, и вот ее ослепил яркий свет, и она почувствовала, что ее коснулись холодные лунные лучи. Корова зажмурилась, пролетая над луной, и, миновав полосу слепящего сияния, она наклонила голову к земле и ощутила, что звезда соскользнула с ее рога. С громом и звоном покати́лась звезда по небу.

А когда она исчезла во тьме, Корове показалось, что до нее донеслись чудесные звучные аккорды удивительной небесной музыки...

И в следующий миг Рыжая Корова снова опустилась на землю. К своему большому удивлению, она обнаружила, что находится не в королевском саду, а на своем родном лугу!

И главное — она перестала танцевать!

Ноги ее ступали важно и уверенно, как и полагается ногам всякой уважающей себя коровы. Степенной, неспешной походкой она прошла по лугу навстречу Рыжей Телке, по дороге обезглавливая своих золотоволосых солдатиков...

— Я так рада, что ты вернулась! — сказала Рыжая Телка.— Мне было так тоскливо!

Корова поцеловала ее и стала пастись. Впервые за неделю она могла поесть вдоволь. И, чтобы утолить голод, ей пришлось съесть несколько полков.

Так она зажила по-прежнему. И сначала ее это радовало. Она была счастлива, что может вовремя, без всяких танцев, позавтракать; может полежать на траве, пережевывая жвачку; может спокойно спать ночью, вместо того чтобы до рассвета выписывать кренделя и делать реверансы.

Но вскоре она начала тревожиться. Да, конечно, луг, и одуванчики, и Рыжая Телка — все это было очень хорошо, но она чувствовала, что ей чего-то не хватает. Чего — сперва она и сама не знала. Но в конце концов она поняла: она скучала по своей звезде. Да, как это ни странно, она, видно, привыкла танцевать и ощущать во всем теле счастливую легкость и бегающие смешинки.

Она стала раздражительной, она потеряла аппетит, и порой она без всякой причины ревела.

И вот однажды она пошла к моей матери, рассказала ей всю эту историю и попросила у нее совета.

— Дорогая моя! — сказала ей моя мама. — Неужели вы думаете, что на небе мало звезд? Их миллионы! И миллионы звезд падают каждую ночь! Но, конечно, нельзя ожидать, что они будут падать в одно и то же место, на один луг!

— Так вы считаете — если бы я немного попутешествовала... — начала Рыжая Корова, и глаза ее засияли радостью и надеждой.

— Конечно! На вашем месте, — сказала моя мама, — на вашем месте я бы не долго раздумывала. Ищите — и обрящете!

— Я так и сделаю, — радостно сказала Корова. — Так и сделаю!

Мэри Поппинс умолкла.

— А я догадалась, зачем она пришла в наш переулок! — задумчиво произнесла Джейн.

— И я тоже! — поддержал Майкл. — Она ищет свою звезду. Мэри Поппинс вздрогнула и выпрямилась.

— Будьте любезны немедленно отойти от окна, сэр! — сердито сказала она. — Сейчас я потушу свет! Спать!

Но и засыпая, ребята очень-очень хотели, чтобы Рыжей Корове удалось найти свою звезду...

Глава пятая

ИСТОРИЯ БЛИЗНЕЦОВ

Джейн и Майкл ушли в гости, надев свои лучшие костюмы, в которых они выглядели, по словам Элин, «точь-в-точь как с витрины в магазине».

Весь день дом был очень тих и спокоен, словно он задумался о чем-то своем или, может быть, задремал.

Внизу, в кухне, миссис Брилл, водрузив на нос очки, читала газету. Робертсон Эй сидел в саду и был очень занят: он ничего не делал. Миссис Бэнкс сидела с ногами на диване в гостиной.

И дом стоял тихий-тихий, замечтавшись о чем-то или, может быть, задумавшись.

Наверху в детской Мэри Поппинс сушила у камина костюмчики Близнецов. Солнце врывалось в окно, его лучи играли на побеленных стенах и танцевали над кроватками малышей.

— Эй, ты, отодвинься! Ты мне прямо в глаза залез! — сказал Джон громким голосом.

— Извини! — отвечал солнечный луч. — Ничего не могу поделать! Волей-неволей я должен пройти сквозь эту комнату. Приказ есть приказ. Мой дневной маршрут — от Восхода до Заката, а ваша детская как раз по дороге! Так что уж прости. Закрой глазки — ты меня и не заметишь!

Золотой сноп солнечных лучей пересекал комнату. Он явно старался двигаться как можно быстрее, чтобы выполнить просьбу Джона.

— Какой ты нежный, какой ласковый! Я тебя так люблю! — сказала Барби, вытянув руки навстречу теплоте сияния.

— Молодчина! — одобрительно сказал солнечный луч и коснулся ее щек и волос легким, ласкающим движением. — Так ты говоришь, я тебе нравлюсь? — спросил он, видимо не прочь снова услышать похвалу.

— Уж-жасно! — сказала Барби, вздохнув от удовольствия.

— Опять болты-болты-болты? В жизни не слышал столько болтовни, как тут! Вечно кто-нибудь трещит в этой комнате! — прозвучал с окошка чей-то пронзительный голос.

Джон и Барби поглядели в окно.

Там сидел Скворец, который жил на верхушке трубы.

— Это мне нравится! — сказала Мэри Поппинс, живо обернувшись. — Ты бы о себе подумал! Сам день-деньской трещит, стрекочет, кричит — чуть не до ночи! От твоей болтовни могут разболтаться ножки у стула! Ты хуже всякого воробья, сказать по правде!

Скворец наклонил голову набок и поглядел на нее сверху вниз со своей безопасной позиции на оконной раме.

— Ну, — сказал он, — у меня есть дела, множество дел. Сопреждения, переговоры, консультации, дискуссии, и так далее, и тому подобное. Разумеется, многое нужно... ммм... спокойно обсудить!

— Спокойно! — воскликнул Джон, от души смеясь.

— А я не с вами говорю, молодой человек! — отрезал Скворец, соскочив на подоконник. — И, между прочим, вам-то уж лучше бы помалкивать. Я слышал, как ты болтал в прошлую субботу. Господи! Я думал, ты никогда не остановишься! Ты мне всю ночь спать не давал!

— Я не разговаривал, — сказал Джон. — Я пла... — Он запнулся. — Я хочу сказать, я был нездоров.

— Гм! — сказал Скворец и перескочил на перила кровати Барби.

Он бочком пробежал по перилам и остановился у нее в головах. Тут он заговорил ласковым, заискивающим тоном:

— Ну, Барбара Бэнкс, найдется сегодня что-нибудь для старого знакомого, а?

Барби, подтянувшись за перила, уселась в кроватке.

— Осталась половинка печенья, — сказала она и протянула Скворцу свой пухленький кулачок.

Скворец мигом подскочил, выхватил угощение, перепорхнул на подоконник и начал жадно расклевывать печенье.

— Спасибо! — многозначительно произнесла Мэри Поппинс.

Но Скворец был так поглощен едой, что не заметил намека.

— Я сказала: «Спасибо!» — повторила Мэри Поппинс немного погромче.

Скворец поднял голову.

— А — что? А-а, оставь, девочка, оставь. У меня нет времени на все эти церемонии. — И он с удвоенной энергией принялся за печенье.

В комнате было очень тихо.

Джон, разнежившись на солнышке, сунул правую ногу в рот и стал водить пальцами по десне — там, где у него как раз начали прорезываться зубки.

— Зачем ты это делаешь? — весело спросила Барби своим нежным голоском, в котором всегда слышалась улыбка. — Ведь никто на тебя не смотрит — зачем стараться?

— Я знаю, — ответил Джон, продолжая разыгрывать на пальцах ноги какую-то мелодию. — Просто тренируюсь, чтобы не выйти из формы. Ведь эти штучки так радуют взрослых! Ты видела, что вчера было с тетей Флосси? Она чуть с ума не сошла от восторга, когда я ей это демонстрировал! «Золотко! Умница! Чудо мое! Прелесть!» Помнишь, как она закатывалась?

И Джон, взмахнув ногой, так и покатился со смеху, представив себе тетю Флосси.

— Мой фокус ей тоже понравился, — самодовольно сказала Барби. — Я стащила с ног носочки, и она от радости завопила, что так бы меня и съела! Вот потеха! Уж если я скажу «хочу съесть», я и правда съем! Печенье, сухарь, шишечку на перилах кровати, и так далее. А эти взрослые, по-моему, сами не понимают, что говорят. Ведь не хотела же она меня съесть на самом деле?

— Конечно, нет. Это у них просто такая дурацкая манера разговаривать, — сказал Джон. — Я их, наверно, никогда не пойму, этих взрослых. Они все какие-то глупые. И даже Джейн и Майкл иногда бывают такими глупыми!

— Угу, — рассеянно отвечала Барби, то стаскивая, то снова натягивая носки.

— Например,— продолжал Джон,— они не понимают ни единого нашего слова. Больше того: они не понимают, что говорят вещи! Подумать только, я в прошлый понедельник своими ушами слышал, как Джейн сказала, что она хотела бы знать, на каком языке говорит ветер.

— Да, да, помню,— сказала Барби.— Просто поразительно! А как тебе нравится заявление Майкла — ты, конечно, слышал? — что Скворец говорит: «Пик-пик!» Ему как будто и невдомек, что Скворец ничего подобного не говорит, а разговаривает на том же языке, что и мы! Ну уж так и быть, от папы и мамы нельзя требовать многого — они ведь совсем ничего не понимают, хотя они такие славные,— но уж Джейн и Майкл могли бы, кажется...

— Когда-то они все понимали,— сказала Мэри Поппинс, складывая ночную рубашку Джейн.

— Как? — хором откликнулись Джон и Барби, ужасно удивленные.— Правда? Вы хотите сказать — они понимали Скворца, и ветер, и...

— И деревья, и язык солнечных лучей и звезд — да, да, именно так. Когда-то,— сказала Мэри Поппинс.

— Но почему же они тогда все это позабыли?—сказал Джон, наморщив лоб.— Почему?

— Ага,— многозначительно сказал Скворец, оторвавшись от остатков печенья.— Так вы хотели бы это знать?

— Потому что они стали старше,— объяснила Мэри Поппинс.— Барби, пожалуйста, немедленно надень свои носки.

— Вот так так! — сказал Джон, пристально взглянув на Мэри Поппинс.

— Тем не менее это так! — ответила Мэри Поппинс, потуже закатав носки Барби.

— Ну что ж, пусть Джейн и Майкл такие глупые,— продолжал Джон.— Я знаю, что я-то ничего не забуду, когда стану старше.

— А я — тем более,— сказала Барби, с удовлетворением посасывая палец.

— Забудете,— сказала Мэри Поппинс твердо.

Близнецы сели и уставились на нее.

— Фу-ты ну-ты! — сказал Скворец презрительно.— Нашлись вундеркинды! Тоже мне седьмое чудо света! Все забудете, голубчики, как только прорежутся зубки!

— Ни за что! — отвечали Близнецы, глядя на Скворца так, как будто не прочь были его укокошить.

Скворец насмешливо засвистел.

— Будьте покойны, все забудете! — повторил он.— Вы не виноваты, конечно,— добавил он мягче.— Просто тут ничего не поделаешь. Нет ни одного человека, который бы помнил после

того, как ему стукнет самое большее год. За исключением, конечно, ее.— Он указал клювом на Мэри Поппинс.

— А почему она может помнить, а мы нет? — сказал Джон.

— А-а-а! Она не такая, как все. Она — редкое исключение. Она вне конкуренции! — сказал Скворец, ухмыляясь.

Джон и Барби молчали.

Скворец продолжал объяснения:

— Она — единственная в своем роде. Нет, я не о наружности. Конечно, любой мой только что вылупившийся птенец гораздо красивее, чем Мэри Поппинс была, есть и...

— Я тебе задам, наглец! — сердито сказала Мэри Поппинс, мгновенно обернувшись и махнув в его сторону фартуком. Но Скворец, отскочив в сторону, перепорхнул на оконную раму и, оказавшись вне опасности, насмешливо свистнул.

— Думала, ты меня на этот раз поймала, да? — хихикнул он и помахал ей крыльями.

Мэри Поппинс только фыркнула.

Солнечное пятно двигалось по комнате, и длинные золотые стволы тянулись за ним. За окном набежавший легкий ветерок что-то тихонько прошептал веткам вишен в переулке.

— Слушай, слушай, ветер разговаривает, — сказал Джон, наклонив голову набок.— Мэри Поппинс, вы правда думаете, что мы этого не сможем слышать, когда станем старше?

— Слышать-то вы все будете, — ответила Мэри Поппинс, — но понимать перестанете.

При этих словах Барби жалобно заплакала. У Джона тоже навернулись слезы на глаза.

— Ничего не поделаешь. Так уж полагается, — сказала Мэри Поппинс назидательно.

— Ай-ай-ай, вот стыд! — насмеялся Скворец.— Плаксы-ваксы! Разревелись! У невылупившегося скворчонка и то больше ума! Как не стыдно хлюпать!

И действительно, Джон и Барби теперь рыдали во весь голос, захлебываясь горькими слезами.

Тут дверь распахнулась, и в детскую вошла миссис Бэнкс.

— Мне показалось, малыши плачут, — сказала она и подбежала к Близнецам.— Что случилось, мои крошечки? Ах вы мои ненаглядные, мои солнышки, мои золотые птички! Что с вами! Почему они так плачут, Мэри Поппинс? Весь день они были такие тихие, спокойные! Что-нибудь случилось?

— Да, мэм. Нет, мэм. Мне кажется, у них режутся зубки, мэм, — говорила Мэри Поппинс, нарочно не глядя на Скворца.

— Ах да, конечно! — просияла миссис Бэнкс.

— Не желаю я никаких зубок, если из-за них все забуду! Все, что люблю на свете! — вопил Джон, извиваясь под одеялом.

— И я не хочу! — рыдала Барби, зарываясь лицом в подушку.

— Ах вы мои бедняжечки, мои лапочки! Все будет хорошо! Лишь бы эти противные зубищи скорей прорезались,— утешала их миссис Бэнкс, переходя от кровати к кроватке.

— Не понимаешь ты! — яростно вопил Джон. — Не надо мне никаких зубов!

— Все будет плохо, а совсем не хорошо! — плакала в подушку Барби.

— Да-да-да! Не надо плакать! Мамочка знает. Мамочка все-о-о знает. Мамочка понимает. Все будет хорошо, когда зубки прорежутся,— ворковала миссис Бэнкс.

С окна донесся слабый звук. Это Скворец с трудом подавил смех. Мэри Поппинс строго поглядела на него. Он опомнился и принял серьезный вид.

А миссис Бэнкс нежно гладила своих Близнецов, то одного, то другую, продолжая бормотать ласковые слова, которые должны были, по ее мнению, их утешить.

И вдруг Джон перестал плакать.

Он был хорошо воспитанный мальчик, любил свою маму и признавал свой долг перед ней. «Ведь она не виновата, бедняжка, что всегда говорит не то. Она просто-напросто ничего не понимает», — размышлял он. И вот, чтобы показать, что он на нее не сердится, он перевернулся на спину и меланхолично, глотая слезы, взял правую ногу обеими руками и засунул ее в рот.

— Ах ты умница, ах ты мой умница! — в восторге приговаривала мама.

Он повторил это упражнение, и она была в восхищении.

Тогда Барби, не желая уступать ему в любезности, поднялась с подушки и, хотя ее лицо было мокро от слез, села и стащила оба носка сразу.

— Чудо, а не девочка! — с гордостью сказала миссис Бэнкс и поцеловала ее. — Ну, вот видите, Мэри Поппинс! Вот все и хорошо! Я всегда знаю, как их утешить. Все хорошо, все хорошо! — повторяла миссис Бэнкс, словно напевая колыбельную. — И зубки скоро прорежутся.

— Да, мэм, — спокойно отвечала Мэри Поппинс.

И миссис Бэнкс, напоследок улыбнувшись Близнецам, вышла.

Едва дверь за ней закрылась, как Скворец разразился хохотом.

— Простите, что я не сдержался, — кричал он, — но, честное слово, это выше моих сил! Ну и сцена! Ну и сцена!

Джон не обратил на него внимания. Прижавшись лицом к решетке своей кровати, он тихо, яростно сказал Барби:

— Я не буду таким, как все! Не буду, и всё! Пусть они, — он мотнул головой в сторону Мэри Поппинс и Скворца, — говорят что хотят! Я никогда не забуду, никогда!

— И я тоже, — ответила Барби. — *Никогда!*

— Клянусь своим хвостом! — завопил Скворец, хлопая себя крыльями по бокам и покатываясь со смеху. — Нет, вы только послушайте! Как будто это от них зависит! Да ведь через месяц, два, самое большее через три они даже забудут, как меня зовут, дурачки! Глупые бесперые кукушата! Ха-ха-ха!

Раздался новый взрыв смеха, и Скворец, взмахнув пестрыми крылышками, вылетел в окошко.

*

Прошло не так уж много времени с тех пор.

Зубки после немалых страданий наконец прорезались, как полагается всем зубам, и Близнецы отпраздновали свой первый день рождения.

И как раз на другой день после торжества Скворец, который улетал на курорт, вернулся в Дом Номер Семнадцать по Вишневому переулку.

— Привет, привет, привет! Вот и мы! — весело пропищал он, приземляясь на подоконник и подскакивая при каждом «привете». — Ну, как тут поживает наша девочка? — развязно осведомился он у Мэри Поппинс, наклонив голову набок и разглядывая ее своими веселыми, блестящими, озорными глазами.

— Без вас не скучала! — отрезала Мэри Поппинс, надменно вскинув голову.

Скворец рассмеялся.

— Все та же Мэри П.! — сказал он. — Ты не изменилась! Ну, а как остальные? Я имею в виду кукушат, — пояснил он и покосился на кроватку Барби. — Ну, Барбарина, — начал он сладким, заискивающим тоном, — найдется что-нибудь сегодня для старого знакомого?

— Гули-гули! — отвечала Барби, продолжая жевать свое печенье.

Скворец, вздрогнув от неожиданности, подскочил к ней поближе.

— Я говорю, — повторил он отдельно, — найдется что-нибудь для старого приятеля, дорогая Барби?

— Ляп-тяп-тяп, — пролепетала Барби, глядя в потолок и доедая последнюю сладкую крошку.

Скворец уставился на нее.

— Ай-ай-ай! — сказал он наконец и, обернувшись, вопросительно посмотрел на Мэри Поппинс.

Они обменялись долгим взглядом.

Скворец перепорхнул на кровать Джона и уселся на перила решетки. Джон играл с большим пушистым игрушечным ягненком.

— Как меня зовут? Как меня зовут? Как меня зовут? — прокричал Скворец пронзительно и тревожно.

— Аф-тя-тя! — сказал Джон, открыв рот и засовывая туда ногу ягненка.

Слегка покачав головой, Скворец отвернулся.

— Значит, уже, — сказал он негромко Мэри Поппинс.

Она кивнула.

Скворец минутку уныло смотрел на Близнецов, потом пожал пестрыми плечами.

— Ну конечно, я же знал, что так будет. Всегда говорил им. Но они не желали верить.

Он немного помолчал, глядя на кровати. Потом энергично встряхнулся.

— Ну что ж, ну что ж. Мне пора. Труба нуждается в генеральной уборке, я уверен.

Он перелетел на подоконник и, на минуту задержавшись там, оглянулся.

— А странно будет без них все-таки. Всегда любил с ними поболтать. Да, любил. Мне будет их не хватать.

Он проворно обмахнул крылом глаза.

— Расплакался? — съязвила Мэри Поппинс.

Скворец выпрямился.

— Расплакался? Ничего подобного! У меня просто... м-м-м... небольшой насморк. Подхватил в дороге. Вот и все. Да, небольшая простуда. Ничего страшного.

Он перескочил на наружный подоконник и оправил клювом перья на груди.

— Приветик! — крикнул он задорно, взмахнул крыльями и исчез...

Глава шестая

МИССИС КОРРИ

— Два фунта сосисок — высшего сорта, — сказала Мэри Поппинс. — И побыстрее, пожалуйста! Мы торопимся.

Мясник был толстый и добродушный человек в фартуке с синими и белыми полосками. Он был вдобавок большого роста, рыжий и сам очень походил на огромную сосиску. Наклонившись над прилавком, он с восхищением смотрел на Мэри Поппинс. Потом дружески подмигнул Джейн и Майклу.

— Торопитесь? — повторил он. — Жаль, очень жаль! А я надеялся, вы немного побудете, потолкуем о том о сем. Наш брат мясник любит компанию. Да только редко удастся поговорить с такой хорошенькой молодой леди, как... — Тут он запнулся, потому что заметил выражение лица Мэри Поппинс. Оно было так ужасно, что мясник от души пожелал, чтобы под полом его лавки был погреб и он мог туда провалиться. — Ну да, — сказал он, став

еще краснее обычного,— раз вы спешите, то конечно. Два фунта, вы сказали? Высший сорт? Будьте любезны!

И он поспешно подцепил длинную связку сосисок, висевших по всей лавке словно гирлянды. Отхватив порядочный кусок — с добрых полметра,— он уложил его наподобие венка и завернул сначала в белую, потом в коричневую бумагу. Сверток он подвинул к Мэри Поппинс.

— Что еще прикажете? — спросил он с робкой надеждой, все еще краснея.

— Ничего! — отрезала Мэри Поппинс.

Она взяла сверток и покатила коляску к выходу с таким видом, что у мясника не осталось сомнений в том, что она смертельно оскорблена.

Но, проходя мимо витрины, она бросила на нее быстрый взгляд и полюбовалась своими новыми туфельками. Это были прелестные светло-коричневые замшевые туфли на двух пуговицах, необыкновенно изящные...

Джейн и Майкл двигались у нее в кильватере, размышляя о том, когда же список покупок кончится, но не осмеливаясь спросить — такое у нее было выражение.

Мэри Поппинс огляделась, словно в задумчивости, и, приняв внезапное решение, властно объявила:

— Рыбная лавка!

Коляска покатила к соседнему магазину.

— Одну камбалу, полтора фунта палтуса, пинту креветок и омара,— проговорила Мэри Поппинс с такой скоростью, что только тот, кто давно привык к таким распоряжениям, мог что-нибудь понять.

Рыбник, в отличие от мясника, был высокий, худой человек — настолько худой, что, казалось, у него совсем нет фаса, а только два профиля. И вид у него был такой грустный, что вы не сомневались: он или только что плакал, или вот-вот собирается заплакать.

Джейн предполагала, что у него в юности было тайное горе, а Майкл считал, что рыбака в детстве держали на хлебе и воде и он никак не может об этом позабыть.

— Что-нибудь еще? — безнадежно спросил рыбник голосом, который свидетельствовал о том, что он не ждет ничего хорошего.

— В следующий раз,— отвечала Мэри Поппинс.

Рыбник грустно покачал головой и ничуть не удивился. Он заранее знал, что больше ничего не потребуется.

Тихонько вздыхая, он завязал покупку и положил ее в коляску.

— Скверная погода,— заметил он, вытирая глаза рукой.— Похоже, что лета у нас совсем не будет. Да его, в сущности, никогда и не бывало. У вас тоже не слишком цветущий

вид,— обратился он к Мэри Поппинс.— Это, правда, неудивительно.

Мэри Поппинс вздернула голову.

— На себя оглянитесь! — сказала она сердито и устремилась к выходу с такой быстротой, что коляска налетела на бочонок с устрицами.— Какая глупость! — произнесла она, глянув на свои туфли.— Не слишком цветущий вид — это в новых коричневых замшевых туфельках с двумя пуговками! Какая чушь! — казалось, подумала она вслух.

На тротуаре она остановилась и взглянула на список покупок, вычеркивая то, что было уже куплено.

Майкл постоял сначала на одной ножке, потом на другой.

— Мэри Поппинс, мы, что ли, никогда не пойдем домой? — спросил он капризным тоном.

Мэри Поппинс обернулась и посмотрела на него крайне неодобрительно.

— Это уж как выйдет! — сказала она коротко.

Она аккуратно сложила список, а Майкл в душе сильно пожалел, что осмелился открыть рот.

— Ты можешь идти домой, если тебе угодно,— продолжала она надменно,— а мы пойдем покупать имбирные пряники!

У Майкла вытянулось лицо. Ну почему он не сумел промолчать! Если бы он знал заранее, что список заканчивался имбирными пряниками!

— Тебе туда,— сухо сказала Мэри Поппинс, махнув рукой в направлении Вишневого переулка.— Смотри не заблудись.

— Нет, нет, Мэри Поппинс, пожалуйста! Я ведь просто так! Я... Мэри Поппинс, пожалуйста! — взмолился Майкл, чуть не плача.

— Ну, пусть он пойдет с нами, Мэри Поппинс,— вступилась Джейн.— Я повезу коляску, только возьмите его с нами!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Не будь сегодня пятница,— сказала она Майклу строго,— ты бы сию секунду отправился домой. Сию секунду!

Она решительно двинулась вперед, толкая коляску с Близнецами и покупками. Джейн с Майклом, понявшие, что она смилостивилась, поплелись за ней, пытаясь отгадать, что ж такое значит «сию секунду». Вдруг Джейн заметила, что они идут совсем не в том направлении.

— Мэри Поппинс, вы ведь сказали, мы идем за имбирными пряниками, а в кондитерскую совсем наоборот,— начала она, но замолкла.

Мэри Поппинс посмотрела на нее.

— Кому поручено сделать покупки — мне или тебе? — спросила она.

— Вам,— ответила Джейн очень жалобным голосом.

— Ах, правда? А я думала — совсем наоборот! — саркастически засмеялась Мэри Поппинс.

Она слегка подтолкнула коляску, та повернулась на месте и вдруг остановилась. Джейн и Майкл тоже остановились как вкопанные. Они оказались у входа в очень, очень странную кондитерскую.

Ребята никогда не видали такой маленькой и грязной лавчонки. В витринах ее висели выгоревшие цветные бумажные ленты, на полках — облезлые коробочки с рахат-лукумом, запыленные палочки лакрицы и очень старые, очень сморщенные райские яблочки. Между окнами был маленький, темный вход; туда Мэри Поппинс и покатила коляску. Джейн с Майклом вошли за ней.

В лавке было сумрачно, но ребятам удалось разглядеть, что целых три стены занимает остекленный прилавок.

А под стеклом лежали пряники. На каждом прянике была позолоченная звезда. Их было столько, что казалось, они-то и освещают лавку слабым мерцающим светом.

Джейн и Майкл оглянулись, недоумевая, где же продавец в этой странной лавке.

К их большому удивлению, Мэри Поппинс позвала:

— Фанни! Анни! Где вы?

И не успел отзвучать ее голос, эхом отразившийся от темных стен, как словно из-под земли выросли две колоссальнейшие женские фигуры. Две громадные женщины, наклонившись над прилавком, пожали руку Мэри Поппинс и ребятам и сказали «здрассте» страшным басом.

— Здравствуйте, мисс... — Майкл сделал паузу, не зная, кого из дам как зовут. — Как поживаете?

— Меня звать Фанни, — сказала одна из них. — Ревматизм все мучит, спасибо за внимание.

Говорила она очень грустно и робко, словно не привыкла к тому, чтобы с ней были так вежливы.

— Прекрасная погода, — вежливо начала светскую беседу Джейн с другой сестрой, которая удерживала ее руку в своей гигантской лапище добрую минуту.

— Я буду Анни, — жалобно сообщила та. — А вообще — хвали день к вечеру, — добавила она ни с того ни с сего.

Джейн с Майклом подумали, что у сестер довольно странная манера выражаться, но им не пришлось долго удивляться, потому что мисс Фанни и мисс Анни протянули свои ручищи к коляске, и каждая торжественно обменялась рукопожатием с одним из Близнецов.

Близнецы выразили свое изумление, громко заплакав.

— Ну-ну-ну! Что такое, что такое?

Тоненький, пискливый, надтреснутый голосок слышался откуда-то из глубины лавки. И при первых его звуках выражение

лиц мисс Анни и мисс Фанни, и без того унылое, стало еще печальнее. У них был страшно перепуганный вид; Майклу с Джейн почему-то показалось, что великанши очень бы хотели стать маленькими и совсем незаметными.

— Что я такое слышу? — продолжал, приближаясь, забавный пискливый голосок.

И вот откуда-то из-за угла показалась его обладательница. Это была крошечная, тоненькая, хрупкая старушка, древняя-древняя, с жидкими седыми волосами, сморщенным, высохшим личиком и на тоненьких, как палочки, ножках. Наверно, самая старая на свете, подумали ребята. Но, как ни удивительно, она побежала к ним навстречу легко и весело, словно юная девушка.

— Ну-ну-ну! Вот это да! Неужели это сама Мэри Поппинс с Джоном и Барбарой Бэнкс? Как, Джейн и Майкл тоже здесь? Вот это действительно приятный сюрприз! Я вас уверяю — у меня не было такого сюрприза с тех пор, как Христофор Колумб открыл Америку! Клянусь!

Она радостно улыбалась, и ее маленькие ножки в крошечных старомодных ботиночках слегка пританцовывали.

Старушка подбежала к коляске, слегка покачала ее и сделала Близнецам козу своими тоненькими, скрюченными от старости пальчиками. Джон и Барби почти сразу же перестали плакать и заулыбались.

— Так-то лучше, — сказала она, весело посмеиваясь.

Потом она сделала очень странную вещь.

Она отломила у себя два пальца и подала их Джону и Барби. А еще более странно было то, что на месте отломленных пальцев немедленно выросли новые.

Джейн и Майкл видели это совершенно ясно.

— Просто постный сахар — это им не повредит, — пояснила старушка.

— Все, что вы им дадите, миссис Корри, может только пойти им на пользу, — сказала Мэри Поппинс с неожиданной любезностью.

— Лучше бы это были мятные конфеты, — не удержался Майкл.

— А иногда так и бывает! — торжествующе отвечала миссис Корри. И очень вкусные, кстати! Я часто их сама сосу, если мне ночью не спится. Весьма полезно для пищеварения.

— А чем они будут в следующий раз? — спросила Джейн, глядя с неподдельным интересом на пальцы миссис Корри.

— Вот-вот! — сказала миссис Корри. — В том-то и все дело! Я никогда не знаю заранее, во что они превратятся! Пробую на удачу, как сказал при мне Вильгельм Завоеватель своей мамаше, когда она советовала ему не пытаться завоевать Англию.

— Вы, наверно, очень-очень старая, — сказала Джейн, завист-

ливо вздыхая и думая, сможет ли она когда-нибудь запомнить то, что помнит миссис Корри.

Миссис Корри, закинув свою седую головку, залилась визгливым смехом.

— Старая! — сказала она наконец. — По сравнению с моей бабушкой я просто цыпленок. Вот она действительно старая женщина, если хотите. Но, конечно, и я кое-что повидала на своем веку! Помню, например, как создавался этот мир, — ведь я в ту пору была уже далеко не девочка! Господи боже, ну и суматоха была тогда, доложу я вам!

Внезапно она умолкла и пронзительно посмотрела на ребят.

— Батюшки, что же это я тут болтаю, а вас никто не обслуживает! Я думаю, моя дорогая, — обратилась она к Мэри Поппинс тоном старой знакомой, — я полагаю, вы все пришли за имбирными пряниками?

— Вы правы, миссис Корри, — вежливо ответила Мэри Поппинс.

— Отлично! Фанни и Анни уже дали вам их?

При этих словах она посмотрела на Джейн и Майкла.

Джейн покачала головой.

Из-за прилавка слышались робкие голоса.

— Нет, мама, — промямлила мисс Фанни.

— Мы как раз собирались, мамочка, — начала мисс Анни испуганным шепотом.

Тут миссис Корри неожиданно выпрямилась и свирепо уставилась на своих великанш-дочерей. Потом она сказала сладким, яростным, наводящим ужас голосом:

— Ах, вы собирались? Так-так! Интересно! А кто, позвольте, спросить, милая Анни, разрешил вам раздавать мои пряники?

— Никто, мамочка! Но ведь я же не раздавала! Я только подумала...

— Она только подумала! Очень мило! Пожалуйста, будь добра не думать! У меня, слава богу, у самой ума хватает! — сказала миссис Корри тем же ядовито-сладким тоном и вдруг разразилась злым смехом: — Эй, глядите! Все глядите! Плакса-вакса! Рева-корова! — пищала она, показывая своим узловатым пальцем на дочь.

Джейн с Майклом обернулись. Большущая слеза ползла по унылому лицу великанши... Дети ничего не сказали, так как миссис Корри, несмотря на свой малый рост, внушала им почтение и трепет. Но как только она отвернулась, Джейн молча протянула мисс Анни свой платок. Гигантская слезища промочила его насквозь, и мисс Анни, поблагодарив Джейн взглядом, выжала платок, прежде чем вернуть его хозяйке.

— А ты, Фанни, ты, интересно, тоже думала, а?

— Нет, мамочка, — трепеща, ответила мисс Фанни.

— Хм! Тем лучше для тебя! Открой ящик!

Дрожащими, неловкими от страха руками мисс Фанни открыла одно из отделений стеклянного прилавка.

— Пожалуйста, мои дорогие,— обратилась миссис Корри к Джейн и Майклу совсем другим тоном.

Она так улыбалась и так ласково поманила их, что ребятам даже стало стыдно за свой страх перед ней. Наверно, она все-таки очень добрая, подумали они.

— Ну, что же вы, мои цыплятки, не идете и не берете свои зернышки? Сегодня они испечены по особому способу, по рецепту, который мне дал Альфред Великий. Он был очень хорошим кондитером, должна я вам сказать, хотя, помнится, однажды пряники у него пригорели. Сколько прикажете?

Джейн с Майклом, как по команде, взглянули на Мэри Поппинс.

— Каждому по четыре,— сказала она.— Итого двенадцать. Дюжина.

— Пусть будет чертова дюжина — тринадцать,— весело сказала миссис Корри.

И вот у ребят оказалось по целой охапке большущих пряников, и каждый пряник был украшен позолоченной звездочкой. Майкл, не удержавшись от соблазна, тут же отгрыз уголок одного пряника.

— Вкусно? — пискнула миссис Корри, и, когда Майкл кивнул, она подобрала юбку и пустилась в пляс от радости.— Ура, отлично, ура, ура! — кричала она тоненьким голоском. Потом, сделав несколько па, она остановилась и вдруг стала серьезной.— Имейте в виду — я не раздаю даром свои пряники! Нужны денежки, денежки! С каждого по три пенса!

Мэри Поппинс достала из кошелька три трехпенсовика. Она дала по монетке Джейн и Майклу.

— Ну, что же вы? — сказала миссис Корри.— Прилепите их к моему платью. Так полагается.

Ребята тут только заметили, что все ее длинное черное платье было усыпано трехпенсовиками, как клоунский наряд блестками.

— Смелее, смелее! Прилепите их! — нетерпеливо повторила миссис Корри, заранее потирая ручки в приятном ожидании.— Увидите — они не упадут!

Мэри Поппинс шагнула вперед и прижала монетку к вороту платья миссис Корри.

К удивлению Майкла и Джейн, монетка прилипла.

Тогда ребята прилепили свои трехпенсовики — Джейн к правому плечу, Майкл в самом центре. Они тоже прилипли.

— Вот чудеса! — сказала Джейн.

— Ничего особенного, дорогая,— хихикнула миссис Корри.—

Во всяком случае, по сравнению с кое-чем другим. Но об этом помалкиваем! — Она подмигнула Мэри Поппинс.

— Нам, к сожалению, пора, миссис Корри, — сказала Мэри Поппинс. — Надо сегодня испечь к обеду драчену, значит, я должна быть дома вовремя. Эта наша миссис Брилл...

— Плохая кухарка? — переспросила миссис Корри.

— «Плохая»! — с презрением повторила Мэри Поппинс. — Мало сказать — плохая!

— Ага! — Миссис Корри приставила палец к носу с необыкновенно мудрым видом. Потом она сказала: — Ну что ж, дорогая мисс Поппинс, это был очень приятный визит, и я уверена, мои девочки получили не меньше удовольствия, чем я сама.

Она кивнула в сторону своих громадных, унылых «девочек».

— И я надеюсь, вы скоро все придете опять, не правда ли? И пряники вы не растеряете?

Ребята кивнули.

Тут миссис Корри придвинулась к ним поближе с очень важным и таинственным видом.

— Хотела бы я только знать, — начала она задумчиво, — что вы сделаете с бумажными звездочками?

— Мы их собираем, — отвечала Джейн. — Все-все!

— Ага! Вы их собираете. А интересно, где вы их держите?

Глаза миссис Корри были полузакрыты, но смотрели еще внимательнее, чем обычно.

— Ну, — сказала Джейн, — я прячу их в верхний левый ящик комода, под носовыми платками. И...

— А я — в коробку из-под ботинок, на нижней полке гардероба, — сказал Майкл.

— Верхний левый ящик и коробка из-под ботинок в гардеробе, — повторила задумчиво миссис Корри, словно стараясь заучить эти слова.

Потом она многозначительно поглядела Мэри Поппинс в глаза и кивнула головой. Мэри Поппинс тоже кивнула в ответ. Казалось, они о чем-то втайне договорились.

— Да, — сказала миссис Корри радостно, — это очень-очень интересно! Вы даже не представляете, как я была рада узнать, что вы бережете свои звездочки. Я об этом не забуду. Я, видите ли, помню все — даже то, что было у Гая Фокса на обед каждое второе воскресенье. А теперь — до свиданья! Приходите поскорей! Приходите поско-о-о-рей!

Голосок миссис Корри звучал все тише и тише, и внезапно, не очень понимая, что происходит, Джейн с Майклом оказались на тротуаре. Они шагали за Мэри Поппинс, которая снова изучала свой список покупок.

Ребята оглянулись.

— Джейн! — сказал Майкл удивленно. — А ее нет!

— Правда! — сказала Джейн, озираясь.

И это была правда. Кондитерской больше не было. Она исчезла.

— Странно! — сказала Джейн.

— Еще бы! — сказал Майкл. — Но пряники очень вкусные!

И это тоже была правда.

И ребята так увлеклись пряниками, стараясь выгрызть из них фигурки — человечка, цветок, чайник, — что позабыли и думать о том, насколько все это было странно.

*

Но им пришлось об этом вспомнить в ту же ночь, когда свет погасили и предполагалось, что ребята спят сладким сном.

— Джейн, Джейн! — шепотом позвал Майкл. — Кто-то идет на цыпочках по лестнице! Слушай!

— Тс-с! — зашипела Джейн. Она тоже услышала чьи-то шаги.

Тут дверь осторожно отворилась, и кто-то вошел в комнату.

Это была Мэри Поппинс — в пальто и шляпе, совершенно готовая к выходу.

Она бесшумно прошла по комнате, двигаясь быстро, но очень осторожно.

Джейн и Майкл наблюдали за ней, не шевелясь, только чуть приоткрыв глаза.

Она подошла к комоду, открыла какой-то ящик и почти сразу опять закрыла его.

Затем она на цыпочках подошла к гардеробу, открыла его, наклонилась и что-то туда положила, а может быть, взяла (ребята не разглядели).

Дверь гардероба чуть слышно хлопнула, и Мэри Поппинс выбежала из комнаты.

Майкл сел.

— Что она делала? — громким шепотом спросил он у Джейн.

— Не знаю. Может, она забыла перчатки, или туфли, или... — Джейн внезапно замолчала. — Майкл, слушай!

Снизу — кажется, из сада — доносились чьи-то голоса. Казалось, там о чем-то спорили.

Джейн пулей вылетела из постели и подозвала Майкла. Босиком ребята подбежали к окну и выглянули в сад.

В переулке, перед самой их калиткой, виднелись три фигуры — одна крошечная и две громадные.

— Это миссис Корри, Фанни и Анни! — шепнула Джейн.

Странная это была картина! Маленькая миссис Корри подпрыгивала, пытаясь заглянуть через ограду; на могучем плече мисс Фанни раскачивались две длинные-предлинные лестни-

цы, а у мисс Анни в одной руке было большущее ведро с чем-то вроде клея, а в другой — громаднейшая малярная кисть.

Детям, спрятавшимся за занавеской, были отчетливо слышны их голоса!

— Она опаздывает! — полусердито, полуозабоченно сказала миссис Корри.

— А может, — робко начала мисс Фанни, поправляя лестницы на плече, — может, кто-нибудь из ребят захворал и она не смогла...

— ...уйти вовремя, — испуганно закончила мисс Анни фразу сестры.

— Молчать! — свирепо скомандовала миссис Корри.

Ребята ясно услышали, как она шепчет что-то о «бестолковых жирафах», и они сразу догадались, что старушка имеет в виду своих злосчастных дочерей.

— Ш-ш! — вдруг сказала миссис Корри, хотя все, кроме нее, молчали. Наклонив голову набок, как птичка, она к чему-то прислушивалась.

Тихо отворилась и опять захлопнулась входная дверь Дома Номер Семнадцать, в саду слышались чьи-то шаги.

Миссис Корри радостно замахала рукой. По дорожке шла Мэри Поппинс с корзинкой для покупок, в которой что-то светилось слабым, таинственным светом.

— Скорей, скорей, скорей! У нас мало времени! — сказала миссис Корри, взяв Мэри Поппинс под руку. — Веселее же!

И она двинулась вперед, сопровождаемая мисс Фанни и мисс Анни, которые несомненно старались выглядеть веселее, но не очень в этом преуспевали. Они уныло плелись вслед за своей матерью и Мэри Поппинс, сгибаясь под тяжестью груза.

Все трое шли в конец переулка, к Вишневому Холму.

Дойдя до вершины холма, где уже не было домов, а только трава и кусты, вся группа остановилась.

Мисс Анни поставила свое ведро с клеем, а мисс Фанни сбросила с плеча лестницы и с помощью сестры установила их вертикально. Одну из лестниц придерживала она сама, другую — мисс Анни.

— Что они собираются делать? — вырвалось у Майкла. Он был вне себя от удивления.

Но Джейн не пришлось ему отвечать, потому что он тут же получил наглядный ответ на свой вопрос.

Как только мисс Фанни и мисс Анни установили лестницы так, что они, казалось, стояли одним концом на земле, а другим упирались в небеса, миссис Корри, подхватив одной рукой юбку и кисть, а другой — ведро с клеем, принялась карабкаться по лестнице. Мэри Поппинс со своей корзинкой полезла по другой.

И тут Джейн с Майклом увидели нечто совершенно поразительное. Забравшись на самый верх, миссис Корри обмакнула кисть в ведро и принялась мазать клеем небесный свод!

Мэри Поппинс достала из своей корзинки что-то блестящее и прилепила на намазанное место.

Когда же она убрала на минуту руку, ребята увидели, что она наклеивает на небо пряничные звезды!

И каждая звезда, попав на место, начинала из всех сил мерцать и сиять, рассыпая во все концы золотистые лучи искристого света!

— Это наши! — задохнулся от волнения Майкл. — Наши звезды! Она думала, мы спим, и пришла и унесла их!

Джейн молчала. Она была слишком захвачена зрелищем.

Миссис Корри неумоимо мазала небеса клеем, Мэри Поппинс приклеивала звезды, а мисс Фанни и мисс Анни передвигали лестницы по мере того, как пустые места на небе заполнялись.

Наконец все было закончено.

Мэри Поппинс встряхнула свою корзинку, показывая миссис Корри, что там больше не осталось ни одной звезды.

Обе спустились, и процессия снова тронулась в путь; мисс Фанни — с лестницами на плече, мисс Анни — размахивая опорожненным ведром.

На углу они на минуту остановились и о чем-то поговорили; Мэри Поппинс обменялась со всеми рукопожатием и помчалась по переулку; миссис Корри, слегка пританцовывая, двинулась в противоположную сторону.

Скоро и ее крошечная фигурка, и громадные фигуры ее дочерей, тяжело ступавших за ней следом, растаяли в темноте.

Садовая калитка хлопнула. По дорожке заскрипели шаги. Входная дверь отворилась, щелкнул замок. Тихие шаги Мэри Поппинс слышались на лестнице; она на цыпочках прошла по детской и ушла в спальню к Барби и Джону.

Когда ее шаги затихли, Джейн и Майкл, переглянувшись, молча отправились к комоду. Они открыли верхний левый ящик и заглянули туда.

Там ничего не было, кроме стопки носовых платков Джейн.

— Что я говорил! — сказал Майкл.

Ребята обследовали гардероб. Коробка из-под ботинок также была пуста.

— Да как же это так? Как же так? — пробормотал Майкл, усаживаясь на край кровати и глядя на Джейн.

Но Джейн ничего не сказала. Она просто села рядом с ним, обхватив руками колени, и глубоко-глубоко задумалась. Наконец она тряхнула волосами, потянулась и встала.

— Я хочу знать только одно,— сказала она,— звезды ли делают из золоченой бумаги или золоченую бумагу из звезд?

Ответа на ее вопрос не последовало, да она его и не ожидала. Она знала, что правильно ответить на него может только тот, кто гораздо, гораздо умнее Майкла...

Глава седьмая

ПОЛНОЛУНИЕ

Весь день напролет Мэри Поппинс спешила, а когда она спешила, она всегда сердилась.

Все, что делала Джейн, было плохо, все, что делал Майкл, было еще хуже. Она покрикивала даже на Близнецов.

Джейн с Майклом старались как можно меньше попадаться ей на глаза: они уже знали — бывают минуты, когда лучше, чтобы Мэри Поппинс тебя не видела и не слышала.

— Хорошо бы мы были невидимками! — сказал Майкл, после того как Мэри Поппинс заявила, что один его вид может вывести из терпения всякого уважающего себя человека.

— Очень просто,— сказала Джейн,— давай спрячемся за диван. Посчитаем пока, сколько у нас денег в копилках, а после ужина она, может быть, станет добрее.

Так они и сделали.

— Шесть и четыре пенса — это десять, и еще полпенни и трехпенсовик,— сказала Джейн. Она считала быстро.

— А у меня четыре пенни и три фартинга, и... и вот и все,— вздохнул Майкл, сложив монетки столбиком.

— В кружку для бедных? — фыркнула Мэри Поппинс, заглянув за диван.

— Нет, для меня! — обиженно ответил Майкл. — Это сбережения. Я столько накопил!

— Гм! Наверно, опять на какой-нибудь сумалет! — с презрением сказала Мэри Поппинс.

— Нет, на слона: мне очень нужен свой слон. Как Лиззи в Зоопарке, только совсем свой. Я вас буду на нем катать,— сказал Майкл, глядя в сторону, но все-таки уголком глаза следя за Мэри Поппинс, чтобы выяснить, как она отнесется к этому предложению.

— Гм! Тоже придумал! — сказала Мэри Поппинс. Но было заметно, что она уже не так сердится.

— Интересно,— сказал Майкл задумчиво,— что бывает в Зоопарке ночью, когда все уходят домой?

— Много будешь знать, скоро состаришься,— огрызнулась Мэри Поппинс.

— Так ведь я же не знаю, я просто спрашиваю, — пояснил Майкл. — А вы знаете? — спросил он Мэри Поппинс, которая тем временем с удвоенной быстротой сметала крошки со стола.

— Еще один вопрос — и будет марш в кровать! — ответила она и принялась убирать детскую так яростно, что стала похожа скорее на смерч в косынке и фартуке, чем на человека.

— Бесполезно ее спрашивать, — шепнула Джейн. — Она все знает, а ничего не скажет!

— А зачем тогда знать, если ты никому не говоришь! — проворчал Майкл, но так тихо, что даже Мэри Поппинс не услышала...

Джейн и Майкл не могли припомнить, чтобы их когда-нибудь укладывали спать так спешно, как в этот вечер. Мэри Поппинс погасила свет очень рано и умчалась с такой быстротой, словно все ветры земли дули ей в спину.

Им показалось, что не прошло и минуты после ее ухода, как они слышали за дверью шепот.

— Джейн, Майкл, скорей! — шептал чей-то голос. — Наденьте что-нибудь — и бегом!

Ребята выскочили из постелей, страшно удивленные.

— Пошли! — сказала Джейн. — Будет что-то интересное!

И она начала искать в темноте платье.

— Скорей! — опять повторил голос.

— О господи, ничего не могу найти, кроме матросской шапки и перчаток! — сказал Майкл. Он метался по комнате, стуча ящиками и лихорадочно обшаривая полки.

— Ну и хватит. Надевай! Сейчас не холодно. Пошли.

Сама Джейн разыскала только маленькое пальтишко Джона. Ей кое-как удалось в него втиснуться.

Она открыла дверь. За дверью не было никого, но ребятам показалось, что кто-то быстро-быстро бежит вниз по лестнице. Джейн и Майкл помчались вдогонку.

Но кто бы или что бы это ни было, его не удавалось ни догнать, ни даже увидеть.

Однако ребята ясно чувствовали, что кто-то указывает им дорогу и велит следовать за собой.

Они уже бежали по пустынному переулку; слышалось только, как шлепают их туфли по мостовой.

— Скорей! — вновь поторопил их голос из-за ближайшего угла; но, свернув за угол, они опять никого не увидели. Следуя за голосом, ребята бежали изо всей мочи по улицам, аллеям, площадям, по парку и наконец остановились перед большим турникетом в высокой ограде.

— Вы пришли! — сказал голос.

— Куда? — крикнул Майкл.

Но ответа не последовало. Джейн подошла к турникету, держа Майкла за руку.

— Смотри! — сказала она. — Разве не видишь? Это же Зоопарк!

Полная луна очень ярко светила в небесах; при ее свете Майкл ясно различил железную решетку и заглянул внутрь. Конечно! Как же это он мог не узнать ограды Зоопарка!

— А как же мы войдем? — спросил он. — У нас нет денег!

— Не беспокойся! — ответил кто-то из-за ограды ворчливым басом. — Приглашенные входят сегодня ночью бесплатно. Толкни турникет, пожалуйста!

Джейн с Майклом послушались и в один миг оказались в Зоопарке.

— Вот ваши билеты, — сказал бас, и, осмотревшись, они увидели, что он принадлежит огромному Бурому Медведю, одетому в форменную куртку с медными пуговицами и фуражку. В лапе он держал два розовых билетика, которые протянул ребятам.

— А раньше мы всегда отдавали контролеру билеты, — сказала Джейн.

— Что было раньше, то было раньше. А сегодня получайте! — сказал Медведь, улыбаясь.

Майкл разглядывал Медведя.

— А я вас знаю, — сказал он Медведю. — Я один раз дал вам банку сиропа.

— Правильно, — согласился Медведь. — И ты забыл ее открыть. Знаешь, сколько времени я ее открывал? Десять дней! Пожалуйста, в следующий раз будь повнимательней!

— А почему вы не в клетке? Вас всегда выпускают по ночам? — спросил Майкл.

— Нет. Только когда День Рождения приходится на полнолуние. Но извините, мне некогда. Я должен наблюдать за входом.

И Медведь отвернулся от них и снова начал вертеть ручку турникета.

Джейн и Майкл, крепко сжимая свои билеты, пошли по дорожке.

В ярком свете полной луны было отчетливо видно каждое дерево, каждый кустик и цветок.

— Тут что-то такое творится, — сказал Майкл.

И несомненно он был прав. По всем дорожкам бегали звери, а кое-где и птицы.

Два Волка промчались мимо ребят, оживленно беседуя на ходу с очень высоким Аистом, который семенил между ними, грациозно изгибая шею. Джейн и Майкл ясно расслышали слова «День Рождения» и «Полнолуние», когда тройка поравнялась с ними.

Поодаль три Верблюда рядышком прогуливались по аллее, а неподалеку от них Бобер о чем-то увлеченно разговаривал с Американским Кондором. И, как показалось ребятам, все обсуждали один и тот же вопрос.

— Чей это день рождения, интересно? — сказал Майкл.

Но Джейн уже ушла вперед, залюбовавшись редкостным зрелищем.

Как раз перед Слоновником очень толстый старый джентльмен расхаживал взад и вперед на четвереньках, а на его спине на двух маленьких скамеечках сидело восемь обезьянок.

— Батюшки! Все вверх тормашками! — воскликнула Джейн.

Старый джентльмен посмотрел на нее очень сердито.

— Вверх тормашками! — повторил он. — Кто вверх тормашками? Я? Это оскорбление!

Обезьянки расхохотались.

— Ох, простите, я не про вас говорила, а про все вообще! — объяснила Джейн, стараясь догнать старого джентльмена, чтобы извиниться. — Ведь обычно люди катаются на животных, а сегодня человек катает зверей. Вот что я хотела сказать.

Но старый джентльмен, пыхтя и отдуваясь, продолжал утверждать, что его оскорбили, и наконец скрылся из виду вместе с отчаянно вопившими обезьянами-пассажирами.

Увидев, что догонять его бесполезно, Джейн взяла Майкла за руку и пошла в другую сторону. Вдруг ребят остановил чей-то голос, раздавшийся у них почти из-под ног:

— Подите-ка сюда, эй вы! Оба, оба! Заходите! Посмотрим, как вы будете нырять за апельсиновой коркой, которая вам не нужна!

Это был сердитый, обиженный голос, и, присмотревшись, ребята увидели, что говорит маленький черный Тюлень, свирепо смотревший на них из залитого лунным светом бассейна.

— Давайте, давайте! Посмотрим, как это понравится вам! — настаивал Тюлень.

— Да ведь мы же не умеем плавать, — сказал Майкл.

— Ничем не могу помочь! — сказал Тюлень. — Надо было раньше думать! Меня ведь никто не спрашивал, умею я плавать или нет. А, что? Что такое?

Последние его слова были адресованы другому Тюленю, вынырнувшему рядом с ним из воды и что-то шептавшему ему на ухо.

— Кто? — сказал первый Тюлень. — Говори громче!

Второй Тюлень снова что-то зашептал. Джейн уловила слова: «Званые гости...», «Друзья самой...» — и больше ничего.

Первый Тюлень, казалось, был разочарован, но тем не менее довольно вежливо сказал Джейн и Майклу:

— Ах, извините, пожалуйста! Рад с вами познакомиться. Извините.— И он протянул свой лап и обменялся с ребятами влажным рукопожатием.

В этот момент кто-то с разбегу налетел на Джейн.

— Ты что, ослеп? — крикнул Тюлень.— Надо смотреть, куда идешь!

Джейн поспешно обернулась и так и подскочила от страха и изумления. Перед ней стоял огромный Лев!

Глаза Льва заблестели, когда он в свою очередь разглядел Джейн.

— Ох, простите! — начал он.— Я не знал, что это вы! Сегодня у нас тут такая толкотня и я так спешу поспеть к кормлению людей, что я, кажется, действительно не смотрю себе под ноги! Пойдемте вместе, а? Не стоит пропускать это зрелище, знаете ли!

— Может быть, вы нас проводите? — сказала Джейн вежливо. Она, немного побаивалась Льва, но он казался довольно добродушным. «А потом, сегодня все вверх тормашками»,— думала она.

— С наслаждением! — протянул Лев сладким голосом и предложил ей лапу.

Она приняла ее, но на всякий случай притянула Майкла поближе к себе. Майкл был толстенький, упитанный мальчик, а что ни говори, львы — это львы, думала Джейн.

— Хорошо выглядит моя грива? — спросил Лев, когда они тронулись в путь.— Я завил ее ради торжественного случая.

Джейн поглядела. Грива действительно была напояжена и завита колечками.

— Очень,— сказала она.— Только... Только разве не странно Льву заниматься такими вещами? Я думала...

— Как? Милая барышня, Лев, как вам известно, царь зверей. Ему нельзя забывать о своем положении. И я лично не склонен забывать о нем. Я считаю, что Лев всегда должен отлично выглядеть, где бы он ни находился... Сюда, пожалуйста!

Величавым движением своей передней лапы он указал на вход в павильон крупных хищников и пропустил ребят вперед.

При виде зрелища, которое им там представилось, у Джейн и Майкла захватило дыхание. Большой зал был битком набит зверями. Некоторые опирались на барьер, который отделял клетки от зрителей, некоторые стояли на скамьях, установленных ярусами напротив клеток. Тут были пантеры и ягуары, волки, тигры и антилопы, обезьяны и ежи, вомбаты, горные бараны и жирафы, а также громадная толпа чаек и коршунов.

— Блестяще, правда? — сказал Лев с гордостью.— Совсем как в добрые старые времена в джунглях! Только давайте пройдем вперед — надо занять хорошие места.

И он принялся проталкиваться сквозь толпу, рыча: «Дорогу, дорогу!» — и волоча за собой Джейн с Майклом. Наконец они выбрались на чистое местечко и увидели клетки.

— Ого! Смотри-ка! — сказал Майкл, разинув рот. — Там полно людей!

Так и было.

В одной клетке двое тучных джентльменов средних лет в цилиндрах и полосатых брюках расхаживали взад и вперед, напряженно всматриваясь куда-то сквозь прутья решетки, словно они чего-то с нетерпением ожидали.

Дети всех возрастов и размеров, начиная с малышей в длинных платьицах, копошились в другой клетке. Звери-зрители рассматривали их с большим интересом, и некоторые из них пытались позабавить малышей, просовывая лапы или хвосты сквозь решетки. Жираф вытянул свою длинную шею над головами остальных зверей и позволил маленькому мальчику в матроске пощекотать ему нос.

В третьей клетке были заключены три пожилые дамы в плащах и галошах. Одна из них вязала, зато две остальные стояли у самой решетки, крича на зверей и тыкая в них своими зонтиками.

— Противные твари! Убирайтесь вон! Я хочу чаю! — кричала одна из них.

— Какая смешная! — говорили в толпе животных. Многие от души хохотали.

— Джейн, гляди! — крикнул Майкл, указывая на клетку в конце ряда. — Неужели это...

— Адмирал Бум! — закончила Джейн в изумлении.

И действительно это был Адмирал Бум. Он носился взад и вперед по всей клетке, кашляя, сморкаясь и брызжа слюной от ярости.

— Лопни моя селезенка! Все к помпам! Земля, огой! Свистать всех наверх! Лопни моя селезенка! — кричал Адмирал. Каждый раз, когда он слишком приближался к прутьям, какой-то Тигр легонько тыкал его палочкой, что неизменно вызывало бешеный взрыв адмиральских проклятий.

— Да как же они все туда попали? — спросила у Льва Джейн.

— Потерялись, — сказал Лев. — Вернее, растерялись. Есть такие посетители, которые остаются в парке, когда ворота запирают. Надо же их куда-то деть, вот мы и посадили их сюда. Вот этот — он опасный! Недавно чуть не прикончил своего сторожа. Не подходите близко! — Лев показал на Адмирала Бума.

— Отойдите, отойдите, пожалуйста! Не толпитесь! Дайте дорогу, пожалуйста! — закричало несколько голосов.

— Ага! Сейчас начнется кормление! — сказал Лев и при-

нялся энергично пробираться вперед сквозь толпу.— Вон идут сторожа!

Четыре Бурых Медведя, все в форменных фуражках, катили тележки с кормом по узенькому коридору, отделявшему клетки от зверей.

— А ну-ка, отойдите! — командовали они, когда какой-нибудь зверь-зритель мешал им пройти. Потом они открывали дверцу в клетку и подавали туда корм на вилах.

Джейн и Майкл протиснулись в просвет между Леопардом и Динго, и им было прекрасно видно все, что происходит. Малышам в клетку бросали бутылочки с молоком; они хватали их ручонками и тут же к ним присасывались. Ребята постарше снимали с вил пряники и кексы и принимались их жадно пожирать. Леди в галошах получили тарелки с бутербродиками и булочками, а толстяки в цилиндрах — бараньи котлеты и пудинг.

Эти последние, получив корм, унесли его в угол, расстелили на коленях своих полосатых брюк платки и принялись за еду.

Сторожа обошли уже почти весь ряд клеток, как послышался страшный рев.

— Лопни мои кишки — это называется еда? Жалкий кусочек мяса и кочан капусты! А пудинг? Возмутительно! Позор! Якорь поднять! А где мой порт? Портвейн где, говорю? Свистать всех наверх! Эй вы там, в камбузе! Где адмиральский портвейн?!

— Слышите? Он взбесился! Я вам говорил — это опасный экземпляр! — сказал Лев.

Джейн и Майклу не нужно было объяснять, кого он имеет в виду. Они прекрасно изучили адмиральскую манеру выражаться.

— Ну-с, так, — сказал Лев, когда шум в павильоне несколько стих. — По-видимому, уже конец. И, с вашего разрешения, я вынужден вас покинуть. Надеюсь увидеться с вами попозже, на Большом Хороводе. Я вас разыщу.

Он проводил их к выходу, попрощался и умчался, потряхивая своей завитой гривой. Золотистая шерсть его так и блестела в лунном свете...

— Ах, погодите! — крикнула было ему вслед Джейн, но он уже скрылся из виду. — Я хотела спросить у него, выпускают их когда-нибудь или нет. Бедные люди! Ведь Джон и Барби или даже мы с тобой могли оказаться на их месте!..

Джейн обращалась к Майклу, но, обернувшись, обнаружила, что его нет рядом. Он незаметно свернул на боковую дорожку. Когда она догнала его, он разговаривал с каким-то Пингвином, у которого под одним крылом была зажата огромная тетрадь, а под другим — огромный карандаш. Пингвин стоял посреди дорожки и задумчиво грыз конец карандаша.

— Не могу придумать, — услышала она слова Майкла, видимо отвечавшего на какой-то вопрос.

Пингвин повернулся к Джейн.

— Может быть, вы мне поможете? — сказал он. — Какое слово рифмуется с «Мэри»? Я не могу сказать «двери» — не хочется повторяться, знаете ли. Много раз рифмовали. Если вы скажете «пери» — не нужно. Я уже сам об этом думал, но она на нее совсем не похожа, так что это не годится.

— «Звери», — вдруг осенило Майкла.

— Хм! Недостаточно поэтично, — заметил Пингвин.

— А может быть «потери»? — предложила Джейн.

— Ну... — Пингвин, по-видимому, размышлял. — Не очень хорошо, правда, — сказал он грустно. — Пожалуй, придется и от этого отказаться. Я, понимаете ли, пытаюсь сочинить поздравительные стихи ко Дню Рождения. Мне показалось, что будет очень хорошо, если начать так: «О Мэри, Мэри...» и на этом я застрял. Очень обидно. От Пингвина, сами понимаете, ждут чего-нибудь оригинального, и не хочется их разочаровывать. Ну что же, ладно... Не задерживайте меня — мне надо сосредоточиться.

И с этими словами он поспешно заковылял прочь, размахивая тетрадкой и продолжая грызть свой карандаш.

— У меня просто голова кругом идет! — сказала Джейн. — Чей же это день рождения, интересно?

— Да идите же, дети, идите! Вы ведь, наверно, тоже хотите поздравить, и все такое прочее, — раздался сзади чей-то голос, и, обернувшись, они увидели того самого Бурого Медведя, который вручил им билеты.

— Да, конечно, — ответила Джейн, сообразив, что, пожалуй, лучше не спорить, хотя она не имела никакого понятия о том, кого они должны поздравлять.

Бурый Медведь обнял ребят за плечи и повлек их вперед. Они чувствовали прикосновение его мягкой, теплой шерсти; им было даже слышно, как в животе у него гудело, словно в бочке, когда он что-нибудь говорил...

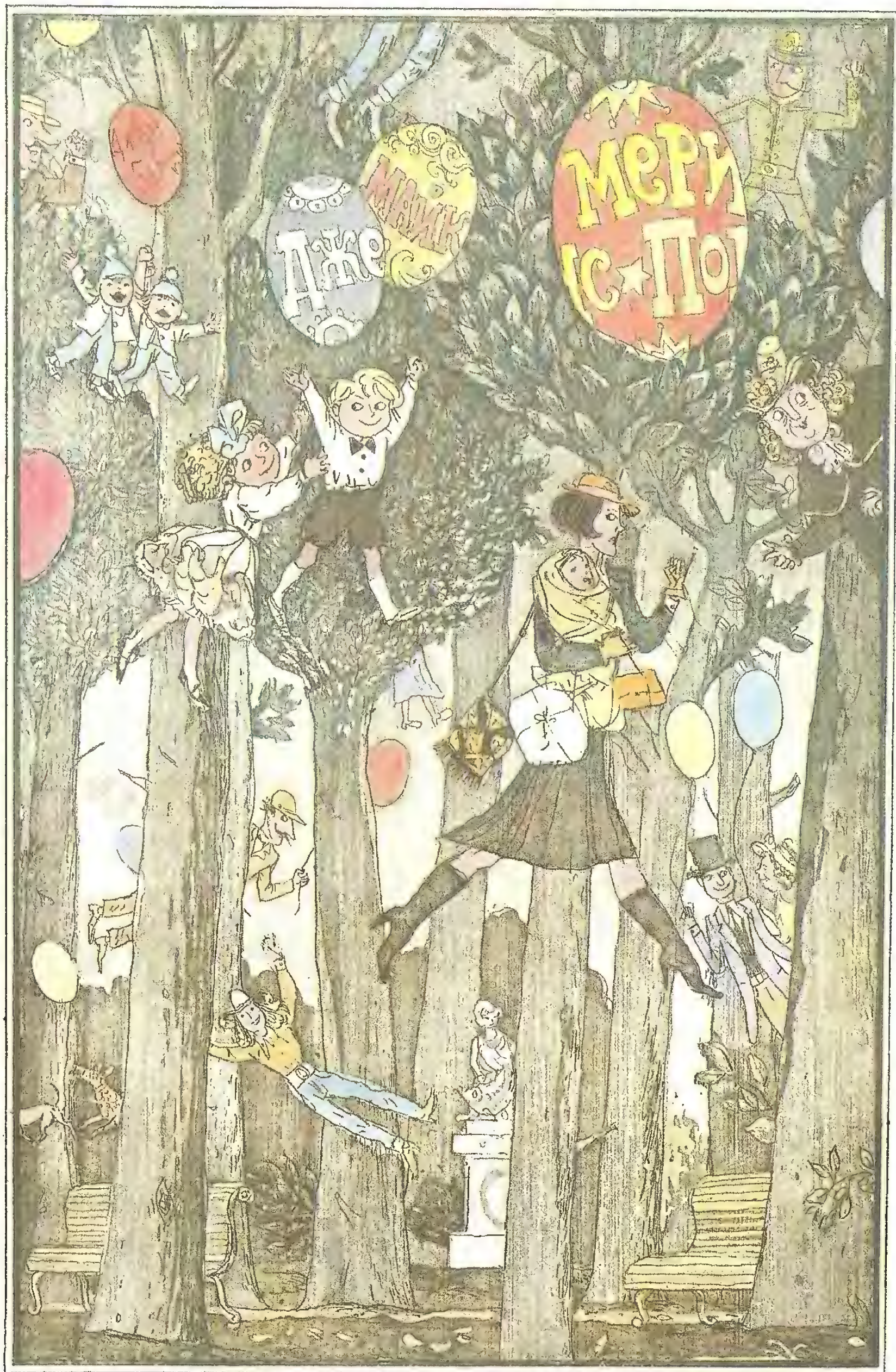
— Ну, вот мы и пришли! — сказал Медведь, остановившись перед невысоким домиком.

Окна дома ярко светились. Можно было подумать, что на дворе не ночь, а белый день и сияет солнце.

Медведь отворил дверь и ласково подтолкнул ребят внутрь.

В первый момент яркий свет ослепил их, но скоро глаза привыкли к освещению, и дети поняли, что они в Террариуме. Все клетки были открыты, и змеи гуляли на воле — одни скользили по полу, другие лениво извивались и сворачивались клубком...

А в центре помещения, на большой колоде, которую, видимо, вытащили из какой-нибудь клетки, сидела, со всех сторон окруженная змеями, Мэри Поппинс.

Джейн и Майкл не поверили своим глазам.

— Еще двое поздравителей, сударыня,— почтительно доложил Бурый Медведь.

Змеи с интересом обернулись к ребятам.

Мэри Поппинс не шевельнулась.

Зато она заговорила.

— А почему ты явился без пальто, хотела бы я знать? — строго спросила она, глядя на Майкла сердито, но без всякого удивления.— Где твоя шляпка и перчатки? — тем же тоном обратилась она к Джейн.

Но, прежде чем они успели раскрыть рот, по всему Терра-риуму прошло движение.

— Сссссссст! Ссссс!

Все змеи, негромко шипя, приподнялись на хвостах, кланяясь кому-то, кто был позади Джейн и Майкла. Бурый Медведь поспешно снял свою форменную фуражку. И Мэри Поппинс тоже медленно поднялась с места.

— Дитя мое! Мое дорогое дитя! — прозвучал тихий, нежный, свистящий голос, и из самой большой клетки не спеша, плавно извиваясь, выползла Королевская Кобра.

Она грациозно скользнула между склонившихся перед ней в поклоне змей, обогнула стоявшего на дороге Медведя и направилась прямо к Мэри Поппинс. Приблизившись к ней, Кобра подняла в воздух добрую половину своего длинного золотистого тела и, раздув чешуйчатый, отливающий золотом клобук, нежно поцеловала Мэри — сначала в одну, потом в другую щеку.

— Ссердечно позззздравляю,— нежно прошипела она.— Я оччень, оччень счастлива! Давно уже твой День Рождения не выпадал на полнолуние, дорогая!

Кобра повернула голову.

— Сссадитесь, друзззья! — сказала она, величаво поклонившись остальным змеям, и по ее слову все они немедленно вновь свернулись кольцами на полу, не сводя глаз с Королевской Кобры и Мэри Поппинс.

А Кобра повернула к Джейн и Майклу свою крошечную высохшую головку.

Мурашки побежали по телу у ребят, и они невольно сделали шаг вперед — странный, глубокий взгляд Кобры, казалось, притягивал их. Сонно и темно глядели ее узкие, длинные зрачки, и в глубине этой сонной темноты таился и вспыхивал, как драгоценный камень, незасыпающий огонек...

— Кто они, смею спросить? — сказала Кобра своим нежным голосом, от которого кровь стыла в жилах.

— Джейн и Майкл Бэнкс, к вашим услугам,— ответил Бурый Медведь, слегка заикаясь, словно ему было страшновато.— Ее друзья.

— Ах, ее друзья. Тогда добро пожаловать. Садитесь, мои дорогие!

Джейн и Майкл, с трудом придя в себя, оглянулись, разыскивая, куда бы сесть. Медведь помог им: он присел на корточки, и ребята устроились на его мохнатых коленях.

— Она разговаривает, как королева,— шепнула Джейн.

— Так и есть. Она — наша повелительница, самая мудрая и самая грозная,— негромко, с почтением сказал Бурый Медведь.

Кобра улыбнулась долгой, неспешной, таинственной улыбкой и обратилась к Мэри Поппинс.

— Кузина,— начала она, нежно зашипев.

— А она правда ее кузина? — шепнул Майкл.

— Троюродная сестра. Со стороны матери,— шепнул в ответ Бурый Медведь, прикрыв пасть лапой.— А сейчас помолчи. Она собирается вручать подарок.

— Кузина,— повторила Кобра,— давно уже твой День Рождения не выпадал на полнолуние, и давно уже мы не праздновали его так, как сегодня. Посему у меня было время как следует обдумать вопрос о подарке. И я решила,— она сделала паузу, и во всем Террариуме не было слышно ни звука, потому что все затаили дыхание,— я решила, что лучше всего будет преподнести тебе мою кожу.

— Право, кузина, вы слишком добры,— начала было Мэри Поппинс.

Но Кобра знаком попросила ее замолчать.

— Ничего подобного. Ничего подобного. Ты знаешь, что я время от времени меняю кожу: одной больше, одной меньше — для меня не имеет значения. Разве я не...— Кобра сделала паузу и обвела взглядом присутствующих.

— Владычица Джунглей! — прошипели все змеи хором, словно и вопрос и ответ были частью хорошо известного им церемониала.

Кобра кивнула.

— Итак,— сказала она,— то, что хорошо для меня, должно быть хорошо и для тебя. Это, конечно, скромный подарок, дорогая Мэри, но из него можно сделать пояс, или пару туфель, или хотя бы ленту для шляпки — словом, он может пригодиться.

С этими словами она начала тихонько покачиваться из стороны в сторону — Джейн и Майклу показалось, что по всему ее телу от головы до хвоста побежали маленькие волны.

И вдруг она сделала молниеносный винтообразный скачок и появилась в новом, отливающим серебром наряде. Старая золотистая кожа упала на пол.

— Подожди! — приказала Кобра Мэри Поппинс, которая наклонилась было, чтобы поднять кожу.— Я напишу на ней Поздравление.

Кончик хвоста Кобры быстро-быстро пробежал по сброшенной коже; затем она аккуратно свернула ее кольцом, подхватила на голову, словно золотую корону, и величаво подала ее Мэри Поппинс. Та с поклоном приняла дар.

— Не знаю, как тебя благодарить,— начала Мэри и запнулась, залюбовавшись подарком, и только с восхищением погладила кожу рукой. Видно было, что она в восторге.

— Не благодари,— сказала Королевская Кобра.— Тс-с! — перебила она сама себя и раздула свой клобук, словно прислушиваясь.— Кажется, я слышу сигнал к Большому Хороводу. Все прислушались.

Звенел колокольчик, и чей-то бас возглашал, все приближаясь и приближаясь:

— Хоровод, Хоровод! Спешите, спешите! Всех, всех просят пройти на Центральную площадь! Хоровод, Хоровод!

— Так я и думала,— сказала Кобра, улыбаясь.— Тебе пора, дорогая. Не заставляй их ждать. Прощай — до твоих следующих именин!

И Королевская Кобра вновь приподнялась и нежно расцеловала Мэри Поппинс в обе щеки.

— Спеш! — сказала она.— Я позабочусь о твоих юных друзьях.

Ребята встали и начали пробираться к выходу, стараясь не наступить на змей, которые целым потоком, клубясь и извиваясь, устремились к дверям.

— Вы свободны,— сказала Королевская Кобра Бурому Медведю.

И он, низко поклонившись, с фуражкой в лапе, затрусил туда же, куда несся весь поток животных,— к большой зеленой площадке в самом центре Зоопарка.

— Хотите пойти со мной? — ласково спросила Кобра и, не дожидаясь ответа, скользнула между Джейн и Майклом, движением своего клобука приказав им идти по бокам.

— Началоссь! — сказала она, зашипев от удовольствия. Да, Большой Хоровод начался.

На Лужайке стоял такой шум и крик, что ребята сразу поняли это. Львы и Леопарды, Верблюды и Бобры, Антилопы и Журавли и многое множество других зверей и птиц пели и орали во все горло, образовав кольцо вокруг Мэри Поппинс. И вот громадный хоровод двинулся по кругу; танцоры кто во что горазд распевали Дикую песню Джунглей, раскачиваясь и поминутно меняясь местами и партнерами.

Чей-то тоненький-тоненький, писклявый голосок прорезался сквозь шум и гам:

О Мэри, Мэри-и,
Всех лучше в мире!

И ребята увидели Пингвина, который неся в танце, размахивая своими коротенькими крыльями и весело распевая эту странную песню. Он тоже заметил ребят и, поклонившись Кобре, крикнул:

— Получилось! Слышали, как я пою? Конечно, это не безупречно — «В мире» не совсем точная рифма к «Мэри», но ничего, годится! Сойдет! — И он, подпрыгнув, подхватил под лапу Леопарда.

Кобра молчала. Джейн и Майкл тоже молча любовались танцем. Но когда их приятель Лев пронёсся мимо и наклонился, чтобы предложить лапу Фазану, Джейн робко попыталась выразить свои чувства словами.

— Я думала, сударыня... — И она запнулась, сконфузившись.

— Говори, дитя мое, — сказала Кобра. — Что ты думала?

— Ну, что львы, и птицы, и тигры, и маленькие животные — все... — Джейн снова запнулась.

Кобра пришла ей на помощь:

— Ты думала, что все они — враги, что Лев должен обязательно съесть Антилопу, а Тигр — Зайца, раз они встретились?

Джейн, покраснев, кивнула.

— Что ж, в общем, ты права. Отчасти так. Но — не в День Рождения, — сказала Кобра. — Сегодня слабые не боятся сильных, большие защищают малых. Даже я, — Кобра сделала паузу и, казалось, глубоко задумалась, — даже я могу сегодня встретиться с Диким Гусем и не подумать об обеде. Такой это день. И, возможно, — продолжала она, молниеносно облизываясь своим страшным раздвоенным языком, — возможно, что есть и быть съеденным — в конце концов, одно и то же. Моя мудрость говорит мне, что это так. Вспомни: ведь все — и вы в городах, и мы в джунглях — сделаны из одного и того же вещества. Из того же материала — и дерево над нами, и камень под нами; зверь, птица, звезда — все мы одно и идем к одной цели. Помни это, дитя, когда ты уже не будешь помнить обо мне.

— Как же это дерево может быть камнем? Я — не птица! Джейн — не тигр! — упрямо сказал Майкл.

— Ты думаешь? — переспросила Кобра. — Погляди! — И она кивнула головой в сторону Большого Хоровода.

Звери и птицы, тесной толпой окружившие Мэри Поппинс, раскачивались взад и вперед все вместе, как единое целое; сама Мэри тоже покачивалась из стороны в сторону. В едином ритме раскачивалась вся огромная толпа, как маятник гигантских часов. Даже деревья то сгибались, то выпрямлялись в ритме танца, и луна в небесах покачивалась, словно корабль на волнах...

— Зверь и птица, звезда и камень — все мы одно, все одно... — бормотала Кобра, опустив свой кlobук и тоже раскачиваясь. — Змея и ребенок, камень и звезда — все мы одно...

Все тише становилось ее шипение. Замирали, слабели, отдавались крики танцующих животных. Прислушиваясь, Джейн и Майкл тоже незаметно стали раскачиваться. Или это кто-то качал их?

Мягкий, слабый свет упал на их лица.

— Спят и видят сны, — шепотом произнес чей-то голос. Кто это — Королевская Кобра или мама, которая, как обычно, зашла в детскую, чтобы лучше их укрыть на ночь?

— И прекрасно! Пусть спят.

Чей это был бас — Бурого Медведя или мистера Бэнкса? Джейн и Майкл качались... качались... Они не знали... Не знали...

*

— Какой мне сегодня странный сон приснился! — сказала Джейн за завтраком, посыпая сахаром кашу. — Мне снилось, как будто мы были в Зоопарке, и у Мэри Поппинс был день рождения, и вместо зверей в клетках сидели люди, а все звери были на воле...

— Это же мой сон! Он мне приснился! — сказал Майкл с удивлением.

— Не могло же нам присниться одно и то же! — сказала Джейн. — А ты не ошибся? Ты видел, например, Льва с завитой гривой и Тюленя, который хотел...

— ...чтобы мы нырнули за апельсиновой коркой? — перебил ее Майкл. — Конечно, помню! И ребят в клетке, и Пингвина, который не мог сочинить стишок, и Королевскую Кобру.

— Тогда, значит, это был не сон! — сказала Джейн торжественно. — Значит, это все правда! И тогда...

Она несмело оглянулась на Мэри Поппинс, которая кипятила молоко.

— Мэри Поппинс, — сказала Джейн, — могли мы с Майклом видеть один и тот же сон?

— Тоже мне сновидцы! — фыркнула Мэри Поппинс. — Ешьте кашу, будьте любезны! Иначе не получите гренок с маслом!

Но Джейн не сдавалась. Она должна была узнать.

— Мэри Поппинс, — сказала она, глядя на нее в упор, — вы были в Зоопарке вчера ночью?

Мэри Поппинс широко открыла рот.

— В Зоопарке? Ночью? Я — в Зоопарке? Я, воспитанная девица, которая знает, что полагается, а что — нет?

— Нет, вы были там или нет? — настаивала Джейн.

— Конечно, нет! Что это тебе в голову взбрело! — сказала Мэри Поппинс. — Доедай, будь добра, кашу и не болтай глупостей!

Джейн подлила в кашу молока.

— Ну, видно, все-таки это был сон,— сказала она грустно.

Но Майкл, разинув рот, таращил глаза на Мэри Поппинс, которая поджаривала гренки.

— Джейн,— пронзительно шепнул он.— Джейн, гляди!

Он показал пальцем, куда глядеть, и Джейн тоже увидела. Талию Мэри обвивал пояс из золотистой чешуйчатой змеиной кожи, а по всей его длине змеилась изящная надпись:

На добрую память о Зоопарке!

Глава восьмая

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Был первый день весны.

Джейн и Майкл сразу это поняли, потому что они услышали, как папа поет в ванной, а был только один-единственный день в году, когда он там пел.

Это утро они запомнили навсегда. Во-первых, потому, что им впервые разрешили позавтракать со взрослыми; во-вторых, папа потерял свой черный портфель. Так что день начался двумя чрезвычайными происшествиями.

— Где мой портфель? — кричал мистер Бэнкс, бегая кругами по прихожей, словно собака, которая ловит собственный хвост.

И все остальные начали тоже бегать по кругу — Элин, и миссис Брилл, и ребята. Даже Робертсон Эй сделал два круга, что было исключительным достижением.

Наконец мистер Бэнкс лично обнаружил пропажу в своем кабинете и выбежал в прихожую, размахивая портфелем.

— Мой портфель,— начал он тоном проповедника,— всегда находится в одном и том же месте. Здесь. На вешалке. Кто затащил его в кабинет? — проревел он.

— Ты сам, дорогой, вчера вечером, когда ты доставал налоговые квитанции,— сказала миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс посмотрел на нее так обиженно, что она в душе пожалела о своей нетактичности. Лучше было сказать, что это она сама принесла портфель в кабинет!

— Ааап-чххи! Хрррм! — сказал мистер Бэнкс в носовой платок.

Он снял пальто с вешалки и направился к двери.

— Ого! — произнес он несколько веселее.— Тюльпаны-то дали бутоны!

Он вышел в садик и втянул в себя воздух.

— Гм, ветер, кажется, западный.— Мистер Бэнкс бросил

взгляд на дом Адмирала Бума, точнее — на флюгер-телескоп. — Так я и думал, — сказал он. — Западный ветер. Ясно и тепло. Пойду без пальто.

Он нахлобучил котелок, схватил свой портфель и устремился в Сити.

— Ты слышала, что он сказал? — Майкл схватил Джейн за руку.

Она кивнула.

— Ветер западный, — ответила она негромко.

Они больше ничего не сказали, но каждому пришла в голову одна и та же мысль. О, как бы им хотелось, чтобы она не приходила!

Правда, они скоро позабыли о ней. Ведь, казалось, все шло как всегда. Весеннее солнце так радостно освещало дом; никто и не вспоминал о том, что он нуждается в покраске и в новых обоях. Наоборот, все его обитатели думали, что это, конечно, самый лучший дом во всем Вишневом переулке.

Но уже после второго завтрака появились предвестники беды.

Джейн помогала Робертсону Эй в саду. Она как раз посадила последнюю редиску, когда из детской донесся страшный шум. На лестнице послышался топот, и в сад примчался Майкл, весь красный и запыхавшийся.

— Джейн, посмотри, посмотри! — крикнул он и протянул к ней руку.

На его ладошке лежал компас — компас Мэри Поппинс. Стрелка отчаянно трепыхалась, потому что компас трясся в дрожащей руке Майкла.

— Ее компас? — сказала Джейн и вопросительно посмотрела на Майкла.

Майкл неожиданно разревелся.

— Она отдала его мне, — всхлипывал он. — Она сказала, что он теперь мой, насовсем. Ой, ой, это очень плохо! Что будет? Ведь она раньше никогда мне ничего не дарила!

— Ну, может быть, она просто хотела тебя порадовать, — сказала Джейн, чтобы утешить брата. Но в душе она была так же встревожена, как и Майкл. Она отлично знала, что Мэри Поппинс не признает никаких нежностей.

А между тем, как ни странно, за весь этот день Мэри Поппинс не сказала ни единого сердитого слова. Правда, она вообще почти ничего не говорила. Казалось, она о чем-то глубоко задумалась, и, когда ребята задавали ей вопросы, она отвечала на них с отсутствующим видом.

Наконец Майкл не выдержал.

— Ну пожалуйста, Мэри Поппинс, рассердитесь! Рассердитесь опять! Вы сами на себя не похожи! Я так боюсь!

Ему было действительно не по себе. Он чувствовал: что-то должно случиться в Доме Номер Семнадцать по Вишневому переулку. А что — он не знал, и от этого ему было еще хуже...

— Не буди лиха, пока оно спит! — отрезала Мэри Поппинс своим обычным сердитым тоном.

И ему немедленно стало легче.

— Может, это просто так? — сказал он Джейн. — Может быть, все в порядке и мы все сами придумали? А, Джейн?

— Наверно, — подумав, сказала Джейн. Но на душе у нее была тяжесть, и она не могла отогнать все ту же мысль...

К вечеру ветер усилился. Он порывами свистел в трубах, врывается в щели под окнами, заворачивал уголки ковра в детской.

Мэри Поппинс накормила ребят ужином и убрала со стола — очень тщательно и аккуратно. Потом она подмела, вытерла пыль и поставила чайник на плиту.

— Ну, так, — сказала она, осмотрев комнату и убедившись, что все в безупречном порядке. Она помолчала с минуту. Потом положила руку на голову Майкла, другую — на плечо Джейн.

— А теперь, — сказала она, — я пойду отнесу туфли вниз. Робертсон Эй их почистит. Ведите себя как следует до моего возвращения.

Она вышла и тихо прикрыла за собой дверь.

И, едва она вышла, ребята вдруг почувствовали, что им надо бежать за ней. Но что-то удержало их. Они продолжали сидеть без движения, поставив локти на стол, и ждали ее возвращения. Им так хотелось утешить друг друга!

— Какие мы глупые, — проговорила Джейн. — Ничего же не случилось!

Но она сама не верила в то, что говорила.

Часы на каминной полке громко тикали. Пламя в камине вспыхнуло, затрещало и тихо угасло. Ребята все еще сидели и ждали.

Наконец Майкл встревоженно сказал:

— Она что-то очень долго не возвращается, а?

За стеной, словно в ответ, свистнул и заплакал ветер. Часы продолжали торжественно, громко тикать.

Вдруг хлопнула входная дверь.

— Майкл! — вскочила Джейн.

— Джейн! — откликнулся Майкл, побледнев.

Ребята кинулись к окну и выглянули наружу.

Внизу на крыльце стояла Мэри Поппинс, в пальто и шляпе, с ковровой сумкой в одной руке и зонтиком — в другой. Вокруг нее свирепствовал ветер. Он рвал ее юбку, сбил ей шляпку набекрень. Но она, казалось, не обращала на это вни-

мания. Она улыбалась, словно они с ветром прекрасно понимали друг друга.

Постояв минутку на ступеньках, она оглянулась на дверь, а потом быстрым движением раскрыла зонтик, хотя дождя не было, и подняла его над головой.

И ветер подхватил ее и понес!

Понес сперва над самой землей, так что носки ее туфель касались травы в саду, потом перенес через ограду, и вот она уже взлетела к самым верхушкам вишен в переулке...

— Джейн! Она улетает, улетает! — всхлипывал Майкл.

— Скорей! — крикнула Джейн. — Возьмем Близнецов. Пусть поглядят на нее на прощанье.

Ни у нее, ни у Майкла уже не осталось сомнений: Мэри Поппинс ушла навсегда, потому что ветер переменился.

Они схватили Близнецов и подбежали к окну.

Мэри Поппинс была уже высоко-высоко. Она парила где-то над крышами домов, крепко держась за зонтик одной рукой, а в другой держа кофровую сумку.

Близнецы тихонько заплакали.

Джейн и Майкл сделали последнюю попытку остановить полет Мэри Поппинс.

С трудом — ведь руки у них были заняты — они распахнули окно.

— Мэри Поппинс! — закричали они изо всех сил. — Вернитесь! Верни-и-тесь!

Но она или не слышала их, или не хотела слышать. Она взлетала все выше и выше, под самые облака, и скоро наконец ребята уже ничего не могли разглядеть, кроме туч и качающихся под яростными порывами западного ветра верхушек деревьев...

— Ну что ж, как она сказала — так и сделала. Оставалась, пока ветер не переменился, — сказала Джейн, с тяжелым вздохом отвернувшись от окна.

Она отнесла Джона в кроватку и уложила. Майкл ничего не сказал, но, укладывая в кроватку Барби, он безутешно всхлипывал.

— Как ты думаешь, — сказала Джейн, — мы еще когда-нибудь ее увидим?

Тут снизу слышались взволнованные голоса.

— Дети, дети! — кричала миссис Бэнкс, открывая дверь. — Дети, я очень расстроена! Мэри Поппинс ушла от нас.

— Да, — сказали Джейн с Майклом.

— Ах, значит, вы знали! — удивилась миссис Бэнкс. — Она вам сказала, что уходит?

Ребята отрицательно покачали головами.

— Это просто неслыханно! — продолжала миссис Бэнкс. — Только что была тут — и вдруг исчезла! Даже не извинилась!

Просто заявила: «Я уезжаю» — и упорхнула! Такая бессердечность, такое легкомыслие, такая невежливость... Что такое, Майкл? — сердито прервала она свою речь, потому что Майкл, вцепившись в ее юбку, отчаянно теребил ее. — Что с тобой, детка?

— Сказала она, что вернется? — завопил он, чуть не свалив мать с ног. — Скажи, сказала или нет?

— Ты ведешь себя как дикарь! — сказала мама, высвобождаясь. — Я не помню, что она говорила, кроме того, что уходит. Но я, конечно, не приму ее обратно, если она и вернется. Оставить меня вот так, на мели, без всякой помощи!

— Мама! — сказала Джейн укоризненно.

— Ты очень злая женщина! — выпалил Майкл, сжимая кулаки с таким видом, словно готов был ее ударить.

— Дети! Мне стыдно за вас! Очень стыдно! Как вы можете жалеть о том, кто плохо поступил с вашей мамой! Я просто потрясена!

Джейн разразилась слезами.

— Я хочу Мэри Поппинс и больше никого-никого на свете! — объявил, рыдая, Майкл и кинулся на пол.

— Ребята, ребята! Что с вами? Ведите себя прилично, прошу вас! Сегодня за вами некому смотреть. Я уйду в гости, а у Элин выходной день. Придется попросить миссис Брилл вас уложить!

И она рассеянно поцеловала детей и вышла, озабоченно наморщив лоб...

*

— Ну и ну! Убежать и бросить бедных крошек на произвол судьбы! — говорила спустя минуту миссис Брилл, влетая в детскую и принимаясь раздевать ребят. — Каменное сердце у этой девчонки, вот что я вам скажу, или я не Клара Брилл! И всегда задирала нос. И не оставила даже платочка или брошки на память! Встаньте, прошу вас, мастер Майкл! — продолжала она, пыхтя. — Прямо не понимаю, как мы ее столько терпели — все ее капризы и выходки и все такое! Ох ты, сколько у вас пуговиц, мисс Джейн! Да по стойте спокойно, дайте мне вас раздеть, мастер Майкл! Добро бы хороша собой была, а то смотреть не на что! Может, оно и к лучшему, что мы от нее избавились! Ну, мисс Джейн, где ваша ночная рубашка? А что это у вас под подушкой?

Мисс Брилл извлекла маленький аккуратный сверточек.

— Дайте мне скорей! Что это? Дайте скорей! — закричала Джейн, дрожа от волнения, и выхватила пакетик из рук миссис Брилл.

Майкл немедленно оказался рядом и с нетерпением наблю-

дал, как она развязывает бечевку и разрывает оберточную бумагу. Миссис Брилл, которую содержимое пакетика не интересовало, ушла к Близнецам.

Вот последняя обертка упала на пол, и в руках у Джейн оказалась картинка.

— Это ее портрет! — сказала она шепотом, поднеся портрет к самым глазам.

Действительно, в маленькой витой рамке было изображение Мэри Поппинс.

Майкл взял картинку в руки, чтобы лучше рассмотреть. А Джейн вдруг обнаружила, что к портрету была приложена записка. Она осторожно развернула ее и прочитала вслух:

— «Дорогая Джейн, Майкл получил компас, так что портрет — твой. *Au revoir!* Мэри Поппинс».

Последние перед подписью слова Джейн не смогла прочесть.

— Миссис Брилл, — крикнула она, — что значит «*Au revoir*»?

— Оривуяр? — переспросила миссис Брилл из соседней комнаты. — Сейчас, сейчас. Это не по-нашему. По-французски, что ли? Погоди-ка. По-моему, это будет «бог с тобой». Нет, нет, ошибка вышла. По-моему, мисс Джейн, это будет «до свидания».

Джейн с Майклом переглянулись. Глаза их сияли.

Они поняли, что хотела сказать Мэри Поппинс.

Майкл вздохнул долгим вздохом облегчения.

— Все в п-порядке, — сказал он дрожащим голосом. — Она всегда делает то, что говорит. — Он отвернулся.

— Майкл, ты плачешь? — спросила Джейн.

Майкл дернул головой и попытался улыбнуться.

— Нет, — сказал он. — Глаза плачут, а я нет.

Она нежно подтолкнула братишку к постели и, когда он лег, сунула ему в руку портрет Мэри Поппинс — очень быстро, чтобы не передумать.

— Пусть сегодня он будет у тебя, — шепнула она и заботливо, как Мэри Поппинс, подоткнула его одеяло...

Часть вторая

МЭРИ ПОППИНС ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Глава первая

ЗМЕЙ

Утро было чудесное — такое утро, когда все блестит и сияет чистотой, словно ночью во всем мире сделали генеральную уборку.

Четкие тени вишневых деревьев аккуратно лежали поперек переулка; окна домов вспыхивали и мигали — уже открывались ставни и жалюзи. Но нигде не было слышно ни звука, только звенел колокольчик мороженщика, катавшего свою тележку взад и вперед.

«Не проходи мимо! Попробуй!» — гласил транспарант, укрепленный на тележке.

И вот из-за угла появился трубочист и поднял черную, измазанную сажей руку.

Мороженщик со звоном подкатил к нему.

— На пенни! — лаконично сказал трубочист.

Он оперся на свои метелки и стал вылизывать мороженое кончиком языка.

Когда вафельный стаканчик опустел, он завернул его в платок и спрятал в карман.

— Вы не едите вафель? — спросил мороженщик, очень удивленный.

— Нет. Собираю коллекцию, — сказал трубочист.

Он собрал метелки и вошел в дом Адмирала Бума через парадную дверь — ведь черного хода там, в отличие от дома мисс Ларк, не было...

Мороженщик снова покатил свою тележку по переулку, не переставая звенеть в колокольчик.

— Странно, — пробормотал он, — никогда тут не бывало так тихо!

И в тот самый миг, когда он оглянулся в поисках покупателей, из Дома Номер Семнадцать донесся громкий крик.

Мороженщик поспешно покатил туда свою тележку в надежде на заказ.

— Сил моих нет! Никаких моих сил больше нет! — кричал мистер Бэнкс, бегая в ярости от парадной двери к лестнице.

— Что случилось? — испуганно спросила миссис Бэнкс, выбегая из столовой. — Что это ты там пинаешь?

Мистер Бэнкс снова изо всех сил лягнул ногой, и что-то черное покатилося вверх по лестнице.

— Моя шляпа! — сквозь зубы проворчал он. — Мой парадный котелок!

Он взбежал на лестницу и снова наподдал шляпу ногой.

Котелок, завертевшись, как волчок, на выложенном плиткой полу, покатилося к ногам миссис Бэнкс.

— А что с ним случилось? — встревоженно спросила миссис Бэнкс.

Про себя она беспокоилась, не случилось ли чего с ее супругом.

— Посмотри — увидишь! — проревел он.

Миссис Бэнкс, дрожа, наклонилась и подняла шляпу.

Весь котелок был покрыт большими пятнами; они были липкие и чем-то пахли.

Миссис Бэнкс понюхала поля шляпы.

— Пахнет гуталином, — сказала она.

— Это и есть гуталин! — рявкнул мистер Бэнкс. — Робертсон Эй почистил мне шляпу обувной щеткой! Наваксил мой котелок!

У миссис Бэнкс вытянулось лицо.

— Бог знает, что творится в этом доме! — продолжал мистер Бэнкс. — Все кувырком! Все вверх тормашками! Вода для бритья слишком горячая, кофе — холодный! А теперь еще это!

Он вырвал шляпу из рук жены и схватил свой портфель.

— Я ухожу! — объявил он. — И не знаю, вернусь или нет! Скорей всего, я уйду в далекое плавание!

Тут он нахлобучил злополучный головной убор, с грохотом захлопнул дверь и выбежал из калитки так стремительно, что сбил с ног мороженщика, который все это время с интересом слушал их разговор.

— Сам виноват! — сварливо сказал мистер Бэнкс. — Нечего тут торчать!

И он помчался по переулку в Сити, и его начищенный котелок блестел на солнце, словно драгоценный камень.

Мороженщик осторожно поднялся и, убедившись, что все кости целы, сел на край тротуара и вознаграждал себя большой порцией пломбира...

— О боже! — сказала миссис Бэнкс, когда калитка захлопнулась. — Это так и есть. Все у нас вверх*тормашками! То одно, то другое. С тех пор как Мэри Поппинс от нас ушла, все идет кувырком!

Она села на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей в детскую, достала свой носовой платок и расплакалась.

И, плача, она припомнила все, что произошло с того дня, когда Мэри Поппинс так неожиданно и таинственно исчезла.

Вскоре после ее ухода появилась няня Грин и ушла, не прожив и недели, потому что Майкл плюнул на нее. Ее сменила няня

Браун, которая как-то днем пошла гулять и пропала. И только спустя долгое время они обнаружили, что вместе с ней пропали все серебряные ложки...

Затем появилась мисс Квигли, гувернантка, с которой пришлось расстаться, потому что она имела обыкновение по утрам — до завтрака! — по три часа играть гаммы, а мистер Бэнкс не особенно любил музыку.

— А потом,— всхлипывала миссис Бэнкс в платочек,— потом у Джейн была корь, и лопнул душ в ванной, и морозом побило вишни, и...

— Простите, мэм!

Миссис Бэнкс подняла глаза и увидела миссис Брилл, кухарку.

— В трубе на кухне сажа горит! — мрачно объявила миссис Брилл.

— О господи! Только этого не хватало! — закричала миссис Бэнкс.— Скажите Робертсону Эй, пусть он погасит! Где он?

— Спит, мэм, спит в чулане. А когда этот парень спит, его не разбудит никто на свете — разве что землетрясение, или целый полк барабанщиков! — говорила миссис Брилл, идя за хозяйкой в кухню.

Кое-как им удалось погасить огонь самим, но злоключения миссис Бэнкс на этом не кончились.

Не успела она позавтракать, как на лестнице раздался страшный стук, грохот и звон.

— Что там еще? — выскочила из-за стола миссис Бэнкс, спеша к месту происшествия.

— Ой, нога, нога! — вопила Элин, горничная.— Пропала моя головушка!

Она сидела на ступеньке среди горы разбитой посуды и громко стонала.

— А что с ней такое? — раздраженно спросила миссис Бэнкс.

— Сломала! — слабым голосом сказала Элин, прислоняясь к перилам.

— Глупости! Вы растянули щиколотку, вот и все.

Но Элин застонала еще громче.

— Ой, нога, нога! Пропала моя головушка! — повторяла она, рыдая.

В этот момент из детской донеслись пронзительные вопли Близнецов. Они подрались из-за синей целлулоидной уточки. Одновременно Майкл и Джейн, рисовавшие на обоях, яростно спорили, какой хвост нарисовать зеленой лошадке — красный или синий. И громче всего в этом содоме слышались равномерные, как барабанный бой, стоны Элин:

— Ой, нога, нога! Пропала моя головушка!

— Ну,— сказала миссис Бэнкс, схватившись за голову,— это последняя капля!

Она помогла Элин добраться до постели и сделала ей холодный компресс на ногу. Затем она поднялась в детскую. Джейн с Майклом бросились к ней.

— У нее должен быть красный хвост, верно? — настаивал Майкл.

— Мама, не вели ему говорить глупости! Не бывает лошадок с красными хвостами, правда ведь? — не уступала Джейн.

— Ну, покажи мне тогда лошадь с синим хвостом! Покажи! — орал Майкл.

— Это моя утка! — вопил Джон, вырывая утку у Барби.

— Моя, моя, моя! — пищала Барби, вырвав утку у брата.

Мама в отчаянии заломила руки:

— Дети! Дети! Замолчите, или я сойду с ума!

Мгновенно воцарилась тишина. Ребята с большим интересом глядели на маму. Правда она сойдет с ума? И какая она тогда станет?

— Так вот, — сказала миссис Бэнкс, — вы ведете себя ужасно! А бедная Элин повредила щиколотку. Смотреть за вами некому. Отправляйтесь в парк и играйте там до чая. Джейн и Майкл, вы должны присматривать за малышами. Джон, уткой пусть поиграет Барби, а ты возьмишь ее вечером. Можешь захватить с собой своего нового змея, Майкл. А теперь — надевайте шапки и отправляйтесь!

— А я хочу дорисовать лошадку, — упрямо начал Майкл.

— Зачем нам идти в парк! — жалобно захныкала Джейн. — Там нечего делать!

— Затем, — отвечала миссис Бэнкс, — что мне необходим покой! И если вы сейчас же пойдете и будете хорошо себя вести, к чаю будет кокосовый торт!

И, прежде чем успел разразиться новый взрыв, она нахлобучила на детей шапки и согнала весь выводок вниз.

— Осторожнее переходите через дорогу! — прокричала она вслед, когда ребята выходили из калитки.

Джейн катила коляску, Майкл нес своего змея.

Ребята посмотрели налево — никого и ничего.

Они посмотрели направо — тоже никого, кроме мороженщика, звонившего в свой колокольчик в другом конце переулка.

Джейн решительно двинулась вперед. Майкл следом.

— Что это за жизнь! — пожаловался он своему змею. — Все всегда плохо!

Джейн докатила коляску до пруда и остановилась.

— Ну-ка, — сказала она, — дайте мне уточку!

Малыши завопили и вцепились в утку изо всех сил. Джейн с трудом разжала их пальчики.

— Смотрите, — сказала она, опустив утку в пруд. — Смотрите, крошки, она поплыла в Индию!

Утка важно плыла по волнам. Близнецы смотрели на нее и ревели. Джейн обежала пруд, поймала утку и отправила ее в обратный рейс.

— А теперь, — сказала она весело, — она плывет в Англию! Не похоже было, чтобы Близнецов это очень развеселило.

— А теперь в Америку.

Они заревели еще громче.

Джейн всплеснула руками.

— Майкл, ну что нам с ними делать? Отдать им утку — они подерутся, не отдавать — будут хныкать!

— Я сейчас змея запущу! — сказал Майкл. — Смотрите, дети, смотрите!

Он поднял красивого, желто-зеленого змея и стал разматывать бечевку.

Близнецы наблюдали за ним без особого интереса. Глаза их были полны слез.

Майкл поднял змея высоко над головой и побежал. Змей чуть-чуть подлетел и тут же шлепнулся на траву.

— Давай еще раз! — ободрила брата Джейн.

— Ты поддержи, когда я побегу, — сказал Майкл.

На этот раз змей взлетел немного выше. Но его длинный, украшенный кисточками хвост зацепился за ветки большой липы; бечевка запуталась, и змей бессильно повис на дереве.

Близнецы громко завывали.

— О господи! — сказала Джейн. — Ничего сегодня не получается!

— Эй, эй, эй! Что это такое? — прозвучал сзади строгий голос.

Ребята обернулись и увидели паркового сторожа в красной форменной куртке и фуражке. Он подбирал разбросанные бумажки, нанизывая их на остроконечную палку.

Джейн показала на липу. Сторож поглядел вверх, и лицо у него стало очень строгое.

— Ай-ай-ай! Вы нарушили правила! Это никуда не годится! Разве вы не знаете — здесь сорить не разрешается! Ни на земле, ни на деревьях!

— Это не сор, — сказал с возмущением Майкл. — Это змей!

Сторож подошел поближе к липе и вдруг расплылся в радостной, добродушной, даже чуть глуповатой улыбке:

— Верно, змей! А я, ребятки, очень-очень давно не пускал змея — с тех пор как был мальчиком!

Он мигом влез на дерево и спустился, осторожно держа змея под мышкой.

— Сейчас запустим! — сказал он радостно. — Намотаем бечевочку, и он у нас ого-го как полетит!

Он протянул руку за катушкой.

Майкл крепко стиснул катушку в руке.

— Спасибо, я хочу сам.

— Давай вместе, а? — просительно сказал сторож. — Я ведь его тебе достал, не забудь. И я не пускал змея с тех пор, как был мальчиком!

— Ладно, — сказал Майкл, не желая быть невежливым.

— Вот спасибо! — обрадовался сторож. — Значит, я возьму змея и отойду на десять шагов по газону. А когда я скажу «пошел», ты побежишь. Идет?

Сторож двинулся, вслух считая шаги:

— ...восемь, девять, десять!

Он обернулся и поднял змея над головой.

— Пошел! — крикнул он.

Майкл пустился бегом.

Бечевка крепко натянулась, и катушка завертелась в его руке.

— Пошел! — повторил сторож.

Майкл обернулся. Змей стремительно набирал высоту. Он, как ракета, все выше и выше поднимался в небо, щелкая хвостом.

Сторож вытаращил глаза.

— В жизни не видел такого змея, даже когда был мальчиком! — пробормотал он.

Тут легкое облачко на мгновение закрыло солнце. И стало приближаться.

— Оно летит прямо к нашему змею! — взволнованным шепотом сказала Джейн.

А змей все поднимался — стремительно и уверенно.

Вот он стал уже еле заметным темным пятнышком в небесах. Облако не спеша двигалось к нему.

Ближе, ближе...

— Пропал! — сказал Майкл, когда пятнышко исчезло за тонкой серой завесой.

Джейн слегка вздохнула. Наступила странная тишина. Даже Близнецы тихо сидели в коляске. Только бечевка рвалась у Майкла из рук, словно сиюсь связать воедино небо и землю...

Ребята затаив дыхание ждали, когда змей покажется снова.

Наконец Джейн не выдержала.

— Майкл! — крикнула она. — Тащи! Тащи обратно!

Майкл перевернул катушку и сильно потянул бечевку. Она не поддавалась. Он дергал и дергал, пыхтя и отдуваясь.

— Не могу! — сказал он. — Не идет!

— Давай помогу, — сказала Джейн. — А ну-ка!

Но, как они ни тянули, бечевка не уступала, и змей не выходил из-за облака.

— Дайте-ка мне, — сказал сторож важно. — Когда я был мальчиком, мы делали вот так. — И он ухватил бечевку повыше руки Джейн и коротко, сильно дернул.

Казалось, бечевка слегка пошла.

— А ну, все вместе —взяли!

Сторож сбросил фуражку, Джейн и Майкл крепко уперлись ногами в землю, и все принялись тянуть изо всей мочи.

— Идет! — пропыхтел Майкл.

Внезапно бечевка ослабла, и маленькая верткая фигурка пробила облако и плавно пошла вниз.

— Наматывай! — рявкнул сторож, кивнув Майклу.

Но бечевка уже сама собой наматывалась на катушку. Все ниже и ниже спускался змей, отплясывая в воздухе какой-то дикий танец.

Джейн ахнула.

— Что же это такое? — крикнула она. — Это не наш змей! Это совсем другой!

Они вгляделись.

Совершенно верно. Змей из желто-зеленого превратился в темно-синего!

И тут ахнул Майкл.

— Джейн! Джейн! — завопил он. — Это совсем не змей. Это как будто... по-моему, это...

— Майкл, тащи, тащи скорей! — задыхалась Джейн. — А то я умру!

У них были все основания взволноваться.

Хотя неизвестный предмет, снижавшийся вместо змея на бечевке, парил еще выше самых высоких деревьев, уже можно было различить странно знакомые очертания человеческой фигуры...

...Темно-синее пальто...

...Соломенную шляпу...

...Зажатый под мышкой зонтик...

...Ковровую сумку...

— Она! — ликуяще закричала Джейн. — Это она!

— Я так и знал! — заорал Майкл, дрожащими от волнения руками сматывая бечевку.

— Батюшки! — пробормотал сторож, изо всех сил протирая глаза. — Батюшки!

...Вот блеснули серебряные пуговицы... Стало видно, как качаются цветы на шляпке... И наконец солнце осветило хорошо знакомые черты — блестящие синие глаза, курносый нос и угольно-черные, как у деревянной куклы, волосы.

И, когда фигура аккуратно и плавно опустилась на лужайку под липой, никаких сомнений не оставалось!

Ребята опрометью кинулись туда.

— Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! — кричали они.

Оба мгновенно повисли на ней.

Близнецы в коляске кричали, как петухи на заре. Сторож то

открывал, то закрывал рот, словно хотел что-то сказать, но не находил слов.

— Дождались! Дождались! Дождались! — вопил как зарезанный Майкл, хватая то ее руку, то сумку, то зонтик — ему было все равно что, лишь бы чувствовать, что она действительно здесь.

— Мы знали, что вы вернетесь! Мы нашли письмо с *оревуаром*! — кричала Джейн, изо всех сил обнимая синее пальто.

Довольная улыбка осветила на мгновение лицо Мэри Поппинс. Улыбнулись и рот, и нос, и синие глаза. Но только на мгновение.

— Вы меня очень обяжете, — сказала она, высвобождаясь из ребячьих рук, — если вспомните, что находитесь в общественном месте. Это городской парк, а не зоопарк! Как вы себя ведете? И где, позвольте спросить, ваши перчатки?

Ребята принялись лихорадочно шарить в карманах.

— Гхм! Наденьте их, будьте любезны!

Дрожа от счастья и волнения, Джейн и Майкл натянули перчатки и надели шапки.

Мэри Поппинс подошла к коляске. Близнецы радостно заворковали, когда она устроила их поудобнее и поправила плед.

Она оглянулась.

— Кто пустил эту утку в пруд? — спросила она строгим, суровым голосом, который они так хорошо знали.

— Это я, — сказала Джейн. — Для Близнецов. Она плавает в Америку.

— Тогда потрудитесь вытащить ее. Она плавает не в Америку — или куда вы там придумали, — а домой пить чай.

И, повесив свою козловую сумку на ручку коляски, она покатила Близнецов к выходу из парка.

Сторож загородил ей дорогу. К нему наконец вернулся дар речи.

— Послушайте! — сказал он, глядя на нее во все глаза. — Мне придется написать рапорт! Это против правил. Тут запрещено сваливаться с неба! Откуда вы взялись, хотел бы я знать, а?

Он замолчал — Мэри Поппинс смерила его таким взглядом, что ему сразу захотелось быть где-нибудь в другом месте.

— Если бы я была парковым сторожем, — сказала она с достоинством, — я бы надела фуражку и застегнула тужурку. Позвольте!

И, надменно отстранив его жестом, она проследовала дальше.

Сторож, покраснев, нагнулся за своей фуражкой. А когда он вновь поднял глаза, Мэри Поппинс и ребята уже скрылись в воротах Дома Номер Семнадцать.

Сторож посмотрел на дорожку. Потом на небо. Потом опять на дорожку.

Он снял фуражку, почесал в затылке и снова надел ее.

— Ни в жизнь ничего подобного не видел! — сказал он, запинаясь. — Даже когда я был мальчиком!

И он удалился в растерянности, продолжая что-то бормотать.

*

— Мэри Поппинс, вы ли это! — встретила ее в прихожей миссис Бэнкс. — Откуда вы взялись? Из голубой дали?

— Да, да! — начал было Майкл весело. — Она спустилась на...

Он осекся, потому что Мэри Поппинс бросила на него уничтожающий взгляд.

— Я встретила их в парке, мэм, — сказала она, обращаясь к миссис Бэнкс, — и привела домой.

— Вы собираетесь, следовательно, остаться у нас?

— В настоящее время да, мэм.

— Понимаете ли, Мэри Поппинс, в прошлый раз вы ушли от нас, не сказав ни... без предупреждения. Как я могу знать, что вы этого опять не сделаете?

— Никак, мэм, — спокойно согласилась Мэри Поппинс.

Миссис Бэнкс опешила.

— Но... но... вы ведь больше не уйдете так? — неуверенно спросила она.

— Не могу сказать заранее, мэм.

— О! — сказала миссис Бэнкс, потому что ничего лучшего в данную минуту она придумать не смогла.

И, прежде чем она пришла в себя от изумления, Мэри Поппинс взяла свою козую сумку и повела ребят наверх.

Миссис Бэнкс проводила их взглядом.

Дверь детской тихо закрылась.

Тогда, с облегчением вздохнув, она побежала к телефону.

— Мэри Поппинс вернулась! — радостно сказала она в трубку.

— Правда? — сказал мистер Бэнкс на другом конце провода. — Тогда, пожалуй, я тоже вернусь.

И он положил трубку.

*

Мэри Поппинс сняла пальто и повесила его на крючок у двери спальни. Затем она сняла шляпку и аккуратно поместила ее на спинку кровати.

Дети наблюдали за этой знакомой процедурой. Все было точно-точно как всегда. Просто не верилось, что она куда-то пропадала.

Вот Мэри Поппинс наклонилась и открыла козую сумку.

Сумка была совершенно пуста, если не считать большого термометра.

— Это для чего? — с любопытством спросила Джейн.

— Для тебя! — сказала Мэри Поппинс.

— Я же не больная! — возмутилась Джейн. — У меня корь уже два месяца как прошла!

— Открывай! — сказала Мэри Поппинс таким голосом, что Джейн немедленно закрыла глаза и открыла рот. И градусник немедленно скользнул туда. — Я хочу знать, как ты вела себя в мое отсутствие, — строго сказала Мэри Поппинс.

Она вытащила градусник и поднесла его к свету.

— *Легкомысленная и неаккуратная,* — прочитала она.

Джейн широко открыла глаза.

— А я ничуть не удивлена! — сказала Мэри Поппинс и поставила градусник Майклу.

Вытащив его, она прочла:

— *Большой шалун и озорник!*

— Неправда! — сказал Майкл сердито.

Мэри Поппинс вместо ответа сунула ему градусник под самый нос, и он прочел по складам:

— *Большой ша...*

— Видишь? — торжествующе поглядела на него Мэри Поппинс.

Капризный и драчливый — такова была температура Джона.

А когда проверку прошла Барби, градусник показал:

Донельзя избалованна!

— Гхм! — фыркнула Мэри Поппинс. — Пожалуй, я вернулась вовремя!

Наконец она поставила градусник себе самой, подержала его одно мгновение и вытащила.

— *Полное совершенство во всех отношениях,* — прочитала она, и самодовольная улыбка заиграла на ее лице. — Как и следовало ожидать, — сказала она гордо. — А теперь чай — и спать!

Ребятам показалось, что не прошло и минуты, а они уже выпили молоко, съели по куску кокосового торта и выкупались. Как обычно, все, что делала Мэри Поппинс, совершалось со скоростью света. Крючки и петли разлетались сами, пуговицы торопились расстегнуться, мыло и губка носились, как молния, полотенце вытирало в один взмах.

Мэри Поппинс прошла между кроватями, поправляя на ребятах одеяла. Ее накрахмаленный белый передник похрустывал, и от нее чудесно пахло свежеподжаренными гренками.

Подойдя к кроватке Майкла, она наклонилась и пошарила под ней. Через минуту она осторожно вытащила оттуда свою раскладушку, на которой аккуратными стопками было сложено

все имущество Мэри: кусок туалетного мыла «Загар», зубная щетка, пакетик шпилек, флакон одеколona, складной стул и коробочка пастилок от кашля. Затем последовали семь фланелевых ночных рубашек, четыре бумажных, туфли, халаты, две купальные шапочки и альбом с открытками.

Джейн с Майклом привскочили в своих кроватках.

— Откуда же все это взялось? — не утерпел Майкл. — Я, наверно, сто раз лазил под кровать, и я знаю — там ничего не было!

Мэри Поппинс ничего не ответила. Она начала готовиться ко сну.

Джейн с Майклом переглянулись. Допытываться, конечно, было бесполезно — ведь Мэри Поппинс ничего никогда не объясняет.

Мэри Поппинс сняла крахмальный белый воротничок и растегнула замочек цепочки с медальоном.

— А что там внутри? — поинтересовался Майкл, разглядывая маленький золотой медальон.

— Портрет.

— Чей?

— Узнаешь в свое время. Не раньше.

— А когда свое время придет?

— Когда я уйду!

Ребята уставились на нее испуганными глазами.

— Мэри Поппинс! — вскрикнула Джейн. — Вы ведь никогда больше от нас не уйдете, правда? Скажите, что правда!

Мэри Поппинс пристально посмотрела на нее.

— Хорошенькая у меня будет жизнь, — ответила она, — если я всю ее потрачу на вас!

— Но вы останетесь? — умоляла Джейн.

Мэри Поппинс подбросила медальон на ладони.

— Останусь, пока цепь не порвется, — сказала она кратко.

И, накинув на голову ночную рубашку, она начала под ней раздеваться.

— Тогда хорошо, — шепнул Майкл сестре. — Я видел — цепочка очень крепкая.

Он ободряюще кивнул Джейн. Оба свернулись клубочками в постелях и лежали, наблюдая за таинственными действиями Мэри Поппинс в ее рубашечной палатке. Им вспомнился день ее прибытия в Вишневый переулок и все странные, удивительные приключения, которые случились потом: и как она улетела на зонтике, когда ветер переменился; и долгие, долгие дни разлуки с ней; и ее сегодняшнее чудесное возвращение...

Вдруг Майкл сел.

— Змей! — сказал он. — Где мой змей? Я совсем про него забыл!

Из ворота ночной рубашки показалась голова Мэри Поппинс.

— Змей? — сердито сказала она. — Что еще за змей? Какой змей?

— Мой новый змей, желтый и зеленый и с кисточками! Ну тот, на котором вы сегодня прилетели! На его бечевке!

Мэри Поппинс пристально посмотрела на него. Трудно было сказать, чего в этом взгляде было больше — удивления или гнева; но и того и другого было достаточно.

А голос ее, когда она заговорила, был еще страшнее взгляда.

— Если я тебя правильно поняла, — медленно процедила она сквозь зубы, — ты сказал, что я спустилась откуда-то на веревке?

— Но ведь так и было! — запинаясь Майкл. — Сегодня. Из облака. Мы вас видели.

— Значит, на веревочке? Как мартышка? Это я, да? Так, Майкл Бэнкс?

Мэри Поппинс была в такой ярости, что казалось, стала вдвое больше ростом. Огромная и страшная, она нависла над ним, ожидая ответа.

Майкл для храбрости вцепился в простыню.

— Майкл, молчи! — шепнула Джейн предостерегающе.

Но он зашел слишком далеко.

— Ну, тогда — где мой змей? — сказал он отважно. — Если вы не спустились... мм... так, как я говорил, где тогда мой змей? Его не было на бечевке.

— Ага! А я, значит, была? — насмешливо спросила она.

Майкл понял, что продолжать бесполезно. Все равно ничего не добьешься. Он сдался.

— Н-нет, — сказал он тоненьким голоском. — Нет, Мэри Поппинс.

Она отвернулась и выключила свет.

— Твои манеры, — заметила она сухо, — не улучшились со времени моего отъезда. На веревочке! Подумать только! Меня в жизни так не оскорбляли! Никогда!

Она яростно рванула одеяло и улеглась в постель, укрывшись с головой.

Майкл лежал очень тихо, все еще вцепившись в простыню.

— Джейн! — шепнул он наконец. — Ведь она правда спустилась? Правда? Мы ведь сами видели!

Джейн вместо ответа показала на дверь спальни.

Там на крючке висело пальто Мэри Поппинс. Серебряные пуговицы его блестели в слабом свете ночника. А из кармана свешивалась длинная веревка с кисточками. Это был хвост змея — желто-зеленого змея...

Ребята долго молча рассматривали его.

Потом они, переглянувшись, кивнули друг другу.

Да и к чему были слова? Обоим было давно ясно: в Мэри

Поппинс есть что-то такое, чего им никогда не понять. Но она здесь, с ними. Это самое главное.

С раскладушки доносилось к ним ее ровное дыхание.

На душе у них было хорошо, мирно и спокойно.

— Джейн! Ладно, пусть у нее будет синий хвост! — шепнул Майкл.

— Нет, что ты! — шепнула Джейн в ответ. — По-моему, ты прав — красный гораздо лучше.

И после этого в детской было слышно только спокойное сонное дыхание.

*

П-п! Пуф! — говорила трубка мистера Бэнкса.

Клик-клик! — говорили спицы миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс поставил ноги на каминную решетку и слегка свистнул носом.

Спустя некоторое время миссис Бэнкс нарушила молчание:

— Ты все еще думаешь о дальнем плавании?

— А? М-м-м... да нет. Я довольно плохой моряк. Кстати, шляпа моя в полном порядке. Чистильщик на углу наваксил ее, и она выглядит как новая. Даже лучше. Кроме того, раз Мэри Поппинс вернулась, вода для бритья всегда будет как раз нужной температуры.

Миссис Бэнкс улыбнулась про себя и продолжала вязать.

Она была очень рада, что мистер Бэнкс такой плохой моряк и что Мэри Поппинс вернулась.

На кухне миссис Брилл меняла Элин повязку.

— Не сказать, чтобы я ее очень обожала, — говорила она, — но врать не стану, дом стал совсем другой сегодня. Тихо, как в воскресенье, и чистота — блестит, как денежка. Я не против, что она вернулась.

— Да и я тоже! — сказала Элин.

«Не говоря обо мне! — подумал Робертсон Эй, прислушиваясь к их беседе из-за стенки чулана. — По крайней мере, теперь человека хоть изредка оставят в покое!»

Он устроился поуютнее на перевернутом совке для угля, положил голову на щетку и опять задремал.

Но что обо всем этом думала Мэри Поппинс, никто никогда не узнал: ведь она держала свои мысли про себя и никогда никому ничего не говорила...

ЖАВОРОНОК МИСС ЭНДРЮ

Была суббота.

В прихожей Дома Номер Семнадцать по Вишневому переулку мистер Бэнкс деловито постукивал по барометру и сообщал миссис Бэнкс, что собирается делать погода.

— Ветер южный, умеренный; температура нормальная, море спокойно,— сказал он.— Местами возможны грозы и ураганы. Эй, что там еще?

Над его головой раздался такой грохот, топот и стукот, что он был вынужден прервать свою речь.

На лестничном марше показался Майкл. Он был, по всему судя, весьма не в духе. Мрачно топая, он спускался вниз. За ним шла Мэри Поппинс — в каждой руке по Близнецу,— подталкивая его коленом в спину на каждой ступеньке. За ней следовала Джейн, неся шляпы.

— Труден только первый шаг,— назидательно приговаривала Мэри,— спускайся, будь любезен!

Мистер Бэнкс оставил свой барометр и обратил взор на Майкла.

— Что с тобой происходит? — сердито спросил он.

— Я не хочу идти гулять, *не хочу!* Хочу играть со своим новым паровозом! — отвечал Майкл, слегка икнув, когда колено Мэри Поппинс столкнуло его на следующую ступеньку.

— Какие глупости, сынок! — сказала мама.— Обязательно надо идти гулять. От ходьбы у тебя будут сильные, длинные ножки!

— А я люблю короткие! — упрямо хныкал Майкл, тяжело спрыгнув на очередную ступеньку.

— Когда я был мальчиком,— сказал папа,— я любил гулять! Я каждый день ходил со своей гувернанткой на прогулку — до второго фонаря и обратно! И я *никогда* не хныкал!

Майкл остановился и недоверчиво посмотрел на мистера Бэнкса.

— А разве ты правда был маленьким? — спросил он, очень удивленный.

Мистер Бэнкс, по-видимому, обиделся.

— Конечно, был. Я был чудным маленьким мальчиком с длинными золотыми локонами, в кружевном воротничке и в бархатных штанишках и в ботинках на пуговках!

— Что-то не верится! — сказал Майкл, сбегая по ступенькам — уже по доброй воле — и глядя во все глаза на папу.

— А как звали твою гувернантку? — спросила Джейн, подбежавшая вслед за Майклом.— Она была хорошая?

— Ее звали мисс Эндрю, и она была — Божеское Наказание!

— Тс-с! — укоризненно сказала миссис Бэнкс.

— Я хотел сказать, — поправился мистер Бэнкс, — что она была... м-м-м... очень строгая. И всегда была права. И очень любила поставить тебя на место и ткнуть тебя носом, чтобы ты чувствовал себя ничтожным червяком! Вот такая она была, незабвенная моя мисс Эндрю!

Мистер Бэнкс наморщил лоб при одном воспоминании о своей гувернантке.

Динь! Динь! Динь!

По всему дому разнесся пронзительный звон дверного колокольчика.

Сам мистер Бэнкс открыл дверь. На крылечке с очень важным видом стоял мальчик. Это был телеграфный мальчик — разносчик телеграмм.

— Срочная телеграмма на имя Бэнкса. Ответ будет? — Он вручил мистеру Бэнксу оранжевый конверт.

— Если новости хорошие — получишь на чай, — пообещал мистер Бэнкс, вскрывая конверт. Он прочитал телеграмму и побледнел. — Ответа не будет, — сказал он сухо.

— А на чай?

— Тем более! — с горечью ответил мистер Бэнкс.

Телеграфный мальчик посмотрел на него с упреком и печально удалился.

— О боже, что случилось? — спросила миссис Бэнкс. — Кто-нибудь заболел?

— Хуже! — отвечал мистер Бэнкс трагическим голосом.

— Тебя уволили с работы? — испуганно спросила миссис Бэнкс, тоже побледнев.

— Еще хуже! Барометр предсказывал, что возможны грозы и ураганы? Ну так вот, слушай!

Он разгладил телеграмму и прочел вслух:

— ПРИЕЗЖАЮ К ВАМ НА МЕСЯЦ. ПРИБУДУ СЕГОДНЯ В ТРИ ЧАСА. БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ ЗАТОПИТЬ КАМИН В СПАЛЬНЕ. ЮФИМИЯ ЭНДРЮ.

— Эндрю? Ой, так звали и твою гувернантку! — сказала Джейн.

— Это она и есть! — ответил мистер Бэнкс, нервно расхаживая по комнате и отчаянно теребя остатки своих волос. — Ее зовут Юфимия! И она приезжает. Сегодня. В три часа! — Он громко застонал.

— Ну, дорогой мой, это не такая уж плохая новость! — сказала миссис Бэнкс, вздохнув с облегчением. — Конечно, придется сделать в комнате для гостей уборку, но это ничего. Мне будет приятно, что милая старушка...

— Милая старушка?! — проревел мистер Бэнкс. — Ты сама не понимаешь, что говоришь! Милая! Как бы не так! погоди, пока ты ее увидишь! Только погоди!

Он схватил свою шляпу и плащ.

— Что ты, дорогой! — вскрикнула миссис Бэнкс. — Это невежливо. Ты должен ее встретить! Куда ты собрался?

— Куда угодно! Никуда! Скажи ей, что я умер! — прокричал мистер Бэнкс и умчался из дому, совершенно расстроенный и подавленный.

— Майкл, как ты думаешь, какая она? — спросила Джейн.

— От любопытства кошка умерла, — сказала Мэри Поппинс. — Наденьте шляпы, пожалуйста!

Она усадила Близнецов в коляску и быстро покатила ее по переулку. Джейн и Майкл едва поспевали за ней.

— Куда мы сегодня пойдём, Мэри Поппинс? — спросили ребята.

— Через парк, потом вдоль линии тридцать девятого автобуса до Хай-стрит, потом через мост и оттуда домой мимо железнодорожного переезда! — последовал сердитый ответ.

— Тогда нам придется всю ночь идти! — шепнул Майкл, семеня за Джейн. — И мы пропустим мисс Эндрю!

— Она ведь приезжает на месяц, — напомнила ему Джейн.

— Да-а, а ведь я хочу посмотреть, как она приедет, — пожаловался он, волоча ноги и изо всех сил шаркая по асфальту.

— Веселей, веселей, пожалуйста! — бодро сказала Мэри Поппинс. — Я с тем же успехом могла взять на прогулку пару улиток!

Но, когда они догнали ее, она заставила их добрых пять минут ждать, пока она налюбуется своим отражением в витрине рыбной лавки. На ней была новая белая блузка в розовый горошек, и по выражению лица Мэри, отражавшегося над грудями жареной трески, можно было догадаться, что она в полном восторге от себя самой. Она немного распахнула пальто, чтобы блузка была виднее, и подумала, что, говоря честно, Мэри Поппинс еще никогда не выглядела лучше. Казалось, даже жареные рыбы на витрине, засунувшие свои жареные хвосты в рот, любят ее круглыми от восхищения глазами...

Наконец, удовлетворенно кивнув своему отражению, Мэри Поппинс помчалась дальше.

Они прошли всю Хай-стрит, перебрались через мост, а когда они миновали железнодорожный переезд, Джейн и Майкл кинулись бегом вперед и бежали до самого угла Вишневого переулка.

— Ура! Такси! — завопил Майкл. — Это, наверно, мисс Эндрю приехала!

Ребята остановились на углу, поджидая Мэри Поппинс и

наблюдая за такси. Такси не спеша ехало по переулку и наконец остановилось у ворот Дома Номер Семнадцать. Остановилась машина со скрипом и стоном, и это было неудивительно, потому что от колес до самой крыши она была нагружена багажом.

Собственно говоря, самой машины почти не было видно под чемоданами. Чемоданы были на крыше, чемоданы были сзади, и с боков тоже были видны одни чемоданы. Из окон высовывались сундуки и кофры. К ступенькам были привязаны коробки и шляпные картонки. И даже на водительском месте, казалось, сидели два огромных саквояжа.

Наконец из-под них вынырнул шофер. Он осторожно выбрался наружу, словно спускаясь с крутой горы, и открыл заднюю дверь.

Оттуда, подпрыгивая, выскочила коробка для ботинок; за ней — громадный сверток в оберточной бумаге; далее последовали зонтик и трость, связанные вместе веревкой. И напоследок на волю вырвались, треща и звеня, большие весы и сбили таксиста с ног.

— Осторожнее! — протрубил из такси громоподобный голос. — Это ценные вещи!

— А я — ценный шофер! — возразил таксист, поднимаясь с земли и потирая ушибленное колено. — Вы об этом, кажется, забыли?

— С дороги, пожалуйста, с дороги! Я выхожу! — вместо ответа прогудел тот же громовый голос.

И на ступеньке машины появилась такая огромная ножища, какой ребята в жизни не видывали. За ней последовали остальные части мисс Эндрю.

На мисс Эндрю было широченное пальто с меховым воротником; на голове мисс была водружена мужская фетровая шляпа, с которой свисала, развеваясь, длинная серая вуаль. Одной рукой она придерживала складки своей длинной юбки, а в другой держала какой-то круглый предмет, накрытый клетчатой материей.

Дети под защитой забора осторожно подкрались поближе, с интересом разглядывая огромную женщину с крючковатым носом, недобрым ртом и маленькими глазками, сердито смотревшими сквозь очки.

Мисс Эндрю заспорила с таксистом, и ее голос едва не оглушил ребят.

— Четыре шиллинга три пенса! — провозгласила она. — Возмутительно! За эти деньги я могла совершить полкругосветного путешествия! Я не стану платить! Вынуждена пожаловаться на вас в полицию!

Шофер пожал плечами.

— Плата за проезд, мадам, — спокойно сказал он. — Если вы

умеете читать — поглядите на счетчик. Нельзя кататься на такси бесплатно. Тем более — с таким багажом!

Мисс Эндрю возмущенно высморкалась и, засунув руку в свой большой карман, извлекла оттуда очень маленький кошелек. Из него она достала монетку. Таксист взял монетку и повертел ее в руке, рассматривая, словно музейную редкость. Потом он невежливо засмеялся.

— Это что — на чай? — саркастически спросил он.

— Ни в коем случае! Это плата за проезд! Я не признаю чаевых! — прогудела мисс Эндрю.

— Еще бы! — сказал шофер, глядя ей в глаза. Потом он сказал словно про себя: — Столько багажа, что можно завалить полпарка, и не признает чаевых! Гарпия!

Но мисс Эндрю не слышала этих слов. Заметив у калитки детей, она пошла к ним навстречу, гремя каблуками. Вуаль развеивалась за ее спиной.

— Ну! — пробасила она, изобразив на лице подобие улыбки. — Вы, конечно, не знаете, кто я такая?

— Нет, знаем! — радостно откликнулся Майкл. Он был очень рад познакомиться с мисс Эндрю и говорил самым приветливым тоном. — Вы — Божеское Наказание!

Темно-багровый румянец залил все лицо мисс Эндрю до самой шеи.

— Ты очень грубый, невоспитанный мальчишка! Я пожалуюсь твоему отцу!

Майкл посмотрел на нее с удивлением.

— Я не хотел грубить, — начал он. — Это папа сказал, что вы...

— Молчать! Не смей со мной спорить! — сказала мисс Эндрю. Она повернулась к Джейн: — А ты — Джейн, я полагаю? Никогда не одобряла этого имени!

— Здравствуйте! — вежливо сказала Джейн, хотя в глубине души она почувствовала, что ей не очень нравится имя Юфимия.

— Твое платье слишком коротко! — загремела мисс Эндрю. — Почему ты без чулок? Девочки в мое время никогда не ходили с голыми ногами! Придется поговорить с твоей мамашей!

— Я не люблю чулок, — сказала Джейн. — Я ношу их только зимой.

— Что за развязность! Дети должны помалкивать! — громынула мисс Эндрю.

Она наклонилась над коляской и в знак приветствия ущипнула Близнецов за щеки своей ручищей.

Джон и Барби заплакали.

— Фу! Что за манеры! — пробасила мисс Эндрю. — Сера и патока — вот чего им не хватает! — продолжала она, обернув-

шись к Мэри Поппинс.— Воспитанные дети так не плачут, нет. Давайте им серу и патоку. И побольше! Не забывайте!

— Благодарю вас, сударыня,— сказала Мэри Поппинс с ледяной вежливостью,— но я воспитываю детей на свой лад и не прошу советов ни у кого.

Мисс Эндрю уставилась на Мэри с таким видом, словно она не верит своим ушам.

Мэри Поппинс ответила ей спокойным и бесстрашным взглядом.

— Молодая женщина,— сказала мисс Эндрю, придя в себя,— вы забываетесь! Как вы смеее так отвечать мне — мне! Вынуждена принять меры, чтобы вас удалили из этого дома. Попомните мои слова!

Она распахнула калитку и понеслась по дорожке, яростно размахивая своей ношей, покрытой клетчатой материей, и громко повторяя «Фу» и «Фи».

Миссис Бэнкс выбежала ей навстречу.

— Добро пожаловать, мисс Эндрю, добро пожаловать! — приветливо сказала она.— Очень мило с вашей стороны сделать нам такой сюрприз. Надеюсь, поездка была приятная?

— Крайне неприятная! — отрезала мисс Эндрю.— Вообще терпеть не могу ездить!

Говоря это, она злобными, пронзительными глазками оглядывала сад.

— Возмутительный беспорядок! — раздраженно заявила она.— Послушайте моего совета и вырвите с корнем все эти штуки,— она показала на подсолнухи,— а вместо них посадите бессмертники! Гораздо меньше забот. Сбережете время и деньги. И выглядит приличней. А еще лучше — залить все бетоном. Будет, по крайней мере, приличный двор.

— Но я,— пролепетала миссис Бэнкс,— я больше люблю цветы!

— Чушь! Вздор и чепуха! Дамские глупости! А ваши дети грубияны. Особенно мальчишка!

— Майкл, ты меня удивляешь! Неужели ты был груб с мисс Эндрю? Сейчас же попроси прощения!

Миссис Бэнкс страшно расстроилась.

— Мама, да я же не грубил! Я просто...— Майкл было начал объяснять, что произошло, но громкий голос мисс Эндрю заставил его замолчать.

— Он меня оскорбил! — настаивала она.— Его надо немедленно отправить в пансион! А девочке необходима гувернантка! Я сама подыщу. Что же касается молодой особы, которая за ними смотрит сейчас,— она кивнула в сторону Мэри Поппинс,— вы должны ее немедленно уволить. Она груба и бестолкова. Это подозрительная личность!

Миссис Бэнкс была в полной панике.

— О боже, вы ошибаетесь, мисс Эндрю, уверяю вас! Мы считаем, что она просто сокровище!

— Вы ничего в этом не смыслите. Я никогда не ошибаюсь! Рассчитайте ее!

И мисс Эндрю двинулась по дорожке к дому.

Миссис Бэнкс, совершенно расстроенная и перепуганная, устремилась за ней.

— Я... ммм... надеюсь, что вам у нас понравится, мисс Эндрю,— сказала она любезно. Но в глубине души она далеко не была уже в этом уверена.

— Гм! Домишко, конечно, неказистый! — отвечала мисс Эндрю.— Весь облезлый и обшарпанный! В ужасном состоянии! Вам надо послать за плотником! А когда белили это крыльцо? Оно страшно грязное!

Миссис Бэнкс закусил губу. Слова гостьи превратили ее милый, уютный дом в какую-то жалкую и убогую лачугу, и ей стало очень-очень грустно.

— Завтра его побелят,— пролепетала она.

— А почему не сегодня? «Завтра» никогда не приходит, вам известно? Кстати, зачем вы красите дверь в белый цвет? Темно-коричневый — это то, что нужно! Дешевле, и грязь не так заметна. Поглядите только на эти пятна!

И, поставив свою круглую ношу на крыльцо, она принялась тыкать пальцем во входную дверь:

— Тут! И здесь! И еще там! Всюду! Какой стыд!

— Я немедленно этим займусь! — чуть слышно проговорила миссис Бэнкс.— Не хотите ли подняться в свою комнату?

Мисс Эндрю последовала за хозяйкой в прихожую.

— Надеюсь, там есть камин?

— О да. Сюда, мисс Эндрю, Робертсон Эй принесет ваши вещи.

— Хорошо. Предупредите его, чтобы он был поосторожнее! У меня там много пузырьков с лекарствами. Я должна заботиться о своем здоровье!

Мисс Эндрю двинулась по лестнице. По дороге она обвела взглядом прихожую.

— Обои нужно сменить. Придется поговорить об этом с Джорджем. Кстати, почему он меня не встретил? Очень невежливо! Я вижу, что его манеры так и не исправились!

Раскаты мощного голоса мисс Эндрю постепенно затихали, по мере того как она поднималась по лестнице. А голос миссис Бэнкс, смиренно соглашавшейся со всеми требованиями гостьи, был уже почти совсем не слышен.

Майкл обернулся к Джейн.

— Кто это Джордж? — спросил он.

— Папа.

— Да ведь папу все зовут мистер Бэнкс.

— Да, но у него есть и имя — Джордж.

Майкл вздохнул:

— Месяц — это очень-очень долго, правда, Джейн?

— Да-а... четыре недели и еще кусочек, — ответила Джейн, чувствуя в душе, что месяц в обществе мисс Эндрю будет больше похож на год.

Майкл придвинулся поближе к сестре.

— Слушай, — начал он встревоженным шепотом, — она же не может их заставить прогнать Мэри Поппинс, правда, нет?

— Да нет, не думаю. Но она очень странная. Я не удивляюсь, что папа ушел из дома.

— Странная!

Это слово прозвучало над ними, как гром с ясного неба. Ребята обернулись. Мэри Поппинс смотрела вслед мисс Эндрю таким взглядом, который вполне мог убить гостью на месте.

— Странная! — повторила она, презрительно фыркнув. — Это не то слово! Хм! Значит, я не умею воспитывать детей, вот как? Я груба и бестолкова, так? Я подозрительная личность? Посмотрим!

Джейн и Майкл привыкли к угрозам Мэри Поппинс, но сегодня в ее голосе были ноты, которых они никогда прежде не слышали.

Они молча уставились на нее, не в силах представить себе, что произойдет.

И тут послышался слабый звук — не то вздох, не то свист.

— Что это? — быстро спросила Джейн.

Звук повторился, на этот раз немного погромче. Мэри Поппинс наклонила голову набок и прислушалась.

Снова откуда-то — как казалось, с порога — послышалось негромкое чириканье.

— Ага! — торжествующе вскричала Мэри Поппинс. — Как я не догадалась!

И, подскочив к круглому предмету, оставленному мисс Эндрю на крыльце, она одним движением сдернула с него клетчатую тряпку.

Под тряпкой была медная птичья клетка, вычищенная до блеска. А внутри на жердочке, нахохлившись и распушив перья, сидела светло-коричневая птичка. Она замигала, неожиданно оказавшись на ярком дневном свете, а потом печально оглянулась вокруг. Но, едва взгляд ее круглых темных глаз упал на Мэри Поппинс, птичка так и подскочила от удивления. Потом, открыв клюв, она тихо, грустно, тоненько запищала. Джейн и Майкл никогда не слышали такого жалобного звука.

— Не может быть! Ай-ай-ай! Неужели она... Что ты го-

воришь! — сказала Мэри Поппинс, сочувственно качая головой.

— Чирп-чирруп! — сказала птичка, уныло свесив крылышки.

— Что-о? Два года? В этой клетке? Стыд ей и позор! — сказала Мэри Поппинс, вся раскрасневшись от негодования.

Ребята онемели от изумления.

Ведь птичка не сказала ни одного человеческого слова, и тем не менее Мэри Поппинс вела с ней вполне осмысленную беседу!

— Что она говорит? — начал было Майкл, но Джейн шикнула на него и для большей убедительности ущипнула его за руку.

А птичка перескочила по жердочке поближе к Мэри Поппинс и что-то пропела вопросительным тоном.

Мэри Поппинс на минуту задумалась.

— Ну, — сказала она, — это не так уж далеко. Приблизительно час полета. Полетишь отсюда прямо на юг.

Птица явно обрадовалась. Она затанцевала на своей жердочке и восторженно захлопала крыльями. Потом она снова запела, звонко-звонко, умоляюще глядя на Мэри Поппинс.

Мэри Поппинс бросила взгляд на лестницу.

— Согласна ли я? И ты еще меня спрашиваешь? Разве ты не слышал, как она назвала меня «подозрительной личностью»? Меня! — Она презрительно фыркнула.

Плечи птицы затряслись, словно она смеялась.

Мэри Поппинс наклонилась над клеткой.

— Что вы хотите сделать, Мэри Поппинс? — все-таки не удержался Майкл. — Это какая птичка?

— Жаворонок, — коротко ответила Мэри Поппинс, открывая задвижку. — Ты видишь жаворонка в клетке — в первый и последний раз! — И с этими словами она распахнула дверцу.

Жаворонок взмахнул крыльями и с пронзительным криком вылетел на свободу.

Но он тут же сел к Мэри Поппинс на плечо.

— Ну, что? — сказала она, обернувшись к нему. — Так-то лучше, а?

— Чирр-ап! — согласился жаворонок, кивнув.

— Ну, лети, лети, — сказала Мэри. — Она через минуту вернется.

При этих словах жаворонок разразился целым потоком трелей, причем он не переставал поглаживать щеки Мэри крылышками и кивать головкой.

— Будет, будет, — ворчливо отвечала Мэри Поппинс. — Не за что благодарить. Я сама очень рада. Не могу видеть жаворонка в клетке. Кроме того, ты же помнишь, как она меня назвала!

Жаворонок, откинув голову назад, отчаянно замахал крыльями. Казалось, он от души расхохотался. Потом он наклонил голову набок и прислушался.

— Ах, я совсем забыла, — донесся сверху знакомый бас. —

Ведь я оставила Карузо внизу. На этом грязном крыльце. Я должна сходить за ним.

И лестница загудела под тяжелыми шагами мисс Эндрю.

— Что? — переспросила она в ответ на какой-то вопрос миссис Бэнкс. — А-а, это мой жаворонок. Я назвала его Карузо, потому что он раньше прекрасно пел... Как? Нет, он больше почему-то не поет. Перестал петь, с тех пор как я поймала его и посадила в клетку. Очень странно!

Голос все приближался и становился все громче.

— Ни в коем случае, — отвечал он на какой-то вопрос миссис Бэнкс. — Я сама его принесу! Я не могу его доверить этим невоспитанным детям! Перила нуждаются в полировке! Причем немедленной!

Топ-топ. Топ-топ! — звучали в прихожей шаги мисс Эндрю.

— Вот она! — шепнула Мэри Поппинс. — Улетай! — Она слегка дернула плечом.

— Живей! — испуганно крикнул Майкл.

— Скорее! — сказала Джейн.

Жаворонок быстро нагнул голову и выдернул клювом у себя перышко.

— Чирр-чирр-чири-чирруп! — пропел он и сунул перышко за ленту шляпки Мэри Поппинс. Потом он взмахнул крыльями и взмыл в воздух.

В тот же миг мисс Эндрю показалась в дверях.

— Что такое! — загремела она, увидев Майкла, Джейн и Близнецов. — До сих пор не в постели? Это никуда не годится! Все воспитанные дети, — она бросила уничтожающий взгляд на Мэри Поппинс. — все воспитанные дети должны быть в постели в пять часов вечера! Я непременно поговорю с вашим отцом! — Она оглянулась. — Ну, посмотрим. Где я оставила моего...

Она внезапно запнулась. У ее ног стояла открытая клетка с распахнутой настежь дверцей. Мисс Эндрю уставилась на нее, словно не веря своим глазам.

— Как! Кто! Когда? Куда? Где? — забормотала она.

Наконец голос вернулся к ней во всей мощи.

— Кто трогал клетку? — загремела она.

Ребята задрожали.

— Кто открыл дверцу?

Ответа не было.

— Где мой жаворонок?

Ответом по-прежнему было молчание.

Мисс Эндрю поочередно обвела грозным взглядом всех ребят.

Наконец ее прокурорский взгляд остановился на Мэри Поппинс.

— Это вы! — заорала она, указывая на Мэри своим громадным пальцем. — По носу вижу! Как вы смели! Вы сегодня же

уберетесь из этого дома! Чтобы духу вашего здесь не было! Дерзкая, наглая, негодная...

— *Чиррап!*

В воздухе раздался взрыв серебристого смеха.

Мисс Эндрю подняла голову.

Жаворонок покачивался на крылышках в воздухе как раз над подсолнечниками.

— А, Карузо, вот ты где! — закричала мисс Эндрю. — Иди скорей сюда! Не заставляй меня ждать! Вернись в свою уютную чистенькую клеточку, и я запру дверцу!

Но жаворонок продолжал висеть в воздухе, покатываясь со смеху. Время от времени он запрокидывал голову, хлопая себя крыльями по бокам.

Мисс Эндрю схватила клетку и подняла ее над головой.

— Карузо, что я сказала! Немедленно вернись! — скомандовала она, размахивая клеткой.

Но жаворонок ловко увернулся и пролетел возле самой шляпки Мэри Поппинс.

— Чирр-чирруп! — сказал он, пролетая.

— Хорошо! — ответила Мэри Поппинс, кивнув головой.

— Карузо, ты слышишь, что я говорю? — надрывалась мисс Эндрю.

Но в ее повелительном голосе слышались нотки растерянности. Она поставила клетку и попыталась поймать жаворонка руками, но он легко увернулся от нее и взмыл в вышину.

Поток звуков понесся оттуда к Мэри Поппинс.

— Готово! — крикнула она в ответ.

И тут случилось нечто необыкновенное.

Мэри Поппинс устремила взгляд на мисс Эндрю, и внезапно мисс Эндрю, словно зачарованная ее пристальным мрачным взглядом, задрожала всем телом. Она судорожно глотнула воздух, пошатываясь, сделала два-три шага вперед — и вдруг молниеносно кинулась к клетке. А затем то ли мисс Эндрю стала меньше, то ли клетка больше — этого ни Джейн, ни Майкл так и не поняли, — но они ясно увидели, как дверца клетки, негромко щелкнув, захлопнулась за мисс Эндрю.

— Ах! Ах! — закричала она.

В тот же миг жаворонок камнем упал вниз, подхватил клетку за кольцо и снова взлетел.

— Что со мной? Где я? — вопила мисс Эндрю, возносясь в небеса. — Мне тесно! Трудно дышать! — кричала она.

— Ему тоже было трудно! — невозмутимо отвечала Мэри Поппинс.

Мисс Эндрю бешено трясла прутья клетки:

— Отворите! Слышите! Выпустите меня!

— Гм! Ну уж нет! — вполголоса насмешливо сказала Мэри Поппинс.

Все выше и выше взлетал жаворонок, победно распевая.

Тяжелая клетка, в которой сидела мисс Эндрю, раскачивалась и кувыркалась в воздухе, так что иногда казалось, что он вот-вот выронит ее из своих коготков.

И, перекрывая звонкую песенку жаворонка, доносились до ребят крики мисс Эндрю, барабанившей по прутьям клетки:

— До чего я дожила! Я, такая воспитанная! Я, которая была всегда права! Я, которая никогда не ошибалась!

Мэри Поппинс засмеялась странным, тихим смешком.

Жаворонок казался уже совсем крошечным, но он продолжал кругами взлетать все выше и выше. И клетка с мисс Эндрю описывала вслед за ним тяжелые круги, переваливаясь с боку на бок, словно корабль в бурю.

— Выпустите меня, слышите! Отпустите меня! — Мисс Эндрю уже почти визжала.

И вдруг жаворонок замолчал — на мгновение. Потом он резко свернул в сторону, и вот его песня полилась снова, вольная и звонкая. Стряхнув кольцо клетки со своей лапки, он помчался к югу.

— Улетел! — сказала Мэри Поппинс.

— Куда? — закричали Джейн и Майкл.

— Домой — к родным лугам, — отвечала Мэри Поппинс, продолжая смотреть вверх.

— Ой, он уронил клетку! — завопил Майкл. Глаза у него стали большие и круглые.

И было на что поглядеть!

Клетка кувырком летела вниз, поминутно переворачиваясь вверх тормашками. И вместе с ней кувыркалась мисс Эндрю. Ребятам было ясно видно, как она то встает на голову, то снова на ноги... Клетка падала, падала, падала и наконец шлепнулась прямо на крыльцо.

В ту же минуту мисс Эндрю отчаянным усилием распахнула дверцу и вырвалась на волю. Ребятам показалось, что она стала еще выше ростом и еще страшнее!

Несколько мгновений она стояла, задыхаясь от ярости, не в силах выговорить ни слова, еще более багровая, чем раньше.

— Как вы посмели! — произнесла она наконец хриплым шепотом, вытянув палец в сторону Мэри Поппинс; но палец ее дрожал, и ребята увидели, что глаза ее глядят не со злобой и презрением, а со страхом. — Вы... вы... — бормотала мисс Эндрю, заикаясь, — вы, жестокая, испорченная, дерзкая, своевольная девчонка, как вы могли, как вы могли?

Мэри Поппинс остановила на ней взгляд. Она долго, насмешливо рассматривала мисс Эндрю в упор, полузакрыв глаза.

— Вы сказали, что я не умею воспитывать детей,— сказала она, очень четко и ясно выговаривая каждое слово.

Мисс Эндрю, съежившись, попятилась назад и задрожала от страха.

— Я... я прошу извинения,— с трудом произнесла она.

— Что я груба и бестолкова,— продолжала Мэри Поппинс.

— Я ошиблась! П-простите,— пролепетала мисс Эндрю.

— Вы назвали меня Особой, Девчонкой и Подозрительной Личностью,— неумолимо продолжала Мэри Поппинс.

— Я беру свои слова обратно,— лепетала, задыхаясь, мисс Эндрю.— Все вместе и каждое в отдельности! Только отпустите меня! Я больше ни о чем не прошу! — заломив руки, она умоляюще глядела в глаза Мэри.— Отпустите меня! Я не могу здесь оставаться! Отпустите, я уеду! Уеду!

Мэри Поппинс задумчиво глядела на нее некоторое время. Потом она махнула рукой и сказала:

— Ступайте!

— Спасибо! Спасибо! — бормотала мисс Эндрю.

Не сводя глаз с Мэри, она пятилась по ступенькам. Потом она повернулась и, спотыкаясь, побежала из сада.

Таксист, который все это время выгружал багаж мисс Эндрю, как раз завел мотор и собирался уезжать.

Мисс Эндрю замахала ему дрожащей рукой.

— Стойте! — надтреснутым голосом кричала она.— Подождите меня! Десять шиллингов на чай, если вы меня немедленно увезете!

Шофер разинул рот от изумления.

— Не верите? — кричала мисс Эндрю.— Вот!

Лихорадочно обшарив карманы, она вытащила деньги.

— Вот, возьмите — и поехали!

Мисс Эндрю забралась в машину и рухнула на сиденье.

Таксист, все еще с разинутым ртом, захлопнул за ней дверцу.

Он начал торопливо грузить вещи. На штабеле из чемоданов спал сном праведника Робертсон Эй. Таксист даже не стал его будить. Он просто оттащил его в сторону. В мгновение ока все было уложено в машину.

— Похоже, что старушка тронулась! — бормотал таксист, отъезжая.— Что это с ней стряслось? Чудеса!

Но что же действительно стряслось со старушкой — этого таксист не знал, и об этом ему не догадаться, даже если он доживет до ста лет...

— Где мисс Эндрю? — сказала миссис Бэнкс, выбежавшая на крыльцо в поисках гостыи.

— Уехала! — отвечал Майкл.

— То есть как — уехала?

У миссис Бэнкс был крайне изумленный вид.

— Она, по-моему, не захотела остаться,— объяснила Джейн. Миссис Бэнкс нахмурилась.

— Что все это означает, Мэри Поппинс? — спросила она.

— Понятия не имею, сударыня,— сказала Мэри Поппинс равнодушно, словно все это ее ничуть не интересовало. Она оглядела свою новую блузку и разгладила складку.

Миссис Бэнкс переводила взгляд с одного на другого. Потом она покачала головой:

— Как все это странно! Ну просто ничего не могу понять!

Как раз в эту минуту калитка отворилась и захлопнулась с легким щелчком. По дорожке шел на цыпочках мистер Бэнкс. Заметив, что все на него смотрят, он в нерешительности остановился на одной ноге.

— Ну? Она приехала? — спросил он громким, тревожным шепотом.

— Приехала и уехала,— сказала миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс остолбенел:

— Уехала? Правда уехала? Мисс Эндрю?

Миссис Бэнкс утвердительно кивнула головой.

— О радость! О счастье! — пропел ее супруг и, подхватив полы своего плаща, пустился в пляс. Он исполнил прямо на дорожке шотландскую джигу.

Внезапно он остановился.

— А почему? Как? Когда?

— Только что, в такси. Я думаю, потому, что дети были с ней невежливы. Она мне жаловалась на них. Больше не могу придумать никакой причины. А вы, Мэри?

— Нет, сударыня, я тоже не могу,— сказала Мэри Поппинс, с величайшей тщательностью стряхивая пылинки со своей новой блузки.

Мистер Бэнкс обернулся к ребятам. Выражение лица у него было трагическое.

— Вы нагрубили мисс Эндрю? Моей гувернантке? Милой старушке? Мне стыдно за вас, страшно стыдно!

Он говорил строгим тоном, но где-то в глубине его глаз танцевали искорки смеха.

— Несчастный я человек! — продолжал он, засунув руки в карманы.— День-деньской я надрываюсь на работе, чтобы вас прилично воспитать, и вот как вы меня отблагодарили! Нагрубили мисс Эндрю! Стыд и срам! Не знаю, смогу ли я вас когда-нибудь простить! Но, конечно,— сказал он, доставая из кармана две большие шоколадки и торжественно вручая их ребятам,— я постараюсь. Постараюсь изо всех сил!

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

Тик-так! Тик-так!

Маятник стенных часов в детской раскачивался взад и вперед. Словно старушка качала головой.

Тик-так! Тик-так!

И вдруг Часы перестали тикать и начали ворчать и стонать, все громче и громче, словно у них заболел живот. Потом они так затряслись, что вместе с ними задрожала каминная полка. Пустая банка из-под варенья подскочила, зазвенев; забытая Джейн щетка для волос пустилась в пляс на своих щетинках, Королевское Фарфоровое Блюдо, подаренное миссис Бэнкс на крестины ее двоюродной бабушкой Кэролайн, перевернулось, и нарисованные на нем три мальчика, игравшие в лошадки, встали на свои нарисованные головы.

И после всего этого, когда уже казалось, что часы вот-вот взорвутся, они начали бить.

Бамм! Бамм! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь!

С последним ударом Джейн проснулась.

Солнце потоком лилось в щель между занавесками и золотыми полосками лежало на постели.

Джейн села и осмотрелась.

Майкл тихо спал. Близнецы в своих кроватках посапывали, продолжая во сне сосать пальцы.

«Только я одна не сплю! — подумала она, очень довольная. — Могу полежать одна и подумать обо всем на свете».

Она прижала коленки к подбородку, свернувшись калачиком, и ей стало уютно-уютно, как в гнездышке.

«Вот теперь я птичка, — сказала она про себя. — Я только что снесла семь хорошеньких яичек и высиживаю птенцов. Клох-клох! — заклохтала она тихонечко. — А когда-нибудь потом — ну, например, через полчаса, — кто-то тихонько скажет: «Пип!» — и стукнет клювиком. «Тюк!» — и скорлупа треснет. И на свет появятся семеро птенцов — три желтеньких, два темненьких и два...»

— Пора вставать!

Неизвестно откуда взявшаяся Мэри Поппинс сдернула с плеч Джейн одеяло.

— Ой, нет, нет! — захныкала Джейн, снова натягивая на себя одеяло.

Она очень рассердилась на Мэри Поппинс. Все испортила!

— Я не хочу вставать! — сказала она, уткнувшись носом в подушку.

— Правда? — сказала Мэри Поппинс спокойно.

На этот раз она сдернула одеяло совсем, и Джейн волей-неволей выпрыгнула из постели.

— Ой, мама! — вздохнула она. — Ну почему, ну почему я всегда должна вставать первая?

— Ты самая старшая, вот почему, — сказала Мэри Поппинс, подталкивая Джейн в сторону ванной.

— А я не хочу быть старшей! Почему Майкл никогда-никогда не бывает старшим? Мог бы хоть разок!

— Потому что ты родилась раньше, понятно?

— А я об этом не просила! Надоело мне быть старшей! Я хочу подумать!

— Можешь думать, пока будешь чистить зубы.

— Это будет совсем не одно и то же!

— А разве ты хочешь все время думать одно и то же?

— Да, хочу!

Мэри Поппинс бросила на нее быстрый, суровый взгляд.

— Достаточно, благодарю вас! — сказала она.

И по ее тону Джейн поняла, что она говорит серьезно.

Джейн начала было чистить зубы, но вдруг положила зубную щетку и уселась на край ванны.

— Это несправедливо! — ворчала она, пиная линолеум ногой. — Заставляют меня делать всякие противные вещи, и все потому, что я старшая! Не буду чистить зубы!

Сказала — и сама удивилась. Она всегда радовалась, что она старше Майкла и Близнецов. Она чувствовала, что она главнее их. Почему же сегодня ее это только сердит и огорчает?

— Да-а, если бы Майкл родился раньше, у меня было бы время высидеть своих птенчиков, — объяснила она самой себе.

День явно начался плохо. К сожалению, дальше дела, вместо того чтобы исправиться, пошли еще хуже.

За завтраком Мэри Поппинс обнаружила, что воздушного риса на всех не хватает.

— Что ж, для Джейн придется сварить овсянку, — сказала она, расставляя тарелки, и сердито засопела, потому что она терпеть не могла варить овсянку.

— Почему-у? — захныкала Джейн. — Я хочу рису! Рису! Почему-у-у?

Мэри Поппинс нахмурилась:

— Потому что ты старшая!

Опять то же противное слово! Джейн лягнула под столом ножку своего стула, надеясь, что ей удалось ободрать лак. Она жевала овсяную кашу как можно медленнее, стараясь почти ничего не глотать. Хорошо бы она умерла с голоду! Так им и надо! Тогда пожалеют!

— Какой сегодня день? — спросил Майкл весело, выскребывая остатки риса.

— Среда,— сказала Мэри Поппинс.— Не процарапай, пожалуйста, тарелку насквозь!

— Тогда, значит, мы сегодня пойдем в гости к мисс Ларк!

— Если будете себя хорошо вести,— сказала Мэри Поппинс, хмуро, словно не верила, чтобы это было возможно.

Но Майкл был в радужном настроении и ничего не заметил.

— Среда! — крикнул он, барабанив ложкой по столу.

День рождения — среда...

Значит, ждет тебя беда! —

пропел он известный стишок.— Вот почему Джейн досталась овсянка вместо риса — ведь она родилась в среду! — поддразнил он.

Джейн, насупившись, толкнула его под столом ногой. Но он успел увернуться и только засмеялся.

Кто родился в воскресенье,

Будет — просто загляденье! —

продолжал он декламировать.— Это тоже правильно! Я как раз родился в воскресенье, и поэтому я — просто загляденье! — объявил он.

Джейн ядовито засмеялась.

— Да, я загляденье! — настаивал он.— Я сам слышал, миссис Брилл так говорила. Она сказала Элин, что я — просто куколка!

— Вот именно! — проворчала Джейн.— И нос у тебя курносый.

Майкл поглядел на нее с обидой.

И опять Джейн удивилась самой себе. В любой другой день она бы с ним согласилась. Она всегда считала, что Майкл очень хорошенький мальчик. Но сегодня она сказала со злобой:

— И ты косолапишь! Кривоножка! Кривоножка!

Майкл кинулся на нее.

— Прекратить! — скомандовала Мэри Поппинс, сердито глядя на Джейн.— И если кто-нибудь в этом доме отличается красотой, то это...— Она умолкла и удовлетворенно посмотрелась в зеркало.

— Кто? — хором спросили Джейн с Майклом.

— Не тот, кто носит фамилию Бэнкс! — отрезала Мэри Поппинс.— Вот так!

Майкл искоса взглянул на Джейн, как он делал всегда, когда Мэри Поппинс говорила что-нибудь странное. Но хотя Джейн почувствовала, что он на нее смотрит, она притворилась, будто ничего не замечает. Отвернувшись, она сняла с полки свою коробку с красками.

— А ты не хочешь поиграть в железную дорогу? — спросил Майкл, стараясь помириться.

— Нет! Я хочу играть одна!

— Ну, мои дорогие, как у вас дела сегодня?

Миссис Бэнкс бегом вбежала в детскую и торопливо перцеловала ребят. Она всегда была так занята, что ходить ей было некогда.

— Майкл, — сказала она, — тебе нужны новые сандалии — у тебя уже все пальцы наружу. Мэри Поппинс, мне кажется, Джона пора остричь. Барби, крошка моя, не соси пальчик! Джейн, сбегай вниз и скажи миссис Брилл, чтобы она делала торт без глазури. Я передумала.

«Ну вот, опять! — подумала Джейн. — Опять не дают житья! Стоит мне чем-нибудь заняться, как мне придумывают дело!»

— Мама, ну почему я? Как будто Майкл не может!

— А я думала, ты будешь рада мне помочь. Ведь Майкл обязательно по дороге забудет, зачем его послали! Кроме того, ты старшая! Сбегай, доченька!

Джейн спускалась по лестнице черепашьям шагом, втайне надеясь, что, пока она доберется до кухни, миссис Брилл успеет покрыть торт глазурью.

И все время она сама удивлялась своему поведению. Словно в ней поселился кто-то другой — кто-то некрасивый и с очень плохим характером — и заставляет ее злиться.

Она передала миссис Брилл распоряжение мамы и очень огорчилась, узнав, что успела вовремя.

— Ну что ж, меньше возни, — заметила миссис Брилл. — И кстати, золотко, — продолжала она, — сбегай, пожалуйста, в сад и напомним этому Робертсону, чтобы он наточил ножи. У тебя ножки молодые, а у меня уже старенькие...

— Не могу. Я занята.

Пришла очередь удивляться миссис Брилл.

— Ну, будь хорошей девочкой! Я и стою-то с трудом, где мне бегать.

Джейн вздохнула. Ну почему ее не оставят в покое?

Она пинком закрыла дверь кухни и поплелась в сад.

Робертсон Эй спал на садовой дорожке, положив голову на лейку. Он так храпел, что его тонкие волосы то и дело взлетали и опадали.

У Робертсона Эй был необычный дар — спать когда угодно и где угодно. Честно говоря, он предпочитал сон бодрствованию. И обычно ребята жалели его и никогда не выдавали старшим.

Но сегодня все было по-другому. Злобное существо, вселившееся в Джейн, совершенно не сочувствовало Робертсону Эй.

— Все противные! — сказала Джейн и изо всех сил забарабанила по лейке.

Робертсон Эй так и подскочил.

— Помогите! Караул! Пожар! — закричал он, дико размахивая руками.

Потом он протер глаза и заметил Джейн.

— А-а, это ты, — протянул он разочарованно, как будто надеялся увидеть что-нибудь поинтереснее.

— Иди и наточи ножи. Немедленно! — приказала она.

Робертсон Эй медленно поднялся на ноги и потянулся.

— Всегда найдут дело, — сказал он грустно. — Не одно, так другое. Ни минуты покоя! А ведь надо же человеку отдохнуть!

— Ты только и делаешь, что отдыхаешь! — сказала бессердечная Джейн. — Вечно спишь!

Робертсон Эй посмотрел на нее с обидой и укором, и в любой другой день ей стало бы очень стыдно, но сегодня она ничуть не смутилась.

— Сказать такую вещь! — грустно промолвил он. — А еще старшая! Вот уж никак не ожидал! Никак!

И, еще раз печально посмотрев на нее, он поплелся в кухню.

«Он, наверно, меня никогда не простит», — подумала Джейн. Но вселившееся в нее злобное создание ответило: «А мне-то что! Пусть не прощает!»

Она вздернула голову и медленно пошла обратно в детскую, по дороге вытирая свои липкие руки о чистые, только что побеленные стены именно потому, что это было категорически запрещено.

Мэри Поппинс смахивала метелкой из перьев пыль с мебели.

— На похороны или с похорон? — спросила она, когда Джейн появилась.

Джейн только мрачно на нее посмотрела и ничего не ответила.

— Знаю я кого-то, кто ищет неприятностей. А тот, кто ищет, всегда найдет, — предостерегающе сказала Мэри Поппинс.

— Ну и ладно!

— С «ну и ладно» вышло неладно! Говорят, его повесили! — поддразнила Мэри Поппинс, отложив метелку. — А теперь, — она строго посмотрела на Джейн, — я собираюсь пойти поесть. А ты присмотри за Близнецами и, если я услышу Хоть Одно Слово...

Она не закончила фразу, но зато громко, угрожающе фыркнула, выходя из комнаты.

Джон и Барби подбежали к Джейн и схватили ее за руки. Но она высвободилась и сердито оттолкнула малышей.

— Почему я не единственный ребенок! — сказала она с горечью.

— А ты убеги из дому! — предложил Майкл. — Может, тебя кто-нибудь усыновит!

Джейн удивленно обернулась. Предложение Майкла ее огорчило.

— Ты будешь скучать без меня!

— Не буду! — успокоил ее Майкл. — Раз ты собираешься всегда злиться! И зато я тогда возьму твои краски!

— Нет, не возьмешь! — сказала она. — Я их с собой заберу!

И, просто чтобы показать ему, кто хозяин красок, она достала кисточки и разложила на полу альбом для рисования.

— Нарисуй часы, — дружески посоветовал Майкл.

— Нет!

— Ну, тогда Королевское Фарфоровое Блюдо!

Джейн взглянула.

Три мальчика по-прежнему бежали по круглому зеленому лугу. Конечно, в любой другой день она с удовольствием стала бы их рисовать, но сегодня ей хотелось все делать назло.

— Не буду! Я сама знаю, что мне рисовать!

И она начала рисовать свой портрет: как она, одна-одинешенька, сидит на яйцах...

Майкл, Джон и Барби заглядывали ей через плечо.

Вскоре Джейн так увлеклась рисованием, что почти забыла о своем плохом настроении.

Майкл наклонился к рисунку.

— А тут надо нарисовать курицу — вот тут!

Показывая где, он нечаянно толкнул Джона. Тот немедленно повалился и ногой перевернул стакан с водой. Окрашенная акварелью вода залила всю картину.

Вскрикнув, Джейн вскочила.

— Ах ты медведь! Ты все испортил! Вот тебе!

Она с такой яростью толкнула Майкла, что он тоже полетел — как раз на Джона. Близнецы завопили от боли и страха, а громче всех кричал Майкл:

— Ой, ты мне голову сломала! Ой-ой-ой! Голова разбилась!

— Ну и пусть! Так тебе и надо! Так и надо! — кричала Джейн. — Сам приставал и испортил мою картинку! Противный, противный, противный!

Дверь распахнулась.

Мэри Поппинс суровым взглядом озираала поле сражения.

— Что я тебе сказала? — спросила она Джейн ужасающе спокойным голосом. — Я сказала: если я услышу Хоть Одно Слово — и вот что я вижу! Ни о каких гостях не может быть и речи! Шагу не ступишь из комнаты — или назови меня китайцем!

— Ну и пожалуйста!

Джейн сложила руки за спиной и отошла с беззаботным видом.

Ей было ни капельки не жалко.

— Очень хорошо.

Мэри Поппинс говорила сладким голоском, но было в нем что-то очень страшное.

Джейн молча наблюдала, как она одевает ребят.

Когда все принарядились, Мэри Поппинс достала из картонки свою лучшую шляпку и надела ее чуть-чуть набекрень. На шею она повесила золотую цепочку с медальоном и небрежно повязала шарф в красно-белую клетку, который ей подарила миссис Бэнкс. На одном его конце была белая метка с большими буквами М. П., и Мэри Поппинс, убирая ее под воротник, удовлетворенно улыбнулась своему отражению в зеркале.

Потом она достала из шкафа зонтик с ручкой в виде головы попугая, взяла его под мышку и заторопила ребят.

— Теперь у тебя будет время подумать! — обернулась она на прощание и, громко фыркнув, закрыла за собой дверь.

Джейн долго сидела, глядя в одну точку. Она пыталась думать про свои семь яиц, но, как ни странно, они ее почему-то перестали занимать.

Интересно, что они сейчас делают в гостях у мисс Ларк? Наверное, играют с собаками, и мисс Ларк рассказывает им, какая у Эдуарда замечательная родословная, а Варфоломей — наполовину эрдель, наполовину легавая, и обе половины худшие... А потом всем, даже собакам, дадут к чаю Шоколадное Печенье и Ореховый Торт...

— Ой-ой-ой!

Мысль о том, что она лишилась всего этого, да еще по своей вине, болезненно уколола Джейн, и она разозлилась еще больше.

— Тик-так! Тик-так! — громко сказали Часы.

— Да тише вы! — яростно крикнула Джейн и изо всех сил швырнула в них коробкой с акварелью. Коробка ударилась о стекло и, отскочив, налетела на Королевское Фарфоровое Блюдо.

Дзззиннь! Тррррах!

Блюдо перевернулось и упало.

Батюшки! Что она натворила!

Джейн зажмурилась.

— Послушайте, мне больно! — пожаловался чей-то звонкий голосок.

Она не смела открыть глаза.

— Джейн! — снова прозвучал голос. — Вы мне коленку разбили.

Джейн быстро повернула голову. В комнате никого не было. Она подбежала к двери и открыла ее.

Тоже никого.

Тут кто-то рассмеялся:

— Куда вы смотрите, глупышка! Посмотрите сюда! Выше!

Джейн взглянула на каминную полку.

Возле часов лежало опрокинутое Фарфоровое Блюдо. Оно треснуло как раз посередине, и, к своему удивлению, Джейн обнаружила, что один из нарисованных мальчиков бросил вожжи

и стоял, согнувшись и держась обеими руками за колено. Остальные двое смотрели на него с состраданием.

— Н-ничего н-н-не понимаю,— сказала Джейн то ли себе самой, то ли неизвестному голосу.— Н-ничего.

Мальчик на Блюде поднял голову и улыбнулся Джейн:

— Не понимаете? Вполне возможно. Я не раз замечал, что вы с Майклом не понимаете самых простых вещей. Правда? — Он, смеясь, обернулся к своим братьям.

— Да,— сказал один из них.— Они даже не умеют успокоить Близнецов.

— Даже не умеют правильно нарисовать птичьи яйца,— сказал второй.— Глядите, они все у нее угловатые!

— А откуда вы знаете про Близнецов и про яйца? — спросила Джейн, покраснев.

— Вот так так! — сказал первый мальчик.— Что ж вы думаете, мы на вас все время смотрим и ничего не видим? Конечно, в спальню или в ванную мы заглянуть не можем. Кстати, какого цвета там кафель?

— Розовый,— ответила Джейн.

— А в нашей — белый с голубым. Вы хотели бы посмотреть? Джейн колебалась. Она была так ошарашена, что просто не знала, что сказать.

— Пойдем! Вильям и Эверард будут вашими лошадками, если хотите. А я возьму кнутик и побегу сбоку. Меня зовут Валентин, очень рад познакомиться. Мы — Тройняшки. И еще у нас есть Кристина.

— Где же Кристина? — Джейн внимательно осмотрела Блюдо.

Но там был только зеленый лужок и заросли ольхи. Никого, кроме Валентина, Вильяма и Эверарда, там не было.

— Пойдемте и увидите! — настойчиво уговаривал Валентин, протягивая ей руку.— Остальные-то ушли в гости. А вы идите в гости к нам!

Это ее убедило. Вот она покажет Майклу и Близнецам, что не только они могут ходить в гости! Они ей еще позавидуют и пожалеют, что так плохо с ней поступили!

— Ладно,— сказала она, протягивая руку.— Я иду!

Валентин крепко схватил ее за руку и потащил.

И вдруг она оказалась на широкой солнечной лужайке, и под ногами вместо истрепанного ковра у нее была упругая мягкая травка, пестревшая маргаритками.

— Ура! — кричали Валентин, Вильям и Эверард, танцуя вокруг нее.

Джейн заметила, что Валентин хромает.

— Ой! — сказала она.— Я забыла! У тебя болит нога!

Он улыбнулся:

— Ничего! Я знаю, вы не нарочно.

Джейн достала носовой платок и завязала ему коленку.

— Сразу стало лучше! — сказал он вежливо и передал ей вожжи с бубенчиками.

Вильям и Эверард, тряхнув головой и зафыркав, как настоящие лошадки, побежали по лугу, и Джейн, позванивая вожжами, помчалась за ними.

Валентин бежал рядом с ней, прихрамывая, и напевал:

Ах, Дженни — радость, Дженни — свет,

Ах, Дженни — розовый букет!

Тебя на грудь я приколю —

Так крепко я тебя люблю! —

пел он.

— Та-ак крее-е-е-пко я тебя лю-у-у-блю! — подхватили Вильям с Эверардом.

Джейн подумала, что песня эта довольно старомодная. Да и странные костюмы Тройняшек, и их прически, и вежливость — все было очень старомодное.

«Очень странно!» — подумала Джейн.

Но тут же она подумала, что здесь гораздо интереснее, чем у мисс Ларк, и что Майкл сильно позавидует ей, когда она ему обо всем расскажет.

А лошадки бежали и бежали, увлекая Джейн за собой, увлекая ее все дальше от детской.

На минуту она придержала вожжи, запыхавшись, и оглянулась. Где-то далеко, за лугом, еле-еле маячил край Блюда.

И вдруг Джейн почувствовала тревогу. Ей захотелось вернуться.

— Ну, мне пора, — сказала она, бросив звенящие вожжи.

— Нет, нет, нет! — закричали Тройняшки, окружив ее кольцом.

И так странно звучали их голоса, что ее тревога усилилась.

— Меня там будут искать. Мне обязательно надо домой!

— Да еще совсем рано, — возразил Валентин. — Они все еще в гостях у мисс Ларк. Идемте! Я покажу вам свои краски.

Это было соблазнительно.

— А у тебя есть берлинская лазурь? — спросила она — в ее наборе как раз не хватало берлинской лазури.

— Есть! В серебряном тубике! Идем!

Почти против своей воли Джейн пошла вперед.

«Я только взгляну на краски — и скорей обратно, — думала она. — Даже не попрошу дать покрасить!»

— А где же ваш дом? — спросила она. — Его нет на Блуде!

— Да что вы! Конечно, он тут. Вам его не видно, потому что он за лесом. Идемте!

Они незаметно вошли под темные своды старого леса. Опавшие листья шуршали у них под ногами; порой голубь, громко хлопая крыльями, срывался с ветки.

Вильям показал Джейн гнездо малиновки под грудой хвороста, Эверард сплел и надел ей на голову венок из листьев.

Но, несмотря на всю их приветливость, Джейн почему-то было не по себе. Она вздохнула с облегчением, когда они вышли из лесу.

— Вот и наш дом! — махнул рукой Валентин.

И она увидела громадный каменный дом, увитый плющом. С виду он был старше всех домов, какие она только видела в жизни; и ей показалось, что он угрожающе наклоняется к ней. По обеим сторонам каменной лестницы сидели, подобравшись словно для прыжка, каменные львы.

Джейн вздрогнула, когда тень дома упала на нее.

— Я ненадолго, — тревожно сказала она. — Уже поздно.

— Только на пять минут! — просительно сказал Валентин, увлекая ее в прихожую.

Шаги их гулко отдавались на каменном полу. Дом казался совершенно пустым. Кроме нее и Тройняшек, в нем словно никого не было. Холодный сквозняк свистел в коридоре.

— Кристина! Кристина! — позвал Валентин, увлекая Джейн на лестницу. — Вот она!

Его голос эхом разнесся по дому. Казалось, все стены дома угрожающе повторяли:

«Вот она! Вот она!»

Послышались чьи-то быстрые шаги, и дверь распахнулась. Девочка чуть повыше Тройняшек ростом, одетая в старомодное пышное платье, вбежала и бросилась обнимать Джейн.

— Наконец, наконец! — торжествующе кричала она. — Мальчики так давно за тобой следили! Но им никак не удавалось тебя поймать — ты была такая счастливая!

— Поймать меня? — переспросила Джейн. — Я... я не понимаю...

Ей стало совсем не по себе. Она горько жалела, что приняла приглашение Валентина.

— Прадедушка тебе объяснит, — со странным смешком сказала Кристина и потащила Джейн в комнату.

— Хе! Хе! Хе! Что там такое? — спросил кто-то тоненьким, надтреснутым голосом.

Джейн, вздрогнув, отпрянула назад, к Кристине.

В дальнем конце комнаты в кресле у камина сидела фигура, при виде которой ей стало совсем жутко. Отблески пламени освещали старого-престарого старика, такого древнего, что он казался скорее тенью, чем живым существом. Редкая седая борода не скрывала его запавшего, тонкогубого рта, и, хотя на нем

была темная шапочка, заметно было, что он совершенно лысый. Одет он был в длинный старинный халат из выцветшего шелка, а на его тощих ногах болтались вышитые туфли.

— Так, так,— сказал старикашка, вынимая изо рта длинную изогнутую трубку.— Значит, Джейн наконец прибыла!

Он поднялся и заковылял к ней, усмехаясь жуткой усмешкой. Впалые глаза горели недобрым огнем.

— Мальчики изловили ее за лесом, прадедущка,— сказала Кристина.

— А? Как они ее поймали?

— Ей не захотелось быть старшей. Она разозлилась, раскапризничалась, швырнула в Блюдо коробкой с красками и разбила Валентину коленку.

— Так, так,— прошамкал старикашка.— Капризы, так? Хорошо, хорошо...— Он пискливо захихикал.— Ну что ж, у нас ты будешь самой младшей, крошка. Моей младшей праправнучкой! Но у нас тут капризничать не разрешается! Хе! Хе! Хе! Никаких капризов! Ну что ж, располагайся, садись к огоньку. Выпьешь чаю или вишневой наливки?

— Нет! Нет! — вырвалось у Джейн.— Вы ошиблись! Мне пора домой! Я живу в Доме Номер Семнадцать. В Вишневом переулке!

— Жили, вы хотите сказать,— радостно поправил ее Валентин.— Теперь вы живете здесь!

— Я не хочу жить здесь! — в отчаянии кричала Джейн.— Разве ты не понимаешь? Я хочу домой!

— Глупости! — закаркал Прадедущка.— Тебе там было плохо, хе-хе! Я-то знаю, каково быть старшим,— ты делай всю работу, а младшие забавляются! Хе-хе-хе! А у нас,— он помахал трубкой,— тебя все будут баловать; ты будешь нашей Дорогой Крошкой, нашим Золотком! Ты никогда не вернешься домой!

— Никогда! — как эхо подхватили Вильям и Эверард, танцуя вокруг нее.

Слезы брызнули из глаз Джейн.

— Я хочу домой! Мне нужно домой!

Прадедущка улыбнулся страшной беззубой улыбкой.

— Ты думаешь, мы тебя так и отпустим? — сказал зловещий старик.— Ты разбила наше Блюдо! И коленку Валентина! Это тебе даром не пройдет! Предлагай выкуп!

— Я... Я отдам ему свои краски.

— У него есть краски!

— Обруч!

— Хе-хе! Он уже слишком большой!

— Тогда...— Джейн запнулась.— Тогда я выйду за него замуж, когда вырасту.

Прадедущка снова захихикал.

Джейн умоляюще посмотрела на Валентина.

Он покачал головой.

— Боюсь, что это поздно, — грустно сказал он. — Я ведь уже давно-давно вырос...

— А как же тогда... Почему... Я ничего не понимаю! Где же я? — плакала Джейн, озираясь в ужасе.

— Ты далеко-далеко, деточка, далеко-далеко от своего дома! — шамкал Прадедушка. — Ты попала в Прошлое. В далекое Прошлое, в те дни, когда Кристина и мальчики были детьми!

Даже сквозь слезы Джейн видела, как яростно горят старческие глазки.

— А как же... как же мне попасть домой? — прошептала Джейн.

— Никак! Ты останешься здесь! Выхода нет! Вспомни — ты в далеком Прошлом. Близнецы и Майкл, да что там — твой отец и мать еще не родились на свет! Дом Номер Семнадцать еще не построен! Нет, тебе некуда идти!

— Нет, нет! — рыдала Джейн. — Это неправда! Не может так быть!

Сердце у нее застучало. Никогда не увидеть Майкла, и папу, и маму, и Близнецов, и... Мэри Поппинс!

И вдруг она закричала что было мочи:

— Мэри Поппинс! Я больше не буду! Помогите! Помогите! Мэри Поппинс!

— Живей! Держите ее! Не выпускайте! — скомандовал старикашка.

И все четверо окружили ее тесным кольцом.

Джейн изо всех сил зажмурилась.

— Мэри Поппинс! — кричала она. Голос ее эхом раздавался в каменных коридорах. — *М э р и П о п п и н с!*

Чья-то рука схватила ее и потащила. Но Валентин, Вильям, Эверард и Кристина держали крепко...

— Хе-хе-хе! — каркал Прадедушка. — Хе-хе-хе!

И вдруг она почувствовала, что руки ее врагов разжались.

Она ощутила, что ее куда-то тащат... по ступенькам... по коридору... по сырой, покрытой чем-то шуршащим земле...

Голоса Прадедушки, Кристины и мальчиков замерли в отдалении.

Вот она ощутила на щеках солнечное тепло. Острые травинки резали ее ноги...

И тут чьи-то руки стиснули ее железной хваткой, подняли и понесли по воздуху.

— Помогите! — кричала Джейн, яростно извиваясь.

Она всеми силами старалась вырваться. Она не сдастся! Она будет лягать, и лягать, и лягать, пока...

— Буду тебе очень признательна, если ты вспомнишь, — ска-

зал хорошо знакомый голос над самым ее ухом, — что это моя лучшая юбка и я собираюсь носить ее все лето.

Джейн открыла глаза — и встретила с суровым взглядом знакомых синих глаз.

Да, это руки Мэри Поппинс держали ее так крепко, и ноги, которые Джейн так яростно лягала, тоже принадлежали Мэри Поппинс.

— Ой, это вы! — пролепетала Джейн. — А я думала, вы меня не слышали! Я думала, мне придется там навсегда остаться! Я думала...

— Некоторые люди, — сказала Мэри Поппинс, мягко опуская ее на пол, — думают слишком много. Несомненно. Вытри лицо, пожалуйста.

Она подала Джейн свой носовой платок и начала накрывать к ужинку.

Джейн наблюдала за ней, отирая слезы большим голубым платком. Все в комнате было так знакомо и привычно! И ободряющий ковер, и шкафчик с игрушками, и кресло Мэри Поппинс... И от этих знакомых вещей веяло таким уютом, теплом и покоем...

Мэри Поппинс хлопотала у стола; Джейн прислушивалась к знакомым звукам — и пережитой ужас уходил куда-то далеко-далеко!

Волна счастья нахлынула на нее.

«Не может быть, чтобы я была такая плохая, — сказала она про себя. — Это, конечно, был кто-то другой!»

И она стала размышлять о том, кто бы это мог быть...

*

— Да ведь этого не могло быть вправду! — недоверчиво усмехнулся Майкл, когда немного спустя Джейн рассказала ему о своих приключениях. — Ты чересчур большая! Разве ты поместишься на Блюде!

Она на минутку задумалась. По совести сказать, она уже сама не очень верила в то, что рассказывала.

— Да, ты, наверно, прав, — сказала она. — Но тогда мне казалось, что все это так и было.

— Ты просто все придумала. Ты всегда думаешь, думаешь и все выдумываешь из головы.

Майкл чувствовал свое превосходство: он-то вообще никогда не думал.

— Уж эти мне выдумщики! — отодвинула их в сторону Мэри Поппинс, укладывая Близнецов. — А теперь, — сердито сказала она, когда Джон и Барби были уложены, — теперь, может быть, у меня будет минутка свободного времени.

Она отколола свою новую шляпку и швырнула ее в картонку.

Расстегнула цепочку и заботливо уложила в ящик медальон. Затем она сняла пальто, встряхнула его и повесила на крючок за дверь.

— А где же ваш новый шарф? — спросила Джейн. — Вы его потеряли?

— Что ты говоришь! — сказал Майкл. — Он был на ней, когда мы вернулись. Я видел.

Мэри Поппинс обернулась к ним.

— Будьте любезны заниматься своими делами, — сказала она раздраженно, — а со своими я сама справлюсь!

— Я ведь только хотела помочь, — начала Джейн.

— Спасибо, как-нибудь обойдусь, — фыркнула Мэри Поппинс.

Джейн сделала Майклу знак глазами. Но на этот раз ничего не заметил он. Он с изумлением смотрел на каминную полку.

— Что с тобой, Майкл?

— Выходит, что ты не выдумала! — шепнул он и показал пальцем на Блюдо.

Джейн пригляделась. Вон Блюдо: оно действительно треснуло. Вон луг, и трава, и опушка леса. И трое мальчиков играют в лошадки.

Но — что же это? — нога одного из мальчиков перевязана маленьким белым платочком. А на траве, словно оброненный кем-то в спешке, лежит шарф в красно-белую клетку. И на одном его конце виднеется метка с инициалами М. П.

— Значит, вот где она его потеряла! — сказал Майкл, многозначительно кивая. — Сказать ей, что мы его нашли?

Джейн оглянулась. Мэри Поппинс застегивала свой передник с таким видом, как будто весь мир ее смертельно обидел.

— Лучше не стоит, — сказала Джейн тихо. — Она, наверно, знает.

Джейн еще минутку постояла, рассматривая разбитое блюдо, платок, завязанный узелком, и шарф.

И внезапно она сорвалась с места и кинулась обнимать накрахмаленный белый передник.

— Мэри Поппинс! — кричала она. — Мэри Поппинс! Я больше никогда не буду капризничать! Никогда!

Чуть заметная скептическая усмешка тронула уголки рта Мэри Поппинс.

— Гм! — сказала она, разглаживая свой передник.

И это было все, что она сказала.

КОШКА, КОТОРАЯ СМОТРЕЛА НА КОРОЛЯ

У Майкла был день рождения, а назавтра у него разболелись зубы. Он лежал в постели и стонал, косясь уголком глаза на Мэри Поппинс в надежде, что она обратит на него внимание.

А она сидела в старом кресле и прилежно перематывала шерсть. Джейн, присев на корточки, держала моток. Снизу, из сада, доносились крики Близнецов, игравших там под присмотром Элин. В детской было тихо и мирно. Клубок в руках Мэри Поппинс все рос и рос. Часы самодовольно тикали, и этот звук чем-то напоминал кудахтанье курицы, которая только что снесла яйцо.

— Почему у меня болят зубы, а у Джейн нет? — хныкнул Майкл и плотнее обмотал щеку шарфом, который дала ему Мэри Поппинс.

— Потому что ты вчера съел слишком много сладкого, — безжалостно отвечала Мэри Поппинс.

— Да ведь у меня был день рождения! — возразил он.

— Это не значит, что надо забывать меру! Вот у меня не болят зубы после дня рождения!

Майкл поглядел на нее сердито. Порой ему хотелось, чтобы Мэри Поппинс не была таким безупречным совершенством. Но он никогда не осмеливался сказать об этом вслух.

— Вот возьму и умру! — пригрозил он. — Тогда пожалеете, что вы такая безжалостная.

Она только презрительно засопела, продолжая мотать шерсть.

Держась обеими руками за щеку, Майкл озирался в поисках утешения. Все вещи в детской глядели сочувственно — это были старые добрые друзья: обои, лошадка-качалка, изношенный красный ковер.

Взгляд Майкла упал на каминную полку.

Вот компас и Королевское Фарфоровое Блюдо; вот маргаритки в банке из-под варенья, катушка от змея и градусник Мэри Поппинс. А среди них красовался вчерашний подарок тети Флосси — белая фарфоровая кошечка, разрисованная синими и зелеными цветочками. Она сидела, сложив лапки вместе и аккуратно обернув их хвостом. Солнце освещало ее фарфоровую спину; зеленые глаза ее глядели важно и серьезно.

Майкл дружески улыбнулся ей. Он любил тетю Флосси и был очень рад этому подарку.

И тут в зубе снова страшно засверлило.

— Ой! — застонал Майкл. — У меня голова лопнет!

Он жалобно посмотрел на Мэри Поппинс.

— И всем все равно! — добавил он с горечью.

Мэри Поппинс насмешливо улыбнулась.

— Не смотрите на меня так! — захныкал он, изо всех сил держась за щеку.

— Почему? Как известно, и кошка может смотреть на короля!

— Да ведь я же не король, — проворчал он сердито, — а вы не кошка, Мэри Поппинс!

Он надеялся, что она станет с ним спорить и он забудет про зуб.

— А как вы думаете, любая кошка может смотреть на короля? Например, кошка Майкла может? — спросила Джейн.

Мэри Поппинс подняла взгляд. Ее синие глаза встретились с зелеными глазами кошки.

Наступило молчание.

— Любая кошка может, — сказала наконец Мэри Поппинс. — А эта кошка — особенно.

Улыбаясь про себя, она снова взяла клубок, и тут что-то зашевелилось на каминной полке. Фарфоровая кошка пошевелила своими фарфоровыми усами, подняла голову и зевнула. Ребята увидели ее острые зубки и розовый кошачий язычок. Потом кошка выгнула расписанную цветами спину, лениво потянулась и, махнув хвостом, соскочила с полки на пол.

— Мурррр! — сказала кошка.

Она прошла по коврику, подошла к Мэри Поппинс и кивнула ей головой. Потом вскочила на подоконник и выпрыгнула в окно, откуда лились потоки солнечных лучей.

Майкл забыл о зубной боли.

Джейн уронила моток.

Оба таращили глаза изо всех сил.

— К-как же т-т-т-так? — пролепетали оба. — Почему? К-куда?

— В гости к королеве, — ответила Мэри Поппинс. — Она принимает каждую вторую пятницу. Джейн, не таращи глаза! Ветер может перемениться! А ты, Майкл, закрой рот, а то застудишь зуб.

Майкл поспешно закрыл рот. Но тут же опять открыл его.

— Я же хочу знать, что это значит! — закричал он. — Она же фарфоровая! Ненстоящая! И вдруг прыгает! Я сам видел!

— А зачем она пошла к королеве в гости? — спросила Джейн.

— Ловить мышей, — спокойно отвечала Мэри Поппинс. — А отчасти — вспомнить доброе старое время.

Глаза ее приняли отсутствующее выражение, и руки перестали вертеть клубок.

Джейн предостерегающе посмотрела на Майкла. Он осторожно вылез из постели и подкрался к креслу. Оно закрипело, когда он прислонился к нему, но Мэри Поппинс, казалось,

ничего не заметила. Невидящими глазами она смотрела в окно или куда-то вдаль.

— Жил-был,— начала она не спеша,— жил-был в старину Король, который думал, что знает все-все на свете. Сколько всего он знал — или, вернее, думал, что знает,— этого ни в сказке сказать, ни пером описать. Фактов и цифр у него в голове было не меньше, чем в гранате зернышек.

Столько всего он знал и был такой умный, что стал ужасно рассеянным. Он все забывал. Вы мне, наверно, и не поверите, если я вам скажу, что он забывал порой даже свое собственное имя, а звали его Коль.

К счастью, у его Первого Министра была прекрасная память, и время от времени он напоминал Королю, как его зовут.

И больше всего на свете любил Король думать. Он думал всю ночь напролет и думал поутру. Он думал за едой и думал в ванне. И он никогда не замечал ничего, что творилось у него под носом, потом что он, естественно, всегда думал о чем-то другом.

Вы, может быть, вообразили, что он думал о благе своего народа, о том, как сделать его счастливым, и так далее? Ничего подобного! На уме у него было совсем другое. Он думал, например, о том, сколько в Индии бабуинов, или о том, какой полюс больше — Северный или Южный, или — можно ли научить свиней петь.

И он не только сам ломал голову над такими вещами. Он заставлял всех и каждого ломать над ними голову. Всех — кроме Первого Министра, который был вовсе не Мыслящей Личностью, а просто старичком, любившим сидеть на солнышке и совершенно ничего не делать. Но он старался, чтобы этого никто не заметил — ведь Король мог отрубить ему за это голову.

Король жил во дворце, сделанном из чистого хрусталя. Когда-то, в прежние времена, этот дворец так сиял и сверкал, что прохожие жмурились, боясь ослепнуть. Но с годами хрусталь потускнел, покрывшись толстым слоем пыли, и некому было вытереть пыль, потому что все были страшно заняты: они помогали Королю думать. Все — даже повара, и горничные, и судомойки. В любую минуту каждому могли приказать бросить свое дело и помчаться по королевскому слову, скажем, в Китай — считать шелковичных червей; или на Соломоновы острова — узнать, правила ли там царица Савская...

И когда они возвращались с уймой Фактов, Сведений и Данных, Король и Придворные записывали все в большие книги, переплетенные в кожу. А если кто-нибудь возвращался, не принеся ответа, ему немедленно отрубали голову.

И только одной Королеве нечего было делать. Весь день она сидела на своем золотом троне и вертела в пальцах ожерелье из голубых и зеленых цветов, обвивавшее ее шею. А иногда она,

взвизгнув, вскакивала и плотнее запахивалась в свою горностаевую мантию. Потому что во дворце было так грязно, что в нем завелись мыши, а все королевы — это вам подтвердит кто угодно — очень боятся мышей.

Порой она даже вскакивала на сиденье своего трона.

И каждый раз Король хмурился.

— Прошу потише! — говорил он раздраженно — ведь малейший шум мешал ему думать.

Тут мыши удирали, и на некоторое время в зале снова воцарялась тишина. Слышен был только скрип гусиных перьев, которыми Король и Придворные записывали новые Сведения, Факты и Данные в кожаные книги.

Королева никогда никому не приказывала, даже своим камер-фрейлинам, — ведь Король почти всегда отменял ее приказ.

— Заштопать Королеве юбку? — говорил он раздраженно. — Какую еще юбку! Зачем тратить время на разговоры о юбках? Возьмите-ка перо и запишите новые данные о птице Феникс!

И фрейлинам приходилось слушаться, а бедная Королева либо чинила юбку сама, либо так и ходила в рваной.

И, сидя в тоске на своем троне, Королева часто вспоминала о прежних временах, о той поре, когда она только что вышла замуж за Короля. Какой он был тогда высокий и красивый, сильный и румяный, и кудри его вились, как лепестки гиацинта!

— Ах! — вздыхала она, вспоминая о былом.

Да, тогда он угощал ее медовыми пряниками и сам намазывал ей бутерброды! И смотрел он на нее с такой любовью, что сердце замирало у нее в груди, и она отворачивалась, чтобы не умереть от счастья!

А потом пришел роковой вечер...

— Твои глаза ярче звезд, — сказал он и поглядел на небо.

Но, вместо того чтобы снова взглянуть на нее, как обычно, он продолжал смотреть вверх.

— Интересно, — сказал он задумчиво, — сколько там звезд? Я, наверно, сумею их сосчитать. Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь...

И он считал их до тех пор, пока Королева не заснула.

— Тысяча двести сорок девять, тысяча двести пятьдесят, — говорил он, когда она проснулась.

И она поняла, что он все еще считает.

И он не успокоился до тех пор, пока не поднял всех Придворных с постелей и не заставил их тоже считать звезды. Но так как ни один ответ не сходился с другим, Король очень рассердился.

Вот так все и началось.

На другой день Король воскликнул:

— Дорогая моя, твои щеки — как две розы!

И Королева была очень счастлива, пока он не прибавил:
— Но почему как розы? Почему не как капуста? Почему щеки розовые, а кочаны — зеленые? И наоборот? Это очень серьезный вопрос. Я должен его обдумать!

А на третий день он сказал ей, что зубки у нее жемчужные, но не успела она даже улыбнуться в ответ, как он прибавил:

— А впрочем, что тут такого? Зубы есть у каждого, да и жемчужные зубки не редкость, а вот жемчуг — это очень редкая вещь! О нем и нужно думать! А не о зубах!

И с этого дня он уже думал не переставая. Он думал, и думал, и думал, собирал Сведения, и Данные, и Факты и почти не глядел на Королеву. Да если бы он и посмотрел на нее, он бы вряд ли увидел, потому что он так много читал и писал, что скоро стал очень близоруким. Его румяное, круглое лицо высохло и сморщилось, а волосы рано поседели.

Можете себе представить, как тосковала бедная Королева! Порой старый Министр прокрадывался к трону и ласково трепал ее по руке. Порой маленький Паж, который наливал чернила в чернильницы, улыбался ей через голову склонившегося над бумагами Короля. Но ни старик, ни мальчик не смели надолго оторваться от своих дел, чтобы развлечь Королеву, — ведь им могли за это отрубить голову.

Не думайте, что Король был злой. Наоборот, он был уверен, что его подданные счастливей всех на свете, потому что у них такой умный и ученый Король! Но, увы, пока Король набирался ума, подданные его становились все беднее и беднее. Дома ветшали и поля пустели, потому что все мужчины должны были помогать Королю думать...

А все женщины страшно сердились. Им казалось, что вся королевская ученость — чушь и пустяки. Ведь никакими сведениями не накормишь ребенка, рассуждали они, и тем более не заплатишь Данными за квартиру! Даже свинопасы и пастушки были недовольны и роптали. А если вы припомните, что обычно они счастливейшие люди на свете (ведь они знают, что все они — заколдованные принцы и принцессы), тогда вы поймете, как плохо шли дела в Королевстве.

В один прекрасный день Король и Придворные, как обычно, сидели за столом в Тронном зале и скрипели перьями. Королева прислушивалась к скрипу перьев и писку мышей в погребе. И она сидела так тихо, что одна нахальная мышь пробежала через весь зал и уселась умываться прямо у подножия трона. Королева ахнула от испуга, но тут же прикрыла рот рукой, чтобы не помешать Королю. Она только подобрала свою горностаевую мантию и так и сидела, дрожа от ужаса.

И в эту самую минуту на пороге появилась Кошка.

Это была маленькая Кошечка, пушистая, как одуванчик, и

белая, как сахар, от усов и до хвоста. Она вошла в зал не спеша, танцующим шагом, словно дела у нее не было никакого, а времени — сколько угодно!

На минуту она остановилась на краю ковра, с любопытством глядя на Короля и Придворных, склонившихся над своими книгами. Потом зеленые глаза обратились в сторону Королевы. Тут Кошка вздрогнула, и все ее тело напряглось. Спинка выгнулась горбом. Усы ошетинились. Одним скачком она перелетела через весь Тронный зал и нырнула под трон.

Раздалось глухое ворчание. Сдавленный писк. И одной мышью стало меньше.

— Тише, пожалуйста! Что это за звуки ты издаешь, дорогая! Ты мешаешь мне думать! — брюзгливо проворчал Король.

— Это не я! — робко сказала Королева. — Это Кошка.

— Кошка? — рассеянно повторил Король, даже не поднимая головы. — Кошки — это четвероногие млекопитающие, покрытые мехом. Кошек, диких или домашних, можно встретить во всех областях земного шара, за исключением полярной зоны. Они едят мышей, рыбу, печенку и птиц и издадут либо мурлыканье, либо мяуканье, в зависимости от настроения. Кошки бродят сами по себе, и, согласно народному поверью, у кошки девять жизней. Дальнейшую информацию о кошках смотри на странице второй, том седьмой, полка Д, в шкафу номер пять, как войдешь — налево. Эй! Это еще что такое?

Король чуть не подскочил. Потому, что прямо перед ним на столе сидела Кошка.

— Поосторожнее! — сердито сказал Король. — Ты уселась как раз на мои последние факты. Очень серьезный вопрос: происходят ли индюки из Индии, а если нет, то почему? Ну, чего тебе нужно? Говори и не бормочи под нос. Я почти оглох!

— Я хочу на вас посмотреть, — спокойно сказала Кошка, обмахнув чернильницу хвостом.

— Ого! Вот как? Хм! Ну что ж, ведь говорится в пословице — кошка может смотреть на Короля. Я не возражаю. Любуйся!

Король откинулся на спинку кресла и повернул голову, чтобы Кошка могла рассмотреть его всесторонне.

Кошка задумчиво смотрела на Короля.

Придворные, отложив перья, глазели на Кошку.

Последовала долгая пауза.

— Ну, — сказал наконец Король, снисходительно улыбаясь, — и какого ты мнения обо мне, позволь полюбопытствовать?

— Не особенно высокого, — небрежно ответила Кошка, облизывая правую переднюю лапку.

Придворные, задрожав, схватили свои перья.

— Что-о-о-о? — крикнул Король. — Не особенно высокого, вот как? Бедное невежественное животное! Да знаешь ли ты, на какого Короля ты смотришь?

— Все короли, в общем, одинаковы, — сказала Кошка.

— Ничего подобного! — сердито возразил Король. — Я ручаюсь, ты не назовешь ни одного короля, который знает столько, сколько я! Недаром со всех концов земли съезжаются профессора, чтобы взять у меня получасовую консультацию! Мое собрание Фактов, Сведений и Данных не имеет себе равного в мире! При моем дворе одни только Сливки Общества! Джек — Потрошитель Великанов ухаживает за моим садом! Мои овечьи стада стережет не кто иной, как Мальчик с пальчик! И в каждом моем пироге ровнохонько Сорок Семь Сорок! И ты еще осмеливаешься заявлять, что ты невысокого мнения обо мне? Кто ты такая, чтобы так разговаривать с Королем?!

— Просто Кошка, — отвечала Кошка. — Четыре лапки, пятый хвост. Ну, и еще усы.

— Это я сам вижу! — оборвал ее Король. — Внешность для меня не имеет значения! Для меня важно только одно — много ли ты знаешь.

— О, все на свете! — спокойно возразила Кошка, облизывая кончик хвоста.

— Как? — На этот раз Король чуть не подавился от возмущения. — Ну, знаешь ли, таких хвастунов, таких зазнаек я еще не видал! У меня большая охота отрубить тебе голову!

— Пожалуйста, — согласилась Кошка. — Но все в свое время!

— Она знает все на свете! Бессовестная тварь! Никто не может знать все! Не исключая меня!

— Но исключая кошек, — сказала Кошка. — Все кошки, уверяю вас, знают все!

— Отлично! — проворчал Король. — Тебе придется это доказать! Раз ты такая умная, как говоришь, я задам тебе три вопроса. И мы увидим... то, что увидим!

И он усмехнулся. Если эта хвастунья будет настаивать на своем, ей придется за это ответить!

— Итак, — сказал он, складывая руки на животе, — мой первый вопрос...

— Минуточку! — спокойно сказала Кошка. — Извините, но я не могу отвечать на ваши вопросы, пока мы не договоримся об условиях. Таких глупых кошек не бывает. Я готова заключить с вами договор. Вы хотите задать мне три вопроса? Отлично! Но потом буду задавать вопросы я. Это будет справедливо, верно? И кто из нас победит, тот и будет править Королевством.

Удивленные Придворные снова уронили перья. У Короля глаза от изумления вылезли на лоб.

Но он подавил свой гнев.

— Прекрасно,— сказал он надменно.— Конечно, мы даром потратим время, но так и быть, я принимаю твои условия. Боюсь только, как бы тебе не пришлось об этом пожалеть.

— Тогда снимите корону и положите ее на стол между нами,— распорядилась Кошка.

Король сорвал корону со своей всклокоченной головы, и драгоценные камни, украшавшие ее, сверкнули в лучах солнца.

— Что ж, надо поскорее покончить с этой чепухой! Мне нужно работать,— сказал он гневно.— Ты готова? Тогда я задаю первый вопрос: пришел мельник на мельницу, на мельнице — четыре угла, в каждом углу — по четыре мешка, на каждом мешке — по четыре кошки, у каждой кошки — по четыре котенка. Сколько всего ног?

— Это очень просто! — улыбнулась Кошка.— Две.

— Как две? — возмутился Король.— Сосчитай-ка получше!

— А что тут считать,— небрежно сказала Кошка.— Ноги только у мельника. А у Кошек, как всем известно, лапки!

Придворные переглянулись в ужасе. Они никогда не слышали ничего подобного. Король нахмурился. Он явно не одобрял Кошкиного ответа.

— Ну ладно! — мрачно сказал он.— Скажи мне вот что: какая разница между верблюдом и железнодорожным носильщиком?

— Никакой,— мгновенно ответила Кошка.— И тот и другой зарабатывают своим горбом!

— Стоп-стоп-стоп! — горячо запротестовал Король.— Это совсем не те ответы, которых я ожидал! Нужно быть серьезнее!

— Я не знаю, чего вы ожидали,— сказала Кошка.— Это правильные ответы на ваши вопросы, и это вам подтвердит кто угодно. Любая кошка!

Король сердито щелкнул языком.

— Я вижу, вся эта глупость зашла уж слишком далеко! Это уже просто комедия! Фарс! Ну ладно, вот мой третий вопрос — попробуй-ка на него ответить!

И по выражению лица Короля можно было легко догадаться, что он уверен: на этот раз Кошка попалась!

Он величественно вытянул руку и начал:

— Если двенадцать человек, работая по восемь часов в день, должны выкопать яму глубиной в десять с половиной миль, сколько времени пройдет — считая и воскресные дни! — прежде чем они положат свои лопаты? Ну, сколько?

Глаза Короля светились лукавым торжеством. Он уже заранее радовался победе над Кошкой.

Но у нее ответ был готов.

— Три секунды,— сказала она, чуть вильнув хвостом.

— Три секунды? Ты с ума сошла! Скажи — сколько лет.

Король даже потер руки от удовольствия при мысли о том, что Кошка так попала впросак.

— Повторяю,— сказала Кошка,— три секунды. За это время они, конечно, поймут, что им никогда не вырыть такой ямы, да и рыть ее незачем!

— Смысл вопроса не в этом! — сердито сказал Король.

— Иначе в нем совсем нет смысла! — сказала Кошка.— А теперь, по-моему, моя очередь спрашивать,— сказала она.

Король с досадой пожал плечами. Какая-то Кошка осмеливается сидеть на его столе да еще задавать ему вопросы!

— Давай, только поживей. Ты и так отняла у меня много времени.

— Мои вопросы простые и очень короткие,— заверила его Кошка.— Любая кошка ответит на них быстрее, чем пошевелит усами! Будем надеяться, что и у Короля хватит на это ума. Первый вопрос: высоко ли до неба?

Король удовлетворенно хмыкнул. Это был вопрос как раз в его вкусе, и он улыбнулся с видом превосходства.

— Ну конечно,— начал он,— это понятие относительное. Если мы будем измерять высоту от уровня моря — результат будет один. Если с вершины горы — другой. И, приняв все это в расчет, а также определив широту и долготу, учитывая данные метеорологии, психологии, геологии, топологии и болтологии, а также астрономии и физиономии, статистики, лингвистики, беллетристики и мистики, мы можем...

— Извините! — перебила его Кошка.— Это не ответ на мой вопрос. Попробуйте еще раз, пожалуйста. Высоко ли до неба?

Король выкатил глаза от гнева и удивления. Никто еще не осмеливался его прерывать!

— Небо,— пробормотал он,— оно... м-м-м... оно... Ну конечно, я не могу дать ответ в метрах. Думаю, что и никто другой не сможет. Но приблизительно, это будет... м-м-м... э-э-э...

— Мне нужен точный ответ,— сказала Кошка. Она обвела взглядом уставившихся на нее Придворных.— Может, кто-нибудь здесь, в этом храме науки, ответит на мой вопрос?

Опасливо глядя на Короля, старый Министр поднял дрожащую руку.

— Я всегда считал,— робко пролепетал он,— что это немного выше, чем орел летает. Я, конечно, старый человек и могу ошибаться...

Кошка хлопнула белоснежными лапками.

— Нет! Нет! Вы совершенно правы! — сказала она ласково, и ее зеленые глаза на мгновение встретились с испуганными глазами старика.

Король фыркнул в ярости.

— Чепуха! Белиберда!

Кошка подняла лапу, призывая к тишине.

— Ответьте, пожалуйста, на мой второй вопрос. Где бывает самое сладкое молоко?

Немедленно лицо Короля прояснилось. Он самодовольно ухмыльнулся.

— Это просто, как дважды два,— сказал он небрежно.— Ответ — конечно, в Сардинии. Там коровы питаются розами и медом, и молоко у них сладкое, как сироп. Можно еще упомянуть Горизонтальные острова, где их кормят только сахарным тростником. Или Грецию. Словом, принимая во внимание...

— Я не могу ничего принять во внимание,— сказала Кошка,— кроме того, что вы опять не ответили на мой вопрос. Где бывает самое сладкое молоко, о Король?

— Я знаю! — крикнул юный Паж, оторвавшись на минутку от недолитой чернильницы.— На блюдечке у печки!

Кошка одобрительно кивнула мальчику и зевнула прямо в лицо Королю.

— Я думала, вы умнее! — сказала она.— Вы, возможно, и мудрейший из королей, но на мой вопрос опять ответил кто-то другой! Но не беда, не хмурьтесь.— Она заметила, что Король гневно смотрит на Пажу.— У вас есть еще один шанс остаться победителем. Вот мой третий и последний вопрос: что сильнее всего на свете?

Глаза Короля заблестели. Он погладил бороду своими иссохшими пальцами. На этот раз у него не было никаких сомнений в правильности ответа.

— Тигр,— начал он неторопливо,— конечно, очень силен. Силен и слон, и лев. Не забудем о вулканах. И о морских приливах. Сильны, конечно, и лавины, и горные обвалы... И, пожалуй, землетрясения, а может быть...

— А может быть, и нет,— перебила Кошка.— Итак, кто может сказать, что сильнее всего на свете?

Она снова обвела взглядом Тронный зал. На этот раз заговорила Королева.

— Я думаю,— сказала она негромко,— что сильнее всего — терпение. Потому что в конце концов терпение побеждает все.

Зеленые кошачьи глаза пристально взглянули на Королеву.

— Да, это так,— подтвердила Кошка.

И, обернувшись, она положила лапу на корону.

— О мудрейший из монархов! — воскликнула она.— Ты несомненно великий ученый, а я всего лишь обычная домашняя кошка. Но я ответила на все твои вопросы, а ты не ответил ни на один. Результат, по-моему, ясен. Корона — моя.

Король коротко, презрительно засмеялся:

— Не болтай глупостей! Что ты с ней будешь делать? Ты же не можешь издавать законы и управлять людьми. Ты даже не

умеешь читать и писать! Отдать свое Королевство кошке? Пусть меня лучше повесят!

Кошка лукаво улыбнулась.

— Я вижу,— сказала она,— что при всей своей учености вы незнакомы со сказками. Иначе бы вы знали, что достаточно отрубить кошке голову — и она окажется заколдованным принцем.

— Сказки! Вздор! Я думаю о своем Королевстве!

— Я вынуждена, увы,— сказала Кошка,— напомнить, что ваше Королевство — уже не ваше. Все, что от вас требуется,— это побыстрее отрубить мне голову. Остальное — не ваше дело, а мое. И, поскольку вам они, видимо, вовсе не нужны, я беру к себе на службу этого мудрого старика — Министра, эту разумную женщину — вашу жену, и способного мальчика — вашего Пажа. Пусть-ка они возьмут шляпы и пойдут со мной. Вчетвером мы прекрасно будем править Королевством.

— Но что же будет со мной? — закричал Король.— Куда мне идти? Как я буду жить?

Глаза Кошки сузились.

— Об этом надо было думать раньше! Большинство людей подумает дважды, прежде чем заключать договор с кошкой. А теперь обнажите меч, ученый человек! И я надеюсь, что он остер!

— Остановитесь! — крикнул Министр и положил руку на эфес королевского меча. Потом он обернулся к Кошке и почтительно поклонился.

— Сударыня,— сказал он,— выслушайте меня. Да, вы завоевали корону в открытом и честном поединке. И, может быть, вы действительно Принц. Но я должен отклонить ваше предложение. Я честно служил Королю с тех дней, когда я был Пажом при дворе его отца. Сохранит ли он корону или нет, будет по-прежнему Королем или станет простым бродягой — я люблю его и буду ему верен. Я не пойду с вами.

— Как и я,— сказала Королева, поднимаясь с золотого трона.— Я была с ним рядом, когда он был молод и красив. Я молча тосковала по нем все эти долгие, долгие годы. Мудр он или глуп, богат или нищ — я люблю его и он мне нужен. Я не пойду с вами.

— Как и я,— сказал маленький Паж и заткнул пробкой бутылку чернил.— Этот дом — мой дом. И Король — это мой король, и мне его жалко. Кроме того, мне нравится наливать чернила. Я не пойду с тобой!

Кошка улыбнулась странной улыбкой, и ее зеленые глаза засияли, когда она взглянула на тех, кто ей отказал.

— Что ты скажешь на это, о Король? — спросила Кошка, обернувшись к столу.

Но ответа не последовало. Потому что Король плакал.

— О мудрец, почему ты плачешь? — спросила Кошка.

— Потому что мне стыдно! — всхлипнул Король. — Я хва-
стал своим умом. Я думал, что знаю все или почти все. И вот я
вижу: старик, женщина и ребенок гораздо мудрее меня. Не
надо меня утешать! — крикнул он, когда Королева и Министр
попытались взять его за руки. — Я недостойн этого! Я ничего
не знаю! Не знаю даже, кто я!

Он закрыл лицо руками.

— Ох, я знаю, что я — Король! — закричал он. — Я знаю,
как меня зовут! Но я не знаю — за все эти годы я так и не
узнал, — кто же я такой на самом деле!

— Посмотри на меня — и узнаешь, — сказала Кошка, спо-
койно.

— Да вв-в-ведь я же смотрел на тебя! — всхлипывал Король
в платок.

— Не по-настоящему, — мягко настаивала Кошка. — Ты толь-
ко мимоходом поглядел на меня. Ты сам сказал — кошка может
смотреть на Короля. Но и Король может посмотреть на кошку.
И, если ты посмотришь, ты узнаешь, кто ты такой. Взгляни
мне в глаза — и увидишь!

Король отнял платок от лица и сквозь слезы поглядел на
Кошку. Его глаза встретились с зелеными кошачьими глазами.
И оттуда на него глянуло его собственное отражение.

— Ближе! Ближе! — приказала Кошка.

Король послушно наклонился к ней.

И, вглядевшись в бездонные кошачьи зрачки, он увидел,
что его отражение начинает изменяться.

Лицо расправилось и округлилось. Исчезли морщины, щеки
зарумянились. Каштановые кудри завились. Седая борода потем-
нела. Глаза заблестели молодым блеском.

Король вздрогнул от радости и удивления. Он улыбнулся —
и широкоплечий, полный, розовощекий человек улыбнулся ему
с зеркальной поверхности кошачьих зрачков.

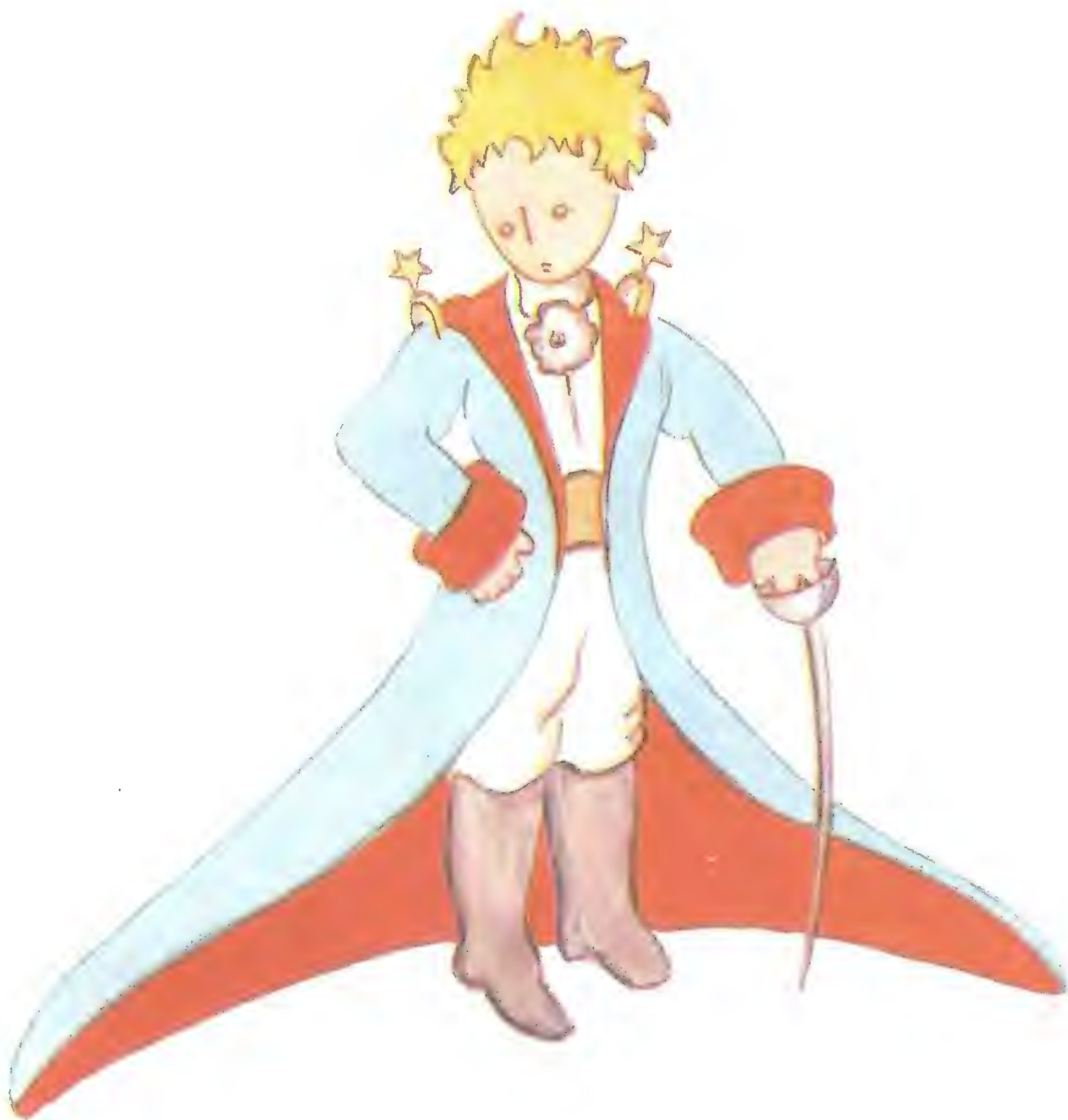
— Батюшки мои! Ведь это же я, я! — закричал Король. —
Теперь я наконец знаю, кто я такой! Да я же совсем не мудрец
и не ученый! — Он откинул голову и радостно расхохотался. —
Хо-хо! Ха-ха-ха! Теперь все ясно! Никакая я не Мыслящая
Личность! Я просто-напросто Веселый Король!

Он замахал руками на разинувших рты Придворных.

— Эй, вы! Уберите все эти перья и бумаги! Порвите ко-
жаные книги! Заройте в землю столы! И если кто-нибудь ска-
жет мне слово «факт», я собственноручно отрублю ему голову!
Факт!

Король снова громко расхохотался и обнял Первого Министра
так крепко, что едва не задушил старика.

— Простите меня, мой верный друг, — крикнул он. —

К стр. 539

К стр. 539

И налейте нам кубки да набейте нам трубки! Да зовите моих Скрипачей-Трубачей! А ты, моя радость, мое счастье, моя голубка,— обратился он к Королеве,— о, дай мне снова свою руку, и я никогда ее не отпущу!

Слезы счастья побежали по щекам Королевы, и Король нежно отер их.

— Мне не нужно небесных звезд,— шепнул он,— ведь мне светят твои глаза!

— Извините, если я помешала, но как же насчет меня? — спросила Кошка.

— Так ты же получила Королевство! И корону! Чего тебе еще надо? — нетерпеливо воскликнул Король.

— Вот еще! — сказала Кошка.— Очень они мне нужны! Можете их оставить себе! Но, так как кошки не делают ничего даром, у меня будут две небольшие просьбы.

— Все, что угодно! — воскликнул Король с царственным жестом.— Все на свете!

— Я бы хотела время от времени,— сказала Кошка,— заходить во дворец и навещать...

— Меня? Пожалуйста! Милости просим! — перебил ее Король.

—... Королеву,— невозмутимо продолжала Кошка.

— Ах, Королеву! Пожалуйста! В любое время! Ты нам можешь сладить с мышами.

— А во-вторых, я прошу,— продолжала Кошка,— ожерелье из голубых и зеленых цветов, которое носит Королева.

— Бери и, носи на здоровье! — весело сказал Король.— Оно, кстати, не особенно дорогое!

Королева, помедлив, расстегнула замок ожерелья и надела его на Кошку, обернув им все ее пушистое тельце от головы до хвоста.

А потом она обменялась с Кошкой долгим взглядом, и в этом взгляде были все тайны, которые королевы и кошки хранят в своих сердцах и никогда не выдают никому.

— Я принимаю каждую вторую пятницу,— сказала Королева, улыбнувшись Кошке.

— Я приду! — кивнула Кошка.

И с этими словами она повернулась и пошла к выходу. Хвост ее развевался, как знамя, и ожерелье сияло на пушистой белой шерстке.

— Минуточку! — крикнул Король, когда Кошка была уже у самой двери.— А вы уверены, что вы действительно заколдованный Принц? И ничего плохого не случилось бы, если бы я отрубил вам голову?

Кошка обернулась и серьезно посмотрела на него. Потом она улыбнулась — чуть-чуть насмешливо.

— В чем можно быть уверенным в этом мире? До свиданья! — сказала она и, блеснув зелеными глазами, выскочила на крыльцо.

На лужайке она увидела Козу, которая любовалась своим отражением в бассейне у фонтана.

— Ты кто? — спросила Коза, когда Кошка проходила мимо.

— Я Кошка, которая смотрела на Короля, — отвечала Кошка.

— А я, — сказала Коза, вздернув голову, — Коза Рогатая, которая идет за малыми ребятами!

— Да? — сказала Кошка. — А зачем?

Коза очень удивилась. Она никогда раньше об этом не думала. И вдруг ей показалось, что действительно совершенно незачем бодать малых ребят! Впервые в жизни она поняла, что занимается просто чепухой.

— Мн-не-е-е... — сказала она растерянно, — мне-е-е кажется, я и сама не знаю, зачем!

И она отошла в сторонку, чтобы хорошенько обдумать свое поведение.

На дорожке Кошка встретила большую Курицу, которая хлопала крыльями и кудахтала.

— Я Курица, которая несет золотые яйца! — гордо прокудахтала она.

— Правда? — спросила Кошка. — А где же твои цыплята?

— Цыплята? — переспросила Курица, побледнев. — Ай-ай-ай, ведь у меня и правда нет цыплят! Теперь я поняла, чего мне всегда не хватало!

И она поспешила в курятник — поскорее снести простое яичко.

Плюх! Кто-то шлепнулся на дорожку перед самым Кошкиным носом.

— Я Жаба, которая прыгала, скакала! — важно квакнула она.

— А попала в Царский дом? — сказала Кошка. — Я думаю, тебе все же лучше было попасть в Болото!

— Квак! Ох, квак это верно! — призналась Жаба. — Кажется, я действительно дала маху!

Но Кошка уже прошла дальше, помахивая поднятым хвостом, и ее сине-зеленое ожерелье так и сияло на солнце.

Все, кто встретился с Кошкой, были счастливы, потому что они зажили по-новому. Коза, Курица и Жаба были счастливы потому, что они перестали заниматься чепухой; Придворные — потому, что они теперь весь день танцевали под музыку скрипачей и трубачей; Король — потому, что он больше ни о чем не думал. А Королева была счастлива по очень серьезной причине — потому, что счастлив был Король.

И маленький Паж тоже был счастлив: он мог теперь сколько хочешь переливать чернила из бутылки в чернильницу и обратно и даже сажать кляксы — никто ему этого не запрещал.

Но счастливей всех был старый Министр.

Он написал Королевский Указ, и Король подписал его: чтобы по всей стране устроили пир на весь мир, и построили карусели и колеса смеха, и катались на них, и жили припеваючи. И не ссорились никогда!

А после этого старый Министр мог с чистой совестью отдохнуть от трудов праведных; и он провел остаток своих дней, сидя на солнышке в качалке и не делая ровным счетом ничего...

А Кошка — Кошка так и бродит по свету в своем ожерелье и порой заглядывает людям в глаза. И тот, кто честно ответит на ее взгляд, узнает, кто он такой.

*

Голос рассказчицы смолк, и в детской слышалось только тиканье стенных часов.

И вдруг Мэри Поппинс вздрогнула, словно проснувшись, и напустилась на ребят:

— Почему вы до сих пор не в постели, хотела бы я знать! Майкл, у тебя ведь, кажется, болели зубы? Джейн! Нечего пялить на меня глаза, я не дрессированный медведь!

Майкл с писком бросился в постель. Но Джейн не шевельнулась.

— Интересно, а кто я такая? — прошептала она, словно про себя.

— Я-то знаю, кто я! — гордо сказал Майкл. — Я Майкл Джордж Бэнкс! И ни у какой Кошки не буду спрашивать!

— Он у нас вообще все знает! Мистер Умник-Разумник! — презрительно улыбнулась Мэри Поппинс.

— Вот как только она вернется, — медленно проговорила Джейн, — я сразу посмотрю ей прямо в ее зеленые глаза.

— Посмотри лучше на свое черное лицо и умойся перед ужином! — Мэри Поппинс, по обыкновению, фыркнула.

— А может, она совсем не придет? — предположил Майкл. «Кошка, которая смотрела на Короля, вряд ли захочет сидеть всю жизнь на каминной полке», — думал он.

— Откуда я знаю! — огрызнулась Мэри Поппинс. — Я не справочное бюро!

— Но ведь эту Кошку подарили Майклу, — начала было Джейн, как вдруг внизу раздался голос миссис Бэнкс:

— Мэри Поппинс! Не могли бы вы спуститься на минутку? Ребята переглянулись. Мамин голос звучал очень испуганно. Как только Мэри Поппинс выбежала из детской, Джейн с Майклом осторожно прокрались на лестничную площадку.

Внизу, в прихожей, мистер Бэнкс валялся в кресле. Перепуганная миссис Бэнкс то гладила его по голове, то подносила ему стакан с водой.

— Он, видимо, перенес какое-то потрясение! — объяснила она Мэри Поппинс. — Джордж, Джордж, ну скажи нам, что случилось? В чем дело?

— Нервы не выдержали! — сказал мистер Бэнкс, подняв побледневшее лицо. — Вот в чем дело. Я переутомился. Мне мерещатся всякие ужасы.

— Какие ужасы? — вскрикнула миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс отпил глоток воды.

— Только я вошел в переулок, как вдруг, — начал он с дрожью в голосе и закрыл глаза, — как вдруг я увидел его прямо у нашей калитки!

— Кого — его? — закричала миссис Бэнкс.

— Белого зверя. Что-то вроде леопарда. И весь он был усеян незабудками. А когда я подошел к калитке, он... он... посмотрел на меня. Страшными зелеными глазами. Прямо мне в глаза! Потом он кивнул и... и... и сказал: «Добрый вечер, Бэнкс!» — и побежал по дорожке.

— Да ведь... — начала было миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс остановил ее, подняв руку:

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Все леопарды сидят в Зоопарке, и на них не бывает незабудок, и так далее. Я сам все это прекрасно знаю. И понимаю, что никакого зверя на самом деле не было. Вот это как раз и доказывает, что я серьезно болен. Ты бы лучше вызвала доктора Симпсона.

Миссис Бэнкс кинулась к телефону.

И тут с лестничной площадки донеслись звуки, похожие на икоту.

— Что у вас там случилось? — спросил мистер Бэнкс умирающим голосом.

Но Джейн с Майклом не могли произнести ни слова. Их одолел припадок бешеного хохота. Они задыхались, и захлебывались, и катались по полу.

И не без причины. В то самое время, когда мистер Бэнкс рассказывал о том, что его напугало, в окне детской появилась белая фигура. Она неслышно спрыгнула с подоконника на пол, а оттуда вскочила на каминную полку. И там она теперь сидела, подвернув хвост и прижав усы, вся усеянная маленькими голубыми и зелеными цветочками, — фарфоровая кошечка Майкла...

— Да-а, таких бесчувственных, бессердечных детей я никогда не видел, — сказал мистер Бэнкс с обидой, сердито глядя на ребят.

Но они расхохотались еще громче. И они хихикали, и дави-

лись, и икали от смеха до тех пор, пока Мэри Поппинс не повернула голову и не взглянула на них.

Тут наступила тишина. Даже икота у ребят прошла. Это был такой свирепый взгляд, что кому угодно стало бы не до смеха...

Глава пятая

ШАРИК ШАРИКУ РОЗНЬ

— Мэри Поппинс! — начала миссис Бэнкс, влетая в детскую. — Мэри Поппинс, не могли бы вы кое-что купить во время прогулки? — И она робко улыбнулась, словно побаивалась отказа.

Мэри Поппинс, сушившая у огня кофточку новой сестрички — Аннабел, повернулась к миссис Бэнкс.

— Может быть, — сказала она не слишком приветливо.

— Да, понимаю, — сказала миссис Бэнкс еще более робким тоном.

— А может быть, и нет, — продолжала Мэри Поппинс, тщательно вытряхивая шерстяную кофточку Аннабел и вешая ее на каминную решетку.

— Хорошо. Если у вас найдется время — вот список и вот деньги. Фунт стерлингов. И, если останется сдача, можете ее истратить.

Миссис Бэнкс положила то и другое на комод.

Мэри Поппинс ничего не сказала. Она только хмыкнула.

— Ах да! — вдруг вспомнила миссис Бэнкс. — Близнецам придется сегодня идти пешком. Робертсон Эй сел сегодня утром в коляску — он принял ее за кресло, — и теперь ее надо отдавать в починку. Вы справитесь без нее? И еще с Аннабел на руках!

Мэри Поппинс открыла рот — и тут же захлопнула его.

— Я, — сказала она резко, — могу справиться со всем, решительно со всем на свете. И даже больше. Если захочу.

— Знаю, знаю! — залепетала миссис Бэнкс, бочком подвигаясь к двери. — Вы подлинное сокровище. Неоценимое и сказочное, и я уж не знаю, какое сокровище и совершенство во всех отно...

Все эти комплименты она договаривала уже на лестнице.

— И все-таки... и все-таки иногда мне хочется, чтобы она не была таким Совершенством, — пожаловалась миссис Бэнкс портрету своей прабабушки, вытирая пыль в столовой. — При ней я себя чувствую маленькой и тлупенькой! Словно я опять становлюсь девочкой! А я не девочка! — Миссис Бэнкс вздернула голову и смахнула пылинки с фарфоровой коровы. — Я важная особа — мать пятерых детей! А она это забывает!

Она продолжала вытирать пыль, думая обо всем, что она хотела бы высказать Мэри Поппинс, но в то же время зная, что никогда на это не осмелится.

Мэри Поппинс положила список покупок и фунт стерлингов в сумочку. В мгновение ока она уже приколола шляпку и вылетела из дома с Аннабел на руках. Майкл и Джейн, держа за руки Близнецов, еле поспевали за ней.

— Ноги в руки, пожалуйста! — скомандовала она строго, обернувшись к ним.

Ребята ускорили шаг, волоча Близнецов за собой. Подметки Джона и Барби шаркали по асфальту, руки несчастных Близнецов чуть не отрывались, но Джейн и Майкла это мало волновало. Они думали только о том, как бы не отстать от Мэри Поппинс. А главное — о том, что она сделает со сдачей...

— Две пачки свечей, четыре фунта риса, три фунта постного сахара, шесть фунтов рафинада, две банки томата, посудный ежик, пару рабочих перчаток, полпалочки сургуча, пакет муки, зажигалку, две коробки спичек, две головки цветной капусты и пучок ревеня! — огласила свой список Мэри Поппинс, влетев в первую лавочку за углом.

— Мешок рабочих перчаток, — повторил Бакалейщик, нервно облизывая не тот конец карандашного огрызка.

— Муки, я сказала! — сурово напомнила ему Мэри Поппинс. Бакалейщик покраснел как маков цвет.

— Ах, извините! Я нечаянно! Хорошая погода, правда?.. Да-да. Я ошибся. Значит, пакет пер... м-м-м-муки.

Он поспешно писал.

— Две коробки ежейков...

— Спичек! — процедила Мэри Поппинс.

У Бакалейщика затряслись руки.

— Ох, простите! Это, наверно, карандаш виноват — он все время пишет не то! Надо купить новый. Спичек, конечно же! И еще вы сказали?..

Он поднял глаза и тут же опустил их, уставившись на карандашный огрызок.

Мэри Поппинс развернула список и снова раздраженно прочитала его вслух.

— Очень жаль, — сказал Бакалейщик, когда она дошла до конца, — но ревеня, к сожалению, нет. Может быть, возьмете черносливу?

— Ни в коем случае! Пакет саго!

— Ой, Мэри Поппинс, не надо, не надо саго! Мы ели его на прошлой неделе, — запротестовал Майкл.

Она только бросила взгляд на него, затем на Бакалейщика — и оба поняли, что надежды нет. Саго будет.

Бакалейщик, покраснев еще сильнее, пошел его отвешивать.

— Так совсем нисколько сдачи не останется,— шепнула Джейн, с неприязнью глядя на грудку покупок, загромождившую весь прилавок.

— Да, может, на десяток прозрачных, и все! — печально согласился Майкл, глядя, как Мэри Поппинс достает из сумочки фунт стерлингов.

— Спасибо,— сказала она, когда Бакалейщик подал ей сдачу.

— Вам спасибо! — вежливо ответил он и поставил локти на прилавок, улыбаясь, по его мнению, приятно.— А погодка-то — красота! — продолжал он таким тоном, словно это было его рук дело.

— Нужен дождь! — отрезала Мэри Поппинс, одновременно захлопывая сумочку и рот.

— Правильно! — поспешно согласился Бакалейщик. Он изо всех сил старался угодить.— Что лучше дождичка!

— Наоборот! — буркнула Мэри Поппинс.

У Бакалейщика вытянулось лицо. Что бы он ни сказал — все было не то...

— Надеюсь, мисс,— сказал он, любезно распахивая дверь перед Мэри Поппинс,— вы к нам еще заглянете?

— Всего хорошего! — Мэри Поппинс уже вылетела из лавочки.

Бакалейщик вздохнул.

— Минутку,— сказал он ребятам, торопливо шаря в ящике.— Держите. Никого не хотел обидеть, ей-богу. Хотел только угодить!

В протянутую ладошку Джейн он сунул два шоколадных батона, три дал Майклу.

— По одному вам всем, а один — ей! — Он кивнул головой в сторону удалявшейся фигуры Мэри Поппинс.

Ребята поблагодарили и бросились догонять Мэри Поппинс, на ходу посасывая шоколадки.

— Что это ты жуешь? — спросила Мэри Поппинс Майкла, у которого губы уже были обведены темной каймой.

— Шоколадки. Нам Бакалейщик дал. А вот эту — вам. Он подал ей последний батончик. Очень липкий.

— Какой нахал! — сказала Мэри Поппинс, но приняла шоколадку и мгновенно съела ее — видимо, не без удовольствия.

— Много сдачи осталось? — встревоженно спросил Майкл.

— Там видно будет.

Она вбежала в аптеку и появилась оттуда с куском мыла, пачкой горчичников и тюбиком зубной пасты.

Джейн с Майклом тяжело вздохнули.

Они понимали, что фунт стерлингов тает на глазах...

— А теперь — в кондитерскую! — сказала Мэри Поппинс, заглянув в список, и скрылась за дверью.

Сквозь стекло витрины им было видно, как она показывает на миндальные пирожные. Продавец вручил ей большой пакет.

— Наверно, целую дюжину купила! — грустно сказала Джейн.

В любой другой день они бы, конечно, пришли в восторг при виде такой покупки, но сегодня они всей душой желали, чтобы на свете совсем не было пирожных!

— А теперь куда? — спросил Майкл, прыгая на одной ножке — так ему хотелось узнать, осталась ли сдача от фунта стерлингов или нет.

Он, конечно, понимал, что остаться ничего не могло, и все-таки надеялся.

— Домой! — сказала Мэри Поппинс.

Ребята повесили носы.

Значит, ничего, совсем ничего не осталось!..

Им очень хотелось задать решающий вопрос, но на лице навьюченной покупками Мэри Поппинс было такое выражение, что они не осмеливались. Прижимая к груди пакеты, свертки и Аннабел, она неслась вперед. Разочарованные, обманутые в лучших ожиданиях, ребята плелись за ней, с трудом волоча ноги. Они ей этого никогда не простят!

— Мы куда-то не туда идем! — хныкнул Майкл. — Домой не сюда!

— С каких это пор парк нам не по дороге? — яростно обернулась к нему Мэри Поппинс.

— Да-а, но ведь...

— В парке не один вход, с вашего разрешения! И дорога домой тоже не одна! — назидательно сообщила Мэри Поппинс.

Они еще никогда не бывали в этой стороне парка. А тут было так хорошо! Солнце ласково грело. Высокие деревья, клонясь над оградой, шелестели листвой. Два воробья подрались на ветке из-за соломинки. Пушистая белка запрыгала на каменной балюстраде и уселась на задние лапки, выпрашивая орешков.

Но сегодня ребят это не радовало. И даже не интересовало. Джейн и Майкл думали об одном: Мэри Поппинс истратила все деньги на бесполезные вещи и ничего не осталось на дело.

Наконец они подошли к высокой каменной арке, украшенной барельефами льва и единорога. А под аркой сидела старая-престарая женщина с морщинистым, словно грецкий орех, лицом. На коленях у нее был поднос, наполненный словно бы разноцветными резиновыми ленточками, а над ее головой, крепко привязанная к парковой ограде, колыхалась в воздухе огромная гроздь воздушных шаров!

— Шарики! Шарики! — закричала Джейн.

И, вырвав руку из липких пальчиков Джона, она кинулась

бегом к Старушке. Майкл вприпрыжку пустился за ней, бросив Барби на произвол судьбы посреди дороги.

— Ну, мои утяточки! — сказала Старушка с шарами старческим, надтреснутым голосом. — Какой на вас смотрит? Какой возьмете? Выбирайте, не спешите!

Наклонившись вперед, она потрясла перед ними своим подносом.

— Мы только посмотреть! — объяснила Джейн. — У нас денег нет.

Старушка огорченно прищелкнула языком.

— Что за удовольствие — смотреть на воздушный шарик! Шарик надо держать, надо шарик чувствовать, надо с шариком познакомиться! А только поглядеть — что тут хорошего?

Джейн и Майкл растерянно смотрели на Старушку. Конечно, она была права! Но что им было делать?

— Когда я была девочкой, — продолжала Старушка, рассказываясь на табуретке, — люди по-настоящему понимали в воздушных шарах! Они не приходили только посмотреть — они их брали! Да, брали! Ни один человек не выходил из этих ворот без шарика. О ребятах и говорить нечего. Да, да! Грех было обижаться!

Обернувшись, она любовно посмотрела на колыхающиеся в воздухе шары.

— Ах вы мои голубчики! — пропела она. — Никто в вас теперь не понимает, кроме меня, старухи! Вышли вы из моды! Никому-то вы не нужны!

— Нам очень нужен шарик! — настаивал Майкл. — Только у нас нет денег. Она истратила весь фунт стерлингов на...

— Кто это «она», разрешите спросить? — прозвучал сзади вопрос над самым его ухом.

Майкл обернулся и покраснел.

— Я... м-м-м... хотел сказать, что вы... м-м-м, — забормотал он.

— Выражайся повежливей о старших! — сказала Мэри Поппинс и, протянув руку через плечо Майкла, положила на поднос Старушки серебряную монету.

Майкл не поверил своим глазам.

«Значит, сдача всё-таки осталась», — подумала Джейн, и ей стало стыдно, что она так сердилась на Мэри Поппинс.

Глаза Старушки заблестели. Она схватила монету и залюбовалась ею.

— Как блеснит-то! Как сияет! — закричала она. — Давно я ни одной такой не видела — с тех пор как была девочкой! — Она наклонила голову к Мэри Поппинс. — Вам нужны шарики, моя красавица?

— Будьте так добры! — сказала Мэри Поппинс чрезвычайно учтиво.

— Сколько прикажете, деточка, сколько прикажете?

— Четыре!

Джейн и Майкл, чуть не лопааясь от радости, бросились обнимать Мэри Поппинс.

— Ой, Мэри Поппинс, правда? Каждому? Всем по шарiku? Правда? Правда?

— Надеюсь, я всегда говорю правду, — строго ответила она, но вид у нее был очень довольный.

Ребята подскочили к подносу и принялись ворошить резинки. Старушка, сунув монетку в карман своей юбки и любовно похлопав по нему, стала помогать ребятам.

— Выбирайте получше, мои утяточки, — приговаривала она. — Не забудьте: шарик шарiku рознь! Выбирайте, не спешите! Иной возьмет не тот шарик — и вся жизнь у него пойдет кувyрком!

— Я вот этот хочу! — сказал Майкл. Он выбрал желтый шарик с красными крапинками.

— Сейчас проверим, подходящий ты выбрал или нет! — сказала Старушка. — Дай-ка мы его надуем!

Она взяла резинку у Майкла и поднесла к губам. Фффух! Готово! Прямо трудно было поверить, что у такой крошечной Старушки такое могучее дыхание. Большой желтый шар с аккуратными красными крапинками запрыгал на веревочке в воздухе.

— Смотрите, смотрите! — крикнул Майкл. — Что на нем написано!

И действительно, крапинки оказались буквами! На желтом шаре были четко выведены два слова: М а й к л Б э н к с!

— Ага! — хихикнула Старушка. — Что я говорила? Ты выбирал — не спешил. И выбрал правильно!

— Поглядите, а я? — сказала Джейн, протягивая Старушке сморщенный голубой шарик.

Старушка дунула — и на большом голубом, как глобус, шаре показались большие белые буквы: Д ж е й н К э р о л а й н Б э н к с!

— Это твое имя, утеночек? — спросила Старушка.

Джейн только кивнула.

Старушка снова тихонько хихикнула, когда Джейн, взяв шар, отошла в сторону.

— Мне! Мне! — наперебой кричали Джон с Барби, шаря пухлыми ручонками по подносу.

Джон вытащил розовый, и, надув шар, Старушка снова засмеялась. На нем можно было прочесть: «Джону и Барби Бэнкс — один на двоих, потому что они Двойняшки!»

— Ничего не понимаю! — сказала Джейн. — Откуда вы знаете, как нас зовут? Вы ведь нас раньше не видели!

— Ах, мой утенок, я же вам говорила: шарик шарiku рознь! А эти шарики совсем особенные!

— Но ведь это вы на них все написали? — сказал Майкл.

— Я? — хихикнула Старушка. — И не думала!

— А кто же тогда?

— Спроси что-нибудь полегче, утенок! Я одно знаю — написано, и все тут. Для каждого человека на свете есть подходящий шарик, лишь бы он умел его выбрать!

— И для Мэри Поппинс тоже? — не отставал Майкл.

Старушка с шарами наклонила голову набок и посмотрела на Мэри Поппинс, загадочно улыбаясь.

— А вот увидим. — Она покачалась на табуретке. — Пусть сама выберет. Она-то не промахнется!

Мэри Поппинс гордо хмыкнула. На секунду ее рука задержалась над подносом, потом опустилась и взяла красный шар. Мэри Поппинс вытянула руку, и, к изумлению ребят, шар стал надуваться сам собой. Он рос, и рос, и рос, и скоро стал размером с шарик Майкла.

Но на этом он не остановился. Он продолжал раздуваться, пока не стал в три раза больше любого воздушного шара. И на нем горела надпись золотыми буквами:

МЭРИ ПОППИНС!

Красный шар подлетел к Старушке; она привязала к нему нитку и, хихикнув, вернула его Мэри Поппинс.

И все четыре шара разом заплясали в воздухе. Они тянули и дергали свои нитки, словно хотели освободиться и улететь в небеса. Игривый ветерок заставлял их кланяться на все четыре стороны света — на юг и на север, на запад и на восток...

— Да, шарик шарiku рознь, мои утяточки! Для каждого найдется подходящий, лишь бы человек умел выбрать! — весело прокричала Старушка.

В этот момент в воротах показался Пожилой Джентльмен в цилиндре. Он тоже увидел воздушные шары. Пожилой Джентльмен так и подскочил. И кинулся к Старушке с шариками.

— Почему они? — спросил он, позванивая мелочью в кармане.

— Семь с половиной! Выбирайте, не спешите, мой утенок!

Пожилой Джентльмен выбрал коричневый шар. Когда Старушка надула шарик, на нем появилась надпись зелеными буквами: «Вильям Везеролл Вилкинс».

— Боже милостивый! — сказал Пожилой Джентльмен. — Боже милостивый, это мое имя!

— Хорошо выбрал, мой утенок! Шарик шарiku рознь! — сказала Старушка.

Пожилой Джентльмен не сводил глаз со своего воздушного шара.

— Поразительно! — сказал он и громко высморкался. — Сорок лет назад, мальчишкой, я хотел купить здесь шарик. Но мне не позволили. Сказали, что я не заслужил! И сорок лет этот шарик меня ждал! Совершенно поразительно!

Он двинулся вперед и налетел на столб, так как не сводил глаз со своего шарика.

И вдруг ребята, с интересом провожавшие его взглядом, увидели, что он взлетел!

— Глядите, глядите! — кричал Майкл.

Но в эту самую минуту его собственный шар сильно дернул нитку, и Майкл почувствовал, что его ноги отрываются от земли.

— Ой, ой! Вот здорово! Мой тоже! — завопил он.

— Шарик шарiku рознь, мои утяточки! — сказала Старушка с шарами и захихикала, глядя, как Близнецы, уцепившись за нитку своего общего шара, тоже поднялись в воздух.

— Лечу, лечу! — кричала Джейн, тоже взлетая.

— Домой, пожалуйста! — сказала Мэри Поппинс.

Немедленно красный шар рванулся — ввысь и вперед, увлекая за собой Мэри Поппинс. Она то подпрыгивала, то опускалась, крепко держа Аннабел и свертки. Шляпа аккуратно сидела на ней, волосы были аккуратно причесаны, ноги ступали по воздуху так же уверенно, как обычно ступали они по земле. Джейн, Майкл и Близнецы, подпрыгивая в воздухе вместе со своими шариками, следовали за ней.

— О! О! О! — кричала Джейн, пролетая мимо старого вяза. — Какая прелесть!

— Я как будто сам из воздуха! — сказал Майкл, налетев на спинку скамейки и легко отлетая в сторону. — Вот это называется гулять!

— И-и-и-и! — пищали Близнецы, подпрыгивая и толкаясь.

— За мной, и, пожалуйста, не отставать! — сказала Мэри Поппинс, оглядываясь через плечо с таким свирепым видом, словно они спокойно шествовали по земле, а не летели по воздуху на шариках.

На углу Липовой аллеи, когда они почти догнали значительно опередившего их Пожилого Джентльмена, Майкл обернулся.

— Джейн! Гляди! — кричал он. — Гляди! У всех шары!

Она тоже оглянулась. Вдалеке покачивалась в воздухе целая группа людей.

— И мороженщик там! — кричала она. Засмотревшись, она чуть не стукнулась о какую-то статую.

— Ага! И трубочист тоже! А вон там — видишь? — мисс Ларк!

И действительно, над газоном колыхалась знакомая фигура в шляпке и перчатках.

Впереди нее, держа веревки своих шаров в зубах, летели Эдуард и Варфоломей. С очень довольным видом все трое пересекли дорожку под вязами и скрылись за фонтаном.

— Свистать всех наверх! Лопни моя селезенка! Дорогу, салаги! Дорогу Адмиралу! — прогремел знакомый, просоленный морем голос, и Адмирал Бум с супругой важно проплыли мимо ребят на огромном белом шаре. — Держись подветренной стороны! Так держать! Крюйсели и бом-брамсели! — весело крикнул Адмирал, ловко обогнув огромный дуб.

Люди и шары толпились все теснее. В воздухе трудно было найти свободное местечко, но Мэри Поппинс уверенно прокладывала себе дорогу, и ребята изо всех сил старались поспеть за ней.

— О боже! О боже! Мой шар не взлетает! — прозвучал чей-то голос под самым локтем Джейн.

На дорожке стояла старомодно одетая дама — в шляпке с пером и в страусовом боа. У ее ног бессильно лежал лиловый шар, на котором было выведено золотыми буквами: «Премьер-министр».

— Что мне делать? — чуть не плакала она. — Старушка у входа сказала мне: «Выбирай, не спеши, утеночек!» Я выбрала — и мне попался чужой шарик! Я же не премьер-министр!

— Простите, а я как раз — он! — сказал высокий мужчина, очень элегантно одетый и с зонтиком, подходя к ней.

Дама повернулась к нему:

— О, тогда это ваш шарик! А у вас, вероятно, мой!

Премьер-министр показал ей свой шарик. Конечно! На нем была надпись: «Леди Мюриель Брайтон-Джонс».

— Так и есть! Давайте поменяемся! — воскликнула она и, схватив шарик Премьер-министра, отдала ему свой.

Немедленно оба поднялись в воздух и полетели среди деревьев, беседуя на лету.

— Вы женаты? — спросила леди Мюриель как раз в ту минуту, когда они пролетели мимо Джейн с Майклом.

И Премьер-министр ответил:

— Нет! Никак не удастся найти подходящую леди средних лет — не слишком молодую, не слишком старую — и с веселым характером. Сам-то я очень серьезен.

— Может быть, я подойду? — сказала леди Мюриель Брайтон-Джонс. — Я ужасная хохотушка!

— Думаю, вы отлично подойдете! — сказал Премьер-министр, и, рука об руку, они скрылись в веселой воздушной толпе.

А толпа была немалая. Джейн с Майклом, летя вприпрыжку за Мэри Поппинс, то и дело на кого-то натыкались. Ведь у всех были шары, купленные у Старушки, и весь воздух в парке словно кипел.

Вот пронесся высокий мужчина с длинными усами, в синем мундире и в каске. На его шаре была надпись: «Инспектор полиции»; шар, обозначенный «Лорд-мэр», волочил совсем шарообразного толстяка в треуголке, красной длинной мантии и с большой медной цепью на шее...

— Проходите, проходите, пожалуйста! Не толпитесь! Соблюдайте правила! Бросайте мусор в урны!

Сторож на маленьком, вишневого цвета шарике с надписью «Ф. Смит» с трудом протискивался сквозь толпу, не переставая выкрикивать свои обычные приказания.

— Собаки допускаются только на поводке! Не курить! Не толпитесь! Соблюдайте правила! — кричал он до хрипоты.

— Где же Мэри Поппинс? — спросил Майкл, подлетая к Джейн.

— Вон она! Видишь? — Джейн показала вперед, где самый большой из всех шаров плавно нес чинную и прямую Мэри Поппинс.

— Шарик шарiku рознь, мои утяточки! — прокричал сзади старческий голос.

Обернувшись, они увидели Старушку.

Поднос ее был пуст, и у нее не осталось ни одного шара в руках, но, несмотря на это, она летела, словно ее несли сотни невидимых воздушных шаров.

— Все распродала! — проскрипела она, пролетая мимо ребят. — Да, для каждого нашелся шарик! И все выбирали — не спешили! Шарик шарiku рознь! А у меня ни одного не осталось!

Она пронеслась, весело позванивая мелочью, и ребята долго смотрели вслед маленькой, высохшей фигурке, обгонявшей на лету и Лорд-мэра, и Премьер-министра, и многих, многих, — смотрели, пока она не скрылась из виду.

— Шарик шарiku рознь, мои утяточки! — чуть слышно донеслось до них в последний раз.

Калитка Дома Номер Семнадцать была открыта, входная дверь — распахнута настежь. Мэри Поппинс, изящно колыхаясь, прямая как струнка, влетела в прихожую и взмыла над лестницей. Ребята, толкаясь и подпрыгивая, ввалились следом. Подлетев к двери детской, они приземлились с топотом и шумом. Мэри Поппинс плавно снизилась и опустилась на пол беззвучно.

— Ой, какой был расчудесный день! Прелесть и прелесть! — сказала Джейн, бросаясь обнимать Мэри Поппинс.

— Ну, про тебя этого сейчас не скажешь! Причешись, пожалуйста! Не люблю пугал! — сухо сказала Мэри Поппинс.

— Я сейчас сам как воздушный шарик! — весело крикнул Майкл. — Легче перышка и пуха! Вроде феи!

— Вроде трубочиста! — буркнула Мэри Поппинс. — Иди умойся!

Когда они вернулись, умытые и причесанные, все четыре воздушных шарика отдыхали на потолке: желтый шар Майкла, голубой — Джейн, розовый — Близнецов и красный шар Мэри Поппинс. Нитки были аккуратно привязаны к крючку, на котором висела картинка над камином. Шары не шевелились. Легкие и яркие, они, казалось, спали.

— Интересно! — сказал Майкл негромко, словно про себя.

— Что тебе интересно? — спросила Мэри Поппинс, разбирая покупки.

— Интересно, случилось бы все это, если бы вас с нами не было?

Мэри Поппинс хмыкнула.

— А мне интересно, когда ты перестанешь интересоваться тем, что тебя не касается?

Этим Майклу и пришлось удовлетвориться.

Глава шестая

МРАМОРНЫЙ МАЛЬЧИК

— И не забудь купить мне вечернюю газету! — сказала миссис Бэнкс, поцеловав Джейн на прощанье и вручая ей два пенса.

Майкл укоризненно посмотрел на свою маму.

— А больше ты нам ничего не дашь? — спросил он. — А что же будет, если нам встретится мороженщик?

— Ну, так и быть, — сказала миссис Бэнкс нерешительно. — Вот вам еще шесть пенсов. Но, по-моему, дети, мы вас слишком балуем! Когда я была девочкой, я не ела мороженого каждый день!

— Наверно, ты его не заслуживала, мама, — наставительно сказал Майкл.

И он поскорее спрятал монету в карман своей матроски.

— Слушай, на мороженое хватит четырех пенсов, — сказала Джейн. — Купим еще «Развеселые Картинки», ладно?

— С дороги, мисс, будьте любезны! — произнес знакомый голос за ее спиной.

Подтянутая и изящная, вся словно с модной картинки, по лестнице спускалась Мэри Поппинс с Аннабел на руках. Она уложила ее в коляску и двинулась к выходу.

— А ну, живо марш в парк! — скомандовала она. — И не копать!

Джейн с Майклом кубарем полетели по дорожке, Джон с Барби — за ними.

Солнце раскинулось над Вишневым переулком, словно гигантский сияющий зонтик. Дрозды и пеночки пели на деревьях. На углу Адмирал Бум прилежно подстригал свой газон.

Издали доносились звуки веселого марша. В парке играл военный оркестр. По аллеям гуляли цветные зонтики, а под ними семенили дамы и сплетничали обо всем на свете.

Парковый сторож в летней форме — голубой тужурке с красным кантом на рукаве — расхаживал по газонам и зорко наблюдал за всем и за всеми.

— Не нарушать правил! По газонам не ходить! Бросать мусор в урны! — возглашал он.

Мэри Поппинс и ребята прошли мимо него и свернули в Липовую аллею.

— В парке не сорить! — прокричал сторож.

— Не сорите словами! — отбрила она его, высокомерно вздернув голову.

Он снял свою фуражку и стал ею обмахиваться, глядя вслед Мэри Поппинс. И по ее улыбке можно было догадаться, что она знает, что сторож смотрит ей вслед. Как же иначе, думала она про себя: ведь сегодня на ней новый белый жакет с розовым воротничком, и розовым поясом, и четырьмя розовыми пуговками!

— А куда мы сегодня пойдем? — спросил Майкл.

— Там видно будет! — недовольным тоном ответила она.

— Я же только хотел спросить! — возразил Майкл.

— Не хоти! — посоветовала она, угрожающе фыркнув.

— Она мне слова сказать не дает! — потихоньку пожаловался он Джейн. — Я когда-нибудь стану немым, и тогда она пожалеет!

Они молча трусили, стараясь поспеть за ней. Солнце жарило вовсю, а Мэри Поппинс гнала коляску так, словно участвовала в скачках с препятствиями.

— Сюда, пожалуйста! — скомандовала она вскоре, поворачивая коляску вправо.

И ребята поняли, куда они идут. Потому что эта маленькая дорожка вела прямо к пруду.

Там, в стороне от тенистых аллей, сверкала водная гладь. Она радостно искрилась в сетке солнечных лучей, и сердца ребят забились быстрее.

Они помчались к пруду.

— Я сделаю корабль, и мы поплывем в Африку! — крикнул Майкл, забыв о своих огорчениях.

— А я буду рыбу ловить! — откликнулась Джейн, обгоняя его галопом.

Вприпрыжку, смеясь и размахивая шапочками, они подбежали к воде. Вокруг пруда были расставлены запыленные зеленые скамейки, терпеливо ожидавшие тех, кто захочет на них

посидеть. У берегов плавали, крикая, утки, выпрашивая хлебные крошки.

А на том берегу пруда стояла старинная мраморная статуя: Мальчик с Дельфином. На фоне неба и воды она казалась ослепительно белой. Но кончик носа у Мальчика был отбит, и трещинка, как черный шрам, была у него на ноге, на мизинце левой руки не хватало сустава и все пальцы на ногах потрескались.

Он стоял на высоком пьедестале, обнимая за шею Дельфина, склонив к воде голову с мраморными кудрями, и задумчиво глядел вниз большими мраморными глазами.

И на пьедестале выцветшими, когда-то золотыми буквами было написано его имя — *Нелей*.

— Какой он сегодня веселый! — шепнула Джейн, зажмурясь от яркого света.

И именно в эту минуту она заметила Пожилого Джентльмена.

Пожилой Джентльмен сидел у самого подножия статуи, читая книгу с помощью большой лупы. Лысая его голова была повязана от солнца шелковым носовым платком, а рядом с ним на скамейке стоял черный цилиндр.

Дети очарованно загляделись на эту курьезную и чем-то знакомую фигуру.

— Это любимая скамейка Мэри Поппинс! — вдруг вспомнил Майкл. — Вот она разозлится!

— Да? Разве я когда-нибудь злюсь? — прозвучал ее голос у него за спиной.

Майкл ужасно удивился.

— Честное слово, Мэри Поппинс, вы же очень часто сердитесь! — сказал он. — Ну самое меньшее пятьдесят раз в день!

— Никогда! — огрызнулась она. — У меня терпение боа-конструктора! Я просто делаю замечания!

Она отвернулась и уселась на скамейку, стоявшую как раз напротив статуи. Оттуда она сердито воззрилась на Пожилого Джентльмена. Ее взгляд мог кого угодно убить на месте. Но, к счастью для себя, Пожилой Джентльмен ее не видел. Он продолжал сидеть, уткнувшись в книгу.

Мэри Поппинс, гневно фыркнув, достала из коляски сумку с рукодельем и принялась штопать носки.

Ребята рассыпались по берегу.

— Вот будет мой корабль! — крикнул Майкл, выудив из мусорной корзинки обрывок цветной бумаги.

— А я ловлю рыбу! — сказала Джейн, растянувшись на животе, и протянула руку к воде.

Она вообразила, что у нее в руке удочка с длинной леской, крючком и червяком. Вот сейчас рыбка подплывет и клюнет! Тогда она ловко вытащит ее на берег, положит в свою шапочку и отнесет домой. «Вот это да!.. — скажет миссис Брилл. — Как раз

кстати! А я-то ломаю голову — из чего приготовить обед!»

Рядом с ней Близнецы весело шлепали по воде. Майкл вел свой корабль сквозь сильнейший шторм. Мэри Поппинс, прямая как струна, сидела на скамье и качала ногой коляску. Иголлка в ее руках то и дело вспыхивала на солнце.

В парке было тихо, спокойно и дремотно.

Бах!

Это Пожилой Джентльмен захлопнул свою книгу.

— Послушайте! Что же вы! — запротестовал чей-то звонкий голосок. — Дали бы мне дочитать!

Джейн с Майклом удивленно оглянулись.

Они вытаращили глаза. Поморгали.

И опять вытаращили глаза.

Прямо перед ними, на траве, стоял Мраморный Мальчик. Мраморного Дельфина он держал на руках. Пьедестал был совершенно пуст.

Пожилой Джентльмен открыл рот. Потом он закрыл его и снова открыл.

— Э-э-э... вы что-то сказали? — проговорил он наконец. Брови его поднялись чуть ли не до макушки.

— Конечно, сказал, — ответил Мраморный Мальчик. — Я тоже читал, а вы вдруг закрыли книгу. Я же хочу дочитать до конца и узнать, откуда у Слона хобот!

— О, простите, ради бога! — сказал Пожилой Джентльмен. — Мне и в голову не приходила подобная... э-э-э... вещь. Я всегда кончаю читать в четыре часа. Мне нужно успеть домой к чаю.

Он встал, сложил платок и взял свой цилиндр.

— Ну, раз вы кончили читать, — сказал Мраморный Мальчик спокойно, — тогда вы, может быть, одолжите мне вашу книгу?

Пожилой Джентльмен отпрянул и прижал книгу к груди.

— Никак не могу, извините! — сказал он. — Видите ли, я ее только что купил. Когда я был маленьким, я всегда хотел прочесть эту книгу, но взрослые все время читали ее сами. А теперь, когда у меня есть свой экземпляр, я ни за что с ним не расстанусь!

Он с тревогой посматривал на статую, словно опасался, как бы она не вырвала у него книгу из рук.

— Я могу тебе досказать про Любопытного Слоненка! — робко проговорила Джейн.

Мальчик с Дельфином в руках быстро обернулся к ней.

— Правда, Джейн? — удивленно воскликнул он. Мраморное лицо его засветилось от радости.

— А я могу рассказать тебе про Желтую Собаку Динго и про Бабочку, Которая Топнула Ногой! — сказал Майкл.

— Нет! — вдруг сказал Пожилой Джентльмен. — Я, по крайней мере, обут и одет, а бедному ребенку нечем прикрыть свою

наготу! Я отдам ему книжку. Видно,— добавил он, вздохнув,— мне не судьба владеть этой книгой.

Он посмотрел на книгу долгим прощальным взглядом и, сунув ее в руки Мраморному Мальчику, повернулся и хотел идти. Но тут Дельфин забился в руках Мальчика, и Пожилой Джентльмен заметил его. Он снова обернулся.

— Кстати,— сказал он с любопытством,— как вы поймали эту рыбу? На удочку или сетью?

— Это не рыба,— улыбнулся Мальчик.— И я его не поймал — мне его дали, когда я родился!

— А-а, понятно.— Пожилой Джентльмен кивнул, хотя вид у него был озадаченный.— Ну, мне пора. Всего доброго! — Он учтиво приподнял цилиндр и поспешно зашагал по дорожке.

— Спасибо! — крикнул вслед ему Мраморный Мальчик и тут же вцепился в книгу.

На первой странице тонким почерком было написано имя владельца: «Вильям Везеролл Вилкинс».

— Я зачеркну его имя и напишу теперь свое,— объявил Мальчик Джейн и Майклу, весело улыбаясь.

— А как тебя зовут? А разве ты умеешь читать? А...— затараторил Майкл, страшно удивленный.

— Меня зовут Нелей — разве ты не умеешь читать? — рассмеялся мальчик.

— Как ты сошел вниз? — спросила Джейн.— Ведь статуи не умеют ходить!

— Спрыгнул,— объяснил Нелей, снова улыбнувшись и потрянув мраморными кудрями.— Я так огорчился, что мне не удалось дочитать сказку, что ноги сами спрыгнули. Не успел я опомниться — и уже оказался внизу!

Он топнул мраморной ногой по земле.

— Ах, люди, какие вы счастливые, что можете ходить каждый день! Я часто видел вас тут, и мне всегда так хотелось сойти и поиграть с вами! И вот сегодня наконец мы вместе. Я так рад! А вы? Скажите, вы рады?

Он запрыгал вокруг них, что-то напевая от радости. И, прежде чем они нашли слова для ответа, он уже подбежал к берегу пруда и окунул руку в воду.

— Так вот она какая — вода! — крикнул он.— Голубая-голубая — и легкая, как воздух!

Он наклонился над сверкающей гладью пруда, и Дельфин, вильнув хвостом, выскользнул у него из рук в воду.

— Лови его! Он утонет! — испуганно крикнул Майкл.

Но Дельфин и не думал тонуть.

Он мигом проплыл вокруг всего пруда, шлепая хвостом по воде, потом нырнул и поймал сам себя за хвост; подпрыгнул в воздухе и снова нырнул.

Это было прямо как в цирке!

А когда он, весь мокрый, выпрыгнул из воды прямо в руки своему хозяину, ребята, не удержавшись, зааплодировали.

— Хорошо было? — с завистью спросил Нелей.

Дельфин ухмыльнулся и кивнул головой.

— Хорошо?! — прозвучал сзади знакомый голос. — Я бы сказала — возмутительно!

На берегу пруда стояла Мэри Поппинс, и глаза ее блистали стальным блеском.

Нелей, вскрикнув, вскочил на ноги и, потупившись, подошел к ней. Маленький, робкий и несчастный, он стоял перед ней в ожидании приговора.

— Кто разрешил тебе сойти вниз, позволь спросить?

На лице ее было обычное свирепое выражение.

Нелей совсем повесил голову.

— Никто, — пробормотал он. — Мои ноги сами спрыгнули, Мэри Поппинс.

— Тогда пусть-ка они лучше немедленно вспрыгнут обратно. Марш! Ты не имеешь права сходить с пьедестала!

Мраморный Мальчик откинул назад голову, и солнце заиграло на его маленьком щербатом носу.

— Мэри Поппинс, позвольте мне немножко побыть внизу! — взмолился он. — Совсем немножко! Мне так хочется поиграть с Джейн и с Майклом! Вы не знаете, как мне тоскливо стоять одному и ни с кем, ни с кем не разговаривать! Ну пожалуйста, Мэри Поппинс, позвольте! — шепнул он, умоляюще сложив руки.

Она на мгновение задумалась. Потом подняла взгляд, и глаза ее подобрели. Легкая улыбка тронула уголки ее рта, и на щеках появились ямочки.

— Ну, сегодня так и быть! — сказала она. — Но только один раз, Нелей! Первый и последний!

— Последний раз, честное слово! — Он лукаво улыбнулся ей.

— А откуда ты знаешь Мэри Поппинс? — спросил Майкл. — Где ты с ней познакомился?

— Я ее давно знаю, — засмеялся Нелей. — Она старая приятельница моего отца.

— А кто же твой отец? Где он живет? — Джейн чуть не лопалась от любопытства.

— Он далеко отсюда. На островах Греции. Его называют Владыкой моря.

Мраморные глаза Нелея подернулись тенью печали.

— А что он делает? — не отставал Майкл. — Ходит он в Сити, как мой папа?

— О нет! Он никуда не ходит. Он стоит на скале у моря,

держа свой трезубец, и трубит в рог. А рядом с ним сидит моя мать и расчесывает волосы. А у их ног Пелий, мой младший брат, играет с мраморной раковиной. И весь день чайки летают над ними, бросая крылатые тени на их мраморные тела, и рассказывают им, что́ нового в гавани. Корабли входят в бухту или выходят в открытое море, и они любуются их цветными парусами. А по ночам они слушают, как волны бьются о берег.

— Как хорошо! — воскликнула Джейн. — Но почему же ты с ними расстался?

Про себя она подумала, что никогда бы не оставила мистера Бэнкса и миссис Бэнкс одних на скалах Греции.

— Я не хотел этого, — сказал Мраморный Мальчик. — Но что мы, статуи, можем поделаться с людьми? Они всегда приезжали глазеть на нас и охали и ахали, и однажды кто-то сказал: «Я его беру!» — и показал на меня. И вот мне пришлось уехать...

На мгновение он спрятал лицо за плавник Дельфина.

— А что было дальше? — допытывалась Джейн. — И как ты попал в наш парк?

— В ящике, — спокойно сказал Нелей и засмеялся при виде удивления ребят. — Мы всегда так путешествуем. На наше семейство большой спрос. Мы нужны и в парках, и в музеях, и в садах. И вот нас покупают и отправляют в посылках. И никому не приходит в голову, что нам иногда может быть... тоскливо.

Он слегка запнулся перед последним словом.

— Но хватит думать об этом! — воскликнул он, потрянув головой. — Вы сейчас здесь, и все хорошо! У меня такое чувство, как будто мы с вами родственники. Я ведь все про вас знаю! И про Змея, и про Королевское Фарфоровое Блюдо, и про Робертсона Эй, и что́ у вас бывает на обед. Разве вы не замечали, что я слушаю все-все ваши разговоры? И читаю сказки у вас через плечо?

Джейн и Майкл отрицательно покачали головой.

— А я знаю «Алису в Стране Чудес» наизусть! — продолжал он. — И почти всего «Робинзона Крузо». И «Все, что должна знать истинная леди» — это любимая книга Мэри Поппинс. Но больше всего, по правде говоря, я люблю «Развеселые Картинки». Кстати, что случилось с Тигренком Тимом на этой неделе? Удалось ему спастись от дяди Мопси?

— Как раз сегодня будет новый номер, — сказала Джейн. — Мы прочитаем его все вместе!

— Ах, какой я сегодня счастливый! — воскликнул Нелей. — И Любопытный Слононок, и «Развеселые Картинки», и ноги у меня словно крылья! Я не знаю, когда у меня день рождения, но, наверно, он сегодня!

Прижав к груди Дельфина и книгу, он пустился в пляс.

— Эй! Дзинь-динь-динь! Надо смотреть, куда идешь! — крикнул мороженщик, кативший свою тележку по берегу пруда.

Транспарант на ней гласил:

СКАЖИ СТОП — И ВОЗЬМИ ПОРЦИЮ!

КАКАЯ ЧУДНАЯ ПОГОДА!

— Стоп! Стоп! Стоп! Стоп! — во весь голос закричали ребята, бросившись к тележке.

— Шоколадное! — сказал Майкл.

— Лимонное! — сказала Джейн.

А толстенькие Близнецы протянули ручки и радостно взяли то, что им дали.

— Ну, а тебе что? — спросил мороженщик, когда Нелей робко остановился возле него.

— Я не знаю, какое взять, — сказал Нелей. — Я никогда его не пробовал.

— Че-е-го? Не ел мороженого? Такой большой мальчик должен все знать про мороженое! Ну-ка!

Мороженщик пошарил в своей тележке и вытащил большую пачку малинового пломбира.

— А ну-ка, попробуй, — сказал он. — Посмотрим, как это тебе понравится!

Нелей разломил пачку пополам. Половину он сунул в рот Дельфину, а другую лизнул сам.

— Прелесть! — сказал он. — Гораздо вкуснее водорослей.

— Водорослей? Еще бы! При чем тут водоросли? Да, кстати о водорослях, — продолжал мороженщик. — Ты бы оделся. Ты простудишься насмерть, если будешь расхаживать нагишом, извини за откровенность!.. Динь-динь! — И он покатил прочь, насвистывая и звоня в колокольчик.

Нелей покосился на ребят, и все трое разразились хохотом.

— О господи! — задыхался от смеха Нелей. — Он меня принял за человека! Может быть, догнать его, объяснить, в чем дело? Ведь я две тысячи лет так хожу и ни разу даже насморка не схватил!

Он было собирался побежать за мороженщиком, как вдруг Майкл закричал:

— Эй, берегись! Варфоломей идет!

И проглотил остаток своего мороженого.

Наш старый знакомый Варфоломей, который ныне жил у мисс Ларк, имел скверную привычку прыгать на ребят и вырывать у них из рук все съедобное. Да, он по-прежнему оставался большим нахалом. Недаром он был наполовину эрдедем, наполовину легавой, причем, как вы помните, обе половины были не лучшие...

Он приближался ленивой трусцой, оскалась и высунув язык, — воплощение собачьей вульгарности. Эдуард — образец хороших манер — изящно ссменил за ним. А следом поспешала запыхавшаяся мисс Ларк.

— Вышли на минутку пройтись перед чаем,— протянула она.— Такой дивный день, и собаки настаивали... Боже милостивый, что я вижу?

Она запнулась и, тяжело дыша, уставилась на Нелея. Лицо ее, и без того красное, стало еще краснее, и на нем выразилось негодование.

— Ах ты скверный, злой мальчишка! — закричала она.— Зачем ты мучаешь эту бедную рыбку? Ты разве не знаешь, что она погибнет без воды?

Нелей приподнял мраморную бровь. Дельфин прикрыл морду хвостом, чтобы скрыть мраморную улыбку.

— Видишь! — сказала мисс Ларк.— Она бьется в агонии! Сию же минуту пусти ее в воду!

— Не могу,— возразил Нелей.— Я боюсь, без меня он будет тосковать!

Он говорил вежливо. Но Дельфин и не думал о вежливости: он бил хвостом, вертелся и ухмылялся во весь рот.

— Не болтай глупостей! Рыбы никогда не тоскуют! И не смей со мной спорить!

Мисс Ларк погрозила всей компании.

— По-моему, мисс Поппинс,— сказала она,— вам нужно быть с детьми строже! Заставьте этого скверного мальчишку выпустить рыбу туда, где он ее поймал!

Мэри Поппинс удостоила мисс Ларк взгляда.

— Боюсь, это невозможно, мэм. Это слишком далеко.

— Далеко или близко — безразлично! Нельзя мучить беззащитных животных! Эдик, Варфоломей, ко мне! Я немедленно пойду и расскажу все Лорд-мэру!

И она помчалась. Собаки — за ней. Варфоломей, пробегая мимо, насмешливо подмигнул Дельфину.

— И скажите ему, чтобы он оделся! Он получит ожоги от солнца, разгуливая в таком виде! — пропищала мисс Ларк на бегу.

Нелей покатился со смеху.

— Ожоги! — простонал он.— Мэри Поппинс, неужели никто не догадывается, что я мраморный?

— Гхм! — хмыкнула Мэри Поппинс.

Нелей озорно улыбнулся.

— Так говорят морские львы,— сказал он.— Они сидят на скалах и говорят: «Гхм», глядя на закат.

— Ну да! — угрожающе сказала Мэри Поппинс, и ребята задрожали, ожидая чего-нибудь ужасного.

Но ничего не случилось. Мэри Поппинс ответила Нелею такой же озорной усмешкой. Синие глаза и мраморные ласково улыбнулись друг другу.

— Нелей,— спокойно сказала она,— у тебя есть еще десять

минут. Ты успеешь дойти с нами до газетного киоска и вернуться.

— А потом? — спросил он, крепко обняв Дельфина.

Она не ответила. Она только кивком показала на пьедестал на той стороне пруда...

— Ну, Мэри Поппинс, ну пусть он побудет с нами подольше! — захныкали было ребята, но Мэри Поппинс взглядом заставила их замолчать.

— Тогда не будем терять времени! — крикнул Нелей. Он вскочил на ноги. — Побежали!

И, взявшись за руки, они с Джейн помчались по залитой солнцем дорожке.

В конце Липовой аллеи стоял весело раскрашенный киоск. Вывеска на нем гласила:

М и с т е р Ф о л л и.

Книги, газеты и журналы.

Вы их ищете — они тут!

Весь киоск был увешан гирляндами разноцветных журналов, и, когда ребята подбежали, сам мистер Фолли высунул голову в отверстие одной из гирлянд. У него было круглое спокойное, добродушное лицо.

— А вот и Джейн Бэнкс с приятелем! — приветливо сказал он. — Кажется, я догадываюсь, зачем вы пришли.

— «Вечерние Новости» и «Развеселые Картинки», — выпалила запыхавшаяся Джейн, подавая деньги.

Нелей схватил пестрый, яркий журнал и быстро перелистал его.

— Ну как, Тигренок Тим спасся? — крикнул подбежавший Майкл.

— Ура, спасся! — крикнул Нелей в ответ. — Слушайте! «Тигренок Тим ускользнул от коварного дяди Мопси! Новые приключения — в следующем номере!»

— Ура-а! — закричал Майкл, стараясь рассмотреть картинки через голову Дельфина.

Мистер Фолли с не меньшим интересом рассматривал Нелея.

— Какой у тебя симпатичный китенок! — сказал он. — Смотрит прямо как человек. Где ты его поймал, сынок?

— Мне его подарили, — ответил Нелей, оторвавшись от журнала.

— Подумать только! Да, это замечательный подарок! А откуда ты сам? Где твоя мама?

— Очень далеко отсюда, — грустно сказал Нелей.

— Подумать только! — Мистер Фолли покачал головой. — И папы тоже нет?

Нелей кивнул и улыбнулся.

— Что ты говоришь! Да, худо тебе, бедняжке! — Мистер Фолли рассматривал мраморного мальчика с состраданием. — Да и холодно, наверно: ты совсем раздет!

Мистер Фолли пошарил в кармане, и там что-то забренчало.

— Держи! — Он протянул руку Нелею. — Купишь себе что-нибудь. Нельзя же ходить раздетым! Воспаление легких, понимаешь, грипп и всякая такая штука.

Нелей с интересом рассматривал серебряную монету на ладони мистера Фолли.

— Что это такое? — спросил он.

— Это полкроны, — ответил мистер Фолли. — Ты что, никогда не видал?

— Никогда, — улыбнулся Нелей.

Дельфин тоже с любопытством посмотрел на монетку.

— Ну и ну! Ах ты бедняга! Никогда не видел полкроны и совсем раздет! Надо бы кому-нибудь о тебе позаботиться!

Мистер Фолли с укором посмотрел на Мэри Поппинс.

Она ответила ему возмущенным взглядом.

— Благодарю вас, о нем есть кому позаботиться! — сказала она.

С этими словами она расстегнула свой новый белый жакет и накинула его на плечи Нелея.

— Вот так! — сказала она. — Теперь тебе будет теплее.

Нелей смотрел то на жакет, то на Мэри Поппинс, и его мраморные глаза расширились.

— Это мне? Насовсем? — спросил он. — Ах ты мой дорогой Морской Лев! Спасибо! — закричал он, обнимая Мэри Поппинс. — Джейн, погляди на мою новую белую курточку! Погляди на пуговицы, Майкл!

Он в восторге подбегал то к одному, то к другому, демонстрируя свой новый наряд.

— Вот это правильно, — сказал мистер Фолли, просяв. — Береженого бог бережет! А за полкроны ты купишь себе отличные штанишки.

— В другой раз, — перебила Мэри Поппинс. — Мы опаздываем. Ну-ка, возьмите ноги в руки! Левой-правой! И очень прошу не копать!

И она скорым шагом двинулась по аллее.

Солнце быстро склонялось к западу. Оркестра уже не было слышно. Цветные зонтики разошлись по домам. Даже Сторож куда-то пропал. Деревья молчали, и длинные тени лежали на песке...

Джейн с Майклом, взяв Нелея под руки, тоже молчали. Они чувствовали, что их приключение, как и этот летний день, идет к концу, и им было и радостно, и грустно...

— Нелей, я тебя люблю! — шепнула Джейн. — Я хотела бы, чтобы ты всегда-всегда был с нами!

— Я тебя тоже люблю, — ответил он, улыбаясь. — Но мне нужно вернуться. Я обещал.

— А ты не можешь оставить нам Дельфина? — спросил Майкл, поглаживая мраморный плавник.

Джейн сердито взглянула на него:

— Как тебе не стыдно! А ты бы согласился стоять всю жизнь там, на пьедестале, совсем один?

— Да! Если бы у меня был Дельфин и я мог называть Мэри Поппинс Морским Львом — пожалуйста!

— Вот что, Майкл, — перебил его Нелей. — Дельфина я не могу отдать — это часть меня самого. А полкроны — могу. — Он втиснул монетку в ладонку Майкла. — А книгу — тебе, Джейн. Только обещай и дай честное слово, что ты дашь мне ее прочитать! И будешь каждую неделю приходить и читать мне новые «Развеселые Картинки»!

— Честное слово! — сказала Джейн с жаром.

— Я буду ждать тебя, — нежно сказал Нелей. — Я никогда, никогда тебя не забуду!

— Пошевеливайтесь и не болтайте! — прошипела Мэри Поппинс, поворачивая к пруду.

Коляска катилась, скрипя на ходу. Но вдруг чей-то громкий и знакомый голос заглушил скрип ее колес.

— Да не трогал я его! — оправдывался знакомый голос. — И не трону ни за какие деньги!

На берегу пруда перед опустевшим пьедесталом стояли сам Лорд-мэр и два Советника. Они строго смотрели на Сторожа. А он размахивал руками, кричал и вообще вел себя очень странно.

— Я тут вовсе ни при чем, ваша честь! — вопил он. — Я человек ни в чем не повинный!

— Вздор, Смит! — строго сказал Лорд-мэр. — За статуи в парке отвечаете вы. Никто, кроме вас, не мог этого сделать!

— Лучше признайтесь! — посоветовал Первый Советник.

— Это, конечно, вас не спасет, — добавил Второй, — но у вас будет намного легче на душе.

— Да я же его не трогал, говорю я вам! — Сторож в отчаянии ломал руки.

— Бесполезные увертки, Смит! — Лорд-мэр раздраженно покачал головой. — Вы даром отнимаете у меня время! Сначала я должен искать голого мальчика, который мучает какую-то несчастную рыбу — треску или лосося, что там говорила мисс Ларк? Мало того: оказывается, самая ценная статуя в нашем парке исчезла с пьедестала! Я удивлен и недоволен! Я вам доверял, Смит! И видите, как вы отплатили за мое доверие!

— Я вижу! То есть ничего я не вижу! О боже, я сам не знаю, что говорю, ваша милость! Одно скажу — никогда я этого статуя не трогал!

Сторож дико озирался по сторонам в поисках помощи, и тут его взгляд упал на Мэри Поппинс.

— Ваша честь, вот кто во всем виноват! — завопил он наполовину испуганно, наполовину радостно и показал на нее рукой. — Это все она, провалиться мне на этом месте!

Лорд-мэр взглянул на Мэри Поппинс и опять на Сторожа.

— Смит, мне стыдно за вас! — сказал он, печально покачав головой. — Сваливать вину на порядочную, ни в чем не повинную молодую женщину, которая вывела своих питомцев на прогулку! Как вам не совестно?

Он учтиво поклонился Мэри Поппинс, которая ответила ему поклоном и светской улыбкой.

— Ни в чем не повинная! Это она-то? — вопил Сторож. — Ваша милость, вы сами не знаете, что говорите! Стоит ей прийти в парк, все идет кувырком! Люди сваливаются с неба, Премьер-министр летает на воздушном шаре! Форменный сумасшедший дом! И все это ваших рук дело! — Сторож яростно погрозил Мэри Поппинс кулаком.

— Бедняга! Бедняга! Он свихнулся! — грустно сказал Первый Советник.

— Пожалуй, не мешает послать за наручниками! — испуганно посоветовал Второй.

— Делайте со мной что хотите, повесьте меня, пожалуйста, но я тут ни при чем!

Несчастный Сторож прислонился к пьедесталу и горько заплакал.

Мэри Поппинс отвернулась и поманила Нелея. Он подбежал и прижался головой к ее груди.

— Пора? — спросил он шепотом.

Она кивнула. Потом, наклонившись, она обняла его и поцеловала в лоб. На минуту он замер в ее объятиях, потом вырвался, всхлипнув.

— Джейн, Майкл, прощайте! Не забывайте меня!

Он поочередно прижался к их щекам своей холодной щекой. И, прежде чем дети успели выговорить хоть слово, скрылся в тени деревьев.

— Всю жизнь мне не везло! — всхлипывал Сторож. — С тех самых пор, как я был мальчиком!

— Это еще пустяки по сравнению с тем, что будет, если вы не вернете статую на место! — Лорд-мэр сердито поглядел на него.

Но Джейн и Майкл не видели ни Сторожа, ни Лорд-мэра. Их внимание было приковано к кудрявой голове, вынырнув-

шей из-за пьедестала. Нелей с Дельфином на руках легко вскочил на пьедестал и выпрямился. Он поднял маленькую мраморную руку и полушутливо-полупечально помахал ребятам на прощание.

Они помахали ему в ответ, и им показалось, что он дрожит... Но, может быть, причиной тому были слезы, навернувшиеся им на глаза? А Нелей крепче обнял Дельфина, провел по кудрям рукой, наклонил голову — и застыл неподвижно. Даже белорозовый жакет Мэри Поппинс, казалось, обратился в неподвижный мрамор...

— Не могу я его вернуть, раз я его не брал! — продолжал всхлипывать Сторож.

— Послушайте, Смит, — начал было Лорд-мэр. И тут он ахнул и так и подскочил на месте. — Силы небесные! — воскликнул он. — Статуя-то вернулась! И она какая-то не такая!

Всмотревшись, он разразился довольным смехом, замахал своей треугольной шляпой и похлопал Сторожа по спине.

— Ах мошенник! Так вот в чем был ваш секрет, Смит! Что же вы сразу не сказали, дорогой мой? Это же блестящая мысль! Ну уж теперь-то хватит прикидываться! — добавил он, видя, что Сторож, онемев от изумления, безумным взглядом уставился на Нелея.

— Джентльмены! — продолжал Лорд-мэр, обращаясь к Советникам. — Мы были несправедливы к бедному Смигу. А он доказал, что он не только образцовый служащий города, но и художник! Вы видите, что он сделал? Он снабдил статую мраморной курточкой с розовой отделкой! Похвально, Смит! Весьма похвально! Я никогда не одобрял обнаженных статуй!

— Я тоже, — покачал головой Первый Советник.

— И я! — сказал Второй.

— Дорогой мой Смит, не бойтесь, вы будете вознаграждены! С сегодняшнего дня ваше жалованье повышается, и вы получите новую нашивку. Кроме того, я расскажу о ваших заслугах сего величеству при очередном докладе.

И Лорд-мэр, еще раз церемонно поклонившись Мэри Поппинс, величественно отбыл в сопровождении обоих Советников.

Сторож долго глядел им вслед с таким видом, словно он не понимает, на каком свете находится. Потом он повернулся к статуе и уставился на нее. Мраморный Мальчик и его Мраморный Дельфин задумчиво смотрели в пруд. Если они что-нибудь и слышали, они не подали виду. Они были неподвижны, спокойны и безмолвны, как всегда.

— А ну-ка, марш-марш домой! — поманила Мэри Поппинс ребят.

И они без звука последовали за ней. Монета жгла руку Майкла. И холодна, как мрамор, была книга под мышкой у Джейн.

Они шли молча, погруженные в свои мысли, как вдруг сзади послышались чьи-то тяжелые шаги. Обернувшись, они увидели, что их бегом догоняет Сторож. Он нес на палке свою тужурку, размахивая ею, как флагом.

Подбежав к коляске, он протянул тужурку Мэри Поппинс.

— Держите! — сказал он, едва отдышавшись. — Ведь свой жакет вы ему отдали. Я узнал — по пуговицам. Наденьте хоть это, а то холодает, замерзнете.

Мэри Поппинс спокойно надела тужурку. С блестящих медных пуговиц ей удовлетворенно улыбнулось ее собственное отражение.

— Спасибо! — чопорно сказала она Сторожу.

Он стоял перед ней и тряс головой, как удивленный пес.

— Вам-то, наверно, тут все понятно? — сказал он недоумевающе.

— Может быть, мне и понятно, — гордо ответила Мэри Поппинс.

И, ничего больше не прибавив, она покатила коляску по аллее.

Сторож долго-долго стоял и смотрел ей вслед — смотрел, пока она не скрылась за воротами парка...

Глава седьмая

КАРУСЕЛЬ

Утро было тихое.

Такое тихое, что не один человек, проходя по Вишневому переулку, заглядывал за ограду Дома Номер Семнадцать, удивленно восклицая:

— Совершенно небывалая вещь! Ни звука!

Даже сам Дом, который обычно ни на что не обращал внимания, начал беспокоиться.

«Вот так так! Что же это? — говорил он про себя, вслушиваясь в тишину. — Надеюсь, ничего страшного не случилось?»

В кухне миссис Брилл клевала носом над газетой. Очки у нее сползли на самый кончик носа.

Миссис Бэнкс и Элин наводили порядок в комоды и считали белье.

Наверху, в детской, Мэри Поппинс не спеша убирала со стола.

— Мне так хорошо! Я сегодня такая добрая-добрая! — сонно сказала Джейн, растянувшись на залитом солнцем ковре.

— Гхм! — фыркнула Мэри Поппинс. — Чудеса!

Майкл достал последнюю шоколадную конфету из коробки,

которую тетя Флосси подарила ему на той неделе, когда ему исполнилось шесть лет.

«Может, угостить Джейн? — размышлял он. — Или Близицецов? Или Мэри Поппинс? Как бы не так — ведь это был мой день рождения!»

— Остатки сладки, — сказал он быстро и сунул конфету в рот. — И очень жалко, что больше нет! — громко добавил он с искренним огорчением.

— Все хорошее когда-нибудь кончается, — наставительно сказала Мэри Поппинс.

Майкл поглядел на нее, наклонив голову набок.

— Кроме вас! — сказал он, расхрабрившись. — А ведь вы очень хорошая!

Довольная улыбка появилась на лице Мэри Поппинс.

Но только на одно мгновение.

— Там видно будет, — возразила она. — Ничего вечного нет!

Джейн встревоженно обернулась.

Если нет ничего вечного, то, значит, и Мэри Поппинс...

— Ничего? — испуганно спросила она.

— Абсолютно ничего! — отрезала Мэри Поппинс.

И, словно угадав, что на уме у Джейн, она подошла к каминной полке и сняла оттуда свой большой градусник.

Затем она достала из-под раскладушки кофровую сумку и уложила в нее градусник.

Джейн поднялась:

— Мэри Поппинс! Зачем вы это сделали?

Мэри Поппинс поглядела на нее со странным выражением.

— Затем! — с достоинством сказала она. — Затем, что меня учили всегда быть аккуратной!

И она засунула кофровую сумку назад под кровать.

Джейн вздохнула. На душе у нее стало тяжело и беспокойно.

— Мне что-то очень не по себе, — шепнула она Майклу.

— Ты, наверно, объелась пудинга за завтраком, — предположил он.

— Да я совсем не о том, — начала она было объяснять и осеклась, потому что в дверь постучали.

Тук! Тук!

— Войдите! — сказала Мэри Поппинс.

В дверях показался Робертсон Эй. Он зевал.

— Знаете что? — сказал он сонно.

— Нет, а что?

— В парке — карусель!

— Для меня это не новость! — фыркнула Мэри Поппинс.

— Ярмарка? — закричал Майкл восторженно. — Качели, летающие лодки и всякие аттракционы?

— Нет, — важно покачал головой Робертсон Эй. — Карусель, и все. Появилась вчера вечером. Я думал, вам интересно узнать.

Он лениво повернулся и поплелся назад.

Джейн вскочила на ноги, позабыв о своих опасениях.

— Ой, Мэри Поппинс, можно, мы пойдем?

— Скажите «да», скажите «да»! — выплясывал вокруг нее Майкл.

Мэри Поппинс обернулась, с трудом удерживая в равновесии полный поднос посуды.

— Я пойду, — сказала она сухо. — У меня есть деньги на билет. А как вы — не знаю.

— У меня в копилке есть шесть пенсов! — радостно сказала Джейн.

— Джейн, одолжи мне два пенса! — умильно попросил Майкл. Он накануне истратил все свои сбережения на палочку лакрицы.

— Пожалуйста, никаких «одолжи» и «дай займы» в этой детской! — строго сказала Мэри Поппинс. — Я возьму вам билеты на один раз. И будет с вас! Собирайтесь!

И она вылетела из комнаты, балансируя подносом.

Немедленно тишина сменилась хлопаньем дверей, радостными воплями и топотом ребячьих ног.

«Наконец-то! Слава тебе господи! — сказал Дом про себя. — А я уж было начал волноваться!»

Ребята — все четверо — с шумом и писком скатились вниз по лестнице.

Мэри Поппинс на минутку задержалась в прихожей, чтобы оглядеть себя в зеркале.

— Пойдемте, Мэри Поппинс, пойдемте! — нетерпеливо крикнул Майкл. — У вас вполне приличный вид!

Она обернулась, сердито, возмущенно и удивленно — все сразу.

Приличный вид! Ничего себе! Приличный — это в новом синем жакете с серебряными пуговицами! С золотым медальоном на шее! С зонтиком, у которого ручка в виде головы попугая! Приличный вид!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Чего от тебя ждать! И на том спасибо! — сухо сказала она. Никакой благодарности она, разумеется, не испытывала.

Но Майкл был так возбужден, что ничего не заметил.

— Пошли, Джейн! — кричал он, приплясывая на месте. — А то я престо умру! Пошли скорей!

И не успела Мэри Поппинс засунуть Близицево в коляску, они с Джейн были уже за воротами. Ведь их ждала карусель!

Издали донеслись до ребят звуки музыки. Словно где-то там, в парке, вертелся и жужжал огромный волчок...

— Добрый день! Ну, как мы себя чувствуем?

По переулку навстречу им неслась за своими собаками мисс Ларк. И, прежде чем ребята успели ей ответить, она продолжала своим пискливым голосом:

— Наверно, вы идете кататься на карусели! Эдуард, Варфоломей и я только что оттуда! Прекрасное развлечение! Там так приятно и красиво! И такой любезный персонал!

Собаки потащили ее вперед.

— Всего доброго! Всего доброго! — прошебетала она, скрываясь за углом.

— Свистать всех наверх! Так держать, соколики!

Из ворот парка прозвучал знакомый голос, и тут же появился и сам Адмирал Бум. Он был очень красен и шел, приплясывая.

— Йо-хо-хо! И бутылка рома! Адмирал катался на карусели! Стаксель и бом-брамсель! Отлично! Не хуже дальнего плавания! — прокричал он, здороваясь с ребятами.

— Мы тоже поедem! — радостно крикнул Майкл.

— Как! И вы? — Адмирал, казалось, очень удивился.

— Да, конечно, — с гордостью сказала Джейн.

— Но, конечно, ненадолго? — Адмирал взглянул на Мэри Поппинс.

— Прокатятся разок, сэр, — чопорно сказала Мэри Поппинс.

— А-а! Ну, это другое дело. Всего хорошего! — сказал он, и его зычный голос прозвучал почти нежно.

И тут, к изумлению ребят, он стал «смирно» и, подняв руку к козырьку, отдал по всем правилам честь Мэри Поппинс.

— Якорь поднять! — прогремел он. — Ставь паруса! И прощай, любимая, прощай!

С этими загадочными словами он помахал рукой и зигзагами двинулся вперед, распевая во все горло:

— «Каждая красotka любит моряка!»

— Почему он сказал «прощай» и назвал вас любимой? — поинтересовался Майкл, глядя вслед Адмиралу.

— Потому что относится ко мне с Должным Уважением! — отпарировала Мэри Поппинс. Но глаза ее смотрели мечтательно.

И опять Джейн стало не по себе, и сердце ее сжалось.

«Да что же может случиться!» — успокаивала она себя. Она положила руку на руку Мэри Поппинс, катившей коляску. И ей стало легче от прикосновения к этой теплой и надежной руке.

«Я просто глупышка, — подумала Джейн. — Все будет хорошо!»

И она весело затрусила рядом с коляской.

— Минутку! Минутку! — закричал сзади женский голос.

— Глядите-ка! — сказал Майкл, обернувшись. — Это мисс Персиммон!

— Ничего подобного, — сказала мисс Персиммон. — Это миссис Паррик!

Покраснев, она повернулась к мистеру Паррику. Он улыбался чуть-чуть растерянno.

— Разве сегодня пятница? — спросила Джейн.

Но, поскольку мистер Паррик стоял, а не летал, очевидно, была не пятница или, во всяком случае, не день его рождения.

— Нет, нет, — успокоил ее мистер Паррик. — Мы... м-м-м... просто пришли пожелать... ах, Мэри, добрый день!

— Добрый день, дядя Альберт.

— Так ты собираешься сегодня кататься на карусели? — спросил он.

— Да. И не только я. Мы все.

— Все? — Брови мистера Паррика подскочили до самых волос. Он казался очень изумленным.

— А что такого — ребята один разок прокатятся, — сказала Мэри Поппинс. — Спокойней, пожалуйста! — прикрикнула она на Близнецов, которые подпрыгивали в коляске от волнения. — Вы не дрессированные мыши!

— Ах, понятно. А потом сойдут? Ну, всего лучшего, Мэри, и *bon voyage*!

Мистер Паррик церемонно приподнял шляпу.

— Всего хорошего, и... и спасибо, что пришли! — сказала Мэри Поппинс, изящно кланяясь мистеру и миссис Паррик.

— А что значит *bon voyage*? — спросил Майкл, оглядываясь через плечо на удаляющиеся фигуры круглого, толстенького мистера Паррика и прямой и тощей миссис Паррик.

— Приятной поездки. И у тебя как раз ее не будет, если ты не пойдешь как следует! — осадил его Мэри Поппинс. Он ускорил шаг.

Музыка звучала все громче, раскаты труб и барабанов гремели в воздухе, властно притягивая всех.

— Какой чудной день! — сказала Джейн, хмурясь.

Мэри Поппинс воинственно посмотрела на нее:

— А что в нем чудного, с вашего разрешения?

— Ну, все говорят «всего хорошего». И так странно на вас смотрят...

— Мало ли кто что скажет! — фыркнула Мэри Поппинс. — Смотрят — и пусть смотрят!

Джейн только вздохнула. Но так как она сама хорошенько не знала, отчего вздыхает, она вдруг сорвалась и побежала, опередив Майкла, и Мэри Поппинс, и коляску — туда, где гремела музыка.

— Обожди меня! Обожди! — закричал Майкл и бросился вдогонку.

И вслед за ними с грохотом понеслась коляска.

На окруженной липами лужайке стояла карусель.

Это была новехонькая карусель, она вся сверкала и сияла, лошадки так и гарцевали, и медные стойки ослепительно блестели. Цветистый флаг развевался на ее верхушке, и вся она была пышно разукрашена золотыми завитушками, серебряными листьями и разноцветными птицами.

Да, мисс Ларк недаром так восторгалась!

Когда они подошли, карусель замедлила ход и остановилась. Парковый Сторож — хотя он, казалось, был тут вовсе ни при чем — придержал ее за поручень.

— Заходите, заходите! Всего один пенни! — приветливо и важно проговорил он.

— Я знаю, какая лошадка мне нравится! — сказал Майкл и подскочил к лошадке, раскрашенной в красный с голубым цвета. На ее золотой шлейке было написано: «Веселые Ножки». Он вскарабкался на нее и ухватился за столбик.

— Не сорить! Соблюдать правила! — затараторил Сторож, когда Джейн пробежала мимо него.

— А моя — Вихрь! — крикнула она, вскакивая на спину лихого белого коня в красной сбруе.

Мэри Поппинс вытащила Близнецов из коляски и посадила Барби впереди Майкла, а Джона — сзади Джейн.

— Какие билеты прикажете — за пенни, за два, за три, за четыре или за пять? — спросил Карусельщик.

— За шесть! — ответила Мэри и протянула ему четыре шестипенсовые монеты.

Ребята обомлели. Они еще никогда в жизни не катались на карусели на целых шесть пенсов!

— А вы разве не поедете? — крикнул Майкл.

— Держитесь крепче, пожалуйста! Держитесь! — буркнула Мэри Поппинс. — Поеду в следующий раз!

Раздался гудок, музыка заиграла снова, и медленно-медленно лошади тронулись.

— Держитесь! — строго повторила Мэри Поппинс.

Они держались.

Деревья двинулись вокруг них. Медные стойки заскользили вверх — вниз, вверх — вниз. Заходящее солнце брызнуло на карусель ослепительными лучами.

— Крепче! — вновь донесся до ребят голос Мэри Поппинс.

А деревья неслись и кружились все быстрее и быстрее. Карусель разгонялась.

Майкл крепче обхватил Барби. Джейн, закинув руку назад, придерживала Джона.

Быстрее, быстрее!

Ветер бил в лицо, раздувал, отбрасывал назад волосы.

И вот уже весь парк закружился, завертелся вокруг ребят, как гигантский волчок.

Казалось, не будет конца кружению. Казалось, время остановилось.

Солнце село, спустились сумерки. А они все неслись и неслись. Они уже не знали, где небо, где земля, где деревья. Весь мир обратился в бешено несущийся круг, и вертелся, словно гигантский жужжащий волчок, вокруг четверки ребят на раскрашенных лошадках.

И странно — в глубине души Джейн и Майкл словно чувствовали, что это никогда не повторится. Никогда не бывать такому волшебному катанию, такой волшебной карусели. Никогда... Никогда...

Но вот бег замедлился. Уже можно было различить стволы деревьев, землю, небо. Вот парк перестал кружиться. Все тише, все тише двигались кони. И наконец карусель остановилась.

— Заходите, заходите! Всего три пенса! — кричал где-то Сторож.

Одеревенев от долгого катания, ребята с трудом слезли с лошадей. Но глаза у них сияли и голоса дрожали от восторга.

— Здорово, здорово, здорово! — повторял Майкл, восторженно глядя на Мэри Поппинс.

— Если бы можно было всю жизнь так кататься! — выпалила Джейн, подсаживая Барби в коляску.

Мэри Поппинс посмотрела на ребят. И этот взгляд был неожиданно добрым и ласковым. Может быть, так только казалось в сумерках?

— Все хорошее когда-нибудь кончается, — сказала она. Сказала второй раз за этот день.

Потом она глянула на карусель и тряхнула головой.

— Теперь моя очередь! — весело сказала она и, нагнувшись к коляске, что-то достала оттуда.

— Майкл! — сказала она, выпрямляясь, и легко коснулась рукой его щеки. — Будь хорошим мальчиком!

Он в недоумении поглядел на нее. В чем дело?

— Джейн! Позаботься о Майкле и Близнецах! — сказала Мэри Поппинс. И, взяв руку Джейн, она нежно опустила ее на ручку коляски.

— Занимайте места! Занимайте места! — крикнул Карусельщик.

На карусели загорелись огни.

Мэри Поппинс повернулась.

— Иду! — крикнула она и, махнув зонтиком, решительно шагнула к карусели.

— Мэри Поппинс! — закричала Джейн дрожащим голосом. Ей вдруг стало страшно, она сама не знала почему.

— Мэри Поппинс! — крикнул и Майкл, заразившись ее страхом.

Но Мэри Поппинс даже не повернула головы.

Ловко вскочив на платформу, она подошла к серой в яблоках лошади, по имени Карамель, и уверенно уселась верхом.

— В один конец или обратный? — спросил Карусельщик.

На момент она, казалось, задумалась. Она взглянула на ребят и снова на Карусельщика.

— Трудно сказать заранее, — в раздумье произнесла она. — А вдруг понадобится... Давайте обратный!

Карусельщик пробил щипцами дырочку в зеленом билете и подал его Мэри Поппинс.

Джейн и Майкл заметили, что он не взял с нее денег.

И тут музыка послышалась снова. Сперва тихая и нежная, она нарастала, звучала все громче, яростнее, победнее. И раскрашенные лошади тронулись. И побежали по кругу.

Ребята не сводили глаз с Мэри Поппинс. Сидя в седле очень прямо, она проносилась мимо них, глядя вперед. Зонтик с головой попугая был зажат у нее под мышкой. Руки в перчатках крепко сжимали медную стойку. А перед ней, на холке лошади...

— Майкл! — крикнула Джейн, стиснув его руку. — Видишь? Она, наверно, спрятала ее в коляске! Ковровая сумка!

Майкл вздрогнул.

— Ты думаешь?

Джейн кивнула.

— Да ведь медальон-то на ней! Я сам видел! Цепочка цела!

Близнецы захныкали, но ни Джейн, ни Майкл не обратили на них внимания. Они напряженно следили глазами за каруселью. А карусель уже вертелась полным ходом. Уже нельзя было различить лошадей, стоек — все слилось в один блестящий, сверкающий круг. Только темный силуэт, чинно и уверенно сидевший на сером в яблоках коне, то приближался к ним, то снова уносился в вихре света и блеска.

И вот музыка зазвучала еще яростней, темный силуэт снова появился перед ними, и что-то блестящее отделилось от него, полетело прямо к ребятам и упало у самых их ног.

Они бросились поднимать.

Джейн успела первая.

Это был медальон на лопнувшей золотой цепочке...

— Значит, так и есть! — захлебнулся Майкл. — Это он! Открой его, Джейн!

Дрожащими пальцами Джейн нажала на кнопку, и крышка отскочила. В мерцающем свете карусельных огней они увидели

свои собственные изображения. Да, они были там — все пятеро. И, окруженное ребячьими мордочками, глядело на них знакомое лицо с острыми синими глазами, румяными щеками, вздернутым носом и волосами, черными и блестящими, как у деревянной куклы.

Джейн, Майкл, Джон, Барби и Аннабел Бэнкс

и

Мэри Поппинс

было написано внизу.

— Так вот что там было! — жалобно сказал Майкл.

Джейн закрыла медальон и положила его в карман. Оба знали, что надежды больше нет...

Они обернулись к карусели.

И вовремя.

Потому что в этот самый миг музыка грянула еще громче, запели трубы, и карусель, не переставая бешено вертеться, оторвалась от земли.

Все выше и выше поднималась она, разноцветные кони неслись по кругу, и отсвет ее огней позолотил листву на верхушках деревьев.

— Она улетает! — сказал Майкл.

— Мэри Поппинс, вернитесь! О, вернитесь! — кричали ребята, протягивая к ней руки.

Но ответа не было.

Карусель уже поднялась выше самых высоких деревьев и, вращаясь, ввинчивалась в небо.

Вот уже силуэт Мэри Поппинс стал чуть заметной темной точкой на фоне яркого круга света...

Вот уже и сама карусель, все уменьшаясь и уменьшаясь, казалась только яркой звездочкой на вечернем небе, чуть побольше остальных звезд.

Майкл шмыгнул носом и полез в карман за платком.

— Шея заболела, — пояснил он. Но, как только Джейн отвернулась, он поспешно вытер глаза.

Джейн, вздохнув, в последний раз взглянула на карусель. И повернулась к остальным.

— Пора идти домой, — сказала она тоном старшей.

— Заходите, прокатитесь! Только три пенса!

Сторож, который все это время подбирал мусор, вернулся. Он посмотрел туда, где была карусель, и остолбенел. Не осталось ни следа. Ни примятой травинки...

Он стал озиаться. Раскрыл рот. Посмотрел вверх, и глаза у него вылезли на лоб.

— Эй, вы! — закричал он, грозя кулаком в небо. — Так

нельзя! Это против правил! Я на вас в суд подам! Сейчас была — и сейчас нету! — голосил он, размахивая руками. — Никогда таких вещей не видал! Даже когда был мальчиком! Я рапорт напишу! Доложу Лорд-мэру!

Ребята медленно брели домой.

— Она взяла обратный билет, — сказал Майкл. — Как ты думаешь — она, значит, вернется!

Джейн подумала.

— Может быть, если мы будем очень скучать, вернется, — сказала она задумчиво.

— Да, может быть, — повторил Майкл, слегка вздохнув. — Может быть.

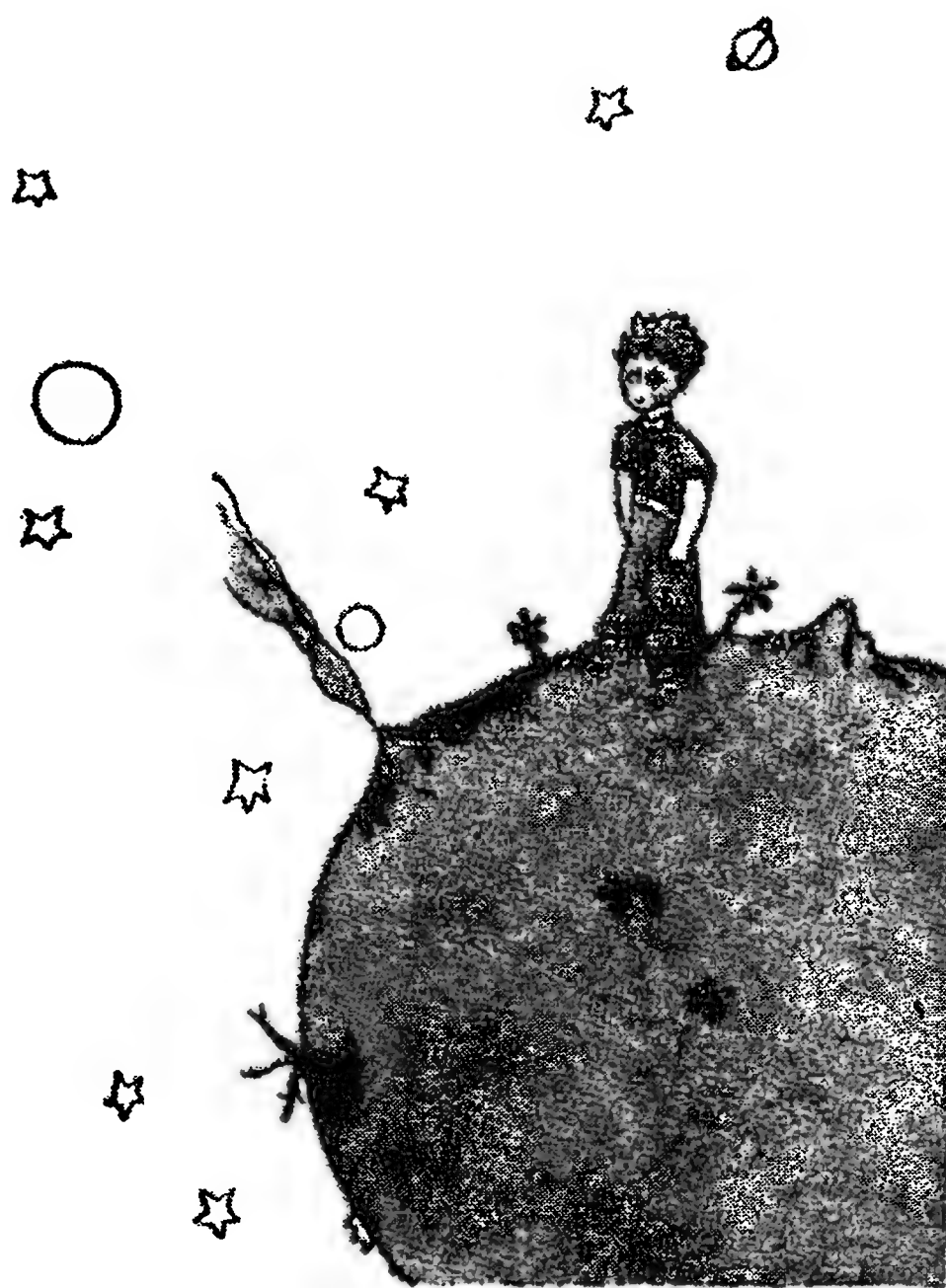
И до самого дома оба не произнесли больше ни слова.

АНТУАН
де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

*М*АЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

*Сказка
С рисунками автора*

Antoine de Saint-Exupéry
LE PETIT PRINCE

Перевод с французского
Н о р ы Г а л ь

*Прошу детей простить меня за то,
что я посвятил эту книжку взрослому.
Скажу в оправдание: этот взрослый —
мой самый лучший друг.*

*И еще: он понимает все на свете,
даже детские книжки.*

*И наконец, он живет во Франции,
а там сейчас голодно и холодно.*

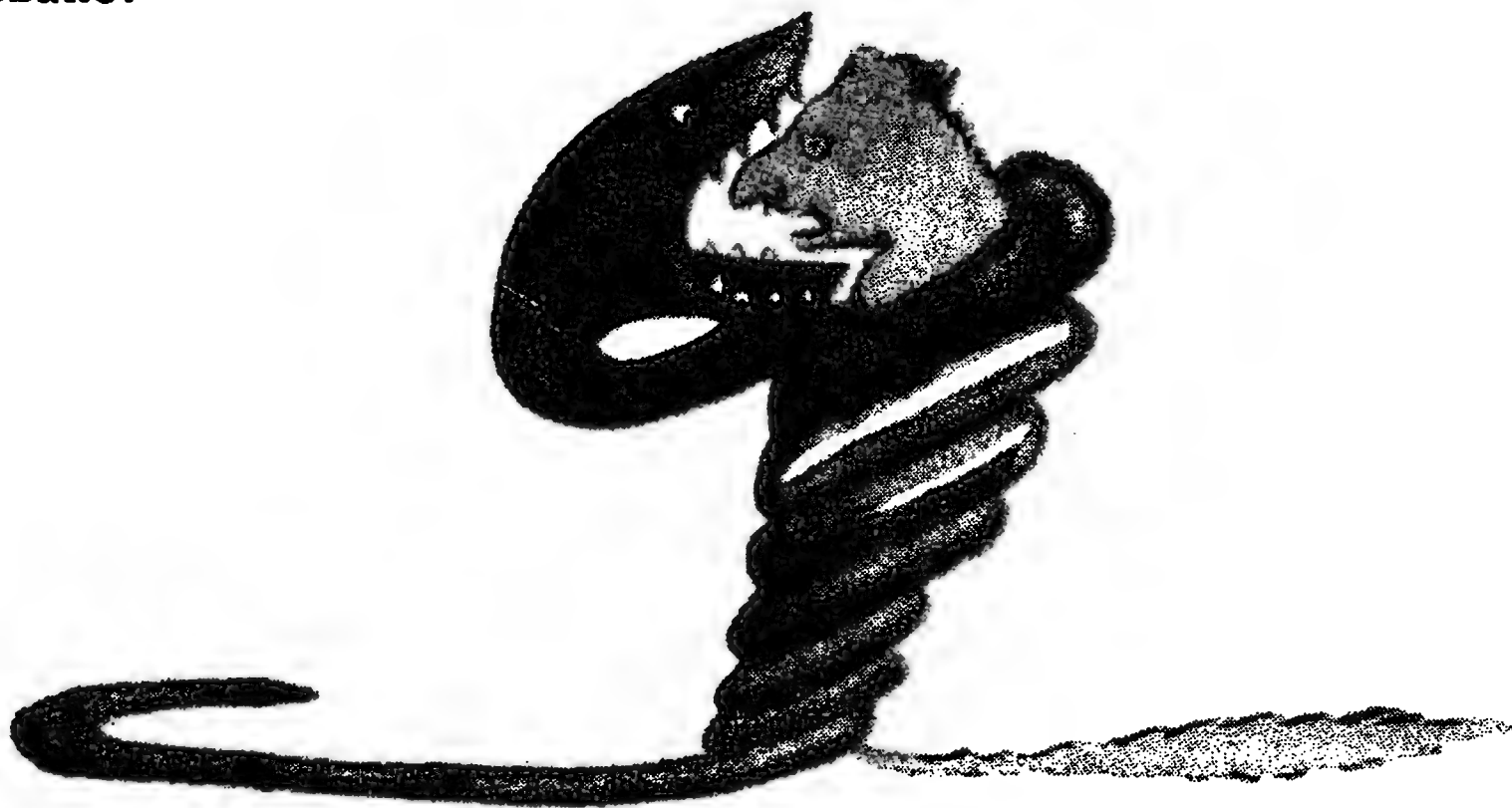
И он очень нуждается в утешении.

*Если же все это меня не оправдывает,
я посвящу свою книжку тому мальчику,
каким был когда-то мой взрослый друг.
Ведь все взрослые сначала были детьми,
только мало кто из них об этом помнит.
Итак, я исправляю посвящение:*

*ЛЕОНУ ВЕРТУ,
когда он был маленьким*

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

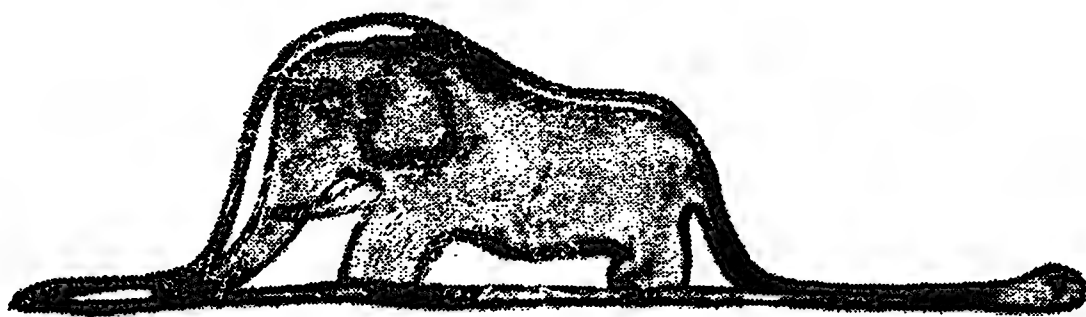
Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я учился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок.

Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок.

Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Начал осматриваться. И вижу — стоит необыкновенный какой-то малыш и серьезно меня разглядывает.

Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые внушили мне, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать.

Он ответил:

— Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать, — удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

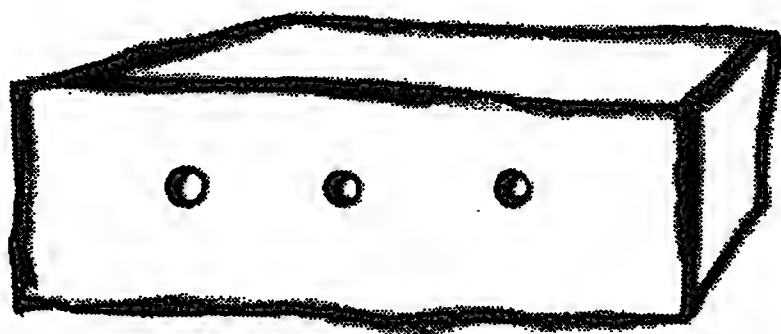
Я опять нарисовал по-другому.

Но он и от этого рисунка отказался:

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь надо было поскорей разобрать мотор — и нацарапал вот что:

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нем сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чем-нибудь, он будто и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает. И я с гордостью объяснил, что умею летать. Тогда малыш воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да,— скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая самолет:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше.

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик, барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдет?

— Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

— Это ничего, ведь у меня там очень мало места.— И прибавил не без грусти: — Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

IV

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, сущест-

вуют еще сотни других, которым даже имен не дали, и среди них такие маленькие, что их и в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например, астероид 3251.

У меня есть веские основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется астероид Б-612. Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида Б-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде — и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде Б-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: «Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби», они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: «Я видел дом за сто тысяч франков», — и тогда они восклицают: «Какая красота!»

Точно так же, если им сказать: «Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал — он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот, уж конечно, существует», — если сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя, как на несмысленного младенца. Но если сказать им: «Он прилетел с планеты, которая называется астероид Б-612», — это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть, как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

«Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...» Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу увидели бы, что все это гораздо больше похоже на правду.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книгу читали просто ради забавы. Слишком больно вспоминать и нелегко мне об этом рассказывать. Вот уже шесть лет, как мой друг вместе с барашком меня покинул. И я пытаюсь рассказать о нем для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого был друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Еще и поэтому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто — в моем возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал, что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я постараюсь передать сходство как можно лучше. Но я совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом тоже: на одном рисунке принц у меня вышел чересчур большой, на другом — чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я пробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам. Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

— Скажи, ведь правда, барашки едят кусты?

— Да, правда.

— Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

— Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы — не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

— Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

— Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

— Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

— А как же! — воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут дело.

На планете Маленького принца, как и на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый, безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронижет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

— Есть такое твердое правило, — сказал мне после Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

— Если им когда-нибудь придется путешествовать, — сказал он, — это им пригодится. Иная работа может и подождать немного, вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика...

Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика, — вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. «Дети! — говорю я. — Берегитесь баобабов!» Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите, отчего в этой книге нет больше таких внушительных рисунков,

как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

VI

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение — ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

— Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.

— Ну, придется подождать.

— Чего ждать?

— Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

— Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планетке тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты опять и опять смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

— Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

— Знаешь... когда станет очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

— Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест все, что попадется.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело одну гайку, и я старался ее отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливая гайка выводила меня из терпенья, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают, если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: если эта гайка и сейчас не поддастся, я так стукну по ней молотком, что она разлетится вдребезги. Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Все ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не

серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек вдруг в одно прекрасное утро возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом снова заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, — это довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек его съест, это все равно как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Я и думать забыл про злополучную гайку и молоток, про жажду и смерть. На звезде, на планете — на моей планете по имени Земля — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я не знал, что еще ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня? Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез...

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот однажды утром, едва вошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — тихо заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я пришла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват.

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я ее слушал, — доверчиво сказал он мне однаж-

ды.— Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — это все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в то утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть колпаком, ему даже захотелось плакать.

— Прощайте,— сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте,— повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая,— сказала она наконец.— Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя,— услышал он.— Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи!

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Х

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горноста́й, он восседал на троне, очень простом и все же величественном.

— А, вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди — подданные.

— Подойди, я хочу тебя рассмотреть, — сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.

Маленький принц оглянулся — нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горноста́евая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... И вдруг он зевнул.

— Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, — сказал король. — Я запрещаю тебе зевать.

— Я нечаянно, — ответил Маленький принц, очень смущенный. — Я долго был в пути и совсем не спал...

— Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, — сказал король. — Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

— Но я робею... я больше не могу... — вымолвил Маленький принц и весь покраснел.

— Гм, гм... Тогда... Тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился. Ведь для короля самое важное — чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

«Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, — говаривал он, — и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

— Можно мне сесть? — робко спросил Маленький принц.

— Повелеваю: сядь! — отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Где же тут царствовать?

— Ваше величество, — начал он, — можно вас спросить...

— Повелеваю: спрашивай! — поспешно сказал король.

— Ваше величество... где же ваше королевство?

— Везде, — просто ответил король.

— Везде?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды.

— И все это ваше? — переспросил Маленький принц.

— Да, — отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

— И звезды вам повинуются? — спросил Маленький принц.

— Ну конечно, — отвечал король. — Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.

Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и, набравшись храбрости, попросил короля:

— Мне хотелось бы поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

— Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват — он или я?

— Вы, ваше величество, — ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

— Совершенно верно, — подтвердил король. — С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть прежде всего должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

— А как же заход солнца? — напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

— Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

— А когда условия будут благоприятные? — осведомился Маленький принц.

— Гм, гм, — ответил король, листая толстый календарь. — Это будет... гм, гм... сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему уже стало скучновато.

— Мне пора, — сказал он королю. — Больше мне здесь нечего делать.

— Остайся! — сказал король: он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. — Остайся, я назначу тебя министром.

— Министром чего?

— Ну... юстиции.

— Но ведь здесь некого судить!

— Как знать, — возразил король. — Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

— Но я уже посмотрел! — воскликнул он. — Там тоже никого нет.

— Тогда суди сам себя, — сказал король. — Это самое трудное. Себя судить куда трудней, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

— Сам себя я могу судить где угодно, — сказал Маленький принц. — Для этого мне незачем оставаться у вас.

— Гм, гм... — сказал король. — Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу, она ведь у нас одна.

— Не люблю я выносить смертные приговоры, — сказал Маленький принц. — И вообще мне пора.

— Нет, не пора, — возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

— Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись,— сказал он,— вы могли бы отдать благоразумное приказание. Например, вы могли бы повелеть мне пуститься в путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные.

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

— Назначаю тебя послом! — поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

«Станный народ эти взрослые»,— сказал себе Маленький принц, продолжая путь.

XI

На второй планете жил честолюбец.

— О, вот и почитатель явился! — воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславные люди воображают, что все ими восхищаются.

— Добрый день,— сказал Маленький принц.— Какая у вас забавная шляпа!

— Это чтобы раскланиваться,— объяснил честолюбец.— Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

— Вот как? — промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

— Похлопай-ка в ладоши,— сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец приподнял шляпу и скромно раскланялся.

«Здесь веселее, чем у старого короля»,— подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

— А что надо сделать, чтобы шляпа упала? — спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

— Ты и в самом деле мой восторженный почитатель? — спросил он Маленького принца.

— А как это — почитать?

— Почитать — значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

— Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

— Ну, доставь мне удовольствие, все равно восхищайся мною!

— Я восхищаюсь,— сказал Маленький принц, слегка пожав плечами,— но какая тебе от этого радость?

И он сбежал от честолюбца.

«Право же, взрослые — очень странные люди», — только и подумал он, пускаясь в путь.

XII

На следующей планете жил пьяница. Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого очень невесело.

Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел и смотрел на выстроившиеся перед ним полчища бутылок — пустых и полных.

— Что это ты делаешь? — спросил Маленький принц.

— Пью,— мрачно ответил пьяница.

— Зачем?

— Чтобы забыть.

— О чем забыть? — спросил Маленький принц, ему стало жаль пьяницу.

— Хочу забыть, что мне совестно,— признался пьяница и повесил голову.

— Отчего же тебе совестно? — спросил Маленький принц, ему очень хотелось помочь бедняге.

— Совестно пить! — объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

И Маленький принц отправился дальше, растерянный и недоумевающий.

«Да, право же, взрослые — очень, очень странный народ», — думал он, продолжая путь.

XIII

Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

— Добрый день,— сказал ему Маленький принц.— Ваша сигарета погасла.

— Три да два — пять. Пять да семь — двенадцать. Двенадцать да три — пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь — двадцать два. Двадцать два да шесть — двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять — тридцать

один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

— Пятьсот миллионов чего?

— А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять — семь...

— Пятьсот миллионов чего? — повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не отступался, пока не получал ответа.

Деловой человек поднял голову.

— Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за все время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

— Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

— Пятьсот миллионов этих маленьких штучек, которые иногда видны в воздухе.

— Это что же, мухи?

— Да нет же, такие маленькие, блестящие.

— Пчелы?

— Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.

— А, звезды?

— Вот-вот. Звезды.

— Пятьсот миллионов звезд? Что же ты с ними со всеми делаешь?

— Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.

— Что же ты делаешь со всеми этими звездами?

— Что делаю?

— Да.

— Ничего не делаю. Я ими владею.

— Владеешь звездами?

— Да.

— Но я уже видел короля, который...

— Короли ничем не владеют. Они только царствуют. Это совсем не одно и то же.

— А для чего тебе владеть звездами?

— Чтоб быть богатым.

— А для чего быть богатым?

— Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.

«Он рассуждает почти как тот пьяница», — подумал Маленький принц. И стал спрашивать дальше:

— А как можно владеть звездами?

— Звезды чьи? — ворчливо спросил делец.

— Не знаю. Ничьи.

— Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

— И этого довольно?

— Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, — значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

— Вот это верно, — сказал Маленький принц. — И что же ты с ними делаешь?

— Распоряжаюсь ими, — ответил делец. — Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

— Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, — сказал он. — Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

— Нет, но я могу положить их в банк.

— Как это?

— А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.

— И все?

— Этого довольно.

«Забавно! — подумал Маленький принц. — И даже поэтично. Но не так уж это серьезно».

Что серьезно, а что не серьезно — это Маленький принц понимал по-своему, совсем не так, как взрослые.

— У меня есть цветок, — сказал он, — и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

«Нет, взрослые и правда поразительный народ», — просто-душно говорил он себе, продолжая путь.

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось, что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

— Добрый день, — сказал он. — Почему ты сейчас погасил фонарь?

— Такой уговор, — ответил фонарщик. — Добрый день.

— А что это за уговор?

— Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

— Зачем же ты опять его зажег?

— Такой уговор, — повторил фонарщик.

— Не понимаю, — признался Маленький принц.

— И понимать нечего, — сказал фонарщик. — Уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал:

— Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался еще день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

— А потом уговор переменялся?

— Уговор не менялся, — сказал фонарщик. — В том-то и беда! Моя планета год от года вращается все быстрее, а уговор остается прежний.

— И как же теперь? — спросил Маленький принц.

— Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

— Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

— Ничего тут нет забавного, — возразил фонарщик. — Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

— Целый месяц?!

— Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат. И ему захотелось помочь другу.

— Послушай,— сказал он фонарщику.— Я знаю средство: ты можешь отдыхать, когда только захочешь...

— Мне все время хочется отдыхать,— сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и все-таки ленивым.

— Твоя планетка такая крохотная,— продолжал Маленький принц,— ты можешь обойти ее в три шага. И просто нужно идти с такой скоростью, чтобы все время оставаться на солнце. Когда тебе захочется отдохнуть, ты просто все иди, иди... и день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

— Ну, от этого мне мало толку,— сказал фонарщик.— Больше всего на свете я люблю спать.

— Тогда плохо твое дело,— посочувствовал Маленький принц.

— Плохо мое дело,— подтвердил фонарщик.— Добрый день.

И погасил фонарь.

«Вот человек,— сказал себе Маленький принц, продолжая путь,— вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолобец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот бы с кем подружиться,— подумал он еще.— Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...»

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!

XV

Шестая планетка была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстенные книги.

— Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! — воскликнул он, заметив Маленького принца.

Маленький принц сел на стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!

— Откуда ты? — спросил старик.

— Что это за огромная книга? — спросил Маленький принц. — Что вы здесь делаете?

— Я географ, — ответил старик.

— А что такое географ?

— Это ученый, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

— Как интересно! — сказал Маленький принц. — Вот это настоящее дело!

И он окинул взглядом планету географа. Никогда еще он не видал такой величественной планеты.

— Ваша планета очень красивая, — сказал он. — А океаны у вас есть?

— Этого я не знаю, — сказал географ.

— О-о... — разочарованно протянул Маленький принц. — А горы есть?

— Не знаю, — сказал географ.

— А города, реки, пустыни?

— И этого я тоже не знаю.

— Но ведь вы географ!

— Вот именно, — сказал старик. — Я географ, а не путешественник. Мне ужасно не хватает путешественников. Ведь не географы ведут счет городам, рекам, горам, морям, океанам и пустыням. Географ — слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

— А зачем?

— Да ведь если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпивает лишнее — тоже беда.

— А почему?

— Потому что у пьяниц двойится в глазах. И там, где на самом деле одна гора, географ отметит две.

— Я знал одного человека... Из него вышел бы плохой путешественник, — сказал Маленький принц.

— Очень возможно. Так вот, если окажется, что путешественник — человек порядочный, тогда проверяют его открытие.

— Как проверяют? Идут и смотрят?

— Ну нет. Это слишком сложно. Просто требуют, чтобы путешественник представил доказательства. Например, если он открыл большую гору, пускай принесет с нее большие камни.

Географ вдруг пришел в волнение:

— Но ты ведь и сам путешественник! Ты явился издалека! Расскажи мне о своей планете!

И географ раскрыл толстенную книгу и очинил карандаш. Рассказы путешественников сначала записывают карандашом. И только после того как путешественник представит доказательства, можно записать его рассказ чернилами.

— Слушаю тебя,— сказал географ.

— Ну, у меня там не так уж интересно,— промолвил Маленький принц.— У меня все очень маленькое. Есть три вулкана. Два действуют, а один давно потух. Но мало ли что может случиться...

— Да, все может случиться,— подтвердил географ.

— Потом, у меня есть цветок.

— Цветы мы не отмечаем,— сказал географ.

— Почему?! Это ведь самое красивое!

— Потому, что цветы эфемерны.

— Как это — эфемерны?

— Книжки по географии — самые драгоценные книжки на свете,— объяснил географ.— Они никогда не устаревают. Ведь это очень редкий случай, чтобы гора сдвинулась с места. Или чтобы океан пересох. Мы пишем о вещах вечных и неизменных.

— Но потухший вулкан может проснуться,— прервал Маленький принц.— А что такое «эфемерный»?

— Потух вулкан или действует — это для нас, географов, не имеет значения,— сказал географ.— Важно одно: гора. Она не меняется.

— А что такое «эфемерный»? — спросил Маленький принц, ведь, раз задав вопрос, он не отступался, пока не получал ответа.

— Это значит: тот, что должен скоро исчезнуть.

— И мой цветок должен скоро исчезнуть?

— Разумеется.

«Моя краса и радость недолговечна,— сказал себе Маленький принц,— и ей нечем защищаться от мира, у нее только и есть что четыре шипа. А я бросил ее, и она осталась на моей планете совсем одна!»

Это впервые он пожалел о покинутом цветке. Но мужество тотчас вернулось к нему.

— Куда вы посоветуете мне отправиться? — спросил он географа.

— Посети планету Земля,— отвечал географ.— У нее неплохая репутация...

И Маленький принц пустился в путь, но мысли его были о покинутом цветке.

XVI

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля.

Земля — планета не простая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев — итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков — четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек.

Если поглядеть со стороны, это было великолепное зрелище. Движения этой армии подчинялись точнейшему ритму, совсем как в балете.

Первыми выступали фонарщики Новой Зеландии и Австралии. Засветив свои огни, они отправлялись спать. За ними наступал черед фонарщиков Китая. Исполнив свой танец, они тоже скрывались за кулисами. Потом приходил черед фонарщиков в России и в Индии. Потом — в Африке и в Европе. Затем в Южной Америке. Затем в Северной Америке. И никогда они не ошибались, никто не выходил на сцену не вовремя. Да, это было блистательно.

Только тому фонарщику, что должен был зажигать единственный фонарь на Северном полюсе, да еще его собрату на Южном полюсе — только этим двоим жилось легко и беззаботно: им приходилось заниматься своим делом всего два раза в год.

XVII

Когда очень хочешь сострить, иной раз поневоле приврешь. Рассказывая о фонарщиках, я несколько погрешил против истины. Боюсь, что у тех, кто не знает нашей планеты, сложится о ней неверное представление. Люди занимают на Земле не так уж много места. Если бы два миллиарда ее жителей сошлись и стали сплошной толпой, как на митинге, все они без труда уместились бы на пространстве размером двадцать миль в длину и двадцать в ширину. Все человечество можно было бы составить плечом к плечу на самом маленьком островке в Тихом океане.

Взрослые вам, конечно, не поверят. Они воображают, что занимают очень много места. Они кажутся сами себе величественными, как баобабы. А вы посоветуйте им сделать точный расчет. Им это понравится, они ведь обожают цифры. Вы же не трать-

те время на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите.

Итак, попав на Землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-нибудь другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

— Добрый вечер,— сказал на всякий случай Маленький принц.

— Добрый вечер,— ответила змея.

— На какую планету я попал?

— На Землю,— сказала змея.— В Африку.

— Вот как. А разве на Земле нет людей?

— Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

— Хотел бы я знать, зачем звезды светятся,— задумчиво сказал он.— Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою. Смотри, вон моя планета — как раз над нами... Но как до нее далеко!

— Красивая планета,— сказала змея.— А что ты будешь делать здесь, на Земле?

— Я поссорился со своим цветком,— признался Маленький принц.

— А, вот оно что...

И оба умолкли.

— А где же люди? — вновь заговорил наконец Маленький принц.— В пустыне все-таки одиноко...

— Среди людей тоже одиноко,— заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на нее.

— Странное ты существо,— сказал он.— Не толще пальца...

— Но могущества у меня больше, чем в пальце короля,— возразила змея.

Маленький принц улыбнулся:

— Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

— Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль,— сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

— Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел,— сказала она.— Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

— Мне жаль тебя,— продолжала змея.— Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день, когда ты горько

пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

— Я прекрасно понял,— сказал Маленький принц.— Но почему ты все время говоришь загадками?

— Я решаю все загадки,— сказала змея.

И оба умолкли.

XVIII

Маленький принц пересек пустыню и никого не встретил. За все время ему попался только один цветок — крохотный, невзрачный цветок с трех лепестках...

— Здравствуй,— сказал Маленький принц.

— Здравствуй,— отвечал цветок.

— А где люди? — вежливо спросил Маленький принц.

Цветок видел однажды, как мимо шел караван.

— Люди? Ах да... Их всего-то, кажется, шесть или семь. Я видел их много лет назад. Но где их искать — неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней, это очень неудобно.

— Прощай,— сказал Маленький принц.

— Прощай,— сказал цветок.

XIX

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видал гор, кроме своих трех вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: «С такой высокой горы я сразу увижу всю планету и всех людей». Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

— Добрый день,— сказал он на всякий случай.

«Добрый день... день... день...» — откликнулось эхо.

— Кто вы? — спросил Маленький принц.

«Кто вы... кто вы... кто вы...» — откликнулось эхо.

— Будем друзьями, я совсем один,— сказал он.

«Один... один... один...» — откликнулось эхо.

«Какая странная планета! — подумал Маленький принц.— Совсем сухая, вся в иглах и соленая. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым».

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и наконец набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день,— сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

— Добрый день,— отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, пораженный.

— Мы — розы,— отвечали розы.

— Вот как...— промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! — подумал Маленький принц.— Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, ведь иначе она и вправду умерла бы, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было, что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух, и, может быть, навсегда... Какой же я после этого принц?..»

Он лег в траву и заплакал.

Вот тут-то и появился Лис.

— Здравствуй,— сказал он.

— Здравствуй,— вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

— Я здесь,— слышался голос.— Под яблоней...

— Кто ты? — спросил Маленький принц.— Какой ты красивый!

— Я — Лис,— сказал Лис.

— Поиграй со мной,— попросил Маленький принц.— Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть,— сказал Лис.— Я не приручен.

— Ах, извини,— сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

— А как это — приручить?

— Ты не здешний,— заметил Лис.— Что ты здесь ищешь?

— Людей ищу,— сказал Маленький принц.— А как это — приручить?

— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

— Нет,— сказал Маленький принц.— Я ищу друзей. А как это — приручить?

— Это давно забытое понятие,— объяснил Лис.— Оно означает: создать узы.

— Узы?

— Вот именно,— сказал Лис.— Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

— Я начинаю понимать,— сказал Маленький принц.— Есть одна роза... наверно, она меня приручила...

— Очень возможно,— согласился Лис.— На Земле чего только не бывает.

— Это было не на Земле,— сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

— На другой планете?

— Да.

— А на той планете есть охотники?

— Нет.

— Как интересно! А куры есть?

— Нет.

— Нет в мире совершенства! — вздохнул Лис.

Но потом он опять заговорил о том же:

— Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь точно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я люблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— Я бы рад,— отвечал Маленький принц,— но у меня так мало времени. Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь,— сказал Лис.— У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением,— ответил Лис.— Сперва сядь вон там, поодаль, на траву,— вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

— Лучше приходи всегда в один и тот же час,— попросил Лис.— Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливей. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды.

— А что такое обряды? — спросил Маленький принц.

— Это тоже нечто давно забытое,— объяснил Лис.— Нечто такое, от чего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час — на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день — четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого виноградника. А если бы охотники танцевали когда придется, все дни были бы одинаковы и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

— Я буду плакать о тебе,— вздохнул Лис.

— Ты сам виноват,— сказал Маленький принц.— Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно, ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

— Да, конечно,— сказал Лис.

— Но ты будешь плакать!

— Да, конечно.

— Значит, тебе от этого плохо.

— Нет,— возразил Лис,— мне хорошо. Вспомни, что́ я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

— Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза — единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

— Вы ничуть не похожи на мою розу,— сказал он им.— Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он — единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

— Вы красивые, но пустые,— продолжал Маленький принц.— Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она — моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

— Прощай...— сказал он.

— Прощай,— сказал Лис.— Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь,— повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей все свои дни.

— Потому что я отдавал ей все свои дни...— повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину,— сказал Лис,— но ты не забывай: ты всегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу...— повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

XXII

— Добрый день,— сказал Маленький принц.

— Добрый день,— отозвался стрелочник.

— Что ты делаешь? — спросил Маленький принц.

— Сортирую пассажиров,— отвечал стрелочник.— Отправляю их в поездах по тысяче человек зараз — один поезд направо, другой налево.

И скорый поезд, сверкая освещенными окнами, с громом промчался мимо, и будка стрелочника вся задрожала.

— Как они спешат! — удивился Маленький принц. — Чего они ищут?

— Даже сам машинист этого не знает, — сказал стрелочник.

И в другую сторону, сверкая огнями, с громом пронесся еще один скорый поезд.

— Они уже возвращаются? — спросил Маленький принц.

— Нет, это другие, — сказал стрелочник. — Это встречный.

— Им было нехорошо там, где они были прежде?

— Там хорошо, где нас нет, — сказал стрелочник.

И прогремел, сверкая, третий скорый поезд.

— Они хотят догнать тех, первых? — спросил Маленький принц.

— Ничего они не хотят, — сказал стрелочник. — Они спят в вагонах или просто сидят и зевают. Одни только дети прижимаются носами к окнам.

— Одни только дети знают, чего ищут, — промолвил Маленький принц. — Они отдают все свои дни тряпочной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и если ее у них отнимут, дети плачут...

— Их счастье, — сказал стрелочник.

XXIII

— Добрый день, — сказал Маленький принц.

— Добрый день, — ответил торговец.

Он торговал самоновейшими пилюлями, которые утоляют жажду. Проглотишь такую пилюлю — и потом целую неделю не хочется пить.

— Для чего ты их продаешь? — спросил Маленький принц.

— От них большая экономия времени, — ответил торговец. — По подсчетам специалистов, можно сэкономить пятьдесят три минуты в неделю.

— А что делать в эти пятьдесят три минуты?

— Да что хочешь.

«Будь у меня пятьдесят три минуты свободных, — подумал Маленький принц, — я бы просто-напросто пошел к роднику...»

XXIV

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

— Да, — сказал я Маленькому принцу, — все, что ты расска-

зывает, очень интересно, но я еще не починил свой самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

— Лис, с которым я подружился...

— Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

— Почему?

— Да потому, что придется умереть от жажды.

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

— Хорошо, если у тебя когда-то был друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

«Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча...»

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня и промолвил:

— Мне тоже хочется пить... Пойдем поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча. Наконец стемнело, и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне.

Мне вспомнились слова Маленького принца, и я спросил:

— Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

— Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его спрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно,— сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

— И пустыня красивая...— прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же тишина словно лучится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он.— Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен. Вдруг я понял, почему таинственно лучится песок. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

— Да,— сказал я.— Будь то дом, звезды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом,— отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось, я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже — ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, что он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить...

Так я шел... и на рассвете дошел до колодца.

XXV

— Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут,— сказал Маленький принц.— Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

Потом прибавил:

— И все напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец — просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но деревни тут нигде не было, и я подумал, что это сон.

— Как странно,— сказал я Маленькому принцу,— тут все приготовлено: и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

— Слышишь? — сказал Маленький принц.— Мы разбудили колодец, и он запел.

Я боялся, что он устанет.

— Я сам зачерпну воды,— сказал я,— тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней дрожали солнечные зайчики.

— Мне хочется глотнуть этой воды,— промолвил Маленький принц.— Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские подарки: сияньем свеч на елке, пением органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

— На твоей планете,— сказал Маленький принц,— люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

— Не находят,— согласился я.

— А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

— Да, конечно,— согласился я.

И Маленький принц сказал:

— Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

— Ты должен сдержать слово,— мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

— Какое слово?

— Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я вытащил из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся.

— Баобабы у тебя похожи на капусту...

А я-то гордился своими баобабами!

— А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные! И он опять засмеялся.

— Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать, разве только удавов снаружи и изнутри.

— Ну, ничего,— успокоил он меня.— Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

— Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

— Знаешь,— сказал он,— завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю...

И умолк. Потом прибавил:

— Я упал совсем близко отсюда...

И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Все-таки я спросил:

— Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от

человеческого жилья? Ты возвращался к месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

— Может быть, это потому, что исполняется год?

И опять он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит «да», не так ли?

— Неспокойно мне...— начал я.

Но он сказал:

— Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе... Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

XXVI

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос.

— Разве ты не помнишь? — говорил он. — Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

— Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

— Ну конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел.

После недолгого молчания Маленький принц спросил:

— А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

— Теперь уходи, — сказал Маленький принц. — Я хочу прыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты.

Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлическим звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя и подхватил моего Маленького принца. Он был белее снега.

— Что это тебе вздумалось, малыш! — воскликнул я. — Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Но не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

— Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

— Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

— И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

— Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно маленького ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, его затягивает бездна, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

И он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

— Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

— Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И снова меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня — точно родник в пустыне.

— Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

— Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

— Послушай, малыш, ведь все это — и змея, и свиданье со звездой — просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

— Самое главное — то, чего глазами не увидишь... — сказал он.

— Да, конечно...

— Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

— Да, конечно...

— Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки... Помнишь? Она была очень хорошая.

— Да, конечно...

— Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

— Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

— Вот это и есть мой подарок... это будет, как с водой...

— Как так?

— У каждого человека свои звезды. Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они — как задача, которую надо решить. Для моего дельца они — золото. Но для всех этих людей звезды — немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

— Как так?

— Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, — и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться.

И он сам засмеялся.

— И когда ты утетишься (в конце концов всегда утетишься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!» И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю...

И он опять засмеялся.

— Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

И он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

— Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

— Я тебя не оставляю.

— Тебе покажется, что мне больно... Покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

— Я тебя не оставляю.

Но он был чем-то озабочен.

— Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

— Я тебя не оставляю.

Он вдруг успокоился:

— Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В ту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно.

Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

— А, это ты...— сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

— Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

— Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

— Но это все равно что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

— Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиться...

Я молчал.

— Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня — пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал.

— Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

— Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть, что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира.

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

— Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновение он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал — медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И все же понемногу я утешился. То есть... не совсем. Но я

знаю: он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Не такое уж оно было тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: «Что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?»

Иногда я говорю себе: «Нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком...» Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: «Бываешь же порой рассеянным... тогда все может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю...» И тогда все бубенцы плачут...

Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем-совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в неизвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел незнакомую нам розу.

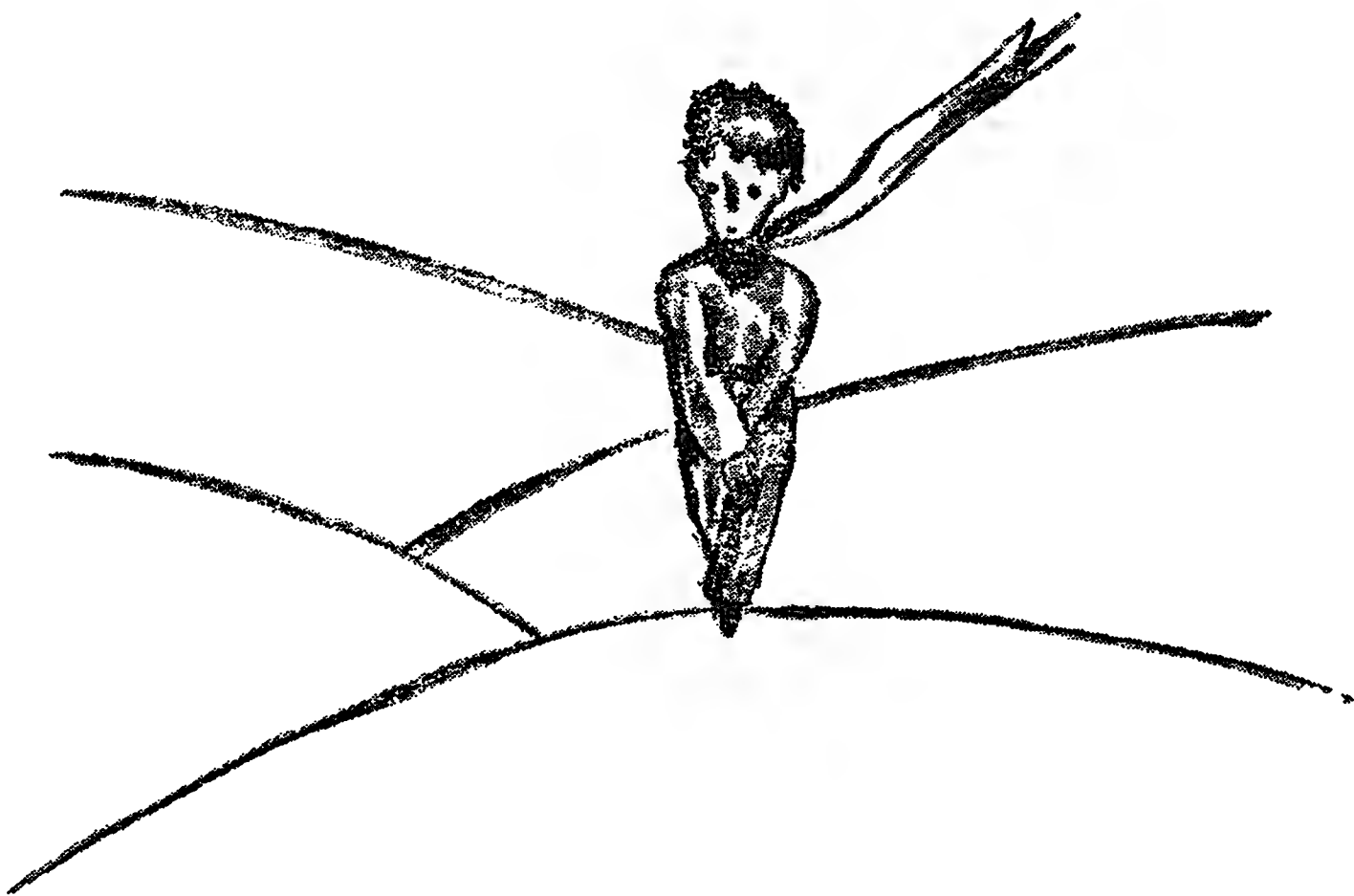
Взгляните на небо. И спросите себя: «Жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел?» И вы увидите: все станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклиная вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой. И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся.

У КОММЕНТАРИИ

А. ЛИНДГРЕН

ТРИ ПОВЕСТИ О МАЛЫШЕ И КАРЛСОНЕ

Первые повести Астрид Линдгрэн (род. в 1907 г.) были изданы в Швеции во второй половине 40-х годов и сразу же получили признание не только на родине писательницы, но и далеко за ее пределами. С тех пор большинство произведений Линдгрэн уже изданы более чем в двух десятках стран и переведены на множество языков, а сама писательница удостоена Международной премии Ганса-Христиана Андерсена.

Первые переводы произведений Линдгрэн появились в Советском Союзе в конце 50-х годов. За двадцать лет в СССР было 68 изданий ее книг общим тиражом 4365 тысяч экземпляров на русском и тринадцати других языках народов СССР. Это — «Пеппи Длинныйчулок», повести о Малыше и Карлсоне, «Расмус-бродяга», «Знаменитый сыщик Калле Блумквист», «Приключения Эмиля из Лёнеборги».

Юных читателей привлекает в книгах А. Линдгрэн не только сочетание в них фантастики и реальности, чудесного и обыденного, но прежде всего живой интерес писательницы к детским судьбам. Ключ к раскрытию корней гуманизма, подлинной доброты, любви к детям, свойственных повестям А. Линдгрэн, дают неоднократно признания писательницы о своем глубоком увлечении в юности творчеством Льва Толстого и том неизгладимом впечатлении, которое произвела на нее автобиографическая трилогия Максима Горького.

Самым большим успехом пользуются у советских ребят повести Линдгрэн о Малыше и Карлсоне. Первая из них, написанная в 1955 году — «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», — уже в 1957 году была опубликована на русском языке в переводе Л. Лунгиной. Затем многократно печатались «Две повести о Карлсоне» (первое издание в 1965 г.) и «Три повести о Карлсоне» (первое издание в 1973 г.).

Большим успехом в нашей стране пользуются инсценировки С. Прокофьевой «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», Т. А. Чеботаревской «Карл, который живет на крыше, принимает гостей», М. Микаэлян «Карлсон снова прилетел», уже много лет идущие на сценах театров Москвы, Ленинграда и других городов.

ДЖАННИ РОДАРИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

Имя итальянского писателя-коммуниста Джанни Родари (1920—1980) хорошо известно миллионам юных читателей во многих странах мира. Стихи, сказки Родари — «Приключения Чиполлино», «Голубая стрела», «Джельсомино в Стране Лжецов», «Сказки по телефону» и многие другие — с увлечением читают дети всех континентов. Весть о недавней ранней кончине писателя болью отозвалась в сердцах многочисленных почитателей его тонкого, веселого и доброго поэтического дара.

Наибольшую популярность и любовь читателей Джанни Родари завоевал в СССР. Начиная с 1953 г. до 1980 года, в нашей стране было 118 изданий его книг общим тиражом 11 518 тысяч экземпляров на русском и 22 других языках народов СССР.

Неоценимая роль в ознакомлении русских читателей с творчеством Родари принадлежит одному из корифеев советской детской литературы, замечательному поэту Самуилу Яковлевичу Маршаку. Именно он первым из советских поэтов обратил внимание на поэзию Родари и занялся ее переводами на русский язык. Первые подборки стихов Родари на русском языке были опубликованы Маршаком осенью 1952 года в «Литературной газете» и журнале «Новый мир». Интерес Маршака к Родари не прерывался и позже. До последних дней своей жизни он переводил стихи итальянского поэта: «Здравствуйте, дети!» (1953), «Чем пахнут ремесла?» (1954), «Поезд стихов» (1963), редактировал издания книг Родари в СССР («Приключения Чиполлино»), писал статьи о его творчестве, пропагандировал поэзию Родари.

В статье «Почему я перевел стихи Джанни Родари?» Маршак так характеризует творчество итальянского поэта: «Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джанни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя».

Подлинную народность поэзии Родари отмечали и другие советские писатели. Посетив Италию и познакомившись с Родари, Л. Кассиль и С. Михалков так отзывались об итальянском поэте и его таланте: «Джанни Родари — веселый, задумчивый поэт, который знает, чем пахнут ремесла и какой у них цвет, и умеет показать большой мир снизу так, как его видит чистильщик сапог, или сверху, каким он открывается рабочему на подъемном кране».

Джанни Родари очень высоко ценил свои творческие связи с советскими писателями и ту роль, которую переводы Маршака сыграли в ознакомлении русских читателей с его творчеством. Он писал:

«...В Советском Союзе мне повезло в том смысле, что моим переводчиком выступил мастер такого класса, как Самуил Маршак, благодаря которому мои «побасенки» получили вторую жизнь на русском языке».

Незадолго до смерти Родари написал книгу для взрослых «Грамматика

фантазии» — серьезное исследование о сказке, ее структуре, восприятии детьми сказочного материала. Во введении, предпосланном книге, Родари пишет, что «Советский Союз был первой страной, которая с такой щедрой теплотой отнеслась к моим сказкам и детским стихам, признав их даже раньше, чем Италия».

Связи Джанни Родари с нашей страной и литературой не ограничивались только одними переводами его стихов. Родари охотно встречался с советскими писателями и журналистами, выступал в нашей печати по актуальным вопросам общественной жизни и литературы. Каждый раз, приезжая в Советский Союз, Родари обязательно уделял время своим юным читателям. Одна из таких встреч состоялась зимой 1963 года в Московском Дворце пионеров. Джанни Родари тепло беседовал с собравшимися пионерами, интересовался их жизнью и учебой, расспрашивал о прочитанных книгах, делился собственными творческими планами. В журнале «Пионер» было опубликовано его приветствие советским ребятам: «Сердечный привет и самые добрые пожелания на целое столетие от вашего друга Джанни Родари». Самая известная на родине писателя и у нас в стране его сказочная повесть «Приключения Чиполлино».

Впервые на русском языке «Приключения Чиполлино» были опубликованы в 1955 году в переводе З. Потаповой, под редакцией С. Маршака и с тех пор переиздавались 13 раз общим тиражом 2140 тысяч экземпляров в сокращенном варианте для младшего возраста и полностью — для старших ребят. Всего в СССР эта книга вышла в свет 39 раз общим тиражом 2753 тысячи экземпляров на русском и еще на 18 других языках народов СССР.

Сюжет «Приключений Чиполлино» послужил основой для многих инсценировок и театральных постановок, с успехом идущих в детских театрах; по мотивам сказки были сняты мультфильмы, неоднократно создавались телевизионные и радиопередачи. С. Я. Маршак не оставил без внимания и сценическую жизнь произведений Родари. Так, в одном из последних изданий «Приключений Чиполлино» (М., «Детская литература», 1977) в конце книги напечатаны три песни, написанные С. Маршаком специально к радиопостановке сказки. Это песенки Чиполлино, синьора Помидора и сапожника.

П. ТРЭВЕРС

МЭРИ ПОППИНС

Книга современной английской писательницы Памелы Трэверс (род. в 1906 г.) «Мэри Поппинс» принадлежит к числу тех книг зарубежных авторов, которые сразу же после появления их первых переводов на русский язык завоевали любовь советских юных читателей.

Это объясняется не только занимательным сюжетом книги, причудливым сочетанием в ее содержании реального и сказочного, но тем, с каким мастерством писателю Борису Заходеру удалось сохранить в тексте русского издания образный язык подлинника, его чисто английскую юмористическую интонацию.

Первые отрывки из «Мэри Поппинс» в пересказе Б. Заходера были опубликованы в журнале «Пионер» в 1967 году. Уже на следующий год книга Трэверс была опубликована отдельным изданием и после этого вышла еще дважды (1972, 1976).

Все перечисленные русские издания представляют собой часть сочинения П. Трэверс, две из четырех написанных ею книг о Мэри Поппинс.

Фантастическая сказка П. Трэверс была издана в нашей стране на русском, азербайджанском, литовском и других языках народов СССР, а также и в оригинале, как книга для чтения изучающим английский язык.

Книга П. Трэверс, характер ее героини, чудеса, которые ей подвластны, настолько живо воспринимаются ребятами, что это обеспечило успех инсценировок повести, которые много лет уже ставятся в театрах Москвы и других городов СССР.

А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Имя замечательного французского писателя, летчика, борца против фашизма Антуана де Сент-Экзюпери (1900—1944) впервые появилось на страницах советской печати весной 1935 года, когда Сент-Экзюпери как корреспондент парижской газеты «Пари-Суар» был в Москве. В эти дни произошла катастрофа с агит-самолетом-гигантом «Максим Горький». На это печальное событие французский писатель откликнулся статьей в московской газете «Известия». Он писал: «Я летал на самолете «Максим Горький» незадолго до его гибели... я восхищался молодым экипажем и тем порывом, который был общим для всех этих людей... Глубоко потрясенный, я разделяю траур, в который погружена сегодня Москва. Я тоже потерял друзей, которых только что узнал, но которые уже казались мне бесконечно близкими».

В конце 50-х годов появились первые переводы художественных произведений Сент-Экзюпери на русский язык. Сочетание лиризма и философского раздумья, свойственное таланту Сент-Экзюпери, чувство ответственности перед людьми определили успех его произведений у советских читателей самых различных возрастов.

Произведения Сент-Экзюпери почти все переведены на русский язык. В нашей стране было 54 издания книг Сент-Экзюпери общим тиражом 5630 тысяч экземпляров на русском языке и 14 других языках народов СССР и 5 изданий на французском языке.

Высоко ценят личность писателя, героически сражавшегося с фашистами и погибшего во время боевого вылета, и в первую очередь его книги о летчиках («Ночной полет», «Планета людей», «Южный почтовый»), наши летчики-космонавты.

В своей книге «Дорога в космос» Юрий Гагарин писал о Сент-Экзюпери: «Он погиб как герой, не дожив трех недель до освобождения Франции. В его книге «Планета людей» было много поэзии и летной романтики, любви к людям».

Алексей Леонов назвал это произведение Сент-Экзюпери своей любимой книгой.

Г. С. Береговой написал предисловие к сборнику произведений Сент-Экзюпери «Планета людей», вышедшему в издательстве «Молодая гвардия» в 1970 году.

В серии «Жизнь замечательных людей» была дважды опубликована в переводе с французского языка художественная биография писателя (М. Мижо. Сент-Экзюпери. М., Молодая гвардия, 1963, 1965 гг.).

Особое место в творчестве А. Сент-Экзюпери занимает сказочная повесть «Маленький принц», написанная в 1942 году и вышедшая в свет в 1943 году. Это были годы второй мировой войны, писатель находился вдали от родины, оккупированной фашистами, участвовал в воздушных боях за ее освобождение. Сказку он посвятил своему другу, французскому литератору Леону Верту, вынужденному в тот период скрываться от фашистов.

«Маленький принц» — единственное произведение, написанное Сент-Экзюпери для детей, которое сразу позволило причислить его к числу лучших современных детских писателей. В то же время эта книга, адресованная детям, представляет интерес и для взрослого читателя. Внимательный читатель найдет в этой грустной, лирической и мудрой сказке не только автобиографические моменты, связывающие эпизоды из жизни автора с некоторыми сюжетными линиями «Маленького принца», но и веру в человеческую солидарность, проповедь дружбы, взаимного уважения, протест против властолюбия и бездушия.

Первое советское издание сказки в переводе Н. Галь на русский язык увидело свет в журнале «Москва» (1959, № 8). В этом же переводе «Маленький принц» публиковался в последующие годы много раз и отдельными книгами (М., «Правда», 1960; «Молодая гвардия», 1963; «Детская литература», 1967, 1977) и во многих сборниках произведений Сент-Экзюпери.

«Маленький принц» издан в СССР еще и на 13 языках других народов СССР общим тиражом 1075 тысяч экземпляров, было несколько советских изданий сказки и на французском языке.

В подавляющем большинстве издания «Маленького принца» даются в сопровождении иллюстраций, выполненных самим автором. Эти рисунки своей безыскусностью, пожалуй, наиболее точно воспроизводят поэтический строй и тончайшие смысловые оттенки сказки и, по существу, неотделимы от текста, воспринимаются с ним как одно целое.

По мотивам «Маленького принца» написаны пьесы и сценические композиции, с успехом идущие во многих драматических и кукольных театрах страны.

Личность Антуана де Сент-Экзюпери, его мужественный и своеобразный характер, его жизнь и героическая гибель вызвали живой творческий интерес советских писателей. Убедительное свидетельство тому пьесы В. Корыстелева «Десять минут надежды» и Л. Малюгина «Жизнь Сент-Экзюпери», посвященные ему стихи советских поэтов С. Щипачева, А. Озерова, В. Федорова, М. Чебышевой и других.

Ю. Кондратьева

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Э. Л у н г и н а. Живое чудо сказки 3

АСТРИД ЛИНДГРЕН

МАЛЫШ И КАРЛСОН

Сказочные повести

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ

Карлсон, который живет на крыше 21

Карлсон строит башню 27

Карлсон играет в палатку 33

Карлсон держит пари 40

Проделки Карлсона 50

Карлсон играет в привидения 60

Карлсон выступает с ученой собакой Альберг 69

Карлсон приходит на день рождения 78

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ, ОПЯТЬ ПРИЛЕТЕЛ

Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел 88

Дома у Карлсона 99

Карлсон шумит 104

Карлсон устраивает пир 112

Карлсон и телевизор 120

Звонок Карлсона 127

Малютка привидение из Вазастана 134

Карлсон не привидение, а просто Карлсон 140

Гордая юная девица улетает далеко-далеко! 149

Красивый, умный и в меру упитанный 156

Каждый имеет право быть Карлсоном	164
Карлсон вспоминает, что у него день рождения	175
Карлсон — первый ученик	186
Карлсон ночует у Малыша	193
Карлсон устраивает тарарам и блины	201
Карлсон — лучший в мире специалист по храпу	211
Карлсон — лучший в мире ночной проказник	219
Карлсон открывает дяде Юлиусу мир сказок	229
Самый богатый в мире Карлсон	238

ДЖАННИ РОДАРИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

Сказочная повесть

Глава первая, в которой Чиполлоне отдал ногу принцу Лимону .	247
Глава вторая. Как Чиполлино заставил кавалера Помидора заплакать в первый раз	251
Глава третья, в которой рассказывается о профессоре Груше, о Луке Порее и о Тысяченожках	258
Глава четвёртая о том, как Чипполино одурачил пса Мастино, которо- му очень хотелось пить	260
Глава пятая. Кум Черника вешает над дверью колокольчик для воров	263
Глава шестая, в которой рассказывается о том, как много хлопот и не- приятностей доставили графиням их родственники — барон Апельсин и герцог Мандарин	266
Глава седьмая, в которой Вишенка не обращает внимания на объявле- ния синьора Петрушки	271
Глава восьмая. Как прогнали из замка доктора Каштана	275
Глава девятая. Мышиный главнокомандующий вынужден дать сигнал к отступлению	278
Глава десятая. Путешествие Чиполлино и Крота из одной тюрьмы в другую	283
Глава одиннадцатая, из которой видно, что кавалер Помидор имеет обыкновение спать в чулках	290
Глава двенадцатая, в которой Лук Порей был награжден и наказан .	295
Глава тринадцатая о том, как синьор Горошек спас жизнь кавалеру, сам того не желая	299
Глава четырнадцатая, в которой рассказывается, как синьор Горошек взошёл на эшафот	301
Глава пятнадцатая, объясняющая предшествующую главу	302
Глава шестнадцатая. Приключения мистера Моркоу и собаки Держи- Хватай	305

Глава семнадцатая. Чиполлино заводит дружбу с очень симпатичным
Медведем 316

Глава восемнадцатая. Тюлень, у которого был слишком длинный
язык 320

Глава девятнадцатая. Путешествие в весёлом поезде 325

Глава двадцатая. Герцог Мандарин и жёлтая бутылка 328

Глава двадцать первая. Мистер Моркоу назначен иностранным воен-
ным советником 332

Глава двадцать вторая о том, как барон погубил двадцать генералов,
сам того не желая 337

Глава двадцать третья. Чиполлино знакомится с пауком-почтальоном 340

Глава двадцать четвёртая. Чиполлино теряет всякую надежду . . 344

Глава двадцать пятая. Приключения паука Хромонога и паука Семь
с половиной 346

Глава двадцать шестая, в которой рассказывается о Лимонишке, не
знавшем арифметики 351

Глава двадцать седьмая. Гонки с препятствиями 356

Глава двадцать восьмая. Синьор Помидор устанавливает налог на
погоду 358

Глава двадцать девятая. Гроза, которая никак не может кончиться . 363

Эпилог, в котором Помидор плачет второй раз 368

ПАМЕЛА ТРЭВЕРС

МЭРИ ПОППИНС

Сказочная повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Д о м № 17

Глава первая. Восточный ветер 377

Глава вторая. Смешинка 384

Глава третья. Мисс Ларк и её Эдуард 393

Глава четвёртая. Танцующая корова 400

Глава пятая. История Близнецов 407

Глава шестая. Миссис Корри 414

Глава седьмая. Полнолуние 425

Глава восьмая. Западный ветер 438

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мэри Поппинс возвращается

Глава первая. Змей 444

Глава вторая. Жаворонок мисс Эндрю 457

Глава третья. Тяжёлый день 471

Глава четвёртая. Кошка, которая смотрела на Короля 485

Глава пятая. Шарик шарiku рознь 501

Глава шестая. Мраморный мальчик 511

Глава седьмая. Карусель 525

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ 535

Сказка

С рисунками автора

Комментарии 579

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

(т о м 46)

Астрид Линдгрен

МАЛЫШ И КАРЛСОН

*

Джанни Родари

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧИПОЛЛИНО

*

Памела Трэверс

МЭРИ ПОППИНС

*

Антуан де Сент-Экзюпери

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

*

ИБ № 6055

Ответственный редактор

Н. С. Д р о з д о в а

Художественный редактор

В. А. Г о р я ч е в а

Технический редактор

Н. Г. М о х о в а

Корректоры

Е. А. С у к я с я н и Г. С. М у к о в о з о в а

Сдано в набор 16.07.82. Подписано к печати 29.03.83. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт академич. Печать высокая. Усл. печ. л. 38,13. Усл. кр.-отт. 41,88. Уч.-изд. л. 38,34 + 9 вкл.=38,96. Тираж 407 000 (1—200 000) экз. Заказ № 1285. Цена 2 руб. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Линдгрен А.

- Л59 Малыш и Карлсон. Родари Д. Приключения Чиполлино. Трэверс П. Мэри Поппинс. Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц: Сказочные повести/ Предисл. Л. З. Лунгиной; Коммент. Ю. Кондратьевой. Рис. и оформл. Б. А. Диодорова.— М.: Дет. лит., 1983.— 590 с., ил.— (Б-ка мировой лит-ры для детей, т. 46).

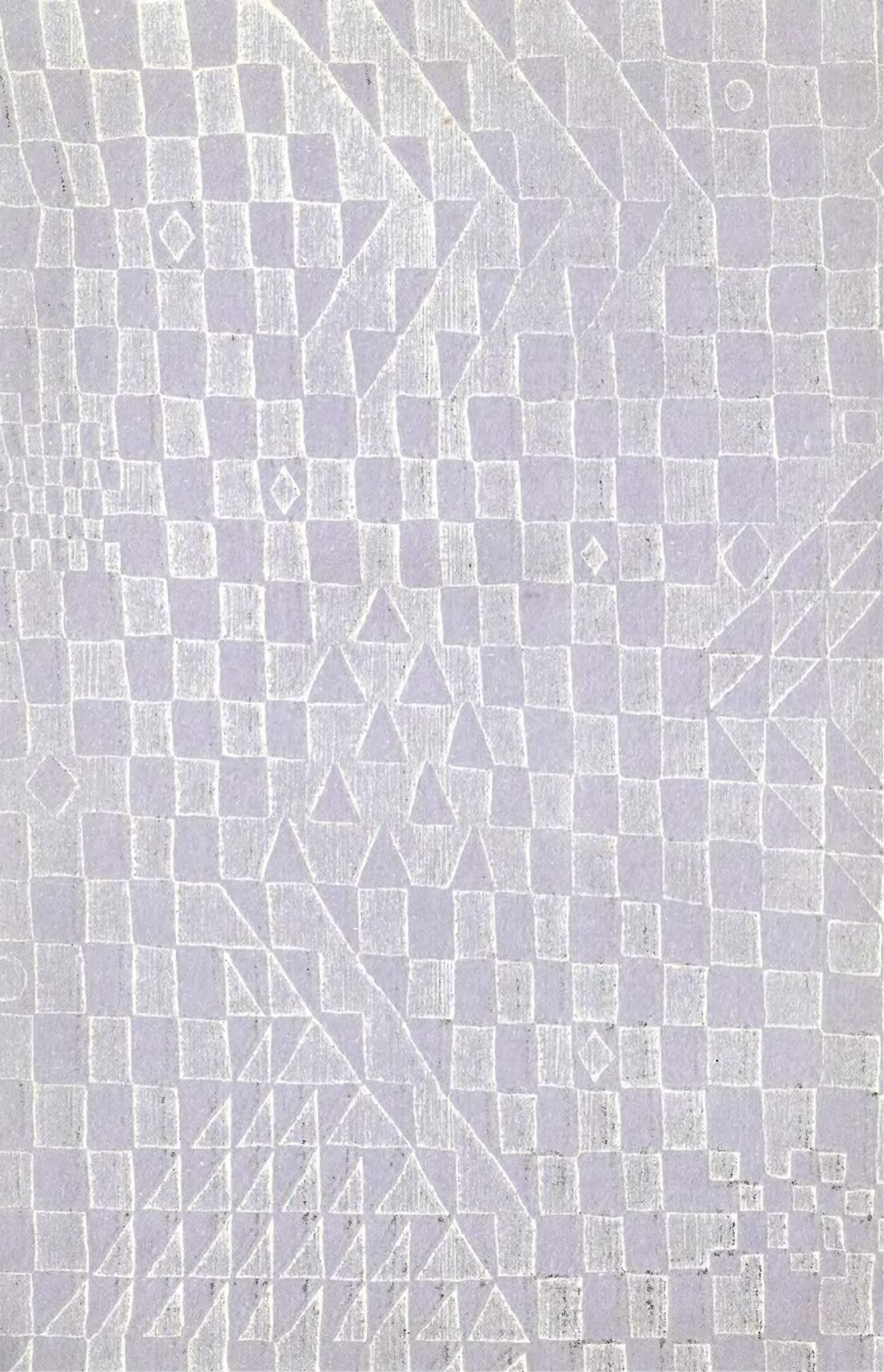
В пер.: 2 р.

В этот том Библиотеки мировой литературы для детей вошли известные детям всей земли сказочные повести лауреатов Международной премии имени Г. Х. Андерсена шведской писательницы Астрид Линдгрен, итальянского писателя Джанни Родари, английской писательницы Памелы Трэверс и сказка французского писателя, летчика Антуана де Сент-Экзюпери.

Л 4803020000—237
М101(03)83 Подп. изд.

СБ 3.

2руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»